РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ. 6 мая 1863 г.

МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ,

Байрона.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Манфредъ, графъ.
Горный охотникъ.
Аббатъ Св. Морица.
Мануэль } служители Манфреда.
Германъ }
Дѣва горъ
Немезида.
Духи.
Парки.

Дѣйствіе происходитъ въ Альпахъ: частію въ замкѣ Манфреда, частію въ горахъ.

Дѣйствіе I.

СЦЕНА I-я.

(Готическая галерея; полночь).

Манфредъ (*одинъ*)

Наполню лампу вновь, но не дождется
Она минуты той, когда засну я.
Мой сонъ не просто сонъ, не просто греза,
Но продолженье мысли безконечной,
Которая ничѣмъ не отразима.
Мой духъ не спитъ: глаза я закрываю,
Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ сердцѣ...
И я живу, какъ человѣкъ дышу я, —
Во мнѣ его подобіе и образъ!..

Страданіе! ты лучшій нашъ учитель;
Печаль для насъ — глубокая наука.
Кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть,
Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
И знаніе — ему не древо жизни.
Что̀ въ знаніи? Я былъ мудрецъ, философъ,
Я разгадалъ всѣ таинства природы,
Все необъятное обнялъ мой разумъ —
И все напрасно было. Въ этомъ мірѣ
Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
Добро нашелъ — но это все напрасно...
Встрѣчались мнѣ враги, — не побѣдили
Они меня, но раздавилъ я многихъ —
Напрасно все!.. Вокругъ добро и злоба,
Волненья, страсти, все, что сродно людямъ,
Съ минуты неизвѣстной мнѣ, ложилось
На грудь мою, какъ дождь въ пустынѣ мертвой.
Боязнь мнѣ незнакома. Нѣтъ проклятья
Ужаснѣе: не знать движеній страха,
Ласкъ нѣжности, не чувствовать желаній,
Или любви къ кому-нибудь хоть въ мірѣ.
Довольно ждать!
Таинственныя силы!
Вы, призраки незримые вселенной,
Которыхъ я искалъ во тьмѣ и свѣтѣ!
Изъ нѣдръ земли, изъ областей эфирныхъ,
Изъ омутовъ бездонныхъ океана,
Съ высокихъ горъ, заклятіемъ суровымъ
Я васъ зову! явитесь предо мною!

(*молчаніе*)

Васъ именемъ первѣйшаго надъ вами
Зову къ себѣ; васъ заклинаю знакомъ,
Который страшенъ вамъ; кляну той силой
Которая безсмертна! выходите!

(*молчаніе*)

А!.. вы противитесь!.. Но я заставлю
Повиноваться васъ! могучей властью
И клятвою ничѣмъ неотразимой,
Которой я не испыталъ надъ вами,
Той клятвою, родившейся когда-то
На проклятой разрушенной кометѣ,
Блуждающей въ безграннымъ царствѣ ада, —
Проклятіемъ, на мнѣ отяготѣвшимъ,
И мыслею, во мнѣ живущей,—духи.
Я васъ зову! явитесь же покорно!

(*Въ темномъ углу галереи показывается звѣзда и останавливается неподвижно. Слышенъ поющій голосъ*)

Первый духъ.

Изъ заоблачнаго міра,
Гдѣ безсмертною весной,
Лишь дыханіе эфира
Мнѣ служило пеленой,
Гдѣ денница свѣтомъ алымъ
Расцвѣтила мой пріютъ,
Гдѣ душистымъ опахаломъ
Тучки таютъ и плывутъ, —
Зову смертнаго послушный,
Для него, на краткій срокъ,
Я оставилъ свой воздушный,
Свой серебряный чертогъ
На лучѣ звѣзды блестящей
Я примчался въ этотъ край....
Смертный, помощи просящій,
Что ты хочешь? отвѣчай!

Второй духъ.

Коронованный горами,
Гдѣ на солнцѣ — снѣгъ румянъ,
Бѣлой тучей весь закутанъ,
Возвышается Монбланъ.
Станъ его лѣса обвили,
И, теряясь въ облакахъ,
Смертоносныя лавины
Держитъ онъ въ своихъ рукахъ.
Но, когда, порой, надъ міромъ
Онъ подниметъ снѣжный шаръ, —
Я скажу — замретъ на взмахѣ
Заколдованный ударъ.
Прикажу — и мнѣ покорна
Эта масса синихъ льдинъ;
Я велю — летятъ обвалы
Съ ледяныхъ своихъ вершинъ.
Я зовуся горнымъ духомъ,
Захочу—и ихъ хребты
Срыть могу до основанья, —
Такъ чего же хочешь *ты*?

Третій духъ.

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
Гдѣ спитъ голубая волна,
Гдѣ ползаютъ гады морскіе,
Гдѣ вѣчно царитъ тишина,
Гдѣ жемчугъ вплетаютъ русалки
Въ зеленыя пряди кудрей,
Стоитъ мой кораловый замокъ.
Я духъ, я властитель морей.
Твой вызовъ послушное эхо
Домчало въ мою глубину,
Зачѣмъ же тревожишь меня ты
И сонную будишь волну?

Четвертый духъ.

Тамъ, гдѣ подземные раскаты
Земныя нѣдра шевелятъ,
Гдѣ мечетъ бѣшеная лава
Свой огнедышущій каскадъ,
Гдѣ корни Андъ вросли глубоко
И крѣпли многіе вѣка,
А ихъ зубчатыя вершины
Взбѣжали гордо въ облака,—
Тамъ я услышалъ заклинанье,
Къ твоимъ призывамъ не былъ глухъ.
Что нужно дѣлать? Прикажи мнѣ:
Исполнитъ все подземный духъ.

Пятый духъ.

Повелитель вѣтровъ, грозъ и бурь великанъ,
Заставлялъ я ревѣть океаны.
Я летѣлъ, а за мною бѣжалъ ураганъ
И мой слѣдъ заметали бураны.
На крылѣ непогоды я мчался сюда
По призыву таинственной власти,
Мнѣ навстрѣчу попались морскіе суда:
Мачты новыя, свѣжія снасти...
Но клянуся, что въ ночь, до восхода зари,
Утоплю корабли я въ пучинѣ....
Смертный! звалъ ты меня, говори жъ, говори,
Чѣмъ служить могу смертному нынѣ?

Шестой духъ.

Тѣнь мрака, тѣнь ночи ты вызвалъ на свѣтъ,
Зачѣмъ же тревожилъ меня — дай отвѣтъ.

Седьмой духъ.

Въ дни первобытнаго и дѣвственнаго міра
Твою планету я зажегъ среди эфира.

Иной звѣзды съ такимъ прозрачно-чистымъ свѣтомъ
Еще не видѣли на темномъ небѣ этомъ.

Сверкая и блестя, какъ лучшій перлъ вселенной,
Она текла въ выси стезею неизмѣнной,

Но пробилъ казни часъ: сіянье отлетѣло
И вдругъ проклятіе на ней отяготѣло,

И понеслась она съ своей зловѣщей славой,
Безъ сферы, безъ путей, кометою кровавой,

Чудовищемъ небесъ, позоромъ всей природы,
Своимъ теченіемъ вездѣ страша народы...

И ты, родившійся при свѣтѣ той кометы,
Червякъ ничтожества, сказать что можешь мнѣ ты?...

Тебѣ покоренъ я, я повинуюсь, — знаю, —
Но повинуяся, тебя я презираю...

Такъ, здѣсь, среди духовъ, склонившихся отъ страха,
Что просишь у меня ты, сынъ земли и праха?

Хоръ духовъ.

Звѣзды, воздухъ, горы, вѣтры,
Духи неба и земли,
Смертный! все тебѣ покорно —
Ждешь чего ты? повели.

Манфредъ.

Хочу забвенія.

Первый духъ.

Чего? О чемъ же?

Манфредъ (*указывая на свою грудь*)

Того, что здѣсь, и что назвать нѣтъ звука.
Узнаешь самъ въ мое взглянувши сердце.

Духъ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашихъ силахъ.
Проси у насъ владычества надъ міромъ,
Толпу рабовъ, сокровищъ драгоцѣнныхъ,
И надъ природой власти безграничной
Проси у насъ, — все это въ нашей волѣ
И все — твое...

Манфредъ.

Забвенія мнѣ дайте,
Самозабвенія! О, неужели
Его-то и не могутъ дать мнѣ духи?

Духъ.

Его? О, нѣтъ, оно не въ нашей власти,
Но пожелай, и умереть ты можешь.

Манфредъ.

Но смерть сама забвеніе мнѣ дастъ ли?

Духъ.

Безсмертному забвенье незнакомо.
Прошедшее слилось для насъ съ грядущимъ;
Намъ нѣтъ часовъ — у насъ есть только вѣчность.
Вотъ нашъ отвѣтъ

Манфреъ.

Не смѣйтесь! вы рабы лишь,
Повелѣвать которыми могу я,
Не вамъ шутить надъ непреклонной силой.
Во мнѣ живъ духъ и искра Прометея,
Горящая тѣмъ высшимъ, чистымъ свѣтомъ,
Что вамъ самимъ даетъ существованье.
Я равенъ вамъ, хоть плоть моя изъ праха.
Отвѣтьте же, иль горе непокорнымъ.

ДУХЪ.

Все нами сказано. Ищи отвѣта
Въ своихъ словахъ.

МАНФРЕДЪ.

Въ словахъ своихъ? зачѣмъ же?

ДУХЪ.

Ты говоришь, что равенъ намъ, а всѣ мы
Такъ созданы, что незнакомы съ чувствомъ,
Которое зовется въ мірѣ смертью.

МАНФРЕДЪ.

Зачѣмъ же звалъ я васъ, когда помочь мнѣ
Вы не умѣете, иль не хотите?

ДУХЪ.

Проси у насъ возможнаго. Подумай,
Иль отпусти скорѣе. Власть и силу,
Покорность странъ дадимъ мы, если хочешь,
Иль продолженье дней твоихъ...

МАНФРЕДЪ.

Проклятье!
О, будьте прокляты! Что въ вашихъ дняхъ мнѣ?
И безъ того они ужасно длинны.
Идите жъ прочь...

ДУХЪ.

Не торопись! быть можетъ,
Тебѣ полезны будутъ наши силы,
И новое откроется желанье
Въ твоей душѣ... Подумай же немного.

МАНФРЕДЪ.

Желаній нѣтъ. Но, погодите—прежде,
Чѣмъ пропадете вы,—хоть на минуту
Вы въ образахъ явитесь предо мною.

Звукъ вашихъ голосовъ ловлю я жадно,
Какъ музыку, чарующую въ морѣ,
Но вмѣсто васъ въ пространствѣ вижу ясно
Одну звѣзду—и только. Покажитесь
Передо мной вы въ настоящемъ видѣ.

Духъ.

Жильцы стихій, мы формы не имѣемъ,
Но пожелай, и выбери лишь форму
И предъ тобой мы явимся въ томъ видѣ.

Манфредъ.

Гдѣ жъ выбирать? я формъ не видѣлъ въ мірѣ
Достойныхъ отвращенья иль восторга;
Такъ пусть теперь первѣйшій духъ межъ вами
Здѣсь явится въ какой угодно формѣ.

Седьмой духъ (*принимая видъ прелестной женщины*).

Я здѣсь. Смотри!..

Манфредъ.

О, Боже мой! Когда бы
Прелестный призракъ не былъ лишь обманомъ,
Насмѣшкою фантазіи капризной,
Я былъ бы счастливъ снова... О, позволь мнѣ
Тебя обнять... съ тобою вновь...
(*призракъ исчезаетъ*)
На части
Мнѣ разорва́ло сердце...
(*Манфредъ падаетъ безъ чувствъ, слышенъ заклинающій голосъ*).

Голосъ.

Когда луна въ волнахъ трепещетъ,
Червякъ на листьяхъ засвѣтилъ,
И огонекъ болотный блещетъ,
И тѣни бродятъ вкругъ могилъ,
Когда звѣзда съ небесъ спадаетъ
И эхо чутко повторяетъ
Совиный крикъ, совиный свистъ,

Когда въ вѣтвяхъ не дрогнетъ листъ,
Тогда владѣетъ духъ безсонный
Твоей душою непреклонной.

* *
*

Пусть не отходитъ сонъ съ лица,
Но онъ души твоей не тронетъ:
Есть мысли—ихъ никто не сгонитъ,
Есть тѣни—нѣтъ для нихъ конца.
Хранимъ таинственной судьбою,
Наединѣ съ самимъ собою
Ты не пробудешь двухъ часовъ,
И словно ризой облаковъ
Ты обовьешься властью новой,
Всегда ревнивой и суровой.

* *
*

Хоть не найдетъ меня твой взоръ,
Но ты почувствуешь, что всюду,
Тебѣ во слѣдъ ходить я буду.
Вездѣ безсмѣнно съ этихъ поръ,
Когда жъ меня тревожнымъ взглядомъ
Ты не найдешь съ собою рядомъ —
Не довѣряйся силѣ глазъ —
Вблизи скажусь тебѣ тотчасъ
И тайный страхъ твой, обнаружась,
Переродится въ явный ужасъ.

* *
*

Тебя проклятью обрекли
Въ волшебныхъ пѣсняхъ духи міра;
Тебя властители эфира
Вкругъ, какъ змѣями, оплели,
И вѣтра яростные звуки
Къ тебѣ однѣ приносятъ муки;
Ты до утра въ глухую ночь
Тоски не можешь превозмочь,
Тебѣ денница надоѣла
И солнца лучъ не грѣетъ тѣла.

* *
*

Изъ слезъ твоихъ я выжму ядъ;
Изъ этой груди непокорной
Я вырву сердце съ кровью черной,

Я выпью твой змѣиный взглядъ
Съ неумолимой злобой ада;
Сорву съ лица улыбку гада,
Твоею кровью обагрю,
И ядъ убійственный сварю:
Изъ всѣхъ отравъ и ядовъ свѣта
Ужаснѣй всѣхъ отрава эта.

***

Кляну тебя твоимъ же зломъ,
Твоей неправдою безмѣрной,
Твоей улыбкой лицемѣрной,
Лукавымъ, каинскимъ умомъ,
Твоею властію огромной
И добродѣтелью заемной,
Твоей двуличною слезой
Надъ человѣческой судьбой —
Кляну тебя твоимъ же ядомъ: —
Вѣкъ самъ себѣ ты будешь адомъ.

***

Отравой гнусной окропленъ,
Тебѣ мученье сердце сгложетъ,
И смерть сойдти къ тебѣ не можетъ,
И не слетитъ покойный сонъ;
И проклятыя жизни силы
Напрасно будутъ ждать могилы....
Терзая, муча и губя
Кладу проклятье на тебя.
Конецъ! Свершилось заклинанье:
Живи жъ для скорби и страданья.

СЦЕНА II-я.

(Гора Юнгъ-фрау; утро).

Манфредъ (*одинъ на скалѣ*).

Я вызывалъ духовъ—они исчезли;
Наука волшебства мнѣ измѣнила,
И вмѣсто благъ дала одни терзанья,
И больше къ ней я прибѣгать не стану.

Что можетъ дать она? Ей непокорно
Прошедшее, а будущее скрыто
Подъ черной тьмой: тутъ знаніе безсильно....
О, мать-земля! ты, утро золотое,
Вершины горъ, зачѣмъ вы такъ прекрасны?
Зачѣмъ теперь любить васъ не могу я?
Ты, солнце лучезарное вселенной,
Равно для всѣхъ готовое на ласки,
Ты сердца моего ужь не согрѣешь...
Вы, скалы дикія! Съ вершины вашей
Передо мною пропасти открыты,
Бѣгутъ ключи въ зіяющія бездны,
И съ высоты, гдѣ голова кружится
При видѣ необъятнаго пространства,
Гигантскій лѣсъ мелькаетъ, какъ кустарникъ...
Одинъ прыжокъ отсюда, шагъ—не больше—
Одно движенье вѣтра—и довольно,
Чтобъ эти скалы стали мнѣ гробницей,
И я бъ уснулъ... Зачѣмъ же я такъ медлю?
Я смерть зову—но къ ней нейду навстрѣчу,
Хочу прыгнуть,—но недвижимъ стою я,
Прикованный къ скалѣ какой-то властью,
И эта власть меня связала съ жизнью.
А что мнѣ жизнь? Слѣпая немощь духа,
Сознаніе своихъ неправыхъ дѣйствій,
Безсилье зла, безсильнаго на дѣло,
Холодный гробъ, въ который трупъ мой брошенъ.....

(*Надъ его головой пролетаетъ орелъ*)

Пернатый царь заоблачнаго царства!
Ты, чье крыло такъ часто видитъ небо,
Не даромъ пролетѣлъ ты надо мною:
Мой прахъ твоей добычей скоро будетъ,
И обращусь я въ ужинъ твой кровавый!..
Но ты опять взвился и потерялся
Тамъ, въ синевѣ небеснаго пространства,
Откуда все твоимъ открыто взорамъ...
А вкругъ такъ хорошо! Все въ этомъ мірѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно,
А мы—его цари и лже-владыки,
Часть божества въ смѣшенье съ частью праха—
Равно безсильные—подняться кверху
Иль внизъ упасть,—мы, двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ.
Въ насъ гордость съ униженьемъ ходитъ рядомъ,

И подлѣ благороднаго порыва
Въ насъ шевелятся низкія желанья.
И, наконецъ, похищенные смертью
Становимся мы тѣмъ, о чемъ не смѣемъ
Признаться и украдкою другъ другу.

(*Вдали слышенъ звукъ рожка*)

Чу! звукъ рожка!.. Не миѳъ—патріархальность
Средь этихъ горъ,—здѣсь звукъ простой свирели
Несется звонко въ воздухѣ свободномъ,
Сливаясь съ колокольчиками стада.
Мнѣ прямо въ сердце рвутся эти звуки....
О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
Живой гармоніей, иль пѣснеи нѣжной,
Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
И звукомъ же по воздуху растаять.

Горный охотникъ (*поднимаясь на скалу*)

Сюда прыгнула лань. Подъ самымъ носомъ
Она передо мною промелькнула,
И, быстроногая, надула славно,
И вотъ за трудъ опасный, и тяжелый
Останусь я, пожалуй, безъ добычи.
Но что̀ это? Я вижу человѣка,
Достигшаго такихъ вершинъ, которыхъ
Не достигалъ и лучшій нашъ охотникъ.
Но онъ не изъ простыхъ,—одѣтъ богато,
Въ лицѣ—безстрашіе, во взорѣ—гордость
Привыкшаго къ свободѣ гражданина.
Я ближе подойду къ нему....

Манфредъ

Быть вѣчно
Покрытымъ сѣдиною отъ печали,
Расколотымъ, подобно этимъ соснамъ,
Которыя, изломанныя бурей,
Среди ущелій трупами упали.
И быть такимъ, не бывъ такимъ когда-то!..
Глубокія морщины на челѣ мнѣ
Не годы провели,—минуты скорби,
Часы страданій лютыхъ и ужасныхъ.
Вы, скалы снѣжныя, лавины ледяныя,
Которымъ нуженъ только шелестъ вѣтра,
Чтобы низринуть каменныя груды,

Сорвитесь же, и прахъ мой раздавите.
Вокругъ меня вездѣ ревутъ обвалы
Грозой долинъ и рощъ, одѣтыхъ въ зелень,
Пастушескихъ жилищъ, убогихъ хижинъ,
И давятъ тѣхъ, которымъ жить хотѣлось,
Но лишь меня не трогая минуютъ.

Охотникъ.

Туманы поднимаются все выше.
Ему я дамъ совѣтъ—съ горы спуститься,
А иначе сломать онъ можетъ шею.

Манфредъ.

Вкругъ ледниковъ, клубясь, плывутъ туманы;
Ихъ сѣрный дымъ взлетаетъ надо мною
Сѣдою пѣной бѣшенаго моря,
Когда отъ рева волнъ весь берегъ стонетъ,
Какъ будто бы отъ вздоховъ человѣка...
Я весь горю...

Охотникъ.

Мнѣ нужно осторожно
Къ нему подкрасться сзади, а не то онъ
Малѣйшимъ шумомъ можетъ быть испуганъ...
Онъ, кажется, дрожитъ теперь...

Манфредъ.

Я знаю:
Бывали дни—и разсыпались горы;
До облаковъ всходившія вершины,
Летѣли въ прахъ, окрестность потрясая
И изрыгая вкругъ себя обломки.
Потоки рѣкъ серебряною пылью
Мгновенно разсыпались, и мгновенно
Себѣ русло другое пробивали.
Такъ пала Розенбергъ–гора когда-то...
Зачѣмъ же тамъ не могъ я быть въ то время,
Чтобы погибнуть въ общемъ разрушеньи?...

Охотникъ.

Пріятель, берегись! Твой путь опасенъ;
Здѣсь что́ ни шагъ—опасность предъ тобою.
Прошу тебя: надъ пропастью не стой ты.

Манфредъ (*не слушая его*)

Тамъ для себя я тихій гробъ нашелъ бы
И для костей пріютъ нашелъ бы вѣчный.
А вотъ теперь, когда я брошусь въ бездну,
По ска̀ламъ разлетятся эти кости
Игрушкою вѣтровъ и непогоды...
Прощайте жъ, небеса! О, не смотрите
Вы на меня теперь съ такимъ укоромъ,
А ты, земля, прими мои останки.

(*Хочетъ броситься со скалы, но охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его однимъ движеніемъ*).

Охотникъ.

Безумецъ! стой! Хоть жизнь тебѣ постыла,
Но этихъ чистыхъ скалъ не обагряй ты
Своей преступной кровью. Нѣтъ, за мною
Теперь ступай,—тебя я не оставлю.

Манфредъ.

Я чувствую, что кровь во мнѣ застыла...
Оставь меня, оставь... я слабъ... не вижу
Здѣсь ничего... вкругъ горы точно пляшутъ....
Но кто ты самъ?..

Охотникъ.

Узнаешь это послѣ.
Иди за мной,—вкругъ облака́ темнѣютъ—
Вотъ такъ,—склонись ко мнѣ теперь, не бойся,—
Сюда, сюда,—на палку опирайся—
Вотъ дерево—рукой схватись за вѣтви;—
Дай руку мнѣ—держись за поясъ крѣпче—
Потише—не спѣши,—намъ недалеко
Съ тобой идти,—опасность миновалась—

Мы вышли на знакомую тропинку.
Ступай,—вотъ такъ—вотъ такъ—идешь ты бодро,
Какъ опытный охотникъ. Ну впередъ же!..

(*Спускаются со скалы. Ночь*).

КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

Дѣйствіе II.

СЦЕНА I-я.

ХИЖИНА ВЪ БЕРНСКИХЪ АЛЬПАХЪ.

Манфредъ и Горный охотникъ.

Охотникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не торопись,—начать дорогу
Тебѣ нельзя,—ты слабъ еще, безсиленъ.
Покуда отдохни, а тамъ готовъ я
И проводить тебя; скажи лишь только
Куда...

Манфредъ.

Напрасный трудъ! Мнѣ путь извѣстенъ,
И проводникъ не нуженъ будетъ вовсе.

Охотникъ.

По виду твоему и по одеждѣ
Въ тебѣ призналъ я одного изъ знатныхъ
Владѣтелей тѣхъ неприступныхъ замковъ,
Которыхъ много здѣсь. Такъ гдѣ жъ твой замокъ?
Я человѣкъ простой—и очень рѣдко
Случалось мнѣ бывать въ парадныхъ залахъ,
Но всѣ тропинки къ нашимъ замкамъ
Я съ дѣтства изучилъ,—лишь укажи мнѣ мѣсто—
Я проведу тебя.

Манфредъ.

Не безпокойся.

Охотникъ.

Прости мнѣ любопытство и вопросы,
И будь повеселѣе хоть немного.
Вотъ выпей моего домашняго вина ты,
Которое не разъ меня спасало
Средь ледниковъ, гдѣ я дрожалъ отъ стужи.
Вино мое тебя согрѣетъ тоже.
Ну, чокнемся.

Манфредъ.

Прочь отъ меня! Не нужно!
Я вижу кровь, кровь по краямъ стакана....
Ужели эта кровь струиться будетъ вѣчно!..

Охотникъ.

Что говоришь? Ты потерялъ разсудокъ.

Манфредъ.

Та кровь—есть кровь моя—источникъ чистый,
Бѣжавшій въ жилахъ нашихъ древнихъ предковъ
И въ насъ самихъ въ дни юности кипѣвшей....
Когда мы были молоды и чисты,
И сердце въ насъ однимъ желаньемъ билось,
Когда любили сильно мы другъ друга—
Источникъ пролитъ былъ, и капли крови
Поднявшись вверхъ, забрызгали собою
Всѣ облака, и облака закрыли
Мнѣ путь на небеса и въ ту обитель,
Гдѣ нѣтъ тебя, гдѣ я не буду вѣчно.

Охотникъ.

Ты странный человѣкъ. Твое страданье
Быть можетъ тяжело, невыносимо,
Но для тебя осталось утѣшенье
Въ несчастіи: терпѣнье и молитва.

МАНФРЕДЪ.

Терпѣніе, терпѣніе! Вотъ слово,
Которое придумали для вьючныхъ,
Тупыхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей...
Толкуй о томъ другимъ, себѣ подобнымъ,—
Я не похожъ ни въ чемъ на васъ...

ОХОТНИКЪ.

Ей Богу,
Не помѣнялся бъ мѣстомъ я съ тобою
За славу самого Вильгельма Телля;
Но ты страдать безъ ропота не можешь:
Въ страданьѣ гнѣвъ безсиленъ и напрасенъ.

МАНФРЕДЪ.

Но развѣ я не выношу всѣ скорби?
Вѣдь я живу—и этого довольно.

ОХОТНИКЪ.

Такая жизнь ужаснѣй всѣхъ терзаній.

МАНФРЕДЪ.

Скажу тебѣ, мой другъ—живу я
Ужь много долгихъ лѣтъ, но эти годы
Не значатъ ничего въ сравненьи съ тѣми,
Которые еще прожить мнѣ нужно.
Я буду жить вѣка, всю вѣчность буду
Томиться на землѣ желаньемъ смерти,
И все же смерть сойдти ко мнѣ не смѣетъ.

ОХОТНИКЪ.

Но по лицу твой ранній возрастъ виденъ:
Ты—среднихъ лѣтъ, а я гораздо старше....

МАНФРЕДЪ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Нѣтъ, мы отъ дѣлъ старѣемъ.
Мои дѣла моимъ существованьемъ

Владѣли постоянно; дни и ночи
Отъ нихъ до безконечности тянулись
И стали такъ похожи межъ собою,
Какъ мелкія песчинки средь пустыни.
Жизнь для меня—пустынный дикій берегъ,
Гдѣ стонутъ волны, пылью разсыпаясь,
И изъ себя выбрасываютъ только
Обломки скалъ и бѣлые скелеты...

Охотникъ.

Рехнулся онъ; его я не оставлю.

Манфредъ.

О, еслибъ я съ ума сошелъ? Тогда бы
Мои видѣнья были только бредомъ.

Охотникъ.

Что жъ видишь ты, иль думаешь, что видишь?

Манфредъ.

Я вижу самого себя, и рядомъ
Тебя съ собою вижу я, охотникъ.
И вижу твой гостепріимный домъ я,
Твой кроткій духъ, терпѣнье, силу вѣры,
Твое здоровье, сонъ покойный ночью,
Опасные труды, оружіе охоты,
Не видѣвшее крови преступленій,
А въ будущемъ — незлобливую старость
Съ душистыми цвѣтами на могилѣ,
Которую оплачутъ горько внуки,—
Все это вижу я; въ себѣ жъ самомъ я
Не вижу ничего. Во мнѣ убиты
Давно надежды, мысли и желанья.

Охотникъ.

А ты бъ хотѣлъ со мною помѣняться
Своею участью?

Манфредъ.

О нѣтъ, не думай!
Я на обманъ подобный неспособенъ.

И ни съ однимъ изъ смертныхъ не хотѣлъ бы
Мѣняться долею. Существованье,
Которое нести лишь мнѣ по силамъ,
Другихъ убило бы и въ самой грезѣ,
И мукъ моихъ въ минутномъ сновидѣньи
Не вынесъ бы никто.

Охотникъ.

Но ты скажи мнѣ:
Съ участіемъ такимъ къ судьбѣ несчастныхъ,
Ужели могъ тяжелымъ преступленьемъ
Ты запятнать себя? Нѣтъ, я не вѣрю!
Съ такой душой едва ли ты способенъ
Убить врага изъ ненавистной мести.

Манфредъ.

О, нѣтъ,—мои проклятія ложились
На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
Которые меня любили тоже.
Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ,
Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшенъ,
Но былъ, какъ ядъ, ужасенъ и смертеленъ
Мой поцѣлуй для тѣхъ, кого любилъ я.

Охотникъ.

Пусть Богъ спасетъ тебя и успокоитъ,
Раскаяньемъ смиривъ и умъ и сердце,
Я жъ за тебя молиться буду небу.

Манфредъ.

Оставь; не нужны мнѣ твои молитвы,
Участіе жъ твое не отвергаю.
Прощай; вотъ золото — не откажи же
Мнѣ въ благодарности, но вслѣдъ за мною
Не слѣдуй ты — дорога мнѣ знакома,—
Прошу опять—за мною не ходи ты.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II-я.

(Низменная долина въ Альпахъ. Водопадъ).

Манфредъ.

До полдня далекó еще, а солнце
Зажгло огнями брызги водопада
И разноцвѣтной радугою блещетъ,
А со скалы серебрянымъ каскадомъ
Бѣжитъ потокъ, сверкая млечной пѣной,
Какъ бѣлый конь съ своей косматой гривой,
Волшебный конь, несущій призракъ смерти.
И я одинъ въ прекрасномъ мѣстѣ этомъ
Любуюся картиной водопада.
Но дѣву горъ я вызову—и съ нею
Еще полнѣе будетъ наслажденье.
Зову ее...

(Зачерпываетъ на ладонь нѣсколько капель воды и бросаетъ ихъ въ воздухъ, произнося заклинанія. Дѣва горъ является въ радугѣ водопада).

Духъ чистый и прелестный!
Твой ясный взоръ и кудри золотыя,
И этотъ станъ, божественныя формы,
Напомнившія мнѣ земныхъ красавицъ —
Ихъ красоты изящный первообразъ,—
И щекъ твоихъ румянецъ вѣчно яркій,
Какъ цвѣтъ щеки невиннаго ребенка
У матери заснувшаго съ улыбкой,—
Какъ отблескъ розовый, которымъ солнце
Румянитъ снѣгъ на ледникахъ прозрачныхъ
Въ часъ вечера, когда земля стыдливо
Цѣлуется зорею съ небесами,—
Все, все въ тебѣ одной соединилось
Въ какія-то божественныя чары,
И радуга, сверкающая въ краскахъ
Теряется блѣднѣя предъ тобою!
Прелестный духъ, котораго безсмертье
Я на челѣ божественномъ читаю,

Прости меня за то, что я, сынъ праха,
Дерзающій бесѣдовать съ духами,
Тебя рѣшился вызвать силой власти,
Которая не всѣмъ дается въ мірѣ.

ДѢВА ГОРЪ.

Кто ты, я знаю, смертный; знаю также,
Гдѣ почерпнулъ ты силу власти тайной.
Я знаю: мысль тебя терзаетъ вѣчно;
Добро и зло твои волнуютъ страсти
Съ одною силою; всегда страдая,
И въ жизнь другихъ ты вносишь лишь страданья.
Ты звалъ меня; скажи — чего же хочешь?

МАНФРЕДЪ.

Взглянуть на красоту твою — и только.
Жилецъ земли — на ней я обезумѣлъ
И сталъ искать внутри ея — отвѣта,
Проникъ въ пріютъ духовъ ея подземныхъ,
Но мнѣ они помочь не въ состояньи,
Чего просилъ — мнѣ дать они не въ силахъ.
Теперь отъ нихъ не жду ужь ничего я.

ДѢВА ГОРЪ.

Но развѣ есть такая просьба, смертный,
Которой духи могутъ не исполнить?

МАНФРЕДЪ.

Да, есть одна... Но для чего же буду
Я говорить!· вѣдь это безполезно.

ДѢВА ГОРЪ.

Для насъ неисполнимыхъ нѣтъ желаній.
Скажи мнѣ все...

МАНФРЕДЪ.

Хоть это будетъ трудно,
Но я скажу: мнѣ скорбь моя дастъ силы.
Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился;
Ихъ взглядъ — мнѣ былъ чужой; ихъ честолюбье

Житейское меня не волновало;
Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
Мои страданья, радости, желанья
Съ людскими расходились постоянно.
Хотя носилъ я образъ человѣка,
Но между мной и братьями земными
Симпатіи не было, и въ цѣломъ мірѣ
Я близкаго не находилъ созданья...
Была одна... о ней скажу я послѣ...
Такъ, бѣгая людей вездѣ, въ пустыни
Я уходилъ, взбирался на вершины
Высокихъ скалъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
И упивался воздухомъ нагорнымъ,
Гдѣ птица вить гнѣзда себѣ не смѣетъ,
Гдѣ никогда по голому граниту
Не бились крылья слабыхъ насѣкомыхъ;
А иногда кидался я въ пучину
Кипучихъ волнъ сердитого потока
И прихотямъ волны я отдавался;
То по ночамъ любилъ смотрѣть я въ небо,
Теченье звѣздъ далекихъ наблюдая,
Или слѣдя за блескомъ яркихъ молній;
То я любилъ, подъ плачъ вѣтровъ осеннихъ
Смотрѣть, какъ листья желтые летаютъ.
Такъ жизнь моя и юность проходили;
Когда жъ, порой, мнѣ люди попадались —
Я собственнымъ ничтожествомъ томился
И самъ себя я чувствовалъ тѣмъ прахомъ,
Въ который обратятся эти люди.
Тогда сходилъ я въ темныя пещеры,
Въ жилище смерти, и ея начало
Я разгадать старался на могилахъ,
Гдѣ черепа съ скелетами нѣмыми
Загробныя мнѣ раскрывали тайны,
Я много лѣтъ наукѣ предавался
Таинственной, магической наукѣ,
Теперь забытой всѣми. Рядъ тяжелыхъ
И страшныхъ испытаній и лишеній,
Упорный трудъ среди ночей безсонныхъ
Мнѣ дали власть приказывать стихіямъ,
Повелѣвать незримыми духами
И проникать въ невѣдомую вѣчность,
Подобно древнимъ магамъ знаменитымъ,
Иль мудрецу, умѣвшему въ Гадарѣ
Вдругъ вызвать, какъ тебя я вызвалъ нынче,

Изъ волнъ морскихъ незримаго Эроса...
Такъ съ знаніемъ росла и жажда знанья,
Мой гордый умъ блисталъ такою силой,
Такою властью, что...

ДѢВА ГОРЪ.

Что? продолжай же.

МАНФРЕДЪ.

Мнѣ тяжело тревожить раны сердца,
А потому я длилъ разсказъ нарочно
И съ умысломъ себя превозносилъ я...
Но, продолжаю дальше. Въ цѣломъ свѣтѣ
Я близкихъ не имѣлъ, не зналъ любимыхъ
Отца и мать, любовницу иль друга,
Съ которыми я былъ бы чувствомъ связанъ,
И если бы такихъ я даже встрѣтилъ,
Я въ нихъ бы не повѣрилъ... Только въ жизни
Была одна... она...

ДѢВА ГОРЪ.

Будь безпощаденъ
Къ себѣ, и продолжай...

МАНФРЕДЪ.

Она похожа
Была со мной — во многомъ. Тотъ же голосъ,
Черты лица, глаза, и тѣ же кудри,
Но только все сверкало красотою
Особенной, которой нѣтъ сравненья.
Какъ и во мнѣ, въ ней мысли были тѣ же —
Далекія отъ міра; съ той же жаждой
Она наукѣ тайной предавалась,
И умъ ея пытливый, столь же сильный
Могъ властвовать надъ цѣлою вселенной,
Но были въ ней та мягкость, состраданье,
Которыхъ не имѣлъ я; были слезы,
Мнѣ незнакомыя; та нѣжность сердца,
Лишь для нее которую сберегъ я,
А въ ней для всѣхъ она была открыта.
Ея ошибки были и моими,

Но добродѣтели принадлежали
Одной лишь ей. Любя ее безумно,
Я погубилъ ее.

Дѣва горъ.

Своей рукою?

Манфредъ.

Нѣтъ, не рукой, но сердцемъ ядовитымъ
Разбилъ я это любящее сердце
И изсушилъ. Я пролилъ кровь чужую,
Но не ея, а все же пролилася
И эта кровь... Не въ силахъ былъ спасти я,
Хоть видѣлъ все. .

Дѣва горъ.

И вотъ, для тѣхъ ничтожныхъ
Тобою презираемыхъ созданій,
Ты, просвѣтленный мудростью науки,
И чрезъ науку, равный съ нами, хочешь
Для слабаго созданія земного,
Пренебрегая знаніемъ высокимъ,
Въ ничтожество земное обратиться!
Ты думалъ ли о томъ?

Манфредъ.

О, дочь эфира!
Я говорю тебѣ, что съ той минуты...
Но что слова?.. одни пустые звуки.
Но еслибъ ты была всегда со мною,
Во снѣ и на яву, то ты узнала бъ,
Что злыя фуріи мое уединенье
Уже давно, давно не покидаютъ.
Я скрежещу зубами темной ночью
И утра дожидаюсь; — день настанетъ,
И день я проклинаю вплоть до ночи.
Я умолялъ, чтобы угасъ мой разумъ,
Мнѣ отказали въ просьбѣ этой; съ воплемъ
Бросался я не разъ навстрѣчу смерти,
Въ борьбѣ стихій искалъ себѣ могилы,
Но разступались волны океана

Передо мной покорными рабами
И гибель отъ меня бѣжала всюду.
Мой злобный духъ безжалостной рукою
На волоскѣ держалъ меня, но волосъ
Нигдѣ и никогда не разрывался,
Искалъ обмана я въ воображеньи,
Въ мечтахъ своихъ, въ фантазіи капризной,
Но тѣ мечты тревожныя, какъ волны
На берегу морскомъ въ часы прилива
Меня кидали въ бездну темной мысли.
Бросался я и въ міръ, навстрѣчу къ людямъ,
Межъ нихъ искалъ хоть краткаго забвенья
И не нашелъ. Все знанье, все искусство,
Добытыя тяжелыми трудами,
Все это вздоръ... Попрежнему живу я
Съ отчаяньемъ — и нѣтъ ему исхода.

ДѢВА ГОРЪ.

Я, можетъ быть, помочь тебѣ могла бы?

МАНФРЕДЪ.

Но для того должна ты вызвать мертвыхъ,
Иль къ нимъ теперь меня свести въ могилу.
Что жъ! я готовъ на новое страданье,
Когда бъ оно послѣднимъ только было...

ДѢВА ГОРЪ.

Не властна въ этомъ я, но если хочешь,
Чтобы сбылись теперь твои желанья—
Дай клятву мнѣ во всемъ повиноваться.

МАНФРЕДЪ.

Повиноваться? мнѣ? духамъ подвластнымъ?
Рабамъ, обязаннымъ служить мнѣ всюду?
Нѣтъ, никогда предъ ними не склонюсь я.

ДѢВА ГОРЪ.

Ты такъ рѣшилъ? Но погоди немного,—
Одумайся.

МАНФРЕДЪ.

Я все сказалъ.

ДѢВА ГОРЪ.

Мнѣ можно
Тебя теперь оставить?

МАНФРЕДЪ.

Можешь.

(Дѣва горъ исчезаетъ).

МАНФРЕДЪ.

Всѣ мы —
Игрушка времени и страха. Годы
Проходятъ передъ нами незамѣтно,
Но каждый годъ хоть что-нибудь уноситъ
Отъ насъ, и мы живемъ, скучая жизнью,
И смерти опасаясь. Жизни иго
Насъ тяготитъ, то радостью больною,
То скорбью безконечной, то проклятьемъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
Въ которую — мы смерти не желали бъ,
Но предъ которой все-таки трепещемъ,
Боясь ея холодной, мертвой ласки,
Хоть одного мгновенія довольно
Чтобъ кончить съ жизнью разомъ. Остается
Мнѣ лишь одно теперь—поднять изъ гроба
Покойниковъ—и ждать отъ нихъ отвѣта:
Чего боимся мы по смерти? Скажутъ,
Быть можетъ, намъ: могилы! Что же? это
Не страшно мнѣ... А если не отвѣтятъ?
Но вѣдь пророкъ умершій отвѣчалъ же
По вызову волшебницы Эндорской;
Спартанскій царь свой приговоръ услышалъ
Изъ предсказанья дѣвы византійской,
Вотъ эта рѣчь: «онъ ту сгубилъ жестоко,
Которую любилъ, и безъ прощенья
За то погибъ, хоть призывалъ къ себѣ онъ
Фиксійскаго Юпитера на помощь,
Хоть умолялъ волшебниковъ Аркадскихъ —
Просить себѣ прощенья и пощады
Въ мольбахъ передъ разгнѣванною тѣнью».
То предсказанье темное сбылося...

О, если бъ не жилъ я, она жила бы
Еще теперь; когда бы не любилъ я,
То ты, моей убитая любовью,
Еще бъ жила, сіяла и любила,
Неся другимъ и счастіе и ласки....
А что она теперь? Святая жертва,
Страдалица чужого преступленья,
Иль то, о чемъ сказать себѣ боюсь я,
Иль, наконецъ, ничто. О, скоро, скоро,
Мои сомнѣнья разлетятся дымомъ,
Я жду со страхомъ рокового часа,
Хоть предъ духами добрыми и злыми
Я не дрожалъ, но трепещу теперь я,
И тайный холодъ мнѣ сжимаетъ сердце...
Но надъ собой я власть еще имѣю
И прогоню свой страхъ и ужасъ тайный...
Я буду ждать. Ужь ночь ползетъ по небу.

СЦЕНА III-я.

(Вершина горы Юнгъ-Фрау).

Первая парка.

Румяный мѣсяцъ на небѣ зажегся.
Здѣсь по ночамъ, слѣдовъ не оставляя,
Блуждаемъ мы по тѣмъ вершинамъ снѣжнымъ,
Гдѣ смертный не ступалъ своей ногою.
Здѣсь, гдѣ стоятъ прозрачныя лавины,
Какъ волны вверхъ взлетѣвшія, и разомъ
Застывшія отъ леденящей стужи,
Здѣсь, на скалахъ, разбросанныхъ капризно
Землетрясеньями, здѣсь, по уступамъ,
Гдѣ облака, порою, отдыхаютъ,
Мы сходимся для тайныхъ совѣщаній.

Здѣсь, въ эту ночь сберутся наши сестры,
Чтобъ поспѣшить на праздникъ Аримана
Въ его чертогъ... Но что жъ онѣ такъ медлятъ.

(*Слышны голоса, поющіе въ отдаленіи*).

Первый голосъ.

Съ престола низвергнутъ злодѣй,
Готовый на всѣ преступленья;
Онъ, міромъ забытый, лежалъ,
Лежалъ онъ въ цѣпяхъ безъ движенья.
Я съ рукъ его цѣпи сняла,
Шепнула злодѣю о волѣ,
Дала ему армію я —
И снова тиранъ на престолѣ...
И мнѣ за услугу
Отплатитъ злодѣй
Погибелью многихъ
И многихъ людей.
Онъ царства разрушитъ,
Погубитъ народъ,
И самъ на обломкахъ
Безславно падетъ.

Второй голосъ.

Плылъ корабль по волнамъ,—я его стерегла,
Мачты вырвала вонъ,—паруса сорвала,

***

И теперь не найдти отъ всего корабля
Ни кормы, ни доски, ни снастей, ни руля.

***

И не спáсся никто изъ пловцовъ, чтобъ взглянуть,
Какъ пловцы будутъ въ темной пучинѣ тонуть.

***

Одному лишь изъ нихъ утонуть не пришлось:
Я его удержала за пряди волосъ,

***

И оставила жить на порокъ, на развратъ:
Онъ разбойникъ—на сушѣ, а въ морѣ—пиратъ.

***

И за то, что его я отъ смерти спасла
Многихъ кровь онъ прольетъ, много сдѣлаетъ зла.

—

Первая парка.

Спалъ городъ во мракѣ;
Разсѣялась мгла,—
И тучей зараза
На городъ легла,
Не слышно свершала
Зловѣщій обходъ,—
И мертвой рукою
Давила народъ.
Отъ друга больного
Здоровый бѣжитъ,
Но всюду зараза
Его сторожитъ.
Надъ цѣлой страною
Тоска и испугъ,
И дрогнуло царство
И рушится вдругъ.
Незримая въ мірѣ
Я въ мірѣ прошла
И синіе трупы
Въ могилы несла.
Такъ цѣлую вѣчность
Я буду летать,
И смертнымъ лобзаньемъ
Людей усыплять.

—

(*Входятъ вторая и третья парки*).

Тріо.

Сердца людей у насъ во власти,—
Гдѣ мы пройдемъ—тамъ смерть ихъ ждетъ;
Мы жизнь даемъ имъ, и отъ нихъ же
Жизнь отнимаемъ въ свой чередъ.

Первая парка.

Всѣ собрались. Но гдѣ же Немезида?

Вторая парка.

Навѣрно занялася важнымъ дѣломъ
Она теперь,—какимъ же?—я не знаю,
Я и сама безъ дѣла не дремала.

Третья парка.

Смотрите: вотъ идетъ она.

(*Входитъ Немезида*)

Скажи намъ
Гдѣ ты была? Сегодня всѣ мы поздно
Здѣсь собрались.

Немезида.

Я власти воскрешала
Людьми убитыя; земнымъ тиранамъ
Развязывала руки; съ чувствомъ мести
Знакомила я сердце человѣка,
А послѣ мщеньемъ собственнымъ пугала.
Вездѣ съ ума сводила мудрецевъ я,
На дураковъ навѣсила оковы,
И новые разставила кумиры
Въ замѣну идоловъ, пришедшихъ въ ветхость,
Къ которымъ ужь давно привыкли люди—
Невольники, скучающіе рабствомъ,
Свою судьбу клянувшіе повсюду,
И всѣ вкусить желающіе жадно
Запретный плодъ общественной свободы.
Но намъ пора. На облака—и мчимся.

СЦЕНА IV-я.

(Чертоги Аримана).

(*Ариманъ сидитъ на тронѣ своемъ—огненномъ шарѣ, окруженный духами*).

Гимнъ духовъ.

Хвала властелину земли и эфира!
Онъ тучами правитъ, онъ воды мутитъ,

Въ рукѣ его скипетръ стихій всего міра—
Онъ въ хаосъ по слову весь міръ обратитъ.
Дохнетъ онъ—и море застонетъ отъ бури,
Велитъ онъ—и молніи небо зажгутъ,
Онъ взглянетъ на солнце—и въ ясной лазури
Отъ солнца лучи золотые спадутъ.
Идетъ онъ—и лаву волканы бросаютъ,
Обвалы несутся и горы дрожатъ,
Чума и заразы его провожаютъ
Надъ нимъ постоянно кометы горятъ.
Онъ ходитъ надъ міромъ великій, спокойный,
И смерть ему мертвыя дани несетъ
И жертвы готовятъ кровавыя войны,
И путь поливаетъ слезами народъ.

(*Входятъ парки и Немезида.*)

Первая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!
Все на землѣ покорно Ариману;
Исполнили мы всѣ его желанья.

Вторая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ! Предъ трономъ
Его весь міръ склонился раболѣпно.

Третья парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!

Немезида.

Твои мы, царь царей, и все на свѣтѣ
Живущее, покорно нашей волѣ,
Но чтобъ твою и нашу власть возвысить,
Мы на услуги новыя готовы.
Приказывай,—а все, что было прежде
Намъ велѣно—мы совершили точно.

(*Входитъ Манфредъ*).

Духъ.

Кто это? Смертный? Дерзкое творенье!
Боготвори, упавши на колѣни.

Второй духъ.

Его я знаю; выше всѣхъ людей онъ
Волшебной властью и великимъ знаньемъ.

Третій духъ.

Презрѣнный рабъ, склонись предъ Ариманомъ,
Онъ твой и нашъ владыка! Повинуйся
Ему теперь...

Всѣ духи вмѣстѣ.

Сынъ праха! въ прахъ пади ты,
Иль трепещи.

Манфредъ.

Я знаю, знаю это,
Но не склонюсь...

Четвертый духъ.

Тамъ мы тебя научимъ...

Манфредъ.

О, этому ужь я наученъ въ мірѣ.
Я много лѣтъ привыкъ во прахѣ ползать,
И голову посыпавъ пепломъ, часто
Передъ своимъ отчаяньемъ я падалъ,
Склонялся ницъ передъ своею скорбью.

Пятый духъ.

Но какъ же здѣсь, предъ трономъ Аримана,
Который заставлялъ дрожать всю землю,
Не хочешь покориться ты? Смирись же...

Манфредъ.

Скажи, чтобъ онъ склонился вмѣстѣ съ нами
Передъ Творцомъ могучимъ и всесильнымъ,
Не для того создавшимъ Аримана,
Чтобъ мы его боготворили.

Духи.

Дерзкій!
На части разорвемъ его...

Первая парка.

Постойте!
Онъ мой!.. Нашъ повелитель! Въ этомъ смертномъ
Ты видишь не простого человѣка,
И межъ людей такіе люди рѣдки.
Его страданья вѣчны, какъ и наши;
Въ немъ есть тѣ знанья, сила та и воля,
Которыя для смертныхъ недоступны,
И намъ, духамъ, онъ сталъ во многомъ равенъ.
Хоть мысль его во все теперь проникла,
Но не нашелъ онъ счастья въ знаньѣ этомъ,
И онъ его считаетъ переходомъ
Отъ одного невѣжества къ другому,
Еще сильнѣйшему. Свобода, страсти,
Которыми во всей вселенной дышатъ
Всѣ существа—отъ духа и до червя, —
Въ его душѣ глубоко отразились
И жизнь его на столько отравили,
Что я, не понимая состраданья
Ни для кого, прощаю тѣхъ, кто станетъ
Ему сочувствовать. Онъ мой, и также
Твоимъ быть можетъ, — такъ иль нѣтъ, — но знай ты,
Что въ области духовъ, тебѣ подвластныхъ,
Мы не найдемъ души, ему подобной,
И что надъ нимъ мы не имѣемъ власти.

Немезида.

Но для чего жъ онъ здѣсь?

Первая парка.

На это самъ онъ
Отвѣтитъ намъ.

Манфредъ.

Вамъ власть моя извѣстна,
Я безъ нея не могъ бы быть межъ вами,

Но есть въ природѣ силы, выше вашихъ,
И я отъ нихъ-то жду теперь отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Чего же хочешь ты?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, ты не можешь
Отвѣтить мнѣ, но мертвую изъ гроба
Ты вызови, и мнѣ она отвѣтитъ.

НЕМЕЗИДА.

Великій Ариманъ! Ты разрѣшишь ли
Исполнить просьбу эту?

АРИМАНЪ.

Разрѣшаю.

НЕМЕЗИДА.

Кого жъ изъ мертвыхъ хочешь воскресить ты?

МАНФРЕДЪ.

Ее одну, уснувшую безъ гроба,
Астарту вызови...

НЕМЕЗИДА.

Тѣнь ли незримая,
Духъ ли гробовъ,
Сбрось на мгновеніе
Смерти покровъ.
Въ прахъ обращенная
Сила, проснись,
Съ прежними формами
Смѣло явись.
Жизнь отлетѣвшую
Ты улови,
Сердце заснувшее
Вновь оживи.

(*Призракъ Астарты поднимается и останавливается посреди духовъ.*)

МАНФРЕДЪ.

Ужели это смерть? Не вѣрю... Силы жизни
Играютъ на щекахъ ея румянцемъ...
Но, нѣтъ, обманчивъ призракъ твой, Астарта,
И краска щекъ съ больною красотою
Есть осени мертвящія румяны
На листьяхъ пожелтѣвшихъ и увядшихъ...
И это ты? О, Боже! отчего я
Въ глаза смотрѣть боюсь ей? Ты, Астарта...
Я не могу сказать ей даже слова...
Велите жъ ей заговорить со мною,
Назначить мнѣ иль казнь, или прощенье...

НЕМЕЗИДА.

Повинуйся тайной власти,
Духъ твой вызвавшей изъ тьмы,
И теперь давай отвѣты
Ты на все, что спросимъ мы.

(*Молчаніе*).

МАНФРЕДЪ.

Она молчитъ, но мнѣ ея молчанье
Теперь понятнѣй всякаго отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Здѣсь власть моя безсильна. Царь эфира!
Одинъ лишь ты приказывать ей можешь.

АРИМАНЪ.

Тѣнь! говори! Вотъ скипетръ — повинуйся!

НЕМЕЗИДА.

Опять молчитъ. Инымъ духамъ и силамъ
Подвластная, она отвѣтитъ только.
Нѣтъ смертный, здѣсь твоя напрасна просьба:
Тебѣ помочь — мы не имѣемъ власти.

Манфредъ.

Молю тебя, Астарта, отвѣчай мнѣ.
Я такъ страдалъ, я такъ теперь страдаю...
Взгляни же на меня: ты и въ могилѣ
Не измѣнилась такъ, какъ измѣнился
Я за тебя, живя на этомъ свѣтѣ.
Да, мы любили сильно и безумно,
Любовь такая хуже преступленья,
А для того ль мы созданы съ тобою,
Чтобъ истерзать другъ друга и измучить?
Скажи же, что меня не проклинаешь,
Что я одинъ наказанъ за обоихъ,
И что тебѣ назначено блаженство,
А мнѣ — забвенье смерти. Въ этомъ мірѣ
Все ненавистное соединилось,
Чтобъ безконечно жить меня заставить
Съ неотразимой мыслью о безсмертьи,
Которое одной сковало цѣпью
Прошедшее съ грядущимъ. Нѣтъ покоя
Моей душѣ; хочу чего — не знаю,
Не знаю я — чего ищу, и только
Лишь чувствую — ктó я, — ктò ты... Астарта!
Пока я не погибъ, хоть разъ хотѣлъ бы
Услышать вновь твой голосъ музыкальный.
О, говори жъ со мной! Нерѣдко ночью
Я вызывалъ тебя; въ зеленыхъ рощахъ
Будилъ заснувшихъ птицъ своимъ призывомъ,
Пугалъ въ горахъ дремавшую волчицу;
Я научилъ въ пещерахъ темныхъ эхо
За мною повторять Астарты имя —
И эхо мнѣ покорно отвѣчало, —
Мнѣ отвѣчало все — природа, люди,
По мановенью духи откликались,
Лишь ты одна отвѣтить не хотѣла.
Ужель теперь твой не услышу голосъ?
Я по землѣ блуждалъ, но я ни разу
Не встрѣтилъ на землѣ тебѣ подобной.
О, говори жъ со мной! Смотри: вотъ духи,
Они ко мнѣ почувствовали жалость;
Но я ихъ не боюсь, и это сердце
Наполнено одною лишь тобою.
Проговори хоть въ гнѣвѣ что нибудь мнѣ,
Позволь хоть разъ, хоть разъ тебя послушать!

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

Манфредъ.

О, говори!.. Твой слышу голосъ!..
Я весь живу въ тѣхъ звукахъ... Говори же...

Призракъ Астарты.

Манфредъ! Конецъ твоимъ страданьямъ — завтра.
Прощай!..

Манфредъ.

Постой! еще лишь только слово:
Простила ль ты меня?

Призракъ Астарты.

Прощай!

Манфредъ.

Лишь слово
Прощенія! Что я любимъ — скажи мнѣ.

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

(Призракъ Астарты исчезаетъ).

Немезида.

Она исчезла, и не можетъ
Быть вызвана, но что она сказала —
То сбудется. Иди жъ опять на землю.

Духъ.

Душа его страдаетъ... Вотъ, что значитъ
Быть смертнымъ и проникнуть смѣлой мыслью
Въ познаніе таинственнаго міра.

Другой духъ.

Но, посмотри, какъ онъ превозмогаетъ
Свое страданье, волѣ подчиняя,
И если бы, какъ духи, былъ онъ созданъ,
То сталъ бы величайшимъ самымъ духомъ.

Немезида.

О чемъ еще теперь спросить желаешь
У насъ или у нашего владыки?

Манфредъ.

Ни слова болѣе.

Немезида.

И такъ на время
Пока прощай.

Манфредъ.

Увидимся мы снова?
Гдѣ? на землѣ? мнѣ все равно гдѣ хочешь,
Но я вамъ всѣмъ глубоко благодаренъ
За помощь, а теперь пока прощайте.

(*Манфредъ уходитъ*)

конецъ II го дѣйствія.

Дѣйствіе 3.

СЦЕНА I-я.

(Зала въ замкѣ Манфреда.)

Манфредъ и Германъ.

Манфредъ.

Который часъ?

Германъ.

Ужь до заката солнца
Осталося не много; вѣрно, нынче
Прекрасный будетъ вечеръ.

Манфредъ.

Все ли въ башнѣ
По моему желанію готово?

Германъ.

Готово, графъ! Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

Манфредъ.

Теперь ты можешь, Германъ, удалиться.

(*Германъ уходитъ*)

Манфредъ (*одинъ*).

Кругомъ меня здѣсь тишина такая,
Какой еще не испыталъ я въ жизни...
Когда бы я не твердо былъ увѣренъ,
Что философія — пустая сказка
И риторовъ безсмысленная фраза,
Которой прежде я бывалъ обманутъ, —
Я бъ думать могъ, что философскій камень
И тайна золота открыты мною;
Но мой обманъ не можетъ долго длиться,
Хоть, впрочемъ, испытать его полезно:
Меня онъ ознакомилъ съ чувствомъ новымъ,
И что такое чувство существуетъ
Я запишу теперь себѣ на память...
Кто здѣсь?

Германъ (*входитъ*).

Васъ, графъ, теперь желаетъ видѣть
Аббатъ Святого Мориса.

(*Входитъ аббатъ Св. Мориса*).

Аббатъ.

Да будетъ
Миръ дому твоему...

Манфредъ.

Благодарю я
Тебя, святой отецъ. Войди: приходъ твой
Приноситъ честь великую для замка,
А всѣмъ живущимъ въ немъ — благословенье.

Аббатъ.

О, если бъ это было такъ! Но я бы
Наединѣ желалъ побыть съ тобою.

Манфредъ.

Иди отсюда, Германъ... Что жъ угодно
Тебѣ, почтенный гость мой?

Аббатъ.

Я желаю
Поговорить съ тобою откровенно.
Мой скромный санъ, мой возрастъ престарѣлый
И добрыя намѣренія дали
Мнѣ право на такую откровенность.
Сосѣдство близкое, — хоть очень мало
Мы межь собой знакомы, — позволяетъ
Мнѣ прямо говорить теперь съ тобою.
Графъ! странные, дурные ходятъ слухи
Объ имени твоемъ; — а это имя
Издревле отличалось благородствомъ, —
И было бъ горько, если бъ тотъ, кто носитъ
Теперь то имя — передалъ потомству
Его запятнаннымъ...

Манфредъ.

Что жъ, продолжай же,
Я слушаю...

АББАТЪ.

Молва прошла такая,
Что будто ты знакомъ съ нечистой силой,
Что ты вступилъ въ союзъ богопротивный
Со всѣми обитателями ада
И что тебѣ покорны злые духи.
Я знаю, что сближенья съ человѣкомъ
Ты избѣгалъ и жилъ въ уединеньи,
А это не всегда есть вѣрный признакъ
Благочестивыхъ дѣлъ...

МАНФРЕДЪ.

Кто жъ распускаетъ
Такія вѣсти?

АББАТЪ.

Это общій голосъ:
Объ этомъ говорятъ всѣ прихожане,
Мои собратья по служенью, даже
Тебѣ принадлежащіе вассалы,
Которые напуганы тобою.
Да, жизнь твоя въ опасности...

МАНФРЕДЪ.

Возмите жъ
Вы эту жизнь!..

АББАТЪ.

Я призванъ для спасенья, —
И разрушать не пастырьское дѣло.
Я не хочу въ твою проникнуть душу,
Но ежели всѣ слухи справедливы,
То знай, мой сынъ, еще осталось время,
Чтобы покаяться; чрезъ покаянье
Ты примиришься съ церковью, а церковь
И съ небомъ примиритъ тебя.

МАНФРЕДЪ.

Я слушалъ
Тебя, отецъ, и вотъ тебѣ отвѣтъ мой:

Кто бъ ни былъ я, и что бы ни случилось
Съ моей душой, но между мной и небомъ
Такія тайны есть, что человѣка
Въ посредники свои не изберу я.
Когда жъ уставы ваши я нарушилъ,
Мнѣ докажите вы, и наказанье
Какое вамъ угодно назначайте.

Аббатъ.

Мой сынъ, о наказаньи я ни слова;
Я говорю о покаяньи только
И о прощеніи. Законы церкви
Мнѣ дали власть помочь тебѣ совѣтомъ,
Какъ выйдти на стезю спасенья въ жизни,
Раскаявшись въ грѣхахъ своихъ великихъ;
А что до наказанья — предоставлю
Исполнить это небу: воля Божья!..
«*Мщу — я одинъ*»! такъ самъ Господь повѣдалъ,
А я, его служитель, только долженъ
Произносить покорно это слово.

Манфредъ.

Старикъ! Ни власть людей благочестивыхъ,
Ни чистаго раскаянья молитва,
Ни тяжкій постъ, ни изнуренье плоти,
Ни собственная внутренняя пытка,
Которая ужаснѣй адской муки
Сосетъ, грызетъ измученное сердце, —
Ничто, ничто въ насъ заглушить не можетъ
Ни нашихъ чувствъ, ни нашихъ преступленій,
Ни вѣчной мести надъ самимъ собою,
И въ будущемъ такой нѣтъ казни лютой,
Какъ та, которою душа караетъ
Сама себя.

Аббатъ.

Но это все не долго,
А послѣ въ сердцѣ страждущемъ родится
Опять, мой сынъ, надежда на спасенье,
И во грѣхи поверженныя души
Раскаявшись, въ тотъ край стремиться будутъ,
Гдѣ каждаго прощенье ожидаетъ.

Покаяться лишь должно, а начало
Раскаянья — есть первое сознанье
Его необходимости. Лишь только
Ты пожелай — и церковь всеблагая,
Моляся за тебя, тебя наставитъ
И дастъ твоимъ проступкамъ отпущенье.

МАНФРЕДЪ.

Когда шестой владыка грозный Рима,
Чтобъ избѣжать стыда публичной смерти
Отъ рукъ рабовъ, подосланныхъ сенатомъ,
Нанесъ себѣ мучительную рану
И гордо умиралъ; тогда увидя
Его страданіе, прохожій воинъ
Хотѣлъ унять полой своей одежды
Кровь бьющую изъ царственнаго горла,
Но строго умиравшій императоръ
Прочь оттолкнулъ протянутую руку,
И бросивъ взглядъ, въ которомъ загорѣлось
Прошедшаго могущества величье,
Сказалъ: «оставь меня! теперь ужь поздно!
И преданность такая безполезна...»

АББАТЪ.

Но говоришь къ чему же ты объ этомъ?

МАНФРЕДЪ.

Отвѣчу я, какъ римлянинъ: «ужь поздно!»

АББАТЪ.

Нѣтъ, никогда не поздно примириться
Съ своей душой и съ небомъ... Неужели
Ты потерялъ ужь всякую надежду?
Дивлюсь тебѣ. Вѣдь даже тѣ, которымъ
Спасеніе казалось невозможнымъ,
Несбыточной надеждой утѣшались
И съ трепетомъ чего-то ожидали.

МАНФРЕДЪ.

Да, мой отецъ, такъ было и со мною,
И тѣ жъ мечты, когда я былъ моложе,

От головы моей не отходили.
Я думалъ стать въ числѣ людей великихъ,
Хотѣлъ подняться — до чего? — не знаю, —
До высоты, съ которой мнѣ, быть можетъ,
Случилось бы упасть, но пасть съ величьемъ.
Такъ водопадъ серебрянным потокомъ
Съ крутыхъ высотъ сбѣгая прямо въ бездны, —
Въ ихъ глубины съ собой свой блескъ уноситъ,
А брызги пѣны кверху поднимаясь,
Волнами незамѣтнаго тумана
Сливаются съ самими облаками...
Великое и грозное паденье!..
Но — то мечты! Онѣ теперь исчезли.

Аббатъ.

Но почему же такъ?

Манфредъ.

Своей натуры
Переломить и обуздать не могъ я.
Тотъ, кто желаетъ властвовать на свѣтѣ
И межь людей ничтожныхъ быть могучимъ,
Тотъ долженъ испытать всѣ муки рабства,
Тотъ долженъ льстить умѣть и пресмыкаться,
Жить постоянной ложью и притворствомъ
И достигать могущества обманомъ.
Таковъ весь міръ. Я былъ не въ состояньи
Мѣшаться съ стадомъ, даже съ волчьимъ стадомъ,
Хоть межъ волковъ навѣрно могъ быть первымъ.
Нѣтъ, я какъ левъ, остался одинокимъ.

Аббатъ.

Но для чего же общества ты бѣгалъ,
И изъ людей ни съ кѣмъ не могъ ужиться?

Манфредъ.

Затѣмъ, что жизнь глубоко презиралъ я,
Хотя меня никто не звалъ жестокимъ.
На злое дѣло не былъ я способенъ,
Зато я зло любилъ искать повсюду.
Я — какъ самумъ. Дыханьемъ раскаленнымъ

Онъ на пути все жжётъ и пожираетъ;
Онъ носится въ одной пустынѣ мертвой,
Гдѣ не ростетъ ни травки, ни былинки,
Гдѣ онъ одинъ въ песчаномъ океанѣ
Крутитъ песокъ зловѣщимъ ураганомъ.
Онъ никого не ищетъ и не ловитъ,
Но если кто идетъ къ нему навстрѣчу, —
Отъ встрѣчи съ нимъ все тотчасъ умираетъ.
Таковъ былъ я въ своей прошедшей жизни,
И то, что на пути ея случилось,
Тому не повториться снова...

АББАТЪ.

Сынъ мой!
Теперь я опасаться начинаю,
Что поздно я пришелъ къ тебѣ, что помощь
Духовника здѣсь стала безполезна.
Но ты еще такъ молодъ... Я хотѣлъ бы...

МАНФРЕДЪ.

Вглядись въ мое лицо. Бываютъ люди, —
Къ нимъ въ юности еще приходитъ старость,
Они не живши скоро умираютъ,
И смертью не насильственной. Иные
Безславно погибаютъ отъ разврата,
Иные отъ труда и напряженья,
Иные отъ бездѣйствія и скуки,
Отъ помѣшательства, и отъ тяжелыхъ
Сердечныхъ мукъ и потрясеній. Людямъ
Ужаснѣй нѣтъ послѣдняго недуга:
Подъ формами различными скрываясь,
Онъ, въ сердце заползая незамѣтно,
Быстрѣе всѣхъ недуговъ убиваетъ.
Взгляни же на меня: изъ этихъ золъ я
Всѣ испыталъ, — хотя довольно было
И одного изъ нихъ, чтобъ умереть мнѣ.
Такъ не тому теперь ты удивляйся,
Что сдѣлался такимъ я, а тому лишь,
Что я еще живу на этомъ свѣтѣ.

АББАТЪ.

Но, выслушай меня...

Манфредъ.

Почтенный старецъ!
Священный санъ твой я не презираю,
Я уважаю возрастъ твой, и знаю,
Что всѣ твои намѣренія чисты,
Но, мой отецъ, они теперь напрасны.
Оставь свои совѣты, и, повѣрь мнѣ,
Что одного тебя оберегая,
Я въ этотъ поздній часъ бесѣду нашу
Хочу прервать. Прощай!

(*Манфредъ уходитъ*)

Аббатъ.

Онъ странно созданъ;
Съ такимъ умомъ, съ такою силой духа —
Онъ могъ бы быть созданіемъ великимъ,
Теперь же онъ — есть только страшный хаосъ,
И свѣтъ, и тьма, духъ мощный вмѣстѣ съ прахомъ,
Смѣсь чистыхъ помысловъ съ страстями
Безумными, и внутренняя пытка,
Которой нѣтъ конца, и нѣтъ начала,
Соединенье творчества съ желаньемъ
Все разрушать. И онъ погибнуть долженъ,
Хотя и лучшей доли былъ достоинъ!..
Нѣтъ, еще разъ всѣ испытаю средства,
Чтобы спасти его, и стану зорко,
Внимательно слѣдить за нимъ повсюду.

(*Аббатъ уходитъ*)

СЦЕНА II-я.

(Другая комната въ замкѣ)

Манфредъ и Германъ.

Германъ.

Графъ, къ вамъ явиться мнѣ вы приказали
Передъ закатомъ солнца. Ужь садится
Оно теперь...

МАНФРЕДЪ.

Такъ скоро?.. Я желалъ бы
Въ минуту эту имъ полюбоваться.

(*Манфредъ подходитъ къ окну. Германъ уходитъ*)

Великолѣпное свѣтило неба!
Кумиръ для первенцовъ земного шара,
Кумиръ гигантовъ, нѣкогда рожденныхъ
Отъ свѣтлыхъ херувимовъ и созданій,
Пересіявшихъ даже херувимовъ,
Которые, узнавъ земныя страсти,
За нихъ паденьемъ вѣчнымъ поплатились.
Лучистое, безсмертное свѣтило!
Тебя еще тогда боготворили,
Когда не знали тайны мірозданья.
Ты—самый чистый спутникъ Саваофа;
Ты—пастуховъ халдейскихъ вдохновлявшій
И слушавшій ихъ теплыя молитвы,
Ты сдѣлался для всей природы богомъ,
И самый богъ явилъ въ тебѣ свой образъ!
Царь между звѣздъ и центръ для звѣздъ небесныхъ,
Ты землю обливаешь свѣтомъ жизни
И грѣешь все цѣлебными лучами!..
Тебѣ покорны климаты и время,
И наши скорби, мысли и желанья,
Ты видишь, проникая въ нашу душу;
Ты въ вѣчной славѣ всходишь и заходишь!..
Прощай! тебя я не увижу больше!..
Прощай! Какъ нѣкогда тебѣ принесъ я
Свой первый взоръ любви и удивленья,
Такъ и теперь прими мой взглядъ послѣдній.
Ты вновь взойдешь, но не увидишь снова
Того, кому награды жизни этой
Наградами служили роковыми...
Конецъ! потухло солнце за горами,
А вслѣдъ за нимъ теперь и я потухну.

(*Манфредъ уходитъ*)

СЦЕНА III-я.

(Горы. Въ нѣкоторомъ разстояніи замокъ Манфреда; терасса передъ башней. Полночь.)

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.

ГЕРМАНЪ.

Довольно, право, странно! Сколько лѣтъ ужь,
Едва наступитъ ночь — вотъ въ этой башнѣ
Запрется онъ — а для чего? Богъ знаетъ...
Мы въ этой странной башнѣ всѣ бывали,
Но по вещамъ, которыя нашли тамъ,
Едва ли можно было догадаться,
Чѣмъ по ночамъ нашъ графъ бываетъ занятъ.
Навѣрно тамъ есть комната такая,
Которая намъ неизвѣстна. Вѣрьте:
Три года прослужить готовъ я даромъ,
Лишь только бъ заглянуть туда украдкой.

МАНУЭЛЬ.

Совѣтую не очень-то храбриться...
Доволенъ будь и тѣмъ, что знаешь.

ГЕРМАНЪ.

Правда!..
Послушай, Мануэль: ты старъ, и много
Испытывать въ свой вѣкъ тебѣ случалось...
Поразскажи-ка намъ. Вѣдь въ этомъ замкѣ
Ты ужь давно живешь?

МАНУЭЛЬ.

Да, не родился
Еще нашъ графъ, какъ я вступилъ на службу
Къ его отцу. Онъ не чета былъ сыну.

ГЕРМАНЪ.

Да, съ дѣтками бываетъ это часто...
А чѣмъ они не схожи были?

Мануэль.

Дѣло
Тутъ не въ лицѣ, а въ жизни и привычкахъ.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но нравъ имѣлъ онъ
Веселый и радушный; храбрый воинъ,
Онъ жить любилъ открыто, на распашку,
Кутнуть любилъ, и ужь не сталъ бы киснуть
За книгой взаперти въ проклятой башнѣ,
А пировалъ съ друзьями дни и ночи;
Не сталъ бы, какъ сынокъ, по ска́ламъ лазить,
Въ лѣсныхъ трущобахъ безъ толку шататься,
Да отъ людей волчицей дикой бѣгать.

Германъ.

Вотъ было времечко!.. Не то, что наше!
Эхъ, если бъ время это воротилось
И прежнее житье вернулось въ замокъ!
Ужь онъ забылъ, какъ веселятся люди!..

Мануэль.

То сбудется, когда другой хозяинъ
Въ него войдетъ... Да, Германъ, довелось мнѣ
Здѣсь видѣть чудеса въ былое время.

Германъ.

Такъ разскажи, пожалуйста, что знаешь.
Мнѣ помнится, ты говорилъ однажды,
Что здѣсь, близь замка нашего когда-то
Исторія ужасная случилась.

Мануэль.

Да, это было ночью. Ночь такая жъ
Была тогда, какъ нынче. Надъ вершиной
Эйге́ра облако остановилось,
Вотъ какъ теперь — и такъ же красно было, —
Дулъ сильный вѣтеръ; снѣжныхъ горъ вершины
Всходившій мѣсяцъ залилъ яркимъ блескомъ.
Нашъ графъ, Манфредъ, какъ и теперь, былъ въ башнѣ,
А занятъ чѣмъ—одинъ онъ только знаетъ,—

Но съ нимъ тогда была его подруга,
Подруга дней, ночей его безсонныхъ.
Изъ всѣхъ существъ земныхъ на этомъ свѣтѣ
Одну ее нашъ графъ любилъ, казалось,
И былъ родствомъ съ ней связанъ онъ. Астартой
Звалась она. Его... Постой... чу! кто-то
Сюда идетъ.

(*Входитъ аббатъ св. Мориса*)

Аббатъ.

Гдѣ графъ вашъ?

Германъ.

Въ этой башнѣ.

Аббатъ.

Его мнѣ нужно видѣть.

Мануэль.

Въ это время
Графъ никого къ себѣ не принимаетъ.

Аббатъ.

За нарушенье правилъ вашихъ буду
Самъ графу отвѣчать я, если только
Тутъ есть какое-либо нарушенье.
Мнѣ графа видѣть нужно непремѣнно.

Германъ.

Но вы его ужь видѣли сегодня.

Аббатъ.

Сейчасъ тебѣ приказываю, Германъ,
Идти, и о моемъ приходѣ графа
Увѣдомить.

Германъ.

Мы этого не смѣемъ.

АББАТЪ.

Такъ мнѣ войдти придется безъ доклада.

МАНУЭЛЬ.

Нѣтъ, мой отецъ, прошу васъ: не ходите.

АББАТЪ.

Но почему?

МАНУЭЛЬ.

Пожалуйте за мною.
Я кое-что готовъ поразсказать вамъ.

СЦЕНА IV-я.

(ВНУТРЕННОСТЬ БАШНИ)

Манфредъ одинъ.

МАНФРЕДЪ.

Какъ ярко блещутъ звѣзды! Луннымъ свѣтомъ
Озарены нагорныя вершины...
Какъ хорошо кругомъ! Еще донынѣ
Люблю я разговаривать съ природой,
И страстный шепотъ ночи мнѣ понятнѣй,
Чѣмъ голоса людей; въ ея дыханьи,
Подъ звѣзднымъ кровомъ неба, постоянно
Я изучалъ языкъ другого міра.
Мнѣ памятна—въ то время я былъ молодъ, —
Одна такая жъ точно ночь; стоялъ я
На верхней галереѣ Колизея—
Въ виду громадъ разрушеннаго Рима.
Вокругъ дремала полночь голубая;
Въ разбитыя, широкія аркады,
Врывались вѣтви темныя деревьевъ,

И милліономъ глазъ своихъ сверкая,
Въ амфитеатръ заглядывали звѣзды...
Тамъ, далеко, за Тибромъ, раздавался
Чуть только слышный лай собакъ, а ближе
Изъ стѣнъ дворца, гдѣ цезари живали,
Совы полночной крики доносились,
Да иногда молчанье нарушали
Унылые напѣвы часового,
Сквозь ниши стѣнъ, столѣтьями пробитыхъ,
Виднѣлись кипарисы и, казалось,
Они росли вдали, на горизонтѣ,
А между тѣмъ зеленыя ихъ вѣтви
Качались близко... Всюду разрушенье:
Тамъ, гдѣ когда-то римскіе владыки
Бросали взоры дерзкаго величья,
Теперь живутъ однѣ ночныя птицы,
И на гробницахъ, рухнувшихъ въ обломкахъ,
Гдѣ цезарей положены останки,
Сквозь ихъ сердца теперь лишь проростаетъ
Одна трава и дикая крапива,
И ивы, вмѣсто лавровъ, наклонились
Надъ ихъ могилами. Дворцы, палаты
Всѣхъ Августовъ сравнялися съ землею
И лишь одинъ остался невредимымъ
Циркъ гладіаторовъ, какъ грозный остовъ
Презрѣннаго могущества и звѣрства...
И въ тѣ часы, на всю картину эту
Смотрѣлъ ты, мѣсяцъ, нѣжно обливая
Развалины прозрачнымъ, мягкимъ свѣтомъ
И оживлялъ собою мертвый городъ,
Раздавленный безстрастными вѣками;
Ты освѣщалъ обломки падшихъ зданій,
И подъ твоими яркими лучами
Прекрасное манило красотою
Вновь обновленною, и просыпалась
Та красота, которая увяла...
Среди такихъ классическихъ развалинъ
Благоговѣнье чувствуешь невольно
И поклоняешься гробамъ великихъ предковъ,
Которые и мертвецами даже
Живутъ для насъ—и изъ своей гробницы
Имѣютъ власть надъ нашими умами.
Да, эту ночь я помню... только странно,
Что мнѣ она теперь пришла на память...
Но это такъ: чѣмъ глубже мы уходимъ

Въ самихъ себя—тѣмъ дальше мысль уноситъ.

АББАТЪ (*входитъ*).

Мой добрый графъ, за то, что я сегодня
Вторично прихожу къ тебѣ—прости мнѣ,
Служителю смиреннѣйшему церкви,
Прости, что я непрошеный явился,
И да пошлетъ Создатель лучъ спасенья
Твоей душѣ, блуждающей во мракѣ....
О, если бы молитвами своими
Я тронуть могъ твое больное сердце,
Которое лишь только заблудилось,
Но не погибло!..

МАНФРЕДЪ.

Ты меня не знаешь.
Всѣ дни мои сосчитаны; поступки
Всѣ взвѣшены... Здѣсь быть тебѣ опасно:
Иди скорѣй. Прощай.

АББАТЪ.

Мой сынъ! навѣрно
Ты мнѣ не угрожаешь?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, нисколько...
Я только лишь тебя предупреждаю,
Что здѣсь опасно долго оставаться...

АББАТЪ.

Но почему?..

МАНФРЕДЪ.

А вотъ взгляни сюда ты...
Что видишь тамъ?

АББАТЪ.

Я ничего не вижу.

Манфредъ.

Но посмотри внимательно, прошу я...
Теперь что видишь ты?

Аббатъ.

Я вижу.... Боже!..
Тѣнь грозная... но я смотрю безъ страха...
Я вижу всталъ какой-то мрачный образъ,
Подобный духу тьмы... Совсѣмъ закрыто
Его лицо подъ мантіей широкой...
Обвитый темнымъ облакомъ, онъ выросъ
И здѣсь стоитъ межъ мною и тобою...
Но онъ не страшенъ мнѣ!

Манфредъ.

Не нужно
Его бояться: онъ тебя не тронетъ,
Но самый видъ его невыносимый
Убьетъ твой дряхлый мозгъ однимъ ударомъ.
Я говорю тебѣ: иди отсюда!..

Аббатъ.

Нѣтъ, не уйду, и здѣсь до тѣхъ поръ буду,
Пока не изгоню я злого духа.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

Манфредъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не знаю...
Его никто не звалъ.

Аббатъ.

Погибшій грѣшникъ!
Какое ты сношеніе имѣешь
Съ нечистой силою? Зачѣмъ такъ смотришь
На демона, свой взоръ въ него вперяя?
А! это онъ!.. лицо его открыто...
Проклятый видъ!.. громовые удары
Вкругъ язвами чело его покрыли,
И адскимъ блескомъ взоры загорѣлись...
Оставь насъ, злобный духъ!

МАНФРЕДЪ.

Духъ! отвѣчай мнѣ:
Зачѣмъ ты здѣсь?

ДУХЪ.

Иди!

АББАТЪ.

Но кто ты, кто ты,
Созданье мрачное?

ДУХЪ.

Я духъ, я геній
Стоящаго здѣсь смертнаго! Приходитъ
Послѣдній часъ его... Иди за мною!

МАНФРЕДЪ.

Я сталъ на все готовъ, но отвергаю
Я власть, меня зовущую. Кѣмъ посланъ
Ты былъ сюда?

ДУХЪ.

Узнаешь это послѣ....
Иди, иди за мной!

МАНФРЕДЪ.

Духъ! ты мнѣ жалокъ!
Я управлялъ духами высшей силы,
Передъ которыми ничтоженъ ты; боролся
Я съ гордыми владыками твоими...
Прочь отъ меня!..

ДУХЪ.

Но пробилъ часъ твой, смертный;
Я говорю—иди во слѣдъ за мною!

Манфредъ.

Я знаю самъ, что часъ мой пробилъ — знаю, —
Но не тебѣ отдамъ я эту душу,
Прочь съ глазъ моихъ! Какъ жилъ я, одинокимъ,
Такъ и умру — одинъ!

Духъ.

Къ себѣ на помощь
Я братьевъ вызову. Явитесь!

(*Является множество духовъ*)

Аббатъ.

Духи
Проклятые! исчезните отсюда —
Сейчасъ! вы въ той обители безсильны,
Гдѣ обитаетъ божье милосердье!
Я именемъ —

Духъ.

Старикъ, повѣрь, мы знаемъ
Свои права и силу; знаемъ также,
Какой ты носишь санъ. Не трать безъ пользы
Напрасныхъ словъ: онъ осужденъ навѣки.

Манфредъ.

Я презираю васъ! хоть мнѣ извѣстно,
Что я умру, но все жъ васъ презираю.
Пока во мнѣ есть капля только жизни —
Не двинусь съ мѣста я; пока есть силы —
Я до конца бороться съ вами буду,
И иначе меня вы не возьмете,
Какъ растерзавъ на части!

Духъ.

Дерзкій смертный!
Ты, думавшій проникнуть въ тайны міра
И между нами равнымъ быть, — ты можешь
Еще любить свое существованье,

Любить ту жизнь, которая разбила
Твое земное счастье!..

МАНФРЕДЪ.

Лжешь ты, дьяволъ!
Я знаю — жить осталось мнѣ не долго,
И ни одной минуты я не сталъ бы
Выпрашивать, чтобъ жизнь моя продлилась:
Не съ смертью я борюсь, но только съ вами.
Я власть свою купилъ—не по условью
Съ такимъ ничтожествомъ, какъ ты, по знаньемъ,
Усильями ума и трезвой мысли,
Тревожными, безсонными ночами
И изученіемъ науки той древнѣйшей,
Когда въ одну семью соединялись
И ангелы, и люди, — и не знали
Надъ нами превосходства херувимы....
Прочь отъ меня! однимъ презрѣньемъ только
На вызовъ твой я отвѣчаю...

ДУХЪ.

Вспомни,
Какъ всѣ твои пороки безконечны.

МАНФРЕДЪ.

Но что мои пороки предъ твоими?
Тебѣ ль казнить меня за преступленья,
Когда ты самъ ужаснѣй всѣхъ пороковъ...
Иди въ свой адъ проклятый! Надо мною
Ты власти не имѣешь, и не можешь
Владѣть душой моей, — я это знаю.
Что сдѣлалъ я — то кончено. Есть муки,
Которыхъ увеличить невозможно,
И ты ничѣмъ теперь ихъ не усилишь.
Безсмертный гордый разумъ человѣка
Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
За каждое движенье тайной мысли;
Добро и зло, послушныя разсудку,
Родятся въ немъ и въ немъ же умираютъ.
Отъ времени и мѣста не зависитъ
Свободный умъ; стряхнувъ оковы праха,
Условьями минутными не связанъ,

Въ самомъ себѣ умѣетъ находить онъ
Страданіе иль счастье...
Такъ меня ли
Могъ искушать ты? Никогда я не былъ
Твоей добычей адской и игрушкой,
И постоянно — царь своихъ желаній,
Руководился собственною властью...
Идите жъ прочь, непризнанные духи!...
На мнѣ лежитъ рука холодной смерти,
Но та рука — не ваша...

(*Духи исчезаютъ*).

Аббатъ.

Какъ ты блѣденъ!
Покрылись губы мертвой синевою...
Какъ тяжело твое дыханье... голосъ
Хрипитъ .. Молись, пока есть время, небу,
Молись хоть мысленно, но безъ молитвы
Не умирай.

Манфредъ.

Всему конецъ! Не видятъ
Тебя мои глаза... вотъ, всѣ предметы
Кружатся, плаваютъ, а подъ ногами
Дрожитъ земля .. Прощай!... дай руку...

Аббатъ.

Сердце
Чуть слышно бьется. Сынъ мой, умоляю:
Хоть звукъ одинъ молитвы! — Что съ тобою?

Манфредъ.

Повѣрь, старикъ, смерть вовсе не страшна мнѣ!

(*Умираетъ*).

Аббатъ.

Онъ въ вѣчность отошелъ, и улетѣла
Его душа — куда? о томъ боюсь подумать,
Но жизнь его покинула на вѣки.

Д. Д. Минаевъ.

УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ.

Въ настоящихъ четырехъ статьяхъ предлагается читателю обзоръ главнѣйшихъ обстоятельствъ, мѣшавшихъ матеріальному благосостоянію людей.

Вопросы экономическаго быта считались всегда самыми существенными, но по разнымъ причинамъ человѣчество еще не доросло до практическаго ихъ разрѣшенія.

—

Бѣдность создавалась главнѣйше рабствомъ и войнами.

I.

РАБСТВО.

Изъ всѣхъ существующихъ знаній самое слабое, разумѣется, исторія.

Въ физіологіи, химіи, математикѣ не можетъ быть произвольныхъ толкованій. Физіологія знаетъ отправленіе сердца, сущность кровообращенія, пищеваренія, значеніе нервовъ. Для нея невозможно навязывать желудку то, что зависитъ отъ нервовъ, или смѣшивать отправленіе головного мозга съ отправленіемъ кишекъ. Въ химіи то же самое. Условія, при которыхъ соединяются тѣла и образуются новыя, извѣстны уже на столько, что химія знаетъ точно, что при соединеніи кислорода съ водородомъ въ данной пропорціи образуется непремѣнно вода, а не камень, не дерево.

Очевидно, что науки эти овладѣли уже нѣкоторыми основаніями,

и тѣ непреложныя условія, при сочетаніи которыхъ образуются непремѣнно извѣстныя ощущенія или соединенія, они называютъ законами. Но подобныхъ законовъ исторія, какъ наука, для себя еще не открыла. Поэтому, ни одно знаніе не представляетъ болѣе удобнаго случая для личныхъ соображеній и заключеній, т. е. для произвольныхъ всякихъ гипотезъ, какъ исторія.

Каждый историкъ хвалитъ или бранитъ то, что нравится или не нравится ему лично. Не говоря уже про то, что существующее страстное изложеніе историческихъ событій нѣсколько странно, потому что наукѣ нѣтъ никакого повода сердиться, если рядомъ извѣстныхъ причинъ создалось извѣстное слѣдствіе; но историкъ въ этомъ случаѣ такъ же смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ математикъ, еслибы онъ вздумалъ сердиться зачѣмъ 2+2=4, или физіологъ, узнавшій, что желудокъ человѣка страдаетъ, когда наполнятъ его пескомъ. Такое обращеніе съ исторіей мѣшаетъ кромѣ того пониманію смысла явленій для большинства, мѣшаетъ человѣческому прогрессу, потому что не даетъ знанія.

Разумѣется, дѣло исторіи труднѣе, чѣмъ какого бы то ни было другого знанія, потому что исторія, какъ общій законъ всего хода развитія человѣчества поглощаетъ въ себѣ всѣ остальныя знанія. Но трудность разработки этой науки не столько качественная, сколько количественная, вслѣдствіе обилія вспомогательныхъ знаній.

Исторія, желающая открыть законы развитія и жизни народовъ, разумѣется, прежде всего должна знать тѣ законы, которые открываетъ физіологія, изучающая организмъ отдѣльнаго человѣка и вліяніе на него внѣшней среды. Съ знаніемъ физіологическихъ законовъ и съ тѣми фактами, которые открываетъ статистика, исторія перестанетъ быть сборникомъ анекдотовъ и разныхъ разсказовъ, изъ которыхъ каждый выбираетъ то, что ему по вкусу. Такъ человѣкъ съ нервами жесткими и не особенно впечатлительными восторгается всѣми военными событіями, и приходитъ въ особенный восторгъ именно отъ такихъ изъ нихъ, гдѣ наиболѣе пролито крови, и гдѣ люди походили наиболѣе на дикихъ звѣрей. Другой, человѣкъ болѣе мягкой организаціи, впадаетъ въ нѣжную чувствительность отъ добродѣтелей Тита, и готовъ облагодѣтельствовать все человѣчество, не понимая однако, что значитъ добро. Третій хочетъ видѣть въ исторіи наставника; ищетъ въ ней какіе-то уроки, не подозрѣвая вовсе, что до сихъ поръ исторія не дала еще никому ни одного полезнаго для человѣчества

наставленія, и только собирается искать общіе, необходимые законы прогресса.

Но исторія и не сдѣлаетъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока историки не познакомятся лучше съ естественными науками; пока они не узнаютъ физіологіи и взаимно-дѣйствующихъ вліяній отправленій организма и внѣшней среды; пока они не узнаютъ статистики.

Какъ ни слабы успѣхи естественныхъ наукъ, но они настолько богаты наблюденіями, что въ состояніи помочь историкамъ въ ихъ дѣлѣ.

Если же историковъ не удовлетворяютъ факты, разъясненные естественными науками; если ни физіологія, ни статистика не представляютъ по ихъ мнѣнію достаточный запасъ точныхъ наблюденій, чтобы по нимъ дѣлать безошибочныя заключенія хотя о нѣкоторыхъ историческихъ явленіяхъ, то это недовольство не должно бы мѣшать воспользоваться другимъ открытіемъ естествоиспытателей — ихъ научнымъ пріемомъ, съ помощью котораго они не всегда могутъ сказать, когда то или другое предположеніе вѣрно, зато всегда безошибочно опредѣлятъ, когда оно невѣрно.

Оцѣнка прожитаго человѣчествомъ при помощи этого новаго научнаго пріема и при помощи того, что уже извѣстно физіологіи и статистикѣ, разумѣется, сообщила бы исторіи характеръ болѣе точнаго знанія, чѣмъ какой привыкли въ ней встрѣчать. И для тѣхъ, кто хочетъ найдти въ исторіи непремѣнно урокъ, вѣроятно нашлись бы тогда и какія-нибудь полезныя указанія.

Такое критическое изложеніе событій съ исключительнымъ указаніемъ того, что приносило человѣчеству пользу и что приносило вредъ, привело бы къ заключенію, можетъ, нѣсколько обидному для самолюбія человѣчества, но зато во всякомъ случаѣ къ заключенію болѣе полезному, чѣмъ отсутствіе всякихъ выводовъ.

Принимая основаніемъ только признанную физіологіей и статистикой полезность и безполезность тѣхъ или другихъ явленій для отдѣльнаго и для коллективнаго организма, пришлось бы всѣ дѣйствія человѣчества раздѣлить на двѣ группы — на группу явленій полезныхъ и явленій вредныхъ для прогресса.

Подобной группировкой явленій если и не всегда опредѣлится, что нужно дѣлать, то ужь во всякомъ случаѣ разъяснится, чего дѣлать не слѣдуетъ.

Исторія покажетъ тогда, что человѣкъ хоть и гордится тѣмъ, что

онъ вѣнецъ творенія, но что этотъ вѣнецъ доселѣ былъ не больше, какъ вѣникомъ; что коллективный человѣкъ, не смотря на прожитыя имъ тысячелѣтія, умѣлъ только чувствовать, когда его кололо что-нибудь, но не умѣлъ устранить безпокоившаго его предмета; что коллективный человѣкъ не научился еще согласовать ощущеній съ дѣйствіями, и шелъ такимъ медленнымъ путемъ, что даже нынче, послѣ многихъ вѣковъ, большинство людей на земномъ шарѣ находится на той же степени знанія, на какой оно было при сотвореніи міра.

Даже исторія гордой своей цивилизаціей Европы представляетъ исключительно факты, подобные тѣмъ, какіе замѣчаются въ жизни младенца: это барахтанье ребенка, рядъ неудачныхъ попытокъ и опытовъ, моменты отчаянія и безнадежности.

На сколько это справедливо указываетъ статистика прошедшаго и факты, сообщаемые исторіей преимущественно древняго міра.

Что представляетъ намъ исторія древняго міра? Самъ онъ не понималъ себя; у него не было никакихъ знаній, кромѣ нѣкоторыхъ ложныхъ догадокъ и гипотезъ, которыя составляли его вѣчное несчастіе и постоянно заставляли его дѣлать только то, что вредило ему. Эти первые шаги коллективнаго человѣка, которые онъ дѣлалъ совершенно на удачу, показались послѣдующей Европѣ почему-то наслѣдіемъ вѣковъ.

Ошибка такого заключенія была въ томъ, что человѣкъ вмѣсто правильнаго понятія о періодѣ развитія, составилъ себѣ чисто-условную идею о прогрессѣ, смѣшавъ его съ движеніемъ времени. Разумѣется, 2,500 лѣтъ сравнительно съ 50 лѣтнимъ вѣкомъ человѣка величина большая, но въ періодѣ развитія они ничего не значатъ. Здѣсь важно не 2,500 лѣтъ, а сумма всѣхъ условій, необходимыхъ для развитія. А какія именно эти условія, были ли всѣ они на лицо и отчего они зависятъ?

Исторія въ томъ видѣ, какъ ее обыкновенно разсказываютъ, не даетъ не только отвѣта на этотъ вопросъ, но она даже не посмотрѣла на прожитую человѣчествомъ жизнь съ этой раціональной точки зрѣнія. Вотъ почему и нужно ожидать, что наконецъ явится новая разработка исторіи древняго міра, не похожая на прежніе труды историковъ. Это значитъ, что съ успѣхами естественныхъ наукъ и физіологіи, и при посредствѣ статистическихъ изслѣдованій историки попытаются прослѣдить вновь періодъ развитія человѣчества, называемый древнимъ міромъ, и опредѣлить законы его жизни совершенно

такъ же, какъ это дѣлаетъ физіологъ, наблюдающій зачаточный періодъ или дѣтскій возрастъ ребенка.

Такое наблюденіе, если и не всегда откроетъ ясно, что было полезно организму, то уже во всякомъ случаѣ разъяснитъ, что было вредно. Общественная физіологія составитъ себѣ въ этомъ случаѣ точное понятіе о томъ наслѣдіи вѣковъ, которое такъ нравится многимъ ученымъ, и, разумѣется, увидитъ безъ труда, что наслѣдіе это вовсе не такъ велико, не смотря на 2,500 лѣтъ, въ теченіе которыхъ копилъ его Римъ и затѣмъ Европа. Въ наслѣдіи вѣковъ исторія, можетъ быть, увидитъ нѣсколько задержанный зачаточный періодъ, только начало гражданскаго дѣтства, т. е. тотъ возрастъ, когда не вполнѣ еще развитая нервная система, возбуждая въ человѣкѣ только истерическую чувствительность, не позволяетъ ему составлять точнаго понятія объ окружающихъ его явленіяхъ и производимомъ ими на него вліяніи. Наконецъ историки увидятъ, что если прожитое и было неизбѣжно, какъ зачаточный періодъ или дѣтскій возрастъ для человѣка, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ изъ наслѣдія, оставленнаго ему его зачаточнымъ періодомъ и дѣтствомъ составилъ бы себѣ законъ для зрѣлаго возраста, что въ разработкѣ прошлаго нужно искать законъ только для прошлаго. Настоящее же и будущее сами себѣ законъ, и истины, нужныя для нихъ, заключаются въ нихъ самихъ. Какъ физіологія опредѣляетъ условія, необходимыя для развитія каждаго отдѣльнаго организма, опредѣляетъ что̀ для него вредно и что̀ полезно, и при какихъ данныхъ возможно вполнѣ самобытное, правильное и здоровое существованіе, такъ и исторія, эта физіологія и патологія коллективнаго человѣка, опредѣляетъ тѣ неизбѣжные законы, при которыхъ должно совершаться здоровое развитіе общественнаго организма.

Если съ этого физіологическаго основанія смотрѣть на факты, представляемые исторіей древняго міра, то поучительность такого изученія окажется преимущественно въ его отрицательномъ свойствѣ. Главнѣйшій урокъ прошедшаго въ томъ, чтобы не повторять стараго.

Здѣсь мы взглянемъ на нѣкоторыя явленія, представляемыя исторіей исключительно въ смыслѣ ихъ экономическаго значенія, т. е. вліянія на бѣдность и богатство народовъ. Факты эти самые крупные и потому самые легкіе для пониманья.

Не существуетъ никакихъ причинъ думать, чтобы матеріальныя

потребности людей были прежде иного свойства, чѣмъ у людей нашего времени.

Напротивъ, человѣчество не стремилось никогда такъ сильно къ удобствамъ и къ наслажденію жизнью, какъ въ древнемъ мірѣ. Эти наслажденія и удобства были однако такого свойства, что должны были вести за собой самыя печальныя послѣдствія, какъ для отдѣльныхъ организмовъ, такъ и для всего общества.

Причина, почему матеріальный бытъ древняго Рима долженъ былъ привести къ тому явленію, какое обыкновенно называютъ его паденіемъ, заключалась исключительно въ томъ, что Римъ жилъ гипотезами, что у него не было точныхъ знаній, что его философія и наука были произвольными толкованіями ежедневно представляющихся явленій. Это былъ первый опытъ, убѣдившій въ несостоятельности гипотезъ, правильность которыхъ ничѣмъ не доказана.

Самая крупная гипотеза древняго міра заключалась въ томъ ученіи, которымъ опредѣлялись гражданскія отношенія людей между собой. Эврипидъ, принимая закономъ существующій фактъ, говоритъ, что сама природа назначила грекамъ быть свободными, и варварамъ быть рабами.

Но Эврипидъ былъ поэтъ, т. е. онъ могъ ошибаться легче, увлекаясь призраками воображенія. Этого однако нельзя, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ предполагать, относительно тѣхъ великихъ умовъ древности, гипотезы которыхъ служили такъ долго Европѣ исключительнымъ источникомъ знанія.

Аристотель прямо признаетъ рабство естественнымъ явленіемъ, неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Онъ говоритъ, что такъ же естественно, чтобы между людьми одни были свободными, какъ другіе рабами, и что для послѣднихъ рабство такъ же полезно, какъ и справедливо. Когда одинъ человѣкъ на столько ниже другого, на сколько тѣло ниже души, на сколько скотъ ниже человѣка, и когда исключительно физическая сила есть единственная способность человѣка—такой человѣкъ есть рабъ по натурѣ. Такому человѣку лучше всего отдаться подъ власть господина.

Здѣсь Аристотель возводитъ прямо въ право то, что требуетъ еще доказательствъ.

Платонъ, напротивъ, выражается осторожнѣе. Онъ говоритъ, что человѣкъ есть животное, которымъ управлять не легко, и которое

отдается съ большимъ трудомъ разграниченію между свободнымъ и рабомъ, господиномъ и слугой, введенному по необходимости. Рабъ— мебель довольно стѣснительная, прибавляетъ Платонъ.

Ясно, что Платонъ какъ будто бы сомнѣвался въ правильности существующаго факта, но у него не было другого идеала, кромѣ того, что онъ видѣлъ; а воображеніе его было такъ слабо, что, черпая матеріалы изъ окружавшаго его міра, оно не могло предвидѣть возможности общества на иныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ и Аристотель, и Платонъ возводили въ законъ существующее, потому что не видѣли фактовъ другого рода, которые бы могли привести ихъ къ инымъ заключеніямъ. Отъ этого не только они, но и все древнее общество, идя весьма логически отъ своего невѣрнаго основанія, должны были придти къ выводамъ довольно страннымъ, хоть и послѣдовательнымъ. Поэтому понятно, почему Платонъ пришелъ къ такому заключенію: если рабъ, говоритъ Платонъ, убьетъ свободнаго человѣка, даже защищаясь противъ него, то долженъ быть наказанъ, какъ за отцеубійство.

Философы своимъ ученіемъ оправдали только то, что жило и безъ нихъ въ общемъ убѣжденіи. Они не сказали ничего новаго. не открыли никакой истины; они даже и не могли придти путемъ логическихъ построеній къ правильнымъ выводамъ, потому что не владѣли никакими знаніями и не могли ничѣмъ провѣрить себя.

Во всемъ этомъ видѣнъ только первый опытъ незнанія и приложенія ошибочной гипотезы къ политическимъ учрежденіямъ огромнаго размѣра.

Основаніе, изъ котораго шли римляне было весьма просто. Это законъ, существующій теперь и который будетъ существовать вѣчно. Законъ этотъ—польза, выгода.

Римляне, какъ люди практическаго смысла, дѣлали только то, что казалось имъ выгоднымъ и полезнымъ. Только эта причина и заставила ихъ оставить манеру дикарей, убивающихъ побѣжденныхъ ими непріятелей. Для римлянина, жившаго гражданскимъ обществомъ, было выгоднѣе взять врага къ себѣ въ работники и избавить себя тѣмъ отъ непріятной необходимости трудиться.

Писатели нынѣшняго времени обыкновенно возмущаются отвращеніемъ римлянъ отъ труда, и тѣмъ, что для нихъ война и грабежъ казались занятіемъ, болѣе достойнымъ гражданина. Причина этого взгляда римлянъ на трудъ объясняется очень просто.

Извѣстно изъ физіологіи, что трудъ такъ же необходимъ для человѣческаго организма, какъ ѣда и сонъ. Извѣстно также, что единственнымъ побужденіемъ къ труду служитъ личная необходимость человѣка удовлетворить своимъ потребностямъ; однимъ словомъ, человѣкъ трудится потому, что ему нужно пить, ѣсть, имѣть одежду, помѣщеніе и удовлетворять и другимъ своимъ потребностямъ. Во всѣхъ родахъ труда, гдѣ человѣкъ долженъ произвести самъ всѣ необходимые ему предметы, трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего пріятнаго. Вспахать собственными руками десять десятинъ земли, взборонить ихъ, засѣять, сжать, привести хлѣбъ домой, высушить, вымолотить, смолоть—все это требуетъ очень усиленной дѣятельности мышцъ,—болѣе усиленной, чѣмъ сколько это нужно для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. А всякая усиленная дѣятельность, т. е. трудъ бо̀льшій, чѣмъ сколько нужно его собственно для организма, есть уже непріятность. Можно съ удовольствіемъ срубить одно дерево, но срубить ихъ двѣсти, повалить ихъ съ огромнымъ усиліемъ на сани и вывезти изъ лѣсу—это уже трудъ другого рода. Люди съ неразвитыми потребностями, когда имъ приходится работать самимъ на себя, стараются по возможности облегчить свой трудъ, выполняя его кое-какъ. По этой причинѣ забайкальскій житель строитъ себѣ обыкновенно одну избу, маленькую, изъ тонкаго лѣса, потому что ему пріятнѣе жить въ тѣсномъ углу и зябнуть, чѣмъ трудиться на столько, чтобы вмѣсто одной имѣть двѣ избы; по этой же причинѣ забайкалецъ не дѣлаетъ при домѣ ни хлѣва, ни амбаровъ, не роетъ колодца, потому что ему выгоднѣе, т. е. легче держать коровъ на открытомъ воздухѣ во всю зиму и кормить скотъ скудно, не смотря на то, что половина его погибнетъ къ веснѣ, чѣмъ строить хлѣвъ, или рыть калодезь, когда можно пользоваться хоть и грязной, но готовой водой; по этой же причинѣ забайкальскія бабы доятъ коровъ бурятскимъ способомъ, припуская теленка и необмывая вымя, потому что бабѣ выгоднѣе пить молоко воняющее навозомъ, чѣмъ обмывать вымя. Это все разные способы убавить непріятность труда, или довести трудъ до минимума. Если бы каждому изъ насъ пришлось убирать самому свои комнаты и оправлять постели, то непріятность труда, разумѣется, пріучала бы насъ быть менѣе взыскательными на чистоту, чѣмъ это нынче, когда чистота комнатъ лежитъ на обязанности прислуги. Не существуетъ и не можетъ существовать на свѣтѣ такого нормальнаго человѣческаго организма, ко-

торому бы усиленный трудъ былъ полезенъ и слѣдовательно пріятенъ. Поэтому каждый человѣкъ стремится къ облегченію своего труда на столько, на сколько позволяетъ минимумъ потребностей, и въ этомъ же причина, почему изобрѣтеніе машинъ должно современемъ оказать человѣчеству большую услугу. Чтобъ довести трудъ до такого размѣра и качества, чтобы онъ былъ только пріятенъ и никакъ бы не приближался къ предѣлу, за которымъ начинается его усиленное дѣйствіе на организмъ, т. е. непріятность, нужны такіе успѣхи знанія, какими человѣчество еще не располагаетъ.

Когда человѣчество даже нынче не дошло еще до такихъ успѣховъ въ механикѣ и въ техническихъ занятіяхъ, то что же могло быть въ древнемъ Римѣ, когда не только не существовало промышленной технологіи и механики, но даже не было хорошо устроенныхъ дорогъ. Вотъ почему римляне, желавшіе, какъ и всѣ люди нынче, убавить свой трудъ, нашли одно средство для этого — рабство. Они разсуждали правильно, что усиленный трудъ ослабляетъ умственныя способности; они знали изъ опытовъ, изъ своихъ военныхъ походовъ, что, проработавъ съ утра до вечера до упадка силъ, невозможно заниматься уже дѣлами управленія. Фактъ былъ подмѣченъ вѣрно, и нынѣшняя физіологія разъяснила, что исключительно мышечная дѣятельность ослабляетъ дѣятельность нервовъ, т. е. той части организма, которая служитъ спеціально для чисто-умственной дѣятельности человѣка. И римлянинъ по своему былъ правъ, когда, считая себя господиномъ, онъ приводилъ къ себѣ домой своего плѣннаго врага и дѣлалъ его своимъ рабочимъ, а самъ занимался исключительно дѣлами государственными и разными, какъ ему казалось, высшими соображеніями.

Въ томъ, что римлянинъ дѣлилъ трудъ правильно — на трудъ пріятный и непріятный, нѣтъ ровно еще никакой причины негодовать на древній міръ за неуваженіе его къ труду. Нельзя чувствовать ни любви, ни уваженія къ тому, что производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Это физіологическій законъ, на которомъ основанъ весь прогрессъ человѣчества. Это законъ, который разъясняетъ намъ двѣ трети историческихъ фактовъ. Такимъ образомъ теоретическій взглядъ римлянъ на трудъ былъ вполнѣ правиленъ, но они не умѣли только разрѣшить его практически и поплатились за это тѣмъ, что ихъ громадное государство разсыпалось.

Выгода и облегченіе всѣхъ матеріальныхъ трудностей жизни были такимъ же основнымъ экономическимъ закономъ древняго міра, какимъ

они остаются и до нынѣ. Предполагая, что только человѣкъ, избавленный отъ физическаго усиленнаго труда, можетъ владѣть вполнѣ своими умственными средствами, древній міръ въ лицѣ представителей своей умственной дѣятельности, какъ Платонъ, Ксенофонтъ, Цицеронъ, Аристотель, возвели это мнѣніе въ соціальный принципъ. Всѣ ручныя работы были признаны ими недостойными людей свободныхъ, и даже торговля допускалась ими для свободныхъ людей подъ двумя условіями: чтобы она приносила грамадныя выгоды, и чтобы плоды ея можно было превратить въ недвижимое имущество. Въ Фивахъ, кто занимался разнымъ трудомъ, могъ воспользоваться правами гражданина только десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ оставилъ свое ремесло. У грековъ презрѣніе къ труду было такъ велико, что философъ Діофанъ рѣшился предложить обратить всѣхъ ремесленниковъ въ государственныхъ рабовъ.

Какъ нынче въ облегченіе труда стараются придумать разныя механическія средства и орудія, такъ древній Римъ замѣнялъ ихъ живой машиной—рабомъ. Рабъ былъ больше ничего, какъ извѣстная сила, каторой римлянинъ старался довести свой личный трудъ до минимума.

Но эта живая машина была все-таки человѣкъ. Онъ могъ быть и очень слабыхъ умственныхъ способностей, но могъ быть человѣкомъ и другого закала, потому что въ числѣ народовъ, побѣжденныхъ римлянами, были и такіе, которые стояли если не выше, то и не ниже ихъ по цивилизаціи и развитію. Съ такой машиной управляться могло быть не легко. И вотъ—цѣлая система законодательства, которою старались держать раба въ тѣхъ предѣлахъ, какіе были выгодны для римлянъ.

Рабъ не пользовался никакими гражданскими правами; бракъ для него не существовалъ, а признавалось простое сожитіе; родственная связь родителей съ ихъ дѣтьми могла быть по словамъ Аристотеля всегда разорвана; родство для нихъ не существовало; если свободная женщина выходила за раба, то подлежала смертной казни, а раба сжигали. Въ Спартѣ, гдѣ жестокость обращенія съ рабами доходила до крайнихъ предѣловъ, рабъ, который бы вздумалъ сдѣлать измѣненія въ своемъ костюмѣ противъ назначенной формы, такъ что могъ быть смѣшанъ съ гражданиномъ, наказывался смертью. Тамъ же, чтобы не дать рабу забыть свое положеніе и держать его въ предѣлахъ установленной почтительности, отсчитывалось рабамъ

каждый годъ извѣстное число ударовъ. Рабъ былъ поставленъ въ Римѣ наравнѣ съ домашнимъ скотомъ, такъ что число рабовъ считалось головами. Поставленный въ число вещей, рабъ и продавался какъ вещь; у римлянъ составилось цѣлое законоположеніе, которымъ опредѣлялась система продажи, цѣна рабовъ, предупреждались и наказывались обманы торговцовъ рабами.

Весь рабовладѣльческій порядокъ былъ опредѣленъ чрезвычайно точно и обстоятельно. Это, разумѣется, не составляло особенной трудности, по тѣмъ свойствамъ головного мозга, которыя зовутся логикой.

Въ логикѣ есть свой безошибочный законъ построенія, по которому такъ же легко придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ, какъ и къ выводамъ противоположнаго свойства. Въ томъ и другомъ случаѣ процессъ мысли и трудъ построеній одинъ и тотъ же. Вся задача не въ логикѣ, а въ выборѣ вѣрной точки отправленія. Если бы у римлянъ всѣ гражданскія отношенія вытекали изъ равноправности, имъ было бы нисколько не труднѣе составить весьма послѣдовательное свободное законодательство, такое же полное и обстоятельное, какъ и то, которое они составили для своихъ учрежденій, построенныхъ на началахъ рабства. Въ какой степени легко быть логичнымъ при вѣрномъ и при невѣрномъ основаніи—въ этомъ убѣждаетъ ежедневный опытъ. Если въ чемъ существуетъ различіе въ людяхъ, такъ вовсе не въ способности дѣлать правильные выводы, а въ томъ, чтобы успѣть избрать вѣрную точку опоры. Только въ этомъ исключительно и заключается коренное различіе между умными и глупыми людьми. Есть много людей, поражающихъ своими блестящими и остроумными выводами, и не смотря на то, все разсужденіе ихъ въ полномъ его объемѣ выходитъ глупостью, потому что построено на глупомъ началѣ. Причина этого лежитъ въ той тупости и невпечатлительности нервовъ, по которой люди способны усвоивать только одного рода ощущенія, и не въ состояніи воспринимать впечатлѣній болѣе тонкихъ. Всякое преступленіе, какъ бы оно ни было ужасно, имѣетъ свою логику; оно только тѣмъ и отличается отъ дѣйствія, называемаго добромъ, что авторъ преступленія построилъ свой логическій выводъ на иномъ началѣ. И дѣти приходятъ весьма логически къ тому, что, стремясь къ выгодѣ, передерутся между собой изъ за игрушки, или отколотятъ одного изъ своихъ товарищей, а между тѣмъ взрослые въ подобномъ же случаѣ придутъ къ иному заключенію.

Римляне создали себѣ именно такую, а не другую экономическую теорію, потому что у нихъ не было возможности придти къ другому основанію. Построивъ свою экономическую силу на логикѣ рабства, имъ казалось необходимымъ сдѣлать изъ своего раба настоящую машину, т. е. не только лишить человѣка всякой возможности развитія, но и тѣхъ изъ рабовъ, въ которыхъ есть еще признаки человѣческихъ способностей, довести до возможнаго отупѣнія. Выводъ этотъ былъ тоже правильный. Разумѣется, если рабъ только машина, исключительная физическая сила, то не зачѣмъ помѣщать ее въ такое положеніе, въ которомъ станутъ развиваться способности, вовсе ненужныя для тѣхъ услугъ, какія требуются отъ машины.

Поэтому рабы, особенно употреблявшіеся для земледѣлія, были совершенно обременены работой. На нихъ смотрѣли съ наибольшимъ презрѣніемъ, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ рабовъ. Въ глазахъ своего барона земледѣльческій рабъ былъ совершенное животное, не отличавшееся ничѣмъ отъ вола и осла. Но были рабы, положеніе которыхъ было еще хуже—это рабы, употреблявшіеся для разработки рудниковъ. Здѣсь рабы безъ различія пола и возраста работали до полнаго истощенія силъ. Нигдѣ человѣкъ не страдалъ въ такой степени, какъ въ этихъ работахъ. Ихъ держали такъ, что имъ нечѣмъ было прикрывать даже свою наготу. Для нихъ не существовало ни срока работъ, ни милосердія. Больные, изувѣченные, женщины и старики работали подъ кнутомъ, пока падали отъ истощенія силъ. Работа была такъ трудна и наказанія такъ жестоки, что огромное число рабовъ вымирало очень скоро, не вынося тягостей. Чтобы больше, огрубить рабовъ, ихъ держали въ цѣпяхъ: въ полѣ, въ рудникахъ въ каменоломняхъ, въ оружейныхъ, вездѣ можно было встрѣтить рабовъ въ кандалахъ на шеѣ, или на ногахъ. У множества рабовъ были головы совершенно бритыя, у другихъ выбрита половина головы. Но это дѣлалось не со всѣми. Общій же для всѣхъ рабовъ знакъ ихъ зависимаго положенія составляло клеймо, выжженное каленымъ желѣзомъ на лбу или на щекѣ. Были даже такіе господа, которые выжигали на лицахъ своихъ рабовъ свое собственное имя.

Пища рабовъ была самая жалкая, въ такомъ количествѣ, и такого качества, чтобы не истощить силъ рабочаго до упадка. Случалось не рѣдко, что бѣдные господа привязывали къ шеѣ рабовъ, вертящихъ жернова, доску съ отверзтіемъ посрединѣ, чтобы помѣ-

шать имъ ѣсть муку, которую бы имъ удалось собрать руками изъ подъ камней.

Такое жалкое содержаніе, усиленный трудъ, жестокія наказанія, порождали между рабами множество болѣзней. Въ древности были частыя эпидиміи, поражавшія исключительно классъ рабовъ.

Отъ больныхъ и безсильныхъ рабовъ старались обыкновенно избавиться всѣми средствами. Ихъ или продавали за безцѣнокъ, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь старымъ хламомъ, или, что еще скорѣе, бросали на произволъ судьбы. Такъ въ Римѣ, на Тибрѣ, находится пустынный, заброшенный островъ, прозванный въ насмѣшку островомъ Эскулапа. На этотъ-то островъ отвозили больныхъ рабовъ, возлагая излеченіе ихъ на бога медицины.

Рабовъ, умершихъ дома, у своихъ господъ, бросали просто въ ровъ вмѣстѣ съ павшими животными.

Такъ же послѣдовательны были римляне и въ своей системѣ наказанія. Въ рабѣ предполагалось существо иного свойства, чѣмъ свободный гражданинъ,—существо болѣе грубой и нечувствительной плоти; а потому и наказанія для рабовъ должны были быть гораздо сильнѣе и суровѣе. Такимъ образомъ рабовъ распинали на крестѣ, рвали имъ мясо и оставляли ихъ умирать въ страшной и продолжительной агоніи, или мололи виновнаго въ мельничныхъ жерновахъ, или облѣпляли голову смолой и сдирали сразу кожу съ черепа; обрубали постепенно виновнику носъ, губы, уши, руки, ноги и оставляли его въ такомъ видѣ умирать въ страшномъ и продолжительномъ мученіи, или подвѣшивали голаго на четырехъ желѣзныхъ цѣпяхъ, оставляя на съѣденіе хищныхъ птицъ.

Логика римскаго права, построенная на подломъ началѣ, встрѣтила однако маленькое затрудненіе, когда придуманная Римомъ гипотеза столкнулась съ общимъ физіологическимъ закономъ. Приложеніе на практикѣ аристотелева правила—для раба не должно быть покоя, или правила Катона — рабъ или спитъ, или работаетъ, при той системѣ обращенія и наказаній, какіе придумалъ Римъ, могло возбудить въ рабахъ только чувство непріятнаго, и чѣмъ рабъ былъ грубѣе, чѣмъ тяжелѣе работа и суровѣе взысканія, тѣмъ и чувство непріятнаго должно было выражаться въ формѣ болѣе грубой и жестокой. Если нервы, пріученные только къ грубымъ ощущеніямъ, требовали сильныхъ мѣръ, въ родѣ безжалостнаго сѣченія до совершеннаго утомленія десяти палачей, то и обратная отдача нервами при-

нятаго впечатлѣнія не могла быть слабѣе. Рабъ ровно на столько же озлоблялся на своего господина, на сколько тотъ мучилъ его. И нельзя сказать, чтобы римляне не знали совершенно этого. У нихъ была поговорка — сколько рабовъ, столько враговъ. Но у римлянъ недоставало силъ понять возможность иного общественнаго устройства, и они, по необходимости измѣнивъ своей логикѣ, вошли въ противорѣчіе. Зная, по опыту, изъ отдѣльныхъ случаевъ мести и возстаній массами, что каждый рабъ есть врагъ своего господина и каждаго свободнаго человѣка, римляне думали убить это вражеское чувство страхомъ. Въ случаѣ убійства господина рабомъ, подвергались смерти всѣ рабы—мужчины, женщины, дѣти, жившіе съ господиномъ подъ одной крышей. Кромѣ этой солидарной отвѣтственности, отъ рабовъ требовалось то, чего по логикѣ римскаго права отъ нихъ никакъ бы не слѣдовало требовать. Чего могъ ожидать, напримѣръ, Поліонъ, любимецъ Августа, который за разбитую вазу велѣлъ бросить раба въ садокъ съ муренами, или самъ Августъ, велѣвшій распять на мачтѣ своего управляющаго, убившаго и съѣвшаго его перепелку? То, что называется любовью, преданностью, разумѣется, не могло никакъ явиться въ рабахъ, если они были созданы по тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какіе замѣчаются въ нынѣшнемъ человѣкѣ. Вслѣдствіе непріятныхъ внѣшнихъ вліяній въ рабѣ могли являться только непріятныя впечатлѣнія; онъ долженъ былъ ненавидѣть своего господина. Но римское право не хотѣло знать физіологіи, ему казалось, что когда человѣка распинаютъ, четверятъ, бросаютъ въ рыбный садокъ, когда его истомляютъ усиленной работой и недостаточной пищей, то все это должно производить на нервы раба такого рода пріятное ощущеніе, что въ немъ является чувство благодарности къ своему мучителю. Только этимъ незнаніемъ и можно объяснить тотъ римскій законъ, по которому отъ раба требовалась любовь, преданность, самопожертвованіе. Рабъ, не пожертвовавшій собой для спасенія жизни своего хозяина, подлежалъ смертной казни.

За этой ошибкой шла и другая. Чтобы рабъ былъ рабомъ, его систематически вели къ совершенному отупѣнію, т. е. весь его организмъ доводили до такого состоянія, при которомъ человѣкъ бы стоялъ на той ближайшей переходной точкѣ, за которой начинается семейство четвероногихъ, и въ то же время требовали отъ этого человѣка-обезьяны человѣческой понятливости. Такъ господа хотѣли,

чтобы рабы понимали ихъ взглядъ, малѣйшій знакъ, односложное приказаніе, и въ то же время рабъ не смѣлъ кашлять, не смѣлъ чихать при своемъ господинѣ. Здѣсь незнаніе шло уже такъ далеко, что налагалось запрещеніе на органическіе процессы.

Но какъ бы это искусственное доведеніе человѣка до состоянія животнаго ни было сильно, оно не могло быть сильнѣе того физіологическаго закона, который разграничиваетъ животное двурукое отъ четверорукаго; по которому особенная сложность двурукаго организма обнаруживаетъ въ немъ исключительные сложные процессы и дѣлаетъ человѣка непохожимъ на собаку, лошадь, обезьяну. Римскіе законы были бы вполнѣ примѣнимы, еслибы римляне могли поубавить вѣсъ головного мозга своихъ рабовъ, или уменьшить количество ихъ нервовъ. Не сдѣлавъ же этихъ измѣненій въ строеніи организма, нельзя было требовать отъ него чего-либо инаго, кромѣ того, что онъ долженъ былъ производить; какъ нельзя заставить фіалку пахнуть розой, или заставить носъ чувствовать пріятное ощущеніе, когда подносятъ къ нему вонючее вещество.

Этого простого обстоятельства не могъ понять древній міръ, и потому впалъ въ противорѣчіе. Стараясь огрубить раба, онъ въ то же время требовалъ отъ него выгодныхъ услугъ. Но чтобы человѣкъ могъ приносить услуги подобнаго рода, онъ долженъ умѣть размышлять и понимать свои обязанности, онъ долженъ находиться въ условіяхъ, способствующихъ его развитію. Положимъ, чтобы пахать землю и пасти скотъ не нужно особенно высокаго развитія. Но вѣдь рабы же были медиками, архитекторами, грамматиками, философами, математиками.

Что римская система обращенія съ рабами была безсильна измѣнить ихъ физіологически и заставить ихъ нервы и головной мозгъ дѣйствовать съ иной силой, чѣмъ онъ долженъ дѣйствовать у человѣка, свободнаго, это показали тѣ многочисленныя и страшныя возстанія рабовъ, которыя испытывалъ Римъ нѣсколько разъ. Сицилійское возстаніе и возстаніе Спартака показали, съ какой силой люди отдаютъ назадъ принятое ими впечатлѣніе. Этотъ коллективный физіологическій фактъ явился въ Римѣ уже такъ поздно, когда невозможно было спасти государственныя учрежденія, когда на Римъ готовились уже идти сѣверные варвары. И какъ просто было побужденіе рабовъ, — имъ хотѣлось только, чтобы ихъ не били, не мучили пыткой, не казнили для потѣхи, не мучили голодомъ и всякими лишеніями. Людямъ хо-

тѣлось лучшаго противъ того, что имъ давали; ихъ нервы не могли переносить тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя приходилось имъ переносить; люди искали лучшаго, стремились къ прогрессу.

То же стремленіе къ лучшему и къ выгодѣ жило и въ другой половинѣ римскаго общества. И римскіе граждане хотѣли улучшить свой бытъ, и они стремились къ прогрессу и къ цивилизаціи. Но у нихъ недостало для этого одного — знанія. Разумѣется, еслибы римляне знали, что рабство погубитъ ихъ — у нихъ бы не было рабства. Но римлянамъ нельзя было избѣгнуть его, какъ нельзя ребенку понять свойство огня, пока онъ не обожжется.

Въ началѣ своего гражданскаго существованія Римъ, имѣвшій дѣла только съ бѣдными и неразвитыми народами, какъ Латинцы, Самниты, Волски, отличались весьма строгой и умѣренной жизнью. Причина этой умѣренности заключалась въ томъ, что не было никакихъ причинъ и поводовъ быть неумѣренными. И бурятъ умѣренъ и строгъ въ жизни, потому что не познакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ и не видѣлъ никакихъ удобствъ. Но когда римляне, покоривъ сосѣдей и не встрѣчая враговъ, способныхъ устоять противъ нихъ, когда они, награбивъ богатства болѣе развитыхъ народовъ, должны были пріостановиться въ своихъ побѣдахъ, потому что побѣждать было некого, тутъ они показали, какъ далеко можетъ идти человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ къ удобствамъ и наслажденіямъ.

Увидѣвъ, какъ живутъ другіе народы, римляне нашли ихъ порядокъ и удовольствія выше своихъ, и награбленныя богатства и трудъ рабовъ дали имъ возможность развить въ себѣ страсть къ наслажденіямъ. Въ теченіе 12 лѣтъ, между возвращеніемъ Сципіона и концомъ войны съ Антіохомъ, военная контрибуція съ побѣжденныхъ народовъ составляла болѣе 150 милльоновъ рублей. Римляне грабили побѣжденныхъ ими непріятелей на чистоту, такъ, что ими былъ взятъ даже гардеробъ Антіоха, его столы и буфеты.

Быстрый наплывъ золота, серебра, разныхъ драгоцѣнностей, и знакомство съ обычаями болѣе утонченными скоро измѣнили суровые нравы римлянъ. И съ этихъ поръ Римъ начинаетъ поражать роскошью своей жизни и громадными расходами на обыкновенныя повседневныя потребности. Ни одинъ народъ не шелъ такъ далеко въ роскоши жилищъ, одежды, внутренняго убранства комнатъ; мраморъ, слоновая кость, мебель изъ драгоцѣнныхъ иностранныхъ деревъ, золотая и серебрянная посуда, драгоцѣнныя куренья и самыя тонкія

ароматныя эссенціи поглощали огромныя суммы. Денежныя богатства отдѣльныхъ лицъ доходили до колоссальныхъ размѣровъ и считались десятками милльоновъ. Даже философъ Сенека, сожалѣвшій такъ краснорѣчиво объ упадкѣ прежней простоты жизни и восхвалявшій любовь къ бѣдности и презрѣніе къ богатству, успѣлъ набрать въ четыре благопріятные ему года около 4 милльоновъ рублей серебромъ. Роскошь римлянъ дошла наконецъ до того, что самые блестящіе и дорогіе иностранные фабрикаты, персидскіе ковры, индѣйская кисея, слоновая кость, черное дерево, черепаха, перья рѣдкихъ птицъ сдѣлались для римлянъ предметами первой необходимости. Но самыя безумныя суммы тратились римлянами на ѣду и на удовольствія.

Клавдій Езопъ велѣлъ приготовить себѣ одно блюдо, стоившее 100,000 сестерцій (около 5,250 руб.) Оно было изъ языковъ птицъ, наученныхъ пѣть и говорить. Каждая такая птица стоила 6,000 сестерцій. Его сынъ пожелалъ первый узнать вкусъ жемчуга, и распустивъ одну жемчужину, стоившую 1,000,000 сестерцій (болѣе 50 т. р.), выпилъ ее. Великій Юлій Цезарь приготовилъ разъ ужинъ, стоившій ему 100,000,000 сестерцій (болѣе 5 $^1/_4$ милльоновъ рублей). Онъ истратилъ на это угощеніе доходы трехъ провинцій. Завоеватель Арменіи, побѣдитель Митридата, Лукуллъ, на одинъ простой ужинъ для Цицерона и Помпея, которыхъ онъ не ожидалъ, истратилъ 100,000 сестерцій. Братья Аріи имѣли за столомъ въ видѣ обыкновеннаго кушанья соловьевъ. Калигула истратилъ на одинъ ужинъ болѣе 500,000 рублей серебр. Пѣвецъ Тигелій проѣлъ одинъ въ пять дней 50,000 руб. Каждый ужинъ Лукулла стоилъ по меньшей мѣрѣ 100,000 руб. Обѣды по четыре, по пяти разъ въ день были у римлянъ очень обыкновенною вещью.

Пьянство ихъ доходило до такой же виртуозности. Пили знатные, пилъ народъ. Императоръ Тиверій назначилъ Пизона префектомъ Рима только за то, что пилъ съ нимъ два дня и двѣ ночи.

Покореніе Греціи познакомило римлянъ съ наслажденіями иного рода. Софоклъ оставилъ Афины съ мальчикомъ, укравшимъ потомъ его плащъ. На гробницѣ Діоклеса юноши праздновали каждый годъ праздникъ поцѣлуевъ, и сладострастнѣйшій изъ юношей получалъ вѣнокъ. Катонъ цензоръ торговалъ невинностью своихъ рабовъ. Развратъ у господъ съ ихъ рабами доходилъ до того, что одинъ разъ были обвинены вдругъ 160 женъ сенаторовъ въ отравленіи своихъ мужей и казнены. Женщины тоже не отстали отъ мужчинъ. Страсть къ этого рода наслаж-

деніямъ была до того сильна въ женщинахъ, что онѣ мѣняли мужей такъ часто, какъ только это было возможно. Но замужнія женщины не остановились на этомъ. Въ самое блестящее время республики учредилось общество для наслажденія, считавшее 7,000 членовъ, мужчинъ и женщинъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ, предалъ болѣе половины общества смертной казни. Женщинъ было наибольшее число. Императрица Мессалина, опускаясь все ниже и ниже въ выборѣ любовниковъ, уходила наконецъ по ночамъ въ дома разврата, и тамъ, голая, награждала своими ласками перваго мужчину, который ей попадался. Думая остановить нѣсколько растлѣніе нравовъ, было постановлено закономъ ссылать всѣхъ женщинъ свободнаго состоянія, которыя сдѣлаются камеліями, не объявляя о томъ эдиламъ. Но этотъ законъ привелъ только къ тому, что списокъ публичныхъ женщинъ украсился именами знатныхъ фамилій, женщинами изъ семействъ гражданъ высшаго разряда. Калигулѣ нравилось показывать свою жену голою своимъ друзьямъ и имѣть связь съ женщинами своего двора въ присутствіи ихъ мужей. Калигула устроилъ даже у себя во дворцѣ особое отдѣленіе, гдѣ въ богато-убранныхъ комнатахъ жили женщины свободнаго состоянія и молодые люди хорошихъ фамилій. Рабы посылались на площади и приглашали гостей. У кого не было денегъ, тѣмъ давали въ долгъ за проценты, и это считалось честью, потому что увеличивало доходъ императора. Неронъ жилъ съ молодымъ Споромъ, женившись на немъ, а впослѣдствіе вышелъ замужъ, въ качествѣ женщины, за своего отпущенника Дорифона. У Геліогабала былъ цѣлый легіонъ, какъ онъ выражался, братьевъ по оружію. Онъ часто собиралъ ихъ, дѣлалъ смотръ и награждалъ каждаго по его заслугамъ.

Даже изъ этихъ немногихъ фактовъ можно видѣть, чѣмъ долженъ былъ кончить древній міръ и какъ велика была его сила. Пожалуй, можно удивляться тонкой работѣ разныхъ предметовъ роскоши древнихъ римлянъ, но этимъ удивленіемъ не устанавливается еще вѣрный взглядъ на бытъ и на историческое значеніе народа. Тутъ можетъ помочь только физіологія и статистика. Богатые римляне ѣли по четыре, по пяти разъ въ день и всѣ свои средства тратили на ѣду и питье. Но какъ посвящать весь свой день на ѣду невозможно, потому что желудокъ человѣческій имѣетъ очень небольшую вмѣстимость, то для возможности нескончаемой ѣды римляне придумали простое средство: они возбуждали рвоту, и освободивъ желудокъ отъ

пищи, снова наполняли его; затѣмъ опять рвота, опять ѣда, рвота, ѣда и т. д. Такое занятіе, совершенно противное условіямъ организма, могло имѣть только разрушительное вліяніе на здоровье; оно должно было извращать всѣ отправленія и сообщать нервной системѣ способность иной чувствительности. Такъ же вредно дѣйствовали на организмъ и противоестественныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Здѣсь простое нарушеніе физіологическихъ законовъ вело непремѣнно къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя можно встрѣтить и нынче у людей неумѣренныхъ, т. е. къ совершенному разслабленію организма и всей его нервной системы, а слѣдовательно къ притупленію всѣхъ умственныхъ и физическихъ способностей и къ ускоренной смерти. Плиній говоритъ, что люди этого свойства теряютъ свое здоровье и, разстроивая всѣ способности, говорятъ, что они торопятся наслаждаться. Нѣтъ статистическихъ свѣденій о томъ, какъ рано умирали люди этого сорта, но примѣръ Геліогабала, умершаго 18 лѣтъ, заставляетъ думать, что и его братья по ремеслу, тратившіе свои силы способомъ не свойственнымъ природѣ человѣка, не могли жить долго. А такіе люди составляли большинство состоятельныхъ гражданъ. Противоестественныя отношенія и истощенія вели не только къ личному разстройству тѣхъ, кто предавался имъ, но, ослабляя плодопроизводительную способность, должны были создавать поколѣнія болѣе и болѣе слабыхъ людей. Насколько такая жизнь уменьшала населеніе и рождаемость, нельзя указать точными цифрами, потому что ихъ нѣтъ. Но изъ постановленій императоровъ видно, что въ Римѣ была боязнь этого рода и усиленный развратъ грозилъ бѣдой. Августъ установилъ закономъ награду въ 1000 сестерцій за каждаго ребенка отцу, у котораго большое семейство. Но какъ это средство не помогло, то было обнародовано, что бракъ считается общественной обязанностію; что кто не будетъ отцомъ въ 25 лѣтъ, лишается девяти десятыхъ изъ имущества, какое оставитъ ему супруга; что вдовство должно имѣть короткій срокъ и кто не женится или не выйдетъ замужъ въ извѣстный срокъ, подвергается наказанію и т. д.

Этими фактами снимается съ римлянъ вполнѣ обвиненіе въ матеріализмѣ. Матеріалистъ прежде всего понимаетъ свое тѣло и любитъ его до того, что боится каждаго дѣйствія, могущаго нарушить правильное отправленіе его органовъ. Матеріалистъ понимаетъ, что обремененіе желудка ведетъ не только къ постепенному ослабленію его пищеварительной способности, но притупляетъ дѣятельность нервовъ

и слѣдовательно вліяетъ на всѣ его умственныя способности. Матеріалистъ знаетъ, что противоестественныя отношенія разслабляютъ все тѣло и ведутъ къ отупѣнію, такъ же, какъ обжорство и пьянство. Для матеріалиста дороже всего его здоровье и для него невыносимо всякое разстройство организма, потому что это страданіе. Чтобы чувствовать боль или непріятное ощущеніе, ненужно физіологическихъ знаній; нужна только извѣстная степень развитія. А этого-то развитія и не было у римлянъ. Они были не матеріалисты, а просто дикари, живущіе въ раззолоченныхъ дворцахъ. Факты неумѣренности всякаго рода и преимущественно обжорства представляются только людьми самой низкой степени развитія. Каждый киргизъ готовъ ѣсть до того, что ужь не можетъ двигаться, а знай онъ средство римлянъ раздражать глотку и онъ бы обѣдалъ по четыре и по пяти разъ въ день. Всѣ дикари и нынче напиваются до безчувственности, потому что не понимаютъ удовольствія пить вино ради его букета. Наслажденія такого сорта и размѣра составляютъ первый признакъ неразвитости и тупости нервовъ для принятія болѣе тонкихъ ощущеній. Дикому человѣку букетъ сивушнаго масла щекотитъ пріятно нервы, а букетъ какого нибудь іоганисберга онъ не слышитъ. Для людей съ такими нервами нужны сильныя средства, и римляне только потому и предавались тому, что мы называемъ крайностями, что болѣе слабая доза наслажденія не производила на ихъ нервы пріятнаго ощущенія. Каждый римлянинъ, не смотря на его утонченныя явства и соусы изъ соловьиныхъ языковъ, былъ дикарь, человѣкъ самыхъ неразвитыхъ нервовъ. Это былъ народъ того періода общественнаго развитія, когда не наступала еще пора разсудочности, когда человѣкъ живетъ увлеченіями и не умѣетъ отличать полезное отъ вреднаго, выгодное отъ убыточнаго. Каждый взрослый человѣкъ переживаетъ этотъ періодъ въ своей молодости, а человѣчество переживало его въ жизни Рима.

Соціальное младенчество Рима и всего древняго міра подтверждается его технической неразвитостью. Строить громадные акведуки или амфитеатры вовсе не такъ трудно, — для этого нужны только средства, а средства Риму давало рабство. Но кромѣ своихъ громадныхъ построекъ и серебряныхъ или золотыхъ блюдъ Римъ не показалъ ни въ чемъ своей экономической развитости; у него не было ни машинъ, ни открытій, никакихъ положительныхъ знаній. Дорогъ у нихъ не существовало, ѣздили они въ экипажахъ, не имѣвшихъ рессоръ, и

слѣдовательно трясучихъ, какъ телѣги; если мебель римлянъ отличалась чистотой формъ и большой цѣной, тѣмъ не менѣе она была все-таки нестерпимо жестка и очень неудобна для сидѣнья; бѣлья они не знали и льняныя матеріи были у нихъ весьма рѣдки и очень дороги; шерстяныя одежды надѣвались прямо на тѣло. Столовое бѣлье тоже было неизвѣстно. Скатертей не употребляли, а каждый гость приносилъ съ собой свою салфетку. Ложки были въ употребленіи, но ножи и вилки нѣтъ; ножикъ былъ только у раба, разрѣзывавшаго кушанья. Поэтому кушанья брались съ тарелокъ руками и такимъ образомъ препровождались въ ротъ. Эта пачкатня заставляла прибѣгать къ частому мытью рукъ во время самой ѣды. Подобныя вещи зовутся мелочами, но ими опредѣляется весь человѣкъ и все общество. Между дикимъ и цивилизованнымъ человѣкомъ, между дикимъ и образованнымъ народомъ вся разница заключается только въ томъ, что дикіе люди не знаютъ бѣлья, носятъ одежду прямо на тѣлѣ, ѣдятъ пальцами, всѣ радости жизни видятъ въ неумѣренной ѣдѣ и неумѣренномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ; имъ незнакомы ни удобныя жилища, ни удобная мебель, ни удобные спокойные экипажи. Все въ жизни ихъ разсчитано на мѣдные нервы, нечувствительное тѣло и на желѣзное, повидимому, здоровье. Но тѣ же мѣдные нервы начинаютъ наконецъ неудовлетворяться ни ѣдой пальцами, ни обремененіемъ желудка, ни отупѣніемъ умственныхъ способностей, ни сидѣньемъ на жесткомъ, ни ѣздой на телѣгахъ. Человѣкъ устроиваетъ все это иначе и удобнѣе. Съ постепеннымъ развитіемъ болѣе утонченной чувствительности являются тѣ удобства и складъ здоровой физіологической жизни, гдѣ все примѣняется къ здоровью, къ условіямъ, благопріятнымъ для организма. Пора такой развитой чувствительности человѣка и общества есть пора его цивилизаціи; а гдѣ этого нѣтъ, въ томъ обществѣ нѣтъ цивилизаціи, хоть и есть прогрессъ. Такъ было въ древнемъ мірѣ. Грубость римлянъ, не смотря на ихъ стотысячные обѣды, шла такъ далеко, что они считали наслажденіемъ то, что наводитъ ужасъ на человѣка. И это считалось гражданскимъ воспитаніемъ людей. Такъ въ Спартѣ пріучали молодыхъ людей къ воинственности тѣмъ, что посылали ихъ на охоту за илотами. Спрятавшись въ кустахъ, юноши, съ наступленіемъ ночи, выходили на дороги и кололи кинжалами всякаго встрѣчнаго раба. Бывали случаи, когда подобныя убійства предпринимались днемъ, и въ такомъ случаѣ, чтобы съ дѣломъ военнаго воспитанія соединить

и государственную пользу, убивали илотовъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ, которыхъ республика имѣла причину опасаться. Въ Римѣ народъ развлекался и наслаждался видомъ пролитой человѣческой крови, и въ особыхъ школахъ приготовляли рабовъ, чтобы видѣть потомъ ихъ растерзанными дикими звѣрями, или убитыми подобными же имъ гладіаторами. Подобныя зрѣлища воспитали нервы римлянъ до такой огрубѣлости, что народу нужны были безпрестанно кровавыя зрѣлища. Какъ бы ни была ужасна битва изступленныхъ бойцовъ, народъ не покидалъ представленія, пока не услышалъ послѣдняго вздоха умирающихъ бойцовъ. Народу нужна была не только кровь — ему нужна была непремѣнно смерть человѣка.

Все это происходило отъ ошибочнаго пониманья своихъ выгодъ. Римъ думалъ, что богатство его заключается въ рабахъ, въ гигантскихъ циркахъ и театрахъ, въ великолѣпныхъ фонтанахъ и водопроводахъ, въ его большихъ дорогахъ. Но его дороги имѣли часто военное значеніе; онѣ были великолѣпны по пустынны; по нимъ катались чаще военныя колесницы, чѣмъ предметы промышленности и торговли; а гигантскія постройки Рима были трудомъ его рабовъ. Все эго великолѣпіе вѣчнаго города было самымъ выпуклымъ признакомъ бѣдности умственной и экономической, какъ и вся жизнь Рима была выраженіемъ его незнанія, непониманья своихъ выгодъ.

Римъ никогда не былъ богатъ; онъ не производилъ никогда того количества полезныхъ предметовъ, какое было необходимо для его жизни. Если Римъ поражалъ своими постройками или лукулловскими пирами, то это происходило отъ того, что никто не дѣлалъ ему разсчета, сколько милльоновъ голодныхъ людей приходилось на одного Лукулла, и сколько собачьихъ конуръ и подземныхъ норъ, составлявшихъ жилье рабовъ, приходилось на одинъ великолѣпный домъ. Когда Римъ кончилъ свое государственное существованіе, когда исчезли отдѣльныя лица, въ рукахъ которыхъ скоплялись милльоны, и милльоны эти разошлись между милльонной массой народа, то всѣ стали одинаково бѣдны. Весь блескъ Рима происходилъ оттого, что отдѣльныя лица, имѣвшія случай сдѣлать себѣ состояніе войной, имѣвшіе множество рабовъ, пользовались и жили ихъ трудомъ. Богачи заводили великолѣпную мебель, держали у себя сотни мастеровыхъ, приготовлявшихъ для нихъ все, начиная отъ необходимыхъ ме-

лочей костюма, до предметовъ исключительной роскоши, какъ разныя драгоцѣнности. Но весь блескъ Рима заключался исключительно въ этой сторонѣ его жизни—въ роскоши. Римъ не оставилъ намъ никакого наслѣдія. Всѣ его гипотезы не устояли предъ научнымъ знаніемъ; изобрѣтеній и открытій онъ не сдѣлалъ никакихъ; все, что начало создавать цивилизующую силу нашего времени, принадлежитъ исключительно западной Европѣ; Римъ не создалъ никакой науки и самъ онъ не зналъ ничего; такъ что, когда сѣверные варвары разбили государственныя учрежденія Рима и исчезла возможность скопленія богатствъ въ рукахъ немногихъ, окончился и блескъ римскаго тщеславія. Если бы страна эта была сильна знаніемъ и изобрѣтеніями, сильна умственнымъ капиталомъ, онъ бы не исчезъ ни отъ какого натиска враговъ. Но этого капитала въ Римѣ не было. У него были ювелиры и мастера предметовъ роскоши, но такихъ людей, которые создаютъ необходимое для массы населенія, не существовало. Отъ того, когда учрежденія, составлявшія общее бѣдствіе, порождавшія нищету, разстройство здоровья отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ массъ, порождавшія болѣзни и голодъ, исчели—роскошь, окончившая свое царствованіе, обнажила общую нищету, общую грубость, общее невѣжество. Римъ, павшій отъ варваровъ, когда снялъ свой раззолоченный кафтанъ, оказался такимъ же дикаремъ, какъ и германцы, его побѣдившіе.

Та раскошь и блескъ жизни, которые составили славу древняго Рима, составляли достояніе весьма немногихъ, привилегированныхъ семействъ патриціевъ. Остальную массу неселенія составляли рабы и плебеи, т. е. въ сущности тѣ же рабы, но съ правами римскаго гражданина жить чужимъ трудомъ. Это жалкое населеніе Рима, къ которому принадлежали пролетаріи и кліенты, жило въ самомъ печальномъ положеніи. Пролетаріевъ составляли граждане, не имѣвшіе собственности, и считавшіе трудъ недостойнымъ себя. Пролетаріи составляли значительное большинство римскаго народа. Они одни составляли бо̀льшую массу, чѣмъ всѣ остальные классы римскихъ гражданъ. Во времена Юлія Цезаря, въ числѣ 450,000 гражданъ Рима считалось не менѣе 320,000 пролетаріевъ. Благородная гордость происхожденія не позволила этому голодному народу заниматься какимъ-нибудь ремесломъ: это было противно свободнымъ римскимъ учрежденіямъ. Очевидно, что всю эту массу ровно ничего непроизводившаго народа нужно было кормить; и ее кормило правительство. Въ 683 году, съ

основанія Рима, одинъ изъ восьми человѣкъ римскаго населенія содержался на счетъ казны; въ 691 г. приходился уже одинъ изъ трехъ; во время диктатуры Цезаря три четверти населенія Рима питалось даровымъ хлѣбомъ. Юлій Цезарь уменьшилъ сразу число раціонъ на половину, и чтобъ такое круглое сокращеніе не сдѣлало волненія въ народѣ, отправилъ въ колонію 80,000 народу, и многимъ тысячамъ кромѣ того роздалъ земли въ Италіи. При Августѣ число получающихъ содержаніе превышало въ 748 году снова 200,000. Авреліанъ къ раздачѣ муки, какъ это было всегда, присоединилъ еще раздачу булокъ, и наконецъ сталъ давать свиное мясо. Онъ даже хотѣлъ давать вино, но, какъ говорятъ, его остановило замѣчаніе одного сенатора, что если къ хлѣбу, маслу и говядинѣ народъ привыкнетъ получать еще вино, такъ придется давать ему наконецъ куръ и гусей.

Этотъ народъ, получавшій казенное содержаніе за свое право римскаго гражданства, составлялъ самое несчастное и дикое населеніе Рима, и жилъ въ крайней нищетѣ, какъ и нынѣшніе пролетаріи западной Европы. Но между нынѣшнимъ и римскимъ пролетаріемъ та великая разница, что европейскій пролетарій хочетъ работать, но работы нѣтъ, а римскій могъ бы найдти работу, но не хотѣлъ. Римскій пролетарій жилъ въ самыхъ жалкихъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ живетъ умирающее съ голоду рабочее населеніе Англіи. Сначала пролетарій не могъ имѣть порядочныхъ помѣщеній, потому что ихъ не было вообще въ Римѣ. Въ 364 году послѣ своего основанія Римъ былъ не больше, какъ безпорядочная куча хижинъ, покрытыхъ соломой. Послѣ сожженія его галлами, хотя и явились въ Римѣ постройки болѣе солидныя, но безпорядочность оставалась прежняя; улицъ не было и дома стояли въ разбросъ. Даже въ началѣ имперіи большая часть домовъ были деревянные. Во времена Августа въ экипажѣ нельзя было ѣздить въ городѣ, и приходилось пользоваться имъ только за городскими воротами. Только послѣ пожара, придуманнаго Нерономъ, началъ созидаться тотъ великолѣпный Римъ, который впослѣдствіи поражалъ своими постройками. Но это не помѣшало пролетаріямъ жить въ бѣдныхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ. Пролетаріи цѣлыми массами помѣщались въ седьмыхъ этажахъ; чтобы добраться до этой высоты, приходилось проходить 200 ступеней. Улицы, въ которыхъ помѣщались эти дома были такъ узки, что сосѣди могли протягивать другъ

другу руки, не выходя изъ дому. Въ кварталѣ, гдѣ жили пролетаріи, главная улица была гориста, узка и покрыта отвратительной черной грязью; а нижніе этажи домовъ были набиты несчастными женщинами, торговавшими своими прелестями. Въ такихъ помѣщеніяхъ не было стеколъ, потому что ихъ не было даже и въ домахъ высшаго разбора. Стекло, какъ это и до сихъ поръ во многихъ сибирскихъ деревняхъ, замѣнялось полотномъ, рогомъ или слюдой. Въ такихъ квартирахъ одна комната служила и спальней, и кухней, и столовой, и пріемной, и какъ трубы не водились, то всѣ вещи были запылены и закопчены. Мебель соотвѣтствовала вполнѣ помѣщенію и внутреннему порядку. Пролетарій спалъ обыкновенно на полу или на землѣ; немногіе имѣли матрацы изъ грубыхъ сухихъ болотныхъ травъ. Пищу пролетарія составлялъ обыкновенно грубый хлѣбъ.

При такихъ условіяхъ жизни могъ развиваться организмъ только самаго грубаго качества. Пролетарій, считая себя гражданиномъ, рѣшительно не понималъ своихъ гражданскихъ обязанностей. Онъ толкался праздный по улицамъ и по площадямъ, просилъ милостыни, продавалъ свой голосъ на выборахъ, просилъ отъ государства хлѣба, требовалъ удовольствій и кровавыхъ зрѣлищъ. Чтобы развлечь этихъ дикихъ людей, Помпей, во время своего консульства, велѣлъ привести 500 львовъ и 18 слоновъ, что заняло народъ въ теченіе пяти дней. Троянъ далъ праздникъ, продолжавшійся 123 дня, каждый день убивались 90 дикихъ звѣрей и 82 человѣка; всего же было убито въ эти дни для развлеченія римскихъ гражданъ 10,000 человѣкъ и 11,000 животныхъ.

Другой классъ праздныхъ гражданъ составляли кліенты. Въ началѣ между кліентами и патронами существовали нѣкоторыя патріархальныя отношенія—отношеніе сильнаго къ слабому, искавшему его покровительства. Но при императорахъ эти отношенія исчезли. Кліенты составляли только свиту патроновъ, сопровождали ихъ во время путешествій, прогулокъ, выходовъ, и толкались въ ихъ переднихъ. Были разныя степени кліентовъ. Съ раннимъ утромъ собирались толпы кліентовъ на улицѣ предъ домомъ патрона, другіе кліенты высшаго разбора пробирались въ домъ и тамъ ожидали выхода патрона. Наконецъ патронъ всталъ. Онъ выходитъ, кланяется, скажетъ нѣсколько словъ. Если патронъ отправляется на форумъ, его сопровождаетъ цѣлая толпа, и болѣе преданные изъ кліентовъ забѣгаютъ впередъ и оспориваютъ другъ у друга честь идти въ головѣ шествія.

И этихъ людей побуждала избрать себѣ такой родъ занятій та же выгода—патроны раздавали милостыню. Кліенты получали ее или деньгами, или натурой. Это было ихъ единственнымъ средствомъ существованія. Но что же побуждало богатыхъ дѣлать такіе расходы? И у богатыхъ была та же самая причина. Кліентъ былъ гражданинъ, онъ имѣлъ голосъ на выборахъ, и патроны кормили своихъ кліентовъ цѣлые годы, и знали, что всѣ ихъ расходы вознаградятся, когда состоятся выборы. Когда продажность кліентовъ сдѣлалась со временемъ совершеннымъ ремесломъ и они научились понимать лучше свои выгоды, тогда кліенты перестали имѣть постоянныхъ патроновъ; они стали бѣгать отъ одного къ другому, и даже увѣряютъ, что нѣкоторые изъ нихъ были до того неутомимы, что успѣвали сдѣлать въ день до шестидесяти визитовъ. Этимъ путемъ кліентъ опустился до пролетарія.

Но на какія средства государство и богачи содержали пролетаріевъ, кліентовъ, давали празднества, зрѣлища, проѣдали милльоны? Средства на все это давали рабы и служебный грабежъ. Рабы были вездѣ; они занимались земледѣліемъ, промышленностью, ремеслами; они жили въ городахъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Числомъ рабовъ измѣрялось богатство гражданина, потому что каждый рабъ выражалъ собой рабочую силу; а чѣмъ болѣе было производительныхъ силъ, тѣмъ было больше богатства. Человѣкъ, считавшійся богатымъ, имѣлъ не менѣе 50 рабовъ. Скоръ имѣлъ 8,000 рабовъ, изъ нихъ 4,000 въ городѣ и 4,000 въ своихъ имѣніяхъ. У Деметріуса было такъ много рабовъ, что ему представляли каждый день отчетъ объ ихъ положеніи. Не было такого гражданина, который бы не имѣлъ рабовъ. По приблизительному разсчету на каждаго свободнаго гражданина приходилось среднимъ числомъ около 4 рабовъ. Въ Афинской республикѣ на 21 т. гражданъ считалось 400,000 рабовъ. Въ Аркадіи, странѣ чуждой промышленности, торговли и мореходства, было 300,000 рабовъ; Коринѳъ владѣлъ 460,000 рабовъ.

Это громадное число рабовъ содержало всю имперію, создавало богатство частныхъ владѣльцевъ, кормило пролетаріевъ. Каждый рабъ, за всѣми расходами, приносилъ въ день, смотря по силѣ, отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ оболовъ ($4\frac{1}{2}$—$11\frac{1}{4}$ к. с.). Крассъ, имѣвшій 500 рабовъ, занимавшихся архитектурными работами, отдавалъ ихъ въ наемъ всякому, кто хотѣлъ строиться и составилъ себѣ безъ труда состояніе въ 10,000,000 руб. Но былъ еще способъ извлекать изъ ра-

бовъ выгоды,—ихъ помѣщали какъ капиталъ; деньги давали отъ 12 до 16°/₀, слѣдовательно рабъ возвращалъ въ 10 лѣтъ сумму, которую онъ стоилъ. Возможность быстраго обогащенія путемъ рабства повела къ централизаціи капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Все населеніе разбилось наконецъ на немногихъ богачей и на массу народа, не имѣвшую ничего. Этому помогли особенно завоеванія и военныя добычи. Предводители войскъ и патрицейскія фамиліи брали себѣ большую часть добычи и завладѣвали покоренными землями, которыя по праву давности они наконецъ считали своей собственностью. Къ этому присоединилось еще насиліе, съ какимъ богатые присвоивали себѣ земли бѣдныхъ гражданъ, такъ что въ 620 году, въ Италіи, въ округахъ, почти не было свободныхъ гражданъ, и всѣ земли обработывались рабами и варварами, принадлежавшими богатымъ фамиліямъ. Во времена Нерона 6 собственниковъ владѣли всей провинціей—Африкой;—Неронъ велѣлъ ихъ убить, чтобы завладѣть ихъ богатствами;— а во времена Августа, какія-нибудь восемь или десять фамилій пользовались однѣ всѣми плодами римскихъ завоеваній.

Это скопленіе земельныхъ владѣній въ рукахъ немногихъ привело скоро къ совершенному измѣненію системы сельскаго хозяйства. Сначала вольному труду небогатыхъ земледѣльцевъ было трудно бороться съ рабскимъ трудомъ огромныхъ имѣній, и мелкія владѣнія должны были исчезать постепенно; но потомъ и большіе владѣльцы нашли невыгоднымъ для себя обработку земли рабами и стали обращать постепенно пашни въ сѣнокосы. Наконецъ луга смѣнили почти во всей Италіи хлѣбородныя поля и скотоводство вытѣснило владѣніе, такъ что вмѣсто прежнихъ массъ рабовъ, встрѣчались въ поляхъ громадныя стада, пасомыя немногими рабами. При системѣ небольшихъ владѣній Римъ снабжалъ хлѣбомъ даже провинціи; но съ сосредоточеніемъ земель въ рукахъ немногихъ и съ переходомъ земледѣлія въ скотоводство Римъ, по словамъ Тиберія, былъ предоставленъ на произволъ волнъ и вѣтровъ, т. е. жилъ хлѣбомъ, приходившимъ къ нему изъ Сициліи и Африки. Въ этомъ причина, почему было такъ легко сдѣлать въ Римѣ голодъ, и слѣдовательно возбудить народное возстаніе.

Дикіе животные, говорилъ Тиверій Гракхъ, имѣютъ по крайней мѣрѣ кровъ, берлоги, пещеры, куда они могутъ укрываться, тогда какъ люди, сражающіеся и умирающіе за отечество, не

владѣютъ ничѣмъ кромѣ воздуха и свѣта, и принуждены бродить и скитаться тамъ и здѣсь съ своими женами и дѣтьми, не имѣя пристанища, гдѣ бы они могли помѣститься. Когда говорилъ это Тиверій Гракхъ, и когда онъ задумалъ спасти народъ и всю страну отъ грозившей ей бѣдности — было уже поздно. Непониманье всего населенія богатыхъ и бѣдныхъ гражданъ шло такъ далеко, и отупѣніе народной массы было такъ велико, что, прельстившись на одну минуту предложеніемъ Гракха, народъ скоро отдалъ его на жертву своимъ врагамъ. Не этотъ народъ, не затупленные пролетаріи, кліенты и разслабившіе свои умственныя способности патриціи могли понять, чего недоставало Риму и что было ему нужно. Это могъ понять только тотъ классъ народа, которымъ жилъ Римъ, который трудился, который составлялъ дѣйствительную силу страны — рабы. Они-то первые и подняли вопросъ. Способъ, принятый ими для заявленія невыгодности существующаго порядка, не могъ доставить римлянамъ особаго удовольствія; но вѣдь и римляне не думали никогда объ удовольствіяхъ рабовъ. Римляне полагали, что ихъ личная выгода заключается въ томъ, чтобы сдѣлать непремѣнно убытокъ и непріятное рабамъ. И рабы, воспитанные въ такомъ пониманіи экономическаго порядка, приложили впослѣдствіи и сами это правило къ римлянамъ. Это тотъ же законъ, по которому бильярдный шаръ летитъ подъ тѣмъ угломъ, подъ какимъ получилъ толчокъ. Цѣлый рядъ возстаній рабовъ, возстаній страшныхъ, гдѣ рабы составляли 120 тысячныя арміи, служили сильными убѣдительными фактами негодности экономическаго порядка Рима.. И порядокъ сталъ измѣняться — явилось освобожденіе рабовъ, явилось христіанство и наконецъ нашли на Римъ сѣверные варвары.

Съ точки зрѣнія политической исторіи Римъ, разумѣется, погибъ. Это значитъ государственныя границы его измѣнились, исчезли многія учрежденія и административныя должности. Но въ смыслѣ экономической теоріи все это не должно составлять дѣла большой важности. Разсматривая Римъ, какъ совокупность отдѣльныхъ экономическихъ силъ, дѣйствовавшихъ подъ извѣстнымъ закономъ, видишь въ немъ такой порядокъ, при которомъ огромное большинство людей, живя подъ условіями самыми невыгодными для ихъ физіологическаго развитія, создавали всѣ богатства страны и, разумѣется, производили все не въ тѣхъ размѣрахъ и не того качества, какимъ бы отличался ихъ трудъ при другихъ условіяхъ. Весь бытъ рабовъ былъ

такого качества, что ни физическія, ни умственныя ихъ способности не могли достигать нормальнаго развитія. Голодъ, болѣзни, жестокое обращеніе, изнуряющій трудъ, вотъ тѣ условія, при которыхъ суждено было жить и дѣйствовать рабу,—этой единственной производительной силѣ страны. Малосильный и затупленный человѣкъ не можетъ создать того, что создаетъ человѣкъ сильный и развитой; слѣдовательно и масса обезсиленныхъ, затупленныхъ и неэнергическихъ людей не въ состояніи произвести того, что произведутъ люди, развившіеся при благопріятныхъ условіяхъ для ихъ организма; эта масса машинъ, не пользуясь никакими выгодами своего труда жила сама въ крайней нищетѣ, среди лишеній въ самомъ необходимомъ, въ грязи, болѣзняхъ; грубая, дикая, затупленная, она составляла основаніе всего гражданскаго общества, его основную физическую силу и такое громадное большинство, при которомъ во многихъ мѣстностяхъ свободные люди составляли только десятую долю.

За этой физической силой слѣдовала такъ называемая умственная сила страны—граждане. Три четверти изъ нихъ, составляя пролетаріевъ, жили совершенно въ такой же бѣдности, какъ и рабы, отличаясь отъ нихъ правомъ ничего не дѣлать и жить на счетъ государства. Пролетарій, воспитанный въ нищетѣ, ѣвшій всегда въ проголодъ, не знавшій никакихъ удобствъ въ жизни, пригнетенный нуждой и воспитанный на жестокостяхъ и кровавыхъ зрѣлищахъ, не стоялъ ни въ чемъ выше презираемаго имъ раба. Это было существо дикое, вѣчно голодное, вѣчно безпокойное, отличавшееся особенной грубостію нервовъ.

Затѣмъ шелъ цвѣтъ римскаго гражданства — тѣ, кто создавалъ римскія побѣды,—аристократія. Все это было еще сильно и здорово, пока Римъ не познакомился съ цивилизаціей покоренныхъ имъ народовъ, и все это сдѣлалось гнилью, разслабло, отупѣло, когда сокровища, награбленныя у непріятелей, и весь трудъ рабовъ, далъ Риму невиданныя имъ до того средства для жизни. Люди, незнавшіе прежде ничего, кромѣ лишеній походной жизни; люди, которыхъ грубые нервы могли чувствовать только сильныя ощущенія, обратили всѣ свои сокровища на ѣду, зрѣлища и наслажденія. Изобиліе средствъ превратило ѣду въ обжорство, зрѣлища — въ кровавыя казни невинныхъ людей, и наслажденія—въ безпутство. Эти люди проѣдали и пропивали то, что создавали милльоны трудившихся рабовъ, и трудъ милльоновъ уходилъ какъ дымъ, не принося ни выгоды, ни пользы населенію страны; — въ первый и въ послѣдній годъ Рима рабъ

былъ одинаково бѣденъ; прошли вѣка, не улучшивъ его положенія и не давъ ему болѣе того, что было ему нужно, чтобы не умереть съ голоду; мильярды рабовъ во все время существованія Рима трудились для того, чтобы кормить ничего не дѣлавшихъ гражданъ и давать патриціямъ возможность проѣдать избытки на стотысячныхъ ужинахъ. Римъ прожилъ все, что у него было и обнищалъ. Вотъ его исторія.

Нашествіе варваровъ, сокрушивъ политическія учрежденія Рима, не измѣнили его экономическаго принципа. Очень можетъ быть, что Римъ справился бы и самъ съ своимъ экономическимъ порядкомъ, но этотъ фактъ однако не совершился, и потому предполагать возможность того, чего не случилось, нельзя. Въ смыслѣ экономической теоріи Римъ остался тѣмъ же Римомъ, измѣнились нѣсколько границы политическія, измѣнились управленіе, уменьшилось роскошь, кончились лукулловскія пиршества, и масса дикаго, неразвитаго народа, замаскированная прежде тщеславнымъ блескомъ немногихъ дикарей, выступила на болѣе видное мѣсто. Вотъ и все, что сдѣлали варвары; но сломить экономическій принципъ Рима они не могли, потому что еще слишкомъ дикая природа, окружавшая древняго человѣка, создавала людей не съ такими нервами, при которыхъ возможно было бы иное пониманіе экономическаго быта. Война оставалась попрежнему единственнымъ источникомъ обогащенія; трудъ составлялъ попрежнему непріятное занятіе, и необходимость имѣть особыхъ людей для работы, въ то время, какъ воины занимались своимъ военнымъ дѣломъ внѣ дома, заставляла попрежнему держать рабовъ. Все это существовало въ древнемъ Римѣ, все это было и у варваровъ. Въ чемъ же экономическая разница между тѣми и другими? Если въ древнемъ мірѣ одни были лишены всякаго права и возможности развивать всестороннія силы и способности, и потому оставались постоянно на минимумѣ матеріальныхъ удовлетвореній и умственныхъ средствъ, то то же самое повторили у себя и варвары, взявшіе въ основаніе римскія учрежденія и римское право. Это отсутствіе экономической разницы сдѣлалось вполнѣ осязательнымъ, когда въ X вѣкѣ рабство охватило всю Европу и создалось вездѣ податное состояніе — крѣпостныхъ.

Разумѣется, европейское податное состояніе не было тѣмъ, что было римское рабство; гнетъ былъ слабѣе, римская тираннія потеряла свой ужасный кровавый характеръ; человѣкъ всталъ въ условія болѣе

выгодныя для цивилизаціи и прогресса; но учрежденія попрежнему давали возможность только одностороннему, спеціальному развитію человѣка, и силы и трудъ его тратились по прежнему самымъ непроизводительнымъ и убыточнымъ образомъ для общаго интереса. Отъ этого, экономическая производительная способность человѣка, стѣсненная всѣми учрежденіями, мѣшавшими матеріальному благосостоянію, и слѣдовательно умственному развитію массъ, стояла на своемъ минимумѣ; податная способность людей была чрезвычайно слаба; расходы общества велики и вездѣ царствовала бѣдность и нужда, почти такая же, какой отличался Римъ.

Только съ конца прошедшаго столѣтія, съ изобрѣтеніемъ машинъ, съ разъясненіемъ экономическихъ принциповъ и указаніемъ причинъ, вліяющихъ на бѣдность и богатство народовъ, наступила для Европы переходная пора отъ перваго, римскаго періода экономическаго развитія къ слѣдующему. Выражаясь языкомъ физіологовъ, Европа только что переживаетъ первый зачаточный періодъ и приготовляется вступить въ періодъ экономическаго дѣтства.

Туго шло это развитіе; прошли тысячелѣтія; прогрессъ былъ очень медленъ, и вотъ въ какомъ положеніи застаетъ статистика народы, обитающіе въ настоящее время на земномъ шарѣ.

Всѣхъ жителей на землѣ 1 мильярдъ 250 милльоновъ. Изъ нихъ людей европейской цивилизаціи, т. е. создавшихъ собственными силами новыя знанія и выработавшихъ новые гражданскіе принципы, и такихъ народовъ, которые стараются воспользоваться плодами европейской науки и ея цивилизаціей, считается только 330 милльоновъ. Сюда включена вся Европа и Америка, хотя въ Европѣ есть и такія государства, считающія свое населеніе милльонами, какъ Турція, гдѣ умственное развитіе массъ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и экономическое невѣжество такъ велико, что ихъ слѣдовало бы причислить къ народамъ первобытной культуры. Наконецъ, слишкомъ строгое разграниченіе трудно еще и потому, что даже самыя передовыя государства, какъ Англія и Соединенные Штаты, не отличаются особеннымъ развитіемъ массъ народонаселенія. Но въ нашемъ вопросѣ это не важно, потому что массы этого неразвитаго народа поняли уже основную сущность экономическихъ принциповъ, и уже собираются идти по пути экономическаго прогресса. Иначе сказать, они выступаютъ изъ зародышнаго періода, чтобы начать слѣдующій періодъ экономической жизни. Остальное человѣчество находится еще

въ періодѣ рабства; даже въ Америкѣ, въ рукахъ людей европейской расы, находится почти 4 милльона невольниковъ, не отличающихся ничѣмъ отъ римскихъ рабовъ. Такимъ образомъ чрезъ 2500 лѣтъ отъ начала такъ называемой римской цивилизаціи, существуютъ еще на землѣ рабы, существуетъ торговля людьми, и на 330 милльоновъ людей свободныхъ считается 920 милльоновъ людей, для которыхъ еще неизвѣстно, когда наступитъ пора свободы и европейской цививилизаціи.

Рабство это совсѣмъ римское, кровавое, ужасное. Что же касается до массъ европейскаго промышленнаго населенія, то европейскій пролетарій, лишенный возможности не только всесторонняго развитія своихъ способностей, но и средствъ существованія, въ сущности такой же рабъ своей цивилизованной Европы, какъ древній рабъ былъ рабомъ Рима.

II.

Войны.

Человѣка незнающаго убѣждаетъ именно то, что для знающаго не имѣетъ никакой силы убѣдительности.

Исторія представляетъ постоянный рядъ фактовъ такого рода, когда подъ обояніемъ и силой разныхъ внѣшнихъ вліяній, люди, цѣлыми массами свершали такія дѣйствія, которыя вели исключительно къ матеріальнымъ потерямъ самыхъ же дѣйствовавшихъ массъ.

Факты этого рода называютъ ошибками, заблужденіями, увлеченіями, но въ сущности они признакъ незнанія.

Какъ польза изобрѣтенія машинъ еще не обнаружила до сихъ поръ своего вліянія на матеріальное благосостояніе европейскаго населенія, и плодами ихъ пользовались исключительно капиталисты, такъ точно и знанія стояли особнякомъ отъ массъ и весьма немногое изъ достовѣрно извѣстнаго получило практическое примѣненіе въ частной, общественной и государственной жизни Европы.

Только одинъ родъ знаній, имѣющихъ характеръ очевидной экономической выгодности, сдѣлался безспорнымъ достояніемъ, доступнымъ даже для большинства. Такъ, всѣ открытія химической технологіи, все, что способствуетъ фабричнымъ и техническимъ производствамъ, пріобрѣли особенное значеніе, когда изобрѣтеніе машинъ паровой,

прядильной, ткацкой и др. дало небывалое развитіе многимъ производствамъ и создало мануфактурную и фабричную системы со всѣми ихъ блестящими и печальными сторонами.

Эти изобрѣтенія, вмѣстѣ съ желѣзными дорогами, пароходами, телеграфами, обнаружили на европейскую жизнь во всемъ ея объемѣ всесокрушающее стихійное вліяніе. Ничто не показало такъ сильно значеніе и важность для людей ихъ экономическаго быта и матеріальнаго благосостоянія, какъ это изобрѣтеніе. Ужь однимъ тѣмъ, что всѣ изобрѣтенія громадной важности дѣлались въ послѣднее время исключительно въ области промышленности и служили къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія, доказывается сущность стремленія людей. Людямъ нужно улучшеніе ихъ экономическаго быта, потому они и изобрѣтаютъ только то, что можетъ удовлетворить этой цѣли. Характеромъ и направленіемъ изобрѣтательной способности людей и опредѣляются исключительно потребности даннаго времени. Если бы не существовало пороха, едва ли бы его открыли теперь; но паровая машина и машина Аркрайта явились бы непремѣнно. Только очень отсталые и мало размышлявшіе люди могутъ думать, что отвычка отъ суровой жизни и знакомство съ роскошью Карфагена положило начало разрушенію Рима, и только дикіе римляне могли полагать, что ремесло и мирныя экономическія занятія недостойны гражданина, потому что они ослабляютъ его воинственность.

Куда придетъ Европа съ своими изобрѣтеніями—предвидѣть нельзя, но изъ того, что она открыла уже, видно что̀ ей нужно. Каждому отдѣльному человѣку нужно, чтобы ему было все лучше и лучше; чтобы его матеріальное благосостояніе постоянно возвышалось.

И прежде люди стремились къ тому же, но римляне, не владѣя никакими знаніями, думали достигнуть матеріальнаго благосостоянія войной; а Европа, находившаяся подъ первымъ впечатлѣніемъ христіанства, занималась преимущественно религіозными и политическими вопросами.

Но передовой народъ Европы, раньше другихъ порѣшившій съ этими вопросами — англичане, понялъ раньше другихъ важность экономическаго благосостоянія, и устремивъ свою дѣятельность по этому направленію, пришелъ къ изобрѣтеніямъ, давшимъ Европѣ небывалую до того экономическую силу. Машины, желѣзныя дороги, телеграфъ, явились въ міръ новыми силами природы и подчинили себѣ всего человѣка. Все склонилось предъ ними, и какъ прежде человѣкъ, самъ

того не понимая, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ внѣшней среды, такъ теперь онъ подчинился новой внѣшней средѣ, созданной послѣдними экономическими изобрѣтеніями англичанъ.

Стихійная сила этихъ изобрѣтеній въ томъ, что при нихъ невозможенъ возвратъ къ прежнимъ экономическимъ условіямъ, что при нихъ нельзя ни остановить, ни задержать новаго экономическаго направленія людей. Какъ человѣкъ, перенесенный въ другой климатъ, поставленный въ новыя почвенныя условія, измѣняетъ весь свой бытъ, и нервы, его, принимая новыя, небывалыя до того впечатлѣнія, измѣняютъ весь характеръ дѣятельности организма, такъ и машины, окруживъ человѣка новой внѣшней силой, заставили его жить другой жизнью. Машины, подобно новому климату, измѣнили свойство человѣческаго организма, и чтобы онъ сталъ дѣйствовать по старому, нужно измѣнить этотъ климатъ, нужно уничтожить машины.

Но стихійная сила машинъ заключается въ томъ ихъ свойствѣ, по которому они обнаружили вліяніе на воспитаніе людей сразу цѣлыми массами, и слѣдовательно этой стихіей вышелъ самъ человѣкъ, съ его обновленными понятіями. Сила этихъ изобрѣтеній въ томъ, что они перевоспитали сразу милльоны людей, и для этихъ милльоновъ возвратъ къ старому сдѣлался невозможенъ.

Не то съ тѣми знаніями и научными истинами, которыя находятся въ менѣе тѣсной связи съ экономическимъ бытомъ людей. Хотя сила этихъ знаній должна обнаружить на бытъ человѣка еще большее вліяніе, чѣмъ какая-нибудь машина Аркрайта, или желѣзныя дороги, но человѣчество находилось до сихъ поръ въ такомъ еще состояніи нервной воспріимчивости, когда знанія, по разнымъ причинамъ, или не достигали массъ, или достигали ихъ въ извращенномъ видѣ, или наконецъ, не могли быть ими усвоены, по неспособности усвоить.

Отъ этого всѣ знанія, касающіяся организма человѣка и силъ природы, не имѣющія на своей сторонѣ той практической очевидности, какъ ткацкая машина и желѣзная дорога, жили исключительно въ тѣсномъ кругу немногихъ людей; а массы пробавлялись истинами, переданными имъ еще ихъ бабушками.

Никогда человѣчество не стояло такъ далеко отъ знаній своего времени, какъ нынѣшняя Европа. Евреи временъ Моисея должны были знать все то, что зналъ и онъ. Ихъ, еще дѣтьми, учили тому, что зналъ ихъ законодатель. Онъ передалъ имъ все извѣстное ему о природѣ, о дѣйствующихъ силахъ, о мірозданіи. И тогда на-

родъ стоялъ въ уровень съ современными ему знаніями. У римлянъ и грековъ было то же самое. Жизнь не отдѣлялась отъ знанія, потому что знаніе есть жизнь.

Но теперешняя Европа, накопивъ въ своемъ «наслѣдіи вѣковъ» всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжества прошедшихъ временъ, хранитъ все это, какъ Плюшкинъ, въ одной кучѣ. Наслѣдіе вѣковъ держится крѣпко, куча ростетъ все больше и больше, и во всю исторію новой Европы былъ только одинъ случай, когда, перебравъ ее, выбросили изъ нея многое, оказавшееся ни къ чему негоднымъ. Впрочемъ, изъ этого негоднаго многое опять подобрали послѣ и сложили въ ту же кучу.

Въ древнемъ мірѣ человѣчество стояло въ уровень съ существовавшимъ тогда міросозерцаніемъ, установленнымъ тогдашними знаніями, и въ Европѣ, въ первыя времена христіанства, было то же самое; но теперь массы отстаютъ все больше и больше отъ научныхъ открытій, и знанія послѣдняго времени составляютъ только достояніе весьма небольшого числа людей.

Если бы успѣхи людей въ знаніяхъ изобразить въ видѣ лѣстницы, и показать точное число людей на каждой ступени, то явилась бы весьма наглядная и поучительная картина, объяснившая причины многаго. Вмѣсто одной ступени временъ Моисея, на которой стоялъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ, явились бы десятки ступеней; массы людей служили бы основаніемъ этого огромнаго треугольника, и число людей, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, становилось бы все меньше и меньше.

Относительная отсталость людей въ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни не была никогда такъ велика, какъ нынче, и никогда міръ не представлялъ такихъ двухъ крайнихъ противоположностей, какъ развитіе экономическихъ понятій и стремленій, явившихся съ машинами, и старое міросозерцаніе на человѣка и природу.

Отъ этого и нынче, съ той же первоначальной силой, какъ тысячи лѣтъ назадъ, можно увлекать массы на дѣла огромной для нихъ невыгодности и дѣйствовать на нихъ возбужденіемъ тѣхъ же самыхъ ошибочныхъ понятій, какими возбуждали ихъ и прежде.

Какъ прежде люди разрѣшали всѣ вопросы дракой, такъ точно разрѣшаютъ они ихъ и нынче. Способъ этотъ употреблялся въ древнемъ мірѣ потому, что люди не знали другого, и нынче онъ употребляется, разумѣется, по той же причинѣ.

Многіе возмущаются нынче противъ насилія отдѣльнаго лица, считаютъ глупымъ и дикимъ, когда два человѣка вздумаютъ порѣшить свой спорный вопросъ дракой; еще глупѣе показалось бы, когда международные вопросы вздумали бы порѣшить единоборствомъ, въ присутствіи депутатовъ съ той и съ другой стороны; но тѣмъ же самымъ людямъ не кажется глупымъ, когда дѣло рѣшается кровавой битвой между двумя огромными арміями.

Это происходитъ только оттого, что въ глазахъ большинства порѣшеніе спорныхъ вопросовъ насиліемъ считается единственно возможнымъ способомъ, потому что они не знаютъ другого; точно такъ же, какъ существуютъ еще въ Европѣ цѣлыя населенія, для которыхъ драка отдѣльныхъ лицъ считается единственнымъ средствомъ покончить недоразумѣнія или несогласіе ихъ мнѣній. Люди дерутся потому, что драка доставляетъ имъ удовольствіе; имъ пріятнѣе драться, чѣмъ не драться. Временемъ измѣнились только причины, возбуждавшія войну и драку, но война осталась попрежнему единственнымъ средствомъ разрѣшенія всякихъ недоразумѣній и споровъ. Прежде, когда техническія изобрѣтенія были слабы, а трудъ считался позоромъ, недостойнымъ гражданина, люди воевали для пріобрѣтеній, для обогащенія себя. Цѣлыя тысячелѣтія воевали народы съ этой цѣлью. Но когда люди разсчитали, что войной богатѣть нельзя, они перестали вести войны для увеличенія своихъ владѣній и стали воевать за идею. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ непониманье того, что дѣлаютъ люди, дошло до крайности. По тому міросозерцанію, которое вызывало войну за идею, идея есть принадлежность души, а душа есть нѣчто отдѣльное отъ тѣла; какимъ же образомъ можно заставить душу создать себѣ новыя идеи посредствомъ войны или побоевъ? Очевидно, что тѣ, кто затѣвалъ войну, не понимали какъ заставить душу измѣнить свой образъ мыслей, а тѣ, кого заставляли драться, понимали въ этомъ дѣлѣ еще меньше, и могли быть доведены до военнаго увлеченія только очень ошибочными представленіями и совершенно превратнымъ пониманьемъ сущности вещей.

Война за идею приводила обыкновенно къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, какихъ ожидали. Вмѣсто истины она порождала еще большее незнаніе, она надолго притупляла людей и служила задержкой прогрессу. И это по той простой причинѣ, что всякая война ведетъ къ матеріальному истощенію народа; съ матеріальными лишеніями является бѣдность, падаетъ уровень потреб-

ностей, а съ нимъ является извѣстная степень тупости. Раззоренный, запуганный народъ готовъ принять всякую гипотезу, всякую идею, не понимая ни той, ни другой, и желая только одного, чтобы поскорѣе кончилась для него раззоряющая его война.

Поэтому ужасъ войны не только въ томъ, что она раззоряетъ, но и въ томъ, что упадокъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей отодвигаетъ людей назадъ.

Разумѣется, пока люди при недостаткѣ знаній находятъ достаточную силу убѣдительности въ недоказанныхъ гипотезахъ и въ ошибочныхъ представленіяхъ, война неизбѣжна, и до тѣхъ поръ она будетъ неизбѣжна, пока люди не научатся соображать лучше свои выгоды.

Нашъ вопросъ однако не въ томъ, можетъ или нѣтъ обойдтись міръ безъ войны, а въ томъ, какой отъ войнъ убытокъ для людей; на сколько всякая война роняетъ уровень матеріальнаго благосостоянія; на сколько она дѣлаетъ всѣхъ бѣднѣе и мѣшаетъ цивилизаціи.

Судя поверхностно, можно думать, что только войной человѣчество и шло впередъ, потому что всякій шагъ цивилизаціи и прогресса сопровождался войной. Но война въ этомъ случаѣ имѣла часто отрицательное значеніе. Не войной достигался успѣхъ; не войной создавались убѣжденія; не войны вели къ тому, чтобы чувствовал пользу знанія — война только устрашала людей ужасами раззоренія. Война не создала ни одного знанія, не открыла ни одной истины; она не сдѣлала общимъ достояніемъ ни одной мысли, ни одного изобрѣтенія. Паровую машину и желѣзныя дороги не нужно было водворять между людьми страхомъ войны. Успѣхи химіи, технологіи, промышленность, литература, искусства водворялись не войной, и нѣтъ въ исторіи такого случая, гдѣ бы война создала чье-либо матеріальное благосостояніе, способствовала чьему-либо умственному развитію. Единственные случаи, когда войной достигались повидимому благотворные результаты, составляютъ тѣ рѣдкія исключенія, когда войной, или путемъ насильственнаго переворота, старались побороть препятствіе, мѣшавшее прогрессивному движенію, или устранить невыносимый гнетъ. И тутъ война дѣлала зло, но зло это скоро излечивалось послѣдующимъ быстрымъ экономическимъ, или другого рода развитіемъ.

Одно нѣмецкое преданіе говоритъ, что гдѣ разъ ступилъ конь Атиллы, тамъ ужь переставала рости трава. И такой же конь Атил-

лы всякая война. Всякая война влечетъ за собой истребленіе людей, опустошеніе, уничтоженіе культуры земледѣльческой, промышленной, и нѣтъ такой войны, которая бы увеличивала населеніе, обрабатывала поля, усиливала производительную экономическую дѣятельность людей и создавала культуру. Война всегда убытокъ и не была она никогда выгодой, какъ черное не можетъ быть бѣлымъ, потому что оно черное.

Что именно потеряло человѣчество отъ своихъ вѣчныхъ войнъ, опредѣлить точной цифрой нельзя; но можно довольно близко сообразить всѣ убытки, созданные людьми, отъ неумѣнья устроивать свои дѣла путемъ болѣе выгоднымъ, а потому и разумнымъ.

Чтобы увидѣть нагляднѣе съ какимъ легкомысліемъ и готовностью люди прибѣгали къ войнѣ, мы обратимся къ фактамъ, представляемымъ древней и новой исторіей.

Исторія одного изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ древности, персовъ, представляется въ такомъ видѣ.

Киръ, основатель обширной персидской монархіи, покорилъ Мидянъ, Вавилонію, Лидію и множество мелкихъ земель; потомъ пошелъ на Массагетовъ, но они убили его самого и побили его войска.

Камбизъ царствовалъ 7 лѣтъ. Онъ побѣдилъ Псаменита, царя египетскаго, казнилъ его сына и съ нимъ 2000 человѣкъ молодыхъ людей. Пошелъ на Эфіопію и Аммоній, но оба войска погибли въ степяхъ. Воротился злой отъ неудачи и приказалъ казнить свой народъ и священниковъ.

Дарій царствовалъ 36 л. Покорилъ Аравію, расширилъ предѣлы въ Индіи, Африкѣ и въ суровыхъ степяхъ Скифскихъ. Выигралъ 19 сраженій и полонилъ 9 царей.

Ксерксъ. Пошелъ въ Грецію съ 1,700,000 войска и 1,200 большихъ кораблей, и погубилъ всю эту силу.

Но это былъ народъ дикій, только съ нѣкоторымъ наружнымъ блескомъ цивилизаціи; это были люди того періода человѣческаго развитія, когда ходитъ въ человѣкѣ черноземная сила и не даетъ ему покоя, заставляя переходить съ мѣста на мѣсто, и бить и ломать все, что попадается на пути. Такимъ и былъ въ дѣйствительности этотъ народъ.

Но вотъ народъ другой; народъ, отъ котораго видитъ Европа свою цивилизацію; народъ завѣщавшій Европѣ свои знанія, свое граждан-

ское и уголовное право; народъ, какъ говорятъ, уважавшій личность и не терпѣвшій насилія — римляне. И ихъ военная исторія не отличается ничѣмъ отъ исторіи персовъ.

Героическій періодъ Рима начинается за 340 лѣтъ до Рождества Христова, съ первой самнитской войны. Римъ въ это время еще складывался, ему нужно было обезпечить себя со стороны безпокойныхъ сосѣдей. Война эта тянулась 3 года, и только въ одномъ сраженіи собрали на полѣ битвы 40,000 самнитскихъ щитовъ. По самому умѣренному исчисленію погибло въ 3 года съ той и другой стороны не менѣе 100,000 человѣкъ. Едва окончилась эта война, какъ въ томъ же году (340) началась латинская война, продолжавшаяся 7 лѣтъ. Латинцамъ захотѣлось полнаго гражданскаго равенства съ римлянами, а римляне не хотѣли уступить имъ этого, и загорѣлась между ними самая жестокая война. Зная жестокій характеръ войнъ того времени, можно считать, что въ эти 7 лѣтъ погибло не менѣе 100,000 человѣкъ съ той и другой стороны. Чрезъ 12 лѣтъ опять вторая и третья самнитскія войны, продолжавшіяся 35 лѣтъ, съ промежуткомъ въ 6 лѣтъ, въ который римляне воевали съ другими сосѣдями. Въ этой войнѣ вопросъ шелъ окончательно о томъ — быть или не быть самнитамъ самостоятельными. Во многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ они потеряли весь цвѣтъ своего населенія, свою лучшую молодежь, гордость и красу народа, и все-таки не устояли передъ силой римлянъ. Приблизительная потеря 150,000 человѣкъ. Прошли 9 лѣтъ мирно и опять 6-лѣтняя война съ тарентинцами и съ Пирромъ. Послѣ второй побѣды надъ римлянами Пирръ сказалъ: «еще одна такая побѣда, и я погибъ». Потомъ римляне однако одолѣли его. Погибло съ обѣихъ сторонъ 100,000 человѣкъ. Въ 270 году римляне взяли Регіумъ, и что уцѣлѣло отъ меча, было обезглавлено на торговой площади въ Римѣ. Съ этихъ поръ исчезли навсегда сила и благосостояніе греческихъ державъ этого края, совершенно раззоренныхъ войной.

Теперь начали римляне свои пунійскія войны. Только Атилла, Тимуръ; да Валенштейнъ и Османы дѣйствовали такъ, какъ дѣйствовали римляне въ эту войну.

Карфагенъ и его колоніи отличались богатствомъ жителей, культурой страны; окрестности Карфагена, обработанныя, какъ садъ, были покрыты масличными и померанцовыми рощами. Сельское хозяйство и торговля отличались высокимъ развитіемъ; но все благо-

денствіе народа погибло подъ мечомъ римлянъ, какъ будто бы его прежде и не существовало. Въ одномъ сраженіи при Каннахъ римляне потеряли слишкомъ 45,000 человѣкъ; день этотъ въ римскомъ календарѣ былъ отмѣченъ черным цвѣтомъ. Въ Капуѣ римляне казнили 53 сенатора, двадцать семь лишили себя жизни, и всѣ граждане города были взяты въ рабство. Послѣ второй пунійской войны вся Италія находилась въ страшномъ положеніи; поля лежали невоздѣланныя, народонаселеніе уменьшилось на одну четверть, города и села были совершенно раззорены и опустошены, и вся римская казна истрачена до послѣдней копѣйки. Во время второй войны одна осада Сиракузъ тянулась три года, и римлянамъ удалось взять городъ только съ величайшимъ трудомъ. Но зато и месть ихъ была ужасна. Солдаты грабили и убивали всѣхъ безъ разбора; произведенія искусства были отвезены въ Римъ, и жизнь Сиракузъ погибла. Сами римляне, чтобы спасти островъ отъ конечнаго раззоренія, должны были выгонять потомъ оттуда одичалыя разбойничьи шайки. Послѣ второй войны Карфагенъ началъ достигать снова нѣкотораго благосостоянія. Но зависть взяла снова римлянъ. «Полагаю, сверхъ того, что нужно истребить Карѳагенъ», такъ заканчивалъ всѣ свои мнѣнія въ сенатѣ Катонъ. И точно Карфагенъ былъ истребленъ. Едва ли человѣческое тупоуміе доходило когда-нибудь до такой степени, какъ въ этомъ постыдномъ дѣлѣ римлянъ. Послѣ продолжительной осады городъ былъ наконецъ взятъ. Когда побѣдители ворвались въ городъ, каждый домъ приходилось брать, какъ новую крѣпость. Изъ 500,000 жителей осталось въ живыхъ только 30,000 мужчинъ и 25,000 женщинъ. Семнадцать дней горѣлъ городъ и исчезъ до тла. Но римскому сенату было мало этого; его не удовлетворило, что погибли памятники культуры и цивилизаціи народа, прилежно трудившаго въ теченіе пяти вѣковъ; сенатъ велѣлъ еще сравнять Карфагенъ и всѣ его пригороды съ землей, и пройдти плугомъ. Какъ велика сумма богатствъ, истребленныхъ такимъ образомъ, нельзя сказать даже и приблизительно, но народа въ эти 43 года войны, въ Италіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, погибло болѣе 1,000,000

Въ промежуткѣ, между второй и третьей пунійской войной, римляне занялись Македоніей и Греціей. Въ одной только битвѣ при Магнезіи Антіохъ потерялъ 50,000 убитыми. Въ войнѣ съ греками, взятый приступомъ Коринѳъ былъ совершенно разрушенъ, и по повелѣнію римскаго сената запрещено его отстраивать. Жители Коринѳа

исчезли всѣ — часть ихъ перебита, остальные уведены въ рабство. Въ эти 32 года войны, не говоря про такое крупное злодѣйство, какъ уничтоженіе Коринфа, этой «звѣзды Эллады», опустошена была еще и большая часть Греціи. Людей погибло до 500,000.

Страсть къ завоеваніямъ поддерживала въ римлянахъ не одно стремленіе къ обогощенію, но и разжигала еще выродившіяся сенаторскія фамиліи къ тщеславію и тріумфамъ. Грабежъ и злоупотребленія римскихъ правителей въ покоренныхъ областяхъ доходили до страшныхъ размѣровъ, и довольно было нѣсколькихъ десятилѣтій, чтобы изъ населенія, пользовавшагося благосостояніемъ, сдѣлать нищихъ. И все это сходило съ рукъ римскимъ правителямъ, потому что ихъ поддерживали въ Римѣ. Только когда злоупотребленія и лихоимство доходили до размѣра опустошительной войны, какъ это было во время управленія Сициліей Верресомъ, высосавшимъ весь сокъ изъ жителей, удавалось иногда наказать злодѣя изгнаніемъ, или онъ самъ удалялся добровольно. Но бывали случаи, когда народъ, настрадавшійся подъ римскимъ игомъ, поднимался противъ своихъ притѣснителей, и въ этомъ случаѣ грозила возставшимъ страшная месть. Такъ португальцы и испанскіе кельтиберы поднялись разъ противъ римлянъ. Римляне, не гнушавшіеся никакими средствами, когда думали съ помощію ихъ достигнуть торжества, вели себя и въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно. Римскій полководецъ Гальба, бывшій причиной возстанія, обѣщавъ дать лучшія мѣста для жительства, переманилъ чрезъ р. Таго 7000 безоружныхъ лузитанъ и частью умертвилъ ихъ, частью продалъ въ рабство. Городъ Нуманція былъ вынужденъ къ сдачѣ голодомъ. Лучшіе граждане лишили себя жизни, остальные всѣ, за исключеніемъ 15, отправленныхъ въ Римъ для тріумфа побѣдителя, были проданы въ рабство. Опустѣвшій совершенно городъ былъ разрушенъ до основанія. Возстанія эти стоили по крайней мѣрѣ 200,000 жизней.

Какъ много погибало людей для мѣстной производительности обращеніемъ въ рабство, можно видѣть изъ того, что на большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ, гдѣ малоазійскіе купцы продавали свой товаръ римлянамъ, было высажено въ одинъ день 10,000 рабовъ, и всѣ они распроданы къ вечеру. Торговцы людьми обыкновенно сопровождали римскіе легіоны, и послѣ побоищъ скупали въ рабство плѣнныхъ. Послѣ взятія Карфагена было обращено въ рабство 50,000 человѣкъ.

Черезъ 18 лѣтъ началась война съ Югуртой. Въ городѣ Циртѣ Югурта истребилъ все взрослое мужское населенiе африканское и италiйское; но не смотря на все свое коварство и продажность римлянъ, былъ наконецъ побитъ Марiемъ. Война тянулась 6 лѣтъ. Потери въ людяхъ можно считать въ 100,000. Не успѣлъ еще Марiй окончить африканскую войну, какъ поднялись на Римъ тевтоны и кимвры. Походъ ихъ былъ въ родѣ шествiя Атиллы — грабежъ, убiйства, опустошенiе. Въ четыре года они уничтожили пять консульскихъ войскъ, и подъ Араузiо разбили римлянъ на голову. Но наконецъ Марiй одолѣлъ дикарей, и въ двухъ битвахъ положилъ всѣхъ тевтоновъ и кимвровъ. Кто остался живъ — уведенъ въ рабство. Война съ этими народами тянулась 13 лѣтъ, съ небольшими перерывами. Легло народу тысячъ 200.

Въ 90 году началось возстанiе союзниковъ, продолжавшееся 2 года. Война эта стоила большой потери силъ и принесла большiя раззоренiя и сельскихъ мѣстностей, и городовъ. Вслѣдъ за ней началась война съ Митридатомъ и междоусобныя войны. Та и другая сопровождались совершенно ненужнымъ истребленiемъ людей. Такъ, по приказанiю Митридата, въ одинъ день истреблено 80,000 италiйцевъ, безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ разныхъ столкновенiй Сулла взялъ и страшно опустошилъ Афины, и при Херонсѣ разбилъ войска Митридата такъ ужасно, что у того спаслась только 12-я часть. При Орхоменѣ вспомогательный корпусъ царя, шедшiй въ Грецiю, былъ совершенно опустошенъ. Послѣ мира (84 г.) Сулла наложилъ на отпадавшiе отъ Рима города 30,000,000 р. военной контрибуцiи и взыскалъ всѣ подати, остававшiяся въ недоимкѣ за 5 лѣтъ. Этимъ взысканiемъ народъ совершенно раззорился. Въ эту войну Сулла отличился особенно разграбленiемъ Афинъ и раззоренiемъ Фивъ. Онъ не щадилъ ничего; онъ все ломалъ и грабилъ, и что только можно было взять съ собой — взялъ. Но если Сулла отличился въ Афинахъ и въ Фивахъ, то и Марiй поступилъ не хуже его съ Римомъ. Пять дней воины его неистовствовали въ городѣ, грабили и разрушали дома и убивали людей. Эта междоусобная война стоила римлянамъ 100,000 человѣкъ; а въ войнѣ съ союзниками и съ Митридатомъ легло съ обѣихъ сторонъ не менѣе 300,000.

Съ 76 — 71 годъ происходила война съ Серторiемъ и невольничья война. Нѣсколько разъ поднимались рабы противъ римлянъ, и каждое такое возстанiе было ужаснымъ истребленiемъ людей. Если

вѣрить Цицерону, то въ сицилійскомъ возстаніи, продолжавшемся 4 года, погибло у римлянъ 1,000,000 рабовъ; поля были совершенно опустошены, скотъ исчезъ и наступила совершенная нищета. Потери, принесенныя Риму сицилійскими возстаніями, стоили Риму дороже всѣхъ пунійскихъ войнъ. Двѣ большія сицилійскія войны продолжались 8 лѣтъ. На сколько онѣ были жестоки, можно судить изъ того, что по взятіи Энны римляне распяли 20,000 рабовъ. Въ войнѣ съ Спартакомъ (71—71 г.) погибло 120,000 рабовъ и ужь, разумѣется, не меньшее число и римскихъ воиновъ. Взятыхъ въ плѣнъ рабовъ кололи и рубили на части и разбрасывали ихъ по дорогѣ; тѣ, кто спасся, были истреблены возвратившимся Помпеемъ; а на невольниковъ, бродившихъ по одиночкѣ, устроили травлю.

Пользуясь междоусобіями поднялся на римлянъ Митридатъ. Въ ночной битвѣ на Евфратѣ погибло отъ Помпея рѣшительно все войско Митридата. Лукуллъ въ одномъ сраженіи съ Тигрономъ положилъ 100,000 армянъ. Наконецъ при втятіи Іерусалимскаго храма погибло болѣе 100,000 іудеевъ; вообще эти войны Помпея тянулись 11 лѣтъ и стоили жизни болѣе 500,000 человѣкъ.

Во время тріумвирата, междоусобной войны и единовладычества Цезаря было пролито много крови, много истреблено людей, много опустошено богатыхъ и цвѣтущихъ земель. Главныя побоища были слѣдующія: изъ числа 40,000 воиновъ, съ которыми Крассъ далъ сраженіе Парфянамъ, легло на мѣстѣ 20,000 и 10,000 взято въ плѣнъ. Въ кровопролитной битвѣ при Бибракте Цезарь разбилъ совершенно гельветовъ и опустошилъ ихъ деревни и волости. При Самбрѣ легло все войско Нервіевъ, и изъ 600 человѣкъ думныхъ мужей только 3 пережили день кровавой битвы. За упорное сопротивленіе венетовъ Цезарь велѣлъ казнить всю ихъ земскую думу, а гражданъ, всѣхъ до одного, продать въ неволю. Въ 3 года Цезарь завоевалъ Галлію и положилъ сотни тысячь народу. Разбилъ потомъ кельтійскихъ обывателей Британіи. Пока Цезарь находился въ Британіи, племена, возставшіе въ Германіи, истребили подъ Адуатикой весь римскій отрядъ — начальниковъ и воиновъ, и когда Цезарь явился на выручку своихъ, то, преслѣдуя возставшее племя эбуроновъ, какъ дикихъ звѣрей, онъ истребилъ его все, до послѣдняго человѣка. Это возмутило вѣрныхъ римлянамъ арверковъ до того, что они поднялись противъ Цезаря. Селенія и мѣстечки ихъ были вызжены и сами они побиты. Послѣднимъ подвигомъ Цезаря, прекратившимъ

возстанія, было его распоряженіе отсѣчь руки храброму кельтійскому гарнизону, защищавшему городъ Укселлодунумъ. Можетъ быть и справедливо мнѣніе тѣхъ историковъ и въ томъ числѣ Ранке, которые увѣряютъ, что Цезаревы завоеванія въ Галліи подготовили новую почву для образованности, что высшая культура и дальнѣйшее развитіе гражданственности явились у нихъ вслѣдъ за мечомъ римлянъ. Но справедливость такаго вывода нужно еще доказать. Фактъ въ томъ, что римляне не принесли странѣ такой пользы въ матеріальномъ отношеніи, и что построенные ими амфитеатры, бани, водопроводы и военныя дороги, не вознаградили тѣхъ страшныхъ опустошеній страны и истребленій цѣлыхъ племенъ, какія они сдѣлали своей войной. Что Галлія была въ 4 вѣкѣ лучшей и образованнѣйшей провинціей Рима, изъ этого еще не слѣдуетъ, что образованіе это создано истребительными войнами. Не война создала культуру, а знакомство съ учрежденіями римлянъ и дарованія Галловъ. Исторія можетъ представить только одинъ фактъ, что послѣ знакомства съ римлянами галлы ушли значительно впередъ въ цивилизаціи, по заключеніе историковъ объ образовательномъ вліяніи римскаго меча будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, когда оно докажетъ, что безъ этого меча прогрессъ былъ бы совершенно невозможенъ. А подобнаго доказательства исторія представить не можетъ, потому что у нея нѣтъ для этого фактовъ.

Въ то время, какъ Цезарь воевалъ въ Галліи (58—50), партіи въ Римѣ ожесточались все болѣе, и открыто разбойничали по улицамъ города. Цезарю нуженъ былъ только предлогъ, чтобы вступить въ Римъ съ войскомъ; предлогъ явился, и въ январѣ 49 года, Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ. Помпей бѣжалъ. Цезарь повелъ войну съ нимъ и съ его партіей. Въ послѣдней битвѣ съ Цезаремъ у Помпея легло 15,000 воиновъ; а въ страшной битвѣ при Мундѣ были истреблены остатки партіи Помпея и республиканцевъ. Предъ тѣмъ еще, въ битвѣ при Тапсѣ республиканцы потеряли 50,000 людей. Послѣ этихъ подвиговъ Цезарь явился въ Римъ полновластнымъ властителемъ, но былъ убитъ. Войны Цезаря въ Галліи, Испаніи, въ Африкѣ и республиканской партіей продолжались 12 лѣтъ и стоили жизни болѣе 700,000 людей, не считая огромныхъ опустошеній и денежныхъ расходовъ.

По смерти Цезаря началась новая междоусобная война, продолжавшаяся 7 лѣтъ. Такія вещи, какъ убійство 300 сенаторовъ и 2000

всадниковъ, брошенныхъ въ Тибръ или отданныхъ на съѣденіе дикимъ животнымъ, не составляли въ этомъ междоусобіи дѣла большой важности. Послѣ многихъ сраженій, и разныхъ частныхъ убійствъ республиканская партія пала. Все лучшее, передовое, энергическое, сильное и образованное легло въ этихъ междоусобіяхъ; остался только тупой, голодный народъ, просившій хлѣба и зрѣлищъ, и Августу, избившему всѣ лучшія силы страны, уже не было труда провозгласить себя императоромъ, вмѣсто республики создать монархію, и затѣмъ говорить, что «военные лавры хоть и красивы, но безплодны».

Изъ 340 лѣтъ, ближайшихъ къ началу христіанскаго лѣтосчисленія, римляне провели въ войнѣ и въ междоусобіяхъ 215 лѣтъ и только 125 лѣтъ, или одну треть всего времени, провели мирно. Потери въ людяхъ собственно на войнѣ составляютъ по самому умѣренному счету 6,000,000. Но потери въ людяхъ въ этомъ случаѣ не такъ важны для экономическаго быта, какъ тѣ раззоренія и опустошенія, которымъ подвергались мѣстности, служившія мѣстами побоищъ и подпавшія всякаго рода военнымъ насиліямъ. Притомъ способъ военной расправы, гдѣ лучшимъ средствомъ смиренія побѣжденнаго врага считалось совершенное уничтоженіе съ лица земли его городовъ и превращенія въ пустыню культированныхъ земель, садовъ, виноградниковъ, истребленіе скота; однимъ словомъ, полное уничтоженіе всѣхъ результатовъ человѣческаго труда, хотя бы они копились цѣлые вѣка; римскіе военные разгромы были совершенно равносильны геологическимъ переворотамъ. Тутъ ужь не можетъ быть и рѣчи даже о приблизительномъ выясненіи убытковъ, потому что съ каждой войной погибала вся земледѣльческая и экономическая культуры, и люди, если только они оставались въ живыхъ, должны были, какъ новые поселенцы, начинать съ постройки домовъ и новой обработки земли. И такое раззореніе повторялось постоянно. Раззореніе Карфагена, Сиракузъ, Афинъ, Фивъ, составляетъ мильярды, и отъ уничтоженія промышленности этихъ городовъ древній міръ потерялъ для всей своей будущей экономической жизни то, чѣмъ ужь, разумѣется, не могъ вознаградить людей тщеславный блескъ развратныхъ сенаторовъ и такъ называемыя военныя доблести голодныхъ гражданъ, знавшихъ одно ремесло—военное насиліе и грабежъ. Если Сулла за три года отпаденія греческихъ городовъ взыскалъ съ нихъ на военные расходы 30,000,000 рублей, то, разумѣется, римляне всѣ

свои военные расходы въ 215 лѣтъ не могли считать менѣе трехъ мильярдовъ. Человѣчеству было бы выгоднѣе, если бы римляне, собравъ 3 мильярда, бросили ихъ въ воду; ему было бы выгоднѣе, если бы Римъ, собравъ шесть милльоновъ граждань, способныхъ для военной службы, отрубилъ имъ всѣмъ сразу головы. Историки, вѣроятно, назвали бы подобные поступки глупостью и возмутительнымъ злодѣяніемъ. Но человѣчество отъ этого возмутительнаго злодѣянія и глупости потерпѣло бы меньше, чѣмъ отъ того употребленія 3 мильярдовъ рублей и 6 милльоновъ людей, какое сдѣлалъ изъ нихъ Римъ. Каждый мильярдъ ушелъ на уничтоженіе десятковъ мильярдовъ достоянія торговцевъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и каждый погибшій воинъ раззорилъ и сжегъ десятки домовъ, пустилъ по міру или увелъ въ рабство десятки семействъ, и подобно саранчѣ истребилъ всѣ посѣвы, поѣлъ всѣ запасы и воздѣланную землю превратилъ въ пустыню. Къ какимъ экономическимъ результатамъ привели завоеванія Рима, это обнаружилось впослѣдствіи вполнѣ. Истребленный Карфагенъ, уничтоженная промышленность и торговля этого города не увеличили ни на волосъ производительности Рима. Карфагенъ погибъ, но ничто не замѣнило его; и человѣчество стало беднѣе отъ этого равно на всю сумму погибшихъ богатствъ и погибшихъ производительныхъ силъ, которыя росли бы все болѣе и болѣе. Разростающійся дубъ вырвали съ корнемъ, и на его мѣстѣ не выросла даже трава. Вотъ энономическія выгоды римскихъ войнъ. Римляне полагали, что они становятся багаче, а между тѣмъ сами погибли отъ бѣдности. Та цивилизація, какую создалъ Римъ, пошла въ великій убытокъ человѣчеству, подобный самому ужасному экономическому кризису, и никто въ древнемъ мірѣ не хотѣлъ понимать этого. Были тамъ люди, краснѣвшіе за ужасное варварство своихъ сограждань, но не было людей, способныхъ разъяснить и сосчитать убытки, какіе дѣлали этимъ сами себѣ римляне. За всѣ эти страшныя потери, цѣной всего экономическаго и промышленнаго развитія мирныхъ финикіянъ, Римъ создалъ только свое дикое могущество, и исчезъ отъ разврата, праздности и бѣдности, оставивъ въ наслѣдіе Европѣ только свое жалкое римское право и экономическій урокъ, которымъ до сихъ поръ еще никто не воспользовался.

Прошло 1500 лѣтъ послѣ императора Августа, Европа сложилась въ твердое государственное тѣло, и вотъ факты, которые представляетъ исторія послѣднихъ 340 лѣтъ.

Шестнадцатое столѣтіе начинается возстаніемъ крестьянъ противъ угнѣтавшихъ ихъ господъ и духовенства и религіозными спорами и неудовольствіями, кончившимися войной. Кроваво мстили крестьяне за всѣ поборы, за все раззоренье и за весь гнетъ, испытанный ими отъ произвола такого же какъ и они грубаго дворянства. Они замучивали на смерть своихъ притѣснителей, огнемъ и мечомъ опустошали Швабію, Франконію, Эльзасъ, и дѣлали всякія неистовства, мстя своимъ прежнимъ мучителямъ. Но не лучше дѣйствовали и государи, желавшіе положить предѣлъ возстанію. Такъ, послѣ заключеннаго съ эльзасскими крестьянами договора, на нихъ напали вторично при ихъ отступленіи, и положили на мѣстѣ 17,000 человѣкъ. Когда страшной убійственной рѣзней незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ крестьянъ, ихъ заставили смириться, то и послѣ этого еще дикіе побѣдители наслаждались неистовствомъ казней и жестокими преслѣдованіями побѣжденнаго врага. Послѣ неистовствъ крестьянъ и ихъ дикихъ побѣдъ цвѣтущія мѣстности обратились въ совершенныя пустыни.

Въ то же время, когда происходили крестьянскія войны, Карлъ V затѣялъ французско-итальянскую войну, продолжавшуюся 8 лѣтъ. Въ одномъ только сраженіи на берегахъ Тессино погибло со стороны французовъ 10,000 человѣкъ, и самъ Францискъ сдался военноплѣннымъ. Въ 1527 году испанскія и нѣмецкія наемныя войска взяли Римъ. Неистовство побѣдителей не знало предѣловъ. Грабили и ломали все—дворцы, лучшіе жилые дома, церкви. Побѣдители унесли добычу въ 10,000,000 золотомъ. Наконецъ послѣ погибели большей части французскаго войска, отъ чумы и отъ недостатка военной силы императора, заключенъ миръ. Война погубила болѣе 200,000 народу.

Черезъ два года поднялась религіозная война въ Швейцаріи. Дѣло это было небольшое. При Капеллѣ, гдѣ происходила рѣшительная и кровопролитная битва, сражалось всего 10,000 человѣкъ, съ обѣихъ сторонъ.

Эта война имѣла по крайней мѣрѣ хотя какой-нибудь результатъ. Но война, затѣянная снова Францискомъ I и Карломъ V, потому что и тому и другому хотѣлось Милана, привела къ тому, что послѣ 3-лѣтнихъ потерь и пораженій обѣ стороны заключили перемиріе, по которому каждая осталась при своихъ владѣніяхъ. Но Францискъ не кончилъ этимъ. Онъ затѣялъ опять войны. Карлъ однако принудилъ его къ миру. И хотя обѣ стороны остались при преж-

нихъ границахъ, а между тѣмъ области порубежныя—Испанія, Италія, Нидерланды—пострадали ужасно, и Османы, союзники Франциска, опустошили въ дабавокъ нижнюю Италію и Греческіе острова.

Во время первой войны Карла V съ Францискомъ нѣмцы хлопотали объ истребленіи анабатистовъ (1533—1535). Голодомъ и оружіемъ удалось имъ это, и кто не погибъ при штурмѣ, того замучили или казнили.

Затѣмъ наступила религіозная Шмалькальденская война. Въ эту войну сраженій было мало, людей убито немного; только взятые и сдавшіеся города были раззорены контрибуціями, и страна потерпѣла отъ переходовъ и постоевъ войскъ.

Дикій Филиппъ II, создавшій себѣ три задачи: увеличить свое могущество, искоренить протестантовъ и уничтожить всѣ народныя права, дѣйствовалъ такъ успѣшно въ этомъ духѣ, что раззорилъ три страны: Испанію, Португалію и Нидерланды. Одна непобѣдимая Армада, не дѣлавшая ровно ничего и погибшая отъ бури, стоила 60 м. руб. Нидерландская война обошлась Филиппу въ 500,000,000. Въ годъ смерти Филиппа Испанія, не смотря на свои серебрянные и золотые рудники въ Перу и Мексикѣ, имѣла 800,000,000 реаловъ долгу. Государственное бонкротство было предупреждено только тѣмъ, что духовныя лица ходили по домамъ для сбора подаяній, и что въ Кастиліи всѣ жизненныя потребности были обложены огромными податями. Истребленіе людей и раззореніе подвластныхъ народовъ доходило при Филиппѣ до виртуозности. Когда герцогъ Альба былъ снаряженъ съ войскомъ для усмиренія Нидерландовъ, до 100,000 купцовъ и ремесленниковъ бѣжали изъ своей страны въ чужія земли и въ Англію. Альба строилъ висѣлицы, колесовальные снаряды, мучилъ, казнилъ и жегъ людей. Ужасъ поразилъ все населеніе. Но Филиппъ не довольствовался раззореніемъ Нидерландовъ; онъ залилъ кровью даже свою Италію и раззорилъ покоренную имъ Португалію. Въ теченіе 20 лѣтъ Филиппъ жегъ и казнилъ еретиковъ, преслѣдовалъ и жалъ своихъ поданныхъ, и потери въ людяхъ, сдѣланныя его ужасными преслѣдованіями и войнами, нельзя считать менѣе полумилльона.

Время это, когда Европа устанавливала свои религіозныя убѣжденія, ознаменовалось вездѣ войнами и преслѣдованіямы. Во Франціи происходило восемь религіозныхъ войнъ или, вѣрнѣе, рѣзней. Больше десяти лѣтъ употребили французы на такое занятіе, и достигли того, что обезславили и раззорили свою страну. Въ Варфоломеевскую ночь

католики перерѣзали 25,000 протестантовъ. Фанатизмъ съ той и другой стороны доходилъ до послѣднихъ предѣловъ; люди потеряли совсѣмъ разсудокъ; если удавалось протестантамъ взять верхъ, они рѣзали и истребляли съ страшной жестокостью католиковъ, если удавалось католикамъ — они дѣлали то же самое съ протестантами. Тысячи протестантовъ оставили Францію. Неудовлетворенные этими войнами, католики задумали Лигу, и снова полилась кровь протестантовъ. Война трехъ Генриховъ тянулась три года, она стоила жизни сотнѣ тысячь людей, и только благоразуміе Генриха Наварскаго, принявшаго католицизмъ, окончило эту междоусобную войну.

Въ 17 столѣтіи случилось два особенно любопытныхъ факта: въ 1609 г. Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи 800,000 мавровъ, и въ 1685 году, вслѣдствіе отмѣны Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, оставило Францію болѣе 500,000 протестантовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствія переселенія были одинаковы. Южная часть Испаніи превратилась въ пустыню, земледѣліе упало, промышленность остановилась и бѣдность, лѣнь и нечистота водворились тамъ, гдѣ процвѣтало довольство и благоденствіе. Во Франціи случилось то же самое. Южныя области обезлюдѣли и обѣднѣли и предпріимчивые и промышленные гугеноты перенесли свое трудолюбіе и искусство въ другія страны. Но поселяне Севеннскихъ горъ не хотѣли уступить католикамъ. Загорѣлась война; 100,000 протестантовъ легло въ разныхъ битвахъ, и болѣе 10 лѣтъ продолжались ужасы преслѣдованій. Протестанты съ своей стороны положили не менѣе католиковъ; они разрушили 40 церквей, и не давали пощады ни одной католической деревнѣ, ни одному замку католическаго владѣльца.

Но самое замѣчательное событіе 17 столѣтія есть безспорно 30-лѣтняя война, затѣянная глупостью одного человѣка — нѣмецкаго императора. Война эта стоила 5,000,000 людей. Въ ней принимали участіе всѣ государства Европы. Валенштейнъ свирѣпствовалъ какъ новый Атилла. Гдѣ разъ прошло войско Валенштейна, тамъ было гладко, какъ въ степи, и только головни, да груды щебня напоминали, что въ мѣстахъ этихъ была жизнь, была культура. Валенштейновской методы держались всѣ предводители обѣихъ сторонъ. Чтобы стѣснить противника и заставить его терпѣть лишенія, каждый предводитель жегъ и истреблялъ все. Результаты этой войны были такого рода. Германія, затѣявшая ее, лишилась многихъ владѣній, отошедшихъ къ Франціи и Швеціи; Швейцарія и Нидерланды

признаны независимыми; императорская власть совершенно ослабла, а мелкіе владѣльцы, напротивъ, усилились, создали бюрократизмъ и наложили свою руку на частную дѣятельность гражданъ; свобода вѣры не выиграла ровно ничего; земледѣліе, промышленность, торговля упала совершенно; это значитъ, что народонаселеніе Германіи уменьшилось мечомъ, голодомъ и повальными болѣзнями на половину; такъ въ Аугсбургѣ, гдѣ было 90,000 жителей, осталось только 6,000; — поля, для обработки которыхъ не осталось рукъ, поросли лѣсомъ; производство полотенъ, суконъ, шелковыхъ матерій и обширная торговля ими съ иностранными государствами остановились, потому что некому было заниматься этимъ; ганзейская торговля упала; прежніе значительные имперскіе города, обезлюдѣвъ, лишились своего значенія, и ихъ смѣнили княжескія резиденціи; искусства германскія исчезли, и пока Германія старалась съ великимъ трудомъ выйдти изъ порожденной тридцати-лѣтней войной всякой нищеты, ее опередили Англія, Франція, Нидерланды. Такимъ образомъ Германія погубила всю свою силу и все свое прежнее значеніе.

Это время религіозныхъ недоразумѣній замѣчательно особенной воинственностью Европы. Война тянулась безъ перерывовъ во все столѣтіе, и не было ни одного года, чтобы въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы не лилась человѣческая кровь и не истреблялась культура.

Въ то время, какъ на материкѣ происходила 30-лѣтняя война, въ Англіи такое же религіозное разномысліе создало революцію, и 8 лѣтъ тянулась война то внутри Англіи, то съ Шотландіей, то съ Ирландіей. Для Ирландіи война эта кончилась тѣмъ, что страна превратилась въ пустыню, а народонаселеніе въ нищихъ.

Миръ между Англіей и Голландіей былъ заключенъ въ 1654 году, и въ томъ же году Карлъ X шведскій, только для того, чтобы придать блескъ своей ограниченной королевской власти, затѣялъ 4-лѣтнюю войну съ Польшей, и вслѣдъ затѣмъ началась война его съ Англіей, кончившаяся скоро (2 г.) только потому, что Карлъ умеръ. Фронда, война Испаніи и Португаліи—это уже мелочныя событія 17 столѣтія.

Наконецъ вступилъ на престолъ Франціи Людовикъ XIV. Затѣявъ цѣлый рядъ войнъ, истощившихъ Европу, совершенно обезсилившихъ Францію во всѣхъ отношеніяхъ, онъ создалъ ей государственное банкротство и уронилъ весь уровень матеріальной и умственной

жизни народа. Однимъ словомъ Людовикъ раззорилъ страну, и потому и былъ государь вполнѣ неспособный.

Людовикъ началъ войной съ Испаніей; потомъ накинулся на Голландію, голландцы для своей защиты прорвали платины, спасавшія ихъ отъ моря, и наводнили страну. Далѣе, французы совершенно опустошили правый берегъ Рейна отъ Брейсгау до Некара. Палатинатъ былъ опустошенъ французами до такой степени, что возмущенный курфирстъ вызывалъ французскаго маршала на поединокъ. Такія же опустошенія были сдѣланы на Мозелѣ и Саарѣ. Въ такихъ опустошеніяхъ заключалась военная тактика того времени; солдаты, какъ лава, разливались по землѣ, жгли и уничтожали все, что попадалось имъ на пути. Разсказываютъ, что третью (орлеанскую) войну придумалъ Лувуа, чтобы короля, сердившагося за одно несимметрическое окно, въ новомъ загородномъ дворцѣ Тріанонѣ, развлечь военными заботами. Въ этой войнѣ Людовикъ, чтобы сдѣлать нѣмцамъ невозможнымъ вторженіе во Францію, велѣлъ опустошить прирейнскія мѣстности такъ, чтобы изъ нихъ вышла совершенная пустыня; цвѣтущія села, богатые города были превращены въ груды пепла. Болѣе 20 городовъ исчезло отъ этой мѣры. Но и Франція истощилась вконецъ, и противники должны были заключить миръ, потому что драться дольше не доставало силъ.

Не смотря на то, чрезъ 4 года затѣялась новая война, самая ужасная и опустошительная изъ всѣхъ, какія велъ до тѣхъ поръ Людовикъ XIV, — война за испанское наслѣдство. Поводомъ къ ней послужило простое обстоятельство—кому владѣть Испаніей по смерти Карла II. Хотѣлось этого и Габсбургамъ, хотѣлось и Людовику XIV. Но какой интересъ былъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ сотнямъ тысячь людей, которыя легли въ битвахъ, и раззорившимся воюющимъ народамъ? Интереса матеріальнаго имъ не было никакого, но люди не понимали, что они дѣлаютъ. Война эта тянулась 13 лѣтъ, и вотъ болѣе замѣчательные ея моменты. Въ 1703 г. Вандомъ страшно опустошилъ изъ мести долину Эта. При Гёхштедтѣ легло 20,000 народа и 15,000 французовъ взято въ плѣнъ. Грабежами, убійствами и всякими притѣсненіями австрійцы раззорили совершенно Баварію. Подобное же опустошеніе произошло и въ Испаніи, гдѣ народъ страдалъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ; Валенсія была вызжена и опустошена, и почти такой же разгромъ вышелъ на долю Арагоніи и Каталоніи. Въ 1706 году, при Рамильи, погибла вся французская ар-

мія—кто остался живъ, взяты въ плѣнъ. Подъ Туриномъ другая французская армія была совсѣмъ истреблена и остатки ея разсѣяны. Швабія и Франконія разграблены и опустошены французами. Наконецъ королю доложили, что продолжать войну нѣтъ никакихъ средствъ, и что земледѣльцы отъ неурожая отправляются по міру. Тогда монархъ плакалъ съ отчаянія нѣсколько разъ въ присутствіи Ментенонъ. Однако требованія враговъ были такъ велики, что война продолжалась. Въ 1709 г. въ сраженіи при Мальплаке легло 33,000 солдатъ. Наконецъ счастье повернулось къ Людовику и въ 1713 году заключенъ утрехтскій миръ, а въ слѣдующемъ 1715 году умеръ Людовикъ XIV. Изъ 60 лѣтъ царствованія онъ провелъ въ войнѣ 45 лѣтъ; большая часть областей и земель, гдѣ воевалъ Людовикъ, обезлюдѣли; бѣдность во Франціи чувствовалась во всемъ, вездѣ былъ голодъ и недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; войнами Людовика истреблено болѣе 3,000,000 людей, и Франція нажила болѣе мильярда гульденовъ долгу.

Примѣръ Людовика XIV породилъ цѣлый рядъ подражателей; послѣ войны за испанское наслѣдство явилась война за польское и война за австрійское наслѣдство. Послѣдняя сдѣлалась всеобщей европейской войной.

Въ то время, какъ война опустошала западъ Европы, на востокѣ тоже не было миру. Съ 1700—1718 тянулась великая сѣверная война; потомъ пошли военныя отношенія Россіи къ Польшѣ; война съ Турціей. На эти войны Россія употребила 32 года, и войска наши показали, что и они не хуже французовъ и Валенштейна умѣютъ превращать людныя мѣста въ пустыни. Страшный Алексѣй Орловъ, братъ его Григорій и другіе, истребляли населенія, среди которыхъ они являлись; слѣдъ ихъ обозначается кровью, пожарами, раззореньями.

Послѣ 8-лѣтняго міра, слѣдовавшаго за войною за австрійское наслѣдство, наступила 7-ми лѣтняя война. Ужасами опустошеній, упадкомъ земледѣлія, промышленности, торговли и истощеніемъ денежныхъ средствъ Германіи война эта напоминаетъ вполнѣ 30-ти лѣтнюю войну. Обѣднѣвшій народъ требовалъ въ отчаяніи мира во что бы то ни стало. Истощенныя воюющія стороны заключили наконецъ миръ, и Силезія была присоединена «навсегда» къ Пруссіи. Война эта истребила по меньшей мѣрѣ милльонъ народу.

Теперь наступаетъ періодъ французскихъ войнъ и кроваваго вла-

дычества Наполеона. До сихъ поръ только Атилла, этотъ «бичъ божій», жилъ въ памяти народа, какъ страшная всеистребляющая сила, подобная потоку лавы. Но Атилла не уничтожилъ и четверти того, что уничтожилъ Наполеонъ; только новѣйшія промышленныя изобрѣтенія и открытія, и громадная энегрія людей, уцѣлѣвшихъ отъ Наполеона, замаскировала его всесокрушающее господство. Никогда Европа еще не представляла такого цивилизованнаго варварства и экономическаго тупоумія, какое показалъ бичь божій—Наполеонъ. Удивленіе людей къ разрушительнымъ способностямъ этого человѣка и благоговѣніе предъ его атилловскимъ всемогуществомъ доказываетъ только неспособность людей отличать вредное отъ полезнаго. Не можетъ быть великимъ то, что истребляетъ человѣка и сокрушаетъ всю его производительпость, все его экономическое благосостояніе, потому что нищета ведетъ человѣка назадъ и роняетъ уровень его умственныхъ способностей. Съ первыхъ временъ исторіи человѣчества и во всѣ вѣка обоготворялись только добрыя силы; а добромъ считалось изобиліе всего и матеріальное довольство. Все, что вредило человѣку, нарушало его спокойствіе, приносило ему болѣзни, нищету, считалось враждебнымъ, въ противоположность богу добра признавалось силой зла. Не понимая сущности этой силы, человѣкъ боялся ее, старался умилостивить разными жертвами, но онъ никогда не считалъ ее благомъ. Зло было для него зломъ, духомъ тьмы. Единственный случай смутности понятій, когда люди преклонились какъ предъ благами и высокой мудростью предъ силой зла и ненужнаго убійства, представляетъ Наполеонъ. Если Атилла могъ увлечь свои полчища, или османы шли истреблять людей, у нихъ была причина—они шли на невѣрныхъ. А въ силу какого начала шла Европа на Европу во времена Наполеона? Какое новое спасительное слово сказалъ онъ міру? за что и кчему легло 8,000,000 людей, убитыхъ Наполеономъ? Ничего новаго не внесъ Наполеонъ въ міръ. Новыя идеи, явившіяся въ управленіи и законодательствѣ Франціи и Европы, принадлежатъ не Наполеону, а французской революціи. Наполеонъ, напротивъ, явился представителемъ стараго порядка, и только потому онъ могъ самовластно править Франціей, что революція истребила въ ней лучшихъ людей, и во Франціи не было людей способныхъ идти противъ новаго тиранна. Какъ со смертью Атиллы распалось военное могущество его царства, такъ безслѣдно кончилось и военное могущество Наполеона. Съ паденіемъ его сдѣлалась только небольшая кройка въ границахъ европейскихъ госу-

дарствъ, прибавились у всѣхъ деньги, убавилось вездѣ населеніе, и только. Даже громадные убытки, вынесенные всѣми народами изъ наполеоновскихъ войнъ, не сдѣлали никого разсчетливѣе и не отучили отъ легкомыслія кидаться безъ нужды на всякую войну.

Число рекрутовъ, набранныхъ Наполеономъ I во Франціи, по однимъ только сенатскимъ рѣшеніямъ, составляло почти 3,000,000. На одинъ 1813 годъ приходится не менѣе 1,000,000 человѣкъ. На главномъ театрѣ обѣихъ армій, т. е. французской и союзной, находилось въ 1813 г. 933,000, человѣкъ и 2588 орудій. Въ войнѣ съ Россіей французы потеряли по меньшей мѣрѣ 300,000 человѣкъ. По низверженіи Наполеона долгъ Франціи составлялъ 728,000,000 фр. Кромѣ того на французовъ была наложена союзниками котрибуція въ 700,000,000. Содержаніе союзной арміи стоило госурарственному казначейству 449,000,000 фр. Такъ что вся сумма долговъ Франціи составила 2,100,000,000 фр.

Въ 1812 году потери русскихъ были не менѣе потерь французовъ. Подъ Бородинымъ изъ 104,000 русскихъ легли 52,000. Вообще трудности и лишенія этой войны были такого рода, что изъ цѣлыхъ баталіоновъ оставалось нерѣдко два, три человѣка. Изъ 120,000 арміи Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50,000 только 15,000, а изъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 человѣкъ добрались до Вильно. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ изъ 209,800 ч. западной арміи погибло 169,510 человѣкъ, и русская армія, преслѣдовавшая Наполеона въ январѣ 1813 года составляла только 15,000 человѣкъ.

Славными битвами наполеоновскаго времени считались тѣ, гдѣ убивались десятки тысячь людей, и героями тѣ, кто могъ разжечь въ себѣ воинственный жаръ и доходить до канибальской восторженности. Опустошеніе и раззореніе земледѣльческаго и промышленнаго населечія ставились ни во что предъ этимъ геройскимъ настроеніемъ, и великаны-герои того времени, подвиги которыхъ такъ долго воспѣвались поэтами и волновали горячую молодежь, ставили себѣ въ заслугу и гордость именно то, что служитъ первымъ признакомъ человѣческаго неразвитія и слабой сообразительности. Пусть бы еще гордились тѣ народы, которые, послѣ постыднаго самоуниженія предъ Наполеономъ, рѣшились наконецъ возстать на своего утѣснителя; но чему радовались французы, чѣмъ гордились они? Пусть вспомнятъ они, что ихъ 26-ти-мѣсячное занятіе Ганновера обошлось краю въ

26,000,000 талеровъ, тогда какъ ежегодные доходы королевства составляли менѣе 5,000,000. Пусть вспомнятъ они, что подъ Аустерлицомъ легло болѣе 50,000; подъ Прейсишъ-Эйлау болѣе 60,000; подъ Бородинымъ 80,000; подъ Лейпцигомъ болѣе 80,000, и такимъ образомъ только въ 4 сраженіяхъ убито болѣе 310,000 человѣкъ. Пусть герои-великаны вспомнятъ о 8,000,000 погибшихъ людей въ какіе-нибудь 20 лѣтъ, о сотняхъ милльоновъ долговъ, нажитыхъ Европой, о совершенномъ раззореніи земледѣльческаго и промышленнаго населенія Европы, которые одни вынесли на своихъ плечахъ тягости геройскихъ подвиговъ и затѣмъ пусть покажутъ, какъ далеко ушла въ это и въ послѣдующее время цивилизація собственно отъ военныхъ доблестей героевъ-великановъ. Историки могутъ повторять, что безъ войны невозможенъ прогрессъ; но они должны прибавить при этомъ, что такъ было до сихъ поръ. Историки не должны дѣлать изъ этого закона для будущаго. До сихъ поръ точно война была главнымъ занятіемъ людей и цивилизованные народы не отличались ничѣмъ въ этомъ случаѣ отъ дикарей и отъ уличныхъ мальчишекъ, разрѣшающихъ всѣ свои споры дракой; но историки не могутъ представить ни одного факта въ подтвержденіе того, что такъ будетъ и всегда, и что прошедшее будетъ закономъ для будущаго. Война есть признакъ дикости цѣлыхъ націй, какъ наклонность къ дракѣ въ отдѣльномъ человѣкѣ есть признакъ его грубости. При всей своей цивилизаціи Европа еще недостаточно цивилизована, чтобы отказаться отъ войны, потому что большинство людей, которыми живетъ и зажигается война не считаетъ драку безсмысленнымъ и убыточнымъ занятіемъ. Какъ всякій отдѣльный человѣкъ, достигшій извѣстной степени развитія, не въ состояніи драться, такъ отстанутъ отъ войны и массы населеній, когда они достигнутъ того же развитія.

Но опытъ наполеновскихъ войнъ не послужилъ никому урокомъ, потому что еще не наступило время правильнаго и общеодинаковаго пониманья экономическихъ и другихъ общественныхъ вопросовъ. И едва Наполеонъ кончилъ свою карьеру, какъ въ разныхъ мѣстахъ Европы пошли опять битвы и завоеванія, и принципъ военнаго насилія налегъ попрежнему на мирныхъ гражданъ, желающихъ только одного — свободнаго развитія своихъ силъ и способностей; но къ сожалѣнію еще непонимающихъ, какъ достигнуть этого.

Общій выводъ изъ приведеннаго перечня европейскихъ войнъ бу-

детъ такой. Въ теченіе 340 лѣтъ Европа употребила на войну 215 лѣтъ и провела въ мирѣ только 125 лѣтъ. Въ это время истреблено сраженіями, разными военными бѣдствіями и преслѣдованіями людей за ихъ религіозныя убѣжденія по меньшей мѣрѣ 20,000,000. Вся Европа не меньше четырехъ разъ подвергалась совершенному опустошенію, такъ что людямъ приходилось вновь строить себѣ дома, разчищать землю, заводить вновь виноградники, сады. Каждое такое военное раззореніе равнялось нашествію Атиллы съ дикими полчищами гунновъ и этимъ Атиллой была цивилизованная Европа, опустошавшая сама себя по меньшей мѣрѣ разъ, одинъ разъ въ столѣтіе. Люди, для которыхъ всякій бывшій фактъ служитъ непремѣнно основаніемъ для вывода изъ него закона, управляющаго судьбами человѣчества, увидятъ и въ этомъ таинственное вліяніе невѣдомыхъ и непонятныхъ силъ, управляющихъ судьбами человѣчества. Подъ обаяніемъ мистическаго міросозерцанія люди, предающіеся болѣе увлеченіямъ фантазіи, чѣмъ спокойному научному разбору свершающихся фактовъ, могутъ увидѣть тутъ таинственную тѣнь Атиллы и то вѣчное злое начало, которое, какъ духъ тьмы, не хочетъ отказаться отъ своего кроваваго права надъ жизнью человѣка. И въ такомъ представленіи есть правда, съ тою только разницей противъ толкованія создаваемаго воображеніемъ, что тѣнь Атиллы и духъ тьмы, ищущій жертвъ, есть незнаніе, невѣжество людей. Стоитъ только научнымъ знаніямъ вытѣснить образы фантазіи, отнять отъ человѣка вѣру въ таинственныхъ духовъ и гипотезы замѣнить хоть и менѣе плѣнительными, но зато болѣе полезными въ жизни научными свѣденіями, и кровавая тѣнь Атиллы посѣщающая разъ въ столѣтіе европейскія населенія, чтобы дѣлать ихъ нищими, перестанетъ появляться. Одинъ примѣръ 30-лѣтней войны служитъ уже убѣдительнымъ фактомъ того, что незнаніе есть единственная причина большей части войнъ.

Война—бѣдствіе не только для тѣхъ, кто воюетъ, но она падаетъ еще и на послѣдующія, ни въ чемъ невиноватыя поколѣнія. Такъ европейскія государства исключительно только на военныя потребности надѣлали 14,491,000,000 долгу. Эта громадная сумма, на которую можно бы устроить 155,910 верстъ желѣзныхъ дорогъ, не только ушла на воздухъ въ видѣ порохового дыма, но и должна быть выплачена живущимъ и послѣдующими поколѣніями. Процентная уплата этихъ долговъ составляетъ ежегодно 581,800,000 руб.

блей, такъ что на каждаго европейскаго жителя падаетъ въ годъ среднимъ числомъ 2 р. (считая мужеское и женское населеніе).

Кромѣ того невозможность, при настоящемъ уровнѣ понятій, отказаться совершенно отъ войны заставляетъ европейскія населенія держать 3,712,000 солдатъ и тратить въ годъ на содержаніе ихъ 620,900,000 руб., не считая того убытка для экономической производительности Европы, какой происходитъ оттого, что въ ней находится постоянно 4,000,000 людей не только не увеличивающихъ общаго богатства, но еще живущихъ трудомъ остального населенія.

Такимъ образомъ содержаніе войскъ и уплата долговъ, сдѣланныхъ войнами, поглощаетъ въ годъ 1,202,700,000 рублей, а весь доходъ Европы составляетъ 2,014,900,000. Слѣдовательно, на двѣ статьи, тратится 60% всего дохода, а на все остальное: управленіе, образованіе, судъ и т. д. остается 40%.

Наконецъ военная служба увеличиваетъ смертность между людьми, и въ Европѣ умираетъ ежегодно по 80,000 людей больше только потому, что у нея есть солдаты. Это стоитъ постоянной суммы или холеры.

Изъ сравненія военныхъ убытковъ древняго Рима съ убытками новой Европы можно заключить, что новое человѣчество вышло кровожаднѣе и болѣе дико. Но такое заключеніе будетъ ошибочно. И прежде, и нынче окончаніе войны зависѣло исключительно отъ одной невозможности продолжать ее. Пока у врага есть еще сила, онъ не перестаетъ драться, и только истощивъ всѣ средства защиты и вполнѣ обезсилѣвъ, люди соглашаются на миръ. Такъ было прежде, такъ и теперь. Единственная разница между старымъ и новымъ военнымъ истребленіемъ та, что развитіе производительныхъ силъ народовъ дало имъ больше матеріальныхъ средствъ для продолженія войны; а изобрѣтеніе пороха и усовершенствованія огнестрѣльныхъ снарядовъ позволили истреблять людей большими массами. Такимъ образомъ развитіе силъ дало возможность достигать большихъ численныхъ результатовъ; но по отношенію къ напряженности силъ степень военнаго упорства осталась одна и та же.

Не смотря на то однако въ европейской войнѣ уже едвали возможны такія явленія, какъ уничтоженіе Карфагена; ни одинъ непріятель не рѣшился разрушить Парижъ, Лондонъ, или другую европейскую столицу. Одинъ примѣръ разрушенія столицы представляетъ

въ новѣйшее время война 12 года. Но Москву сжегъ не Наполеонъ, а Русскіе.

Было время, когда и европейскія войны отличались страшнымъ вандальствомъ, и совершенное опустошеніе мѣстъ, служившихъ театромъ войны, кому бы они ни принадлежали — врагу или другу, считались однимъ изъ лучшихъ способовъ ослабить противника. Но съ экономическими усовершенствованіями и съ появленіемъ той громадной промышленной производительности, которая создалась машинами, желѣзными дорогами и успѣхами технологіи, ненужное вандальство исчезло. Въ крымскую войну англичане и французы вели себя весьма деликатно, и хотя могли бы сжечь Алупку и истребить великолѣпные сады южнаго берега—Воронцова, Никитскій, Магоразскій, но они этого не сдѣлали. Такъ же разсудительны были французы и въ итальянскую компанію.

Очевидно, что экономическія изобрѣтенія, воспитавшія нѣсколько европейскія населенія, обнаружили на нихъ нѣкоторое цивилизующее вліяніе; но они принесли пользу не больше той, какую обнаружило сознаніе экономической невыгодности рабства.

Многіе понимаютъ уже все зло войны; есть даже люди, помышляющіе о возможности миролюбиваго разрѣшенія всѣхъ политическихъ недоразумѣній и неудовольствій на конгрессахъ, въ родѣ того, какъ рѣшаются на биржахъ торговые вопросы; но еще большая масса людей, слабо владѣющая знаніями, и тѣ, кому выгодно это невѣжество, неспособны ни понимать этого, ни разрѣшать недоразумѣній инымъ путемъ кромѣ драки.

Война исчезнетъ сама собой, когда большинство европейскаго населенія хорошо пойметъ всю ея невыгодность, когда каждый отдѣльный человѣкъ этого большинства проникнется тѣми знаніями, которыя и въ настоящее время уже на столько сильны, чтобы дать человѣку правильный взглядъ на сущность и значеніе совершающихся событій, но еще не на столько сильны, чтобы имѣть свободный доступъ къ массамъ.

Но время такого развитія будетъ періодомъ зрѣлости; когда онъ наступитъ, сказать нельзя, да и незачѣмъ. Что же касается до нашего времени, то очевидно, что такъ называемый цивилизованный міръ, не дожившій въ теченіе 2,500 лѣтъ до другого способа разрѣшенія спорныхъ вопросовъ кромѣ войны, что этотъ міръ, способный еще увлекаться организованнымъ насиліемъ, перешедшимъ къ намъ

съ прочимъ достояніемъ въ «наслѣдіи вѣковъ»; наконецъ, способный гордиться «подвигами личной храбрости» и «высокаго военнаго самопожертвованія», которые въ сущности и съ экономической точки зрѣнія обличаютъ экономическое неразвитіе людей — очевидно, что этотъ цивилизованный міръ, продолжая и нынче то, что дѣлали римляне, находится еще въ своемъ первомъ зачаточномъ періодѣ экономической жизни.

Тѣмъ, что во многихъ государствахъ Европы сдѣлалось уже не такъ легко начинать войны; что существуетъ много отдѣльныхъ личностей, желающихъ устроить мирный исходъ для всѣхъ политическихъ недоразумѣній; тѣмъ, наконецъ, что люди пріучаются нѣсколько соображать экономическія потери, причиняемые войнами, кладется уже начало переходной эпохѣ; но пока еще наступитъ пора такой зрѣлости и новаго возстанія людей, на основаніи новыхъ знаній, Европа будетъ разрѣшать всѣ свои международные вопросы, и давать политическіе уроки народамъ, по прежнему римскимъ способомъ — войной.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).

Н. Шелгуновъ.

МІРЪ.

(Изъ Гейне).

Міръ — это дѣвушка съ румянцемъ чистоты;
Міръ — это фурія; — и оба взгляда эти
Зависятъ отъ очковъ, въ которыхъ ходишь ты,
Жизнь видя въ розовомъ, иль въ самомъ черномъ цвѣтѣ.

Но тотъ, кто въ телескопъ міръ этотъ разглядитъ,
Какого пола онъ? — не разрѣша загадки, —
Тотъ, бросивъ въ сторону безплодныя догадки,
Придетъ лишь къ одному: что міръ — гермафродитъ.

Д. М.

АФОНЪ.

Путевыя впечатлѣнія.

(*Посвящается Н. Г. Помяловскому*).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *)

IV.

Искушенія.

Оторванные отъ среды родной и закованные въ условія жизни подвижнической, монахи, особенно молодые, долго борются съ разными искушеніями. На Афонѣ такъ много искушеній, что самое слово «*искушеніе*» вошло между монахами въ поговорку, и составляетъ одну изъ особенностей афонскаго нарѣчія. Первое время мнѣ странно было слышать это слово въ такихъ разговорахъ, гдѣ оно вовсе не клеится, но потомъ прислушался и даже самъ иногда вклеивалъ его въ свои рѣчи.

Сидятъ, напримѣръ, монахи на пристани монастырской и глядятъ въ воду.

— Гляди-ко, о. Сергій, рыба-то, искушеніе!

— Ахъ, искушеніе, сколько ее привалило! Вотъ кабы словить, искушеніе!

— Какъ же, словишь! прытка больно, искушеніе...

Или въ кельѣ разговоръ слышится:

---

*) См. первую ст. въ февр. кн. «Русскаго Слова».

— Что, отче, завтра въ трапезѣ у насъ?

— Бобы, искушеніе.

— Эка напасть! Хоть бы уйдти куда, искушеніе!.. и т. п.

Тутъ, конечно, слово *искушеніе* произносится безъ всякаго смысла,—по одной только привычкѣ, но эта привычка показываетъ, до какой степени монахи иногда бываютъ чутки къ себѣ, и какъ они силятся во всемъ отыскать искушенія демонскія. Оно и понятно. Лишь только пострижется монахъ на Афонѣ (а постригается онъ, какъ мы видѣли выше, въ большинствѣ случаевъ безсознательно), онъ уже искренно вѣритъ, что чортъ теперь на сторожѣ и что этотъ чортъ всѣми силами будетъ стараться сбить его съ пути истиннаго. Взгрустнется ли новичку-монаху по родинѣ, явится ли недовольство чѣмъ нибудь, или проснутся и заговорятъ въ немъ мірскія страсти, монахъ съ ужасомъ прислушивается къ этому говору и спрашиваетъ у опытныхъ старцевъ: не бѣсы ли это смущаютъ его?—Бѣсы,—отвѣчаютъ ему опытные старцы, и вотъ молодой монахъ уже *искушается*. Затѣмъ пойдетъ для него обычнымъ порядкомъ цѣлый рядъ искушеній подобнаго рода и ходитъ онъ цѣлые мѣсяцы какъ шальной, со страхомъ разбирая малѣйшія проявленія своей натуры; иной, ошалѣвши, въ мистику впадетъ и захандритъ; другой, болѣе положительный по своей натурѣ, скоро приглядится къ этимъ обыденнымъ явленіямъ жизни афонской и рукой махнетъ на нихъ: «гдѣ, дескать, намъ совладать съ силой вражеской! и почище насъ были да падали!..» Иной простякъ-нигилистъ и въ толкъ не возьметъ сразу, что тутъ демоны на каждомъ шагу, и даже рѣшается спорить съ монахами.» Какой же тутъ бѣсъ?—спрашиваетъ онъ съ недоумѣніемъ:—мнѣ просто ѣсть хочется, съ голоду все нутро свело! Вотъ кабы явился онъ самъ, какъ есть, съ рогами да съ хвостомъ, ну я и увидѣлъ бы, что бѣсъ; а то голодъ забираетъ меня, а они говорятъ—бѣсъ...» И долго монахамъ приходится урезонивать такую голову, неспособную къ пониманію афонской догматики. Но есть натуры, которыя во что бы то ни стало хотятъ преодолѣть всѣ эти искушенія демонскія и стать выше ихъ. Съ изумительною стойкостью и самоотверженіемъ передѣлываютъ они себя и съ каждымъ днемъ вырываютъ изъ души своей жизненныя сокровища, имѣя въ виду тѣ идеалы подвижничества, которымъ даже Афонъ дивится. Это большею частію тѣ пылкія, горячія натуры, которыхъ не останавливаютъ на пути никакія препят-

ствія, и несчастные бьются съ этими препятствіями, пока хватитъ силы, пока засохнутъ они измученные и истощенные до нельзя.

Всѣ искушенія афонскія дѣлятся самими монахами на два разряда: брань мысленную и брань плотскую. Къ первому роду брани относятся разныя сомнѣнія въ догматахъ и правилахъ вѣры, недостатокъ смиренія и послушанія, и разныя видѣнія (галлюцинаціи), какія воздвигаетъ искуситель на отшельника; ко второму — недовольство пищей, изнѣженность тѣла, разныя прихоти мірскія, и, наконецъ, невозможность забыть монаху о существованіи женщинъ на бѣломъ свѣтѣ. Съ первымъ родомъ искушеній мы отчасти уже знакомы изъ предъидущихъ главъ, и притомъ будемъ встрѣчаться съ ними ниже,—а теперь взглянемъ на тѣ трудности, съ какими монахъ силится достигнуть полнаго цѣломудрія.

Отрицаясь отъ міра и отъ брака, какъ главной связи съ міромъ и его попеченіями и давая клятву хранить свое цѣломудріе до гробовой доски, монахъ устремляетъ всѣ свои силы на то, чтобы задавить въ себѣ естественныя побужденія и уничтожить въ головѣ своей самую мысль о женщинѣ, какъ о чемъ-то страшномъ, демонскомъ. Эта брань едва ли не самая трудная на Афонѣ и ею-то по преимуществу старается искуситель сбить монаха съ пути истиннаго, потому, вѣроятно, что такой методъ легче остальныхъ и чаще всего удается. Но зато если кто изъ монаховъ сможетъ побороть и эти искушенія, тотъ считается совершеннымъ монахомъ, идеаломъ подвижничества, для котораго уже не страшны никакія искушенія.

«Въ мірскихъ монастыряхъ спастись труднѣе, чѣмъ здѣсь,—говорятъ афонскіе старцы;—потому что тамъ монахи имѣютъ постоянное сношеніе съ мірянами, всѣ мірскіе соблазны у нихъ на виду, женщины ходятъ къ нимъ молиться, и монахъ легко можетъ впасть въ искушеніе, зато у насъ на Афонѣ нѣтъ ничего, что бы могло соблазнить монаха: у насъ нѣтъ женщинъ». Дѣйствительно съ Афона удалены всѣ предметы плотскаго соблазна; монахи искренно вѣрятъ въ цѣломудріе своей земли и это наружное цѣломудріе привлекаетъ сюда изъ мірскихъ монастырей многихъ отшельниковъ.

На Афонѣ нѣтъ женщинъ. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ права вступить на дѣвственные берега монашескаго царства, а если и осмѣлится, то ее безъ милосердія выгонятъ монахи обратно. По вѣрѣ монашеской, женщинѣ, нарушившей святость этого закона, немедлен-

но отмститъ за это сила Божія. Она или умретъ на мѣстѣ преступленія, или потонетъ на обратномъ пути съ Афона.

Законъ о нетерпимости женщины простирается на всю гору афонскую, такъ что даже самъ Ага турецкій и его прислуга, живущіе постоянно въ Кареѣ *), не смѣютъ жить съ женами и свои гаремы держатъ въ городѣ Ериссо, близъ Афона. Этотъ законъ простирается даже на животныхъ, принужденныхъ жить съ монахами: они тоже разлучены съ своими самками, тоже соблюдаютъ строгое цѣломудріе. Вы не встрѣтите здѣсь ни овцы, ни ослицы, ни кошки, ни курицы, чтобы и эти представительницы прекраснаго пола не могли напомнить монаху о женщинѣ. Святогорецъ написалъ даже, что «по повѣрью простого народа, самыя пташки не вьютъ здѣсь гнѣздъ и не выводятъ птенцовъ, но одиноко, какъ и монахи, *растосковываютъ* жизнь свою, временно только оставляя Афонъ и улетая въ далекія заморскія гнѣздышки *)». Это, конечно, хвачено черезчуръ широко, и на Афонѣ множество птичьихъ гнѣздъ, но въ народѣ дѣйствительно есть старинное повѣрье, что ни одна самка не можетъ жить здѣсь, и даже самъ пресловутый пешеходецъ нашъ, Барскій, обошедшій въ 1745 году всѣ святыни афонскія, описываетъ, какъ онъ, встрѣтивъ здѣсь неожиданно дикихъ козъ, принялъ ихъ за духовъ нечистыхъ, вѣря, что коза, даже дикая, не можетъ существовать на Афонѣ. Мнѣ самому приходилось слышать, какъ досадовали нѣкоторые монахи, что на неприступныхъ твердыняхъ горы все еще водятся дикія козы и кабаны съ самками, и попадаясь иногда навстрѣчу отшельникамъ, тѣмъ вредятъ ихъ спасенію... Только крысы однѣ, да насѣкомыя могутъ безпрепятственно плодиться на Афонѣ: имъ никто не мѣшаетъ.

Мальчиковъ запрещено приводить на св. гору. Въ нѣкоторыхъ штатныхъ монастыряхъ опытные старцы берутъ къ себѣ мальчиковъ-сиротъ для воспитанія, но это допускается въ видѣ исключенія, какъ дѣло, имѣющее благотворительную цѣль. Спросятъ, можетъ быть, къ чему такая строгость? А потому, что мальчики по миловидности и свѣжести лица напоминаютъ монаху о женщинѣ, и такимъ

---

*) Карея небольшой городокъ въ центрѣ горы,—столица афонскаго царства.

**) Изд. III, Часть I. стр. 95. Пріѣзжавшіе на Афонъ поклонники не мало изумлялись, когда посѣщали келью Святогорца. (Онъ жилъ недалеко отъ Руссика въ отдѣльной кельѣ). Эта келья кругомъ была залѣплена гнѣздами ласточекъ. Святогорецъ въ оправданіе себѣ говорилъ, что ласточки прилетѣли послѣ изданія его писемъ.

образомъ ведутъ его къ искушенію. Впрочемъ это правило преимущественно касается только общежительныхъ монастырей и нѣкоторыхъ высоконравственныхъ затворниковъ.

Юноша, принявшій постриженіе въ общежительномъ монастырѣ, по уставу не можетъ оставаться съ братіею, если не имѣетъ бороды и усовъ. Его обыкновенно посылаютъ куда-нибудь въ отдѣльную келью, и тамъ онъ остается до тѣхъ поръ, пока не обростетъ бородою.

Но это еще не всё. Чтобы удалить всякую возможность грѣховныхъ помысловъ и устранить все, что можетъ соблазнить зрѣніе,—монаху строго запрещено видѣть свое собственное обнаженное тѣло. Поэтому-то на Афонѣ нѣтъ ни одной бани, монахъ не имѣетъ права даже купаться въ морѣ и никогда не перемѣняетъ бѣлья своего, а если и перемѣняетъ, то ночью, въ потьмахъ и какъ можно рѣже, чтобы и тутъ грѣхомъ не увидѣть наготы своей. Этотъ законъ обязателенъ для всего Афона и даже для приходящихъ поклонниковъ. Поклонникамъ въ кельяхъ позволено раздѣваться какъ имъ угодно, но передъ монахами нельзя, и потому, если имъ придетъ охота купаться, то они для этого выбираютъ самое безлюдное прибрежье моря, подальше отъ монастырей и большихъ дорогъ, боясь чтобы ихъ не замѣтилъ ни одинъ монашескій глазъ. При мнѣ пріѣхалъ на Афонъ одинъ сіятельный поклонникъ, *уже старикъ*, который имѣлъ обыкновеніе каждое утро обливаться холодною водою. Ему сказали, что этого обливанья здѣсь дѣлать нельзя; старикъ конечно заупрямился, и монахи должны были разрѣшить ему исполненіе этого обряда въ комнатѣ. И каждое утро комната заливалась водою, хлопоты чрезъ это увеличились втрое, но зато никто изъ монаховъ не видалъ сіятельной наготы, кромѣ прислужника, вполнѣ застрахованнаго отъ искушеній.

Иконы мученицъ и преподобныхъ матерей пишутся на Афонѣ въ строгомъ иконописномъ стилѣ, такъ что глазъ не можетъ остановиться на такой иконѣ и отыскать въ ней что-нибудь мірское, житейское. Но случается, что наши благочестивые жертвователи присылаютъ изъ Россіи на Афонъ иконы современнаго, художественнаго стиля, такія иконы, на которыя слишкомъ можно залюбоваться. Монахи, получивъ эти жертвы, не знаютъ что дѣлать съ ними, и большею частью кончаютъ тѣмъ, что просятъ доморощенныхъ иконописцовъ переправить ихъ на афонскій манеръ, — «чтобы глазамъ было не зазорно». Такая икона, по афонскому опыту, очень развлекаетъ молящагося, услаждаетъ его чувства и даже можетъ навести

на грѣшныя мысли. При мнѣ прислали въ одинъ изъ русскихъ скитовъ на Афонѣ нѣсколько иконъ академической работы, гдѣ между прочимъ была изображена Богоматерь красоты необыкновенной, въ роскошной одеждѣ и съ полуобнаженною грудью. Собрались старцы скитскіе къ этимъ иконамъ. Нѣкоторые изъ нихъ только взглянули да сейчасъ и поспѣшили уйдти, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ; остальные долго толковали, что бы дѣлать съ такимъ соблазномъ, и рѣшили оставить *пока* иконы въ церкви, только лицомъ не къ народу, а къ стѣнѣ. Годъ спустя я видѣлъ ихъ все въ томъ же положеніи, въ углу. Вѣроятно они и теперь еще стоятъ такъ къ горю и посрамленію нашихъ жертвователей, а можетъ быть ихъ давно уже стащили въ библіотеку скитскую, подъ вѣчные затворы, чтобы и духу-то ихъ не было...

Нѣкоторые келіоты, *) вѣроятно знатоки искусства, скупаютъ подобныя иконы и часто подолгу заглядываются на нихъ. Но и тамъ эти иконы постоянно завѣшены разнымъ тряпьемъ, или рясами монашескими, чтобы ихъ не могли видѣть посторонніе иноки.

Вотъ какая строгая обстановка окружаетъ монаха афонскаго, — какими крѣпкими стѣнами ограждена его цѣломудренная нравственность отъ соблазна! Казалось бы, что при такихъ условіяхъ спастись легко; чѣмъ же еще искушаться? Всякая возможность грѣха плотскаго устранена, и монаху открыта широкая дорога прямо въ царство небесное... Такъ кажется съ перваго взгляда, но не то выходитъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь устранены всѣ видимые предметы соблазна, но въ полной зависимости отъ воли монашеской осталась его мысль и воображеніе, и этихъ соблазновъ не въ силахъ заковать и уничтожить никакой уставъ.

Самая строгость устава афонскаго по этому предмету показываетъ до какой степени можетъ быть щекотливо воображеніе, которому не даютъ простора и свободы. Вѣдь не сразу же сложился такой уставъ, вѣроятно постепенно приходилось вырывать изъ обстановки окружающей монаха то одни, то другіе предметы, напоминающіе ему о жизни природы; пришлось и звѣрей лишить ихъ самокъ и все-таки тысячи искушеній остались внѣ силы устава, и отъ нихъ можетъ спастись монахъ только силою собственной воли. Нѣкоторые отшельники уже сами сознаются, что чѣмъ строже уставъ, тѣмъ больше грѣха, и

*) Келіоты—жители отдѣльныхъ келій. См. слѣд. главу.

чѣмъ старательнѣе устраняютъ видимые поводы къ соблазну, тѣмъ сильнѣе возникаетъ онъ уже изъ глубины натуры человѣческой, тѣмъ болѣе, что въ пустынѣ фантазія слишкомъ чутка, и довольно малѣйшаго ослабленія воли, чтобы привести ее въ движеніе.

Отсутствіе женщинъ тяжелымъ гнетомъ ложится на весь бытъ афонскихъ отшельниковъ, отражается на всей ихъ дѣятельности, томитъ ихъ совѣсть, ожесточаетъ на самихъ себя и на весь міръ. Женщина для монаха самое неотступное и навязчивое видѣнье. Мысль о женщинѣ носится, кажется, въ самомъ воздухѣ, окружающемъ отшельника, о ней напоминаетъ самая природа, каждый лучъ весенняго солнца, каждый свистъ перелетной пташки... Мечется и молится монахъ, читаетъ разныя закликанья, но нѣтъ ему облегченья, и вотъ онъ силится притупить свою фантазію, изнуряетъ себя постами и работами, спитъ на битыхъ камняхъ или колючихъ растеніяхъ, чтобы этими болями отучить свою плоть отъ запрещенныхъ потребностей; но непокорная плоть не унимается. Измученный, изнуренный, онъ старается тогда очернить образъ женщины въ своемъ воображеніи, воспоминаетъ ея непривлекательныя стороны, бранитъ и проклинаетъ ее страшными проклятьями. Въ своихъ видѣніяхъ женщины монахъ видитъ фактъ неестественный; онъ вѣритъ, что эту брань воздвигаетъ на него сила демонская, чтобы лишить его загробнаго счастья,—и вотъ въ понятіяхъ его женщина является орудіемъ дьявола, источникомъ зла на землѣ... Словомъ, нигдѣ не приходилось мнѣ слышать столько проклятій женщинамъ, какъ на Афонѣ, среди тамошнихъ отшельниковъ.

— Не легко и въ пустынѣ сохранить цѣломудріе!—говорилъ мнѣ монахъ, сосѣдъ мой, въ минуту откровенности. — Тѣло у многихъ остается въ чистотѣ, но зато является распутство мыслей, а это распутство сушитъ человѣка еще быстрѣе, чѣмъ развратъ мірской... Вѣдь вы не можете себѣ представить тѣхъ мукъ, какія воздвигаетъ на насъ діаволъ видѣніемъ блуднымъ. Иной разъ фантазія до того разыграется, что не уймешь ее ни крестомъ, ни молитвой. Демонъ рисуетъ цѣлый рядъ картинъ одна другой соблазнительнѣе, припоминаются всѣ мірскія связи съ женщинами и не какъ укоръ совѣсти, а какъ завлекательное что-то, — духъ услаждается этими картинами. Днемъ ходишь самъ не свой, ночью тѣ же видѣнія, молиться станешь, такъ и во время молитвы и въ церкви даже не отстаетъ лукавый... Повѣрьте, иногда до того искушаешься, что если братъ

войдетъ въ келью, то и онъ представляется въ наготѣ своей, въ походкѣ и движеніяхъ всей братіи видится только одна плоть и похотѣнье... Отвратительно станетъ наконецъ, не знаешь куда дѣваться отъ этихъ видѣній, голова кружится, умъ тупѣетъ, ничего дѣлать не хочется, а совѣсть вопіетъ пуще прежняго, просишь смерти у Бога и въ то же время страшно умереть въ такое время, — словомъ это какое-то безумное состояніе, начало адской казни за грѣхи плотскіе... И такъ иной разъ бьешься по цѣлымъ недѣлямъ, пока наконецъ Господь не пошлетъ облегченья. Одно утѣшаетъ въ подобныхъ случахъ, вспоминаешь: что всѣ отцы святые терпѣли такія муки да спаслись же. Прочтите любое жизнеописаніе древнихъ подвижниковъ, и вы сами увидите, что большая часть ихъ подвиговъ уходила на борьбу съ плотскою бранью, а между тѣмъ святыми вышли...

— Чѣмъ же отдѣлаться можно отъ такихъ искушеній? спросилъ я.

— Однимъ только терпѣньемъ. Они временемъ появляются, а потомъ и пропадутъ сами. Свыше силъ Господь не даетъ искушеній.

Греки и вообще южные жители, по страстности своей натуры, особенно боятся подобныхъ искушеній, потому что для нихъ эти искушенія слишкомъ тяжелы. То же можно сказать про русскихъ баръ въ рясахъ и вообще особъ романическаго свойства, привыкшихъ смотрѣть на женщину, какъ на лакомство. Эти люди, по ихъ собственному признанью, при малѣйшемъ воспоминаніи о женщинѣ, при одномъ даже имени женскомъ, произнесенномъ случайно, или прочитанномъ въ книгѣ, чувствуютъ уже нервное потрясеніе и искушаются. Ихъ такимъ образомъ самое имя женщины вводитъ въ грѣхъ и мучитъ щекотливую совѣсть. Конечно, къ такой чуткости совѣсти пріучаютъ монаха прежде всего строгіе толки духовниковъ о вѣчномъ вниманіи къ самому себѣ и борьбѣ съ силой демонской, затѣмъ — чтеніе о подвигахъ древнихъ отшельниковъ и желаніе подражать имъ, и наконецъ самая строгость монастырскихъ уставовъ. Въ общежительныхъ монастыряхъ строгость уставовъ доведена до того, что даже *сны* монашескіе вмѣняются въ вину монаху, и въ нихъ онъ долженъ каяться духовнику. Если какой-нибудь соблазнительный сонъ приснится монаху въ ночь передъ причастіемъ, *) то его лишаютъ причастія, какъ недостойнаго, точно онъ воленъ въ снахъ своихъ. Поэтому монахи, въ

---

*) Большинство афонскихъ монаховъ причащается св. таинъ одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ. Схимники еще чаще.

ночь передъ причастіемъ, боятся даже на минуту закрыть глаза, тѣмъ болѣе, что по ихъ словамъ врагъ особенно силенъ въ эту ночь. Такое правило всею тяжестью ложится на чередныхъ іеромонаховъ, которымъ, во избѣжаніе соннаго соблазна, приходится просиживать безъ сна по нѣскольку ночей сряду. Послѣ этого не удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ до того простираютъ свое цѣломудріе, что не поминаютъ женщинъ даже за проскомидіей и во время службъ церковныхъ, хотя имъ за это платятся деньги *).

Всѣхъ счастливѣе въ этомъ отношеніи русскіе простолюдины, которые и на Афонѣ могутъ съ спокойною совѣстью толковать о бабахъ и подсмѣиваться надъ ихъ продѣлками. Наши простолюдины и въ мірѣ съ бабой за панибрата; у нихъ нѣтъ той романтичности воспитанія и тѣхъ утонченыхъ, натянутыхъ отношеній къ женщинѣ, какія существуютъ въ такъ называемыхъ образованныхъ кружкахъ, — ихъ отношенія прямѣе и проще, а потому и воспоминаніе о женщинѣ меньше вредитъ спасенію ихъ на Афонѣ.

Вотъ безотрадная картина плотской брани, которую долженъ преодолѣть монахъ, строго исполняющій долгъ свой. Не всякій, конечно, сможетъ успѣшно пройдти по такой дорогѣ, и большинство, услаждаясь сладострастными видѣньями, по слабости натуры впадаетъ въ грѣхъ блудный... Духовники вооружаются противъ такихъ слабостей сильными и грозными наставленіями и изнуряютъ падшихъ эпитиміями, но эти эпитиміи тоже не всегда дѣйствуютъ. Нѣкоторые, особенно молодые монахи, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ плотію, наконецъ впадаютъ въ полное отчаянье. Терпѣніе пропадаетъ, совѣты духовниковъ теряютъ свою силу, на братію смотрѣть становится тяжело, и тутъ-то конечно во всей своей силѣ является страшное на Афонѣ искушеніе *бѣгства*. Тутъ уже вопросъ жизни и смерти: быть или не быть въ раю?.. Кто насквозь пропитанъ воздухомъ афонскимъ, тотъ спохватится, и съ ужасомъ отгоняя мысль о бѣгствѣ, проситъ запереть себя куда-нибудь, и принимается съ большимъ рвеніемъ изнурять себя, — но другой, болѣе слабый, не выдержитъ соблазна, — и махнетъ рукой на всѣ подвиги. Грѣшный, но милый сердцу міръ представится ему во всей заманчивой прелести, жажда жизни про-

---

*) Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи, рѣшаясь молиться за церковными службами о здравіи нашего царственнаго дома, вычеркиваютъ при этомъ изъ него всѣ женскія имена.

бьется наружу и, послѣ долгаго колебанія, онъ объявляетъ старцамъ, что желаетъ покинуть пустыни афонскія. Старцы не сразу выпустятъ его, и несчастный долженъ еще выслушать длинный рядъ проповѣдей и угрозъ, имѣющихъ притязаніе затронуть его совѣсть; старцы пугаютъ его проклятіемъ неба и страхомъ суда Божія, предсказываютъ вѣчныя болѣзни и несчастія, дѣлаютъ заклинанія надъ нечистымъ духомъ, засѣвшимъ въ душу монашескую, но видя, что ничто не дѣйствуетъ, выдаютъ монаху паспортъ, и тотъ бѣжитъ, напутствуемый всеобщими сожалѣніями и проклятіями. Такой бѣглецъ, особенно если онъ схимникъ, считается на Афонѣ добычею дьявола,— за него и молиться не всякій рѣшится. Замѣчательно, что эти бѣглецы лишь только вырвутся изъ подъ устава афонскаго, сейчасъ же бросаются *во вся тяжкая*, точно стараясь вознаградить себя за долгій постъ; иной до того раскутится, что и рясу по боку махнетъ, — а демонъ, конечно, торжествуетъ. При мнѣ бѣжали три монаха. Одинъ изъ нихъ, какъ слышно, совсѣмъ спился и угодилъ даже въ острогъ, другой женился, а третій вернулся было на Афонъ, думая примириться съ пустыней, но, поживъ немного здѣсь, убѣжалъ снова и уже не возвращался.

Искушенія афонскія, по части женскаго пола, особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ къ берегамъ св. горы стали приставать пароходы *). Еще въ то время, когда впервые пронесся слухъ, что на Афонъ будутъ ѣздить пароходы, монахи пришли въ ужасъ и стали не на шутку опасаться за нарушеніе дѣвственности горы. Опасенія ихъ сбылись. Дѣло въ томъ, что на пароходахъ вмѣстѣ съ поклонниками подъѣзжаютъ къ Афону женщины, и хотя ихъ не выпускаютъ на берегъ, но все-таки онѣ слишкомъ близки къ этому берегу и изъ монастыря можно ихъ видѣть. Толпы нашихъ хожалокъ, отправляющихся въ Іерусалимъ солунскимъ путемъ, никакъ не могутъ взять въ толкъ, что ихъ боятся монахи и всячески выражаютъ желаніе поклониться мѣстной святынѣ. «Батюшки! Голубчики!—кри-

*) Пароходы Русс. общ. пароходства и торговли еженедѣльно останавливаются на нѣсколько часовъ у пристани Руссика.

чатъ они во всю мочь, столпившись на пароходной палубѣ,—дайте хоть землицы-то афонской на память! Пришлите четочекъ, родные!..» и т. п. Монахи прислушиваются къ этимъ крикамъ и не знаютъ куда дѣваться отъ искушеній... Иной разъ бабы долго стоятъ въ виду монастыря, молятся, приходятъ въ умиленіе и наконецъ затягиваютъ визгливыми голосами: «подъ твою милость», или: «о! всепѣтая мати»! — И зазвучитъ визгъ бабій надъ пустынными холмами Афона, самый воздухъ отравляется искушеніемъ и въ страхѣ молятся отшельники, убѣгая въ глубь своихъ келій...

— Бабы поютъ!!—ходитъ шопотъ между монахами. Нѣкоторые прячутся, но многіе, гонимые бѣсами, сбѣгаются на корридоры, обращенные къ пароходу и оттуда напрягаютъ зрѣніе, чтобы увидѣть хоть что-нибудь. Видятъ они издали только пеструю массу разноцвѣтнаго тряпья, да нѣсколько качающихся головъ, повязанныхъ платками, но воображеніе афонское сильно: оно дорисовываетъ остальное... Такова сила демонская!

Кромѣ этихъ случаевъ, нарушающихъ тишину пустыннаго Афона, бываютъ еще другіе, исключительные случаи, которые не легко обходятся мѣстной братіи. Мнѣ особенно памятенъ одинъ такой случай, да и на Афонѣ, я думаю, еще многіе помнятъ его. Съ парохода, вмѣстѣ съ прочими поклонниками, сошла на берегъ Руссика и жена капитана пароходнаго, женщина молодая и красивая. Одѣтая очень эффектно и окруженная толпою офицеровъ, она весело подошла къ монастырскимъ воротамъ. Ужаснулись монахи, увидѣвъ эту гостью; столпившись у воротъ и пропустивъ нѣсколькихъ поклонниковъ, они съ угрозами захлопнули эти ворота передъ самымъ носомъ красавицы. Мужъ ея, конечно, разсердился, обѣщалъ жаловаться, но ему сказали, что уставъ афонскій извѣстенъ всему свѣту, что даже турки подчиняются ему, и капитанъ долженъ былъ притихнуть. Дама тоже обидѣлась такимъ невѣжливымъ пріемомъ и, на зло монахамъ, рѣшилась прогуляться по берегамъ Руссика. Подъ руку съ какимъ-то франтомъ, она обошла кругомъ всего монастыря, освѣжилась афонскою водою, нарвала цвѣтовъ и потомъ сѣла отдыхать противъ воротъ монастырскихъ, лорнируя встрѣчныхъ монаховъ.

«Искушеніе! искушеніе!..» пронеслось изъ конца въ конецъ по монастырю; отшельники взволновались; волненіе и ожесточеніе было такъ велико, что многіе взялись за камни и начальству стоило не малаго труда успокоить и разогнать братію. Дама, вѣроятно, слы-

шала весь этотъ шумъ, но не сошла съ мѣста, и дождавшись своей компаніи, такъ же спокойно удалилась на пароходъ. Пароходъ уѣхалъ, но тѣмъ дѣло не кончилось. Демонъ соблазна совершенно овладѣлъ отшельниками; между ними появились раздоры, и нѣкоторые послѣ этого совсѣмъ не могли ужиться въ Руссикѣ и удалились въ пустыню. Оставшіеся долго испытывали всѣ муки плотской брани, которой не могли побороть ни крестомъ, ни молитвой...

Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро разнеслась по монастырямъ, скитамъ и кельямъ горы, и весь Афонъ счелъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ Руссика. Всѣ рѣшили, что это дѣло не пройдетъ даромъ, что если Богъ попустилъ женщинѣ осквернить своимъ посѣщеньемъ гору, то это вслѣдствіе грѣховъ монашескихъ, и потому ждали новой кары. Кара не замедлила явиться. Вскорѣ послѣ этого случая, на Афонѣ было сильное землетрясеніе, отъ котораго болѣе всѣхъ пострадалъ монастырь русскій. Тогда всѣ единогласно проговорили, что это гнѣвъ божій караетъ Руссикъ за то, что онъ, изъ видовъ корыстолюбивыхъ, пріютилъ у себя мірскіе пароходы. Окончательно монахи успокоились только тогда, когда Богъ послалъ проливной дождь и такимъ образомъ смыслъ пятно безчестья съ цѣломудреннаго Афона, уничтоживъ самые слѣды женщины, осквернившей святыню.

Знаетъ ли эта особа, сколько тяжелаго горя и слезъ доставила она бѣднымъ отшельникамъ своимъ посѣщеніемъ Афона? Знаетъ ли она, сколько ругани и искреннихъ проклятій пало на ея безвинную голову? Если не знаетъ, такъ и пусть лучше не знаетъ...

Другой случай подобнаго рода былъ при мнѣ у монастыря Діонисіатскаго. Недалеко отъ этого монастыря присталъ англійскій пароходъ, и какой-то лордъ съ своею супругою вздумали при этомъ прогуляться по берегу. Монахи, давно слѣдившіе за движеніями парохода, встрѣтили непрошенныхъ гостей съ камнями и дубинами въ рукахъ и едва не поколотили ихъ. Послѣ такого недружелюбнаго пріема лордъ и леди поспѣшили скорѣе убраться, а въ монастырѣ по этому случаю пѣли благодарственный молебенъ за скорое изгнаніе женщины. Къ общей радости монаховъ черезъ нѣсколько дней на Афонъ пришла вѣсть, что этотъ пароходъ гдѣ-то разбился и леди по всѣмъ вѣроятностямъ потонула. Тутъ монахи ясно увидѣли перстъ Божій.

Наконецъ третій случай былъ въ пристани Дафны. Въ этой пристани однажды ночью взорвало судно съ грузомъ пороха и взрывъ

былъ такъ силенъ, что отъ 16-ти человѣкъ, ночевавшихъ на суднѣ, на другой день нашли въ разныхъ мѣстахъ только двѣ руки и ногу. По какому-то странному случаю отъ этого взрыва уцѣлѣла одна десятилѣтняя дѣвочка, которую выбросило живую близъ монастыря Ксиропотамскаго. Монахи, конечно, узнали объ этомъ происшествіи и увидѣли въ немъ новое ухищреніе демонское. Послѣ долгаго совѣщанія, они выбрали одного престарѣлаго монаха и поручили ему *вылечить* дѣвочку. Не знаю, чѣмъ лечилъ ее монахъ, только дѣвочка въ тотъ же день умерла. Трупъ ея сбыли на проходящее мірское судно, и самая память о ней сохранилась можетъ быть на нѣсколько дней только въ воображеніи искушающихся. А между тѣмъ это единственная женщина, которой пришлось умереть въ царствѣ монашескомъ, на строго цѣломудренномъ Афонѣ.

Подобныя происшествія рѣзко пробуждаютъ страсти афонскія и ясно знакомятъ насъ съ тѣмъ жестокимъ воззрѣніемъ на женщину, какое имѣютъ мѣстные монахи. Въ остальное время Афонъ сохраняетъ наружное спокойствіе и тишину; борьба съ плотію проходитъ внутреннимъ путемъ, *втайнѣ*, и рѣдкій подмѣтитъ тѣ боли и скорби, съ какою течетъ пустынная жизнь отшельника. Было бы несправедливо винить монаховъ за ожесточеніе и непривѣтливость къ женщинамъ. Оно естественно. Къ этому побуждаетъ монаха простое чувство самосохраненія: онъ боится за самого себя и за свое загробное счастье, боится тѣхъ мучительныхъ искушеній, какія можетъ возбудить въ немъ одно воспоминаніе о женщинѣ и вотъ онъ ненавидитъ ее всей душою, и даже при случаѣ готовъ повредить ей. Кого же винить въ этомъ? Природу ли? Силу ли демонскую, враждебную монашеству, или что другое?... Не знаю, читатель!..

V.

Келіоты-пустынники.

«Отреченіе отъ своей воли—вѣрный путь къ небу! Послушаніе паче поста и молитвы!»—Такъ говорятъ старцы общежительныхъ мо-

настырей въ назиданіе постригающимся, чтобы заставить ихъ отказаться отъ свободы и подчиниться во всемъ произволу игуменовъ и духовниковъ. Большинство русскихъ пришельцевъ спокойно выслушиваетъ эти рѣчи и довольно легко свыкается съ безотвѣтностью предъ чужой властью. Но для мѣстныхъ жителей такое рабство во имя Христа не легко и не всякій сможетъ его вынести. Иной, постриженецъ, привыкшій къ полной самостоятельности въ мірѣ, никакъ не можетъ свыкнуться съ строгимъ формализмомъ монастырскаго устава; то пища ему не нравится, то духовникъ слишкомъ строгъ, то келья тѣсна, и хотѣлось бы ему спасаться какъ и остальная братья спасается, да силъ не хватаетъ... И вотъ онъ поживетъ нѣсколько времени среди разныхъ искушеній, все-таки усиливаясь принаровиться къ общему складу братіи, но потомъ покидаетъ киновію и идетъ по Афону искать другого мѣста, гдѣ бы *удобнѣе* было спасаться.

Если такой монахъ имѣетъ деньги, то обойдя всю гору и ознакомившись съ уставами разныхъ монастырей, онъ обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что нанимаетъ у какой-нибудь обители клочокъ земли и строитъ себѣ на немъ *отдѣльную келью*, то есть цѣлый домъ съ приличнымъ помѣщеніемъ въ нѣсколько комнатъ и даже съ отдѣльною церковью, если хватитъ на это капитала. При кельѣ онъ разводитъ огороды, виноградники и другіе хозяйскіе затѣи, и такимъ образомъ дѣлается афонскимъ помѣщикомъ. Имѣя надобность въ рабочихъ рукахъ, такой помѣщикъ-келіотъ приглашаетъ къ себѣ *на келью* нѣсколькихъ бѣдняковъ-монаховъ, такъ же какъ и онъ недовольныхъ трудностью монастырской жизни, кормитъ и поитъ ихъ на свой счетъ и вмѣстѣ съ ними дѣлитъ труды свои. Приглашенные конечно рады такому пріюту, и обѣ стороны начинаютъ съобща спасаться, вполнѣ довольные другъ другомъ. Надо при этомъ замѣтить, что приглашенные, рѣшаясь жить въ чужой кельѣ, нѣсколько подчинены волѣ хозяина и почитаютъ его своимъ *старцемъ*, — хотя бы этотъ старецъ по лѣтамъ былъ моложе остальной братіи, а сами считаются его *учениками*. Старецъ имѣетъ право назначать своимъ ученикамъ разныя работы и послушанія, и даже дѣлается ихъ наставникомъ и утѣшителемъ въ случаѣ разныхъ искушеній. Такое подчиненіе неизбѣжно на Афонѣ, гдѣ бѣднякъ осужденъ на вѣчное послушаніе. Впрочемъ власти старца ученики подчиняются очень охотно, и каждый старается ему угодить и заслужить его расположеніе, чтобы

старецъ при смерти не обидѣлъ *наслѣдствомъ*. Тутъ въ келейныя отношенія братіи входитъ уже новый элементъ—разсчетъ денежный.

Такихъ келій на Афонѣ болѣе восьми-сотъ, и всѣ онѣ находятся въ зависимости отъ тѣхъ монастырей, на чьей землѣ построены. Обыкновенно келья, поступивъ по смерти перваго хозяина въ вѣчную собственность монастыря, потомъ отдается въ наймы на условіяхъ, по контракту, и за выполненіемъ этихъ условій строго наблюдаютъ монастырскія власти. По истеченіи срока контракта между монастыремъ и хозяиномъ кельи происходитъ новая переторжка, которая часто кончается тѣмъ, что прежняго хозяина выгоняютъ изъ кельи, а на мѣсто его сажаютъ новаго, болѣе богатаго. Словомъ тутъ бываетъ множество мелкихъ интригъ и тяжбъ, неизбѣжныхъ при денежныхъ сдѣлкахъ.

Каждый старецъ держитъ при себѣ обыкновенно отъ трехъ до пяти учениковъ, а въ нѣкоторыхъ число ихъ доходитъ до десяти, смотря по тому, какова келья и каковъ хозяинъ. Во всѣхъ подобныхъ кельяхъ хотя и соблюдаются многія монастырскія формальности, но все-таки въ нихъ преобладаетъ оттѣнокъ семейнаго, домовитаго склада, видна печать мірского труда и мірскихъ попеченій. Утромъ рано келіоты собираются въ свои домашнія церкви *), гдѣ одинъ изъ братіи на скорую руку прочитываетъ вслухъ утреню и часы, и затѣмъ, съ восходомъ солнца, всѣ расходятся на работу къ огородамъ и виноградникамъ. Потомъ обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ въ сласть или въ проголодь, смотря по капиталамъ хозяина. Послѣ обѣда ложатся отдохнуть,—понѣжиться до вечерни, затѣмъ опять идутъ на работу и работаютъ до самаго ужина. Ужинаютъ келіоты обыкновенно въ шесть часовъ вечера, послѣ ужина читаютъ повечеріе и снова ложатся спать—до утрени. Вотъ весь день келіотскій. По праздникамъ старецъ нанимаетъ гдѣ-нибудь іеромонаха и вмѣстѣ съ братіей слушаетъ обѣдню, а если церкви нѣтъ при кельѣ, или денегъ не хватаетъ, то съ вечера всѣ спускаются въ ближайшій монастырь на всенощное бдѣніе и тамъ ночуютъ, чтобы на другой день пріобщиться св. таинъ. Весь складъ и строй этихъ семействъ, ихъ пища и одежда зависитъ конечно отъ образа мыслей и характера старца. Если

---

*) Келіотскія церкви очень малы, и въ рѣдкой изъ нихъ можетъ помѣститься болѣе десяти человѣкъ. Кельи, не имѣющія церквей, называются каливами, а жители ихъ—каливитами.

старецъ строгъ и набоженъ, то и ученики его ходятъ повѣся головы, а если старецъ оставляетъ дѣло спасенья на совѣсть каждаго, то и ученики беззаботны. Во всякомъ случаѣ въ кельяхъ жизнь течетъ гораздо свободнѣе и строгостей меньше, чѣмъ въ монастыряхъ. Въ каждой кельѣ можно найдти и винцо хорошее и закуску подчасъ недурную и табакъ крѣпкій, можно услышать говоръ веселый, смѣхъ и даже пѣсни иногда; мѣстность при кельяхъ большею частью роскошная,—погулять есть гдѣ, и при такой правильности и привольѣ житья на свѣжемъ воздухѣ, при постоянномъ трудѣ физическомъ,—рѣдкій келіотъ не доживаетъ до глубокой старости. Киновіаты шепчутъ, что здѣсь много свободы, а потому больше грѣха и *мірскихъ* искушеній... Правда, что здѣсь уже во многомъ проглядываютъ грѣшки мірскіе, тѣмъ болѣе, что здѣсь замѣшана необходимость копѣйки,—но, посудите сами, развѣ можно прожить на Афонѣ безъ искушеній?...

Такимъ образомъ въ кельяхъ подобнаго рода находятъ пріютъ всѣ недовольные стѣснительностью монастырскихъ уставовъ, всѣ тѣ, которымъ слишкомъ трудно отказаться отъ своей независимости. Но есть отшельники особаго настроенья, которые только потому уходятъ изъ монастыря, что тамъ очень много живетъ народа и ищутъ келейной жизни для одной цѣли спасенья. Считая грѣхомъ всякое сношенье съ людьми, даже съ своими братьями-монахами, они даютъ обѣтъ вѣчнаго одиночества, желаютъ имѣть своими собесѣдниками не людей, а одного Бога. Не легко найдти пріютъ такому отшельнику; денегъ онъ большею частью не имѣетъ, и потому не можетъ нанять себѣ кельи, и вотъ, побродивъ по св. горѣ, онъ или занимаетъ чью-нибудь давно заброшенную келью, или, отыскавъ уединенный уголокъ, своими собственными руками строитъ себѣ домикъ. Конечно, подобные домики до того малы, что въ нихъ «двоимъ за нужду взлѣсть, и то ни встать ни сѣсть», но пустынникъ и не заботится о просторѣ: было бы только мѣсто, гдѣ укрыться отъ непогоды, а простору для него и на свѣжемъ воздухѣ довольно.

Разъ, прогуливаясь по холмамъ афонскимъ, я наткнулся на такого труженика. Въ глуши, подъ крутымъ навѣсомъ горы, онъ одинъ одинешенекъ вмазывалъ камни въ стѣну своей келейки. Подлѣ него въ ямкѣ разведена была глина; тутъ же валялась лопата, ломъ, топоръ и нѣсколько срубленныхъ бревенъ,—больше ничего не было.

Келья уже подходила подъ кровлю. Пожелавъ монаху Бога на помочь, я спросилъ давно ли онъ работаетъ?

— Третій мѣсяцъ пошелъ,—отвѣтилъ тотъ;—къ зимѣ кончу.

— И все одинъ?

— Богъ со мной. Приходитъ еще иной разъ братъ со скита; — помогаетъ камни ломать въ горѣ. А то кто жъ еще? у каждаго своя работа.

— Откуда же камни берете?

— Да вотъ тутъ, рядомъ. Тамъ же пока и дача моя.

Онъ показалъ мнѣ на большую выбоину въ скалѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кельи. Вырубая камень, онъ устроилъ себѣ пещерку и тутъ пока живетъ въ ней, дожидаясь кельи. Подивился я такой настойчивости труда и отправился дальше, а монахъ снова принялся вмазывать камни.

Иногда пустынникъ долго не имѣетъ постояннаго пристанища и все это время копитъ деньги, выручая ихъ разными работами по найму. Накопивъ достаточную сумму, онъ скупаетъ себѣ келью по вкусу, заключаетъ съ ближайшимъ монастыремъ условія о продовольствіи, и потомъ уединяется иной разъ на всю жизнь, только развѣ по праздникамъ спускаясь въ монастырь пріобщиться и взять продовольствія. Имущества у него никакого нѣтъ, и потому онъ никогда не запираетъ своей кельи, а чтобы избавиться отъ посторонняго любопытства, онъ, собираясь въ путь, ставитъ у дверей кельи большой деревянный крестъ и идетъ спокойно, въ полной увѣренности, что ни одинъ монахъ не осмѣлится снять этого креста съ дверей *). А бѣсы, какъ извѣстно, креста боятся и потому тоже не заглянутъ къ нему.

Раза два или три въ годъ келіотъ-одиночникъ позволяетъ себѣ отдохнуть и повеселиться. Это бываетъ въ храмовые праздники ближайшаго монастыря, гдѣ онъ угощается и гуляетъ въ волю, и еще въ прощеное воскресенье передъ великимъ постомъ. Въ этотъ день къ монастырямъ собираются всѣ сосѣдніе келіоты, кромѣ, конечно, строгихъ затворниковъ, и послѣ вечерни, получивъ благословенные сухари **), устроиваютъ разныя *игры*, т. е. бросаютъ въ цѣль камни,

---

*) Поставленный на дверяхъ крестъ служитъ знакомъ, что хозяина нѣтъ дома. Этотъ знакъ на Афонѣ считается неприкосновеннымъ.

**) Въ этотъ день во многихъ монастыряхъ игумены благословляютъ нѣсколько корзинъ съ пшеничными сухарями и сухари раздаютъ бѣднымъ.

гоняются другъ за другомъ и т. п. Съ непривычки странно видѣть, какъ эти сгорбленные и измозженные вѣчнымъ постомъ старики кряхтя и охая силятся какъ можно далѣе забросить камень въ море, или съ криками спорятъ о первенствѣ въ игрѣ, точно школьники, которымъ на мигъ дали свободу. Я думалъ сперва, что эти *дѣтскія* игры происходятъ единственно отъ невинности душъ стариковскихъ, но оказалось, что и они имѣютъ здѣсь свой высокій смыслъ. Играющіе, слыша, какъ я въ шутку называлъ ихъ дѣтьми, постоянно отвѣчали мнѣ словами евангелія: «если не будемъ какъ дѣти,—не войдемъ въ царство небесное!»—Такіе отвѣты приводили меня въ умиленіе...

Строгостью и угрюмостью затворнической жизни на Афонѣ замѣчательны такъ называемые *гробничные* старцы. Здѣсь, какъ и во многихъ областяхъ Греціи, покойниковъ закапываютъ въ землю только на три года, и по истеченіи этого срока вынимаютъ изъ могилъ ихъ кости, а въ опроставшіяся могилы кладутъ новыхъ покойниковъ, какіе найдутся тогда на лицо *). Вынутыя кости съ разными церемоніями обмываютъ и складываютъ въ подвалы кладбищенскихъ церквей, которые называются гробницами или усыпальницами. При каждой усыпальницѣ на Афонѣ находится монахъ, который обязанъ смотрѣть за чистотою и порядкомъ въ склепахъ. Такой монахъ, живя въ гробницѣ, иной разъ до глубокой старости возится съ костями: то онъ разложитъ ихъ въ видѣ полѣнницы, то разбросаетъ снова, чтобы сложить ихъ на другой манеръ; надъ каждой косточкой онъ многое передумаетъ, каждый новый скелетъ встрѣчаетъ съ радостью, какъ новаго знакомаго; онъ и молится, и ѣстъ въ гробницѣ, даже спитъ на костяхъ и черепахъ человѣческихъ, изрѣдка только выглядывая изъ склепа, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Не мудрено, что онъ насквозь пропитается мертвечиной и вѣчно сохраняетъ мрачное расположеніе духа. Разъ осматривая какую-то гробницу, я встрѣтился съ подобнымъ старцемъ. Онъ отъ дряхлости едва держался на ногахъ, и самъ походилъ скорѣе на бродячаго скелета, чѣмъ на человѣка.

— Чай здѣсь удобно спасаться? спросилъ я его.

— Назидательно! отвѣчалъ тотъ.

---

*) Это, какъ я слышалъ, происходитъ оттого, что при твердости каменистой почвы, трудно всякій разъ рыть новую могилу.

— А не страшно?

— Чего же страшно? Свои вѣдь. Все жду, скоро ли мои кости улягутся здѣсь, и кто-то на нихъ спать будетъ!..

— А это что за кости? опросилъ я, указывая на груду костей отложенныхъ всторону.

— Это мірскія.

— Да какъ же ты узналъ, что онѣ мірскія?

— Очень просто. Монашескія всегда чистыя и ровныя бываютъ, а мірскія съ пятнами.

Не знаю, общая ли эта примѣта на Афонѣ, или гробничный открылъ ее по собственнымъ соображеніямъ,—только онъ говорилъ съ полною увѣренностью.

Многіе пустынники считаютъ лишнимъ развлеченіемъ—частыя путешествія въ монастырь, и чтобы избѣгнуть этого развлеченія, они помѣщаютъ свои кельи недалеко одна отъ другой, въ видѣ селенья, а посрединѣ, на особо приготовленной площадкѣ, строютъ себѣ соборную церковь, гдѣ и совершаютъ по праздникамъ всенощное бдѣніе и обѣдню причастную. Въ видѣ распорядителя по хозяйской части пустынники выбираютъ изъ среды своей старосту, называемаго здѣсь *дикеемъ*, который бы заботился о благочиніи службъ церковныхъ, о продовольствіи и выгодахъ братіи. Дикей—нѣчто въ родѣ игумена, только его власть болѣе исполнительная, чѣмъ законодательная, онъ отвѣтственное лицо для переговоровъ съ другими властями афонскими, и предъ ними отстаиваетъ интересы братіи. Такое село съ соборною церковью и дикеемъ называется на Афонѣ *скитомъ*, и такимъ образомъ афонскіе скиты вовсе не походятъ на наши русскіе. Жители скита по цѣлымъ недѣлямъ не видятъ другъ друга, и въ полномъ уединеніи, въ полномъ затворничествѣ, оставаясь въ кельяхъ, молятся въ своихъ домашнихъ церквахъ. Жизнь въ скитахъ вполнѣ аскетическая, воздержаніе особенное, такъ что только по праздникамъ разрѣшается монахамъ вино и масло, а въ остальные дни—сухояденіе вѣчное. Трапезы общей въ скитахъ не бываетъ и каждый затворникъ самъ заботится о своей пищѣ, поэтому многіе до того простираютъ свое воздержаніе, что и самый хлѣбъ ѣдятъ

съ вѣсу, т. е. въ обыкновенные дни съѣдаютъ, положимъ, по полуфунту въ день съ кружкой воды, а въ постные дни по четверти фунта съ полкружкой воды, чтобы и въ пищѣ не измѣнить правильности и порядка спасенія. Гостей не жалуютъ скитяне, и чтобы меньше шлялось къ нимъ празднаго народу, они строютъ свои скиты на неприступныхъ мѣстностяхъ и съ такими путями сообщенія, по какимъ не всякій пройдти рѣшится. Всѣхъ скитовъ на Афонѣ десять, въ числѣ которыхъ есть два русскіе: Св. Ильи и Серайскій *), и всѣ они, какъ и обыкновенныя кельи, находятся въ зависимости отъ того монастыря, на чьей землѣ построены, и платятъ ему дань.

Пустынники, отказавшіеся отъ сношенія съ людьми, отказавшіеся даже отъ скитской жизни, обыкновенно живутъ въ одиночку. Нѣкоторые изъ нихъ строятъ свои кельи среди красивой, заманчивой мѣстности, чтобы можно было иногда развлечься хотя природой, но другіе и этого развлеченья боятся, и нарочно помѣщаются въ такихъ глухихъ трущобахъ, гдѣ даже и взглянуть не начто. Есть кельи, помѣщенныя съ изумительнымъ самоотверженіемъ на страшныхъ крутизнахъ и обрывахъ, на которые можно взобраться только съ помощью веревочныхъ лѣстницъ, съ опасностью разбить себѣ голову. Кто былъ на Афонѣ, тотъ вѣроятно никогда не забудетъ неприступности келій Керасіи и Карули **) (прославленныхъ разными чудесами), мѣстоположенію которыхъ вся гора дивится.

Многіе бѣдняки-затворники живутъ просто въ пещерахъ, ямахъ и скважинахъ скалъ, и только въ случаѣ слишкомъ холодной зимы ищутъ пріюта въ сосѣднихъ кельяхъ.

Устранивъ отъ себя всѣ развлеченья и обезопасивъ свое помѣщеніе отъ незванныхъ гостей, затворникъ денно и нощно предается дѣлу спасенья. Тутъ уже силою собственной воли, съ стоической твердостью онъ предпринимаетъ все, что можетъ изнурить и обезсилить его неповинную плоть. Ѣстъ онъ на столько, чтобы не умереть съ голоду, спитъ на битыхъ и острыхъ камняхъ, молится и

---

*) Эти два скита впрочемъ рѣзко выдаются изъ уровня остальныхъ скитовъ. По внѣшнему устройству зданій и образу жизни они болѣе походятъ на наши русскіе скиты, чѣмъ на афонскіе.

**) Каруля построена на утесѣ, нависшемъ надъ моремъ. Изъ кельи ежедневно спускаютъ къ морю на веревкѣ корзину, въ которую проѣзжающіе суда кладутъ съѣстные припасы. Этимъ подаяніемъ питаются неустрашимые жители кельи.

плачетъ бѣдный. Я не видалъ, чтобы эти отшельники носили вериги или власяницы, но видалъ, какъ они, въ видахъ изнуренія плоти, камни таскаютъ. Спустится затворникъ къ морю, наберетъ въ мѣшокъ песку или каменьевъ и съ этою ношею тащится по крутизнамъ въ гору до тѣхъ поръ, пока не обезсилѣетъ и не свалится. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, онъ идетъ дальше, до самой кельи. Такая работа предпринимается послѣ долгихъ неотвязчивыхъ искушеній, на страхъ демонамъ, и опытные монахи говорятъ, что это средство самое дѣйствительное: послѣ двухъ, трехъ такихъ путешествій—всякое искушеніе пропадаетъ.

Пища затворника состоитъ изъ вареныхъ и сырыхъ растеній. Ѣдятъ они винныя ягоды, картофель и хлѣбъ, а больше бобы да горохъ, и вообще тяжелую пищу, чтобы *казаться* сытнѣе. Эту пищу приносятъ имъ монахи по условію. Нѣкоторые новички, пріучая себя къ воздержанію, туго затягиваются ремнями, или носятъ широкій поясъ, который плотно обтягиваетъ желудокъ и повидимому уменьшаетъ аппетитъ *). Чѣмъ же наконецъ, поддерживается бѣдная жизнь затворника? Какими соками питается мозгъ его?—Не знаю! Спрашивалъ я объ этомъ самихъ монаховъ, но мнѣ отвѣчали, что этой тайны мірскому человѣку понять невозможно; что чѣмъ больше изнуряется плоть, тѣмъ чище становится душа, постепенно отвлекаясь отъ всего земного. Голова отъ поста становится легче, а потому монахъ и искушается меньше. И много въ этомъ родѣ говорили мнѣ монахи, но къ несчастью всего не могу припомнить.

Не смотря на такое изнуреніе, искушеній у пустынника все-таки бываетъ очень много, только эти искушенія особаго рода. Тутъ главную роль играютъ разныя *видѣнія*, которыя демонъ рисуетъ затворнику, пользуясь его уединеніемъ. Отказавшись отъ людей и отъ потребности живого слова, среди вѣчнаго молчанія и тишины, затворникъ очень естественно предается разнымъ размышленіямъ. Голова его работаетъ напряженно, фантазія рисуетъ разныя диковинки. Въ это время, по признанію самихъ монаховъ, ему ясно вспоминаются всѣ мірскіе разсказы о разныхъ привидѣніяхъ, всѣ мифическія преданія народныя, весь міръ глубокаго суевѣрія,—и все это въ лицахъ проходитъ предъ нимъ, представляется такъ живо и неотразимо, что

---

*) Такіе пояса продаются въ Кареѣ и имѣютъ огромный сбытъ. Кажется ихъ нарочно приготовляютъ для афонскихъ монаховъ въ окрестныхъ городахъ.

на монаха нападаетъ страхъ, и ожиданіе всякихъ чудесъ начинаетъ мучить его. Нервы затворника до такой степени настроиваются ко всему чудесному и небывалому, и такъ дѣлаются чутки, что часто обыкновенное явленіе природы: шорохъ листьевъ, паденье камня или быстрое дуновенье вѣтра приводитъ въ ужасъ отшельника и заставляетъ его читать заклинанья. Если онъ не понялъ настоящей причины шума, то непремѣнно объясняетъ ее силою неестественною, и потомъ говоритъ о ней какъ о чудѣ.

Грамотные отшельники, для большаго изученія житія пустыннаго, часто занимаются чтеніемъ Четьи-миней и разныхъ жизнеописаній древнихъ подвижниковъ, въ жизни которыхъ, какъ извѣстно, было очень много чудеснаго. Стараясь подражать ихъ подвигамъ, они съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ тѣхъ же чудесъ и искушеній, какія случались въ глубокой древности,—искушенія конечно являются и чудеса во очію совершаются...

Какой-то затворникъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ чудѣ и я передаю разсказъ его, чтобы познакомить читателей съ тѣми видѣніями, какія часто монахи видятъ на Афонѣ.

«Было много у меня разныхъ видѣній: то вдругъ женщина явится въ воздухѣ и пропадетъ, то всякія страшилища кажутся, то вдругъ послышится голосъ чей-то, все это истомило меня, и я просилъ у Господа помощи. Недавно Господь умиротворилъ меня молитвою. Я молился цѣлый день, не сходя съ мѣста, передъ иконой Богородицы, молился такъ, какъ рѣдко молюсь... Подъ вечеръ оканчивая молитву и напрягая послѣднія силы, я замѣтилъ вдругъ, что на иконѣ свѣтъ появился, такой свѣтъ, что даже ликовъ не стало видно за свѣтомъ. Голова у меня закрутилась, шатаясь выбѣжалъ я изъ кельи, а тамъ куда ни взгляну, вездѣ вижу отблескъ того божественнаго свѣта. Закрылъ глаза, а передъ глазами радужные круги пошли... потомъ слышалъ шумъ какой-то въ воздухѣ и когда открылъ глаза, уже ничего не было: по прежнему тьма кромѣшная. Чудо ли это было, или дьявольское навожденье,—не знаю. Въ попыхахъ позабылъ во время видѣнья крестъ на себя наложить...»

Другой разсказывалъ мнѣ, какъ во время долгой и сосредоточенной молитвы, ликъ иконы ему представился живымъ, и молящемуся показалось, что икона *мигнула*. Третьяго демонъ ночью душилъ, и монахъ успѣлъ явственно разглядѣть его безобразную фигуру, о которой онъ долго разсказывалъ братіи. Къ четвертому какъ-то пѣтухи

зашли. Онъ сначала такъ и принялъ ихъ за пѣтуховъ, но размысливъ хорошенько, онъ убѣдился, что это не пѣтухи, а ангелы, принявшіе видъ пѣтушиный *). И много видѣній подобнаго рода видятъ затворники афонскіе, и эти видѣнья очень естественны при мрачной обстановкѣ, окружающей затворника, и при его настроенности ко всему чудесному. Что касается до чудесъ, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ явленій, то такихъ на Афонѣ при мнѣ не случалось, и всѣ чудеса описанныя у Святогорца происходили вѣроятно въ одно время съ тѣми чудесами, о которыхъ повѣствуютъ наши Четьи-минеи и другія священныя книги.

Въ такомъ-то вѣчно тревожномъ, болѣзненномъ состояніи долго томится затворникъ, пока наконецъ не свыкнется съ нимъ, или не сбѣжитъ куда-нибудь. Но если въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ монахъ сживется съ своимъ уединеньемъ и даже полюбитъ его, тогда его уже меньше одолѣваютъ мірскіе помыслы, и онъ понемногу пріобрѣтаетъ то безстрастіе, къ которому, какъ къ вѣнцу монашества, стремится каждый затворникъ. Хладнокровно онъ переноситъ тогда всѣ неудачи и лишенья; его ничто ни удивитъ, не обрадуетъ, не вызоветъ сожалѣнья; ни одно чувство не прорвется сквозь этотъ блаженный застой, который онъ такъ долго выработывалъ. Если такого монаха поставить подъ дерево и пилить это дерево, онъ не сойдетъ съ мѣста; при видѣ падающаго камня онъ не свернетъ съ дороги; онъ вѣритъ, что этотъ камень безъ воли божіей не убьетъ его, и потому не станетъ мѣшать этой волѣ.

Безстрастіе отшельниковъ особенно рѣзко проявилось при мнѣ во время сильнаго землетрясенія, бывшаго на Афонѣ 10 августа 1859 г. Я былъ тогда въ Хиландарскомъ монастырѣ, и при первомъ трескѣ и колебаніи зданій въ ужасѣ бросился бѣжать куда глаза глядятъ. Встрѣчные монахи съ недоумѣніемъ глядѣли на мое бѣгство.

— Куда вы?—спрашивали они меня.

— Какъ, куда? Землетрясеніе! потолки упасть могутъ...

— Не упадутъ. На что же у насъ владычица-то въ церкви стоитъ! Ее дѣло спасать.

И ни одинъ монахъ не тронулся съ мѣста, тогда какъ при малѣйшемъ ударѣ землетрясенія у обыкновенныхъ людей ноги бѣгутъ сами собою, и нѣтъ силъ удержаться.

---

*) Подобное чудо разсказано въ первомъ изданіи писемъ Святогорца.

Скитъ св. Анны расположенъ на небольшихъ каменныхъ уступахъ подъ навѣсомъ главной вершины Афона. Во время землетрясенія съ этой вершины посыпались громадные осколки камня и, перелетая черезъ скитъ, съ грохотомъ падали въ море. Если бы одинъ такой камень задѣлъ по скиту, онъ бы разбилъ его въ дребезги; весь скитъ былъ засыпанъ мелкимъ щебнемъ. А изъ монаховъ ни одинъ не вышелъ изъ скита. Всѣ труженики спасенья не торопясь собрались въ соборную церковь и ждали смерти, говорятъ, такъ же спокойно, какъ мы ожидаемъ сна.

Намъ мірянамъ, слишкомъ привязаннымъ къ жизни, непонятно такое самоотверженіе. Молодые монахи, еще не отвыкшіе отъ міра, сами дивятся этой холодности къ жизни, и стараются достигнуть ее путемъ долгой постепенности. Интересно было бы знать что думаютъ эти затворники объ остальномъ людѣ, и каковы ихъ воззрѣнія на міръ и жизнь земную?.. Я видѣлъ одного старца, который *семдесятъ* лѣтъ спасается на Афонѣ и изъ этихъ 70 лѣтъ около 40 лѣтъ прожилъ затворникомъ гдѣ-то въ уединенной кельѣ. Мнѣ показывали его, какъ предметъ всеобщаго уваженія. Вглядываясь въ его пожелтѣвшую и обмертвѣвшую фигуру и въ его безжизненные, гнойные глаза, я только дивился, какимъ образомъ этотъ человѣкъ при такихъ подвигахъ могъ прожить такъ долго? — Старикъ до глубокой старости владѣлъ *даромъ слезъ*, то есть все еще оплакивалъ прошлые грѣхи свои, за которые ему до сихъ поръ Богъ не даетъ смерти. Жалко было видѣть эти стариковскія слезы и эту мучительную жажду смерти, которой давно уже требуетъ его измозженное подвигами тѣло... Но отъ долгихъ подвиговъ его душа, вѣроятно, до того чиста, что онъ едва ли сохранилъ какія-нибудь воззрѣнія!..

Есть еще на Афонѣ особый разрядъ отшельниковъ, которые не имѣютъ никакого постояннаго убѣжища, и всю жизнь прогуливаются изъ монастыря въ монастырь, съ кельи на келью. Такой странникъ вѣчно движется по Афону съ котомкой за плечами, гдѣ удастся переночуетъ, а то гдѣ-нибудь развѣситъ свою ряску, въ видѣ шалаша, чтобы солнце не пекло, и проводитъ нѣсколько дней въ уединенной молитвѣ. Иногда онъ наймется въ работу, но работа у него съ непривычки не клеится; его, конечно, выгоняютъ и пойдетъ онъ опять съ своей котомкой, куда глаза глядятъ. Денегъ понадобится страннику—онъ идетъ къ монастырскимъ воротамъ, гдѣ отъ привратника получаетъ милостыню, хлѣба захочетъ, — спроситъ въ любой кельѣ:

дадутъ—ладно, не дадутъ—идетъ къ источнику св. Афанасія, а тамъ прохожіе всегда оставляютъ хлѣбъ для проголодавшихся. И такъ бродитъ онъ до глубокой старости, пока смерть ему ноги не подкоситъ. Спасенья ли ради предпринимаются эти подвиги, или только по неохотѣ къ труду?—разузнать не могъ я.

Юродивыхъ и кликушъ въ рясахъ на Афонѣ не видно, вѣроятно потому, что тамъ некого дивить подобными выходками. Есть только одинъ сановитый монахъ, который почему-то любитъ пѣтухомъ пѣть. Соберутся къ нему гости и просятъ умильно: «Отецъ Іосифъ! пропой, голубчикъ, пѣтушкомъ!»—И вотъ о. Іосифъ тотчасъ размахнетъ рукавами рясы, будто крыльями, и громко, голосисто, трижды прокричитъ: *кукареку!!!*.. Такъ онъ и извѣстенъ всему Афону подъ именемъ «Пѣтушка». Старцы говорятъ, что онъ юродствуетъ; но мнѣ кажется, что о. Іосифъ поетъ пѣтухомъ по простотѣ своей, не имѣя при этомъ никакихъ возвышенныхъ цѣлей.

VI.

Примѣры благочестія.

Дѣло было въ воскресенье, слѣдовательно былъ праздникъ; а праздникъ на Афонѣ тѣмъ только и отличается отъ будней, что всю ночь монахи молятся, а днемъ спятъ. Молча сидѣлъ я въ своей уединенной комнаткѣ, не зная куда дѣваться отъ скуки. Меня тоже начали одолѣвать искушенія монашескія: взгруснулось по родинѣ, захотѣлось общества, жизни, свободы... Дѣлать ничего не хочется, перо изъ рукъ валится; сталъ было со скуки читать вслухъ какой-то акафистъ—плохо выходитъ; заглянулъ въ окно, и тамъ нечѣмъ разсѣяться. За окномъ все замерло, нигдѣ ни звука, ни движенья, раскаленный воздухъ струится точно на пожарѣ; маслины, лавры и каштаны точно нагнулись, скорчились, и стараются укрыться отъ

жара подъ собственною тѣнью,—и все это облито какимъ-то огненнымъ оттѣнкомъ, такъ что глазамъ смотрѣть больно... Посмотрѣлъ немного и опять принялся за акафистъ. И можетъ быть долго пришлось мнѣ просидѣть такъ, если бы меня не выручилъ одинъ другъ, съ которымъ мы часто прогуливались по окрестностямъ. То былъ о. Лукіанъ, монахъ изъ Руссика, сопровождавшій насъ въ путешествіи по св. горѣ, человѣкъ разбитной, веселый и знающій всѣ закоулки Афона, какъ свои пять пальцевъ.

— Благословите! сказалъ онъ входя.

— Благословляю.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Да вотъ хандрю.

— Хандрить грѣхъ. Пойдемте-ка лучше гулять куда-нибудь, а то что такъ сидѣть? Вредно.

— А что жъ вы не отдыхаете послѣ бдѣнія?

— Признаться грѣшенъ я, искушеніе: на бдѣніи за кафизмами соснулъ маленько. Послѣ, какъ слѣдуетъ, протянулъ четки, а все-таки легче стало какъ соснулъ. Что жъ? Идете?

— А куда мы пойдемъ?

— Богъ укажетъ куда. Да вотъ сходимте-ка къ отцу Сысою на келью! онъ изъ хохловъ, но монахъ хорошій: слишкомъ двадцать лѣтъ въ пустынѣ живетъ. Тамъ славная лужайка есть, искушеніе! Посидѣть можно.—

— Пожалуй пойдемте!

Запаслись мы кубышкой съ водою, вооружились зонтикомъ и вышли изъ монастыря. О. Лукіанъ былъ проводникомъ и повелъ меня вдоль монастырскихъ водопроводовъ, надъ русломъ засохшаго потока. Тропинка такъ крута и такъ страшно лѣпится по самому обрыву скалы, что не всякій рѣшился бы пройдти по ней. Мѣстами приходилось взбираться, придерживаясь за сучья деревьевъ, нависшихъ надъ пропастью.

Наконецъ выбрались мы на площадку. Тамъ, прижавшись къ склону холма, стоитъ одинокая, полуразрушенная келья съ церковью. Она густо обросла дремучимъ лѣсомъ орѣшника, сверху до низу опуталась вѣтками плюща и винограда, такъ что только въ двухъ

шагахъ можно примѣтить въ этой массѣ зелени жилье монашеское. Лукіанъ постучалъ въ шаткую дверь и она отворилась: не заперта была. Мы вошли въ грязный и пыльный чуланъ, заваленный стружками и разнымъ хламомъ. На первомъ планѣ громоздится огромная русская печка; подлѣ нея сломанный табуретъ; обрубокъ дерева вмѣсто стола и на немъ разбросано нѣсколько инструментовъ для рѣзьбы деревянныхъ ложекъ. На растрескавшейся стѣнѣ прилажена большая икона, предъ которой повѣшено трое нитяныхъ четокъ. Изъ этой комнаты идетъ дверь направо въ темный покосившійся коридоръ, который раздѣляетъ келью на двѣ ровныя половины, и чего-чего нѣтъ въ этихъ половинахъ: тутъ русская шуба валяется, и ужинъ припасенный къ вечеру (картофель, свареный съ перцемъ), сухари ведра и т. п. Здѣсь пахнетъ отпѣтымъ покойникомъ, т. е. смѣсью ладана съ какимъ-то другимъ неприличнымъ запахомъ. Келья заканчивается крошечною церковью, въ которой захожіе іеромонахи служатъ иногда обѣдню. Длина церкви отъ порога до иконостаса три шага; высота, вмѣстѣ съ куполомъ *), не болѣе сажени, такъ что кто повыше ростомъ, тотъ легко можетъ достать рукою крюкъ, на которомъ виситъ люстра съ четырьмя свѣчами. Иконостасъ дѣлитъ церковь на двѣ ровныя части, потому что молящихся здѣсь всегда бываетъ столько же, сколько и служащихъ, т. е. одинъ на одинъ. Все пошатнулось, растрескалось, нависло и кажется готово обрушиться при малѣйшемъ ударѣ землетрясенья, такъ что невольно подивишься смѣлости отца Сысоя, живущаго здѣсь, какъ видно, очень спокойно.

Надышавшись вдоволь монашескимъ воздухомъ, мы вышли изъ кельи. Вокругъ тишина мертвая. Передъ кельей, на покатистой площадкѣ, разведенъ огородъ и на немъ растетъ тыква и огурцы. За огородомъ оврагъ, за оврагомъ рядъ овальныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, а далѣе видно море и длинной синевой растянулись по горизонту далекіе берега Македоніи. Словомъ, одинъ изъ тѣхъ пустынныхъ, задумчивыхъ видовъ, какихъ много на Афонѣ.

Вотъ и самъ хозяинъ показался изъ рощи съ кучей валежника на спинѣ, угрюмый, сгорбленный, но еще не старый. На немъ изодранная душегрѣйка и старенькая ряска; сбоку четки висятъ.

---

*) На Афонѣ каждая церковь, какова бы ни была ея величина, строится непремѣнно съ полусферическимъ куполомъ.

— Благослови, отче!—сказалъ Лукіанъ подходя къ Сысою.

— Богъ благословитъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Мы къ тебѣ въ гости пришли.

— Пожалуйте! но угощать не буду: нечѣмъ.

Сысой отворилъ дверь въ келью, и афонское приличіе заставило насъ снова войдти въ ту же грязную комнату съ запахомъ. Дверь осталась открытою. Сѣли мы гдѣ попало и долго никто не говорилъ ни слова.

— Это твоя келья, отче,—спросилъ я, чтобъ начать бесѣду.

— Нѣтъ, не моя.

— А чья же?

— Божья.

— Да какъ же ты въ чужой кельѣ живешь?

— Да такъ, живу. Тутъ уже давно никто изъ людей не живетъ: боятся;—прибавилъ онъ, въ видѣ оправданія, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А много лѣтъ ты живешь тутъ?

— Не помню. Не считалъ.

— Тутъ должно быть опасно жить, отче! гляди какъ потолки-то нависли. Случись землетрясенье, такъ и убьетъ пожалуй.

— Землю трясетъ Богъ, а не люди. Его воля...

— А слышалъ ты, о. Сысой, про наше-то горе? спросилъ его Лукіанъ. Въ прошлое землетрясенье нашъ монастырь такъ разшатало, что братскій корпусъ еле держится.

— Слава Богу! отвѣтилъ ему Сысой.

— Чего жъ ты радуешься?

— Господь посѣщаетъ васъ, такъ и радуюсь.

Мы молчали. Лукіанъ переминался, придумывая какъ бы заговорить въ душеспасительномъ тонѣ; а я глядѣлъ въ открытую дверь, на красивую мѣстность кельи.

— Славные у васъ тутъ виды какіе!—проговорилъ я—залюбоваться можно.

Сысой холодно оглянулъ мѣстность и не отвѣтилъ ничего. Я сталъ разсматривать угрюмую фигуру отшельника. Сидитъ онъ неподвижно и упорно въ землю смотритъ. Выраженье лица сдержанное, холодное, апатичное. Глаза и щеки глубоко ввалились и почернѣли. Въ самомъ спокойствіи его проглядываетъ что-то неестественное, нечеловѣческое, видно, что не безъ труда досталось ему это тя-

желое спокойствіе... Сидитъ Сысой какъ статуя; по клочьямъ его рубища спокойно разгуливаютъ муравьи и разныя другія насѣкомыя, но ему до этого дѣла нѣтъ. Вотъ огромный лѣсной червякъ вползъ къ нему на шею и норовитъ прогуляться по лицу сысойскому. Я поднялъ прутикъ и рѣшился помѣшать ему въ этой прогулкѣ. Сысой очнулся и поглядѣлъ на меня.

— Чего ты? спросилъ онъ.

— Да вотъ хочу червяка сбросить съ тебя. Гляди какой огромный.

— Не тронь, не тронь тварь божію! Пусть ползетъ куда ему надо. Ему, значитъ, такъ отъ Бога указано.

— А если укуситъ?

— Такъ меня укуситъ, а не тебя.

Мнѣ опять пришлось замолчать и подивиться спокойствію о. Сысоя. «Такъ погоди же, думаю, разшевелю я тебя!» И недобрая мысль появилась въ головѣ моей.

— А что, отче, если бы вдругъ къ тебѣ сюда женщина пришла?— спросилъ я.

Лукіанъ вздрогнулъ отъ неожиданности подобнаго вопроса и быстро оборотился ко мнѣ. Сысой съискоса поглядѣлъ на меня и сейчасъ же отвернулся.

— Какая женщина?—спросилъ онъ, подумавъ.

— Такая, какъ и всѣ женщины бываютъ. Положимъ, молодая, красивая...

— Да откуда жъ она возьмется? Мы женщинъ обыкновенно крестнымъ знаменіемъ гоняемъ.

— Не видѣнье, а настоящая женщина, съ плотью и кровью. Пришла бы, положимъ, какъ-нибудь изъ Солуня, и стала именемъ божіимъ просить у тебя совѣта...

— Охота тебѣ говорить такія вещи.—Сысой сплюнулъ.

— Да нѣтъ, ты скажи, отче, что бы ты сдѣлалъ? Научи меня?

— Я бы тогда взялъ въ примѣръ древнихъ египетскихъ подвижниковъ. Чтобы удержать свою плоть въ послушаніи, я развелъ бы огонь въ жаровнѣ и держалъ бы въ огнѣ свою руку все время, пока говорилъ съ женщиной. Вотъ что я сдѣлалъ бы!..

Я на это ничего не могъ сказать. По силѣ и обдуманности выраженія нельзя было сомнѣваться въ искренности этихъ словъ отца

Сысоя, и въ громадной стойкости его характера. Лукіанъ съ торжествомъ взглянулъ на меня. Сысой поднялся.

— Простите, *отцы!* сказалъ онъ:—мнѣ время пойдти на работу.

И взявъ топоръ, онъ медленно побрелъ въ рощу, гдѣ и скрылся за деревьями *).

— Зачѣмъ вы заговорили о женщинѣ? быстро спросилъ меня Лукіанъ.

— А что?

— Да можетъ онъ искушаться будетъ.

— Нѣтъ, такой не будетъ искушаться. Зато я узналъ теперь силу здѣшнихъ подвижниковъ.

— Да! сила великая!.. и Лукіанъ задумался.

— Знаете ли, что мы теперь сдѣлаемъ!—сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ:—я вечерню протяну ужо на четкахъ, а пока сходимте къ отцу Анфиму. Онъ живетъ недалеко отсюда, только въ гору лѣзть придется.

— А у него тоже келья?

— Нѣтъ, онъ зиму и лѣто спасается въ пещерѣ. Вотъ уже истинно, что подвижникъ. Вы еще не видали такихъ. Онъ изъ грековъ.

— Такъ что жъ, пойдемте! Заодно ужь!—И пошли.

За возвышенностью, на которой стоитъ келья Сысоя, круто громоздится гора, заросшая каштановымъ лѣсомъ. Верхушка горы голая, дикая, точно кто нарочно навалилъ туда груду исполинскихъ камней и потомъ размѣталъ ихъ по скату. Между каменьями чернѣются широкія скважины и на одну изъ нихъ указалъ мнѣ Лукіанъ, какъ на жилище Анфима.

Тропинка, промытая дождевыми потоками, лѣпится утомительно круто; подъ ногами то и дѣло скользятъ да прыгаютъ камни, но съ частыми перемежками и отдыхами добрались-таки мы до мѣста.

---

*) Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я встрѣтилъ Сысоя уже въ монастырѣ, куда онъ приплелся со всѣмъ своимъ имуществомъ послѣ несчастья постигшаго его дачу. Сильнымъ дождемъ снесло въ пропасть огороды Сысоя и подмыло въ конецъ его келью. Незамѣтно было, что это несчастіе огорчило Сысоя: онъ попрежнему шепталъ «слава Богу!»

Тамъ, между двухъ камней, въ темномъ углубленіи, увидѣли мы стѣнку, прикрытую сверху хворостомъ, а въ стѣнкѣ дверь. Лукіанъ постучался и прочелъ молитву, но отвѣта не было. Думая, что затворника нѣтъ дома, онъ стукнулъ пошибче, дверь пріотворилась и мы увидѣли Анфима. То былъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, одѣтый въ порыжѣвшее отъ времени лохмотье. Онъ стоялъ къ намъ спиною, передъ иконой, и тянулъ четки. Въ кельѣ темно; свѣтъ едва проникалъ въ небольшое отверзтіе надъ дверью. Постели никакой не было. У правой стѣнки мы замѣтили полку; на полкѣ стоялъ кувшинъ и черепъ человѣческій *). Мы постояли въ дверяхъ нѣсколько минутъ, но старикъ даже не оглянулся и такъ же мѣрно и спокойно продолжалъ свою работу.

— Пойдемте! шепнулъ мнѣ Лукіанъ:—а то помѣшаемъ.

Я вышелъ не безъ удовольствія. Тяжело стало на сердцѣ при видѣ такой обстановки; я въ самомъ дѣлѣ не видалъ еще ничего подобнаго. Мы сѣли на камнѣ подлѣ дверей. Мѣстность дикая; вокругъ одинъ только голый, раскаленный камень. Отсюда не видно ни моря, ни растительности окрестной, значитъ подвижникъ отказался даже отъ наслажденія видами природы,—подвигъ уважаемый на Афонѣ. Сзади кельи, въ ямкѣ, видны пепелъ и уголья, гдѣ, вѣроятно, Анфимъ готовитъ себѣ кушанье; тутъ же стоитъ жестяное ведро съ водою.

— А могилу-то видите? спросилъ Лукіанъ.

— Какую могилу?

— А вонъ: съ боку-то. Самъ вырылъ. Тутъ онъ часто и спитъ въ ней, чтобы вѣчно быть на готовѣ къ смерти...

Я теперь только замѣтилъ яму, вырытую подлѣ кельи. Въ ямѣ было сдѣлано каменное изголовье и надъ нимъ воткнутъ въ землю крестъ деревянный.

— Видно трудно ему жить, коли такъ о смерти заботится! проговорилъ я.

— Еще бы! отвѣтилъ Лукіанъ. Вѣдь онъ, говорятъ, въ мірѣ

---

*) Многіе келіоты держатъ въ своихъ кельяхъ черепы, для назидательныхъ размышленій надъ ними.

бариномъ жилъ, наученъ былъ всему по книгамъ, да все бросилъ ради царствія небеснаго, когда Господь призвалъ его ко спасенью. Сперва Анфимъ въ монастырѣ спасался и все читалъ божественныя книги, чтобы даскаломъ (учителемъ) быть на св. горѣ. За эту-то гордость Господь его и смирилъ. Духовникъ строго запретилъ ему читать книги, посты даже налагалъ, да не послушалъ. Вотъ и сталъ лукавый смущать его разными мудрованіями человѣческими. Началъ отецъ Анфимъ раздумывать о такихъ догматахъ, какихъ нашему слабому уму въ вѣкъ не постигнуть, ну, конечно и впалъ въ прелесть бѣсовскую. На волосокъ былъ отъ погибели, да Богъ не допустилъ за молитвы братіи. Видѣлъ онъ видѣніе какое-то и послѣ того сряду же простился со всѣми и ушелъ въ пустыню. Съ тѣхъ поръ вотъ все и живетъ здѣсь одинъ одинешенекъ, даже къ монастырю не спускается никогда; а пищу и причащеніе ему одинъ іеромонахъ носитъ,—бывшій ученикъ его.

— А что же книги?

— Всѣ въ монастырѣ оставилъ. Теперь даже молится по четкамъ, а въ книги и не глядитъ, потому боится прежнихъ искушеній. Долго пересиливалъ онъ эти искушенія, а теперь ничего: привыкъ. Говоритъ, что и читать-то совсѣмъ забылъ; хоть подавай книгу,—не разберетъ.

— Значитъ, давно спасается?

— Давно. Лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ. Когда я прибылъ на св. гору, такъ онъ уже въ пещерѣ жилъ; а съ той поры двѣнадцатый годъ пошелъ... Да вотъ онъ и самъ на лицо.

Лукіанъ подошелъ къ Анфиму и обычнымъ порядкомъ попросилъ у него благословенія. Анфимъ не отвѣтилъ ему, и, не выходя изъ кельи, пристально оглядывалъ меня съ видимымъ недоумѣньемъ.

— Кто это? спросилъ онъ по гречески у Лукіана.

— Кто? Извѣстно рабъ божій. Чего спрашиваешь!

Анфимъ не говоря ни слова сейчасъ же бросился ему въ ноги.

— Прости меня, отче! Мірянъ-то я давно не видалъ, такъ потемнѣніе напустилъ лукавый... Прости меня!

— Богъ да проститъ;—отвѣтилъ Лукіанъ растерявшись.

Мы усѣлись на каменьяхъ. Анфимъ не зналъ, что дѣлать съ гостями. Онъ долго торопливо переходилъ то въ келью, то обратно къ

намъ и наконецъ, принесъ намъ по винной ягодѣ и по кружкѣ воды. Мы стали угощаться, а хозяинъ присѣлъ въ сторонкѣ на камень и бросалъ робкіе взгляды на меня и на Лукіана.

— Ты русскій? спросилъ онъ меня наконецъ.

— Русскій.

— А! русскій, значитъ православный; а я думалъ, что франкъ *). Что жъ, скоро вы будете освобождать Византію? а?

— Не знаю еще, отче.

Мнѣ странно было слышать этотъ патріотическій вопросъ въ такой глуши, и отъ человѣка давно проклявшаго міръ и его радости. Но Анфимъ былъ видимо недоволенъ собой, и шепталъ молитву. Неужели онъ раскаявался въ этомъ невольномъ проблескѣ чувства?.. Жалко стало старика.

— Какъ ты зиму здѣсь живешь, отче? Вѣдь холодно?

Анфимъ посмотрѣлъ на меня внимательно, и улыбнулся той снисходительной и вмѣстѣ строгой улыбкой, какой улыбаются глядя на дѣтей, когда они что-нибудь глупое спросятъ.

— А холодъ кто даетъ намъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Знаю, что Богъ; но все-таки, если не поберечься, такъ захворать и умереть можно.

—Такъ что же? Все отъ Бога. Коли слишкомъ трудно сдѣлается, такъ огонь развести можно; на то и огонь данъ, чтобы согрѣвать и питать тѣла наши по нашей слабости. А смерти бояться нечего: смертью тотъ же владыка правитъ. Мірянинъ долженъ бояться смерти, а монахъ нѣтъ. А почему? Потому что мірянинъ всю жизнь объ одномъ тѣлѣ заботится, въ тѣло и обращается; а монахъ въ душу живу. Тѣло умретъ и сгніетъ, а душа нѣтъ; вотъ вы и боитесь смерти, гнить вамъ не хочется...

— Да вѣдь безъ тѣла не прожить, отче!

— А беречь его тоже не слѣдуетъ. Что наше тѣло?.. — Анфимъ взялъ щепотку земли, показалъ ее мнѣ и потомъ бросилъ въ могилу. — Вотъ наше тѣло!—Въ этомъ вся жизнь мірская...

Старикъ говорилъ глухо, отрывисто, будто разсуждалъ самъ съ собою.

— Трудно жить здѣсь, отче! сказалъ я.

— Да! мірскимъ трудно. Здѣсь не міръ.

*) Франками нынѣшніе греки называютъ вообще всѣхъ европейцевъ.

— Монаху, кажется, еще труднѣе; искушеній много.

— А все легче чѣмъ мірскому. Есть вѣдь и въ рясахъ міряне, это тѣ монахи, которымъ все еще любится міръ. А настоящій монахъ, какъ скажетъ клятву, такъ и перерождается: принимаетъ *второе крещеніе* для жизни новой... Онъ уже умеръ для міра. Онъ трупъ... Знаешь ты, чего монахъ отрицается, и въ чемъ клятву даетъ?

— Знаю.

— Прочитай!

— Наизустъ не помню, но слышалъ, отче, и знаю, что клятва страшная.

— Такъ слушай же, я прочитаю тебѣ!.. Я каждый день повторяю обѣтъ свой.

И Анфимъ наизустъ прочелъ мнѣ изъ требника сущность клятвъ монашескихъ.

«Я знаю, что съ нынѣшняго дня (со дня постриженья) я распятъ и умеръ для міра совершеннымъ отреченьемъ отъ него. Я отказываюсь отъ родителей, отъ братьевъ, отъ жены, отъ родственниковъ и друзей; отказываюсь отъ мірскихъ заботъ, попеченій, стяжаній и славы, и не только отъ всего этого, но даже отказываюсь *отъ души своей* по слову Господа: аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себе... Клянусь поститься до послѣдняго издыханія моего! Клянусь сохранить послушаніе, даже до смерти, къ предстоятелю и ко всему братству! Клянусь претерпѣть всякую скорбь и тѣсноту житія монашескаго! Клянусь сохранить себя въ дѣвствѣ, цѣломудріи и благоговѣніи!.. Готовлюсь къ воздержанію плоти, къ очищенію души, къ нищетѣ конечной, ко плачу благому и всѣмъ скорбямъ и болѣзнямъ... Буду алкать и жаждать, и нагствовать, и уничижаться,—нести всѣ тягости скорбныя, которыя встрѣтятся мнѣ на этомъ пути къ Господу... Ей! Богу содѣйствующу! Ей! Богу содѣйствующу! Ты свидѣтель клятвъ моихъ!!..»

Анфимъ поднялъ глаза къ небу и долго шепталъ послѣднія слова клятвы, потомъ онъ опустилъ голову и сталъ глядѣть на меня пристально, строго. Мнѣ стало неловко отъ этого взгляда; въ немъ было что-то тяжелое и въ то же время безконечно грустное...

— Вотъ каковъ монахъ! сказалъ Анфимъ тихо.—Похожъ ли онъ на мірского?

— Нѣтъ, не похожъ.

— Не похожъ?.. Да!.. А ты не будешь монахомъ. Только тотъ спасется, кто записанъ въ книгѣ животной.

— Что же ты говоришь, отче, такъ строго? Развѣ нельзя въ мірѣ спастись?

— Анфимъ нахмурился и отвернулся.

— Міръ! міръ!..—проговорилъ онъ глухо:—можно было бы и въ мірѣ спастись, кабы женщинъ въ немъ не было. Женщина — страшное орудіе въ рукахъ діавола и ею князь міра смущаетъ и губитъ народъ божій. Всѣ несчастія и преступленія людскія—отъ женщины и отъ распутства. Міръ пропалъ; онъ во власти діавола... Въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой твари, и въ горахъ, и въ морѣ, въ каждой травкѣ и былинкѣ есть сила демонская, мѣшающая монаху идти путемъ спасенья. Вотъ видишь ли ты эту былинку?.. (Анфимъ сорвалъ травку, какъ-то проглянувшую между каменьями). Что это? простая травка? цвѣточекъ?.. А вѣдь и имъ можно искуситься. Начни-ка я подробно разсматривать эту травку, изучать ее разными стеклами,—и вотъ я уже служу міру, а не Богу; я отвлекся уже отъ пути монашескаго. А искусителю только того и надо.

— А какъ же науки-то, отче?

— Вотъ тебѣ совѣтъ мой: коли хочешь спастись, не предавайся мірскимъ наукамъ; они не приведутъ къ добру, это я по себѣ знаю. Возьми только слово божіе да творенія св. отцовъ и читай ихъ, не разсуждая. Въ этомъ вся наука жизни нашей.

— Да вѣдь въ евангеліи говорится, что самъ Богъ возлюбилъ міръ, что самъ Богъ сотворилъ женщину, что онъ...

Анфимъ остановилъ меня строгимъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Ты меня искушать что ли хочешь?—спросилъ онъ.—Нѣтъ не искусишь, братъ!

Послѣ этого онъ поднялся, медленно подошелъ къ своей могилѣ, и дребезжащимъ голосомъ запѣлъ похоронную молитву.

— Ты не искушалъ бы меня, если бы зналъ, что значитъ искушеніе... Но ты этого еще не знаешь!—проговорилъ онъ мнѣ съ упрекомъ спустя минуту и запѣлъ снова. Въ голосѣ его зазвучала затаенная скорбь, изъ глазъ просочилась слеза.

— Ей! Богу содѣйствующу! шепталъ онъ сквозь слезы.—Во своя пріиде и свои его не пріяша... Воистину суета и тлѣніе вся житейская!.. Вси бо исчезаемъ, вси умремъ.

Сталъ онъ молиться, и не легка была молитва его.

— Пойдемте внизъ! шепнулъ я Лукіану:—мнѣ тяжело становится.

— Пойдемте. Онъ теперь долго будетъ молиться... Прощай, отче! мы внизъ идемъ!

Но Анфимъ не слыхалъ насъ.

Мы обогнули камни, среди которыхъ живетъ затворникъ и стали медленно спускаться. Чрезъ нѣсколько минутъ слышимъ: кто-то торопливо догоняетъ насъ, и опять увидѣли Анфима.

— Простите, други, коли чѣмъ обидѣлъ!—проговорилъ онъ едва переводя духъ отъ усталости, и поклонился намъ до земли. Лукіанъ отвѣтилъ ему такимъ же поклономъ, и старикъ тотчасъ поспѣшилъ обратно къ своей кельѣ.

— Молись за насъ, отче!—крикнулъ вслѣдъ ему Лукіанъ.

— Молюсь, молюсь! Дай вамъ Господи царство небесное!—отвѣтилъ Анфимъ не оборачивась и, громко напѣвая заупокойныя пѣсни, скрылся въ разсѣлинѣ камней. Долго еще слышался въ воздухѣ его дребезжащій голосъ, потомъ и онъ замеръ гдѣ-то.

Я молчалъ. Мой спутникъ тоже. Впечатлѣніе было слишкомъ полно... И такъ молча и задумчиво пробирались мы къ монастырю по той же, едва проходимой, тропинкѣ. Лукіанъ, чтобы развлечься немного, мимоходомъ столкнулъ въ пропасть нависшій надъ нею камень, и онъ загрохоталъ, запрыгалъ, дробя встрѣчные кусты и камни.

— Ишь, какъ гудётъ, искушеніе! сказалъ монахъ, прислушиваясь.

— Да гудётъ,—отвѣтилъ я разсѣянно.

— Видно на васъ подѣйствовали наши пустынники? спросилъ онъ опять, замѣтивъ мою разсѣянность.

— Еще бы! Такіе подвиги хоть кого изумятъ.

— Это такъ съ нову кажется, а мы уже приглядѣлись. Много у насъ такихъ, и имъ на то помощь свыше дана. Глядите теперь, что значитъ сила-то Божія, умудряющая пустынниковъ! Чудно право!.. Это великіе люди; ими и міръ держится.

Я на это ничего не отвѣтилъ.

— А то вотъ еще есть у насъ такіе подвижники, — продолжалъ Лукіянъ помолчавъ: — что совсѣмъ отъ людей скрываются, такъ что и найдти ихъ трудно. Живутъ они гдѣ придется, въ разныхъ пещерахъ да мѣстахъ непроходимыхъ, и только Богъ одинъ свидѣтель ихъ подвиговъ. Мнѣ еще не пришлось видѣть

такихъ, а одинъ братъ нашъ видѣлъ. Онъ шелъ къ монастырю св. Павла, да видно усталъ и прилегъ на траву отдохнуть. Тамъ, знаете, мѣсто пустынное, дикое, за рѣдкость и человѣка встрѣтишь. Вдругъ видитъ онъ: на скалѣ за оврагомъ стоитъ на колѣняхъ человѣкъ сѣдой такой и весь почти голый; стоитъ и молится. Братъ притаился, да видно тотъ успѣлъ замѣтить, что чужой близко, и сейчасъ же убѣжалъ въ гору. Пошелъ было братъ на то самое мѣсто, но никого ужь не видалъ.

— Да можетъ быть это видѣніе было? спросилъ я.

— Можетъ быть. Да нѣтъ, всѣ говорятъ, что есть у насъ такіе пустынники, только прячутся больно. А вѣдь по горѣ-то есть гдѣ спрятаться.

— Чѣмъ же кормятся они?

— Богъ питаетъ. Ѣдятъ коренья, траву и раковины. Можетъ, какъ Іоаннъ Предтеча, акридами да дикимъ медомъ питаются. Да мало ли пищи на Афонѣ? Одной травы здѣшней намъ вѣкъ не переѣсть.

«Дикое состояніе!» невольно мелькнуло въ головѣ моей... Но потомъ я одумался: дикари живутъ, не сознавая своихъ неудобствъ,а здѣсь сознательно стремятся къ такой жизни; она здѣсь осмыслена и возведена на степень подвига. Велика, знать, сила воли у человѣка...

Грустно, невыносимо грустно сдѣлалось мнѣ почему-то... Голова утомилась, въ ушахъ все еще болѣзненно отдавался голосъ Анфима, и я самъ не свой бросился въ траву на первой встрѣчной лужайкѣ. Какъ бы мнѣ скорѣе забыть все это! — думалъ я, вглядываясь въ даль. А вокругъ-то какая жизнь, какая ширь и просторъ необъятный... Солнце закатывалось, и краснымъ заревомъ покрыло далекіе берега живого міра. Море неподвижно; небо безоблачно и съ веселыми пѣснями носятся по небу ласточки. Гдѣ-то въ ущельи звучно свищутъ соловьи, и звучно откликаются имъ дремлющія рощи. Слышенъ запахъ цвѣтущаго жасмина и фіалки. А въ травѣ кипитъ работа; толпами снуютъ нагруженные муравьи, жужжатъ пчелы, стрекочутъ кузнечики; вотъ и жукъ пробирается и тоже тащитъ что-то; въ каждомъ насѣкомомъ, въ каждомъ лепесткѣ и былинкѣ сильнымъ, безконечнымъ ключомъ пробивается жизнь, проглядываетъ любовь къ этой жизни. Чувствовалъ я, что и во мнѣ самомъ бьется тотъ же жизнен-

ный пульсъ природы и зоветъ онъ меня къ дѣятельности, манитъ куда-то... Вотъ она жизнь-то безконечная!..

— Эхъ! искушеніе. Славное тутъ мѣсто какое, все бы лежалъ кажется:—перебилъ Лукіанъ мои думы.—А вѣдь если у насъ на землѣ такъ хорошо, такъ что же на небѣ, значитъ, будетъ? въ раю-то?

— Можетъ быть хорошо будетъ, отвѣтилъ я, но мнѣ еще пожить хотѣлось бы...

Н. А. Благовѣщенскій.

ХАРАКТЕРЪ СПЕЦИФИЧЕСКИХЪ ЖЕНСКИХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ И НАКАЗАНІЙ.

Es erben sich Gezetz und Rechte,
Wie eine ewige Krankheit, fort.
Sie schleppen vom Geschlecht sich zum Geschlechte,
Und rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohlthat — Plage.
Vom Rechte, das mit uns geboren ist,
Von ihm ist leider nie die Frage....

Faust.

Гуманная реформа, состоявшаяся въ указѣ 17 Апрѣля настоящаго года, измѣняетъ нынѣ существующую систему наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. Эта реформа особенно благопріятно отнеслась къ вопросу о наказаніяхъ женщинъ: «Лица женскаго пола, говорится въ указѣ, вовсе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ».

Тѣлесное наказаніе для женщинъ имѣло характеръ въ высшей степени безнравственный. Оно заставляло страдать общественную стыдливость, и мыслящіе люди съ негодованіемъ глядѣли на это наказаніе, позорное для достоинства человѣка и попирающее его лучшія права..

Могло ли быть что-нибудь отвратительнѣе картины, когда женщину публично обнажали, и тѣло ея предавали истязанію палача. Эта система наказанія находитъ осужденіе даже у народовъ варварскихъ: азіатцы, наказывая женщинъ, закрываютъ ее отъ глазъ толпы. А мы выставляли на позоръ не преступницу, а женщину и ея красоту.

Но оставляя тѣлесное наказаніе какъ фактъ, переходящій въ исторію, обратимся къ другимъ положеніямъ нашего уголовнаго кодекса, въ которыхъ выражается характеръ специфическихъ преступленій и наказаній. Ст. 2009 Уложенія о наказаніяхъ изд. 1857 г. говоритъ: «женщина, которая от стыда и страха, хотя не умертвитъ незаконнорожденнаго своего младенца, но оставитъ его безъ помощи, и младенецъ отъ того лишается жизни, приговаривается за сіе: къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губернію Томскую и Тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ, или, *будс она по закону не изъята отъ наказаній тѣлесныхъ*, къ наказанію *розгами, въ мѣрѣ*, опредѣленной ст. 35 сего уложенія для четвертой степени наказаній сего рода и къ отдачѣ въ рабочій домъ на время отъ 3 до 6 лѣтъ, на основаніи постановленій ст. 85 сего же положенія» *).

Такимъ образомъ законъ караетъ мать въ лицѣ женщины, *которая отъ стыда и страха хотя не умертвитъ своего незаконнорожденнаго младенца, но оставитъ его безъ помощи и младенецъ отъ того лишится жизни.* Спрашивается: справедливо ли наказывать такихъ матерей? По нашему мнѣнію, тѣ только матери должны подлежать наказанію, которыя, оставляя дитя безъ помощи, сдѣлали это съ цѣлью его умертвить, или другими словами: если доказано будетъ, что мать не имѣла никакого основанія надѣяться, что дитя можетъ получить постороннюю помощь. Въ этомъ случаѣ само собою разумѣется, что подобная мать должна быть признана совершившею преступленіе съ умысломъ.... Но если дитя положено въ безопасное мѣсто и тамъ, гдѣ оно можетъ получить постороннюю помощь, и если смерть его воспослѣдуетъ—или отъ причинъ естественныхъ или случайныхъ, — то въ этомъ случаѣ мать можетъ быть обвинена только за неосторожность; и ее можетъ осудить тогда только судъ церковный, судъ божескій, но не публичное право. Наше законодательство (ст. 2,064 и 2,066, т. XV, изд. 1857 г.) говоритъ по этому предмету слѣдующее: «за подкинутіе, а равно за оставленіе съ намѣреніемъ (*т. е. законъ хотѣлъ сказать: за умышленное оставленіе*) младенца грудного и вообще ребенка, еще не

*) На основаніи новаго указа изъ этого закона слѣдуетъ выпустить тѣлесное наказаніе и сократить сроки и заключенія.

достигшаго трехъ лѣтъ отъ рожденія, хотя и въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ по всѣмъ вѣроятностямъ можно было ожидать, что онъ будетъ найденъ или усмотрѣнъ другими, и что ему будетъ дана нужная помощь, виновные въ томъ родители сего ребенка, или тѣ лица, которыя по званію своему, или долгу природы, были обязаны имѣть о немъ попеченіе, подвергаются, смотря по важности обязанностей, ими чрезъ то нарушенныхъ, и по особеннымъ, побудившимъ ихъ къ сему преступному дѣянію, причинамъ, а равно и потому: были ли при подкинутіи или оставленіи его приняты какія либо мѣры для сохраненія его жизни, — заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, по ст. 54 сего Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ.»

«Когда младенецъ имѣющій менѣе трехъ лѣтъ отъ рожденія, подкинутъ или оставленъ съ намѣреніемъ въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, нельзя было ожидать, чтобъ онъ былъ найденъ или усмотрѣнъ другими, то виновные въ семъ подкинутіи или оставленіи съ намѣреніемъ, также смотря по важности обязанностей ими чрезъ сіе нарушенныхъ, и особеннымъ побудившимъ къ сему преступному дѣянію причинамъ, а равно по большей или меньшей *опасности, коей видимо отъ стужи, вліянія воздуха или другихъ обстоятельствъ подвергается оставленный*, приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; и буде они по закону не изъяты *отъ наказаній тѣлесныхъ* и къ наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, определенной статьею 22 сего Уложенія для второй степени сего рода и т. д.» *).

И такъ изъ этихъ двухъ законовъ мы видимъ, что подкинутіе и оставленіе ребенка принимается безусловно, не обращая вниманія: законно, или незаконно это дитя. Намъ кажется, что подкинутіе незаконнаго дитяти есть меньшее преступленіе, нежели подкинутіе и оставленіе законнаго ребенка: въ первомъ случаѣ играютъ роль—страхъ, стыдъ, позоръ; словомъ, нравственные рычаги, лишающіе часто родильницу разсудка. Во второмъ же случаѣ причины чисто эгоистическія... Слѣдовательно на одну и ту же доску не могутъ быть поставлены обѣ эти преступницы; къ тому же оба закона не упоминаютъ о томъ: слѣдуетъ ли ихъ примѣнять къ обоимъ случаямъ: когда подкинутое

*) По новому закону тѣлесное наказаніе уже не вмѣняется.

дитя—живое или мертвое; по ст. 2,009, для матери, подкинувшей свое незаконное дитя, которое отъ того умираетъ, усиливается наказанiе; для другихъ же случаевъ и лицъ это не постановлено.

Спрашиваемъ: какая же тутъ справедливость? Я ужь объяснилъ выше, что за подкинутiе незаконнаго ребенка вообще должно быть меньшее наказанiе, нежели въ другихъ случаяхъ; а нашъ законъ, напротивъ того, усиливаетъ его въ этомъ случаѣ Относительно другихъ лицъ можно было бы примѣнить ст. 2,007, если бы не было выше приведеннаго специальнаго закона для матерей; поэтому судебныя мѣста понимаютъ: что въ случаѣ смерти подкинутаго ребенка, наказанiе увеличивается только для матери незаконнаго дитяти. Вышеприведенная же статья закона говоритъ слѣдующее: «кто, зная и предвидя, что, отъ предпринимаемаго имъ какого либо противозаконнаго дѣйствiя, другое лицо, или нѣсколько лицъ должны подвергнуться опасности, не смотря на то, исполнитъ преднамѣренное, и хотя безъ прямого умысла, учинитъ убiйство, лишитъ кого либо жизни, тотъ, смотря по роду и важности самаго противозаконнаго дѣянiя его, а равно и по роду и по большей или меньшей опасности, которую виновный не могъ не предвидѣть и другимъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его обстоятельствамъ, подвергается за сiе и т. д.»

Какъ я выше сказалъ, всѣ лица, подкидывающiя дѣтей, могли бы подойдти подъ этотъ законъ, если бы для матерей незаконныхъ дѣтей не существовала специальная статья. Для избѣжанiя же недоразумѣнiй и неправильныхъ толкованiй слѣдовало бы разъяснить этотъ предметъ путемъ законодательнымъ. Нашъ же законъ не полагаетъ этихъ предѣловъ, и мать обвиняется безусловно за оставленiе ребенка безъ помощи. Притомъ наказанiе полагается, не обращая вниманiя на то, совершено ли это преступленiе единожды или неоднократно, дѣвицей или замужней женщиной. Намъ кажется, что кромѣ нравственныхъ причинъ, которыя судья легко можетъ усмотрѣть въ каждомъ дѣлѣ, и эти основанiя могутъ служить поводами къ смягченiю или усиленiю наказанiя преступницъ. Такъ мы полагаемъ, что дѣвицы вообще, а въ особенности молодыя, отъ 15 до 21 года, въ уваженiе къ неопытности и часто совершенной внутренней чистотѣ, должны бы были подвергаться самымъ слабымъ наказанiямъ. При нашемъ непрактическомъ воспитанiи дѣвицъ, очень часто случается, что онѣ легко соблазняются, и рожая, со стыда оставляютъ дѣтей безпомощными не съ цѣлью умертвить младенца или подвергнуть его случайностямъ, а по-

тому что они, по неопытности, не видятъ опасности, грозящей ребенку часто отъ естественныхъ причинъ. Также должно полагать различіе между женщиною родившею разъ, или два раза: во второмъ случаѣ женщина не можетъ оправдываться неопытностью; такъ какъ изъ первыхъ родовъ она могла узнать—какъ ухаживаютъ за ребенкомъ. Замужняя женщина также заслуживаетъ снисхожденія закона, но не въ такой мѣрѣ, какъ невинная дѣвица... Правда, замужняя женщина еще болѣе дѣвицы движима такими побужденіями, которыя заставляютъ ее свое незаконное дитя оставлять безъ помощи: первая, рожая, можетъ еще надѣяться загладить свой проступокъ замужествомъ, (или съ другимъ лицомъ, или съ виновникомъ ея беременности), и дѣвица такимъ образомъ стоитъ только подъ вліяніемъ страха—быть осужденною общественнымъ мнѣніемъ. Замужняя же женщина, кромѣ этого, часто страшится еще грознаго преслѣдованія мужа... Такимъ образомъ, во вниманіе къ нравственнымъ побужденіямъ, замужняя женщина, могла бы быть еще болѣе оправдана, нежели дѣвица, но противъ нея говоритъ снова преступная ея связь, обманъ мужа, большая опытность; такъ что эти данныя ослабляютъ нравственныя побужденія ея проступка, и влекутъ за собою опредѣленіе болѣе строгихъ наказаній. Проступки же вдовы должны стоять между проступкомъ дѣвицъ и замужнихъ: какъ лица, состоявшія уже въ бракѣ, онѣ должны были знать послѣдствія безпомощнаго подкинутія ребенка.

Но кромѣ этихъ оснований слѣдуетъ еще принять во вниманіе поведеніе виновной до совершенія проступка; такъ какъ основаніемъ смягченія наказанія принимаются начала чисто нравственныя. И потому, если доказывается, что данная преступница была дурного поведенія, пренебрегала общественнымъ мнѣніемъ и открыто имѣла любовниковъ, то само собою разумѣется, что оправданіемъ подкинутія ея ребенка безъ помощи—не можетъ служить стыдливость; ясно, что въ подобномъ ея поступкѣ было только желаніе — отдѣлаться отъ ребенка: тутъ видна ужь жестокость и отсутствіе всего, что только уважается въ человѣкѣ .. Поведеніе женщины должно быть такимъ образомъ объизслѣдовано не только тогда, когда она или дѣвица, или вдова; но когда она и замужемъ: этимъ только путемъ можетъ составиться точное понятіе о степени ея виновности и соразмѣрно съ этимъ должна быть опредѣлена и мѣра наказанія.

Вообще же по преступленіямъ дѣтоубійствъ могутъ быть три вида: причиненіе смерти младенцу чрезъ оставленіе его матерью безъ помо-

щи, убійство и вытравленіе плода. Первый видъ разсмотрѣнъ выше; теперь бросимъ взглядъ на второй и третій видъ этихъ преступленій и объизслѣдуемъ этотъ предметъ.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Мин. Юстиціи за 1862 годъ, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Нѣсколько случаевъ дѣтоубійствъ изъ иностранной судебной практики».

«Для всякаго, говоритъ редакція Журнала, кто слѣдилъ за количествомъ совершаемыхъ ежегодно преступленій и за уголовной статистикой, несомнѣннымъ дѣлается тотъ фактъ, что преступленіе дѣтоубійства, то есть, убіеніе незаконнорожденнаго дитяти его матерью, сдѣлалось явленіемъ постояннымъ и повсемѣстнымъ. Преступленія сего рода не только не уменьшаются, но напротивъ, *годъ отъ году, увеличиваются* и *никакія угрозы закона, никакія полицейскія мѣры не въ состояніи воспрепятствовать ихъ совершенію.*»

Это сознаніе офиціальнаго журнала весьма замѣчательно: никакія угрозы закона, даже смертныя казни, не могутъ ни уничтожить, ни ослабить дѣтоубійства; напротивъ того, число этихъ преступленій возрастаетъ съ ужасающею прогрессіею... Значитъ—нужно искать другія законодательныя мѣры, которыя, по крайней мѣрѣ, ослабили бы дѣтоубійство. Сама редакція журнала находитъ настоящія законодательныя мѣры недостаточными, что открывается изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ ея статьи: «*нашему времени* предстоитъ разрѣшить задачу: какое самое лучшее средство къ предупрежденію этого ужаснаго и возмущающаго человѣческія чувства преступленія». Неизвѣстно нашему ли времени, или инымъ послѣдующимъ вѣкамъ будетъ принадлежать рѣшеніе этой проблеммы, но мы должны положить и свою лепту по этому вопросу, а потому займемся его анализомъ.

Мы думаемъ, что всѣ европейскія законодательства односторонни по предмету дѣтоубійства: они видятъ въ этомъ фактѣ—одну преступность воли, одно нарушеніе публичнаго права; поэтому всѣ законодательства въ этомъ отношеніи принимаютъ мѣры *устрашительныя*; но практика вездѣ доказала, что мѣры эти оказываются не дѣйствительными. Явленіе это происходитъ отъ того, что всѣ законодательства лечатъ не самую болѣзнь, а дѣйствуютъ только на симптомы ея. Дѣтоубійство есть внѣшній симптомъ болѣзни, а самая болѣзнь гнѣздится далеко въ самомъ обществѣ, и на нея вліяютъ весь нашъ общественный и семейный бытъ. Поэтому мы въ этомъ корнѣ должны искать болѣзнь и при тщательномъ анализѣ нашихъ нравовъ и учрежденій, быть можетъ, мы

и сдѣлаемъ что-нибудь полезное для разрѣшенія этой трудной проблеммы.

«Существованіе дѣтоубійства, говоритъ Журналъ Министерства Юстиціи, обусловливается многими причинами и находится въ тѣсной связи съ состояніемъ нравовъ данной мѣстности и числомъ внѣбрачныхъ рожденій дѣтей; между тѣмъ западная Европа далеко не отличается безукоризненностью нравовъ; такъ, по свидѣтельству Іордана, число незаконнорожденныхъ дѣтей къ рожденнымъ въ бракѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и Германіи относится какъ 1 къ 2.»

Мы изъ этихъ словъ приходимъ къ слѣдующему заключенію, что третья часть дѣтей въ большей части Европы подвержена случайностямъ дѣтоубійства... Явленіе въ высшей степени безотрадное въ цивилизованномъ и христіанскомъ обществѣ... Но правда ли то, что это явленіе проистекаетъ единственно отъ дурныхъ нравовъ общества?..

«Убіеніе, говоритъ далѣе Журналъ Мин. Юстиціи, значительнаго числа незаконныхъ дѣтей есть простое послѣдстьіе растлѣнія нравовъ. Убійцами являются по большей части молоденькія дѣвушки 16—20 лѣтъ, покинутыя своими обольстителями, которыя, въ минуту стыда и отчаянья, желая скрыть свой позоръ отъ родителей и свѣта, рѣшаются на преступленіе.»

Сколько рѣзкихъ противорѣчій въ этихъ словахъ! Обольщается молодая, неопытная дѣвушка; покидается обольстителемъ, и въ минуту отчаянья и стыда, т. е. во имя всего святого человѣку: чести, добраго имени, стыдливости,—умерщвляетъ младенца... Тутъ мы не видимъ вовсе растлѣнія нравовъ; тутъ, напротивъ того, ты видимъ, что нравственное совершенство человѣка доводитъ его до отчаянья, до того, что онъ заглушаетъ въ себѣ инстинкты матери и рѣшается на убійство. Дѣтоубійство больше встрѣчается въ образованномъ классѣ, нежели въ необразованномъ; оттого, что образованный человѣкъ глубже чувствуетъ свое паденіе и безвыходность своего общественнаго положенія Вотъ почему нравственное растлѣніе общества вовсе не есть причина дѣтоубійства; нравственнымъ растлѣніемъ обусловливается—безстыдство, нахальство, безчувственность, а съ этимъ несовмѣстенъ рискъ—быть казненною чрезъ дѣтоубійство; и если это преступленіе встрѣчается съ женщинами развратными и грубыми, то на него нужно смотрѣть—какъ на убійство вообще... Дѣтоубійство же женщины, отъ природы тихой и скромной, соблазненной мужчиной и убившей свое дитя, должно разсматриваться, какъ ненормальное состояніе, какъ бредъ, какъ сумасшествіе.

Нравственное состоянiе женщины въ этомъ положенiи даетъ намъ полный поводъ придти къ этому заключенiю: можно ли считать человѣка нормальнымъ, когда нравственный по воспитанiю и жизни, онъ вдругъ рѣшается на убiйство. И что замѣчательно: дѣтоубiйства всегда почти сопровождаются въ подобномъ случаѣ жестокостью: сильными проломами, ушибами, вывихами... какъ будто мать, въ припадкѣ истерики, или бѣшенства, конвульсивно умертвила младенца... Поэтому мы думаемъ, что дѣтоубiйство въ подобномъ случаѣ не проистекаетъ отъ растлѣнiя нравовъ; напротивъ того, причиною ему служитъ высшее нравственное развитiе общества: чѣмъ выше общество стоитъ, по своимъ нравственнымъ принципамъ, тѣмъ болѣе встрѣчается у него случаевъ дѣтоубiйства. Взгляните на наши сельскiя общества: молодой парень уходитъ въ солдаты или на оброкъ, въ дальную сторону; жена его каждый годъ рожаетъ безъ него; а онъ всякiй разъ, получая отъ нея цидулку—о рожденiи и крещенiи ребенка, напивается пьянъ съ радости, что Богъ ему послалъ работника... Въ такомъ обществѣ рѣдко встрѣчается дѣтоубiйство, потому что нѣтъ повода къ тому въ самыхъ нравахъ. И такъ корень дѣтоубiйства въ нравахъ, и какъ я выше сказалъ, не растлѣнiе ихъ основа, а напротивъ того, нравственное совершенство человѣка рождаетъ эту болѣзнь... Казалось бы послѣ этого, для уничтоженiя дѣтоубiйства слѣдовало бы ввергнуть человѣчество въ невѣжество и нравственную грубость?.. Къ такимъ результатамъ можетъ только придти близорукiй: та же возвышенная нравственность, которая порождаетъ эту болѣзнь, можетъ излечить общество отъ этой болѣзни, если доискаться ея корня...

Мы далеки отъ того, чтобы проповѣдывать, что рожденiе дитяти внѣ брака дѣлаетъ честь женщинѣ; напротивъ, мы думаемъ, что легальныя условiя брака совершенно необходимы при тѣхъ общественныхъ формахъ, какiя нынѣ существуютъ.

Но общество должно возвыситься до того, чтобы понимать: что рожденiе человѣка въ бракѣ или внѣ брака—зависитъ отъ закона естественнаго, а не отъ закона гражданскаго; поэтому никому не должно быть зачтено въ заслугу, что онъ родился отъ законнаго брака; точно такъ, какъ обратное этому явленiе не должно быть вмѣнено никому въ наказанiе. Этого требуетъ духъ времени, и только въ этой мѣрѣ я вижу дѣйствительное средство противъ возрастающей прогрессiи дѣтоубiйства...

Женщину, во время рожденія дитяти внѣ брака, смущаетъ и потрясаетъ мысль, что она родитъ человѣка, который, какъ общественный отверженецъ, будетъ вѣчнымъ укоромъ ея совѣсти; эта-то мысль приводитъ ее въ отчаяніе, обращающееся часто въ сумасшествіе. Здѣсь борятся въ ней самыя разнообразныя чувства: не столько боится она свѣта и гласности, какъ того, что незаконное ея дитя, узнавъ, что оно безправно, потребуетъ отъ нея отчета въ ея поведеніи... Какими глазами будетъ она на него глядѣть?.. Ей стыдно, для нея позорно то, что она станетъ на судъ собственнаго своего дитяти... Много силы, много твердости нужно несчастной женщинѣ, очень часто совершенно невинной, для того, чтобы превозмочь эту отчаянную борьбу разнородныхъ чувствъ и обязанностей. Уничтожьте же отчаянное положеніе женщины, дайте возможность глядѣть ей прямо въ глаза своимъ дѣтямъ, и нравственная ея пытка уменьшится; быть можетъ, она тогда превозможетъ стыдъ и страхъ свой; такъ какъ инстинктъ матери есть одно изъ сильнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ. Наука открываетъ намъ, что не только беременность, но простая менструація имѣетъ вліяніе на физическое и нравственное состояніе женщины. Откройте любую медицинскую книгу и вы увидите, что неправильная менструація часто развиваетъ въ женщинѣ гипохондрію, меланхолію, сумасшествіе, истерію, пляску св. Витта каталепсическій экстазъ, и другія нервныя болѣзни... Извѣстно, что вся жизнь женщины въ ея органѣ рожденія, и какъ только онъ не находится въ нормальномъ состояніи, въ ней открываются разныя нервныя болѣзни, отъ которыхъ и зависитъ ея нравственное состояніе... Это явленіе мы видимъ при простомъ, не нормальномъ развитіи дѣтородныхъ органовъ у нѣкоторыхъ субъектовъ; а тѣмъ болѣе оно встрѣчается при беременности. Извѣстно, что беременность имѣетъ огромное вліяніе на нравственное состояніе женщины: изъ женщины кроткой дѣлается часто сварливая, капризная тиранка; въ женщинѣ появляются разныя прихоти, неестественныя желанія, суевѣріе, жестокость, меланхолія; и это все происходитъ потому, что женщина беременная живетъ жизнію своего младенца, и отъ того, что нервная ея система находится въ тѣсной зависимости отъ нервнаго развитія носимаго ею дитяти....

Послѣ родовъ первыя недѣли для женщины не менѣе опасны, въ особенности, когда она не кормитъ дитя: природа стремится вырабатывать и выдѣлять въ ея организмѣ молоко, и не находя расхода,

разливается въ немъ и производитъ лихорадочные припадки и часто сумасшествіе. Въ особенности опасно рожденіе на стужѣ и на вѣтрѣ: въ этомъ случаѣ женщина при самомъ рожденіи, подвергнувшись простудѣ, можетъ получить, кромѣ сильной молочной лихорадки и разныя воспаленія, горячешные припадки, истерію, сумасшествіе и т. д. Къ этимъ чисто физическимъ явленіямъ присовокупите еще и нравственныя пытки: стыдъ, страхъ, позоръ... Женщина, какъ я выше сказалъ, отъ самой беременности приходитъ въ раздражительное состояніе; а тутъ еще ее терзаютъ нравственныя муки... Не можетъ ли и это влiять на самый ходъ ея беременности, на развитіе младенца въ ея утробѣ?.. Наука намъ совѣтуетъ, что женщина въ состояніи беременности должна быть чужда страстей, сильныхъ ощущеній отъ радости или горя, должна окружать себя занятіями тихими и мирными, если желаетъ, чтобы исходъ ея беременности былъ благополученъ, и чтобы роды были нормальны. А тутъ женщина терзается самыми ужасными мученіями: ее страшитъ и ея собственное положеніе, и стыдъ, и безчестіе, и безправное состояніе ея будущаго ребенка. Не можетъ ли это влiять на самый исходъ ея родовъ? Не можетъ ли самое развитіе зародыша сдѣлаться отъ этого не нормальнымъ? Не могутъ ли придти ея нервы въ сильное потрясеніе?.. Вообразите себѣ слѣдующую поразительную картину: невинная дѣвица, получившая хорошее образованіе, отдалась по какимъ-нибудь чрезвычайнымъ обстоятельствамъ своему соблазнителю... Она стала матерью: ее осудятъ и свѣтъ, и родители, которыхъ она боготворитъ. Она скрываетъ свою беременность, томится и борется съ разными ощущеніями... наконецъ настала критическая пора: она чувствуетъ приближеніе родовъ. Не сознавая сама своего поступка, она бѣжитъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и не смотря на стужу, ненастье, родитъ на открытомъ воздухѣ, безъ помощи акушерки или бабки... Осудите ли вы подобную женщину за то, что, обезумѣвъ во время родовъ, она сдѣлается убійцею своего ребенка?.. Если бы вы рѣшили вопросъ утвердительно, я въ такомъ случаѣ предложилъ бы: — наказывать сумасшедшихъ и безумныхъ за убійство.... Мы понимаемъ, что то дѣяніе только преступно, гдѣ участвуютъ воля, сознаніе и разумъ; а гдѣ его нѣтъ, тамъ нѣтъ и преступленія. А всѣ эти духовныя силы у роженницы подавлены частью физическими, частью нравственными страданіями: гдѣ же въ поступкахъ ихъ искать и находить признаки преступности?... Быть можетъ, отвѣтятъ, законъ, налагая безусловно

наказаніе за убійство ребенка роженицею, имѣетъ въ виду *устрашительное* начало. . Мы выше видѣли, что *Iорданъ* находитъ, что не смотря на наказанія, полагаемыя законодательствами за убійство незаконныхъ дѣтей, эти преступленія не только не уменьшаются, но увеличиваются въ страшной прогрессіи... Всякое устрашительное начало въ законодательствѣ вообще безсмысленно; но въ особенности оно носитъ этотъ характеръ въ настоящемъ случаѣ. Мы понимаемъ, что можно еще устрашить людей нормальныхъ; но имѣетъ ли эта система силу для людей ненормальныхъ?.. Скажите сумасшедшему, что вы его казните за то, что онъ будетъ драться, и онъ тутъ же поколотитъ васъ... Вотъ почему и смертныя казни Франціи нисколько не уменьшаютъ тамъ дѣтоубійства: потому что законъ обращается тамъ къ людямъ ненормальнымъ... На этомъ основаніи въ наказаніяхъ за дѣтоубійство и не можетъ быть безусловнаго начала въ законодательствѣ: первую роль въ обвиненіи даннаго лица должны играть общественное его положеніе, его возрастъ, нравственное и физическое состояніе, воспитаніе и т. д. Словомъ для того, чтобы составить приговоръ о степени виновности даннаго лица, должна быть разъислѣдована вся его прошедшая жизнь, состояніе его здоровья во время беременности и положеніе его въ обществѣ... Такимъ образомъ я нахожу, что прежде составленія приговора о данной женщинѣ, слѣдуетъ всѣ эти вопросы объизслѣдовать спеціалистами врачами; только одни медики и психіатры могутъ въ этомъ случаѣ опредѣлить въ точности: совершено ли преступленіе съ умысломъ, или безъ сознанія. Мы полагаемъ даже, что вообще по преступленіямъ этого рода присяжными свидѣтелями могутъ быть только одни врачи: только опытный врачъ можетъ понять вполнѣ смыслъ иногда неуловимаго для обыкновеннаго глаза факта.

Обыкновенные судьи, не врачи, часто увлекаются жестокою смертію младенца и безусловно осуждаютъ мать-убійцу... Мы этому явленію не удивляемся: возмутительно видѣть, что дитя умерщвлено матерью съ жестокостью .. Но врачъ въ этомъ самомъ явленіи часто можетъ отыскать признаки невинности матери. Жестокія раны, вывихи, удавленіе, нерѣдко обнаруживаютъ, что мать была въ припадкѣ истеріи или сумасшествія, и одинъ только врачъ опытнымъ глазомъ своимъ можетъ опредѣлить въ точности: какъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилось убійство. На это замѣтятъ, что врачи могутъ производить слѣдствіе, а присяж-

ные свидѣтели по этимъ даннымъ могутъ рѣшить вопросъ: о виновности или невинности даннаго лица... На это отвѣчу: въ Европѣ, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, мы находимъ, что подобныя показанія докторовъ ни къ чему не служатъ. Свидѣтели выслушиваютъ ихъ мнѣнія, но рѣшаютъ дѣло подъ тѣми впечатлѣніями, какія они выносятъ изъ процесса. Вслѣдствіе этого желательно бы было, чтобы въ дѣлахъ объ убійствѣ женщинами дѣтей своихъ свидѣтели были врачи: ихъ-то судъ можетъ только приблизиться къ правдѣ. Быть можетъ, спросятъ меня, откуда набрать столько врачей при данномъ окружномъ судѣ, чтобы они могли замѣнить присяжныхъ свидѣтелей. Мы полагаемъ, что дѣла объ убійствѣ дѣтей такъ важны, что они заслуживаютъ имѣть свой спеціальный судъ; поэтому полезно бы было: назначить въ каждомъ губернскомъ городѣ, при тамошнемъ окружномъ судѣ полу-годовыя или третныя сессіи половиннаго количества всѣхъ врачей цѣлой губерніи для рѣшенія по ассизнымъ формамъ дѣлъ уголовныхъ этого рода. Процессы подобнаго рода въ каждой губерніи немногочисленны и въ сессіи докторовъ они могли бы окончиться въ одну или двѣ недѣли...

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію третьяго вида дѣтоубійства — вытравленія плода. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ: съ какого момента законъ нашъ опредѣляетъ личность человѣка въ утробѣ матери? Наше законодательство придерживается принципа: что съ зарожденіемъ человѣкъ пріобрѣтаетъ личность. Вслѣдствіе этого съ зарожденіемъ человѣкъ пріобрѣтаетъ всѣ права гражданскія по состоянію и по имуществу, и на этомъ же основаніи уголовные наши законы разсматриваютъ вытравленіе плода, какъ преступленіе уголовное, т. е. какъ преступленіе противъ лица: «кто, говоритъ законъ (съ 2011, т. XV. изд. 1857 г.), съ вѣдома и по согласію самой беременной женщины, употребитъ съ умысломъ какое либо средство для изгнанія плода ея, тотъ за сіе подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; а буде онъ по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ и наказанію плетьми черезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статьею 22 сего Уложенія для первой степени наказаній сего рода.»

«*Сама беременная женщина*, которая по собственному произволу или по согласію съ другимъ, употребитъ какое либо средство для изгнанія своего плода, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; а буде она по закону не изъята отъ наказаній тѣлесныхъ и наказанію плетьми чрезъ палачей, въ мѣрѣ

опредѣленной ст. 22 для второй степени наказаній сего рода, т. е. *отъ 10 до 20 ударовъ...* *)

Какъ видите, наказаніе полагается безусловно; но неужели это преступленіе такъ велико, что законодательство не должно признавать никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ и не можетъ обращать вниманія на то: былъ ли плодъ отъ законнаго брака, или отъ внѣ-брачнаго сожительства; отъ молодой или старой женщины; отъ дѣвицы, или отъ замужней и въ первый ли разъ совершено это преступленіе или нѣсколько разъ?..

Мы находимъ, что кромѣ этихъ причинъ и тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя могутъ не рѣдко руководить женщиною, при совершеніи этого преступленія, законодательство должно бы было принять во вниманіе также медицинскія основанія.

Наука убѣждаетъ насъ, что въ періодъ отъ зарожденія дитяти до того времени, какъ женщина почувствуетъ его движеніе, по большей части, единственные признаки беременности суть: тошнота, рвота, головная боль, прекращеніе менструаціи и появленіе молока въ груди. Но тошнота, рвота и прекращеніе менструаціи можетъ быть отъ множества другихъ причинъ; а молоко является въ грудяхъ въ такомъ жидкомъ видѣ и иногда въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что подобное явленіе часто встрѣчается и въ слабыхъ организмахъ во время менструаціи. Такимъ образомъ очень часто и опытные врачи находятся въ недоразумѣніи относительно опредѣленія беременности по этимъ признакамъ, и впадаютъ въ первые мѣсяцы зарожденія дитяти въ ошибки. Поэтому беременныя женщины могутъ въ точности узнать, что въ нихъ есть зародышъ только тогда, когда онѣ почувствуютъ дитя. На этомъ основаніи мы и полагаемъ, что нужно отличать вытравленіе плода въ первый и второй періодъ, когда мать можетъ положительно сказать, что въ ней есть зародышъ. Въ первомъ случаѣ, когда женщина находится еще въ сомнѣніи, и если она предпринимаетъ вытравленіе плода, то видно, что ей извѣстны послѣдствія ея поведенія, что она прямо разсчитывала на возможность быть беременной и силится уничтожить зародышъ, могущій быть въ ней.

Во второмъ случаѣ можно предполагать, что женщина узнала объ опасномъ своемъ положеніи только тогда, когда почувствовала дитя.

---

*) Изъ этихъ двухъ статей слѣдуетъ исключить нынѣ уничтоженное тѣлесное наказаніе.

И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка, который вдругъ видитъ въ опасности свою честь, имя и будущность: не можетъ ли это сильно потрясти его душу и заставить его рѣшиться на все, лишь бы выйдти изъ этого положенія? Извѣстно, что радость матери, состоящей въ законномъ бракѣ, бываетъ велика, когда она почувствуетъ дитя, и обратно: такъ же велика ея скорбь, когда она чувствуетъ дитя, рожденное внѣ брака... Тоска, отчаянье, смущеніе овладѣваютъ ею, а тутъ еще ей нельзя никому открыть своего положенія: она начинаетъ страшиться всѣхъ, и ей становится неловко при людяхъ; ей даже страшно остаться одной. Мрачныя мысли овладѣваютъ ея умомъ, въ особенности, когда соблазнитель ее бросилъ, и когда у нея есть родители, которыхъ она боится... Перенести такія муки — выше человѣческихъ силъ; а между тѣмъ она находится въ неизвѣстности; родится ли отъ нея еще живое существо?... Должна ли она жертвовать для него будущностью, добрымъ именемъ своихъ родителей, и кто знаетъ, быть можетъ, даже ихъ жизнію... Она не видала своего ребенка, въ ней еще нѣтъ привязанности къ нему, она еще не слышала его крика, потрясающаго каждую мать новымъ, необъяснимымъ для нея чувствомъ.. нѣтъ, ей еще не для чего жертвовать собою и семействомъ: во чревѣ ея что-то движется; но это еще не человѣкъ, не живое существо, не беззащитное дитя, простирающее свои слабыя ученки къ матери... Беременная колеблется; притаивъ дыханіе, она страшится вслушаться въ разговоръ знакомыхъ и родственниковъ, которые еще считаютъ ее чистой, безгрѣшной; а она уже знаетъ свой позоръ и свое несчастіе... Можно ли ожидать въ этомъ случаѣ столько мужества, чтобы она сказала людямъ «не вѣрьте, я потеряла свою дѣвственность, я согрѣшила».. Женщина, обманутая мужчиною, становится зла, нетерпѣлива, мстительна, и это совершенно понятно; въ этомъ обманѣ заключается столько подлости, что трудно удержаться отъ взрыва какой-нибудь дурной страсти. И вотъ обманутая женщина рѣшается вымѣстить на комъ-нибудь свое сердце, излить желчь, накопившуюся въ ея груди, и она совершаетъ преступленіе... Но удается ли ей безнаказанно это преступленіе?... Очень часто она сбрасываетъ дитя и сама лишается или жизни, или навсегда теряетъ свое здоровье. Всѣ эти обстоятельства заслуживаютъ болѣе глубокой обработки со стороны науки, и я коснулся ихъ лишь на столько, на сколько это возможно для юриста; на врачахъ же лежитъ святая обязанность заняться разработкою этого вопроса для того, чтобы законодательство могло придти къ болѣе гу-

маннымъ результатамъ. Мы не сомнѣваемся, что врачи наши изъ любви къ наукѣ и человѣчеству займутся болѣе подробнымъ анализомъ этого предмета: несправедливо же допускать, чтобы одному и тому же наказанію подвергался человѣкъ нормальный и ненормальный... Я же имѣю твердое убѣжденіе въ томъ, что женщина, рѣшившаяся сама собою, безъ наущенія, на вытравленіе плода въ первый періодъ, болѣе виновна той, которая, узнавъ только по движенію въ ея утробѣ ребенка послѣдствія своей преступной связи, рѣшается на его изверженіе. Впрочемъ и тутъ нужно еще принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства, усиливающія или ослабляющія преступность: возрастъ, нравственное состояніе и образъ жизни преступницы; равно, въ первый ли разъ совершается ею преступленіе или нѣтъ... Конечно, легче всего поступать по нашему закону: обвинять и наказывать безусловно за вытравленіе плода; тутъ слѣдователю и судьямъ и свидѣтелямъ мало работы. Но справедливо ли это?.. Цѣль закона-возможное осуществленіе правды на землѣ и тѣмъ совершеннѣе онъ, чѣмъ ближе подходитъ къ своему идеалу; — вотъ почему и мы хлопочемъ о томъ, чтобы анализомъ своимъ дать закону возможность — хоть немного приблизиться къ той правдѣ, которая одна можетъ дать счастье народу въ его общественной жизни... Теперь остается еще разсмотрѣть преступленія женщины противъ самой себя и противъ другихъ, и затѣмъ перейдемъ къ анализу самой мѣры наказаній, какія болѣе всего приличны для женщинъ по ихъ специфическимъ преступленіямъ.

Самоубійство считается по нашимъ законамъ тяжкимъ преступленіемъ; такъ смотритъ на этотъ актъ наша церковь. Кто же покусился на свою жизнь и спасенъ другими, тотъ наказывается наровнѣ съ убійцею. Относительно же женщины законъ говоритъ (*), что она не подвергается осужденію церкви или закона, «если она лишитъ или покусится лишить себя жизни для спасенія цѣломудрія и *чести своей* отъ грозившаго ей и никакими другими средствами неотвратимаго насилія». Законъ этотъ въ высшей степени гуманенъ; онъ ставитъ выше всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и религіозныхъ условій цѣломудріе и честь женщины... И въ самомъ дѣлѣ, никакія юридическія и богословскія тенденціи не могутъ ставить преградъ человѣку тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о всей нравственной его сторонѣ, гдѣ съ даннымъ событіемъ соединена вся его внутренняя жизнь. Въ подобномъ случаѣ общественный законъ склоняется предъ законами и чело-

*) Ст. 2053, Улож. о наказаніяхъ изд. 1857 г.

вѣческой природы. Но почему бы законодательству не поступать точно такъ же и въ другихъ случаяхъ?.. Развѣ цѣломудріе и честь женщины часто не компрометируются фактами уже совершившимися, въ которыхъ не участвовали ни воля, ни сознаніе женщины?—такъ напримѣръ при обманѣ, при крѣпкомъ обыкновенномъ или летаргическомъ снѣ, при лунатизмѣ, въ горячкѣ, въ состояніи опьяненія и т. д. Нерѣдко женщина узнаетъ о своемъ позорѣ тогда лишь, когда почувствуетъ первое движеніе ребенка?.. Почему же законодательство выговорило только тотъ случай, когда она рѣшается на самоубійство вслѣдствіе того, что она только этимъ способомъ можетъ отвратить *будущее насиліе*?.. Справедливо ли это?.. Чѣмъ напримѣръ виновна молодая, неопытная дѣвушка, когда только по беременности своей она узнаетъ, въ какую бездну завелъ ее соблазнитель?.. Не можетъ ли она въ подобномъ случаѣ покуситься на самоубійство? И вправѣ ли ее осудить не только законъ гражданскій, но и церковный?.. Только невѣрующій въ возможность нравственной чистоты можетъ отвѣчать отрицательно. Мы же вѣримъ еще въ то, что есть натуры чистыя, невинныя; мы вѣримъ, что чистота нравственная зависитъ отъ воспитанія и обстановки женской жизни, которая исключаетъ не рѣдко всякое вѣроятіе, чтобы данный грѣхъ совершенъ былъ съ умысломъ, съ сознаніемъ его послѣдствій...

Но неужели чести женщинъ можетъ угрожать только одно насиліе? развѣ клевета и пасквиль иногда не бросаютъ на женщину тѣнь или пятно, котораго не смоешь ничѣмъ?.. ненависть, злоба, мщеніе, ревность—развѣ не бываютъ иногда основаніемъ самыхъ нелѣпыхъ и позорныхъ клеветъ?.. А извѣстно: общество скорѣе готово повѣрить всему дурному, нежели хорошему. Каждый изъ насъ, я думаю, испыталъ эту истину въ большей или меньшей степени. И замѣчательно, чѣмъ выше стоитъ человѣкъ въ общественной жизни, тѣмъ легче прививается къ нему клевета... Точно такъ же и въ отношеніи женщины; чѣмъ выше она стоитъ по ея уму, талантамъ и красотѣ, тѣмъ легче ее оклеветать: самый нелѣпый, самый вздорный слухъ — кладетъ клеймо на ея доброе имя... Послѣднее явленіе чаще всего встрѣчается въ провинціяхъ: вашихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, сосѣдей и не сосѣдей, друзей и враговъ, — интересуетъ все, что прямо или косвенно относится къ вамъ. Начиная отъ десятника до исправника, отъ продавца яблокъ до городского главы—каждаго интересуетъ, вслѣдствіе любознательности, сколько разъ вы высморкались въ день, сколько вы съѣдаете за обѣдомъ, отелилась ли ваша корова или нѣтъ... И всѣ эти новости, въ высшей

степени интересныя, переходятъ изъ устъ въ уста, и пока дойдутъ къ десятому человѣку—сморканіе носа выставляется какъ смертельная болѣзнь, отеленіе коровы какъ уголовный проступокъ, а хорошій, аппетитъ какъ азартная игра. Вообще общество склонно къ преувеличенію; въ особенности же это проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о женщинѣ... Здѣсь самый серьезный человѣкъ, не увлекающійся никакими слухами вообще и въ частности — нелѣпыми толками, становится въ тупикъ и невольно, по безсознательному чувству, воскликнетъ: — «Я всегда ожидалъ подобный исходъ отъ этой дѣвочки; ей давали много воли... «Вольно же мужу быть колпакомъ и подъ башмакомъ жены».

Но при этомъ мудрый восклицатель забываетъ то обстоятельство, что извѣстившій его о преступности женщины, по большей части основывается на сплетняхъ кухарокъ, кучеровъ, лакеевъ и т. д.

Такова къ сожалѣнію провинціальная общественная жизнь не только въ Россіи, но вообще во всей Европѣ... Вотъ почему въ обществѣ чести женской скорѣе можетъ угрожать опасность отъ человѣческаго языка, нежели отъ насилія, и на эту-то черту нашей жизни законодательство должно бы было обратить особенное вниманіе. Но предметъ этотъ выходитъ изъ программы настоящей статьи и относится вообще къ клеветѣ; здѣсь же мы скажемъ, что 2023 статью том. XV слѣдовало бы дополнить слѣдующимъ образомъ: «что женщина за покушеніе на жизнь свою не подвергается наказанію въ томъ случаѣ, когда грозитъ опасность ея цѣломудрію или чести насиліемъ клеветою и другими обстоятельствами, могущими компрометировать ея честь».

Справедливъ также законъ (*), который не вмѣняетъ въ преступленіе *смертоубійство*, когда оно произошло вслѣдствіе обороны женщиною или другимъ лицомъ ея цѣломудрія или ея чести... Но здѣсь мы необходимо должны указать: 1) на непрактичность этого закона; 2) на его неопредѣлительность. 2020 ст. допускаетъ невмѣняемость смертоубійства въ томъ лишь случаѣ, когда въ дѣлѣ находятся обстоятельства, изъясненныя въ ст. 113, 114, 115, том. XV.

Изъ послѣднихъ—ст. 114 есть повтореніе статьи 2090; статьи же 113 и 115 требуютъ слѣдующихъ условій для необходимой обороны:

---

*) 113, 114, 115, 2020, ст. том. XV изд. 1857 г.

когда отъ нападенія, при невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства, дѣйствительно подвергалась опасности жизнь, здоровье, или свобода оборонявшагося. По смыслу же ст. 114 и 2020, къ этому закону нужно прибавить слова: «честь и цѣломудріе женщины».

Спрашиваемъ: чѣмъ подсудимая докажетъ, что она не могла дать знать о совершающемся надъ ней преступленіи начальству?... И чѣмъ она докажетъ, что лицо ею умерщвленное покушалось на ея честь и цѣломудріе?.. Въ подобныхъ дѣлахъ не можетъ быть свидѣтельскихъ показаній: такія дѣла совершаются всегда втайнѣ... Конечно могутъ быть случаи, когда подсудимая можетъ доказать преступные замыслы убитаго показаніемъ знавшихъ лицъ, что онъ ее преслѣдовалъ, или что писалъ ей о своей любви... А если всего этого нѣтъ? если убитый дѣйствовалъ втайнѣ, скрывалъ свои замыслы, и напалъ на свою жертву такъ, что она при самой оборонѣ какимъ-нибудь орудіемъ причинила ему смерть? То какъ въ этомъ случаѣ поступать? Какія доказательства требовать отъ убійцы?... Естественно, что вся прошедшая жизнь подобной женщины должна свидѣтельствовать за нее или противъ нея... Если слѣдствіе обнаруживаетъ, что эта женщина вела жизнь примѣрную, добродѣтельную, и что у нея не было никакихъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ причинъ совершить убійство, то естественно, что ея показаніе должно быть принято какъ неопровержимое. А если обратно: преступница, скрывая втайнѣ свои замыслы, дала такую обстановку всему дѣлу, что выходитъ, будто она совершила убійство вслѣдствіе необходимой обороны, то какъ въ такомъ случаѣ поступать? Конечно въ подобномъ случаѣ долженъ остаться одинъ только судъ совѣсти; здѣсь становится несостоятельнымъ законъ внѣшній и судъ человѣческій. Но при разсмотрѣніи вышеприведеннаго мною закона встрѣчается еще слѣдующее обстоятельство: въ немъ сказано, что необходимая оборона тогда признается дѣйствительною, когда обороняющійся не имѣлъ возможности дать знать о своей опасности начальству... Но дѣло въ томъ, что при случайномъ и неожиданномъ насиліи скорѣе могутъ играть роль сосѣди, жильцы даннаго дома или квартала, нежели начальствующія лица. Слѣдовательно о необходимой оборонѣ слѣдовало бы вообще сказать, что первую попытку обороняющійся долженъ сдѣлать, чтобы призвать къ себѣ на помощь сосѣдей или жильцовъ, и только въ экстренныхъ случаяхъ онъ можетъ безъ этого призыва прибѣгнуть къ оружію въ защитѣ своей. Такъ

напримѣръ: если кто-нибудь ломится ко мнѣ въ ворота, то я обязанъ прежде звать къ себѣ на помощь; но когда на меня произведено уже нападеніе, то я имѣю право нанести смертельный ударъ. Въ дѣлахъ же объ оскорбленіи цѣломудрія и чести женщинъ, не можетъ быть и этой постепенности; здѣсь важенъ одинъ моментъ и часто страхъ женщинъ, при нечаянности нападенія, бываетъ такъ великъ, что языкъ остается скованнымъ и она безмолвно отдается на жертву нападающаго, и только по совершеніи надъ нею преступленія она приходитъ въ ярость, пріобрѣтаетъ способность движенія и умерщвляетъ оскорбителя. Бываютъ даже такіе случаи, что женщина имѣла полную возможность отвратить преступленіе однимъ крикомъ, такъ какъ въ сосѣдствѣ были люди; но этого она не сдѣлала безсознательно, вслѣдствіе нечаянности нападенія... Можно ли подобную женщину осудить?.. Здѣсь вся прошедшая жизнь женщины, ея отношенія къ убитому, ея характеръ, свойство души и совѣсть ея — могутъ быть свидѣтелями за нее или противъ нея, и судъ долженъ съ большою осторожностью объизслѣдовать все касающееся этихъ предметовъ для того, чтобы придти къ положительному заключенію о степени виновности или невинности даннаго лица.

Законы о необходимой оборонѣ не имѣютъ также достаточной опредѣленности: они говорятъ только о насильственномъ нападеніи на цѣломудріе и честь женщины... А публичное оскорбленіе ея позорнымъ образомъ не можетъ ли вызвать также обороны?.. Быть можетъ, замѣтятъ, что это относится къ обидамъ. Положимъ такъ, но дѣло въ томъ, что можетъ ли присутствіе и защита зрителей ослабить то оскорбленіе, которое нанесено публично женщинѣ?.. Оскорбленный мужчина можетъ достигнуть удовлетворенія, такъ или иначе: судомъ, оружіемъ, кулаками; и въ свѣтѣ онъ найдетъ опору для своего оправданія. Но женщина, оскорбленная публично, можетъ потерять доброе имя, и съ тѣмъ вмѣстѣ свое положеніе въ обществѣ. Поэтому законы въ отношеніи оскорбленія женщинъ должны быть очень строги; публичное оскорбленіе женщины должно разсматриваться, какъ посягательство не только на честь, но и на жизнь ея. Въ Норвегіи мы встрѣчаемъ законъ, по которому за публичное оскорбленіе женщины слѣдуетъ смертная казнь, развѣ только оскорбленная женщина будетъ просить помилованія преступника... Вотъ почему законъ долженъ быть снисходителенъ къ женщинѣ, когда оскорбленная публично она причинитъ тутъ же смерть оскорбителю: въ

этомъ случаѣ можетъ осудить ее только ея совѣсть, но не юридическій законъ.

Изъ всего сказаннаго мною о женскихъ видовыхъ преступленіяхъ читатель легко можетъ усмотрѣть, что они вовсе не проистекаютъ, какъ многіе полагаютъ, изъ безнравственнаго состоянія общества; напротивъ того, чѣмъ цивилизованнѣе данное общество, чѣмъ выше развита нравственная его сторона, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ женскія преступленія. И естественно, невѣжественная женщина не можетъ чувствовать и сознавать всю глубину своего паденія и позора; да и среда, въ которой она движется, глядитъ на ея развратъ снисходительно, и хотя находитъ въ ея поступкѣ грѣхъ, но не извергаетъ ее изъ своей среды. Другое дѣло въ положеніи женщины, принадлежащей къ образованному обществу: послѣднее никогда не проститъ ей нарушенія своихъ условій; оно извергаетъ изъ среды своей нарушительницу ея нравовъ, и кладетъ на всю ея жизнь клеймо позора. Конечно, при такомъ положеніи своемъ, женщина образованной среды подстрекается такими нравственными двигателями, которые могутъ скорѣе повести ее къ преступленію, нежели женщину неразвитую. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на женскія видовыя преступленія; поэтому судебная власть и законодательство—*съ одной стороны*—должны обращать особенное вниманіе на вмѣняемость проступка; *съ другой стороны*—на опредѣленіе рода наказанія.

Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ законодательство не найдетъ достаточныхъ ни нравственныхъ, ни физическихъ поводовъ къ невмѣняемости проступка, оно должно опредѣлить извѣстную мѣру наказанія.

Но соотвѣтствуютъ ли наказанія, опредѣляемыя нашимъ закономъ, характеру женскихъ преступленій?.. Едва ли!...

Каторжная работа на заводахъ; равно ссылка на поселеніе въ Сибирь можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ удовлетворительною мѣрою для женщинъ совершенно павшихъ, т. е. для такихъ, которыя изъ одной прихоти и порока торгуютъ своимъ позоромъ и совѣстью; которыя потеряли всякое человѣческое чувство; которыя безъ всякихъ нравственныхъ или иныхъ сильныхъ поводовъ совершили преступленіе съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ своего проступка. Но для женщинъ, которыя не совмѣщаютъ этихъ условій, работа на заводахъ, равно ссылка въ Сибирь, есть наказаніе на столько же незаслуженное, на сколько оно не достигаетъ своей цѣли и вообще не удовлетворяетъ общечеловѣ-

ческимъ стремленіямъ. Извѣстно, что нерѣдко женщина, которая, совершивъ преступленіе подъ вліяніемъ страстей и разныхъ враждебныхъ ея, положенію обстоятельствъ, подъ вліяніемъ той исправительной мѣры, которая разумно употребляется, можетъ сдѣлаться еще нравственною, можетъ быть полезною себѣ и обществу. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно молодыхъ дѣвицъ: дурное воспитаніе, вѣтренность, нерѣдко чисто физическія причины, как. естественныя послѣдствія ненормальнаго развитія или нервности дѣвицъ, побуждаютъ ихъ къ проступкамъ... Но достигнувъ возмужалости, при хорошемъ направленіи онѣ становятся нравственными и добрыми женами и матерями... Можетъ ли въ такомъ случаѣ строго наказывать ихъ законъ и глядѣть на нихъ, какъ на людей нормальныхъ? И какую пользу принесетъ человѣчеству судъ, когда онъ подобную дѣвицу или молодую женщину сошлетъ на работы на заводы? Не бываетъ ли отъ этого одинъ только вредъ? Женщина, которая могла бы еще быть полезна обществу, въ изгнаніи или въ каторгѣ предается мало-по-малу окончательно пороку, и такимъ образомъ погибаетъ для общества и для жизни. Сообщество людей развратныхъ, ихъ циническіе, грязные наклонности и разговоры, нужда, тяжелый переходъ на мѣсто ссылки, потомъ непривычный тяжелый трудъ, нечистота, немощь безъ надлежащаго медицинскаго надзора, отсутствіе нравственной опоры, безнадежность положенія въ будущемъ—все это дѣйствуетъ тлѣтворно на женскую душу, на ея нравственность, и если въ ней осталась хоть капля душевныхъ силъ, то и она изсякаетъ .. жалкое состояніе!.. И за что наказана такъ жестоко женщина? За то, что она изъ *стыда* и *страха* лишиться добраго имени, или другими словами: во имя всего святого человѣку, въ порывѣ безумія посягнула на преступленіе или совершила проступокъ... Можно ли сочувствовать такому порядку вещей? Можно ли не желать облегченія участи этихъ несчастныхъ жертвъ воспитанія, семейной обстановки, общественныхъ условій; этихъ несчастныхъ жертвъ—иногда только простыхъ прихотей мужчинъ?.. И потому мы полагаемъ, наше законодательство должно за видовыя женскія преступленія вмѣнять въ наказаніе одно только заключеніе въ исправительномъ домѣ.

Число чисто женскихъ преступленій въ Россіи не такъ велико, чтобы система эта могла быть обременительною для государства; нѣсколько исправительныхъ домовъ могли бы быть достаточными, для вмѣщенія въ себѣ всѣхъ преступницъ этого рода.

При этомъ предположеніи мы не можемъ не остановиться вообще на жалкомъ и безотрадномъ положеніи нашихъ тюремныхъ замковъ. Нечистота, тѣснота, неудобство размѣщеній, отсутствіе гуманныхъ мѣръ, могущихъ благотворно дѣйствовать на заключенныхъ,—вотъ существенныя черты этихъ заведеній, играющихъ такую важную и серьезную роль въ общественной нашей жизни. Къ сожалѣнію, надо сказать вообще, что въ Европѣ очень мало государствъ, которыя могли бы похвалиться повсемѣстнымъ устройствомъ у себя хорошихъ тюремъ. Въ этомъ отношеніи можно указать только на частности, на отдѣльныя тюрьмы, но не на общую систему.

Такъ напримѣръ—возьмемъ Францію:

Въ сороковыхъ годахъ правительство, возбужденное юридическою литературою къ произведенію реформы, такъ какъ господствующая система наказаній признавалась несостоятельною, изготовило, въ 1843 году, проектъ и предложило его палатѣ депутатовъ.

Палата разсмотрѣла проектъ и утвердила въ немъ слѣдующія начала: 1) для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ установляется уединенное заключеніе. 2) Каторжная работа на галерахъ отмѣняется. 3) Лишеніе свободы должно имѣть слѣдующіе виды: a) заключеніе въ смирительныя дома (maisons de reclusion); b) заключеніе въ тюрьмѣ (maison d'emprisonement); 4) для женщинъ и для малолѣтнихъ преступниковъ должны быть учреждены особыя заведенія; 5) во всѣхъ заведеніяхъ должна быть введена *система уединеннаго заключенія*, которое должно продолжаться только до 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ преступники должны быть высылаемы за предѣлы Франціи; 6) преступники, содержащіеся въ сихъ заведеніяхъ, должны быть сколько возможно чаще посѣщаемы духовными врачами и другими лицами.

Въ такомъ видѣ проектъ поступилъ въ палату перовъ, въ 1844 г. и по распоряженію ея переданъ на заключеніе префектамъ и судебнымъ мѣстамъ. Собранныя такимъ образомъ мнѣнія были отпечатаны; но въ нихъ не заключается ничего замѣчательнаго, что могло бы подвинуть науку впередъ. Только особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе кассаціоннаго суда и въ особенности члена его *Беранже*. Кассаціонный судъ призналъ нужнымъ устранить уединенное заключеніе по отношенію къ лицамъ состоящимъ подъ слѣдствіемъ Относительно лишенія свободы кассаціонный судъ замѣтилъ: что хотя проектъ установилъ 3 рода тюремныхъ домовъ, но такъ какъ въ нихъ принята одна и та же система уединеннаго заключенія, то ничѣмъ не отличаясь

другъ отъ друга, они не могутъ имѣть надлежащаго впечатлѣнія на народъ.

По предмету ссылки преступниковъ послѣ 10-лѣтняго заключенія, кассаціонный судъ сказалъ, что въ проектѣ не объяснены ни причины, ни самое свойство этого новаго наказанія. Но важнѣе всего замѣчаніе кассаціоннаго суда, что для политическихъ преступниковъ не должно быть сдѣлано никакого исключенія.

Апелляціонные суды большею частью высказались въ пользу совершеннаго уединенія преступниковъ, и единственное видоизмѣненіе въ ихъ мнѣніяхъ было то, что одни хотѣли примѣнить ее ко всѣмъ категоріямъ преступленій, а другіе только къ нѣкоторымъ.

Вообще сужденія аппелляціонныхъ судовъ были односторонни и болѣе касались системы наказанія, нежели разсмотрѣнія вопроса объ отношеніи наказаній къ гражданскимъ правамъ преступниковъ. Одинъ только изъ апелляціоныхъ судовъ призналъ, что рѣшеніе этого вопроса находится въ тѣсной связи съ введеніемъ пенитенціарной системы; по его мнѣнію одно только заключеніе въ *maisons des travaux forcés* должно сопровождаться лишеніемъ чести. Суды же: Амієнскій и Кольмарскій осуждаютъ весь проектъ и говорятъ, что составители его не имѣли никакого понятія о тѣхъ препятствіяхъ, какія могутъ встрѣтиться при его исполненіи. Замѣчанія префектовъ заключаютъ въ себѣ только небольшой запасъ практическихъ свѣденій.

Получивъ весь этотъ матеріалъ, правительство составило редакціонную коммисію, которая предложила новый проектъ, представленный палатѣ перовъ 25 января 1847 года.

Редакторомъ этого проекта былъ *Беранже,* членъ кассаціоннаго суда, возразившій противъ мѣры 1843 года. Здѣсь въ первый разъ является въ палатѣ перовъ вопросъ о пенитенціарной системѣ во всемъ свѣтѣ. Весь проектъ хотя заключаетъ въ себѣ много недостатковъ, но замѣчателенъ по своимъ гуманнымъ началамъ. Главнымъ принципомъ въ системѣ наказаній было принято: *лишеніе свободы.* Ссылка послѣ 12-ти-лѣтняго заключенія была отмѣнена и коммисія, имѣя въ виду опыты, сдѣланные въ Англіи, объявила себя противъ ссылки и одобрила предположеніе правительства объ учрежденіи особыхъ заведеній для каторжныхъ. Начала уединеннаго заключенія должны быть примѣнены и къ женщинамъ: политическіе преступники должны подвергнуться тому же наказанію. Управленіе заведеніями должно имѣть характеръ религіозный, и потому директорами и смотрителями въ нихъ должны быть лица

принадлежащія къ религіознымъ корпораціямъ, по примѣру заведеній, учрежденныхъ для содержанія женщинъ, гдѣ имѣютъ надзоръ les soeurs pénitentiaires de St. Joseph, и центральнаго дома въ Нимѣ, гдѣ введены les frères de la doctrine chrétienne. Далѣе коммисія находила нужнымъ имѣть попеченіе о преступникахъ, получившихъ свободу, по истеченіи срока наказанія.

И такъ мы видимъ, что проектъ этотъ съ одной стороны вводитъ гуманныя начала любви и милосердія; а съ другой—прикрываясь клерикальнымъ направленіемъ, допускаетъ систему уединенія, которая можетъ имѣть смыслъ тогда лишь, когда въ этомъ наказаніи есть извѣстная логическая постепенность; когда она имѣетъ единственною своею цѣлью не караніе, а исправленіе человѣка; когда она своимъ направленіемъ не умерщвляетъ въ человѣкѣ его физическія и нравственныя силы, а напротивъ того содѣйствуетъ ему выйдти изъ заведенія полнымъ физическихъ и нравственныхъ силъ для будущей общественной дѣятельности. Въ такомъ только смыслѣ мы и понимаемъ пенитенціарную систему; въ противномъ случаѣ система эта становится жесточе и зловреднѣе не только ссылки и каторжной работы, но даже самой смертной казни. Какая, напримѣръ, милость для человѣка, когда вмѣсто мгновеннаго прекращенія его жизни, его засаживаютъ въ сыромъ и темномъ казематѣ, безъ свѣжаго воздуха, безъ сытной пищи, безъ сообщества людей, безъ пищи для ума, и притомъ съ убѣжденіемъ, что состояніе его не улучшится до тѣхъ поръ. пока Богу не угодно будетъ окончить его страданій смертію. Не лучше ли самая ужасная казнь, нежели подобная жизнь?.. Не можетъ ли подобное состояніе повести человѣка къ сумасшествію или идіотизму?.. Мнѣ случалось встрѣчаться съ лицами, которыя въ молодыхъ лѣтахъ были посажены въ казематы, и, выпущенныя оттуда, послѣ 12-лѣтняго содержанія, они стали совершенные автоматы; между тѣмъ какъ они вступали въ казематы съ свѣтлымъ умомъ и блестящими способностями... Но возвратимся къ реформамъ Франціи.

Съ паденіемъ Люи-Филиппа казалось бы, что республиканская Франція сдѣлаетъ еще болѣе твердый шагъ на этомъ поприщѣ; но вышло противное... Съ одной стороны національное собраніе выдвинуло слишкомъ либерально вопросъ о политическихъ преступникахъ; съ другой пренебрегло положеніемъ другихъ преступниковъ. Въ отношеніи первыхъ большая часть членовъ національнаго собранія были противъ уединеннаго заключенія, а относительно вторыхъ, во вниманіе къ бѣдственному состоянію рабочаго класса, всѣ работы въ тюрьмахъ были уничтожены

декретомъ отъ 24-го марта 1848 г. Декретъ этотъ есть плодъ соціальной пропаганды, но онъ подобно другимъ соціальнымъ декретамъ того времени, не могъ долго просуществовать; 9-го января 1849 года декретъ этотъ былъ ограниченъ, а 25 февраля 1852 года совсѣмъ отмѣненъ. Плоды декретовъ запрещавшихъ въ тюрьмахъ работы были самые гибельные: арестанты, оставаясь праздными, теряли нравственныя и физическія силы и сверхъ того лишались возможности имѣть въ заключеніи самыя необходимыя удобства жизни, потому что правительство лишило ихъ средствъ заработывать деньги, но не придумало средства увеличить ихъ содержаніе... Правительство это сознало еще въ 1848 году, но работы окончательно возстановлены въ тюрьмахъ только въ 1852 г.

Еще раньше 1852 года правительство вслѣдствіе политическаго положенія страны вынуждено было въ національномъ собраніи снова возбудить вопросъ о политическихъ преступникахъ... Всѣмъ извѣстны причины, вызвавшія этотъ предметъ на законодательное обсужденіе: соціальная революція и диктаторство Каваньяка вынудило національное собраніе для политическихъ преступниковъ опредѣлять ссылку... Но при этомъ національное собраніе рѣшило еще одинъ вопросъ, который дѣлаетъ честь Франціи, а именно: я говорю объ изданіи законодательнымъ корпусомъ въ 1850 году 3-хъ законовъ о малолѣтнихъ преступникахъ... Законами этими опредѣлено: принять мѣры, чтобы молодые преступники, подвергшіеся слѣдствію съ лишеніемъ свободы, и приговоренные къ наказаніямъ, получали нравственное и религіозное воспитаніе и обучались ремесламъ. А тѣ, которые освобождены отъ наказаній за преступленія, совершенныя ими по недостатку разсудка, и не могутъ быть отданы родителямъ, воспитывались бы вмѣстѣ въ пенитенціарныхъ колоніяхъ. Туда же должны быть отправлены и тѣ, которые присуждены къ заключенію въ тюрьму, на время отъ 6 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Здѣсь, въ первые 3 мѣсяца, они должны быть заключены въ особое отдѣленіе и заниматься работами, требующими сидячаго положенія, потомъ, если они вели себя хорошо, употребляются въ работы, относящіяся къ земледѣлію. Сверхъ того какъ во Франціи, такъ и въ Алжирѣ должны быть устроены исправительныя колоніи для молодыхъ людей, приговоренныхъ къ тюремному заключенію на время болѣе двухъ лѣтъ, и малолѣтнихъ преступниковъ, которые вели себя постоянно худо въ колоніяхъ пенитенціарныхъ. Здѣсь въ продолженіе первыхъ 6 мѣсяцевъ они содержатся въ заключеніи и только по

истеченіи этого срока могутъ быть допускаемы къ земледѣльческимъ занятіямъ. Продолженіе существованія подобныхъ заведеній, учрежденныхъ частными лицами, каковы суть: земледѣльческія колоніи въ Bordeaux, Marseille, Lion, Rouen, и проч. признано закономъ; но они подчинены строгому надзору правительства, которому помогаютъ благотворительныя общества...

Другіе же роды и виды наказаній не имѣли такого благопріятнаго развитія во Франціи.—Въ 1851 году по этимъ предметамъ возникли вновь слѣдующіе вопросы: 1) устраненіе во всѣхъ заведеніяхъ содержанія мужчинъ съ женщинами; 2) уничтоженіе каторжной работы на галерахъ; 3) уничтоженіе заключенія въ смирительномъ домѣ; 4) устройство тюремныхъ заведеній согласно съ началами уединеннаго заключенія, съ сокращеніемъ установленныхъ сроковъ; 5) для нѣкоторыхъ родовъ преступниковъ установить ссылку; 6) для освобожденныхъ изъ тюремныхъ замковъ устроить земледѣльческія колоніи...

Но проектъ этотъ не осуществился: декабрьскій переворотъ и вторая французская имперія внесли въ правительство убѣжденія и начала, которыя согласовались не столько съ требованіемъ науки и жизни, сколько необходимы были для императорской политики. Вслѣдствіе этого декретомъ отъ 27 марта 1852 года было постановлено: 1) для каторжныхъ устроить пенитенціарныя колоніи. 2) континентъ Франціи освободить отъ каторжныхъ, выпущенныхъ изъ галерныхъ заведеній, по истеченіи срока наказанія. 3) Основать въ Гвіанѣ колонію посредствомъ преступниковъ.

Уставъ о ссыльныхъ окончательно опредѣленъ декретомъ отъ 3 мая 1854 года. На основаніи этого устава, каторжныя работы остаются и назначаются по прежнему въ судебныхъ приговорахъ, исключая преступниковъ, имѣющихъ болѣе 60 лѣтъ отъ роду, которые освобождаются отъ этого наказанія; но при исполненіи приговора, приговоренные къ каторжнымъ работамъ ссылаются въ отдаленныя колоніи, гдѣ присуждаются къ самымъ тяжкимъ работамъ. Женщины могутъ быть ссылаемы; онѣ помѣщаются въ колоніяхъ отдѣльно отъ преступниковъ мужескаго пола и также занимаются работами. По истеченіи срока наказанія, приговоренные къ каторжнымъ работамъ, на время болѣе 8 лѣтъ, должны оставаться въ колоніи до конца жизни. Кто хочетъ отлучиться изъ колоніи на время, тотъ долженъ имѣть особое дозволеніе...

Во Франціи никто не можетъ возвращаться, не исключая и помилованныхъ, если въ указѣ о помилованіи не упомянуто о томъ опредѣленно.

За нарушеніе предписаній законъ угрожаетъ строгими наказаніями. Для поощренія ссыльныхъ къ трудолюбію и доброму поведенію, отличающимся въ этомъ отношеніи дозволяется работать для жителей колоніи или для заведенія, или назначаются участки земли для обработки ихъ на собственный счетъ, которые впрочемъ отдаются имъ въ собственность не прежде истеченія срока наказанія...

По усмотрѣнію правительства, можетъ быть предоставлено ссыльнымъ пользованіе всѣми или нѣкоторыми гражданскими правами, можетъ быть также дозволено пользованіе и распоряженіе имуществомъ вполнѣ или отчасти.

И такъ мы видимъ, что эта система не столько гуманна, сколько носитъ на себѣ политическій характеръ; она не столько хлопочетъ объ исправленіи человѣка и гражданина, какъ о томъ, чтобы очистить государство отъ плевелъ и ввести колонизацію въ широкихъ размѣрахъ. Мы согласны съ тѣмъ, что подобная система можетъ оправдываться политическими побужденіями въ будущемъ... Но неужели всѣ общества, всѣ государства, живутъ для одного только будущаго? Неужели Богъ ничего не далъ человѣчеству для его настоящаго? Неужели человѣкъ въ потѣ лица и цѣною крови работаетъ тысячелѣтія единственно для одного грядущаго?.. Едва ли это законъ природы!.. такъ мыслить, значитъ не оставлять ничего для настоящей жизни; значитъ отнимать у человѣка его общественное значеніе и его индивидуальность; значитъ и грядущимъ поколѣніямъ предоставить только трудъ для одного будущаго: такъ какъ каждый вѣкъ имѣетъ свои заблужденія, свои погрѣшности, свои несовершенства. Вотъ почему мы не можемъ допускать политическихъ принциповъ безъ гуманнаго направленія, безъ явной пользы человѣчеству, и на этомъ основаніи мы считаемъ безсрочную ссыльную французскую систему нарушеніемъ общечеловѣческихъ правъ, нарушеніемъ всего, что только свято человѣку...

Такой характеръ носитъ на себѣ вообще ссылочная французская система; относительно же политическихъ преступниковъ, эта система носитъ на себѣ еще болѣе жестокій характеръ...

Диктатура Каваньяка и политики находили, что для политическихъ преступниковъ нельзя возстановить смертной казни, осужденной цѣлой націею и павшей такъ блистательно въ 1848 году; поэтому они изобрѣли ссылки на маркизскіе острова *). И преступники, которые

*) Законами отъ іюня 1850 г. и отъ 10 іюля 1853 года.

должны были подлежать смертной казни, если бы она не была отмѣнена, содержатся на островахъ въ заключеніи и должны заниматься работами.

Здѣсь мы видимъ, что правительство сдѣлало не столько уступку общественному мнѣнію, сколько скрыло отъ глазъ народа политическія жертвы; ссылка за политическія убѣжденія и каторжная работа дѣйствуютъ не такъ сильно на нервы народа, какъ смертная казнь... Разница была бы огромная, если бы правительство возвело на эшафотъ за политическія идеи 1000 человѣкъ въ годъ, или отправляло бы ежегодно въ каторжную работу на всю жизнь 10 тыс. Естественно, что въ первомъ случаѣ народное чувство было бы сильнѣе потрясено, нежели во второмъ; въ сущности же обществу отъ этого не сдѣлалось нисколько не лучше; напротивъ того, пожизненная каторжная работа хуже самой мучительной смертной казни.

Такимъ образомъ ссылочная реформа 1850, 1853 и 1854 годовъ, нисколько не улучшила уголовное правосудіе во Франціи ни въ отношеніи общихъ преступленій, ни въ отношеніи политическихъ. И хотя ссылка сдѣлалась преобладающею системою уголовныхъ наказаній, но тюремныя мѣста не совсѣмъ еще потеряли тамъ свое значеніе. Но при этомъ мы не можемъ не сказать, что ссылочная система прекратила всякое стремленіе правительства къ усовершенствованію тюремнаго заключенія, хотя правительство еще въ 1849 году учредило особенное присутственное мѣсто, состоящее изъ 25 лицъ, которымъ поручено наблюдать надъ всѣми тюремными заведеніями и предлагать мѣры къ улучшенію ихъ состоянія; равно учреждена коммисія генералъ-инспекторовъ, на которую возложена обязанность наблюдать за тюрьмами... Однако же изъ отчетовъ министерства мы открываемъ, что заключеніе во французскихъ тюрьмахъ крайне тягостно для преступниковъ... Еще въ центральныхъ заведеніяхъ: въ Тулонѣ и Брестѣ жизнь преступниковъ коекакъ сносна, но въ центральныхъ тюрьмахъ жизнь рѣшительно не стерпима. Вслѣдствіе этого преступники, назначаемые въ послѣднія мѣста, одно изъ двухъ: или просятъ добровольно подвергнуть ихъ ссылкѣ, или же совершаютъ такія преступленія, по которымъ они должны подвергнуться содержанію въ центральныхъ заведеніяхъ. Тюрьмы французскія отличаются также тѣснотою и неудобствомъ размѣщенія преступниковъ; вслѣдствіе чего смертность между ними простирается до 7 процентовъ въ годъ. Нравственное же состояніе заключенныхъ въ этихъ тюрьмахъ въ самомъ жалкомъ видѣ; поэтому безправ-

ственность усиливается въ этихъ заведеніяхъ и число случаевъ повторенія преступленій возростаетъ постоянно... А между тѣмъ, во французскія тюрьмы поступаютъ ежегодно почти до 100,000 человѣкъ. Какое же право имѣетъ не только правительство, но и государство ежегодно подвергать бѣдствіямъ, страданіямъ и нравственной заразѣ такую огромную массу людей, могущихъ еще быть полезными человѣчеству и себѣ?... И кто причиною проступковъ, совершенныхъ этими несчастными — какъ не само общество и государство? Кто виновенъ, что человѣкъ не получаетъ надлежащаго положенія въ обществѣ — какъ не само общество и государство? Не виновенъ ли въ томъ нашъ общественный строй, наши условія, наши обычаи, наши политическіе и гражданскіе принципы? Почему же будучи виновно само въ общественномъ растлѣніи, государство не употребляетъ кроткихъ и великодушныхъ мѣръ для исправленія преступниковъ?.. Если мы сами виновны въ данномъ злѣ, то по крайней мѣрѣ обязанность наша, по возможности, исправить это зло... И если нашъ общественный строй и наши принципы препятствуютъ намъ слѣдить за воспитаніемъ и развитіемъ каждаго своего члена и если государство не можетъ заботиться о нуждахъ и потребностяхъ каждаго отдѣльнаго человѣка, то по крайней мѣрѣ жертвы случайностей и разнородныхъ обстоятельствъ жизни должны быть приняты подъ защиту закона. Поэтому главною цѣлью тюремнаго заключенья должно быть только исправленіе того нравственнаго зла, которое внесено въ преступниковъ самимъ же обществомъ. Въ этомъ случаѣ кара или другими словами, устрашительное начало должно играть второстепенную роль, потому что въ этомъ случаѣ государство беретъ преступника въ свое исправительное заведеніе точно такъ, какъ беретъ больного въ госпиталь...

Такъ смотрѣла и французская кадемія политическихъ и нравственныхъ наукъ на это дѣло: вотъ почему когда въ 1850 году было отпечатано по этому предмету разсужденіе *Феррюса* подъ заглавіемъ «des prisoniers de l'emprisonement et des prisons», то она поручила извѣстному французскому врачу *Лелю* написать на это сочиненіе критику и представить ей отчетъ.

Главная мысль Феррюса заключалась въ томъ, чтобы распредѣлить преступниковъ на классы, сообразно ихъ нравственному и физическому состоянію; вслѣдствіе чего онъ предлагалъ: принимать въ соображеніе составленную имъ классификацію преступниковъ и для того подвергать преступниковъ въ самомъ началѣ временному испытанію и по-

томъ ужь видоизмѣнять наказанія, смотря по нуждѣ дисциплины, по способности воспитанія и по состоянію здоровья. Но въ сочиненіи Феррюса предлагается ссылочная система.

Не смотря на всю раціональность этой мѣры, *Лелю* какъ защитникъ пенитенціарной системы, доказавъ неправильность классификаціи Феррюса, отвергъ всю его систему. Но мнѣніе *Лелю* вызвало въ печати дѣльныя разсужденія *Валлерма*, *Беранже*, и *Дюпеня*. Однако этимъ дѣло не кончилось; въ 1855 году, академія открыла цѣлый рядъ засѣданій, имѣвшихъ предметомъ своимъ обсужденіе вопросовъ о системѣ наказаній.

Лелю вступилъ первый на трибуну и защищалъ систему уединеннаго заключенія.

Леонъ-Фоше, подъ вліяніемъ наполеоновскихъ принциповъ, объявилъ себя безусловно въ пользу ссылки и тюремное заключеніе допускалъ только какъ испытаніе въ теченіе 2 лѣтъ.

Люкасъ защищалъ смѣшанную систему: ссылку и тюремное заключеніе; причемъ онъ дѣлаетъ подобно *Феррюсу* классификацію преступниковъ.

Во время этихъ диспутовъ въ академіи, лордъ Брумъ (Brougham), приглашенный въ ея засѣданіе, сдѣлалъ замѣчаніе, что: 1) ссылка производитъ въ Ирландіи такое огромное впечатлѣніе, какъ ни одно изъ другихъ наказаній; между тѣмъ какъ это впечатлѣніе въ Англіи и Шотландіи не такъ сильно; 2) что опытомъ онъ дознадъ, что тѣ ошибаются, которые полагаютъ въ законѣ устрашительное начало...

Это замѣчаніе Брума подтверждается слѣдующимъ анекдотомъ, взятымъ изъ англійской юридической практики.

На лобномъ мѣстѣ въ Лондонѣ собралась огромная толпа народа и готовилась къ зрѣлищу—какъ будутъ вѣшать извѣстныхъ въ Лондонѣ грабителей. Въ числѣ прочихъ зрителей были 2 торговки, между которыми происходилъ слѣдующій разговоръ:

1-я торговка.

Вотъ ужь *ихъ* везутъ... бѣдный, бѣдный сынъ мой, Томъ... зачѣмъ ты умеръ въ прошломъ году! (утираетъ рукавомъ слезы).

2-я торговка.

Что жъ бы было, еслибъ онъ жилъ?..

1-я торговка.

Какъ что!... его бы также повѣсили... вѣдь онъ былъ ихъ соу частникъ...

Подобно Бруму мы сомнѣваемся въ практическихъ результатамъ устрашительнаго начала, оно можетъ дѣйствовать на людей слабыхъ, не дальняго ума, но не на людей съ твердою волею, съ загрубѣлыми чувствами и зачерствѣлыми сердцами... опытъ вѣковъ доказываетъ справедливость этихъ словъ: самыя ужасныя казни не ослабляли никогда преступленій и преступники существовали во всѣ времена и во всѣ вѣка: только одно невѣжество наше въ уголовной статистикѣ могло породить въ государствахъ мысль о благодѣтельности устрашитель наго начала въ государствѣ.

Вотъ почему французская академія и занялась такимъ тщательнымъ изученіемъ вопроса о системѣ наказаній, и не довольствуясь выслушиваніемъ различныхъ мнѣній знаменитыхъ французскихъ юристовъ, командировала *Беранже* въ Англію, для обозрѣнія тамошнихъ тюремныхъ заведеній на мѣстѣ и для собранія нужныхъ свѣденій о ссылкѣ.

Беранже—этотъ замѣчательнѣйшій практикъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ вопросѣ объ уголовной реформѣ, при Люи-Филиппѣ и при республикѣ и въ этомъ случаѣ исполнилъ добросовѣстно возложенный на него трудъ. Объизслѣдовавъ по этимъ предметамъ англійскія учрежденія, Беранже въ 1855 году представилъ академіи свой отчетъ подъ заглавіемъ: «De la repression pénal, de ses formes et de ses effets»...

Этимъ и ограничились дѣйствія академіи; она не могла принесть больше пользы націи, потому что наполеоновское правительство шло совершенно другимъ путемъ.

Во время президенства Наполеона была учреждена коммисія подъ предсѣдательствомъ Тьера для указанія средствъ къ улушенію системы наказанія, но она прямо поставила себя на сторонѣ ссылки... Потомъ, во время министерства Леона Фоше была учреждена другая коммисія, которая поддерживала мысль первой. То же самое было и при преемникахъ Леона Фоше. Но правительство колебалось въ своихъ дѣйствіяхъ по предмету ссылки, не имѣя твердой опоры въ общественномъ мнѣніи; вотъ почему, для изслѣдованія этого предмета,

былъ командированъ *Перро*, и циркулярнымъ министерскимъ предписаніемъ отъ 27-го августа 1853 года были истребованы чрезъ префектовъ отзывы по этому предмету департаментскихъ совѣтовъ.

Какъ и нужно было ожидать, они рѣшили вопросъ въ пользу правительства, т. е. объявили себя на сторонѣ ссылки.

Такимъ образомъ возникла ссылочная французская система, и Миттермайеръ по этому поводу напрасно приписываетъ французскому народу особенную способность дѣлать скачки отъ одного принципа къ другому. Въ ходѣ вопроса о системѣ уголовныхъ наказаній во Франціи, мы видимъ только борьбу двухъ принциповъ: политическаго и гумманнаго.

Представителемъ перваго является правительство; втораго—наука и лучшіе ея представители.

Но кто побѣдитъ? это еще вопросъ не рѣшенный... народъ же слѣдуетъ своему историческому теченію и въ 1848 году, ниспровергнувъ смертную казнь за политическія преступленія, вѣроятно съумѣетъ ниспровергнуть и ссылку на Маркизскіе острова.

Временная побѣда самаго нелѣпаго начала не можетъ еще считаться несостоятельностью всего разумнаго, справедливаго, милосерднаго; мы можемъ только скорбѣть при такомъ явленіи, но мы не должны отчаяваться въ томъ, что правосудіе уже погибло для человѣчества и что въ націи потухло чувство справедливости.

Франція дѣйствительно представляетъ въ Европѣ исключительный примѣръ: въ теченіе одного вѣка она мѣняла принципами, какъ салонный левъ — перчатками... Но можно ли укорить ее въ томъ, что у нея общественная жизнь еще въ броженіи; что ея передовые люди опередили ея общественную жизнь—быть можетъ на вѣка; что она заслушивалась и увлекалась своими геніями, забывая вовсе, что идея усвоивается и входитъ въ плоть и кровь человѣчества не вдругъ, а вѣками; что она вѣрила, что каждая здоровая мысль должна быть жизненна... Но развѣ такихъ же упрековъ нельзя сдѣлать не только другимъ народамъ, но вообще и всему человѣчеству?.. И если мы привели здѣсь историческій ходъ во Франціи вопроса: о системѣ уголовныхъ наказаній съ 1848 года по настоящее время,—то вовсе не для того, чтобы осудить французскую націю, а чтобы только показать: какимъ измѣненіямъ, превратностямъ и случайностямъ можетъ подвергнуться этотъ же самый предметъ и въ особенности вопросъ о женскихъ видовыхъ преступленіяхъ—и у насъ въ Россіи..

Мысль высказывается, возбужденъ вопросъ; но скоро ли онъ разрѣшится, или на долго рѣшеніе его отложено,—это дѣло общаго развитія народа, дѣло его исторіи.

Такъ и во Франціи: усилія науки не совсѣмъ остались безплодны. Колоніи и другія заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ—суть образцы достойные изученія и пересадки на другую почву. Это-то и побуждаетъ насъ заняться изслѣдованіемъ хотя одного вопроса о пенитенціарной системѣ для видовыхъ женскихъ преступленій. И по этому предмету мы полагаемъ слѣдующія мѣры:

1) Выше мы уже видѣли, что вопросъ объ отдѣленіи мужчинъ отъ женщинъ въ тюрьмахъ занималъ и правительство, и академію во Франціи. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ самымъ существеннымъ въ каждомъ государствѣ: первое условіе при пенитенціарной системѣ—отдѣленіе половъ. 2) Затѣмъ слѣдуетъ сортировать преступницъ по роду ихъ преступленій; это необходимо потому, чтобы можно было ввести извѣстную систему какъ въ управленіи заведеніемъ, такъ и для того чтобы въ исправительныхъ мѣрахъ по возможности ввести единство. 3) Въ наказаніи и исправленіи необходимо установить извѣстную постепенность: отъ болѣе строгихъ мѣръ слѣдуетъ переходить къ слабѣйшимъ.

4) Уединенное заключеніе должно быть временное и для самыхъ сильныхъ преступницъ не должно продолжаться болѣе двухъ лѣтъ; онѣ ежедневно должны посѣщаться докторомъ, духовникомъ и тѣмъ учителемъ, который будетъ преподавать имъ науки и ремесла. Заключенной предоставляется также дѣлать ежедневныя прогулки и въ праздничные дни молиться въ церкви.

5) По истеченіи срока уединеннаго заключенія преступницы обязаны работать вмѣстѣ съ другими арестантками въ отдѣленіи *молчаливомъ*; при этомъ начальство заведенія наблюдаетъ, чтобы онѣ между собою не говорили, и на ночь каждая отводится въ свою камеру. Священникъ или пасторъ и учитель посѣщаютъ въ этотъ періодъ арестантку, но не такъ часто какъ прежде. 6) Отъ усмотрѣнія дирекціи зависитъ—продлить или сократить срокъ содержанія, смотря по поведенію арестантокъ. Но ни въ какомъ случаѣ періодъ этотъ не можетъ продолжаться болѣе всего срока заключенія. 7) Затѣмъ арестантки поступаютъ въ отдѣленіе, гдѣ уже онѣ могутъ разговаривать между собою. 8) Сообразно съ этими степенями наказаній и должны быть приспособлены и работы арестантокъ. Такъ, во время уединеннаго заключенія

работы могутъ быть такія, какія требуются въ сидячемъ положеніи. Во второмъ періодѣ работы должны быть ручныя, но такія, какія могутъ быть производимы и въ стоячемъ положеніи. Въ третьемъ періодѣ женщины могутъ быть употребляемы въ разныхъ работахъ, по непосредственному усмотрѣнію дирекціи. 9) Зимніе вечера должны быть посвящаемы преимущественно чтенію хорошихъ книгъ. При этихъ чтеніяхъ присутствуютъ арестантки двухъ послѣднихъ степеней. 10) Пенитенціарное заведеніе должно быть управляемо директрисою, но въ помощники ей назначаются два инспектора: одинъ для—наблюденія за хозяйственною частью; другой—для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ. 11) Вся прислуга въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ должна быть женская. 12) Доходы съ пенитенціарнаго заведенія употребляются на улучшеніе содержанія арестантокъ. 13) Половинная часть денегъ, вырученныхъ изъ работъ и трудовъ арестантокъ, поступаетъ въ капиталъ заведенія и при выпускѣ оттуда арестантки выдается ей на руки. 14) Въ случаѣ смерти въ заведеніи арестанки все имущество, находящееся при ней и всѣ заработанныя ею тамъ деньги, поступаютъ въ резервный капиталъ заведенія, который образуется изъ экономическихъ суммъ и изъ частныхъ пожертвованій. 15) Арестантка, которая по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, не могла во время своего содержанія столько заработать, чтобы возможно было существовать въ первый годъ безъ посторонней помощи, получаетъ изъ резервнаго капитала вспомоществованіе. 16) Дирекція заведенія заботится, по выпускѣ изъ заведенія арестантокъ—о томъ, чтобы ихъ пристроить въ обществѣ для какихъ-нибудь занятій. Эта же обязанность лежитъ и на мировыхъ судьяхъ, въ участкѣ котораго будетъ проживать лицо.

На этихъ началахъ, мы полагаемъ, могла бы вообще прочно основаться пенитенціарная система, и въ особенности для женщинъ.

Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ: при существованіи ссылочной системы полезно ли дѣлать для женщинъ исключеніе?.. Само собою разумѣется, что дѣлать исключеніе вообще для женщинъ при ссылочной системѣ вредно, потому что этимъ положится преграда ссылочнымъ мужчинамъ обзаводиться, на мѣстѣ ссылки семействомъ.

Вотъ почему ссылка женщинъ, при существованіи ссылки мужчинъ, не можетъ быть совершенно отмѣнена... Но самая система должна быть усовершенствована. Такъ, по нашему мнѣнію 1) женщины должны слѣдовать въ мѣсто ссылки особыми партіями. 2) Пересылоч-

ная система должна быть усовершенствована. 3) На самомъ мѣстѣ ссылки женщины должны покровительствоваться закономъ.

Слѣдованіе женщинъ съ мужчинами деморализируетъ первыхъ и если у нихъ осталась хоть искра стыдливости и нравственности, то они исчезаютъ или потухаютъ. Да и неудивительно: нынѣшняя система пересылки путемъ этапнымъ такъ мучительна, что можетъ не только истомить, но и разбить силы самаго крѣпкаго мужчины... Теперь можно себѣ представить, какое вліяніе должна имѣть эта система на слабую женщину! Этапъ терзаетъ ее физически и морально: съ разтерзанною душою и убитымъ тѣломъ она тащится по безконечному пути и изнемогаетъ тѣлесно и нравственно... Можно ли ее послѣ этого судить, когда она окончательно падаетъ?... Такимъ образомъ, допуская ссылку, мы стремимся только къ тому, чтобы эта мѣра наказанія была основана на болѣе гуманныхъ и нравственныхъ началахъ: желаніе умѣренное и вполнѣ раціональное. Но при этомъ рождается еще другой вопросъ: по какимъ преступленіямъ употреблять ссылку? Въ другомъ мѣстѣ мы беремся подробно подвергнуть анализу этотъ предметъ, такъ какъ онъ тѣсно связанъ со всею системою нашихъ уголовныхъ наказаній; предметъ же настоящей статьи былъ—разсмотрѣніе специфическихъ женскихъ преступленій и мѣры наказанія, опредѣляемой по этимъ предметамъ закономъ. Разрѣшая этотъ вопросъ, мы предложили принять пенитенціарную систему, и если спросятъ почему мы дѣлаемъ исключеніе изъ общаго правила для видовыхъ женскихъ преступленій?—то на это отвѣтимъ: мы вовсе не домогаемся сдѣлать по этому предмету исключеніе, а придерживаемся тому принципу, что наказаніе въ томъ лишь случаѣ можетъ принять исправительный характеръ, когда по каждому роду преступленій будутъ особыя заведенія или отдѣленія. Только такая специальность можетъ приносить добрые плоды: она можетъ въ дѣйствіяхъ администраціи сохранять систему; можетъ образовать администраторовъ; можетъ указать недостатки и достоинства той или другой теоріи; можетъ указать тѣ особенности, которыя присущи каждой національности... Быть можетъ возразятъ, откуда мы возьмемъ людей для управленія этими заведеніями? Вопросъ этотъ возникалъ и во Франціи, когда пенитенціарная система готова была тамъ сдѣлаться господствующею; то на него можно отвѣтить тѣмъ, что прежде нежели сдѣлаться совершенными въ данномъ дѣлѣ, нужно его начать. Временныя неудачи не должны насъ пугать; учрежденіе вызоветъ дѣятелей, напрактикуетъ ихъ, и система усовершенствуется сама собою. Ни одно

общество не начинаетъ дѣла съ совершенныхъ формъ; одно только время, прогрессъ и стремленіе народа къ совершенству суть ручательство, что данное учрежденіе, если только въ немъ есть гуманное начало, принесетъ вожделѣнные плоды.

Вотъ почему и насъ не должна пугать мысль: откуда мы возмемъ дѣятелей? Этотъ голосъ робости возникаетъ естественно изъ той неподвижности и обломовщины, въ которыхъ мы жили болѣе нежели 1 $^1/_2$ вѣка; мы потеряли вѣру въ жизненныя наши силы, въ духъ народа, въ его разумъ, въ его державный могучій голосъ... И замѣчательно: многіе передовые наши люди, стоящіе въ главѣ настоящаго народнаго возрожденія, еще болѣе смущаются этимъ сомнѣніемъ, нежели люди посредственные... явленіе грустное, доказывающее, что главные наши литературные дѣятели плохо знаютъ народъ, плохо знаютъ его нравственныя силы... Если бы они ближе присмотрѣлись къ обществу и народу, они нашли бы въ немъ всѣ зачатки будущей самостоятельной жизни; они бы поняли, что народъ этотъ ждетъ только полной свободы и реформъ, чтобы пойдти путемъ правды и здраваго смысла. Дайте намъ дѣятельность, поприще, а дѣятели найдутся, и если мы ихъ не видимъ вокругъ себя, то или оттого, что среда наша безплодна, или мы близоруки; наконецъ, если бы ихъ дѣйствительно и не было въ нашей средѣ, то университеты и другія народныя училища изготовятъ намъ людей. Зачѣмъ же смущать народъ, на первомъ его шагу, сомнѣніемъ? Когда дитя начинаетъ ходить, его не пугаютъ, не смущаютъ криками о томъ, что оно можетъ споткнуться; напротивъ того, благоразумные воспитатели поощряютъ его и стараются сдѣлать его самостоятельнымъ и самоувѣреннымъ. Такимъ образомъ, едва держащееся на слабыхъ ножкахъ дитя становится крѣпкимъ, совершенствуется и нерѣдко бѣгаетъ шибче человѣка возмужалаго... Не смущайте же и нашего народа кошемарами, порожденными въ насъ дурнымъ воспитаніемъ, всею прошедшею нашею жизнію, отсутствіемъ всего, что только облагораживаетъ человѣка, что дѣлаетъ его свободнымъ, независимымъ и истиннымъ гражданиномъ....

М. Филипповъ.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(*продолженіе*)

ГЛАВА X.

Маленькій обѣдъ.

Леди Лаккингтонъ и леди Грэсъ проводили утро вдвоемъ. Отправленіе ихъ мужей на пикникъ представляло имъ приличный поводъ для разговора объ этихъ джентльменахъ, и они воспользовались настоящимъ случаемъ.

Собственно говоря, виконтесса не слишкомъ налегала на недостатки своего супруга; по ея словамъ это были безвредныя шалости джентльмена среднихъ лѣтъ, который, не смотря на свой возрастъ, все еще хочетъ нравиться и очаровывать. «Онъ любитъ эти легкія маленькія побѣды въ низшемъ слою общества, въ которыхъ онъ такъ увѣренъ. Онъ притворяется, что онѣ только забавляютъ его, но на самомъ дѣлѣ онѣ ему нравятся. Но такъ какъ онъ предается подобнымъ развлеченіямъ только гдѣ нибудь на сторонѣ, то въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды».

Леди Грэсъ согласилась съ ней и вздохнула. Она вздохнула

потому, что подумала о своемъ собственномъ бремени и о томъ, до какой степени оно тяжелѣе бремени ея пріятельницы. Слабости Твиннинга были вовсе не маленькія, ошибки его скрывались гораздо глубже, чѣмъ въ какомъ-нибудь легкомысленномъ самообольщеніи. Все что онъ дѣлалъ, говорилъ или думалъ, было зрѣлымъ образомъ взвѣшено и соображено; его веселая, смѣющаяся манера, его непринужденные, беззаботные жесты, его всегдашняя готовность раздѣлить веселость другихъ, были не что иное какъ мелкая монета, которою онъ щедро сыпалъ въ то время, когда помышлялъ о крупномъ помѣщеніи своихъ капиталовъ.

Вслѣдствіе продолжительнаго знакомства съ его хитрой, двуличной натурой, соединеннаго почти съ отвращеніемъ къ нему, леди Грэсъ пришла къ убѣжденію, что во всемъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ, кроется какой-нибудь невидимый мотивъ, и что даже его скупыя скаредныя привычки имѣли своею причиною не столько желаніе копить деньги, сколько какую-то тайную и отдаленную цѣль.

Она набросала грустную картину жизни, которую вела съ мужемъ: обманчивый блескъ для свѣта и скаредная скупость дома; всѣ внѣшніе признаки роскошной жизни и полное внутреннее сознаніе скудости и лишенія. Онъ великолѣпно меблировалъ домà, чтобы отдавать ихъ въ наймы; заводилъ экипажи, чтобы, показавъ, продать ихъ. Даже мои изумруды—говорила лэди Грэсъ—были проданы герцогинѣ Уиндермиръ, которая восхищалась ими. Трудно придумать что нибудь такое, изъ чего онъ не могъ бы извлечь прибыли. Если моихъ пони хвалили въ паркѣ, то я уже знала, что это прелюдія къ продажѣ ихъ на слѣдующее утро; даже камелія, которую я носила въ своихъ волосахъ, была обращена въ спекуляцію она послужила къ продажѣ теплицы, гдѣ она выросла. И однако же говорятъ, что если... говорятъ, что...я хочу сказать... я слышала, что законъ не считаетъ этого жестокостью, а просто очень обыкновеннымъ слѣдствіемъ супружеской власти,—чѣмъ-то, можетъ быть, непріятнымъ, но недостаточнымъ для жалобы, а тѣмъ болѣе для сопротивленія.

— Вѣдь это *дѣйствительно* жестокости, сказала леди Лаккингтонъ; мужья того круга, къ которому принадлежитъ Твиннингъ, не бьютъ своихъ женъ....

— Нѣтъ, они только разбиваютъ ихъ сердца, вздохнула леди Грэсъ,—и это, должно быть, совершенно законно.

— Насчетъ этого дѣлали или хотѣли дѣлать что-то разъ въ

палатѣ лордовъ. У этого милаго старика лорда Клоудэсли былъ билль, или измѣненіе какого-то билля, которымъ—я не увѣрена въ томъ, что передаю съ совершенною точностью,—но кажется этотъ билль предоставляетъ женѣ право выдѣлиться, взявъ свою часть. Нѣтъ, не то: по истеченіи пяти лѣтъ жестокаго обращенія мужа, она могла... Право: я не могу ясно припомнить содержанія билля, знаю только, что этотъ противный канцлеръ былъ противъ него. Онъ сказалъ, что это сдѣлало бы женщинъ совершенно независимыми отъ мужчинъ.

— Значитъ этотъ билль никогда не получитъ силы закона, снова вздохнула леди Грэсъ.

— Кто знаетъ, дорогая моя? - обыкновенно оканчивается тѣмъ, что они проводятъ въ обѣихъ палатахъ предложенія, которыя сначала имъ не нравятся. Сказать ли вамъ, кто долженъ знать это?—Дэвенпортъ Дённъ. Вотъ человѣкъ, который долженъ понимать эти вещи.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула леди Грэсъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Пригласимъ его къ обѣду, сказала леди Лаккингтонъ; я достаточно знакома съ нимъ, чтобы это сдѣлать... т. е. я видала его одинъ разъ. Разумѣется, онъ будетъ въ восторгѣ; и если можно сдѣлать что нибудь очень хорошее или безопасное на биржѣ, то онъ непремѣнно скажетъ намъ.

— Богъ съ нею, съ биржей. Мнѣ не съ чѣмъ пускаться въ спекуляціи.

— Вотъ это-то именно и есть наилучшій поводъ къ риску; по крайней мѣрѣ такъ говоритъ мой шуринъ, Аннеслей. Вы навѣрно выиграете. Вотъ хоть бы я ничего не давала, а сказала только: «да, я хочу имѣть акціи». Я слышала, что цѣна ихъ—пятьдесятъ восемь и три четверти и что она непремѣнно дойдетъ до шестидесяти четырехъ или пяти; но на самомъ дѣлѣ курсъ ихъ возвысился до семидесяти, и тогда мы продали, —т. е. Дённъ продалъ и вручилъ мнѣ тысячу двѣсти пятьдесятъ три фунта прибыли.

— Желала бы я, чтобъ онъ былъ столько счастливъ въ моихъ дѣлахъ. Я разумѣю не денежныя дѣла,—прибавила леди Грэсъ, и ея щеки покрылись яркою краской.

— Я всегда говорила, что въ этихъ вещахъ есть судьба, и—кто знаетъ?—можетъ быть, его пребываніе здѣсь въ эту минуту есть предопредѣленіе.

— Можетъ быть,—грустно сказала леди Грэсъ.

— Вотъ, — сказала леди Лаккингтонъ, быстро набросавъ нѣсколько строкъ на листикѣ почтовой бумаги:—такъ будетъ хорошо:

«Дорогой мистеръ Дённъ, если вамъ угодно будетъ пообѣдать сегодня со мною и леди Грэсъ Твиннингъ, то вы очень обяжете

преданную вамъ

Джорджіану Лаккингтонъ.

— Кому нибудь другому я сказала бы что нибудь о двухъ «pauvres femmes delaissées», но Дённъ испугался бы и вѣроятно бы не пришелъ.

— Вѣроятно,—сказала леди Грэсъ со вздохомъ.

— Теперь посмотримъ, что выйдетъ изъ этого,—и она позвонила и отправила записку.

Леди Лаккингтонъ едва успѣла набросать бѣглый очеркъ класса и разряда людей, къ которому принадлежалъ мистеръ Дэвенпортъ Дённъ, когда слуга воротился съ отвѣтомъ. Это было формальное принятіе приглашенія: Мистеръ Дэвенпортъ Дённъ приказалъ кланяться и т. д.

— Разумѣется онъ придетъ, сказала она, небрежно бросивъ записку. Знаете ли моя милая, мнѣ сдается, что мы поступили нѣсколько опрометчиво; вотъ мы поймали нашего слона: что же мы будемъ теперь дѣлать съ нимъ?

— Я не въ состояніи ничего посовѣтовать вамъ.

— Эти люди — не наши люди, и ихъ боги—не наши боги,— сказала леди Лаккингтонъ.

— Если всѣ мы приносимъ наши жертвы въ одномъ храмѣ— на биржѣ,—сказала леди Грэсъ нѣсколько грустнымъ тономъ, то едва ли мы можемъ спорить о вѣрѣ.

— Это вѣрно только въ извѣстномъ смыслѣ, — возразила ея пріятельница.—Деньги необходимы для всѣхъ, поэтому средства къ пріобрѣтенію ихъ могутъ быть одинаковы для многихъ. Но мы отличаемся отъ этихъ людей въ употребленіи денегъ, издерживая свои богатства со вкусомъ. Взгляните только на ихъ хозяйство, на ихъ посуду, на ихъ ливреи и экипажи — и вы тотчасъ замѣтите, что всякій разъ, какъ только они выходятъ изъ предѣловъ рабскаго подражанія, они дѣлаютъ самые нелѣпые промахи противъ вкуса и приличія. Я желала бы, чтобы Спайсеръ былъ здѣсь и присмотрѣлъ за обѣдомъ; это одна изъ многихъ

вещей, въ которыхъ онъ что нибудь смыслитъ; но кажется намъ придется предоставить все самому повару, и мы должны утѣшаться тѣмъ, что критика, которой подвергнется его искусство, будетъ не очень высокаго достоинства.

— Мы будемъ обѣдать, кажется, въ четыре часа? — сказала леди Грэсъ своимъ обычнымъ грустнымъ тономъ, выходя изъ комнаты съ жестомъ глубокой скорби, который сдѣлалъ бы честь любой королевѣ въ трагедіи.

Возвратимся на минуту къ мистеру Девенпорту Дённу. Приглашеніе леди Лаккингтонъ не произвело на него ни одного изъ тѣхъ подавляющихъ чувствъ удивленія, или тѣхъ порывовъ восторга, на которые она такъ горячо разсчитывала. Были времена, когда подобное приглашеніе со стороны какой нибудь виконтессы онъ счелъ бы замѣчательнымъ событіемъ своей жизни, когда съ его стороны потребовалось бы нѣкоторое усиліе, чтобы повѣрить дѣйствительности этого факта; но тѣ дни давно уже прошли. Съ тѣхъ поръ мистеру Дённу не только случалось обѣдать у знатныхъ людей, но и самому угощать ихъ обѣдами. Благородные лорды и баронеты пили его кларетъ, высокопочтенные хвалили его хересъ, и высшіе сановники удостоивали спрашивать—гдѣ онъ достаетъ «этотъ превосходный портвейнъ?» Робкій, застѣнчивый, нерѣшительный, колеблющійся, недовѣряющій себѣ самому, смиренный человѣкъ исчезъ, и мѣсто его заступилъ смѣлый, рѣшительный, самоувѣренный характеръ, ежедневно мѣряющійся съ кѣмъ-нибудь силой и столько же часто выходящій изъ борьбы съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что ему нечего опасаться какого-бы то ни было противника. Онъ былъ довольно проницателенъ и видѣлъ, что великія цѣли жизни достигаются не столько посредствомъ ловкости и искусства, сколько посредствомъ неуклонной настойчивости въ преслѣдованіи ихъ. Неудачи многихъ талантливыхъ людей и великіе успѣхи многихъ дюжинныхъ личностей не остались для него безъ назиданія. Вступивъ на жизненное поприще, онъ былъ похожъ на игрока, который садится за карты съ твердымъ намѣреніемъ выиграть.

И такъ приглашеніе леди Лаккингтонъ не возбудило въ немъ ни удовольствія, ни удивленія. Онъ вспомнилъ, что гдѣ-то, когда-то ее встрѣчалъ, и теперь возобновленіе этого знакомства не произвело въ немъ ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя предсказывала миледи съ такою увѣренностію. Пришлось даже напоминать ему, что миледи ждетъ его къ обѣду, иначе онъ могъ бы забыть объ этомъ: до такой степени онъ былъ равнодушенъ.

Можетъ быть, это будетъ не очень любезно съ нашей стороны, но мы не умолчимъ объ одномъ обстоятельствѣ: туалетъ обѣихъ дамъ доказывалъ, что для нихъ не было безразлично, какое впечатлѣніе онѣ должны произвести на своего гостя.

Виконтесса была одѣта съ совершенствомъ того французскаго вкуса, котораго главный характеръ состоитъ въ свѣжести и изяществѣ. Это было что-то легкое, воздушное, волнующееся, летучее, сотканное изъ валансьенскихъ кружевъ и бѣлаго муслина, подъ которыми однакожъ скрывалось очень граціозное человѣческое существо. Пріятельница ея вся въ черномъ, съ богатымъ кружевомъ, прикрѣпленнымъ къ гребню и спускавшимся изящными складками на одно плечо, была восхитительнымъ олицетвореніемъ печали, впрочемъ доступной утѣшенію. Двѣ женщины окинули другъ друга одобрительнымъ взглядомъ.

Леди Лаккингтонъ начала размышлять, какъ ей вести себя относительно мистера Дённа: принять ли ей внушительный тонъ гордаго снисхожденія знатной дамы, или же очаровать граціозною прелестью любезной женщины. Она была одинаково способна и къ той, и къ другой роли, и могла разсчитывать на успѣхъ, какую бы изъ двухъ дорогъ она ни выбрала. Между тѣмъ какъ она колебалась такимъ образомъ, гость вошелъ въ комнату.

Если его манеры нисколько не показывали въ немъ человѣка высшаго круга, то съ другой стороны въ нихъ почти нечего было критиковать. Онъ не былъ ни дерзокъ, ни застѣнчивъ, и при рѣшительномъ отсутствіи всякой заносчивости, его осанка отличалась увѣренностью, не лишенною нѣкотораго достоинства.

За обѣдомъ предметомъ разговора были обыкновенныя темы: заграничныя путешествія, чужеземные обычаи, коллекціи и галереи. Дённъ видѣлъ много картинъ и статуй, и очевидно съ толкомъ; но о народѣ и обществѣ онъ не зналъ почти ничего; миледи быстро открыла этотъ недостатокъ и ухватилась за него, какъ за свою опору.

— Когда работящіе люди, подобные мнѣ, даютъ себѣ праздникъ,—сказалъ Дённъ, то они бываютъ слишкомъ рады уйдти отъ дѣйствительной жизни и искать убѣжища между произведеніями искусства. Живописецъ и скульпторъ внушаютъ имъ столько поэзіи, сколько совмѣстно съ серьезнымъ складомъ ихъ ума, и при томъ эти художники всегда довольно реальны для того, чтобы требовать отъ искуства какого-нибудь практическаго смысла.

— Но не пріятнѣе ли было бы провести этотъ праздникъ въ

пріобрѣтеніи знакомствъ? Вы, конечно, могли бы получить легкій доступъ въ самое отличное общество.

— Я плохой французъ, миледи, и не говорю ни слова ни по нѣмецки, ни по-итальянски.

— Англійскій языкъ теперь въ большой модѣ; на немъ умѣютъ объясняться всѣ, съ которыми стоитъ говорить.

— Стѣсненіе, происходящее отъ необходимости говорить на чужомъ языкѣ, подобно придворному платью, надѣтому въ первый разъ, лишаетъ человѣка всякой натуральности. По крайней мѣрѣ, въ моихъ немногихъ сношеніяхъ съ иностранцами, мнѣ никогда не случалось прочесть что нибудь изъ характера человѣка, когда онъ обращался ко мнѣ не на своемъ собственномъ языкѣ.

— А развѣ вамъ необходимо читать въ чужомъ характерѣ? томно спросила леди Грэсъ.

— Я всегда чувствую себя какъ-то лучше, когда знаю географію страны, въ которой живу,—отвѣчалъ Дённъ улыбаясь.

— Я полагаю. что вы имѣете большія способности въ этомъ отношеніи т. е. въ разгадываніи характеровъ,—сказала леди Лакингтонъ.

— Вы льстите мнѣ, миледи; я не имѣю ни малѣйшей претензіи на это. Разъ убѣдившись въ искренности тѣхъ, съ которыми вхожу въ сношенія, я уже не стараюсь узнать больше, да и не имѣю способности къ новымъ попыткамъ.

— Но при вашей обширной жизненной опытности, развѣ вы не могли хотя бы безсознательно сдѣлаться свѣдущимъ въ разгадываніи человѣческихъ натуръ?

— Не думаю, миледи; чѣмъ больше человѣкъ приглядывается къ жизни, тѣмъ проще она ему кажется и это не вслѣдствіе изученія людей, а вслѣдствіе того простого факта, что цѣлымъ міромъ управляютъ какіе-нибудь три или четыре мотива. Неудовлетворенная потребность того или другого рода, — богатство, знатность, отличіе, можетъ быть, привязанность—движетъ цѣлымъ характеромъ, точно такъ, какъ извѣстная страсть даетъ выраженіе всему лицу; и всѣ разнообразія темпераментовъ также какъ и физіономій суть не что иное, какъ отпечатокъ потребности или, если угодно, желанія. Можетъ быть, прибавилъ онъ, бросивъ украдкой взглядъ, быстрый какъ молнія, на леди Грэсъ, можетъ быть, опытность этого рода чаще встрѣчается у людей подобныхъ мнѣ, т. е. у людей, которымъ ввѣрены чужіе интересы, но, разумѣется, я не имѣю никакого ключа къ

разгадыванію характеровъ, кромѣ одного ихъ великаго двигателя —нужды.

— Но мнѣ нужны пятьдесятъ тысячь вещей, сказала леди Лаккингтонъ, мнѣ нужно пропасть денегъ; мнѣ нужна прекрасная вилла Сэрра Новена близъ Палермо; словомъ, мнѣ нужно все, что мнѣ нравится.

— Это не тѣ нужды, которыя можно назвать побужденіями, также какъ мимолетные дожди не составляютъ климата, возразилъ Дённъ. Я говорю о непрестанномъ, неутомимомъ желаніи, которое всегда съ нами, и въ радости и въ горѣ, которое участвуетъ въ каждомъ дѣйствіи, смѣшивается съ каждою нашею мыслію и представляетъ нашему уму постоянное изображеніе насъ самихъ въ какомъ нибудь желанномъ видѣ, отличномъ отъ всего, что мы испытали. Леди Грэсъ понимаетъ меня.

— Кажется... По крайней мѣрѣ отчасти, сказалъ она, обмахиваясь вѣеромъ и закрывая имъ свое лицо.

— Очень немногіе недоступны искушенію подобнаго рода, да и то потому, что они развлечены многимъ.

— Я ненавижу этихъ словъ: искушенія, западни и т. п. это очень скучная болтовня. Когда я ожидаю рыбнаго соуса за обѣдомъ, такъ вы тоже можете сказать мнѣ что это искушеніе; но если вы хотите, чтобы я дѣйствительно поняла это слово, такъ говорите мнѣ о какой нибудь удивительной спекуляціи, о какомъ нибудь удивительномъ планѣ пріобрѣсти милльоны. О, милый мистеръ Дённъ, вы, который дѣйствительно знаете путь, покажите мнѣ дорогу къ пріобрѣтенію двадцати тысячь фунтовъ. Это, кажется умѣренное желаніе.

— Ничего нѣтъ легче, миледи, если вы только расположены рискнуть сорока тысячами.

— Но я не расположена, сэръ, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія рисковать ни одной сотней. Я не игрокъ.

— И однако же то, къ чему стремитесь, миледи, очень похоже на игру.

— Пожалуйста, помѣстите это слово вмѣстѣ съ искушеніемъ, въ запрещенную категорію: оно рѣшительно ненавистно мнѣ.

— Не чувствуете ли вы также нерасположенія къ слову «случай», леди Грэсъ, сказалъ онъ, бросивъ на нее украдкой довольно пристальный взглядъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она тихимъ голосомъ,—это все, на что мнѣ остается надѣяться.

— Кстати, мистеръ Дённъ, что дѣлается въ парламентѣ относительно насъ? не разсматриваются ли тамъ поводы, по которымъ мы можемъ требовать выдѣла или приличнаго обезпеченія, или...

— Или развода, торжественно прибавила леди Грэсъ.

— Нѣтъ, миледи; законъ только починяетъ старую дорогу, не дѣлая новой. Потребность нашего времени есть дешевизна; намъ нужны: дешевая литература, дешвеая почта, дешевое путешествіе, такъ почему же этою потребностью не можетъ быть дешевый разводъ? Законодательство объявляетъ теперь своею высокою цѣлію—распространить на бѣдныхъ всѣ выгоды, которыми пользуются богатые, и такія какъ разводъ, считаются непослѣдними изъ этихъ выгодъ...

— А развѣ вы имѣете какую-нибудь причину сомнѣваться въ этомъ?—спросила леди Грэсъ.

— Роскошь перестаетъ быть роскошью, какъ скоро она дѣлается общимъ достояніемъ. Дешевый разводъ сдѣлается столько же не фэшенэбльною вещью, какъ ананасъ, когда его можетъ имѣть всякій угольщикъ,—сказала леди Лаккингтонъ.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь насчетъ того, въ чемъ состоитъ роскошь,—возразила леди Грэсъ. Каждый день въ году кто нибудь выходитъ изъ тюрьмы, но никто не станетъ утверждать, чтобы чувство свободы было чрезъ то менѣе дорого для каждаго освобожденнаго человѣка.

— Ваше уподобленіе слишкомъ вѣрно,—сказалъ Дённъ. Разведенная жена будетъ въ глазахъ свѣта слишкомъ похожа на освобожденнаго узника. Виновная или невиновная—она будетъ носить на себѣ порокъ публичнаго суда и приговора. Какъ мало изъ насъ такихъ, которые, для излеченія болѣзни, рѣшились бы подвергнуться публичной операціи. Небудемъ ли скорѣе мы переносить свои скорби и лелѣять наши страданія втайнѣ, чѣмъ рѣшиться принять выздоровленіе на подобномъ условіи?

— Это не относится къ тому случаю, когда болѣзнь съѣдаетъ наши жизненные соки, когда постоянная горячка мутитъ нашъ мозгъ и кипятитъ кровь въ нашихъ жилахъ. Тогда вы не станете обращать вниманіе на то, что называется скандаломъ. Единственный вопль вашего сердца будетъ: «спасите, спасите меня!» И когда она говорила это, ея голосъ становился все громче и рѣже, покамѣстъ не сдѣлался почти крикомъ; наконецъ взволнованная и задыхающаяся, она въ изнеможеніи откинулась на спинку стула.

— Вы совершенно разстроили ее, мистеръ Дённъ, сказала леди Лаккингтонъ, вставъ и обмахивая ее вѣеромъ.

— О, нѣтъ, ничего. Только дайте мнѣ выйдти на террасу, подышать свѣжимъ воздухомъ. Дайте пожалуйста вашу руку,—сказала леди Грэсъ слабымъ голосомъ. И она вышла съ помощью Дённа.—Какъ это очаровательно! сказала она, опираясь на перила балкона и глядя внизъ на спокойную воду, пересѣченную длинными полосами звѣзднаго свѣта. Я думаю, прибавила она послѣ нѣкоторой паузы, — что сцены, подобныя этой,— минуты столь мирныя и спокойныя—такъ же дороги для васъ, людей обремененныхъ тяжелыми трудами, какъ идля насъ, бѣдныхъ женщинъ съ измученнымъ сердцемъ. Всѣ наши заботы и честолюбія ничтожны въ сравненіи съ этимъ.

— Я думаю, всѣ мы стремимся къ одной и той же цѣли, — сказалъ онъ:—всѣ мы гоняемся за счастіемъ, которое служитъ источникомъ такого множества бѣдствія!

— Вы, кажется, не женаты?—спросила леди Грэсъ, голосомъ, въ мягкихъ звукахъ котораго слышалось дружеское участіе.

— Нѣтъ, я такъ одинокъ въ мірѣ, какъ только возможно,— грустно отвѣчалъ Дённъ.

— И неужели вамъ не случилось въ жизни встрѣтить особу, съ которою вамъ было бы пріятно раздѣлить свою судьбу, взявъ ее, какъ говорятъ торжественныя слова: «на радость и на горе?»

— Да, это торжественныя слова,— сказалъ онъ уклончиво,— они ручаются въ томъ, что обѣщать очень трудно, именно въ расположеніи духа, которое мѣняется со временемъ и годами. Кто изъ насъ въ двадцать лѣтъ можетъ сказать, чѣмъ онъ будетъ въ тридцать—тѣмъ болѣе въ пятьдесятъ? Свѣтъ дѣлаетъ изъ насъ многое, чѣмъ мы никогда не думали быть.

— Значитъ вы несчастливы?— сказала она тѣмъ же тихимъ голосомъ.

— Я не говорю этого,—отвѣчалъ онъ, грустно улыбаясь;—а вы несчастливы?

— Можете ли вы меня спрашивать? Развѣ уже одно довѣріе, съ которымъ я говорю съ вами — хотя мы за часъ тому назадъ были совсѣмъ чужіе другъ другу—не служитъ лучшимъ доказательствомъ, что я обращаюсь къ вамъ изъ самой глубины моего несчастія?

— Не дѣлайте неосторожныхъ признаній, леди Грэсъ,—серьезно сказалъ мистеръ Дённъ.—Люди, открывающіе печали своего сердца постороннимъ, похожи на тѣхъ, которые считаютъ свое

золото въ присутствіи разбойниковъ. Я видѣлъ многое въ жизни, и наилучшая философія, которую я извлекъ изъ моей личной опытности, состоитъ въ «терпѣніи». Терпите все, что можно терпѣть. Вы изумитесь, увидѣвъ, какое бремя вы будете въ состояніи вынести вслѣдствіе уже одного упражненія въ этомъ.

— Это легко сказать — имѣйте терпѣніе, возразила она, съ горечью.

— Я много лѣтъ примѣняю свою теорію на практикѣ. Будьте увѣрены въ одномъ: всѣ участвуютъ въ битвѣ жизни. Даже люди, которымъ судьба наиболѣе покровительствуетъ — счастливѣйшіе, какъ ихъ называетъ свѣтъ — ведутъ борьбу, — не за существованіе, а часто за то, что дѣлаетъ это существованіе цѣннымъ.

Леди Грэсъ глубоко вздохнула и, послѣ нѣкоторой паузы, она продолжала:

— Мы жалѣемъ бѣднаго, измученнаго, огорченнаго истца, проводящаго жизнь въ скучной тяжбѣ. Онъ грезитъ ночью о томъ счастіи, котораго ему не суждено увидѣть, и пробуждается каждый день для того же утомительнаго скучнаго хожденія по своему дѣлу. Покамѣстъ надежда мерцаетъ въ его душѣ, страданіе становится его привычкой; вся его натура проникается безпокойнымъ, сложнымъ характеромъ его тяжбы; онъ сомнѣвается, колеблется, надѣется, страшится, желаетъ — пока вся его жизнь не превратится наконецъ въ одну продолжительную лихорадку. Но еще томительнѣе, несравненно томительнѣе, борьба сердца, котораго привязанности были обращены на недостойный предметъ. Вотъ это тяжба, для которой не существуетъ ни одного луча надежды. Это — длинная скучная тропинка безъ отдыха и цѣли.

На послѣднихъ словахъ леди Грэсъ закрыла лицо носовымъ платкомъ; но онъ все-таки могъ замѣтить, что она плачетъ.

— Я разскажу, о томъ что я знаю, — сказалъ Дённъ. Я помню, какъ однажды я вошелъ въ близкія сношенія съ молодымъ человѣкомъ, котораго происхожденіе, состояніе и личныя качества должны были способствовать къ осуществленію всѣхъ благъ, какія только можно вообразить въ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые взялъ бы романистъ, чтобы представить самый счастливый типъ въ самой счастливой землѣ Европы. Онъ принадлежалъ къ древней фамиліи, знаменитой во многихъ отношеніяхъ, имѣлъ великолѣпное состояніе, былъ одаренъ необыкновенными талантами, обладалъ блестящимъ образованіемъ, красотою,

и, главное—той таинственною способностью очаровывать, посредствомъ которой иные люди имѣютъ магическое вліяніе на другихъ. Дайте имъ разсказать о какомъ нибудь происшествіи,—о какомъ нибудь случайномъ событіи, гдѣ чувство жалости или преданности играетъ какую нибудь роль—и, безъ малѣйшей тѣни искуственности, безъ малѣйшаго слѣда усилія, они заставятъ васъ слушать въ восторгѣ, притаивъ дыханіе, боясь проронить хоть одно изъ ихъ словъ. И этотъ человѣкъ, котораго я усталъ бы хвалить, если бы далъ волю своему языку, былъ несчастенъ. Прежде чѣмъ онъ достигъ своего титула, онъ былъ бѣденъ, имѣлъ небольшой чинъ въ арміи и получалъ очень немного кромѣ жалованья. Онъ влюбился въ одну очень красивую дѣвушку;—я не слыхалъ ея имени, знаю только, что она принадлежала къ одной изъ первыхъ фамилій въ Англіи. Она отвѣчала ему взаимностью—это былъ именно одинъ изъ тысячи случаевъ, когда любовь должна выдерживать борьбу противъ всевозможныхъ искушеній, когда преданность должна подавить всякую мысль о свѣтской гордости и суетности.

Она благородно рѣшилась на эту борьбу; она была довольна случаемъ вынести для того бѣдность, неизвѣстность, ссылку, словомъ все,—по крайней мѣрѣ она такъ говорила, и я увѣренъ, что она надѣялась сдержать свое слово. Когда это обязательство, остававшееся тайной для обоихъ семействъ, было заключено, лондонскій сезонъ только что начался.

Не мое дѣло разсказывать вамъ, до какой степени этотъ періодъ исполненъ упоительнаго удовольствія и волненій, ни о томъ, какъ въ этомъ дивномъ столкновеніи богатства, блеска, красоты и таланта, сцена получаетъ характеръ игры, гдѣ проигрыши и выигрыши переходятъ отъ одного игрока къ другому. Чтобы противостоять подобнымъ искушеніямъ—для этого требуется необыкновенная сила ума и мужества. Она, повидимому, не обладала этою способностью владѣть собою. Великолѣпныя праздники вокругъ нея, блескъ богатства, а еще болѣе — уваженіе, которымъ оно пользуется, сильно на нее подѣйствовали. Она увидѣла, что достоинства людей бѣдныхъ признаются такъ же мало, какъ ложный блескъ поддѣльныхъ брильянтовъ; что обыкновенныя способности, будучи прикрашены богатствомъ, становятся обворожительными талантами. Она не могла не замѣтить контраста между своимъ возлюбленнымъ: бѣднымъ, незамѣченнымъ, пренебреженнымъ, и толпою фэшенэбльныхъ, блестящихъ молодыхъ людей, которымъ огромное богатство доставляло по-

четъ и первенство. Въ самомъ дѣлѣ, по его собственнымъ словамъ,—потому что Аллингтонъ извинялъ ее... Боже мой! вы нездоровы? — вскричалъ онъ, когда она съ тихимъ, слабымъ крикомъ, повалилась на полъ.

— Не умираетъ ли она? Боже! не умираетъ ли она? — вскричала леди Лаккингтонъ, приподнявъ ея безжизненную руку и согрѣвая холодныя ладони леди Грэсъ въ своихъ.

Немедленно послали за Лафранки, и онъ увидѣлъ, что это былъ только обморокъ.

— Хорошо она себя чувствовала передъ этимъ?—спросилъ онъ Дэнна.

— Совершенно хорошо. Мы болтали объ обыкновенныхъ предметахъ—о Лондонѣ, о сезонѣ,—и съ ней вдругъ сдѣлалось дурно, — отвѣчалъ онъ. Нѣтъ ли здѣсь въ воздухѣ чего нибудь располагающаго къ этимъ припадкамъ?

Лафранки посмотрѣлъ на него не отвѣчая. Можетъ быть, они поняли другъ друга, потому что разстались безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

ГЛАВА XI.

Консультація.

Была уже поздняя ночь, когда лордъ Лаккингтонъ и его друзья воротились на виллу усталые, измученные и сказать правду—нѣсколько надоѣвшіе другъ другу. Они разстались такъ, какъ слѣдовало разстаться товарищамъ такой продолжительной прогулки, нисколько не сѣтуя на то, что они наконецъ добрались до дому и кончили свою partie de plaisir. Твиннингъ, разумѣется, остался тѣмъ же самымъ беззаботнымъ, веселымъ, живымъ созданіемъ, какимъ онъ отправился изъ дому утромъ. *Онъ* былъ доволенъ всѣмъ; міръ для него имѣлъ только забавную сторону, и онъ смѣялся и бормоталъ про себя: «вотъ штука!» между тѣмъ

какъ другіе шли черезъ садъ къ дому въ довольно угрюмомъ молчаніи.

— Надѣюсь, эти дѣвочки не простудились?—сказалъ виконтъ, когда, пожелавъ всѣмъ покойной ночи, онъ стоялъ съ Твиннингомъ на террасѣ.

— Надѣюсь отъ всего моего сердца. Милыя дѣвочки... Въ высшей степени очаровательныя... Отецъ такой любезный.

— Не у Дённа ли въ комнатѣ этотъ свѣтъ? — спросилъ Лаккингтонъ съ нетерпѣніемъ. Пойду, сдѣлаю ему визитъ.

— Ему пріятно будетъ увидѣть васъ, чрезвычайно пріятно —сказалъТвиннингъ, и между тѣмъ какъ онъ потиралъ руки по поводу этой обворожительной перспективы, лордъ Лаккингтонъ ушелъ.

Не ожидая никакого доклада и отворивъ дверь вслѣдъ за тѣмъ какъ постучался въ нее, виконтъ вошелъ. Замѣтилъ ли Дённъ его присутствіе или нѣтъ, только онъ не тронулся съ мѣста за письменнымъ столомъ, и продолжалъ писать до тѣхъ поръ, пока милордъ не приблизился къ нему.

Я, кажется, побезпокоилъ васъ, Дённъ.

— О, лордъ Лаккингтонъ, я къ вашимъ услугамъ. Я во всякое время очень радъ васъ видѣть. Вы только что воротились?

— Да, только сію минуту, — отвѣчалъ виконтъ, вздохнувъ съ видомъ усталости. Эти пикники — глупѣйшая выдумка; они утомляютъ и изнуряютъ. Минутное удовольствіе—и ни одного пріятнаго воспоминанія.

— Ваша картина довольно печальна, милордъ,—сказалъ Дённъ, улыбаясь.

— Совершенно вѣрна, право. Я отправился туда только для того, чтобъ доставить удовольствіе вашимъ землякамъ. Эти О'Рейли—славныя дѣвочки, милыя созданія безъ всякаго жеманства, но самый пикникъ—это тоска. Я въ жизнь свою не видалъ никого, кто бы находилъ въ пикникахъ удовольствіе, исключая людей, которые тамъ напиваются. Да за то же и приходится имъ поплатиться на слѣдующій день головною болью; страшная эта боль отъ замороженнаго пунша!

Дённъ засмѣялся, чтобы угодить милорду; тотъ продолжалъ:

— Сверхъ того мнѣ досадно на потерю времени. Мнѣ нужно было видѣться утромъ съ *вами*.

Дённъ любезно поклонился, но не отвѣчалъ.

— У насъ такъ много есть о чемъ поговорить, такъ много

вещей уладить, что я рѣшительно досадую на потерю цѣлаго дня. А у васъ тоже вѣрно мало свободнаго времени?

Дённъ утвердительно кивнулъ головой.

— Но вы можете пожертвовать мнѣ завтрашнимъ утромъ?

— Я могу поговорить съ вами теперь, милордъ. Это, я думаю, все равно.

— Но завтра...

— О, завтра, милордъ, я ѣду съ барономъ Глумталемъ во Франкфуртъ, повидаться съ курфирстомъ Дармштадтскимъ. Свиданіемъ этимъ нельзя манкировать.

— Я не сомнѣваюсь, что оно въ высшей степени важно въ политическомъ отношеніи,—сказалъ виконтъ съ явнымъ сарказмомъ.

— Нѣтъ, милордъ, это чисто финансовое дѣло,—сказалъ Дённъ, не обращая вниманія на тонъ своего собесѣдника. Его высочество нуждается въ займѣ и мы хотимъ устроить ему это.

— Желалъ бы я найдти въ васъ то же самое великодушіе относительно меня. Въ этомъ именно я и нуждаюсь въ настоящую минуту. Въ самомъ дѣлѣ, Дённъ, сдѣлайте мнѣ такое одолженіе.

Ласкательный, заискивающій тонъ этихъ словъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ недавнимъ сарказмомъ, и Дённъ улыбнулся, услыхавъ ихъ.

— Я думаю, милордъ, что если вы находитесь въ томъ же самомъ настроеніи какъ прежде, то у васъ мало шансовъ устроить заемъ, гдѣ бы то ни было.

— Но вашъ планъ нелѣпъ, я имѣю противъ него не одно, а пятьдесятъ возраженій. Во-первыхъ, вы ничего не знаете объ этомъ человѣкѣ, и о томъ, можно ли съ нимъ поладить. Что касается до меня, то я нисколько не вѣрю въ его права. Въ Англіи нѣтъ ни одной знатной фамиліи, сэръ, которая не подвергалась бы когда нибудь подобнымъ угрозамъ. Эти мошенническія продѣлки —старая штука. Переберите всѣхъ пэровъ и изъ десяти вы не найдете двухъ, противъ которыхъ не затѣвалось бы какого нибудь иска или нападенія на титулъ. Въ самомъ дѣлѣ, сэръ, эти тяжбы—ремесло, и притомъ очень прибыльное.

Лордъ Лаккингтонъ говорилъ съ жаромъ и подъ конецъ своей рѣчи сталъ уже выходить изъ себя.

Между тѣмъ Дённъ сидѣлъ терпѣливо, какъ человѣкъ, выжидающій пока пройдетъ буря, чтобы продолжать свой путь.

— По вашему виду я заключаю, что вы не соглашаетесь со мною,—сказалъ виконтъ.

— Да, милордъ. Я смотрю на это дѣло совсѣмъ другими гла-

зами. Я видѣлъ всѣ документы, на которыхъ основываются права Конуэя. Другіе судьи, которые несравненно компетентнѣе меня, произнесли о нихъ свой приговоръ. Эти документы представляютъ грозную массу доказательствъ и, за исключеніемъ немногихъ неважныхъ подробностей, образуютъ непрерывную цѣпь неопровержимыхъ фактовъ.

— Значитъ, батарея готовится открыть по насъ огонь,—сказалъ виконтъ съ притворно-равнодушнымъ смѣхомъ.

— Это—мина, которой взрывъ рѣшительно зависитъ отъ вашего благоразумія, милордъ. Если я говорю, что мнѣ никогда не случалось просматривать дѣло, подкрѣпленнаго такими сильными доказательствами, то я могу прибавить также, что я не слыхалъ ни объ одномъ, которое было бы такъ легко уладить. Человѣкъ, въ пользу котораго существуютъ эти доказательства, нисколько не подозрѣваетъ ихъ существованія. Онъ воображаетъ, что всѣ его надежды, взятыя вмѣстѣ, не стоютъ и десяти фунтовъ. Я открылъ его мѣстопребываніе не далѣе, какъ въ послѣдніе три мѣсяца.

— Гдѣ же онъ?

— Служитъ рядовымъ въ Крыму. Онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Скутари, когда я въ первый разъ услыхалъ о немъ; но потомъ онъ воротился въ свой полкъ.

— Ну такъ чтожь? Этотъ господинъ самъ по себѣ ничего не значитъ для насъ.

Дённъ опять выждалъ, пока этотъ взрывъ гнѣва не прошелъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Вы, милордъ, хорошо меня понимаете. Теперь вы можете уладить дѣло, но черезъ полгода оно пожалуй будетъ такъ ясно и очевидно, что для васъ не останется никакой надежды. Если права Конуэя основываются на происхожденіи отъ старшей линіи, какъ я имѣю сильное основаніе думать, то и титулъ и имѣніе принадлежатъ ему.

— Вы смѣлы, очень смѣлы, мистеръ Дённъ, чтобы говорить подобныя вещи.

— Я сказалъ если, милордъ. Это *если* составляетъ здѣсь все. Предположеніе здѣсь состоитъ въ томъ, что Реджинальдъ Конуэй былъ по ошибкѣ вызванъ въ палату лордовъ въ царствованіе Генриха VII, а настоящій баронъ Лаккингтонъ находился тогда въ изгнаніи. Отъ него-то и происходятъ права теперешняго Конуэя.

— Я не думаю считать себя членомъ герольдіи, сэръ, и слу-

шать весь этотъ жаргонъ; я также не возьму въ толкъ, какимъ образомъ безспорное владѣніе въ теченіе цѣлыхъ столѣтій можетъ быть нарушено фантастическими притязаніями крымскаго солдата. Я также знаю обыкновеніе людей вашего покроя направлять эти дѣла къ своей собственной выгодѣ. Они берутся рѣшать судьбы знатныхъ фамилій и надѣются получить плату за свои труды. Не такъ ли?

— Кажется, милордъ, вы очень вѣрно опредѣлили наше положеніе, хотя, можетъ быть, мы не совсѣмъ согласны другъ съ другомъ относительно характера вознагражденія.

— Какъ это? Что вы хотите сказать?

— Да вотъ я напримѣръ, милордъ,—отвѣчалъ Дённъ, не представилъ бы счета издержекъ ни той, ни другой сторонѣ. Мои отношенія къ вамъ такого рода, что они заставляютъ меня принимать сильное участіе во всемъ, что касается васъ; а о мистерѣ Конуэѣ я ничего не знаю.

— Значитъ, въ настоящемъ дѣлѣ вами управляетъ принципъ безкорыстнаго доброжелательства; вы играете роль провидѣнія для дома Лаккингтоновъ. Не такъ ли?

— Ваше объясненіе, милордъ, въ высшей степени любезно,— сказалъ Дённъ съ поклономъ.

— Оставимъ это, поговоримъ серьезно,—продолжалъ виконтъ, измѣнивъ тонъ. Что вы предлагаете?

— Я *посовѣтовалъ* бы, милордъ,—сказалъ Дённъ, дѣлая сильное удареніе на этомъ словѣ, вотъ что: подвергнуть документы этого дѣла—мы можемъ достать копіи съ самыхъ важныхъ изъ нихъ—обсужденію юристовъ, узнать, дѣйствительно ли они имѣютъ ту важность, которую я имъ приписываю, словомъ посмотрѣть, можетъ ли искъ имѣть успѣхъ, и если можетъ, то предупредить окончательный результатъ какою-нибудь сдѣлкой.

— Какою же именно?

— У васъ, милордъ, нѣтъ прямого наслѣдника; вашъ братъ— ближайшее лицо, къ которому могутъ перейдти ваши права—не имѣетъ надобности жениться. По рѣшеніи этого пункта притязанія Конуэя могутъ идти своимъ чередомъ послѣ отреченія мистера Бичера. Когда помѣстья будутъ оставлены за вами въ пожизненномъ владѣніи, то они послужатъ достаточнымъ обезпеченіемъ для займа, какого вы пожелаете.

— Но они мои, сэръ, они мои въ эту минуту, и я могу завтра же пустить ихъ въ продажу, назначивъ цѣну, какую захочу.

— Берегитесь, милордъ, берегитесь. Одного неблагоразумнаго

шага достаточно, чтобы лишить васъ всего. Если бы вы вздумали занять завтра десять тысячъ, то вамъ бы могли объявить, что обо всей вашей собственности скоро начнется тяжба, и что вашъ титулъ подвергнется спору. Тогда уже будетъ слишкомъ поздно толковать о сдѣлкѣ.

— Это очень похоже на угрозу, мистеръ Дённъ.

— Значитъ я не умѣлъ выразиться, милордъ. Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго.

— Не повидаетесь ли вы съ моимъ братомъ? Онъ зайдетъ къ вамъ въ Дублинѣ. Когда вы тамъ будете?

— Въ будущую среду, милордъ. Этотъ визитъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

— Сказать вамъ откровенно, Дённъ,—проговорилъ виконтъ болѣе увѣреннымъ тономъ,—я не далъ бы и десяти фунтовъ за всѣ права этого человѣка. Но съ Аннеслеемъ нельзя не посовѣтоваться. Повидайтесь съ нимъ, поговорите и напишите мнѣ.

— Куда адресовать вамъ письма, милордъ?

— Во Флоренцію. Я уѣзжаю отсюда немедленно, въ эту же ночь,—сказалъ лордъ Лаккингтонъ съ нетерпѣніемъ; потому что онъ томился желаніемъ поскорѣе уѣхать изъ этого мѣста и не видѣть болѣе тѣхъ, съ которыми онъ такъ близко познакомился.

ГЛАВА XII.

Товарищъ Аннеслея Бичера.

Лордъ Лаккингтонъ былъ не слишкомъ большой охотникъ писать письма; веденіе корреспонденціи не принадлежало къ числу привычекъ его времени. Общество, въ которомъ онъ жилъ и котораго онъ, въ извѣстной степени, былъ представителемъ, заботилось болѣе о прелестяхъ разговора, чѣмъ объ изяществѣ эпистолярнаго слога. Тогдашніе джентльмены приберегали все, что имѣли получше, для обѣдовъ, и копили свои остроумныя за-

мѣчанія о жизни для тѣхъ случаевъ, гдѣ они лично могли ще гольнуть ими. Однако же одинъ или два раза въ годъ, виконтъ принужденъ былъ писать. Онъ долженъ былъ напомнить своему повѣренному о нуждѣ въ деньгахъ, и сдѣлать увѣщаніе, выговоръ или наставленіе своему брату Аннеслею, тѣмъ тономъ превосходства и вліянія, который такъ приличенъ человѣку, выдающему ежегодную пенсію, относительно лица, которое получаетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ братскія чувства и родственное участіе двухъ этихъ людей другъ къ другу были сгруппированы единственно вокругъ этого обстоятельства. Узы крови, соединявшія ихъ, были представляемы 125-ю фунтами стерл., которые выдавались въ каждые полгода, и между тѣмъ какъ эта сумма проникала дарителя гордымъ сознаніемъ его великодушнаго самопожертвованія, она въ то же время давала получателю почти столько же пріятный случай къ саркастическимъ намекамъ на скупость и скаредную натуру своего благодѣтеля.

Было довольно странно, что одно и то же обстоятельство произвело эти два столь противоположныя одно другому чувства, и однако же двѣ фразы: «Если бы вы знали все, что я для него сдѣлалъ» и «Вы не повѣрите, какую онъ даетъ мнѣ нищенскую подачку» совершенно вѣрно выражали ихъ взаимныя отношенія.

Можетъ быть каждый изъ нихъ имѣлъ основательный поводъ жаловаться на другого. Въ самомъ дѣлѣ это была тема, по поводу которой оба они были краснорѣчивы каждый въ своемъ кругу, и очень немногіе изъ ихъ пріятелей не слыхали съ одной стороны о невозможности сдѣлать что-нибудь для Аннеслея, о его сумазбродствахъ, расточительности, мотовствѣ, а съ другой— о невѣроятной скупости Лаккингтона, который, получая по крайней мѣрѣ двѣнадцать тысячь въ годъ и не имѣя дѣтей, даетъ своему брату такое маленькое жалованье, точно какому нибудь дворецкому. Каждый изъ братьевъ въ глубинѣ души своей сознавалъ, что другой имѣетъ поводъ къ жалобамъ, но они до такой степени привыкли хвалить себя, что наконецъ каждый изъ нихъ началъ считать себя образцомъ братской привязанности, и — что страннѣе всего, — успѣлъ внушить такое же о себѣ мнѣніе и своимъ пріятелямъ.

Если бъ вы только послушали Лаккингтона, то онъ наговорилъ бы вамъ о безчисленномъ множествѣ плановъ, которые онъ придумывалъ для карьеры своего брата; всѣ они рушились вслѣдствіе этой проклятой безпечности, этого крайняго неуваженія къ самымъ обыкновеннымъ правиламъ жизни, которыя каждый че-

ловѣкъ долженъ наблюдать. Онъ могъ бы теперь быть полковникомъ въ такомъ-то полку, говорилъ Лаккингтонъ, губернаторомъ на какомъ-нибудь счастливомъ островѣ тихаго океана, генеральнымъ консуломъ въ Африкѣ, откуда черезъ три года могъ удалиться съ полною пенсіей и проч. и проч. Нѣтъ вѣтви администраціи, гдѣ бы лордъ Лаккингтонъ не хлопоталъ за своего брата нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Синекуры въ Индіи, теплыя мѣстечки въ Ирландіи — все это было въ его распоряженіи, если бъ только онъ хотѣлъ ими воспользоваться. И какъ на поразительный примѣръ братскаго самопожертвованія, милордъ указывалъ на тѣ случаи, гдѣ онъ жертвовалъ своею совѣстью, интересами своей партіи, своими политическими убѣжденіями, чтобы только сдѣлать добро этому неблагодарному Аннеслею.

Что касается до Аннеслея, то его обвинительный актъ состоялъ изъ неменьшаго числа пунктовъ. Нельзя и выразить, чѣмъ онъ могъ бы быть,—не относительно мѣста, пенсіи или доходовъ, но относительно честности, доброй славы, благороднаго поведенія и безупречной репутаціи, — если бы только Лаккингтонъ поступалъ съ нимъ добросовѣстно. Всѣ благородные порывы Аннеслея, которые слѣдовало бы поддержать, всѣ высокія стремленія и великодушныя наклонности его богатой натуры были подавлены, сбиты съ надлежащаго пути, уничтожены проклятою тупостью Лаккингтона. Аннеслей никогда въ точности не излагалъ, что именно долженъ былъ сдѣлать виконтъ, какимъ образомъ ему слѣдовало развить эти зарождавшіяся добродѣтели, воспитывать и лелѣять эти нѣжные отпрыски будущей доблести. Было ясно одно, что Лаккингтонъ велъ его не по тому пути, по которому бы слѣдовало, и сердце надрывалось при разсказахъ Аннеслея о томъ, какъ много потерялъ свѣтъ относительно частныхъ и общественныхъ добродѣтелей, и все это — вслѣдствіе нерадѣнія и безумія его брата.

«Онъ никогда не доставилъ мнѣ шанса, сэръ, ни одного шанса, говаривалъ онъ. Помилуйте! онъ знакомъ съ Пальмерстономъ какъ я съ вами, онъ говоритъ съ лордомъ Дерби такъ же свободно, какъ я говорю въ эту минуту, и, повѣрите ли, онъ не замолвилъ обо мнѣ словечка. Онъ могъ бы сказать, напримѣръ: «Вотъ мой братъ, Аннеслей; дайте ему мѣсто коммиссара или секретаря. Аннеслей чертовски способный малый, спросите Грога Дэвиса, правда ли это. Попробуйте его провести—и вы увидите, что онъ спитъ съ однимъ открытымъ глазомъ». Какъ вы думаете, развѣ они отказали бы ему? Грогъ сказалъ ему прямо

въ лицо на скачкахъ въ Эпсомъ-Даунсѣ: «Милордъ, позаботьтесь объ Аннеслеѣ, разсчитывайте на него, это лучшая скаковая лошадь вашей конюшни».

И дѣйствительно, Грогъ Дэвисъ сказалъ это, и подобный отзывъ былъ въ высшей степени лестенъ для Аннеслея Бичера. Онъ былъ бѣденъ и не пользовался кредитомъ, клубъ конскаго бѣга не хотѣлъ принять его въ свои члены, онъ не смѣлъ тамъ показываться, очень не многіе стали бы съ нимъ обѣдать и никто не захотѣлъ бы имѣть съ нимъ денежныхъ счетовъ, но мнѣніе одного этого человѣка о его способностяхъ поддерживало его среди всѣхъ невзгодъ. «Если Грогъ правъ, думалъ Бичеръ, — а онъ не можетъ быть неправъ, потому что такого хитраго продувного малаго не бывало на свѣтѣ, — то я еще возьму свое. Тотъ, кто никогда не ошибался въ лошадяхъ, не можетъ ошибаться и въ людяхъ. *Онъ* видитъ, что я выиграю призъ, что я когда-нибудь непремѣнно пойду въ гору». Ничто не могло сравниться съ тою безграничною увѣренностію, которую внушалъ Бичеру одобрительный отзывъ Грога Дэвиса. Но надо отдать ему справедливость, что чувства его къ Дэвису были свободны отъ всякой примѣси своекорыстія. При всѣхъ великихъ способностяхъ Грога, при всѣхъ его первостепенныхъ талантахъ, ему рѣшительно не везло. Берейторъ, аукціонистъ, спортменъ, кулачный боецъ, сборщикъ податей, содержатель игорнаго дома, — во всѣхъ этихъ профессіяхъ онъ былъ одинаково несчастливъ. Правда, и ему перепадало кое-что, и даже болѣе, чѣмъ сколько приходилось на его долю. Не было счету его мошенническимъ продѣлкамъ на скачкахъ; онъ въ теченіе многихъ лѣтъ промышлялъ обманомъ и надувательствомъ во всемъ, что называется спортомъ, и однако былъ голъ какъ соколъ.

Напрасно старались бы вы изъ словъ Бичера составить себѣ какую-нибудь точную опредѣлительную идею о личности Грога Дэвиса; вѣрно только то, что, повидимому, этотъ характеръ нисколько не озадачивалъ самого Бичера, напротивъ того, короткость съ Грогомъ онъ считалъ одною изъ величайшихъ своихъ привилегій. Подобно тому, какъ разсказъ Отелло объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, плѣнилъ сердце прекрасной Дездемоны, такъ мошенничество Грога Дэвиса обворожили Бичера; и какъ рекрутъ смотритъ на украшенную орденами грудь стараго ветерана, такъ точно онъ съ благоговѣніемъ взиралъ на безчисленное множество продѣлокъ этого ловкаго плута.

Капитанъ Дэвисъ, какъ его обыкновенно называли, былъ человѣкъ небольшого роста, съ краснымъ, очень краснымъ лицомъ, небыкновенно густыми, рыжими волосами, и съ бородою и бакенбардами, отпущенными по крымскому образцу. Онъ имѣлъ длинныя руки, угловатый станъ и необыкновенно короткія мускулистыя ноги. Онъ былъ изысканъ въ своемъ костюмѣ, носилъ бархату гораздо больше, чѣмъ слѣдовало и перещеголялъ бы кольцами, перстнями, брелоками, любого франта-еврея. Выраженіе его лица отличалось рѣшимостью, его зеленовато-сѣрые глаза и тонкія, сжатыя губы какъ будто говорили: «эй, не трогайте меня; при первомъ намекѣ на дерзость съ вашей стороны, я затѣю съ вами ссору, и отъ послѣдствій ея не спасутъ васъ ни вашъ чинъ, ни ваше званіе. Я въ двадцати шагахъ попадаю въ пятакъ и потому совѣтую вамъ быть осторожнѣе. Три или четыре раза ему случилось быть въ очень кровавыхъ передѣлкахъ, и вопросъ относительно удобства «встрѣчи» съ нимъ былъ окончательно рѣшенъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, къ которымъ вполнѣ прилагается эпитетъ—«опасный», и онъ дѣйствительно былъ опасенъ для юноши, только что начинающаго жить и не имѣющаго ни малѣйшаго понятія о людскихъ хитростяхъ и подлостяхъ,—опасенъ по той беззаботной легкости, съ которою онъ держалъ самые безумные пари и ссужалъ большія суммы людямъ, едва знакомымъ. Онъ, повидимому, былъ до такой степени проникнутъ своею теоріей, что каждый человѣкъ долженъ пользоваться всѣми удовольствіями, которыя ему нравятся; онъ отличался такимъ безпечнымъ добродушіемъ, такою безразсчетливою щедростью, такою привѣтливостью ко всѣмъ,—что очень молодые люди съ первой же минуты знакомства съ нимъ чувствовали себя непринужденными въ его обществѣ. И если многое въ его манерѣ показывало грубость или дурное воспитаніе, если его обращеніе и разговоръ отзывались вульгарностью, то, съ другой стороны, оригинальныя черты его характера въ достаточной степени вознаграждали за эти недостатки и «старый Грогъ» былъ объявленъ «добрѣйшимъ малымъ» всегда готовымъ «помочь человѣку въ бѣдѣ».

Таковъ онъ былъ относительно юношей, едва переступившихъ порогъ жизни, но съ людьми постарше и поопытнѣе онъ не притворялся. Такіе люди смотрѣли на него какъ на человѣка, на состоятельность котораго можно разсчитывать скорѣе, чѣмъ на честность, и который въ своихъ поступкахъ—хотя они основаны на плутовствѣ,—все-таки руководится тою суммою благородства,

какая необходима для сдѣлокъ между ворами. Существовало мнѣніе, что Грогъ былъ тайнымъ двигателемъ во многихъ драмахъ, гдѣ на первомъ планѣ фигурировали многія знатныя, титулованныя особы; что онъ былъ сообщникомъ въ продѣлкахъ болѣе чѣмъ сомнительной честности, и могъ бы, еслибъ захотѣлъ, сдѣлать открытіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ конскаго бѣга. «Они не посмѣютъ меня тронуть, хвастался онъ, бывало, послѣ обѣда и былъ правъ. Онъ могъ разсказать странныя продѣлки съ мышьякомъ въ конюшнѣ, онъ видѣлъ какъ такую-то лошадь вытащили, окоченѣлую и охолодѣвшую, въ то самое утро, въ которое она должна была выиграть призъ; и онъ отворялъ дверь для раззорившагося наслѣдника, когда тотъ оставилъ свою послѣднюю тысячу на зеленомъ сукнѣ игорнаго стола. Онъ такъ привыкъ ко всѣмъ превратностямъ счастья, что и его красное угреватое лицо и желтые глаза никогда не обнаруживали ни малѣйшихъ признаковъ безпокойства или удивленія.

Какимъ же образомъ возможно было Бичеру питать къ этой доровитой личности какое-нибудь другое чувство, кромѣ благоговѣнія? На человѣка, совершившаго подобные подвиги, онъ не могъ смотрѣть иначе, какъ на мудреца, котораго каждое изреченіе можно было цѣнить на вѣсъ золота, и для котораго всѣ тайны жизни были открыты.

Мы начали эту главу замѣчаніемъ, что лордъ Лэккингтонъ былъ не большой охотникъ писать письма, а потомъ вдались въ описаніе мистера Дэвиса и его привычекъ, какъ будто эта тема могла имѣть какое-нибудь отношеніе къ привычкамъ благороднаго виконта. Но между этими двумя предметами дѣйствительно существовала нѣкоторая связь. Бичеръ пришелъ теперь къ Грогу прочесть одно изъ писемъ милорда.

— Во всякомъ случаѣ это длинное посланіе,—сказалъ мистеръ Дэвисъ, взглянувъ сквозь очки на письмо, которое подалъ ему Бичеръ,—такое длинное, что я готовъ поклясться, что въ немъ нѣтъ ничего путнаго.

— Совершенно справедливо, Грогъ, только нотаціи да проповѣди, а денегъ ни гроша, сказалъ Бичеръ, закуривая сигару.

— Что дѣлаетъ этотъ старый хрычъ въ Комо, въ такое позднее время года?

— Прочтите и вы узнаете все, отвѣчалъ Аннеслей наставительнымъ тономъ.

«Милый Аннелей, я вотъ уже шесть недѣль собирался писать къ тебѣ, но, то за хлопатами, то за жаромъ, то за лѣнью, всѣ

мои благія намѣренія оставались не выполненными. Джорджіана тоже говорила....

— Кто это Джорджіана?

— Моя невѣстка.

— Что это за личность? вы никогда не говорили мнѣ о ней.

— Такъ себѣ. Она урожденная Ледвортъ, семейство гордое, но безъ гроша денегъ.

— Зачѣмъ же онъ на ней женился?

— А кто его знаетъ! Кажется, она ему нравилась,—отвѣчалъ Бичеръ послѣ нѣкоторой паузы, какъ будто за недостаткомъ другой, болѣе основательной причины, онъ представилъ первую попавшуюся.

«Джорджіана тоже говорила, что собирается писать, но вѣроятно ея письмо будетъ наполнено разными порученіями. Она не забыла о кружевѣ, которое ты такъ удачно купилъ, поэтому и на будущее время разсчитываетъ на твое искусство...

Аннеслей разразился искреннимъ хохотомъ и сказалъ:

— Это кружево было въ числѣ той дряни, которой мнѣ надавали въ Антверпенѣ за триста пятьдесятъ фунтовъ. Я купилъ одну картину Рубенса,—оригиналъ, разумѣется,—кое-какія вещи изъ чернаго дерева и двадцать аршинъ брюссельскихъ кружевъ,—страшная дрянь — но какое дѣло! Я не заплатилъ счета, а Джорджіана оцѣнила кружево въ сорокъ луидоровъ.

— Значитъ, вы оба остались довольны? замѣтилъ Грогъ.

— Именно. Продолжайте.

«Ты долженъ видѣть крайнюю невозможность съ моей стороны увеличить теперешнее твое жалованье...

— Чортъ меня возьми, если я ее вижу!

«Теперешнее жалованье. Разстройство дѣлъ въ послѣдніе годы, вспомоществованія переселенцамъ и издержки этой проклятой войны легли тяжелымъ бременемъ на всѣхъ насъ, и принудили насъ къ экономіи, о которой намъ и не грезилось. Что касается до меня, то я пересталъ участвовать въ подпискѣ на многія благотворительныя дѣла, и не жертвую болѣе призоваго кубка въ Брумъ-Регаттѣ, а также и обычныхъ десяти фунтовъ для бала по поводу скачекъ. Я желалъ бы убѣдить тебя въ необходимости подобныхъ пожертвованій; теперь такое время, что каждый человѣкъ долженъ нести свою долю національныхъ тягостей и ограничивать свои привычки, сообразно съ національными нуждами...

— Это очень хорошо разсказывать, какъ вы должны кроить свой фракъ; но когда у васъ вовсе нѣтъ сукна...

— Тогда, я думаю, вамъ слѣдуетъ позаимствоваться у своего сосѣда, если вы не хотите ходить безъ платья. Благородный лордъ разсуждаетъ точно книга, но если онъ говоритъ, что не хочетъ ничего дать, такъ и толковать нечего. Когда вы знаете напередъ, что ваша лошадь не выиграетъ, такъ вамъ нѣтъ надобности видѣть—какъ она скачетъ; это было бы только однимъ празднымъ любопытствомъ.

— Совершенно справедливо, Грогъ.

— Ясно, что онъ не дастъ ничего. Онъ говоритъ, что не дастъ—и этого довольно.

«Мы уѣхали за границу единственно съ цѣлью экономіи, и заботимся только о томъ, чтобы найдти мѣсто, гдѣ можно было бы жить подешевле, сообразно съ нашими теперешними средствами...

— Сколько онъ получаетъ въ годъ?

— Больше двѣнадцати тысячь фунтовъ.

— Есть у него долги?

— Я думаю; у каждаго они есть.

— Разумѣется,—сказалъ Грогъ сухо, и продолжалъ:

«Однако же и на континентѣ жизнь стала теперь не такъ дешева, какъ въ прежнее время. Квартира, прислуга, припасы,—все сдѣлалось дороже и я очень радъ, что по твоему мнѣнію, жить въ Ирландіи, гораздо дешевле, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы.

— Это значитъ, оставайся, молъ, тамъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я не такъ понимаю это, сказалъ Бичеръ, покраснѣвъ.

—Но я это понимаю именно такимъ образомъ, и стою на своемъ,—продолжалъ Грогъ. Вашъ благородный виконтъ — штука; онъ не такъ простъ, какъ вы думаете.

«Что касается до какихъ-нибудь видовъ на мѣста, то я скажу вамъ откровенно, что съ этой стороны нѣтъ никакой надежды. Эти шарлатанства, которыя называются экзаменами, разумѣется, удерживаютъ порядочное число докучливыхъ претендентовъ, но бдительный парламентъ въ высшей степени деспотически обращается съ министрами; а потомъ эта пресса! Напримѣръ, мы могли бы попытать счастья въ палатѣ, но пресса навѣрное разрушила бы всѣ наши попытки. Если бы газеты объявили тебя консуломъ въ какой-нибудь ничтожной южной республикѣ, или

хоть бы даже какимъ-нибудь чиновникомъ на планетѣ Сатурнъ, то эти господа завтра же написали бы противъ тебя статью съ подробнымъ изложенiемъ, какъ ты велъ себя пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Аскоттѣ, съ перечнемъ всѣхъ твоихъ противозаконныхъ поступковъ, а также исковъ, которымъ ты подвергался за несостоятельность. Они начали бы такъ: «тотъ ли это знаменитый, почтенный Аннеслей Бичеръ? не ошиблись ли мы, предполагая, что упоминаемый здѣсь джентльменъ есть тотъ самый, о которомъ было недавно упомянуто на столбцахъ нашей газеты, какъ о другѣ и сообщникѣ еще болѣе знаменитаго Грога Дэвиса?..

— Онъ наглецъ, этотъ благородный лордъ, — сказалъ Дэвисъ, положивъ письмо, между тѣмъ какъ Бичеръ хохоталъ до того, что на глазахъ его выступили слезы.—Я осмѣлился бы попросить милорда—сказать *мнѣ*,—продолжалъ Грогъ, — кто проигралъ и кто выигралъ отъ этого знакомства.

— Вы не должны принимать всего этого серьезно, Грогъ,— сказалъ Бичеръ, умилостивительнымъ тономъ.

— Но когда мнѣ говорятъ, что самымъ тяжкимъ обвиненiемъ противъ *васъ* служитъ ваше знакомство со *мною*, то я кажется, имѣю очень основательный поводъ принять это серьезно, — не потому, впрочемъ, чтобы и я съ своей стороны не могъ пустить гранату въ непрiятельскiй лагерь. Благородный лордъ не такъ безопасенъ, какъ онъ воображаетъ. Я былъ главнымъ слугою въ трактирѣ Смайкза подъ вывѣской Вишни въ Ричмондѣ въ ту ночь, когда Мэта Фортскью обобрали до-чиста. Я могу назвать имена всѣхъ участниковъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ.

— Лаккингтонъ не участвовалъ въ этомъ,—я готовъ присягнуть, что не участвовалъ,—вскричалъ Бичеръ, горячась.

— Присягнуть! сказалъ Дэвисъ съ дерзкой усмѣшкой. А помните вы день, когда старый судья Бланчардъ—это было во время Iоркскихъ ассизовъ—сказалъ: «поразмыслите, мистеръ Бичеръ о томъ, какую вы хотите дать присягу; если вы не измѣните своего намѣренiя подтверждать этотъ документъ, то послѣдствiя могутъ быть серьезнѣе, чѣмъ вы думаете». И помните, Аннеслей, вѣдь вы не присягнули?

— Я скажу вамъ вотъ что, мистеръ Грогъ,—сказалъ Бичеръ, лицо котораго покрылось внезапною блѣдностью,—обо *мнѣ* вы можете говорить что вамъ угодно. Мы долгое время были съ вами товарищами и прiятелями; но Лаккингтонъ — глава моей

фамиліи, онъ имѣетъ стулъ въ палатѣ пэровъ, онъ не уступитъ важнѣйшимъ лицамъ Англіи, и я не хочу сидѣть здѣсь для того, чтобы слушать что нибудь противъ его чести.

— А! вы не хотите,—не хотите?—сказалъ Грогъ, опустивъ обѣ свои руки на колѣни и устремивъ свои огненные сѣрые глаза на лицо своего собесѣдника. Хорошо же, я скажу вамъ что вы *будете* сидѣть. Садитесь, сэръ, садитесь, я вамъ приказываю и не трогайтесь съ мѣста, пока я не позволю вамъ. Видите этотъ кулакъ? видите эту руку? возьмите ее, пощупайте, пожмите: есть ли въ ней что либо похожее на жилы и мускулы человѣка, который боится тяжелой работы? Островъ Норфокъ не напугаетъ меня, а Аннеслей Бичеръ не захочетъ туда попасть, за это я ручаюсь. Онъ почувствовалъ бы сильнѣйшую боль въ лопаткахъ и поясницѣ, послѣ перваго дня работъ въ каменоломняхъ. И такъ не трогайте меня—вотъ и все. Когда дѣла человѣка идутъ такъ дурно, какъ шли мои въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, то раздражать его не безопасно,—да, не безопасно.

— Я не думалъ сердить васъ, старина, началъ было Аннеслей.

— Такъ и не дѣлайте этого, не дѣлайте, говорю вамъ,— угрюмо сказалъ Грогъ, снова взявши письмо Лаккингтона. Когда вы будете писать отвѣтъ на это письмо,—продолжалъ онъ,— то попросите Грога Дэвиса прибавить что-нибудь и съ своей стороны. Вы только скажите ему: «Грогъ, старый товарищъ, я пишу къ моему благородному брату; не имѣете ли вы чего нибудь сообщить ему» и тогда вы увидите, есть ли у него такая статейка или нѣтъ.

— Вы порядочный забавникъ, мастеръ Дэвисъ,—сказалъ Бичеръ со смѣхомъ, не слишкомъ-то искреннимъ и непринужденнымъ.

— Я не могу терпѣть человѣка, который не дѣйствуетъ со мною напрямки, — такая ужь у меня натура. Теперь обратимся къ благородному виконту. И онъ, не читая громко сталъ пробѣгать письмо глазами.

— Здѣсь идетъ дѣло все о суммахъ, которыя онъ заплатилъ за васъ, да о томъ, какихъ страшныхъ затрудненій надѣлали ему ваши долги. Да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Это не новость, что платить долги — вовсе не удовольствіе. И онъ оканчиваетъ такъ, какъ обыкновенно оканчиваются эти исторіи; онъ клянется, что не будетъ дѣлать болѣе подобныхъ благодѣяній. «Я думаю, — говоритъ онъ, — что ты могъ бы по-

править свои дѣла выгодною женитьбой, но ты никогда не умѣлъ пользоваться случаями, на которые я тебѣ указывалъ.»

— Это уже черезчуръ! — съ гнѣвомъ вскричалъ Бичеръ. Единственная вещь, которую онъ предлагалъ мнѣ въ томъ отношеніи, была женитьба на вдовѣ управлявшаго желѣзнымъ заводомъ въ Барнстэблѣ; но я узналъ, что заводъ былъ обязанъ контрактомъ поставлять рельсы для перувіанской линіи за плату двумя фунтами десятью шиллингами ниже рыночной цѣны за каждую тонну желѣза.

— Это я открылъ такую штуку! съ гордостью сказалъ Грогъ.

— Да, старина, и вы избавили меня отъ платежа неустойки.

— Ну, а вотъ здѣсь, кажется, есть что-то получше,—продолжалъ Грогъ, читая. «Молодая и хорошенькая, одна изъ двухъ дочерей ирландскаго купца, торговавшаго съѣстными припасами. Эти дѣвушки за границей еще первый разъ въ своей жизни и, слѣдовательно, для нихъ все новость. Фамилія ихъ — О'Рейли, изъ аббатства Маріи, такъ что вамъ будетъ очень легко справиться объ ихъ отцѣ въ Дублинѣ. Зная, что въ городахъ такихъ новость берутъ на расхватъ, я убѣдилъ О'Рейли купить здѣсь на озерѣ одну виллу, такъ что если собранныя тобою свѣденія окажутся удовлетворительными, то мы можешь пріѣхать немедленно, и мы поймаемъ птичекъ въ гнѣздѣ, въ которомъ я посадилъ ихъ.

— Вотъ это похоже на дѣло,—это изложено хорошо и толково, — замѣтилъ Дэвисъ тономъ непритворнаго удивленія. Затѣмъ продолжалъ:

«О'Рейли говоритъ, что за каждою изъ нихъ по сорока тысячь приданаго; но, имѣя въ виду породниться съ хорошею фамиліей, онъ можетъ быть дастъ за одною изъ дочерей и больше, въ особенности если ему дадутъ понять, что чрезъ этотъ союзъ надежды другой дочери на хорошую партію въ соотвѣтственной степени улучшатся; во всякомъ случаѣ въ этомъ дѣлѣ нельзя терять времени, и ты можешь чрезъ два мѣсяца написать ко мнѣ о высылкѣ пятидесяти фунтовъ. За эту сумму ты можешь пріѣхать сюда, а на случай если меня здѣсь не застанешь, у тебя будутъ рекомендательныя письма къ О'Рейли. Для этого дѣла не нужно ни большихъ хлопотъ, ни денегъ, хотя, можетъ быть, оно потребуетъ съ твоей стороны большей энергіи и рѣшимости, чѣмъ какую ты обнаруживалъ до сихъ поръ. Въ надлежащую минуту я буду готовъ содѣйствовать тебѣ всѣми зависящими отъ меня средствами.

— Что это значитъ,—спросилъ Дэвисъ.

— Не могу отгадать; но что нужды? Дѣло-то кажется хорошее. Вы, конечно можете подробно освѣдомиться объ этихъ О'Рейли?

— Это довольно легко.

— Я вамъ скажу вотъ что, старина, — вскричалъ Бичеръ бросивъ свою сигару и зашагавъ взадъ и впередъ по комнатѣ, — это всѣхъ насъ опять поставило бы на ноги. Вотъ тогда мы подержали бы пари, мы задали бы имъ баню! Они считаютъ меня простакомъ, но что они скажутъ, когда номеръ Аннеслея Бичера будетъ красоваться на павильонѣ!

— Теперь скачками не много возьмешь, — сухо сказалъ Грогъ Дэвисъ, закуривая сигару. Конскимъ бѣгомъ не поживишься, онъ обобранъ, обобранъ на-чисто. Въ прежніе времена джентльмены были джентльменами, а барышники барышниками; теперь же всякъ барышничаетъ какъ только можетъ; и я желалъ бы посмотрѣть кто въ состояніи прожить этимъ ремесломъ.

— А вѣдь это отчасти справедливо! подтвердилъ Бичеръ.

— Такъ справедливо, продолжалъ Грогъ, что если вы рѣшились искать руки этой дѣвушки, то оставьте скачки. Есть много вещей получше скакового круга,—пропасть компаній, банковъ и спекуляцій всякаго рода. Вы покупаете акцію, положимъ, за тридцать фунтовъ, и продаете потомъ за восемьдесятъ, за девяносто, за сто. Я думалъ уже объ одномъ новомъ предпріятіи, о которомъ скажу въ другое время, — а сперва поговоримъ объ этой женитьбѣ: это возможная вещь.

— Возможная! разумѣется возможная, мастеръ Грогъ. Но не угодно ли вамъ вспомнить, что Лаккингтонъ не имѣетъ дѣтей. Я долженъ наслѣдовать ему во всемъ, — и въ титулѣ, и въ имуществѣ.

— Отличныя вѣсти для жидовъ, — не правда ли? — вскричалъ Грогъ Дэвисъ. Да вѣдь за вычетомъ вашихъ долговъ у васъ немного останется. Вы должны болѣе ста тысячь фунтовъ.

— Но я завтра же могу скупить всѣ свои долговыя обязательства за двадцать пять тысячь. Кредиторы не имѣютъ права коснуться наслѣдственнаго имѣнія.

— А я такъ думаю, что они возьмутъ его у васъ тѣмъ или другимъ способомъ; но оставимъ это; еще будетъ время подумать объ этихъ вещахъ,—только пошевеливайтесь поскорѣй насчетъ этой женитьбы.

— Я отправлюсь въ понедѣльникъ. Мнѣ нужно здѣсь устроить два незначительныхъ дѣла и затѣмъ я свободенъ.

— А что тутъ такое на оборотѣ Лаккингтонова письма, съ надписью подъ *строжайшимъ* секретомъ?

«Я хотѣлъ отправить письмо вчера, но къ счастію отложилъ до сегодня. Я говорю—къ счастію, потому что сюда только что пріѣхалъ Дэвенпортъ Дённъ съ очень важнымъ извѣстіемъ, въ которомъ вашъ интересъ сравнительно съ моимъ играетъ только второстепенную роль. Объяснять въ чемъ дѣло—было бы слишкомъ долго, да въ этомъ нѣтъ и необходимости, такъ какъ Дённъ будетъ въ Дублинѣ чрезъ день или чрезъ два послѣ того, какъ это письмо дойдетъ до васъ. Повидайтесь съ нимъ немедленно, адресъ его—Мерріонъ-Скверъ, на сѣверной сторонѣ, и онъ будетъ вполнѣ приготовленъ къ вашему посѣщенію. Будьте на сторожѣ, потому что Дённъ, мой адвокатъ и повѣренный въ Ирландіи, человѣкъ довольно хитрый и можетъ имѣть въ виду другіе интересы во вредъ интересамъ вашего.

«Лаккингтона»

— Не можете ли вы угадать, что это значитъ, Грогъ? Имѣетъ ли это какое-нибудь отношеніе къ плану о женитьбѣ?

— Нѣтъ, это совсѣмъ другая статья,—отвѣчалъ Грогъ, наставительнымъ тономъ;—а этотъ Дённъ, я знаю о немъ кое-что, хотя никогда не видалъ его—продувная бестія. Не вамъ имѣть съ нимъ дѣло — ужь никакъ не вамъ;—прибавилъ онъ презрительно. Если вы будете говорить съ нимъ съ глазу на глазъ, то я знаю что изъ этого выйдетъ.

— Пустяки, я не такъ-то простъ.

— Глубоко насмѣшливый взглядъ Грога остановилъ Аннеслея; онъ запнулся, покраснѣлъ и замолчалъ.

— Вы обгоняете калѣкъ, такъ ужь и думаете—что больно рысисты,—сказалъ Грогъ, съ одною изъ своихъ самыхъ нелюбезныхъ усмѣшекъ;—но я вамъ говорю, что, за исключеніемъ людей вашего сорта, вамъ не сладить ни съ кѣмъ. Человѣкъ не дѣлается проницательнымъ отъ того, что его много разъ надували. Это дѣлаетъ его подозрительнымъ, и заставляетъ смотрѣть въ оба; но что толку смотрѣть въ оба, когда ваши глаза ничего не видятъ? Смѣлость — вотъ что дѣлаетъ съ человѣкомъ, а ея-то и нѣтъ у осторожныхъ людей; нѣтъ, нѣтъ, не будьте опрометчивы и не рѣшайтесь идти одни на свиданіе съ Дённомъ.

Вы должны хорошенько подумать объ этомъ, — да, хорошенько подумать. Вамъ придется взять *меня* съ собою.

ГЛАВА XIII.

Вѣсти отъ Джека.

— Наконецъ-то онъ пріѣхалъ, Белла, — сказалъ Келлетъ, когда, однажды ночью, усталый и измученный, онъ воротился въ свой коттеджъ. Я ждалъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ какъ онъ вышелъ на станціи въ Вестландъ-роу и поѣхалъ домой.

— Видѣлъ онъ васъ, папа? — говорилъ онъ съ вами? — спросила она съ живостью.

— Видѣлъ *меня!* говорилъ со *мною!* до того ли ему было, моя милочка, когда лордъ Гленгаррифъ пожималъ ему одну руку, сэръ Самюэль Дауни — другую, и дюжина голосовъ кричала: «съ благополучнымъ пріѣздомъ, мистеръ Дённъ, очень рады видѣть васъ здоровымъ; мы боялись, что вы забудете бѣдную Ирландію и не воротитесь къ намъ!» А между тѣмъ извощики составили хоръ и начали кричать ура и привѣтствовать его: «Многія лѣта Дэвенпорту Дённу; дай ему Богъ побольше власти!» Честное слово, можно бы подумать, что это встрѣчаютъ Даніэля О'Коннеля или, по крайней мѣрѣ, лорда-намѣстника—до такой степени все шумѣло и суетилось вокругъ этого Дённа.

— Ну, а онъ, — какъ онъ принялъ это?

— Такъ хладнокровно, какъ будто онъ отъ природы имѣлъ право на подобныя демонстраціи. «Очень вамъ благодаренъ; это очень любезно съ вашей стороны», — бормоталъ онъ съ легкою улыбкой и махая рукой, какъ будто желая сказать этимъ жестомъ: «Довольно; развѣ вы не видите, что я путешествую *инкогнито*, и потому не нуждаюсь ни въ какихъ другихъ почестяхъ.

— О, нѣтъ, папа... это скорѣе похоже на смиреніе.

— Смиреніе! — воскликнулъ Келлетъ съ горькимъ смѣхомъ, — знаете же вы этого человѣка! Смиреніе! Да во всей Ирландіи не найдется теперь десяти дворянъ, которые были бы такъ наглы и горды, какъ онъ. Если бы вы видѣли, какъ онъ выходилъ изъ экипажа, слегка кивая головой одному, улыбаясь другому, подавая два пальца кому-нибудь изъ знатныхъ особъ, стоящихъ въ толпѣ — вы сказали бы: «Это какой-то принцъ возвращается на родину; посмотрите, какъ онъ, не смотря на ихъ радость по этому случаю, не позволяетъ имъ слишкомъ фамильярничать съ собою!»

— Вполнѣ ли вы справедливы, — вполнѣ ли вы искренни во всемъ этомъ, милый папа?

— Должно быть не совсѣмъ, — сказалъ онъ угрюмо. Гораздо вѣроятнѣе, что я не правъ. Я — бѣдный, уничтоженный деревенскій помѣщикъ, который видитъ все въ черномъ цвѣтѣ и думаетъ о временахъ, когда его фамилья значила что-нибудь въ странѣ, и когда мистеръ Дэвенпортъ Дённъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы ему позволили сидѣть у него въ лакейской. Ничего не можетъ быть правдоподобнѣе этого! — прибавилъ онъ съ горечью, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ въ самомъ недовольномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, вы не такъ меня поняли. Я хотѣла сказать, что человѣку въ такой степени обремененному тяжкими заботами, — человѣку, голова котораго наполнена такимъ множествомъ великихъ плановъ и предпріятій, — чувство смиренія, гордое въ своемъ родѣ, естественно можетъ примѣшиваться ко всѣмъ удовольствіямъ минуты, такъ сказать шепча въ его сердцѣ: «Не увлекайся этою лестью, не обольщайся твоимъ собственнымъ высокимъ мнѣніемъ о своей особѣ. Люди отдаютъ почести не столько тебѣ, сколько дѣлу, для котораго ты назначенъ. Они повидимому, привѣтствуютъ лоцмана, но на самомъ дѣлѣ они прославляютъ океанъ, по которому онъ ведетъ ихъ». Развѣ подобное сознаніе не могло шевелиться въ душѣ Дённа въ эту минуту?

— Право не знаю, да и не желаю знать, — сердито отвѣчалъ Келлетъ. Кажется люди теперь не помнятъ, какъ они жили въ то время, когда я былъ молодъ. Нынче во всемъ завелись новыя выдумки.

— Человѣческая натура во всѣ вѣка одинакова! — тихо сказала она.

— Да, и тѣмъ хуже для нея, Белла. Въ жизни больше дурного, чѣмъ хорошаго, въ ней больше жестокости, скупости и вѣроломства, чѣмъ доброты, снисходительности и честности. На одинъ хорошій поступокъ приходится двадцать, тридцать, пятьдесятъ примѣровъ мошенничества и двуличности. Если ты хочешь хвалить свѣтъ, то не спрашивай мнѣнія Поля Келлета; вотъ что!

— Я далека отъ того, чтобы согласиться съ вами, вскричала Белла, вскочивъ съ своего стула и взявъ отца подъ руку. — Вы-то сами и служите свидѣтелемъ справедливости моихъ словъ. Изъ вашихъ собственныхъ устъ я слышала больше разсказовъ о подвигахъ великодушія, больше примѣровъ самопожертвованія, вѣрности и истинной доброты, чѣмъ отъ кого бы то ни было.

— Да, между бѣдными, Белла, между бѣдными! возразилъ Келлетъ, нѣсколько пристыженный своею уступкой.

— Будьте же увѣрены, что эти черты не принадлежатъ исключительно никакому классу общества. Добродѣтели бѣдныхъ, такъ же какъ и ихъ страданія, замѣтнѣе, чѣмъ въ достаточныхъ классахъ общества, — ихъ жизнь обнажена бѣдностью; но я увѣрена, что люди лучше, чѣмъ мы думаемъ о нихъ, лучше, чѣмъ какими считаютъ они себя сами.

— Можетъ быть, твоя правда, милая Белла, — только это не тотъ свѣтъ, который я видалъ. Сколько я знаю, люди только и дѣлаютъ, что лгутъ и обманываютъ другъ друга, и — что всего больнѣе—прибавилъ онъ съ горькимъ вздохомъ—ваша собственная плоть и кровь поступаетъ съ вами хуже, чѣмъ всѣ другіе!

Эти слова предвѣщали приближеніе мрачныхъ мыслей. Подобными разсужденіями ограничивались обыкновенно его намеки на своего сына, и Белла тщательно избѣгала противорѣчить ему въ этомъ чувствѣ, чтобы не усилить его еще болѣе. Она хорошо понимала натуру своего отца. Она была увѣрена, что какой-нибудь счастливый случай когда-нибудь разсѣетъ это неудовольствіе, бывшее не болѣе какъ простымъ предубѣжденіемъ, между тѣмъ какъ, въ случаѣ спора, старикъ непремѣнно дошелъ бы до убѣжденія, что изъ всѣхъ толчковъ, которые ему случалось получать въ жизни, поведеніе его сына Джэка было самымъ сильнымъ и грубымъ.

Продолжительное и тягостное молчаніе, наступившее послѣ ихъ разговора, было прервано вдругъ громкимъ стукомъ въ дверь коттэджа, столь непривычнымъ для нихъ, что они оба вздрогнули.

— Это стучатся въ *нашу* дверь, Белла, сказалъ Келлетъ. Кто бы это былъ? Бичеръ не можетъ придти въ такое время вечера.

— Вотъ опять стучатъ, — сказала Белла, взявъ свѣчу. Пойду посмотрю — кто тамъ.

— Нѣтъ, дай я пойду, сказалъ Келлетъ, взявъ у нея свѣчу изъ рукъ и выходя изъ комнаты твердою поступью человѣка, готоваго встрѣтить опасность.

— Здѣсь живетъ капитанъ Келлетъ? спросилъ высокій молодой человѣкъ въ одеждѣ солдата стрѣлковыхъ войскъ.

Сердце Келлета замерло, и онъ едва слышно отвѣчалъ: — да, здѣсь.

— Я принесъ ему письмо, — сказалъ солдатъ, — письмо отъ его сына.

— Отъ Джека! — воскликнулъ Келлетъ, не будучи въ состояніи удержаться. — Какъ онъ живетъ? Здоровъ ли онъ?

— Теперь совсѣмъ здоровъ; онъ былъ болѣнъ послѣ этого взрыва въ траншеяхъ, — но теперь совсѣмъ поправился. Мы всѣ, болѣе или менѣе, пострадали въ ту ночь; — и онъ почти безсознательно взглянулъ на пустой рукавъ своего сюртука.

— Значитъ, это вы тамъ оставили свою руку, бѣдняжка, — сказалъ Келлетъ съ участіемъ, взявъ его за другую.—Пожалуйте сюда, садитесь; я капитанъ Келлетъ. Белла, товарищъ Джека, — прибавилъ онъ, представляя его своей дочери, причемъ молодой человѣкъ поклонился со всею непринужденностью хорошаго тона.

— Вы оставили моего брата здоровымъ, надѣюсь? — сказала Белла, которая съ своимъ женскимъ тактомъ тотчасъ угадала, что она говоритъ съ равнымъ.

— Въ такой степени здоровымъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, что онъ теперь долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Это письмо отъ него, но такъ какъ у него было мало времени писать, то онъ взялъ съ меня обѣщаніе лично разсказать о немъ всѣ подробности. Ему впрочемъ не было нужды и просить меня объ этомъ, потому что я обязанъ жизнью вашему сыну, капитанъ Келлетъ; онъ несъ меня на своихъ плечахъ подъ страшнымъ огнемъ русской батареи. Въ это время двѣ штуцерныя пули пробили его фуражку, и онъ непремѣнно бы погибъ, если бы русскіе не прекратили свой огонь.

— Прекратили свой огонь!

— Да, прекратили, и искренно привѣтствовали его. Да и какъ они могли удержаться отъ этого, онъ былъ единственный человѣкъ, оставшійся на этомъ ужасномъ гласисѣ, изрытомъ ядрами и гранатами.

— О, благородный мальчикъ, вскричала дѣвушка, и глаза ея заблистали.

— Не правда ли? — сказалъ солдатъ; у насъ въ арміи нѣтъ недостатка въ храбрыхъ молодцахъ; но покажите мнѣ одного, который сдѣлалъ бы то, что сдѣлалъ онъ. Граната оторвала мнѣ вотъ это, — сказалъ онъ, указывая на пустой рукавъ своего кафтана, и я сказалъ что-то должно быть въ безпамятствѣ, о кольцѣ, которое подарила мнѣ мать; оно было на пальцѣ этой несчастной руки. Между тѣмъ какъ лекарь перевязывалъ мою рану, Джекъ Келлетъ побѣжалъ на то мѣсто, гдѣ я упалъ, и подъ градомъ штуцерныхъ пуль отыскалъ оторванную руку. Вотъ это кольцо; онъ спасъ его съ опасностію собственной жизни. Въ этомъ поступкѣ не одно только мужество, въ немъ видна сердечная доброта, которая дороже храбрости.

— И однако же онъ оставилъ меня, бросилъ своего бѣднаго отца! — вскричалъ старый Келлетъ прерывающимся голосомъ.

— Если онъ сдѣлалъ это, такъ сдѣлалъ для того, чтобы заслужить славу, которая могла бы составить гордость лучшихъ людей Англіи.

— Уйдти и поступить въ полкъ простымъ солдатомъ! — сказалъ Келлетъ, и потомъ вдругъ, сконфуженный своею опрометчивостью и пристыженный яркою краской на лицѣ Беллы, проговорилъ запинаясь:

— Разумѣется, я знавалъ много людей хорошаго происхожденія, которые служили рядовыми.

— Надѣюсь, сказалъ молодой человѣкъ добродушно смѣясь. Правда, это у насъ не такъ обыкновенно, какъ у нашихъ достойныхъ союзниковъ — французовъ; но по временамъ можно встрѣтить солдатское ружье въ рукахъ тѣхъ, которые нѣкогда обращались съ двустволкой и, можетъ быть, охотились за фазанами въ своемъ родовомъ помѣстьѣ.

— Дѣйствительно, я слыхалъ о подобныхъ вещахъ, — сказалъ Келлетъ со вздохомъ; но онъ очевидно дѣлалъ эту уступку не совсѣмъ охотно.

— Какъ бѣдный Джекъ любитъ васъ! — вскричала Белла которая, углубившись въ чтеніе письма своего брата, не обраща-

ла никакого вниманія на разговоръ. Онъ называетъ васъ Чарли... просто Чарли.

— Мое имя — Чарльзъ Конуэй, сказалъ молодой человѣкъ весело смѣясь.

«...Чарли — она читала вслухъ,—мой банкиръ, когда у меня нѣтъ ни одного шиллинга,—моя сидѣлка въ госпиталѣ, мой другъ во всякое время,—отдастъ вамъ это письмо и разскажетъ обо мнѣ все. Какъ пріятно будетъ моему старому папашѣ слушать его разсказы о бивуачной жизни, такъ похожіе на его собственные повѣствованія о Полуостровѣ. Онъ увидитъ, что продолжительный миръ не укротилъ врожденной отваги нашего племени, и что наши соотечественники теперь такъ же смѣло стойки и непобѣдимы, какъ всегда; онъ скажетъ также, что для пріобрѣтенія дружбы подобнаго товарища я долженъ былъ имѣть кое-что хорошее въ своей натурѣ.

— О, если бы онъ не ушелъ и не бросилъ своего стараго отца! жалобно прервалъ Келлетъ; не время было оставлять меня теперь.

— Ка́къ не время? — возразилъ солдатъ. Я не согласенъ съ вами. Это была именно та минута, когда каждый молодой человѣкъ съ душою долженъ былъ предложить свои услуги. Не всѣмъ же покупать офицерскіе патенты, или получать хорошее содержаніе отъ своихъ родственниковъ, но всѣ мы, разумѣется, можемъ поработать въ траншеяхъ и стоять на батареѣ; и притомъ не мѣшаетъ показать простолюдину, что въ отвагѣ, энергіи и даже стойкости, джентльменъ по крайней мѣрѣ не уступитъ ему.

— Кажется, это первый человѣкъ изъ нашей фамиліи, который служитъ рядовымъ, — сказалъ старикъ, который съ какимъ-то злымъ упрямствомъ не отставалъ отъ своей идеи.

— Какъ весело онъ пишетъ, — продолжала Белла, наклонясь надъ письмомъ: «По газетамъ я вижу, что здѣсь всѣмъ намъ надоѣла война, что мы упали духомъ, и что мы только и знаемъ. что жалуемся на плохой кофе, да на полусырую свинину и проч. Не вѣрьте этому. Правда, мы проклинаемъ по временамъ коммисаріатъ: есть какое-то эпикурейское наслажденіе въ томъ, чтобы ругать порціи; но спросите Чарли, думаемъ ли мы когда-нибудь объ этихъ вещахъ, когда встанемъ изъ-за стола и смотримъ на эти мрачныя земляныя укрѣпленія, которыя повидимому выростаютъ съ каждымъ днемъ. Въ бояхъ здѣсь нѣтъ недостатка, и если не всякому удастся участвовать въ регулярныхъ сраженіяхъ,

то онъ можетъ прокрасться въ свѣтлую ночь и выстрѣлить по русскимъ изъ-за своей засады. Я стрѣляю вдвое лучше, чѣмъ прежде, и признаюсь, что теперешняя моя охота волнуетъ меня вдвое больше, чѣмъ прежнія мои похожденія за тетеревами на Магерской горѣ. Насъ также веселитъ то, что наши старые враги-французы работаютъ вмѣстѣ съ нами; но они дали намъ львиную долю этой работы, и предоставили нашему небольшому войску исполнять тѣ же самыя обязанности, какія несетъ ихъ многочисленная армія. Множество трудовъ, невзгодъ и жаркихъ схватокъ, — но не смотря на то это самая веселая жизнь, какую только можетъ вести человѣкъ. Каждый день имѣетъ свою исторію о какомъ нибудь блистательномъ подвигѣ храбрости, который всѣхъ насъ приводитъ въ дикій восторгъ, между тѣмъ какъ мы задаемъ себѣ вопросъ — что думаете вы объ насъ въ Англіи. Вотъ приказываютъ всѣмъ оканчивать свои письма, и поэтому я останавливаюсь. Съ чувствомъ самой теплой любви къ милому старому папашѣ и къ тебѣ

Вашъ

Джекъ Келлетъ».

«P. S. Такъ какъ я не думаю, что вы могли найдти это въ газетахъ, то скажу вамъ, что по возвращеніи моемъ въ полкъ, меня произведутъ въ капралы. До генералъ-маіора еще далеко, но по крайней мѣрѣ я на дорогѣ къ этому чину, Белла.»

— Въ капралы! въ капралы! воскликнулъ Келлетъ;—мнѣ кажется, я вижу это во снѣ. Старшій сынъ Поля Келлета — Келлета изъ Келлетсъ-Корта — капралъ!

— Всѣ предразсудки моего отца основаны на обычаяхъ его времени, которое ни въ чемъ не походитъ на настоящее, —тихо сказала Белла Конуэю.

— Нельзя сказать, что ни въ чемъ, миссъ Келлетъ, возразилъ молодой человѣкъ, съ спокойною улыбкой.—Джекъ сей часъ сказалъ вамъ, что въ войскахъ сохранились прежній духъ и прежнее мужество. Нынѣшніе наши солдаты — дѣти и внуки храбрецовъ, которые выгнали французовъ изъ Испаніи.

— А *вы* опять отправляетесь назадъ? — спросилъ Келлетъ довольно угрюмо и едва сознавая что онъ говоритъ.

— Имъ я уже не нуженъ, — отвѣчалъ Конуэй краснѣя и взглянувъ на свой пустой рукавъ;—имъ нужны ребята, которые могутъ владѣть штуцерами Минье.

— О, разумѣется... я долженъ былъ сообразить это... Я забылъ—пробормоталъ онъ въ смущеніи;—но, во всякомъ случаѣ, вы имѣете пенсію?

— Я имѣю добрую старую мать, что гораздо лучше, — сказалъ молодой человѣкъ, покраснѣвъ еще болѣе;—она дала мнѣ кратковременный отпускъ, чтобы я могъ повидаться съ семействомъ Джека Келлета; потому что она знаетъ Джека, по крайней мѣрѣ по имени, какъ своего собственнаго сына.

На разспросы Беллы онъ отвѣчалъ, что его мать имѣетъ небольшой коттэджъ близъ Бетльзи, у подошвы Снодона; это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ во всемъ Уэльзѣ, находящееся въ одномъ изъ солнечныхъ уголковъ, которые по своему климату похожи на югъ Европы.

— И теперь вы отправитесь назадъ и будете тамъ жить спокойно, — сказала дѣвушка разсѣянно, потому что ея мысли блуждали далеко.

Молодой человѣкъ замѣтилъ это и всталъ, чтобы проститься. Я завтра буду писать къ Джеку, капитанъ, сказалъ онъ. — Я могу написать, что я васъ видѣлъ живыми и здоровыми, и сказать бѣдняжкѣ — я увѣренъ что вы позволите мнѣ это — что вы отъ души простили ему. Старикъ печально покачалъ головой. Конуэй продолжалъ:

— Это тяжелая вещь, — когда вы сидите темною ночью въ траншеяхъ, или лежите на сырой землѣ противъ нихъ, думая о своемъ домѣ, отъ котораго вы далеко, — имѣть въ сердцѣ какое нибудь другое чувство кромѣ любви и привязанности. Печалиться въ это время о своихъ ошибкахъ и глупостяхъ, и горевать о томъ, въ чемъ раскаеваешься — ни къ чему не ведетъ. Намъ пріятно думать, что наши домашніе, счастливые у своего очага, помышляютъ о насъ съ любовію. Человѣкъ никогда не можетъ быть такъ мужественъ предъ лицомъ непріятеля, какъ въ то время, когда онъ знаетъ, что онъ дорогъ кому нибудь изъ отсутствующихъ.

Когда Конуэй, отъ природы стыдливый и застѣнчивый, запинаясь говорилъ эти слова, Белла посмотрѣла ему прямо въ глаза съ участіемъ, котораго она не чувствовала прежде, и онъ покраснѣлъ, отвѣтивъ на ея пристальный взглядъ:

— Я увѣренъ, что вы простите мнѣ, сэръ, — сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Келлету. Съ моей стороны было большою смѣлостью говорить съ вами такимъ образомъ; но я былъ товарищемъ Джека, онъ разсказалъ мнѣ всѣ свои тайны,

и я знаю, что бѣдному мальчику гораздо легче идти на русскую батарею, чѣмъ слышать какое-нибудь жесткое слово съ вашей стороны.

— Спросите Беллу, сказалъ ли я хотя одно такое слово, или даже упомянулъ ли я его имя; сказалъ Келлетъ со всѣмъ самодовольствіемъ эгоизма.

Глаза Беллы быстро повернулись къ солдату съ такимъ значительнымъ выраженіемъ, что онъ только вздрогнулъ и пробормоталъ:

— Значитъ, я не могу сдѣлать ничего больше; когда я опять получу какое нибудь извѣстіе отъ Джека, то сообщу вамъ. Й съ этими словами онъ пошелъ къ двери.

Белла поспѣшно прошептала нѣсколько словъ на ухо отцу, и такъ какъ онъ повидимому находился въ нерѣшимости, то она повторила ихъ съ большею настойчивостью.

— Какъ же мы можемъ сдѣлать это? вѣдь это будетъ воскресенье, и къ намъ придетъ Бичеръ, возразилъ Келлетъ.

— Но вѣдь это джентльменъ, папа; его солдатскій сюртукъ разумѣется не дѣлаетъ ему безчестья.

— Не могу, не могу, прошепталъ онъ угрюмо.

— Она опять прошептала ему что-то на ухо; наконецъ онъ сказалъ:

— Неугодно ли будетъ вамъ пообѣдать съ нами завтра, Конуэй? — мы будемъ одни, разумѣется.

— Молодой человѣкъ выпрямился и нѣсколько моментовъ лицо его имѣло надменное, почти дерзкое выраженіе. Но въ лицѣ Беллы было что-то такое, что такъ же скоро успокоило гнѣвныя мысли, мелькнувшія въ его умѣ, и онъ вѣжливо отвѣчалъ.

— Если вы позволите мнѣ явиться въ этомъ платьѣ, — со мною нѣтъ другого.

— Разумѣется... конечно,—прервалъ Келлетъ. Если мой сынъ носитъ такое же, то что я могу сказать противъ этого?

Въ отвѣтъ на эту не совсѣмъ любезную рѣчь молодой человѣкъ добродушно улыбнулся; можетъ быть рука, которую онъ держалъ теперь въ своей, вознаграждала его за жалостность этихъ словъ и его «Прощайте!» было произнесено со всею искренностію и непринужденностью.

ГЛАВА XIV.

Обѣдъ у Поля Келлета.

Для всѣхъ, кто живетъ дома, со всѣми удобствами, нѣтъ ничего легче, какъ устроить то, что называется званымъ обѣдомъ. Развѣ только можетъ случиться какое-нибудь затрудненіе относительно гостей. Напримѣръ леди Мери заболѣетъ, или будетъ не совсѣмъ ловко пригласить сэра Гарри, когда приглашены Гэдлеи. Можетъ возникнуть какое-нибудь неудобство, которое потребуетъ нѣкотораго соображенія о томъ, какъ бы его устранить; но по крайней мѣрѣ хозяйственная часть не представляетъ никакихъ трудностей. Для угощенія пріятелей существуетъ одинъ стереотипный образецъ и уклоняться отъ него нѣтъ никакой необходимости. Вашъ черепаховый супъ можетъ въ большей или меньшей степени отзываться мадерой, лососина — быть нѣсколько мясистѣе въ верхней части, филе болѣе или менѣе недожарено, второстепенныя блюда нѣсколько хуже или лучше, чѣмъ у вашего сосѣда, но начиная отъ икры до сыра включительно, все идетъ по извѣстной рутинѣ, и обѣдъ № 12 есть вѣрный снимокъ обѣда № 13, и тотъ же самый мягкій голосъ, который шепчетъ: «не прикажете ли хересу, сэръ? слышится повсюду. То же самое однообразіе господствуетъ и въ умственныхъ элементахъ праздника; все спокойно, рутинно и обычно; повсюду разлита атмосфера пошлаго разговора, очень благопріятнаго для пищеваренія, и сильно располагающаго ко сну.

Но далеко не такъ бываетъ у человѣка бѣднаго, въ особенности, когда это раззорившійся джентльменъ, у котораго воспоминанія прошлаго находятся въ борьбѣ съ требованіями настоящаго, и самыя насущныя потребности составляютъ предметъ большого затрудненія.

Келлетъ очень заботился о томъ, чтобы внушить другу своего сына высокое мнѣніе о своемъ положеніи въ обществѣ и сказалъ Беллѣ, чтобы она не стѣснялась хотя бы пришлось истратить все, что они расходуютъ втеченіе цѣлой недѣли, чтобы только показать солдату, что такое фамилія Джека. Баранья

нога и нѣсколько хорошаго портвейна составляли по его мнѣнію, очень приличное угощеніе, и тотчасъ же было рѣшено включить ихъ въ карту обѣда. Белла надѣялась, что послѣ перваго припадка тщеславія, онъ опять перейдетъ къ прежнему равнодушію относительно всѣхъ этихъ подробностей. Но оказалось далеко не такъ. Первою мыслію его при пробужденіи былъ обѣдъ, и когда она замѣтила ему за завтракомъ, что дѣло не совсѣмъ ладно, то онъ отвѣчалъ: «ничего, моя милая, лишь бы только не было недостатка въ капорцахъ». Даже возможность случайнаго прихода Бичера составляла уже второстепенную заботу сравнительно съ желаніемъ Келлета блеснуть при этомъ случаѣ, и онъ ходилъ изъ столовой въ кухню, заглядывалъ въ кастрюли и приподнималъ крышки на блюдахъ съ самою настойчивою суетливостію, да и сама Белла не совсѣмъ была чужда этой суеты. Она видѣла въ перспективѣ, хотя и очень отдаленной, проблескъ возстановленія прежнихъ отношеній отца къ бѣдному Джеку. «Удовольствіе, которое доставляетъ отцу этотъ случай,— думала она,—не останется безъ послѣдствій. Онъ будетъ говорить о Джекѣ и позволитъ примѣшивать его имя къ нашимъ ежедневнымъ темамъ. Затѣмъ Джекъ опять сдѣлается членомъ нашей семьи». И вслѣдствіе этихъ соображеній она поощряла старика устроить по поводу принесенныхъ Конуэемъ вѣстей маленькій праздникъ.

Сколько ловкости, сколько вкуса потратила она на то, чтобы скрыть жесткія черты ихъ суровой бѣдности! Нѣсколько штукъ посуды, оставшейся отъ прежняго, болѣе счастливаго, времени стояло на буфетѣ; между ними видную роль игралъ кубокъ, подаренный капитану Келлету его сослуживцами, при выходѣ его изъ полка, въ которомъ онъ служилъ тридцать восемь лѣтъ;— этотъ кубокъ подавался только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Его сабля и портепея, которыя были надѣты на немъ въ день Ватерлооской битвы, были повѣшены надъ каминомъ, а надъ ними висѣла его Талаверская фуражка, поврежденная французскою саблей. «Если онъ начнетъ говорить объ этой экспедиціи, Белла,—сказалъ старикъ, намекая на крымскую войну, — то я дамъ ему понять что значитъ настоящая война, которую мы вели на Полуостровѣ! Клянусь честью, мы не занимались тамъ копаньемъ ямъ». И онъ засмѣялся при мысли о нелѣпости подобной выдумки.

Немногіе простенькіе цвѣты, какіе только можно было найдти въ саду въ это позднее время года, красовались на каминѣ,

и никакія средства изобрѣтательности не были пренебрежены чтобы придать маленькой столовой веселый и пріятный видъ. Келлетъ разъ двадцать входилъ и выходилъ изъ комнаты, не уставая восхищаться ею и безпрестанно бормоча про себя похвалы Беллѣ, вкусу которой она обязана была своимъ великолѣпіемъ. Я поставлю кубокъ на срединѣ стола, Белла. Желтыя фіалки будутъ имѣть довольно хорошій видъ на буфетѣ. Да, можетъ быть, ты права, моя милочка; это будетъ проще, безъ претензій. Да смотри, душа моя, чтобы старуха Бетти надѣла чистый передникъ. Она съ самаго Срѣтенія все ходитъ въ одномъ и томъ же. Не позволяй ей откупоривать ни одной пробки, она мастерица ихъ портить. Я буду сидѣть здѣсь и штопоръ будетъ у меня подъ рукою; да притомъ это очень прилично въ маленькой комнатѣ. Боже мой, вотъ идетъ Бичеръ, — вскричалъ онъ, увидавъ этого достойнаго джентльмена въ окно.

— Что это у васъ такое, Келлетъ? Не ожидаете ли вы къ себѣ намѣстника, или у васъ какое-нибудь семейное торжество? Что все это значитъ?

— Ничего больше, какъ то, что я хочу угостить бараньими котлетами — пріятеля моего сына; это — молодой человѣкъ, который вчера привезъ письмо отъ Джека.

— А, отъ вашего сына. Кстати, въ какомъ онъ полку? Кажется вѣдь въ легкомъ драгунскомъ?

— Нѣтъ, въ стрѣлковомъ, сказалъ Келлетъ отрывисто кашлянувъ.

— Онъ очень близокъ теперь къ поручичьему чину, я думаю? Былъ онъ подъ Альмою?

— Да, онъ участвовалъ въ сраженіи, — сказалъ Келлетъ сухо, потому что хотя онъ разъ или два и говорилъ своему почтенному другу, что Джекъ служитъ, но ни разу не упоминалъ о томъ, что онъ служитъ рядовымъ. Впрочемъ фактъ этотъ по всей вѣроятности не возбудилъ бы въ Аннеслеѣ Бичерѣ ни малѣйшаго сожалѣнія, потому что не обязывалъ его самого стоять на часахъ, работать въ траншеяхъ, ѣсть казенные сухари, или подвергать себя какимъ-нибудь трудностямъ солдатской жизни; и онъ выслушалъ бы разсказъ объ участи Джека съ тою возвышенною философіею, которая учитъ насъ спокойно переносить бѣдствія другихъ.

— Что вы не похлопочите, чтобы его подвинуть? Ничего нельзя получить безъ просьбы; да и мало просить: надо клянчить, докучать, надоѣдать. Найдите какого-нибудь чиновника

канцеляріи, который бы увѣдомилъ васъ въ случаѣ открытія вакансіи, и тогда насядьте на нихъ. Если они скажутъ: «мы ждемъ только случая, капитанъ Келлетъ», вы отвѣчайте: «Этотъ случай представился; Гровсъ, служащій въ 46 полку, вышелъ въ отставку, куда еще открылась вакансія Симпсона». Вотъ какъ надо дѣлать.

— Вы удивительный человѣкъ! воскликнулъ Келлетъ, который благоговѣлъ предъ житейскою мудростью своего друга.

— Я попросилъ бы Лаккингтона, да отъ него никому нѣтъ проку. Возьмите хоть мое дѣло, напримѣръ. И Бичеръ началъ распространяться на тему, которую онъ такъ любилъ и никогда не находилъ скучною. Способность его ко всему, годность для исполненія пятидесяти самыхъ противоположныхъ и разнообразныхъ обязанностей, готовность получить какое-нибудь тепленькое мѣстечко и настоящая его потребность въ жалованьи—были предметами, которые возбуждали въ немъ истинное краснорѣчіе, причемъ онъ мимоходомъ дѣлалъ кое-какія замѣчанія насчетъ крайней тупости Лаккингтона, который никогда не хотѣлъ похлопотать о немъ, и считалъ его человѣкомъ не дальняго ума. «Я знаю, что вы не повѣрите, но онъ дѣйствительно такъ думаетъ обо мнѣ; да, увѣряю васъ, онъ считаетъ меня тупицей!»

Прежде чѣмъ Келлетъ могъ совершенно оправдаться отъ оглушительнаго дѣйствія подобнаго, ни на чемъ не основаннаго, мнѣнія, его гость Конуэй постучался въ дверь.

— Отъ вашего друга, Келлетъ, пришло извиненіе, — сказалъ Бичеръ.

— Какъ это? поспѣшно спросилъ старикъ.

— Я сейчасъ видѣлъ, что какой-то солдатъ идетъ сюда, и я полагаю, что это офицерскій денщикъ съ извинительною запиской.

Между тѣмъ дверь отворилась и Конуэй вошелъ въ комнату. Келлетъ встрѣтилъ его съ искреннимъ радушіемъ и обращаясь къ Бичеру сказалъ:

— Другъ и товарищъ моего сына;—мистеръ Аннеслей Бичеръ. Оба представленные поклонились одинъ другому и обмѣнялись взглядами, не показавшими особеннаго удовольствія при этомъ знакомствѣ.

— Какъ! развѣ онъ служитъ рядовымъ, Келлетъ? — прошепталъ Бичеръ, отводя его къ окну.

— Да, сказалъ Келлетъ задыхаясь.

— Чортъ побери, объ этомъ вы никогда не говорили мнѣ. Этого-то господина ждали вы къ обѣду?

— Я только что хотѣлъ объяснить... А, вотъ идетъ Белла.

Миссъ Келлетъ такъ радушно привѣтствовала солдата, что Бичеръ рѣшительно былъ изумленъ.

— Какъ его фамилія?—спросилъ Бичеръ небрежно.

— Хорошая фамилія—его зовутъ Конуэемъ.

— Конуэй... Конуэй? повторилъ Бичеръ громко; — у насъ есть какіе-то кузены Конуэи. Былъ одинъ молодой Конуэй въ 12-мъ уланскомъ полку; онъ страшно кутилъ. Его прозвали *сорвиголова* ужь не знаю почему. Вы не знаете ли? — спросилъ онъ обращаясь къ солдату.

— Я слышалъ, что это было вслѣдствіе его непріятной привычки щелкать снобсовъ.

— А вы можетъ быть его знаете?—сказалъ Бичеръ.

— Да это я самый и есть, и поэтому, слѣдуя старой поговоркѣ, мнѣ должно было бы сказать, что я очень мало съ нимъ знакомъ.

— Вы? Конуэй изъ 12 полка! Тотъ самый, которому принадлежала Леди Киллеръ (скаковая лошадь), выигравшая призъ на Ридльсвортскихъ скачкахъ?

— Вы напоминаете мнѣ старину, которую я хотѣлъ бы поскорѣе забыть,—сказалъ молодой человѣкъ улыбаясь.

— И вы были офицеромъ въ уланскомъ полку? воскликнулъ Келлетъ съ одушевленіемъ.

— Да, и теперь командовалъ бы полуэскадрономъ, если бы не имѣлъ этой лошади, о которой мистеръ Бичеръ мнѣ сейчасъ напомнилъ. Подобно многимъ другимъ, увлеченнымъ первыми успѣхами на скачкахъ, я очертя голову сталъ рисковать, совершенно убѣжденный, что фортуна на моей сторонѣ.

— Миссъ Келлетъ, вы позволите? сказалъ Бичеръ, подавая ей свою руку и очень довольный тѣмъ, что обѣдъ былъ поданъ.

— Славный малый—другъ вашего брата,—пробормоталъ онъ идя съ нею. Но что за глупость — служить рядовымъ! это послѣднее дѣло, на которое я рѣшился бы.

— Я увѣрена въ этомъ, — сказала Белла, рѣзко оборвавъ на этомъ словѣ дальнѣйшій разговоръ съ Бичеромъ.

Во время обѣда удивленіе Келлета постепенно возрастало при видѣ уваженія, которое оказывалъ Бичеръ каждому замѣчанію Конуэя. Человѣкъ, который два раза выигралъ призъ въ Бексли, который обладалъ такимъ конемъ, какого не бывало и въ конюшнѣ Дерби, былъ не дюжиннаго разбора. Напрасно Конуэй заговаривалъ о своемъ другѣ Джекѣ, и о томъ, что они видѣли

и гдѣ они бывали, — Бичеръ опять направлялъ разговоръ на конское ристалище и на «календарь скачекъ».

Одна Белла желала слышать о войнѣ, — не потому только что интересовалась узнать все о братѣ, но въ великихъ событіяхъ этой великой борьбы ея восторженная душа находила обильную пищу для своего энтузіазма. Конуэй разсказалъ о многихъ геройскихъ подвигахъ не только англійскихъ солдатъ, но и французскихъ и даже русскихъ. Онъ со всѣмъ жаромъ искренняго удивленія разсказывалъ, какъ отважно непріятель врывался ночью въ линіи союзныхъ войскъ, идя на вѣрную смерть, чтобы только помѣшать осаднымъ работамъ и задержать ихъ хоть на короткое время; онъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ Беллы и тѣ варварскія сцены, которыми украшается война; онъ наглядно представилъ картину альмскаго сраженія, и поле битвы покрытое въ нѣсколько часовъ окровавленными трупами, оторванными руками и ногами изувѣченныхъ солдатъ, осколками ядеръ, лафетовъ, лоскутами конской сбруи и оглашаемое стонами умиравшихъ людей. Ясное личико Беллы при этихъ разсказахъ принимало то выраженіе удивленія, то глубокаго состраданія; на немъ отражался то восторгъ, то печальный вздохъ. И хотя эти исторіи были разсказаны со всею живостью и яркостью личнаго наблюденія, и въ духѣ безъискусственной простоты, но старый Келлетъ слушалъ ихъ съ брюзгливою завистью человѣка, который чувствуетъ, что имъ суждено затмить своимъ интересомъ старые эпизоды войны въ Испаніи и Португаліи. Никто въ мірѣ не могъ убѣдить его, что въ настоящее время какіе бы то ни было солдаты могли сравниться съ солдатами бывшей легкой дивизіи, что есть молодцы, подобные людямъ пятаго полка или бригады Кроферда, и, спросивъ торжествующимъ тономъ есть ли въ крымской арміи такой хорошій генералъ, какъ сэръ Артуръ Уэллеслей, онъ откинулся на спинку стула и презрительно засмѣялся при мысли, что дѣйствія въ Крыму считаютъ войною, что эту экспедицію, какъ онъ называлъ ее, величаютъ именемъ компаніи.

— Вспомните, капитанъ Келлетъ, что между нами было довольно много вашихъ старыхъ друзей, воевавшихъ въ Испаніи; храбрыхъ ветерановъ, видѣвшихъ все отъ Дуро до Байоны.

— Ну что жъ, они не смѣялись надъ всѣми вашими подвигами? не говорили они вамъ, что это не похоже на войну?

— Не думаю, — отвѣчалъ Конуэй добродушно смѣясь. — Гор-

донъ сказалъ при мнѣ одному офицеру, что нападеніе на возвышенности Альмы сильно напоминаетъ ему всходъ Гардинга на холмы Альбуэры.

— Полно, перестаньте, я не могу этого выносить!—вскричалъ Келлетъ недовольнымъ тономъ. — Подумайте же только, вѣдь тамъ, у Альбуэры, нашими противниками были французы... французы подъ предводительствомъ стараго Сульта!

— Но и русскіе.... русскіе—здоровенный народъ, сэръ, будьте увѣрены въ этомъ, — сказалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторою горячностью.

— Да, русскій солдатъ—отчаянный солдатъ, если вамъ угодно: но вотъ видите—его нельзя назвать воиномъ по призванію, какъ француза; и однако же мы разбили французовъ, оттѣснили ихъ отъ моря къ Пиренеямъ, и отъ Пиренеевъ во Францію.

— Значитъ,—сказалъ Конуэй,—вы не ожидаете ничего добраго отъ нашихъ успѣховъ въ настоящей войнѣ?

— Я не поставилъ бы даже пятидесяти ни за ту, ни за другую сторону,—сказалъ Бичеръ, который не упускалъ случая изподтишка кольнуть крымскаго солдата. Я вижу, что миссъ Белла раздѣляетъ мое мнѣніе, прибавилъ онъ, замѣтивъ какую-то особенную улыбку на ея губахъ.

— Не думаю, мистеръ Бичеръ, отвѣчала она лукаво.

— Такъ чему же вы смѣетесь?

— Сказать вамъ чему? У меня въ умѣ мелькнула вотъ какая мысль: не ведетъ ли часто къ ошибкамъ привычка мѣрить всѣ человѣческія побужденія мѣркой лошадиной нравственности, употребляемой на скачкахъ?

— Я искренно думаю, что эта мѣрка рѣдко бываетъ вѣрна,—замѣтилъ Конуэй. Я четыре года провелъ на «Торфѣ» (на скаковой площади) какъ его называютъ, и если бы я не раззорился во время, то непремѣнно дошелъ бы до убѣжденія, что честный человѣкъ такой же миѳъ, какъ всѣ языческіе боги.

— Это все зависитъ отъ того — что именно вы называете честнымъ,—возразилъ Бичеръ.

— Разумѣется, зависитъ, ваша правда,—поддакнулъ Келлетъ; и, получивъ такую поддержку, Бичеръ продолжалъ:

— Я называю человѣка честнымъ, когда онъ не толкаетъ своего товарища въ яму, когда онъ не скрываетъ отъ него своей поживы и позволяетъ ему участвовать въ ней; когда онъ предостерегаетъ его противъ козней и не допускаетъ его попасть въ ловушку; вотъ это—честность.

— Можетъ быть, — сказалъ Конуэй смѣясь.—Ничего нельзя возразить противъ какого бы то ни было способа людей смотрѣть на вещи.

— Я желалъ бы выслушать *ваше* опредѣленіе честности, сказалъ Бичеръ, нѣсколько уколотый послѣднимъ замѣчаніемъ Конуэя.

— Какого же опредѣленія вы желаете отъ меня? Развѣ я не сказалъ вамъ сейчасъ, что я больше трехъ лѣтъ провелъ на «торфѣ» имѣлъ скаковыхъ лошадей и обращался съ дрессировщиками и жокеями? И секунды на двѣ онъ пріостановился, затѣмъ продолжалъ болѣе громкимъ голосомъ: —Я не могу думать, чтобы общество простыхъ солдатъ было очень хорошимъ масштабомъ для измѣренія достоинства нравовъ или благородства побужденій, и однако же даю честное слово, что мои нынѣшніе товарищи, въ сравненіи съ прежними, которыхъ я имѣлъ на скаковомъ кругу безукоризненно-порядочные люди. Я думаю, что сравнивать ихъ съ первыми относительно честности, благородства, добросовѣстности и прямодушія было бы для нихъ просто оскорбленіемъ.

— Вотъ вы уже и разгорячились, сказалъ Бичеръ. Вы не совсѣмъ безпристрастный судья. Васъ немножко обдули... Я слышалъ объ этомъ. Если бы *капрала Трима* не попотчивали лекарствомъ, то вы выиграли бы двѣнадцать тысячь въ Ланкастерѣ.

Конуэй добродушно улыбнулся такому объясненію, но не сказалъ ничего.

Белла, желавшая повернуть разговоръ къ особенностямъ крымской войны, стала разспрашивать Конуэя о подробностяхъ осады Севастополя. Конуэй, въ свою очередь желавшій отвязаться отъ Бичера и его лошадиной философіи, охотно заговорилъ съ Беллой о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ на далекомъ полуостровѣ. Келлетъ, разогрѣтый хорошимъ обѣдомъ и одушевленными разсказами о войнѣ, вдругъ поднялъ бокалъ и, остановивъ своихъ гостей, воскликнулъ:—здоровье моего любезнаго Джека. Гости отвѣчали такимъ же тостомъ.

Если Конуэй и былъ изумленъ этимъ страннымъ взрывомъ родительской любви, то тѣмъ не менѣе онъ постарался имъ воспользоваться, и тотчасъ же началъ разсказывать подвиги своего товарища, Джека Келлета. Старикъ слушалъ сначала угрюмо, но мало по малу растаялъ и съ едва сдерживаемымъ волненіемъ слѣдилъ за разсказомъ о томъ, какъ любилъ его сына весь полкъ, какъ стоять съ нимъ на батареѣ, или имѣть его своимъ товарищемъ на аванпостѣ было предметомъ зависти.

— Я не говорю, — сказалъ Конуэй, чтобы каждый полкъ и каждая рота не имѣла молодцовъ, не уступающихъ ему въ храбрости; но покажите мнѣ хоть одного, который бы былъ бодрѣе въ опасности и сохранилъ такое нѣжное сердце среди сценъ жестокости и кровопролитія. Если бы вы спросили — кто въ нашемъ батальонѣ самый храбрый, добрый, великодушный и независтливый изъ всѣхъ, то получили бы отвѣтъ: «безъ сомнѣнія, Джекъ Келлетъ».

— А какая ему отъ всего этого польза? — прервалъ старикъ, снова впадая въ недовольное настроеніе духа.

— Какая польза? А развѣ это ничего не значитъ, что въ войнѣ, изобилующей дѣлами отваги, онъ превосходитъ всѣхъ своими подвигами? Не далѣе, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ — одинъ офицеръ сардинскаго штаба, пріѣзжавшій въ нашу главную квартиру по порученію, спросилъ, здѣсь ли знаменитый «bersagliere» такъ они называютъ стрѣлковъ—и желалъ его видѣть; мало того: хотя онъ не зналъ Джека по имени, но всѣ тотчасъ же поняли, кого ему нужно, и сію же минуту послали къ нему Джека Келлета. Вотъ это я называю извѣстностью.

— Но доставитъ ли она ему офицерскій патентъ? — лукаво сказалъ Бичеръ, какъ будто однимъ быстрымъ взглядомъ проницательнаго ума онъ охватилъ весь вопросъ.

— Патентъ можно получить за четыреста пятьдесятъ фунтовъ, или выхлопотать посредствомъ протекціи. Но то, что́ сдѣлалъ Джекъ, не можетъ быть куплено однѣми деньгами. Поѣзжайте туда, мисстеръ Бичеръ, только поѣзжайте и посмотрите сами — это сто́итъ труда — какихъ молодцовъ образовала эта привычка видѣть опасность лицомъ къ лицу и днемъ и ночью. Кстати вы нашли бы тамъ свой полкъ,—вы вѣдь, кажется, служили въ фузелерахъ?

— Да, я пробовалъ служить въ военной службѣ, но она мнѣ не понравилась,—сказалъ Бичеръ;—хотя она, говорятъ, была въ мое время лучше, чѣмъ *теперь*.

Нетерпѣливое движеніе Конуэя при этихъ словахъ было внезапно прервано Келлетомъ, который сказалъ: Онъ говоритъ въ томъ смыслѣ, что служба теперь не то, что́ была прежде, и въ этомъ онъ дѣйствительно правъ.

— Я разумѣлъ эту заносчивость, — сказалъ Бичеръ: — теперь въ армію поступаютъ молодцы, которымъ слѣдовало бы...

— Я не знаю, что́ имъ *слѣдовало бы* дѣлать, прервалъ Конуэй съ гнѣвомъ, но я могъ бы вамъ сказать, что они дѣйстви-

тельно дѣлаютъ; и я не знаю гдѣ вы найдете людей, которые исполняли бы такъ свою обязанность, какъ они. Нѣсколько минутъ тому назадъ я совѣтовалъ вамъ отправиться въ Крымъ, но теперь исправляю свою ошибку: этого-то именно и не слѣдуетъ вамъ дѣлать.

— Не безпокойтесь, мой милый; мнѣ никогда и не грезилось объ этомъ. Могу поручиться, что вы никогда не увидите моего имени въ спискѣ лицъ, прибывшихъ въ Балаклаву.

— Тысячу извиненій, миссъ Келлетъ, — прошепталъ Конуэй, вставая,—но вы видите, какъ мало я привыкъ къ хорошему обществу; я стыжусь своей запальчивости. Могу я осмѣлиться — сдѣлать вамъ утренній визитъ до отправленія домой?

— О, непремѣнно, но почему бы вамъ не навѣстить насъ вечеромъ? Вы въ такомъ случаѣ скорѣе застанете насъ дома.

— Ну такъ вечеромъ, если позволите.—И онъ ушелъ, съ чувствомъ пожавъ руку Келлету и холодно поклонившись Бичеру.

— Не правда ли, что онъ простоватъ? — вскричалъ Бичеръ, когда дверь за молодымъ человѣкомъ затворилась. Забіяка, какъ его называли, начисто процѣдилъ состояніе въ шесть тысячь годового дохода, менѣе чѣмъ втеченіе четырехъ лѣтъ, а теперь— вотъ онъ простой солдатъ безъ руки!

— Честное слово, онъ мнѣ нравится; прекрасный молодой человѣкъ,—сказалъ Келлетъ съ жаромъ.

— Спросите Грога Дэвиса, назвалъ ли бы онъ его прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, — насмѣшливо возразилъ Бичеръ:—такого олуха со свѣчкой поискать. О, Поль, мой закадычный другъ, если бы я имѣлъ одинъ, только одинъ шансъ изъ двѣнадцати, которыми онъ не умѣлъ воспользоваться! Но обладаніе хорошими лошадьми не принесетъ человѣку пользы, если у него нѣтъ вотъ тутъ. И онъ значительно указалъ на свой лобъ.

Между тѣмъ Чарльзъ Конуэй медленно шелъ назадъ въ городъ, нѣсколько въ болѣе грустномъ настроеніи духа, чѣмъ въ какомъ вышелъ оттуда утромъ. Джекъ много ему говорилъ о своемъ отцѣ и о сестрѣ, но они не соотвѣтствовали—почему и въ какой мѣрѣ, этого онъ не могъ объяснить — той идеѣ, которую онъ составилъ себѣ о нихъ. Ожидалъ ли онъ найдти въ старомъ Келлетѣ болѣе сходства съ его сыномъ — тотъ же пылкій энергическій духъ, которому все въ жизни казалось легкимъ и который даже самыя невзгоды ея переносилъ съ полушутливымъ настроеніемъ? Или же онъ надѣялся найдти въ старикѣ безпечный, беззаботный характеръ Джека, натуру до такой сте-

пени изобиловавшую веселостью, что она невольно сообщалась и всѣмъ его окружавшимъ? Или же онъ воображалъ видѣть въ немъ «изящнаго стараго ирландскаго джентльмена,» той кровной школы, о которой онъ такъ часто слыхалъ?

Не менѣе того онъ разочаровался и насчетъ Беллы. Онъ думалъ, что она лучше собою или, по крайней мѣрѣ, что красота ея совсѣмъ въ другомъ родѣ. Джекъ имѣлъ голубые глаза и физіономія его болѣе подходила къ саксонскому типу; поэтому Конуэй вообразилъ, что миссъ Келлетъ должна быть блондинка съ тѣмъ же открытымъ, веселымъ выраженіемъ лица, какое было у Джека; но она оказалась смуглой брюнеткой, похожею на испанку съ серьёзными, почти меланхолическими чертами лица. Притомъ она говорила очень мало, и ни разу ни одинъ жестъ, ни одинъ тонъ, ни одно слово ея не напомнили ему его товарища.

«Джекъ лучше ихъ всѣхъ, это ясно», сказалъ самъ себѣ Конуэй; однакоже, при всей его любви къ Джеку, эта мысль не принесла ему того удовольствія, которое она должна бы ему доставить.

ГЛАВА XV.

Домашняя сцена.

Описывая почти тріумфальный въѣздъ Дэвенпорта Дённа въ Дублинъ, Поль Келлетъ, безъ сомнѣнія, представлялъ въ своемъ умѣ блескъ, ожидавшій его дома, толпы слугъ въ нарядныхъ ливреяхъ, почетъ со стороны его домашнихъ, и богатое угощеніе, которымъ навѣрно долженъ былъ ознаменоваться его пріѣздъ. Гостепріимство этого дома было прославлено общею молвою. Извѣстный продавецъ рыбы въ столицѣ, поставщикъ дичи для стола его превосходительства, и знаменитая итальянская кладовая съѣстныхъ припасовъ объявили его своимъ лучшимъ покупателемъ. «Я не могу дать вамъ этого палтуса, сэръ, пока не узнаю, возьметъ ли его мистеръ Дённъ». У насъ будутъ только два

фазана, сэръ, и они заказаны для мистера Дённа.» «Бѣлые трюфли взяты уже однимъ джентльменомъ. Никто кромѣ мистера Дённа не въ состояніи заплатить такой большой цѣны.» Кулинарная роскошь его дома отодвинула Кэстль на второй планъ, и Келлетъ предавался мыслямъ о великомъ пиршествѣ по поводу его возвращенія. «Лорды и графы... самая крупная лососина, какую только можно найдти на рынкѣ... знатнѣйшіе люди въ странѣ... соусъ изъ морскихъ раковъ... старинныя имена и хорошія фамиліи... да фазаны—вотъ это можно назвать жизнью! Это объѣденье, просто объѣденье! Подъ словомъ объѣденье Келлетъ подразумѣвалъ, что это позорно, грустно и въ высшей степени неутѣшительно для судебъ человѣчества вообще. И затѣмъ онъ сталъ забавлять себя размышленіями о томъ—нравится ли, полно, все это мистеру Дённу, не печалитъ ли, не тяготитъ ли его непривычное великолѣпіе этихъ большихъ обѣдовъ, вмѣсто того, чтобы доставлять ему удовольствіе и самое сознаніе своего низкаго происхожденія не есть ли ядъ, который примѣшивается ко всякому его напитку.

«Что и говорить,—бормоталъ онъ про себя; человѣкъ долженъ быть воспитанъ для этого, какъ и для всего другого. Даже слуги за его стуломъ пугаютъ его; онъ, пожалуй, ѣстъ съ помощью ножа вмѣсто вилки, или кладетъ соль туда, куда бы слѣдовало бы насыпать сахару, или же пьетъ не то вино, которое идетъ къ извѣстному блюду. Бичеръ говоритъ, что уже по одному этому признаку онъ узнаетъ всякаго. Удивительно, удивительно!»

Какъ измѣнился бы характеръ этихъ размышленій, еслибъ Келлетъ зналъ, что между тѣмъ какъ онъ предавался имъ, Дённъ спокойно выходилъ чрезъ заднюю дверь изъ своего дома, и нанявъ повозку выѣхалъ по направленію къ Клантарфу? Болѣе скучной поѣздки въ скучный вечеръ я никому бы не пожелалъ. По временамъ лилъ дождь, котораго капли гналъ предъ собою порывистый вѣтеръ; морскія волны ударяли въ берегъ съ тѣмъ неправильнымъ плескомъ, который показываетъ бурную погоду на морѣ. Изрѣдка мелькавшій свѣтъ луны скорѣе усиливалъ, чѣмъ ослаблялъ, меланхолическій характеръ сцены.

Темное поморье раскидывалось далеко; никакой мысъ, ни даже пригорокъ не обозначалъ черты берега; развалины какой-то церкви были единственнымъ предметомъ, который не ясно, подобно призраку, обрисовывался на облачномъ небѣ. Маленькія гирлянды изъ бумаги—бѣдная дань очень бѣдныхъ людей—украшали могилы и надгробные камни, и хрустѣли отъ вѣтра, производя

шумъ, подобный шопоту привидѣній. Извощикъ набожно перекрестился, когда они проѣзжали «нехорошее» мѣсто, но Дённъ его не замѣтилъ. Онъ только поплотнѣе закутался въ свой плащъ и тщательнѣе закрылся своимъ зонтикомъ; и не обращалъ вниманія ни на дорогу, ни на погоду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда лошадь, испуганная яркимъ блескомъ молніи, внезапно бросалась въ сторону.

— Что это значитъ, куда мы ѣдемъ? вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Это лошадь испугалась молніи,—ваша честь,—отвѣчалъ извощикъ, и если это вамъ непріятно, то можно, пожалуй, повернуть назадъ.

— Назадъ? куда же это?

— Въ городъ, ваша честь.

— Нечего объ этомъ и толковать, поѣзжай дальше, да поскорѣе: намъ нужно сдѣлать еще пять миль, а съ такою ѣздою мы не доберемся до мѣста раньше полуночи.

Возница повиновался угрюмо и неохотно, и, повернувъ отъ берега, они въѣхали на низкую песчаную дорогу, которая пересѣкала обширную и печальную плоскость, поднимавшуюся на нѣсколько футовъ надъ моремъ.

Небольшіе лоскуты дерна и папоротника постепенно исчезли и по обѣимъ сторонамъ не было видно ничего, кромѣ низкихъ песчаныхъ холмовъ, скудно покрытыхъ тростникомъ. Морскія раковины хрустѣли подъ колесами и скоро глухой ревъ моря, гремѣвшаго вдоль песчанаго берега, возвѣстилъ имъ, что они переѣзжаютъ узкую полосу земли, раздѣляющую двѣ бухты.

— Увѣренъ ли ты, что ѣдешь по настоящей дорогѣ, любезный? вскричалъ Дённъ, замѣтивши въ кучерѣ нѣкоторое колебаніе.

— Я знаю, что гдѣ-то здѣсь нужно повернуть, сказалъ извощикъ, слѣзая съ повозки, чтобы явственнѣе разсмотрѣть дорогу.— Здѣсь былъ маленькій крестъ, поставленный для того, чтобы отмѣтить дорогу, но я не вижу его.

— Но ты бывалъ уже здѣсь прежде. Ты мнѣ сказалъ, что знаешь это мѣсто.

— Я былъ здѣсь одинъ разъ и поклялся, что никогда уже не буду опять. Я искалѣчилъ самую лучшую кобылу, какая только была у меня, тащась по этому глубокому песку. А, вотъ! я вижу свѣтъ. Ахъ ты, чортъ подери,—опять пропалъ!

Погоняя лошадь какъ могъ, по направленію, гдѣ видѣлся свѣтъ,

онъ тяжело тащился по песку; колеса повозки вязли по ступицу, и лошадь спотыкалась на каждомъ шагу.

— Твоя лошадь никуда не годится, мой милый; она едва держится на ногахъ,—сказалъ Дённъ сердито.

— Худа ль она или хороша, но я позволю вамъ сжечь меня на рашперѣ, если вамъ удастся заманить меня сюда въ другой разъ. Не много будетъ гостей у стараго Дённа, если онъ будетъ дожидаться, чтобы я привезъ ихъ.

— Я постараюсь не соблазнять тебя! сердито сказалъ Дённъ. И они замолчали и медленно подвигались впередъ, пока не выѣхали на небольшую площадку, окруженную съ трехъ сторонъ моремъ, посрединѣ которой стоялъ маленькій двухъ-этажный домъ, защищенный отъ морскихъ волнъ каменною оградой, которая подымалась выше оконъ нижняго этажа.

— Вотъ и домъ, провалъ его возьми!— сказалъ извощикъ съ ожесточеніемъ, потому что его лошадь была такъ измучена, что онъ принужденъ былъ идти впереди и подымать ее на каждомъ шагу.

— Ты можешь оставаться здѣсь, пока понадобишься мнѣ,— сказалъ Дённъ, слѣзая съ повозки и тащась по вязкому песку. Морская пѣна клочьями летѣла мимо него и брызги волнъ частымъ дождемъ неслись со стороны берега, гонимые порывистымъ вѣтромъ. Они ударяли въ стѣны и окна уединеннаго дома, и шумѣли на его аспидной крышѣ. Низкая стѣна изъ большихъ камней, поперекъ двери, показывала, что входъ съ этой стороны запущенъ; и Дённъ поворотилъ къ задней сторонѣ дома, гдѣ находилась маленькая дверь, защищенная низкой оградой. Онъ нѣсколько разъ постучалъ въ эту дверь, но отвѣта не послѣдовало. Наконецъ послышался рѣзкій голосъ изнутри!

— Развѣ вы не слышите, что кто-то стучитъ. Отоприте скорѣй.— И Дённа впустили въ большую кухню, гдѣ у огня, на большомъ соломенномъ стулѣ, сидѣлъ старикъ, нѣкогда сильный мужчина, который не смотря на то, что ему было уже около девяноста лѣтъ отъ роду все еще сохранялъ проницательность въ глазахъ, пытливость во взглядѣ и живое нетерпѣніе въ манерахъ, такъ рѣдко встрѣчаемыя въ людяхъ его возраста.

— Ну, что, батюшка, каково поживаете?—сказалъ Дённъ, взявъ его любовно за обѣ руки, и ласково глядя ему въ глаза.

— Бодръ и крѣпокъ,—отвѣчалъ старикъ.—Когда ты пріѣхалъ?

— Часа два тому назадъ. Я успѣлъ только съѣсть сухарь и

выпить стаканъ вина и поспѣшилъ сюда—повидаться съ вами. А вы здоровы?

— Какъ видишь: какая то странная боль въ спинѣ и головокруженіе по временамъ вотъ и все. Поставь свѣчу вонъ тамъ чтобы я могъ взглянуть на тебя. Ты похудѣлъ, Дэви, сильно похудѣлъ съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ.

— Со мной ничего не было; я только усталъ немного, вотъ и все,—сказалъ поспѣшно Дённъ. А какъ идутъ здѣсь дѣла, батюшка, со времени моего отъѣзда?

— Почти нечего разсказывать, — отвѣчалъ старикъ. Въ это время года здѣсь обыкновенно бываетъ очень мало новостей. Ты, разумѣется, слышалъ, что Гогарти проигралъ свой процессъ; они хотятъ добиться новаго суда, но это имъ не удастся. Ланти Муръ не можетъ заплатить остальной суммы, слѣдующей съ него по покупкѣ Сленстауна, и я совѣтовалъ Гэнксу купить его. Убійца Келли былъ схваченъ, въ прошлую пятницу близь Кильбрайда и вызывается разсказать Богъ знаетъ что, если только его не повѣсятъ; а сэръ Гильбертъ Нортъ долженъ сдѣлаться секретаремъ, если, какъ говоритъ «Вечерняя почта», мистеръ Дэвенпортъ Дённъ будетъ способствовать этому назначенію. — И старикъ захохоталъ такъ, что наконецъ на глазахъ его показались слезы. Вотъ и всѣ мои новости за послѣднюю недѣлю, Дэви; теперь разскажи мнѣ свои. По газетамъ видно, что ты обѣдалъ съ королями и королевами и разъѣзжалъ въ придворныхъ каретахъ на континентѣ. Правда это, Дэви?

— Вы получили мои письма, разумѣется?

— Да; я не могъ разобрать именъ, они всѣ для меня новы и незнакомы.

— Я хочу узнать отъ тебя самого, что это за народъ, такіе-ли это смышленые и работящіе люди, какъ наши? Ну, такъ ты обѣдалъ съ французскимъ королемъ?

— Съ императоромъ, батюшка. Обѣдалъ два раза: онъ взялъ меня въ Фонтенебло и задержалъ на цѣлый день.

— Ты могъ бы наговорить ему много вещей, о которыхъ онъ не услыхалъ бы ни отъ кого другого, Дэви; ты могъ бы объяснить ему, что здѣсь дѣлается, и какимъ образомъ онъ можетъ подражать этому тамъ, искореняя старую червоточину и насаждая новое племя въ странѣ. Не такъ ли, Дэви?

— Онъ не нуждается въ совѣтахъ моихъ, да и какіе совѣты могутъ дѣйствовать на королей?—сказалъ Дённъ.

— А все же не мѣшаетъ иногда посовѣтывать, видя такую

пропасть нелѣпостей, какія онъ выдѣлываетъ съ своимъ народишкомъ.

— Онъ самъ знаетъ дорогу, по которой ему слѣдуетъ идти—, отрывисто сказалъ Дённъ.

— Можетъ быть; но это не доказываетъ, что это самая лучшая дорога.

— Какой бы путь онъ ни избралъ, онъ твердо пойдетъ по немъ, а это значитъ—сдѣлать половину дѣла. Еслибъ вы только видѣли, какой городъ онъ сдѣлалъ изъ Парижа...

— Вотъ это-то мнѣ и не нравится. Какая польза украшать и золотить то, что скоро будетъ разрушено ядрами и пулями. Это все равно, что надѣть фельдмаршалскій мундиръ на трубочиста. Мы вѣдь всѣ знаемъ, гдѣ будетъ этотъ городъ завтра или послѣ завтра.

— Нѣтъ, не знаемъ, сэръ. Вамъ неизвѣстно, что эти обширные пассажи, эти большіе скверы, эти длинныя террасы разсчитаны такъ, что тамъ колонны могутъ двигаться и маневрировать, кавалерія можетъ бросаться въ атаку, и тяжелая артиллерія свободно дѣйствовать своимъ огнемъ. Величественнѣйшіе храмы этого великолѣпнаго города служатъ бастіонами,—самый Лувръ есть скорѣе крѣпость, чѣмъ дворецъ.

— Да, да, да,—закудахталъ старикъ, для котораго эти открытія представили новую перспективу для мысли. Но какая польза въ этомъ, Дэви? онъ долженъ вѣрить кому нибудь, иначе ему придется обратится самому въ мѣдную пушку, чтобъ не попасть въ западню Но поговоримъ теперь о нашихъ отечественныхъ дѣлахъ. Правда ли, что министерство подаетъ въ отставку?

— Оно безопаснѣе, чѣмъ когда либо, я ручаюсь въ этомъ; эти люди искуснѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Они будутъ дѣлать именно то, чего захочетъ нація и что продиктуетъ имъ «Таймзъ»,—хоть можетъ быть немножко глупѣе, чѣмъ продиктовалъ бы другой органъ. Они не затрудняются въ выборѣ политики и единственный ихъ принципъ состоитъ въ томъ, чтобы сидѣть на скамьяхъ Казначейства.

— И они правы, Дэви, они правы, сказалъ старикъ съ энергіей.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, сэръ. Обязанность кормчаго состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о кораблѣ, а не въ томъ чтобы рѣшать, въ какой портъ онъ долженъ отправиться.

— Я желалъ бы, чтобъ ты былъ однимъ изъ министровъ, Дэви. И ты имъ и они тебѣ пришлись бы подъ стать.

— Да, и кто знаетъ, что можетъ случиться? Я терпѣливъ.

— Это хорошо, Дэви; я постоянно твердилъ тебѣ это; ожидай; выжидай.

— Когда видѣли вы Дрисколя, батюшка? — спросилъ Дённъ послѣ паузы.

— Онъ былъ здѣсь прошлую недѣлю; онъ по уши занятъ этимъ искомъ объ имѣніи. Лордъ... лордъ... какъ бишь его?

— Лаккингтонъ.

— Да, лордъ Лаккингтонъ. Дрисколь говоритъ, что если ты воротишься когда нибудь домой, то позволишь ему порыться въ бумагахъ архива въ Кэстлѣ, и что онъ ужь распорядится самъ, если что изъ этого выйдетъ.

— Онъ любитъ отыскивать кобыльи гнѣзда, сэръ, — сказалъ небрежно Дённъ.

— Клянусь, онъ ухитрился свить свое собственное гнѣздо,— сказалъ старикъ, смѣясь. — Онъ далъ намедни въ займы лорду Гленгаррифу пять тысячь фунтовъ за шесть процентовъ, и подъ вѣрное обезпеченіе, точно какой нибудь банкъ.

— Не говоритъ ли Дрисколь, что онъ открылъ что нибудь относительно этого иска?

— Онъ говоритъ, что онъ нашелъ довольно для устраненія ихъ, и что *твоя* помощь могла бы подвинуть это дѣло.

— Значитъ, онъ не нашелъ истца?

— Онъ узналъ его имя и полкъ гдѣ онъ служилъ, и больше ничего. Онъ хотѣлъ писать къ нему.

— Если онъ благоразуменъ, то оставитъ это. Какіе шансы можетъ имѣть бѣдный простой солдатъ противъ знатнаго лорда, хотя бы всѣ права были на его сторонѣ?

— Я говорилъ ему это, но онъ отвѣчалъ, что мы все таки можемъ имѣть отличную поживу; а онъ вѣдь очень рѣдко ошибается, Дэви.

— Это потому, сэръ, что онъ до сихъ поръ брался за дѣла, которыя ему по силамъ. Онъ можетъ составлять планы и интриги и распутывать узлы только въ томъ маленькомъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ; но пусть онъ остерегается пускаться въ тотъ обширный океанъ, гдѣ его судно будетъ не болѣе какъ маленькій челнокъ.

— Онъ не то что *ты*, Дэви,—вскричалъ старикъ въ экстазѣ, причемъ легкая краска покрыла щеки его сына, — вслѣдствіе гордости, или стыда, или удовольствія — трудно рѣшить. — Мнѣ

нечѣмъ попотчивать тебя, Дэви, кромѣ куска холодной свинины. Можешь ты ѣсть ее?—сказалъ старикъ.

— Я не голоденъ, батюшка; я нѣсколько усталъ, но не хочу ѣсть.

— Я тоже усталъ, сказалъ старикъ, вздыхая, да, признаться, и пора. Если я доживу до 4-го числа слѣдующаго мѣсяца, то мнѣ будетъ восемьдесятъ девять лѣтъ. Это долгая жизнь, Дэви.

— Да и дѣятельная, сэръ.

— Я видѣлъ много большихъ перемѣнъ въ свое время, Дэви,—продолжалъ онъ, слѣдуя теченію своихъ мыслей. — Я служилъ въ волонтерахъ, когда мы повздорили съ англичанами; да и отплатили же они намъ потомъ! я былъ однимъ изъ присяжныхъ, когда Джаксонъ умеръ въ судѣ, а если бы онъ теперь былъ живъ, то можетъ быть сдѣлался бы Лордомъ казначейства. Все и всѣ измѣнились. Помнишь ли ты Келлета изъ Келлетсъ-Корта, который, бывало, ѣздилъ на Круглой дорогѣ шестерней?

— Дённъ утвердительно кивнулъ головою.

— Его ливрея была голубая съ серебромъ; такая же была и у Кэстльтауна, и Келлетъ сказалъ ему однажды: «Милордъ, насъ постоянно принимаютъ одного за другого; нельзя ли какъ нибудь устранить это»? «Я готовъ, только какъ это сдѣлать»?— «А вотъ какъ, отвѣчалъ Келлетъ, — велите своимъ людямъ подражать вашему примѣру и вывернуть свое платье на изнанку, вотъ и все. Старикъ хохоталъ до слезъ. Что сталось съ Келлетами?—прибавилъ онъ вдругъ.

— Разорились... имѣніе ихъ продано.

— А, да, теперь припоминаю все. А молодой человѣкъ, Поль, гдѣ онъ?

— Онъ теперь не очень-то молодъ, сказалъ Дённъ, улыбаясь; —онъ служитъ писцомъ въ таможнѣ; это очень ничтожное мѣсто.

— Я радъ этому,—сурово сказалъ старикъ;—между нами есть старые счеты — т. е. между мною и отцомъ его — и я зналъ, что не умру, покамѣстъ они не будутъ улажены.

— Это не добрыя чувства,—кротко замѣтилъ Дённъ.

— Не добрыя, но естественныя, что нисколько не хуже, — возразилъ старикъ съ энергіей, не соотвѣтствовавшей его лѣтамъ. Что было бы со мною теперь, что было бы съ тобой, если бы мы думали только о добротѣ? Во всей Ирландіи не было человѣка, съ которымъ мнѣ до такой степени нужно было бы поквитаться, какъ съ старымъ Келлетомъ изъ Келлетсъ-Кор-

та, и ты не удивился бы, если бы зналъ — почему; но я не скажу.

— Дённъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова.

— Мало этого,—я желалъ бы заплатить этотъ долгъ его дѣтямъ и внукамъ, если бы только это было возможно.

Дённъ продолжалъ молчать, и старикъ повидимому сердился, что ему не удалось возбудить любопытство, которое онъ заранѣе отказался удовлетворить.

— Сама судьба уже позаботилась объ этомъ, сэръ, сказалъ Дённъ, серьезно. Посмотрите что теперь *мы* и что *они*!

— Это правда, да, это правда; мы получили уплату сполна; но я желалъ бы показать имъ это; мнѣ хотѣлось бы сказать ему: «Мистеръ Келлетъ, однажды, когда мой сынъ былъ еще ребенкомъ...

— Батюшка, батюшка, эти воспоминанія не дѣлаютъ человѣка ни умнѣе, ни счастливѣе, — прервалъ Дённъ, съ глубокимъ волненіемъ.

Старикъ сидѣлъ угрюмо, бормоча про себя какія-то неявственныя фразы; было очевидно, что на него мало подѣйствовали слова его сына.

— Ты уже уходишь, вскричалъ онъ вдругъ, когда Дённъ всталъ съ своего стула.

— Да, сэръ; завтра у меня хлопотливый день, и мнѣ надо нѣсколько соснуть, чтобъ приготовиться къ нему.

— Что же ты будешь дѣлать завтра, Дэви? — спросилъ старикъ, между тѣмъ какъ яркій лучъ гордости озарилъ его глаза и всю физіономію.

— Мнѣ нужно принимать по крайней мѣрѣ съ полдюжины депутацій. Притомъ я долженъ быть въ коммисіи дренажа, и ухитриться, какъ бы удѣлить полчаса для конторы внутренней навигаціи; за тѣмъ генаральный прокуроръ зайдетъ ко мнѣ насчетъ этихъ процессовъ, а я еще не обдумалъ ихъ; далѣе дворъ намѣстника захотѣлъ узнать что нибудь о моихъ намѣреніяхъ относительно новаго секретаря; наконецъ человѣкъ двадцать провинціальныхъ издателей ждутъ моихъ указаній, не говоря уже о частныхъ и личныхъ просьбахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя я долженъ непремѣнно выслушать. Что касается до писемъ, то для прочтенья ихъ мало трехъ дней. И такъ вы видите, батюшка, что мнѣ надо передъ всѣмъ этимъ нѣсколько отдохнуть.

— Да благословитъ тебя Богъ, дитя мое,—да благословитъ те-

бя Богъ, Дэви,—вскричалъ старикъ съ нѣжностью, схватывая его руку обѣими руками.—Сохраняй ясность въ головѣ и не довѣряй никому—вотъ въ этомъ состоитъ секретъ; не довѣряй никому. Единственная ошибка, которую я когда нибудь сдѣлалъ въ жизни, произошла отъ того, что я забылъ это правило. И съ любовью поцѣловавъ Дённа, отецъ отпустилъ его, нашептывая ему вслѣдъ сердечныя благословенія.

ГЛАВА XVI.

Дэвисъ противъ Дённа.

Девенпортъ не преувеличивалъ, когда онъ говорилъ о хлопотахъ, ожидавшихъ его завтра. Въ восемь часовъ онъ уже сидѣлъ за завтракомъ, а около девяти длинная задняя комната, съ глубокимъ сводистымъ окномъ, была набита народомъ, точно пріемная какого нибудь фэшенэбльнаго доктора. Въ самомъ дѣлѣ это сходство замѣтно было въ безпокойствѣ, нетерпѣніи и тревогѣ, изображавшихся на лицахъ собравшихся здѣсь посѣтителей. Съ тѣмъ тактомъ, который можетъ быть внушенъ только врожденною хитростью и продолжительною привычкой, мистеръ Клоузъ, камердинеръ, въ точности зналъ, гдѣ должно поставить каждаго посѣтителя; и между тѣмъ какъ директоры желѣзныхъ дорогъ, управляющіе банками и крупные подрядчики безъ различія толпились въ большой столовой, пэры и высшіе сановники наполняли первую гостиную, а задняя комната была назначена для чиновниковъ короны, и тѣхъ тайныхъ эмиссаровъ, которые приходили по какому нибудь особенному порученію изъ Кэстля. Начиная отъ залы, набитой деревенскими жителями въ байковыхъ сюртукахъ, до маленькой оранжереи надъ лѣстницей, гдѣ находилось нѣсколько дамъ, всѣ мѣста были заняты. Вслѣдствіе ли предварительнаго знакомства, или же руководясь именемъ посѣтителя, мистеръ Клоузъ мало затруднялся назначеніемъ каждому приличнаго мѣста. Провожая посѣтителя, онъ говорилъ нѣ-

сколько словъ, сообразно его рангу и состоянію. «Сію минуту доложу мистеру Дённу о васъ, милордъ; онъ теперь занятъ съ барономъ.—Вы увидите его вслѣдъ затѣмъ, сэръ Самюэль.—Мистеръ Уилькоксъ, вамъ придется ждать не меньше двухъ часовъ.—Сегодня вы едва ли дождетесь, мистеръ Тобинъ, цѣлыхъ восемнадцать человѣкъ должны быть введены прежде васъ. — Полковникъ Граддокъ, неугодно ли вамъ придти въ субботу и принести съ собою планы.—Слишкомъ поздно, г-нъ деканъ; его милость архіепископъ ждалъ до трехъ четвертей одиннадцатаго; теперь свиданіе назначено завтра, въ часъ.

—Напрасно дожидаетесь, почтенный, самъ вашъ господинъ не могъ сегодня видѣться съ мистеромъ Дённомъ.—Среди короткихъ фразъ подобнаго рода, посредствомъ которыхъ онъ внушалъ кому надежду, кому отчаяніе, мистеръ Клоузъ вдругъ остановился, чтобы прочесть карточку и въ то же время украдкой бросилъ быстрый взглядъ на особу, которая ее подала. «Мистеръ Аннеслей Бичеръ». — По приглашенію, сэръ?

— Кажется, я могу сказать что да,—проборматалъ посѣтитель обернувшись,—какъ бы прося совѣта въ затрудненіи—къ низенькому и разряженому господину, стоявшему возлѣ него.

— Разумѣется по приглашенію,—сказалъ тотъ, съ увѣренностью, бросая на камердинера взглядъ несомнѣнной неприязни.

— А этотъ... джентльменъ... съ вами, сэръ? — спросилъ камердинеръ, пріостанавливаясь прежде чѣмъ рѣшился произнести слово джентльменъ.—Можно спросить его имя?

— Капитанъ Дэвисъ,—сказалъ низенькій человѣкъ, вмѣшиваясь въ разговоръ. Напишите это подъ вашимъ именемъ, Бичеръ.

Между тѣмъ какъ Аннеслей былъ занятъ этимъ дѣломъ, которое—сказать правду — онъ не слишкомъ торопился выполнить, Клоузъ имѣлъ довольно времени разсмотрѣть наружность и манеры двухъ незнакомцевъ.

— Если вы войдете сюда, сэръ,—сказалъ онъ, обращаясь къ одному Бичеру, я тотчасъ же пошлю вашу карточку къ мистеру Дённу. И говоря это, онъ ввелъ ихъ въ столовую, гдѣ посѣтители, набитые биткомъ, сидѣли безмолвно и угрюмо; каждый изъ нихъ посматривалъ на своего сосѣда съ какимъ-то выраженіемъ упрека, какъ будто на настоящаго виновника своего продолжительнаго ожиданія.

— Ты долженъ щелкнуть этого хама, Бичеръ, сказалъ Дэвисъ, какъ только они остались одни.

— Не безпокойтесь, мистеръ Грогъ! сказалъ Бичеръ смѣясь, и потомъ прибавилъ болѣе тяжкимъ голосомъ: — знаете Грогъ, я чувствую себя здѣсь не совсѣмъ ловко. Не правда ли, очень разнокалиберное общество для человѣка, который выходитъ только по воскресеньямъ?

— Не безпокойтесь, пробормоталъ Дэвисъ:—это все директоры банковъ или тузы желѣзныхъ дорогъ. Вотъ отъ кого бы поживиться!

— Во всемъ этомъ пропасть шарлатанства, не правда ли? — прошепталъ Бичеръ обводя глазами толпу.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Дэвисъ;—между тѣмъ какъ мы здѣсь переминаемся съ ноги на но онъ почитываетъ себѣ «Таймзъ» или болтаетъ себѣ съ пріятелемъ, или же приготовляетъ письмо на почту.

— Я не могу больше выносить этого, Грогъ; право мнѣ что-то очень не по себѣ.

— Вздоръ и безсмыслица! Вы, я думаю, не воображаете, что каждый изъ этихъ людей имѣетъ вызовъ къ суду въ своемъ карманѣ. Да, каждый человѣкъ въ комнатѣ. Вотъ этотъ маленькій человѣкъ въ арлекинскомъ костюмѣ, это президентъ королевскаго общества проведенія каналовъ; я знаю *его* и онъ знаетъ *меня*. На бортѣ одного парохода мы играли съ нимъ въ рулетку, онъ обобралъ меня, и если бы не приключеніе съ его женой въ Булони,—когда она уѣхала на воды,—приключеніе, о которомъ я сообщилъ ему по секрету... Но постойте—онъ идетъ сюда поговорить со мной.

— Какъ поживаете, капитанъ Дэвисъ?—сказалъ этотъ господинъ, принимая тонъ надменнаго покровительства.

— Помаленьку, мистеръ Гэльзъ. А вы какъ?

— Хорошо, благодарю васъ. Вы не сдѣлали маленькаго визита, который вы мнѣ обѣщали въ Лейкслинѣ.

— Я въ послѣднее время былъ такъ занятъ. Думаю устроить новую компанію и хочу просить вашего содѣйствія.

— Въ чемъ же дѣло?

— Это родъ взаимнаго вспомоществованія противъ семейныхъ приключеній. Вы понимаете... нѣчто въ родѣ всеобщей гарантіи для обезпеченія домашняго мира и счастія; вещь, которая близко касается всѣхъ насъ, и мнѣ нужно только нѣсколько хорошихъ именъ, чтобъ дать толчокъ акціямъ.

— Бичеръ бросилъ на своего друга умоляющій взглядъ, пытаясь остановить его, но тотъ продолжалъ:

— Могу я позволить себѣ записать васъ въ члены дирекціи?

Прежде, чѣмъ могъ послѣдовать какой нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ, мистеръ Клоузъ проговорилъ густымъ басомъ:

— Мистеръ Аннеслей Бичеръ и капитанъ Дэвисъ, и широко распахнулъ дверь.

— Зачѣмъ вы сказали это ему, Грогъ, — прошепталъ Бичеръ на пути къ двери.

— Именно затѣмъ, чтобы узнать, какъ онъ на меня смотритъ; у него было смѣлое, дерзкое выраженіе лица, которое показывало, что ему слѣдуетъ кое-что напомнить, и я сдѣлалъ это. Примите себѣ за правило: — всегда наносите первый ударъ, когда вы видите, что человѣкъ собирается васъ ударить.

— При входѣ двухъ друзей въ комнату, мистеръ Дэвенпортъ Дённъ поднялся съ своего мѣста, и указавъ имъ на кресла, сталъ спиною къ камину, — выразительный знакъ, что разговоръ не долженъ быть продолжителенъ. Потому ли, что Бичеръ предварительно не рѣшилъ, какимъ образомъ приступить къ предмету своего посѣщенія, или же въ манерѣ и наружности мистера Дённа было что-то не соотвѣтствовавшее его ожиданіямъ, но только онъ почувствовалъ смущеніе и неловкость, и когда мистеръ Дённъ сказалъ ему: «Я къ вашимъ услугамъ, сэръ», то онъ обратилъ взглядъ къ Дэвису, какъ бы прося его о помощи. Но капитанъ, обладая большимъ тактомъ, не обратилъ никакого вниманія на этотъ призывъ, и Бичеръ, сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе, проговорилъ запинаясь: я осмѣлился придти къ вамъ... Я пришелъ сюда сегодня вслѣдствіе письма... т. е. мой братъ, лордъ Лаккингтонъ .. Вы знаете моего брата?

— Имѣю эту честь, сэръ.

— Вотъ видите: въ письмѣ своемъ ко мнѣ онъ прибавилъ на-скоро post scriptum, въ которомъ говоритъ, что онъ только-что видѣлся съ вами, что вы ѣдете въ Ирландію, и что по вашемъ прибытіи сюда я долженъ не откладывая повидаться съ вами.

— Упомянулъ ли милордъ съ какою цѣлію, сэръ?

— Я не могу этого сказать положительно. Онъ писалъ что-то о томъ, что вы — его повѣренный, вполнѣ знакомый со всѣми его дѣлами, и поэтому, разумѣется, я надѣялся—по крайней мѣрѣ думалъ,—что вы наведете меня на путь... такъ сказать укажете мнѣ направленіе, — прибавилъ онъ, дѣлая отчаянное усиліе возстановить свою непринужденность съ помощью своей любимой фразеологіи.

— Право, сэръ, мои занятія такъ многочислены, что относительно объясненія цѣли визитовъ мнѣ остается положиться на любезность тѣхъ, которые удостоиваютъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Со мною нѣтъ письма Лаккингтона, но я хорошо помню, что тамъ было сказано только слѣдующее: «повидайся съ Дённомъ какъ можно скорѣе, и онъ объяснитъ тебѣ нѣкоторыя вещи», или что-то въ этомъ родѣ.

— Я глубоко сожалѣю, сэръ, что эти слова не даютъ мнѣ никакого ключа къ уразумѣнію, въ чемъ состоитъ дѣло.

— Будь я не Дэвисъ, если это не пустыя увертки; — сказалъ Грогъ, вмѣшиваясь въ разговоръ. Вы и безъ всякихъ разспросовъ знаете, зачѣмъ онъ пришелъ; и все это пустословіе клонится только къ тому, чтобы видѣть такъ ли онъ хорошо знаетъ свое собственное дѣло, какъ вы. И такъ полно переливать изъ пустого въ порожнее и приступайте-ка поскорѣе къ дѣлу.

— Могу я спросить—кто этотъ джентльменъ?

— Другъ... закадычный другъ мой, — съ живостью отвѣчалъ Бичеръ.—Капитанъ Дэвисъ.

— Капитанъ Дэвисъ... повторилъ Дённъ вполголоса, какъ будто стараясь что-то припомнить,—капитанъ Дэвисъ.

— Ну, да,—сказалъ Грогъ нахально,—капитанъ Дэвисъ.

— Упоминается ли въ письмѣ милорда, что я буду удостоенъ посѣщенія со стороны мистера Дэвиса, сэръ?

— Нѣтъ, но онъ мой закадычный другъ,—джентльменъ, который пользуется полною моею довѣренностью... Я думалъ... я чувствовалъ всю важность его совѣта относительно вопросовъ, которые могутъ возникнуть изъ этого свиданія.

— Я боюсь, сэръ, что вы подвергли своего друга совершенно безполезному безпокойству.

— Состязаніе отлагается впредь до востребованія, — прошепталъ Грогъ.

— Извините, сэръ,—что вы говорите? сказалъ Дённъ не разслышавъ замѣчанія.

— Я говорилъ, что скачки сегодня не будетъ, вслѣдствіе дурной погоды,—сказалъ Грогъ, поправляя воротничокъ рубашки.

— Долженъ ли я заключить, — сказалъ Бичеръ, что вы не имѣете ничего сообщить мнѣ.

— *Вамъ*-то есть что сообщить, — прервалъ Грогъ, съ живостью, — а *я*-то ему не нравлюсь, вотъ и все; и онъ не имѣетъ мужества—сказать это.

— Напротивъ, сэръ, я чувствую всю выгоду отъ вашего присутствія въ настоящемъ случаѣ,—всю пользу этой откровенной манеры—прямо ставить вопросъ, которая сберегаетъ намъ такъ много драгоцѣннаго времени.

— Грогъ поклонился на этотъ комплиментъ, но насмѣшливая улыбка на его губахъ показывала, въ какомъ смыслѣ онъ его принялъ.

— Лордъ Лаккингтонъ не говорилъ вамъ о моемъ жалованьи?—спросилъ Бичеръ, теряя всякое терпѣніе.

— Нѣтъ, сэръ, ни слова.

— Не намекалъ онъ на что нибудь... не упоминалъ о планѣ... не говорилъ о семействѣ О'Рейли?—спросилъ онъ, все больше и больше смущаясь и путаясь.

— Я не слыхалъ отъ него ни одного слова объ этой фамиліи, сэръ.

— Развѣ вы не понимаете,—сказалъ Грогъ, вставая, — что вамъ должно обратиться за объясненіемъ ко второму столбцу Таймза, гдѣ будетъ сказано, что «А. Б. услышитъ нѣчто касающееся его, если придетъ безъ Г. Д».

Дэвенпортъ Дённъ не обратилъ никакого вниманія на эти слова, и стоялъ спокойно и безстрастно предъ своими посѣтителями.

— Значитъ Лаккингтонъ водилъ меня за носъ,—сказалъ Бичеръ, вставая съ выраженіемъ неудовольствія.

— Я скорѣе готовъ сдѣлать другое предположеніе,—вѣжливо сказалъ Дённъ,—именно, что милордъ, благосклонно удостоивая меня своего довѣрія, великодушно представилъ мнѣ случай занять то же почетное положеніе и относительно его брата,—честь, достигнуть которой въ высшей степени лестно для меня. Если вы не заняты въ слѣдующее воскресенье,—прибавилъ онъ тихо,—и пожалуете ко мнѣ обѣдать, одни... совершенно одни...

— Бичеръ поклонился въ знакъ согласія, бросивъ осторожный взглядъ на Дэвиса, который въ это время разсматривалъ содержаніе утренней газеты.

— Итакъ до воскресенья, — прошепталъ Дённъ, а потомъ громко прибавилъ:—До свиданія,—и кланяясь распрощался съ ними.

— Ну, простоваты же вы, какъ я посмотрю; это безспорно,—сказалъ Дэвисъ, когда они вышли на улицу.

— Что вы хотите сказать,—вскричалъ Бичеръ съ гнѣвомъ.

— Развѣ вы не видите, что вы все испортили? я выпыталъ

бы отъ него всю подноготную, но вы не дали мнѣ времени разгадать оракула. Онъ хотѣлъ только показать намъ какъ онъ хитеръ и тонокъ; и когда бы онъ увидѣлъ, что мы разинули ротъ отъ удивленія, то затѣмъ уже приступилъ бы къ дѣлу.

— Нѣтъ, мистеръ Грогъ, —этого человѣка не проведешь, ручаюсь вамъ.

— Тѣмъ хуже для *васъ*, вотъ и все.

— Почему такъ?

— Потому что вы будете обѣдать у него одни въ слѣдующее воскресенье. Я слышалъ это, хотя вы думали, что уши мои далеко, и я замѣтилъ его взглядъ, который значилъ: «съ нами не должно быть этого молодца», вотъ потому-то я и говорю — «тѣмъ хуже для васъ».

— Но что онъ можетъ сдѣлать, при всей своей хитрости? Онъ вѣдь не можетъ заставить меня подписать мое имя подъ бумагой, а если бы и могъ, такъ больная ему отъ этого польза!

— Не *вамъ* «скакать» противъ такого человѣка,—презрительно сказалъ Грогъ. У *васъ* нѣтъ никакихъ шансовъ противъ него. Онъ не могъ бы провести *меня*,—да и не сталъ бы пробовать этого; но съ *вами* онъ сдѣлаетъ что ему угодно.

— А что, ужь не отказаться ли мнѣ отъ приглашенія на обѣдъ?

— Нѣтъ. Вы должны идти, хотя бы только для того, чтобы показать, что вы не имѣете никакихъ подозрѣній; только держите ухо востро̀, наблюдайте за ходомъ скачки и когда «пробѣжите кругъ», приходите посовѣтоваться со мною. И затѣмъ они разстались.

ГЛАВА XVII.

Пансіонъ г-жи Годардъ.

Мы попросимъ нашего читателя оставить на нѣкоторое время эти сцены съ ихъ дѣйствующими лицами и отправиться на ту богатую равнину, находящуюся на сѣверо-западѣ отъ Брюсселя, гдѣ, на склонѣ отлогаго холма, стоитъ въ высшей степени живописный старый домъ, извѣстный подъ именемъ замка «трехъ

фонтановъ». Это былъ настоящій нидерландскій замокъ, начиная съ его зубчатыхъ фронтоновъ, увитыхъ рододендрономъ, до затѣйливыхъ садовъ, населенныхъ мифологическими божествами и украшенныхъ тремя фонтанами, которымъ онъ обязанъ своимъ названіемъ. Начиная отъ пузатой маленькой фигурки, которая дула въ свою трубу на флюгерѣ, до пышно вызолоченной лодки для катанья, виднѣвшейся среди водяныхъ лилій пруда, все говорило о странномъ вкусѣ народа, который любитъ дѣлать природу искусственною и видѣть въ каждомъ кустарникѣ, въ каждой аллеѣ изображеніе своихъ собственныхъ странныхъ наклонностей.

Здѣсь были всѣ затѣйливыя выдумки голландскаго остроумія: фальшивые кустарники покрывались цвѣтами, при вашемъ прикосновеніи къ пружинѣ, фонтаны били вверхъ; когда вы ступали на извѣстное мѣсто, деревянныя фигуры, движимыя особымъ механизмомъ, опускали подъемные мосты, чтобы вы могли пройдти по нимъ; не былъ забытъ и сборщикъ пошлинъ, который приподнималъ свою фуражку въ знакъ привѣтствія. Куда дѣвались люди, которые изобрѣли всѣ эти забавныя штуки, и какая судьба постигла ихъ потомковъ? Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ замкѣ помѣщался пансіонъ для десяти молодыхъ дѣвицъ, подъ управленіемъ г-жи Годардъ. Это былъ отборный, самый отборный изъ всѣхъ пансіоновъ. Десять воспитанницъ были выбираемы послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ, и условія, требовавшіяся для поступленія туда, доходили до крайнихъ предѣловъ строгости. Содержательница соединяла въ себѣ всѣ рѣдкія качества точности и строгаго протестанства, а программа вступленія равнялась чуть не университетскому курсу. Быть воспитанницей г-жи Годардъ значило вступить въ свѣтъ съ надлежащимъ «prestige», потому что съ одной стороны въ кругъ пріобрѣтаемыхъ въ этомъ пансіонѣ свѣденій входили, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени всѣ отрасли человѣческаго знанія, а съ другой истинное превосходство и настоящая сила этого заведенія заключалась въ особенной заботливости о нравственномъ воспитаніи дѣвицъ. Учительницы были образцами всѣхъ моральныхъ совершенствъ своего пола; учителя выбирались между людьми, о которыхъ было положительно извѣстно, что они восторжествовали надъ самыми сильными искушеніями. Уставъ заведенія вполнѣ соотвѣтствовалъ трудности поступить въ него. Строгостью своею онъ почти равнялся монастырскому уставу; даже форменная одежда воспитанницъ сильно напоминала собою женскій монастырь. Спокойное однообразіе невозмутимаго существованія, неизмѣнный ходъ каж-

даго дня дѣйствовали даже на юныя беззаботныя сердца и придавали серьёзное настроенiе характерамъ, отъ природы живымъ и веселымъ.

Этой перемѣнѣ подвергались, одна за другою, всѣ поступавшiя въ заведенiе; можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ боролись нѣсколько дольше, но всѣ оканчивали одинаково. Нѣтъ, не всѣ! Была тамъ одна воспитанница, которой темпераментъ противостоялъ всему этому до конца, и которая, по истеченiи трехъ лѣтъ, осталась такъ же бодра духомъ, такъ же весела, какъ въ то время, когда она впервые переступила этотъ порогъ. Обладая одною изъ тѣхъ эластичныхъ натуръ, которыя не поддаются никакому давленiю, она на каждую тягость этой жизни смотрѣла какъ на случай къ новой энергiи, и встрѣчала всякую новую непрiятность — состояла ли она въ суровомъ трудѣ или даже въ наказанiи — съ бодрою рѣшимостью — не быть побѣжденною. Въ ея наружности не было ничего, свидѣтельствовавшаго о такой смѣлости: это была бѣлокурая, слабая дѣвушка, съ нѣжными, почти дѣтскими чертами лица. Сѣроголубые глаза, оттѣненные густыми рѣсницами; прекрасный ротъ, на которомъ часто играла почти дерзкая улыбка; какая-то застѣнчивость, которая выражалась въ безпрестанно мѣнявшемся цвѣтѣ ея щекъ, показывали въ ней скорѣе натуру очень впечатлительную и колеблющуюся; однакожъ эта слабая, нѣжная дѣвушка, которой голосъ, звонкiй какъ у птички, напоминалъ ребенка, господствовала надъ всѣми своими подругами. Очаровательная наружность соединялась въ ней съ большими способностями. Талантливая во всѣхъ прiятныхъ исскуствахъ, она танцовала, пѣла, играла и рисовала лучше другихъ воспитанницъ: бѣгло говорила на многихъ новѣйшихъ языкахъ и даже схватывала мѣстныя нарѣчiя съ удивительною легкостью. Она могла щебетать венецiанскую баркаролу съ сохраненiемъ всѣхъ нѣжныхъ оттѣнковъ языка Адрiатики, или пѣть тирольскую народную пѣсню, не отступая ни на волосъ отъ каданса, свойственнаго фантазiи крестьянина.

При памяти до такой степени сильной, что она могла въ общихъ чертахъ разсказать все, что прочла внимательно одинъ разъ, она обладала способностью передразнивать, такъ что во всякое время могла представить все, что обратило на себя ея вниманiе. Пылкое воображенiе озаряло всѣ эти способности своимъ яркимъ свѣтомъ, такъ что даже обыкновенные случаи будничной жизни драматично группировались въ ея умѣ, и событiя наименѣе по-

разительныя дѣлались источникомъ положеній и чувствъ, изобиловавшихъ поэзіей и блестящимъ остроуміемъ.

Какъ ни были важны всѣ эти качества, но имъ въ значительной степени помогали другія случайныя преимущества. Ее считали богатою наслѣдницей. Какимъ образомъ, когда и почему составилось это мнѣніе — трудно сказать, вѣрно только то, что сама она нисколько ему не способствовала. Правда, она безпрестанно говорила о своемъ отцѣ — единственномъ ея родственникѣ, который остался въ живыхъ — какъ о человѣкѣ, не жалѣвшемъ для нея ничего, и показывала своимъ пансіонскимъ подругамъ прекрасные подарки, которые онъ иногда присылалъ ей; можетъ быть, эти подарки, превосходившіе своею цѣнностью то, что обыкновенно дарится дѣвицамъ ея лѣтъ, способствовали къ утвержденію вѣры въ ея богатство. Какъ бы то ни было, только существовало всеобщее убѣжденіе, что ей предстоитъ быть обладательницей милльоновъ, и современемъ сдѣлаться принцессою, какъ ея подруги называли ее въ шутку.

Этотъ титулъ повидимому шелъ къ ней. Изъ всѣхъ чертъ ея натуры ни одна не казалась столь выпуклою, какъ черта «знатнаго происхожденія». Смѣсь застѣнчивости и гордости, соединеніе ласки съ повелительнымъ видомъ, какая-то инстинктивная привычка принимать оказываемое ей уваженіе, какъ нѣчто должное — все говорило о «хорошей крови»; и ея походка, голосъ и самые незначительные жесты соотвѣтствовали этому впечатлѣнію. Даже тѣ, которые наименѣе любили ее и наиболѣе завидовали ея очаровательнымъ качествамъ, никогда не называли ее принцессою въ насмѣшку. Нѣтъ, этотъ титулъ былъ употребляемъ въ почетномъ смыслѣ; такъ и она принимала его.

Если бы прихотливая природа не дѣлала иногда еще болѣе странныхъ поддѣлокъ, то читатель пожалуй не повѣрилъ бы намъ, что принцесса была не что иное, какъ дочь Грога Дэвиса!

Грогъ съ самаго начала своего жизненнаго поприща былъ человѣкомъ уловокъ и стратагемъ. Всѣ его выгоды были пріобрѣтены посредствомъ хитрости и надувательства. Вслѣдствіе того его умъ приноровился къ условіямъ, въ которыхъ онъ жилъ, и проницательность, коварство и обманъ казались ему не только единственными способами успѣха, но и единственными качествами, которыя достойны почтенія. Онъ такъ часто видалъ соединеніе честности и глупости, что началъ считать ихъ тождественными понятіями. И однако же этотъ человѣкъ—«барышникъ», извергъ и негодяй—возвысился надъ всѣми гнусностя-

ми мошеннической жизни въ своемъ стремленіи—воспитать дочь въ чистотѣ, оградить ее отъ заразительной атмосферы, въ которой жилъ самъ, взлелѣять ее среди всѣхъ облагораживающихъ вліяній заботливости и образованія, и сдѣлать ее, по собственному его выраженію, «равною лучшимъ леди въ странѣ»!

Чтобы помѣстить ее среди богатыхъ и знатныхъ, и скрыть ея происхожденіе—для этого потребовалось съ его стороны болѣе изобрѣтательности, чѣмъ для какихъ бы то ни было коварныхъ плановъ, которые онъ составлялъ на скаковомъ кругу. Строгія требованія, на которыя такъ безусловно настаивала г-жа Годардъ, могли быть удовлетворены только съ тяжкими пожертвованіями. Знатный баронетъ, бывшій поручителемъ за респектабельность Грога Дэвиса, получилъ наличныя деньги за самое безнадежное изъ письменныхъ обязательствъ, а дама, пріѣхавшая въ собственномъ экипажѣ къ г-жѣ Годардъ, «чтобы познакомиться съ особой, которая принимала на себя попеченіе объ ея молодой родственницѣ», была сумасшедшая, мать сумасброднаго молодого человѣка, который надавалъ Грогу Дэвису заемныхъ писемъ на нѣсколько тысячь фунтовъ, и теперь получилъ обратно эти документы въ вознагражденіе за настоящую услугу. Кромѣ этихъ прямыхъ были еще косвенныя пожертвованія. Грогъ былъ принужденъ отказаться на нѣкоторое время отъ всѣхъ привычекъ и выгодъ своей обыденной жизни, и жить въ почтенномъ уединеніи, нося глубокій трауръ и окруживъ себя слугами тоже въ траурномъ платьѣ по случаю потери имъ жены, которая, сказать мимоходомъ, умерла уже за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Словомъ, онъ долженъ былъ подвергнуться на нѣкоторое время нравственному перерожденію, подробности котораго казались безчисленными, и служили къ тому, чтобы убѣдить его, что респектабельность дѣло не такое легкое и удобное, какъ онъ воображалъ до сихъ поръ.

Торжественный былъ день для отца, когда онъ отдалъ свою дочь на попеченіе г-жи Годардъ; не менѣе счастливымъ казался этотъ день и для Лиззи Дэвисъ, такъ какъ она очутилась въ кругу своихъ сверстницъ и среди занятій и обстановки изящной жизни. Воспитанная съ дѣтства въ маленькой школѣ одной изъ отдаленныхъ мѣстностей Корнуоля, она видѣла своего отца только въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ того пробнаго курса респектабельности, о которомъ мы говорили. При всей своей любви къ дочери, при всемъ желаніи выразить эту любовь внѣшнимъ образомъ, Дэвисъ до такой степени сознавалъ

недостатки своего собственнаго воспитанія, и промахи, которые неизбѣжно будутъ проглядывать въ его манерѣ и образѣ мыслей, что счелъ необходимымъ держать себя отъ нея подальше и остерегаться всего, что могло бы повредить ему въ ея мнѣніи. И такъ, если онъ множествомъ добрыхъ поступковъ и щедрыми подарками и пріобрѣлъ ея любовь, то его холодность и сдержанность исключали всякое довѣріе къ нему съ ея стороны. Уйдти отъ томительнаго однообразія этого скучнаго дома, куда не входилъ ни одинъ посѣтитель, гдѣ были порваны всѣ сношенія со свѣтомъ, очутиться среди обстановки, проникнутой жизнью, среди подругъ, преслѣдующихъ одинаковыя съ нею цѣли, употребить свои блистательныя способности на разнообразныя сродныя ей занятія, начать образъ жизни, въ которомъ каждый день она чувствовала какое нибудь новое пріобрѣтеніе въ знаніи, — это было счастіе, доходившее до полнаго восторга. Чтобы подобная жизнь показалась ей настоящимъ раемъ, для этого не было нужды, чтобы ее окружали лестью, но и въ лести самаго разнообразнаго свойства не существовало недостатка. Одни любили ея рѣзвость и веселость, окружавшую ее подобно какой-то атмосферѣ; другіе хвалили ея граціозность и красоту; нѣкоторые предпочитали этимъ качествамъ ту гибкость ума, которая давала ей возможность совладѣть со всѣмъ, чему она хотѣла научиться, иные распространялись о будущемъ ея богатствѣ и о великой судьбѣ, которая предстояла ей.

Какъ часто, въ игривомъ легкомысліи счастливаго дѣвическаго возраста, онѣ спрашивали ее—какой образъ жизни она изберетъ для себя и въ какой странѣ она поселится? Онѣ разспрашивали ее объ этомъ со всею искренностью, думая, что ей стоитъ только пожелать, чтобы жить такъ, какъ ей нравится. И какія ласки слѣдовали за этими разспросами! какія льстивыя мольбы о томъ, чтобы принцесса въ дни своего величія не забыла Джозефины, или Гертруды, или Джуліи, и не отказалась бы отъ тѣхъ, которыя нѣкогда были ея пансіонскими подругами.

— Какимъ пробнымъ камнемъ будетъ это для вашего такта, Лиззи,—сказала одна изъ воспитанницъ,—когда вы, сдѣлавшись герцогиней, встрѣтите кого нибудь изъ насъ на водахъ или на пароходѣ, и вамъ придется объяснять его милости, герцогу, съ возможною деликатностью, чтобы не оскорбить насъ, что вы знали насъ дѣвочками; и какъ вамъ будетъ не ловко называть насъ Дженей и Кларой!

— А потомъ — эта очаровательная снисходительность, когда вы удостоите спросить — за мужемъ мы или нѣтъ, хотя тутъ же будетъ стоять застѣнчивый и неловкій мужчина, ожидая, что его представятъ, и боясь какъ бы не заговорили съ нимъ или — что еще хуже — эти длинныя ужасныя паузы въ разговорѣ, которыя показываютъ, какъ боитесь вы, чтобы мы не вздумали распространяться о прошлыхъ временахъ.

— Ахъ Лиззи, душечка, — вскричала третья, — побудь герцогиней съ минутку, и покажи какъ ты будешь обращаться со всѣми нами. Это было бы восхитительно.

— Вы, кажется забываете, mes dames, — гордо сказала Лиззи, — какою выскочкой вы представляете меня. Это чудесное возвышеніе, которое должно тотчасъ же заставить меня забыть моихъ друзей и себя, не имѣетъ въ моихъ глазахъ слишкомъ ослѣпительнаго эффекта. Въ самомъ дѣлѣ, я могу вообразить, что завтра же сдѣлаюсь герцогиней, и однакоже не потеряю отъ этого ни памяти, ни чувства собственнаго достоинства.

— Маргаритка, душка, не сердись на насъ, — вскричала одна изъ воспитанницъ, называя ее именемъ, которымъ всѣ онѣ преимущественно любили называть ее.

— Я скорѣе сержусь на самую себя, что не оставлю по себѣ лучшаго впечатлѣнія. Да, — прибавила она грустнымъ тономъ, — я оставляю пансіонъ.

— О душка Лиззи, о Маргаритка, не можетъ быть! — сказали нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

— Это слишкомъ вѣрно, милые друзья мои, — сказала она, обнимаясь съ тѣми, которыя сидѣли по-ближе. Я узнала это только сегодня утромъ. Мадамъ Годардъ пришла въ мою комнату сказать, что папа́ писалъ обо мнѣ и пріѣдетъ взять меня такъ недѣли черезъ двѣ. Я, безъ сомнѣнія, должна радоваться, что ѣду домой, но у меня нѣтъ ни матери, ни брата, ни сестры, и здѣсь, между вами, сосредоточиваются всѣ привязанности моего сердца. Когда удастся мнѣ опять жить среди такихъ любящихъ существъ? буду ль я опять когда нибудь такъ счастлива, какъ здѣсь, гдѣ жизнь мнѣ казалась такимъ очаровательнымъ сномъ?

— Но подумай о насъ, Маргаритка, — объ насъ, оставленныхъ и покинутыхъ, — вскричала одна изъ дѣвушекъ всхлипывая.

— Да, Лиззи, — сказала другая, — вообрази наше огорченіе, когда мы постепенно будемъ открывать, что такое-то мѣсто или такое-то удовольствіе обязано было своею прелестью единственно твоему присутствію. Вообрази наше положеніе, когда мы

увидимъ,—а это непремѣнно будетъ,—что любовь, которую мы питали къ тебѣ, связывала насъ, какъ сестеръ, въ одну семью.

— О,—прервала Лиззи,—позвольте мнѣ посвятить хоть часть моихъ сердечныхъ чувствъ тому, которому они должны бы принадлежать нераздѣльно, и не дѣлайте слишкомъ тягостными послѣднія минуты, которыя я провожу съ вами. Вспомните также, что это только непродолжительная разлука; мы можемъ и будемъ писать другъ другу; я никогда не устану узнавать все, касающееся васъ и этого прекраснаго мѣста.

— И мы останемся навсегда искренними друзьями, какъ теперь, вскричала одна изъ воспитанницъ. Затѣмъ послѣдовало самое нѣжное прощаніе, сопровождавшееся нѣжными объятіями, слезами и поцѣлуями.

ГЛАВА XVIII.

Нѣкоторыя дѣянія мистера Дрисколя.

Вотъ оно, Белла,—сказалъ Келлетъ, входя въ свой коттэджъ вечеромъ и бросая запечатанное письмо на столъ. Я не имѣю мужества распечатать его. Какой-то человѣкъ вошелъ въ нашу контору и спросилъ: «Здѣсь ли нѣкто Келлетъ? Это письмо къ нему отъ мистера Дэвенпорта Дённа». *Онъ*—вотъ видишь—мистеръ, а *я* — *нѣкто* Келлетъ. Не правда ли, что я человѣкъ очень незначительный, если не могъ ничего возразить на это? Не правда ли, что я очень низко поставленъ въ свѣтѣ, если мнѣ пришлось молча проглотить эту пилюлю?

— Не прочесть ли мнѣ письмо для васъ?—тихо сказала она.

— Прочти, милочка; но прежде дай мнѣ стаканъ водки съ водой, для смѣлости. Что-то говоритъ мнѣ, Белла, что я буду нуждаться въ ней.

— Полно, полно, папа; это не похоже на васъ, не похоже на тотъ старый духъ временъ Альбуэры, которымъ вы такъ справедливо гордитесь.

— Тридцать пять лѣтъ трудной борьбы со свѣтомъ никогда не могутъ способствовать къ развитію отваги въ человѣкѣ. А бывали времена, когда въ полку не было человѣка, который имѣлъ бы въ себѣ болѣе жизни, чѣмъ Поль Келлетъ. Приказомъ было положено ни въ какомъ случаѣ не продавать моихъ вещей, если послѣ какого нибудь сраженія я оказывался пропавшимъ; потому что, какъ «говорилъ генералъ Паккъ, Келлетъ навѣрно явится завтра или послѣ завтра». И посмотри на меня теперь! вскричалъ онъ съ горечью. Что же касается до продажи моей собственности, то мнѣ не оказано большой милости въ этомъ отношеніи; не правда ли, Белла?

Она не отвѣчала и молча распечатала письмо.

— Какъ ты спѣшишь читать дурныя вѣсти,—вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ;—развѣ ты не можешь подождать, пока я не кончу этого?—И онъ указалъ на стаканъ, изъ котораго онъ прихлебывалъ медленно, какъ будто желая сколько возможно продлить это занятіе.

Вмѣсто всякаго отвѣта она довольно грустно улыбнулась.

— Онъ продолжалъ:

— Я такъ увѣренъ въ содержаніи письма, какъ будто я уже прочелъ его. Ну вотъ запомни мои слова; я разскажу сейчасъ что здѣсь написано. Келлетсъ-кортъ проданъ, первая продажа утверждена, и отвѣтъ насчетъ долга твоей бѣдной матери неблагопріятенъ. Отъ стараго помѣстья у насъ не осталось ни кола, ни двора, и мы — не болѣе, не менѣе какъ нищіе. Вотъ я сказалъ тебѣ все на чистомъ англійскомъ языкѣ.

— Ну такъ узнаемъ ужь все худшее разомъ,—сказала она рѣшительно, открывая письмо.

— Кто сказалъ тебѣ, что въ письмѣ заключается самое худшее?—возразилъ онъ съ гнѣвомъ. — Самое худшее еще не настало для преступника, когда судья прочелъ ему приговоръ; это только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди.

— Батюшка, батюшка! вскричала она съ состраданіемъ,—ободритесь, будьте опять самимъ собою. Вспомните, вы говорили однажды, что если только бѣдный Джекъ возвратится, то вы не побоитесь попытать счастія въ какой нибудь новой землѣ, за морями, и будете равнодушно переносить всѣ тягости бѣдной доли, лишь бы только всѣ мы были вмѣстѣ.

— Я, должно быть, бредилъ,— угрюмо сказалъ Келлетъ.

— Нѣтъ, вы говорили отъ полноты вашей любви и привязанности; вы показывали мнѣ ка́къ мало случайности судьбы нару-

шаютъ счастіе людей, которые рѣшились помириться съ своею низкою долей, и что, разъ освободясь отъ этого безпокойнаго духа сѣтованія, который безпрестанно напоминаетъ намъ о прошломъ, мы забудемъ горе, томившее насъ много лѣтъ и съ облегченнымъ сердцемъ встрѣтимъ жизнь, исполненную лишеній.

— Не понимаю, что могло внушить мнѣ подобныя мысли,— пробормоталъ Келлетъ унылымъ тономъ.

— Ваше собственное мужество. Вы вспомнили, что говорилъ Конуэй о планахъ и предположеніяхъ бѣднаго Джека. По окончаніи войны Джекъ хотѣлъ выпросить у Султана клочокъ земли близъ Босфора, и построить тамъ кіоскъ для всѣхъ насъ. Мы сѣяли бы хлѣбъ, и развели бы виноградники и фиговыя деревья, не ища никакихъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы могли бы пріобрѣсти нашими собственными трудами.

— Мечты, мечты! сказалъ онъ, мрачно вздыхая. Теперь ты можешь читать письмо.—И Белла начала:

«Сэръ,—по порученію мистера Дэвенпорта Дённа, увѣдомляю васъ, что коммисары, опровергнувъ представленныя имъ возраженія, въ слѣдующій вторникъ приступятъ къ продажѣ земель Келлетсъ-корта, Горстауна и Кильмэганни, свободныхъ засимъ отъ всѣхъ долговъ и повинностей, которые, вслѣдствіе брачнаго контракта или же...»

— Я сказалъ тебѣ... это именно то, что я говорилъ, прервалъ Келлетъ; у насъ не осталось ни копѣйки!

Белла наскоро пробѣжала про себя всѣ скучныя подробности, которыя затѣмъ слѣдовали, пока не дошла до постскриптума, гдѣ говорилось:

«Такъ какъ ваше имя находится въ спискѣ лицъ, имѣющихъ остаться за штатомъ вслѣдствіе недавняго приказа по казначейству относительно таможни, то мистеръ Дённъ надѣется, что вы, не теряя времени, озаботитесь пріисканіемъ себѣ другого мѣста, въ чемъ онъ охотно окажетъ вамъ всякую зависящую отъ него помощь».

Дикій, истерическій хохотъ вырвался изъ груди Келлета, когда Белла перестала читать.

— Нѣтъ ли тамъ еще какихъ нибудь хорошихъ вѣстей, Белла? Посмотри внимательнѣй, милочка, и вѣрно найдешь что нибудь.

Страшное выраженіе его лица испугало Беллу и она ничего не отвѣтила.

— Я готовъ побиться объ закладъ, что если ты только поищешь хорошенько, то вѣрно увидишь что нибудь насчетъ за-

ключенія меня въ тюрьму, или отсылки въ каторгу. — Кто это тамъ стучитъ въ дверь? вскричалъ онъ съ гнѣвомъ.

— Тамъ какой - то джентльменъ хочетъ видѣть барина, — сказала старая служанка, входя въ комнату.

— Я занятъ и не могу никого принять, — сурово возразилъ Келлетъ.

— Онъ говоритъ, что ему все равно, если онъ можетъ видѣться съ миссъ Беллой, — сказала старуха.

— Она тоже занята.

— Старуха все еще оставалась у двери, какъ будто надѣясь, что отказъ будетъ отмѣненъ.

— Развѣ вы не слышите, или вы не понимаете моихъ словъ? съ сердцемъ вскричалъ Келлетъ.

— Скажите ему, что баринъ не можетъ принять его, — сказала Белла.

— Если это не слишкомъ смѣло съ моей стороны... Можетъ быть вы извините эту вольность, — сказалъ какой-то человѣкъ, держась за ручку пріотворенной двери, и просовывая свою круглую голову и очень красное лицо въ комнату.

— А, мистеръ Дрисколь, — вскричала Белла. Это — братъ мистриссъ Гокшо, папа,—прошептала она спокойно своему отцу, который, не смотря на эту рекомендацію, не шевелился.

— Если капитанъ Келлетъ извинитъ мою настойчивость, сказалъ Дрисколь, входя съ покорнымъ видомъ, то онъ скоро убѣдится, что я по крайней мѣрѣ съ хорошими намѣреніями пришелъ сюда пѣшкомъ и притомъ въ такую скверную ночь... Мелкій дождь, грязь... какая страшная грязь... И въ доказательство справедливости своихъ словъ онъ выставилъ впередъ ногу, которая своимъ объемомъ почти не уступала ногѣ слона.

— Прошу васъ садиться, мистеръ Дрисколь, — сказала Белла, подвигая къ нему стулъ. — Когда вы постучались, папа былъ занятъ дѣлами... кое-какими важными письмами.

— Да, миссъ, конечно, и онъ не хотѣлъ, чтобы его безпокоили, — сказалъ Дрисколь садясь и отирая свой вспотѣвшій лобъ. И со мною часто бываетъ то же самое; но когда я дома и не хочу, чтобы кто нибудь безпокоилъ меня, то надѣваю маленькій колпакъ изъ коричневой бумаги: это у меня знакъ, что никто не долженъ говорить со мной.

При этихъ словахъ Келлетъ разразился смѣхомъ, и Дрисколь

такъ искусно поддержалъ его, что когда эта веселость поутихла, они были уже между собою въ короткихъ отношеніяхъ.

— Вы видите какой я странный человѣкъ, — сказалъ Дрисколь. — Помоги мнѣ Боже, — прибавилъ онъ со вздохомъ. Я долженъ хитрить съ самимъ собою, какъ другіе хитрятъ со свѣтомъ, потому что моя бѣдная голова вѣчно путается то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ, и я никогда не увѣренъ, что думаю о томъ, о чемъ слѣдуетъ.

— Это очень грустно, — сказалъ Келлетъ съ состраданіемъ.

— Я былъ похожъ на всякаго другого, пока не схватилъ горячки, — продолжалъ Дрисколь конфидіенцальнымъ тономъ. — Это была горячка съ пятнами, — только не красуха, замѣтьте; и когда въ двадцать девятый день и она прошла, я сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ,— простымъ и невиннымъ ребенкомъ. Вы будете смѣяться, если я скажу вамъ, что я сдѣлалъ съ первою полкроной, которую досталъ. Я купилъ мѣшокъ каменныхъ шариковъ!

И Келлетъ дѣйствительно засмѣялся отъ души, можетъ быть, не столько по поводу разсказаннаго обстоятельства, сколько потому, что манера и видъ разскащика были въ высшей степени забавны.

— Да, право, мѣшокъ шариковъ! пробормоталъ Дрисколь про себя; эту игру я очень люблю.

— Не угодно ли вамъ выпить немножко водки съ водой? Теплой или холодной? — вѣжливо спросилъ Келлетъ.

— Крошечку, чтобы только заглушить вкусъ воды, — сказалъ Дрисколь. Я принужденъ быть осторожнымъ, точно ступаю по яйцамъ. Докторъ Доддъ говорилъ мнѣ: Терри, у васъ не много было мозгу и въ ваши лучшіе дни, но теперь вы чуть-чуть что не идіотъ, и если вы будете придерживаться спиртуозныхъ напитковъ, то вы пропали.

— Это было откровенно сказано, — замѣтилъ Келлетъ улыбаясь.

— Да, подтвердилъ Дрисколь, повидимому стараясь что-то припомнить; и затѣмъ, когда это ему удалось, сказалъ: «а, въ домѣ умалишенныхъ есть теперь двадцать пять человѣкъ съ обритыми головами и въ синихъ бумажныхъ халатахъ, которые умнѣе васъ». Но вотъ видите, на моей сторонѣ есть одно преимущество, именно, что я безроденъ.

Сострадательное выраженіе лица, съ которымъ Келлетъ слу-

шалъ это признаніе, показывало до какой степени говорившій возбудилъ его участіе.

— Впрочемъ, — продолжалъ Дрисколь, — можетъ быть я теперь счастливѣе, чѣмъ когда либо! Теперь всѣ добры и ласковы ко мнѣ. Никто не обижается тѣмъ, что я говорю или дѣлаю; всѣ хорошо знаютъ, что у меня нѣтъ на умѣ ничего худого.

— Разумѣется, — подтвердила Белла; потому что она, въ порывѣ благодарности за множество добрыхъ словъ, которыя онъ сказалъ ей, встрѣтившись съ нею утромъ, ухватилась за первый случай выразить ему свое сочувствіе.

— Моя дочь часто говорила мнѣ, какъ вы всегда были ласковы къ ней.

— Да, бормоталъ Терри про себя, — я всегда говорю въ моемъ сердцѣ: «какъ долженъ ты гордиться сегодня, Терри Дрисколь, желая добраго утра миссъ Келлетъ изъ Келлетсъ-корта, этой дѣвушкѣ, въ жилахъ которой течетъ лучшая старая кровь нашей страны.»

— Ваше здоровье, Дрисколь, ваше здоровье, — вскричалъ Келлетъ съ жаромъ. Гдѣ бы ни была ваша голова, но ваше сердце находится въ надлежащемъ мѣстѣ.

— Неужели вы такъ думаете? спросилъ онъ со всею поспѣшностью человѣка, дѣлающаго самый тревожный вопросъ.

— Да, и клянусь въ этомъ,— вскричалъ Келлетъ рѣшительно.

— Люди нынче сдѣлались слишкомъ умны и тонки; по-моему гораздо лучше были тѣ времена, когда существовало меньше учености, да побольше добраго чувства.

— Да... дѣйствительно это самое замѣчаніе сдѣлалъ я сестрѣ моей Мэри за прошлый вечеръ, — сказалъ Дрисколь. — Что тамъ есть такое, сказалъ я, чему бы миссъ Келлетъ не могла бы учить ихъ? Они знаютъ тройное правило и грамматику такъ же хорошо, какъ я знаю свои молитвы. Вамъ нѣтъ вѣдь надобности, чтобы они учились геометріи и употребленію глобусовъ?— «Я пошлю ихъ въ какую нибудь школу во Франціи, — отвѣчала она, — это единственное средство пріобрѣсти благородныя манеры».

— Въ какую нибудь школу во Франціи? — вскричала Белла, и это въ самомъ дѣлѣ уже рѣшено?

— Да, миссъ; они отправляются очень скоро, и вы видите что я имѣлъ причину придти сюда въ этотъ вечеръ, не смотря на такой дождь. Я сказалъ самому себѣ: Терри, говорю, они

не скажутъ объ этомъ ни слова миссъ Келлетъ, пока не кончатся три мѣсяца; иди, говорю, и сейчасъ скажи ей объ этомъ.

— Вы такъ добры, вскричала Белла.

— Да, пробормоталъ Дрисколь, какъ будто въ меланхолическомъ забытьи, я только и годенъ теперь на то, чтобы стараться какъ нибудь принести пользу.

— Не говорилъ ли я тебѣ, что на насъ такъ и сыплется счастіе, Белла? процѣдилъ Келлетъ сквозь зубы; не предсказывалъ ли я недавно, что намъ предстоитъ еще кое-что?

— Но, говорю я сестрѣ, продолжалъ Дрисколь, ты должна позаботиться о томъ, чтобы рекомендовать миссъ Келлетъ своимъ знакомымъ....

Келлетъ стукнулъ своимъ стаканомъ по столу съ такою силой, что испугалъ Дрисколя, котораго рѣчь была такимъ образомъ, внезапно прервана, и два собесѣдника сидѣли пристально глядя другъ на друга. Выраженіе безсмысленной физіономіи бѣднаго Терри, въ которой нельзя было прочесть ничего кромѣ томительнаго усилія успокоить этотъ гнѣвъ, до такой степени укротило вспыльчивость Келлета, что онъ схватилъ руку Дрисколя и сказалъ съ чувствомъ:

— Вы доброе созданіе и не можете вредить ни одной живой душѣ. Я не сержусь на васъ.

— Благодарю васъ, капитанъ Келлетъ, благодарю васъ, торопливо вскричалъ Дрисколь и отеръ свой лобъ, какъ человѣкъ, который напрасно старается слѣдить за связною цѣпью размышленій.—Кто это сказалъ мнѣ, что у васъ есть другая дочь?

— Нѣтъ, возразилъ Келлетъ, у меня есть сынъ.

— Да, да, сынъ; говорятъ, бойкій малый. Гдѣ онъ?

— Въ Крыму, съ своимъ полкомъ, онъ служитъ въ стрѣлкахъ.

— Боже мой, какъ это странно... сражается съ французами, точь въ точь какъ его отецъ.

— Нѣтъ, сказалъ Келлетъ, улыбаясь, онъ дерется съ русскими, а французы помогаютъ ему въ этомъ.

— Да оно и лучше, сказалъ Дрисколь: двоимъ противъ одного какъ-то веселѣе. Такъ онъ въ стрѣлкахъ? И при этихъ словахъ онъ подперъ голову рукою и повидимому предался задумчивости.

— Онъ капитанъ? спросилъ онъ послѣ длинной паузы.

— Нѣтъ, нѣтъ еще, отвѣчалъ Келлетъ и его щеки покраснѣли при этомъ уклончивомъ отвѣтѣ.

— Ну такъ можетъ быть его скоро произведутъ въ этотъ чинъ? сказалъ Дрисколь, опять погружаясь въ глубокую задум-

чивость. Тамъ былъ одинъ молодой человѣкъ, который присоединился къ нимъ въ Коркѣ, еще до отправленія ихъ въ Крымъ. Я далъ ему въ займы тридцать шиллинговъ и онъ мнѣ не заплатилъ этого долга. Желалъ бы я знать — что съ нимъ сдѣлалось. Можетъ быть, онъ убитъ.

— Очень вѣроятно, небрежно сказалъ Келлетъ.

— Не можетъ ли вашъ сынъ отыскать мнѣ его? — не ради денегъ, объ этомъ не стоитъ и толковать, а собственно ради его, потому что мнѣ онъ понравился; это былъ отличный, красивый малый и смѣлый какъ левъ.

— Онъ можетъ быть не въ томъ батальонѣ, гдѣ Джекъ, а если и въ томъ, то Джекъ можетъ не знать его. Какъ его фамилія? — сказалъ Келлетъ въ нѣкоторомъ смущеніи.

— Я вамъ скажу, если вы дадите мнѣ слово не говорить ему ничего насчетъ денегъ; онъ, должно быть, забылъ о нихъ, вотъ и все.

— Хорошо, не скажу ни слова.

— И вы освѣдомитесь о немъ подробно у вашего сына—нравится ли ему служба, или ему хотѣлось бы лучше быть дома?

— А его имя?

— Имя? — Я записалъ его на лоскуткѣ бумаги только такъ, для памяти, потому что я забываю все; имя его — Конуэй... Чарльзъ Конуэй.

— А, это тотъ самый... при этихъ словахъ, предостерегающій взглядъ со стороны Беллы остановилъ Келлета и онъ замолчалъ, глядя вопросительно на дочь. Если бы его вниманіе не было отвлечено нетерпѣніемъ найдти ключъ къ ея мыслямъ, то его вѣроятно поразила бы напряженная проницательность во взглядѣ Дрисколя, обращенномъ теперь на Беллу. Однакоже она замѣтила это выраженіе, и оно такъ сильно на нее подѣйствовало, что ею овладѣла смертельная слабость и она медленно опустилась на стулъ.

— Вы говорили, что это тотъ самый... сказалъ Дрисколь, повторяя слова Келлета и ожидая окончанія фразы.

— Это то самое имя, которое мы прочли въ газетѣ, сказала Белла, которая, смутно чувствуя необходимость скрыть истину, тотчасъ же дала слѣдующій уклончивый отвѣтъ:

— Онъ куда-то поступилъ волонтеромъ, или первый взбѣжалъ на батарею, словомъ сдѣлалъ что-то очень храброе.

— Онъ не убитъ?—сказалъ Дрисколь своимъ обыкновеннымъ безпечнымъ тономъ.

— О, нѣтъ, вскричалъ Келлетъ, онъ цѣлъ и невредимъ.

— Не странно ли это? Но мнѣ хотѣлось бы узнать о немъ. Есть какіе-то Конуэи въ родствѣ моей матери, и я не могу выбить изъ своей головы, что онъ, должно быть, принадлежитъ къ ихъ числу. Это не совсѣмъ обыкновенное имя, не такое какъ напримѣръ Дрисколь.

— Да, Джекъ пожалуй можетъ сообщить вамъ что нибудь о немъ, — сказалъ Келлетъ, все еще находясь подъ вліяніемъ предостереженія Беллы.

— Если вы скажете мнѣ какого именно рода свѣденія вамъ нужно имѣть, прибавила Белла, то я напишу брату чрезъ день или чрезъ два. Есть ли у васъ какіе нибудь особенные вопросы, на которые вы хотѣли бы получить отвѣтъ?

— Спокойный, но пытливый взглядъ Беллы, сопровождавшій эти немногія слова, мало по малу уступилъ мѣсто выраженія жалости при видѣ безнадежнаго слабоумія на лицѣ бѣднаго Дрисколя, въ которомъ не осталось теперь ни одного проблеска мысли. Казалось, непродолжительная умственная борьба такъ его истощила, что онъ уже былъ неспособенъ ни къ какому дальнѣйшему усилію разума и онъ сидѣлъ какъ будто ожидая, чтобы образный приливъ мысли прихлынулъ снова, и поднялъ на своихъ волнахъ выброшенный на мель разсудокъ.

Не хотите ли вы узнать что нибудь объ этой фамиліи? сказала она, смотря на него съ участіемъ.

— Да, миссъ, — сказалъ онъ, какъ будто во снѣ; т. е. я не хотѣлъ бы, чтобы мое имя было упомянуто, я — такое жалкое созданіе! — но если вы можете какъ нибудь разузнать — не принадлежитъ ли онъ къ фамиліи Конуэевъ изъ Аберджедли—родственниковъ моей матери, то это будетъ для меня большимъ удовольствіемъ.

— Я беру на себя это порученіе, сказала Белла, записывая слова: «Конуэй изъ Аберджедли.»

— Но есть еще что-то.... если бы только моя бѣдная голова могла припомнить, сказалъ Дрисколь, котораго физіономія представляла собою самое полное изображеніе отуманеннаго разсудка.

Налейте себѣ другой стаканъ, и вы мало по малу припомните, вѣжливо сказалъ Келлетъ.

— Да, пробормоталъ Дрисколь, тотчасъ же принимая приглашеніе. Это было, кажется, что-то о горчичныхъ сѣменахъ, прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы; говорятъ, они не испортятся два года, если положить ихъ въ синюю бумажную коробку,

лучше всего въ темносинюю. Келлетъ и его дочь обмѣнялись другъ съ другомъ взглядомъ истиннаго состраданія, и Дрисколь продолжалъ: — Впрочемъ нѣтъ, это, кажется не то, что я хотѣлъ вспомнить. — И онъ снова предался на нѣсколько минутъ глубокому размышленію, по окончаніи котораго вдругъ вскочилъ, разомъ выпилъ свой стаканъ, и началъ застегивать платье, приготовляясь къ дорогѣ.

— Не уходите, пока я не посмотрю какова ночь, вскричалъ Келлетъ, выходя изъ комнаты, чтобы узнать о состояніи погоды.

— Если мнѣ удастся получить какое нибудь свѣденіе, то какъ я могу передать его вамъ? спросила Белла, обращаясь къ нему наскоро, какъ будто желая воспользоваться минутой, когда они остались вдвоемъ.

Дрисколь пристально смотрѣлъ на нее секунду или двѣ, и мало по малу выраженіе его лица приняло свой обыкновенный видъ безсмысленнаго слабоумія, между тѣмъ какъ онъ только бормоталъ про себя: «никакихъ доказательствъ... выбросьте счеты».

Она повторила свой вопросъ.

— Да! отвѣчалъ онъ безсмысленно осклабившись,—да! но они не со всякимъ соглашаются.

— Теперь немножко свѣтитъ луна и дождь пересталъ, сказалъ Келлетъ входя; — и такъ было бы нехорошо удерживать васъ.

— Покойной ночи, покойной ночи, — торопливо сказалъ Дрисколь; эта водка ударила мнѣ въ голову. Я чувствую это. Веселаго путешествія вамъ обоимъ и непремѣнно напомните обо мнѣ мистриссъ Миллеръ. И съ этими несвязными словами онъ поспѣшилъ вонъ, и скоро раздался его голосъ, напѣвавшій веселую пѣсню.

— Это самое большое горе изъ всѣхъ,—сказалъ Келлетъ сидя и прихлебывая изъ стакана. Ничто не можетъ сравниться съ ясными и непомраченными умственными способностями. Я не согласился бы походить на этого бѣдняка, если бы даже мнѣ обѣщали за это богатство Креза.

— Это странное состояніе,—сказала Белла задумчиво. Были минуты, когда глаза его озарялись какимъ-то особеннымъ смысломъ, какъ будто въ промежуткахъ его умъ пріобрѣталъ всю свою прежнюю силу. Замѣтили вы это?

— Нѣтъ, не замѣтилъ. Я не видѣлъ ничего подобнаго,—брюзгливо отвѣчалъ Келлетъ. Кстати, почему ты была такъ осторожна насчетъ Конуэя?

— Именно потому, что Конуэй просилъ не упоминать его име-

ни. Онъ сказалъ, что на немъ лежатъ кое-какіе незначительные долги, оставшіеся отъ его прежняго мотовства; и хотя всѣ они постепенно уплачиваются, но онъ боится навязчивыхъ требованій кредиторовъ, которые тотчасъ нагрянутъ, когда узнаютъ, что онъ въ Дублинѣ.

— У каждаго есть свои заботы! пробормоталъ Келеттъ, погружаясь въ мрачную думу о своихъ собственныхъ обязательствахъ, и молча прихлебывая свое питье.

Теперь послѣдуемъ за Дрисколемъ, который повернувъ за уголъ переулка, такъ что уже его не могли слышать изъ коттэджа, вдругъ пересталъ пѣть и скорыми шагами пошелъ къ городу. Но какъ ни быстро онъ шелъ, его губы двигались еще быстрѣе. Онъ разговаривалъ самъ съ собою, разражаясь по временамъ смѣхомъ, когда какая нибудь мысль въ особенности забавляла его. «Да, родство съ материнской стороны, — сказалъ онъ. Всякій имѣетъ право спрашивать о своихъ собственныхъ родныхъ! И сколько я знаю, моя бабушка была урожденная Конуэй. Старый дуракъ чуть-чуть не проговорился и показалъ, что хорошо знаетъ его. А она хитра, его дочь-то, и нечего сказать— ловко говорила со мной, когда мы остались одни. Это значило то же, что сказать, Терри, положи свои карты, я вижу твои шулерскія штуки насквозь. — «Нѣтъ, миссъ, говорю, у меня есть еще одинъ способъ передергиванія картъ, котораго вамъ никогда не удастся замѣтить. Ха, ха, ха! Но все-таки она хитра, и если бы только на нее можно было положиться, то я желалъ бы имѣть ее участницей въ нашемъ заговорѣ. Да! но не опасно ли это, мистеръ Дрисколь? Скажите, положивъ руку на сердце, дѣйствительно ли вы думаете, что она не обратится противъ васъ? Она притомъ очень хорошенькая дѣвушка, — прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. Желалъ бы я знать ея душеньку, который вѣрно у нея есть. Терри, Терри, ты долженъ пошевелиться; тебѣ слѣдуетъ вставать рано и ложиться поздно, мой мальчикъ. Ты теперь ужь не тотъ человѣкъ, какимъ былъ до этой «горячки»... Горячки съ пятнами!—И Дрисколь разразился громкимъ и продолжительнымъ хохотомъ. Какимъ жалкимъ созданіемъ сдѣлала тебя эта горячка: ни памяти... ни разсудка!— И при этой мысли онъ чуть не задохся отъ смѣха.

— Бѣдный Терри Дрисколь, какъ ты жалокъ! прибавилъ онъ, отирая слезы, выступившія на его глаза отъ такой веселости. Не грѣхъ ли, не стыдъ ли это, что некому присмотрѣть за тобою.

ГЛАВА XIX.

Дрисколь на совѣщаньи.

— Еще не пришелъ, сэръ, но скоро воротится, — сказалъ мистеръ Клоузъ, камердинеръ, Терри Дрисколю, стоявшему въ залѣ мистера Дэвенпорта Денна, около одиннадцати часовъ того самаго вечера, о которомъ мы говорили въ предъидущей главѣ.

— Значитъ, вы ожидаете его? — спросилъ Дрисколь своимъ смиреннымъ тономъ.

— Да, сэръ, сказалъ Клоузъ, глядя на свои часы; — онъ долженъ скоро быть; намъ въ эту ночь предстоитъ много работы, и со многими надо переговорить, но онъ приметъ васъ, мистеръ Дрисколь, онъ всегда отдаетъ приказаніе впустить васъ тотчасъ же.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Дрисколь съ видомъ совершеннаго простодушія.

— Да, отвѣчалъ Клоузъ непринужденнымъ тономъ покровительства, онъ любитъ васъ. Вы принадлежите къ числу немногихъ, которые могутъ его забавлять. Право, я, кажется, не слыхалъ, чтобы онъ смѣялся отъ души, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ въ вашемъ обществѣ.

— Не странно ли это! — воскликнулъ Дрисколь. Должно быть во мнѣ есть что-то забавное!

— Вотъ его звонокъ; онъ идетъ, вскричалъ Клоузъ, бросившись навстрѣчу своему господину. Теперь вы можете войдти, — сказалъ онъ возвращаясь, и потомъ прибавилъ тихимъ шопотомъ: — Онъ кажется не въ духѣ, съ нимъ случилось что нибудь непріятное.

Едва Дрисколь опустилъ внутреннюю портьеру кабинета мистера Дённа, какъ увидѣлъ справедливость словъ мистера Клоуза. Лобъ Дённа былъ мраченъ и нахмуренъ, лицо слегка горѣло, глаза безпокойно бѣгали.

— Что тамъ у васъ такое безотлагательное, Дрисколь, что вы не могли подождать до-разсвѣта? сказалъ онъ съ неудовольствіемъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на вѣжливый поклонъ посѣтителя.

— Я думалъ, что это самое удобное для васъ время, спокойно отвѣчалъ Дрисколь; вы всегда говорили: «приходите ко мнѣ, когда я отдѣлаюсь отъ дневной работы».

— Но кто вамъ сказалъ, что я отдѣлался отъ дневной работы? На эту кучу писемъ надо отвѣчать; многихъ изъ нихъ я еще

и не читалъ. Да вотъ еще — главный прокуроръ будетъ здѣсь чрезъ нѣсколько минутъ, насчетъ этихъ исковъ.

— Это очень кстати, замѣтилъ съ живостью Дрисколь.

— Почему? что вы хотите сказать?

— Мы можемъ спросить его мнѣніе насчетъ того дѣла, знаете?

— Какой вздоръ вы городите, сказалъ Дённъ съ сердцемъ;— какъ будто значительный и искусный адвокатъ станетъ компрометировать себя, произнося свое мнѣніе насчетъ необыкновенно сложнаго вопроса, подробности котораго онъ долженъ узнавать отъ васъ! Взглядъ и тонъ, сопровождавшіе послѣднее слово, имѣли въ высшей степени оскорбительный характеръ, но повидимому нисколько не обидѣли Дрисколя.

— Вы, вѣроятно, обѣдали сегодня въ Лоджъ? — спросилъ онъ, желая завязать разговоръ во что бы то ни стало.

— Нѣтъ, у Люскомба, главнаго секретаря, отрывисто отвѣчалъ Дённъ.

— Говорятъ, онъ умный малый, — сказалъ Дрисколь.

— Тѣ, которые думаютъ такъ, отъ души держатся этого мнѣнія, возразилъ Дённъ брюзгливо. Пусть они назовутъ его счастливымъ человѣкомъ — и тогда они будутъ ближе къ истинѣ. А что насчетъ этого дѣла? — сказалъ онъ наконецъ. — Отыскали вы Конуэя?

— Нѣтъ; но я узналъ, что онъ обѣдалъ и провелъ вечеръ у стараго Поля Келлета. Онъ пріѣхалъ въ Ирландію и привезъ Келлету кое-какія вѣсти объ его сынѣ, который служилъ въ одномъ съ нимъ полку, и потому я пошелъ къ Келлетамъ, чтобы вывѣдать отъ нихъ обо всемъ; но они почему-то секретничаютъ. Дочь превосходитъ все, что вы видали! Она пробовала хитрить со мною, но это не удалось.

— Все на сценѣ ваша бѣдная голова и горячка съ пятнами?— сказалъ Дённъ смѣясь.

— Да, отвѣчалъ Дрисколь;—я уже не поправлялся съ тѣхъ поръ какъ слѣдуетъ. И онъ захохоталъ отъ души.

— Это для меня слишкомъ медленно, Дрисколь; вы должны отыскать молодого человѣка тотчасъ же и показать его мнѣ. Я опять читалъ записку, и нашелъ ее необыкновенно обстоятельною. Она теперь у Гачарда, который сообщитъ мнѣ свое мнѣніе о ней въ слѣдующее воскресенье. Въ тотъ же день Бичеръ будетъ обѣдать у меня; поэтому, если вы можете устроить такъ, чтобы Конуэй былъ здѣсь въ понедѣльникъ утромъ, то я, вѣроятно, буду уже въ состояніи открыто договариваться съ нимъ.

— Вы идете слишкомъ скоро, — сказалъ Дрисколь; — если Конуэй увидитъ предъ собой дорогу, то онъ можетъ идти по ней и безъ насъ.

— Я позабочусь о томъ, чтобы онъ не зналъ, какую тропинку ему выбрать, Дрисколь; положитесь въ этомъ на меня. Вспомните, что для него необходимы документы, которые находятся въ нашихъ рукахъ. Прежде чѣмъ онъ увидитъ хоть одинъ изъ нихъ, наши условія будутъ уже заключены.

— Мнѣ заплатятъ десять тысячь наличными. Вотъ уже восемь лѣтъ я собираю бумаги. Я купилъ этотъ охотничій домикъ въ Бантри, принадлежавшій Бичерамъ, собственно для того, чтобы отыскать старый шкапъ въ столовой. Онъ былъ задѣланъ въ стѣну цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и Денисъ Маргатъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который зналъ, гдѣ онъ находится.

— Мнѣ извѣстно все это. Открытіе — если оно окажется дѣйствительно таковымъ — принадлежитъ вамъ, Дрисколь; а что касается денежнаго вознагражденія, я не обсчитаю васъ ни на копѣйку.

— Я заплатилъ тысячу двѣсти фунтовъ, — продолжалъ Дрисколь, слишкомъ занятый своими собственными размышленіями для того, чтобы обращать вниманіе на что-нибудь другое, тысячу двѣсти фунтовъ за жалкій старый домъ съ проваливающеюся крышей и съ гнилыми балками! Этому исполнилось восемь лѣтъ съ прошлаго Михайлова дня; а вѣдь это деньги, позвольте вамъ доложить. И я получалъ съ него не болѣе тридцати фунтовъ въ годъ.

— Вамъ будетъ заплачено, и хорошо заплачено.

— Да, сказалъ Терри, кивая головой.

— Вы можете выговорить себѣ хорошія условія съ обѣихъ сторонъ.

— Да, или понемножку съ той и съ другой, прибавилъ Дрисколь сухо.

ГЛАВА XX.

Вечерняя бесѣда съ Грогомъ Дэвисомъ.

Поздно ночью Грогъ Дэвисъ сидѣлъ одинъ, съ одною свѣчой, въ своей мрачной комнатѣ. Огонь въ каминѣ давно уже погасъ, и

большія лужи воды, образовавшіяся отъ сильнаго дождя, который пробивался сквозь худыя оконныя рамы покрывали старый коверъ, разостланный на полу, между тѣмъ какъ частые порывы вѣтра разшатывали черепичную крышу и колебали основанія непрочнаго дома.

Судя по всему, Грогъ Дэвисъ мало обращалъ вниманія на неудобную и жалкую обстановку; низкая, четырехъ-угольная бутылка голландской можевеловки и пачка дурныхъ сигаръ замѣняли ему всякій комфортъ, между тѣмъ какъ онъ силился разрѣшить какую-то трудную проблему надъ колодой картъ. Онъ сдавалъ, тасовалъ и сдавалъ снова съ удивительной быстротою. Каждое движеніе его ладоней и пальцевъ показывало опытную руку.

Онъ воображалъ себя за карточнымъ столомъ и часто обращалъ къ воображаемымъ игрокамъ разныя фразы, произносимыя вслухъ.

— Грогъ, мой сердечный другъ, вскричалъ веселый голосъ Аннеслея Бичера, входившаго въ комнату;—я думалъ, что у васъ полна комната гостей; я слышалъ разговоръ, входя на лѣстницу, и вообразилъ, что у васъ идетъ здѣсь жаркая работа.

— Гдѣ это могли быть вы въ этомъ бѣломъ галстухѣ и въ этомъ несчастномъ жилетѣ,—угрюмо спросилъ Дэвисъ.

— Обѣдалъ съ Дённомъ и обѣдалъ отлично. Я не въ состояніи рѣшить—что мнѣ болѣе понравилось, его вино, или кухня.

— Много тамъ было гостей?

— Никого, кромѣ меня.

— Боже мой! ужь вѣрно порядкомъ обработалъ онъ васъ, вскричалъ Дэвисъ, съ нахальной улыбкой.

— Я не такой простофиля, какимъ вы меня считаете, сэръ Грогъ; Соломонъ былъ мудрецъ, Самсонъ — силачъ, а Аннеслей Бичеръ можетъ поспорить со всякимъ плутомъ.

Въ высшей степени презрительный взглядъ былъ единственнымъ отвѣтомъ Грога Дэвиса на это самохвальство. Наконецъ, закуривъ новую сигару, онъ сказалъ!

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— О, мы толковали о разныхъ разностяхъ, и клянусь Юпитеромъ — Дённъ знаетъ всего понемножку. И какая у него память! Онъ помнитъ всѣхъ людей, бывшихъ въ силѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. У васъ нѣтъ горячей воды?

— Нѣтъ, есть только холодная, вонъ въ той кружкѣ. Продолжайте о Дённѣ.

— Онъ очень пріятный человѣкъ, надо признаться, потому что онъ не только со всѣми знакомъ, но знаетъ всю ихъ подноготную: какъ одинъ выпутался изъ бѣды, какъ другой попалъ въ ловушку. Вы не повѣрите, какъ много онъ знаетъ также по части женщинъ! Всѣ городскія сплетни ему тоже извѣстны. Не правда ли, это странно видѣть въ такомъ человѣкѣ?

— Дэвисъ не отвѣчалъ, и медленно курилъ свою сигару. Ну, а послѣ женщинъ о чемъ былъ разговоръ?

— Позвольте... да, о книгахъ.

— Ну а дальше?

— Дальше мы нѣсколько потолковали о скачкахъ.

— Онъ ничего не смыслитъ въ скачкахъ.

— Я не совсѣмъ увѣренъ въ этомъ, сказалъ Бичеръ.

— Не говорилъ ли онъ чего - нибудь обо мнѣ? — спросилъ Грогъ съ какою-то странною улыбкой.

— Нѣтъ; онъ только спросилъ не тотъ ли вы капитанъ Дэвисъ, который игралъ роль въ брайтонскомъ дѣлѣ.

— Что же вы сказали?

— Сказалъ! не зная, я ничего не могъ сказать, мистеръ Грогъ, кромѣ того, что вы въ большой дружбѣ съ моимъ братомъ Ласкингтономъ.

— И какъ онъ принялъ это?

— Сказалъ что-то объ этой фамиліи, и перемѣнилъ разговоръ. Дэвисъ пододвинулся ближе къ столу и взявъ карты, началъ медленно тасовать ихъ, какъ будто ища предлога, чтобы на нѣкоторое время предаться размышленіямъ.—Я открылъ способъ, какъ янки подтасовываютъ короля, сказалъ онъ наконецъ. — Эту американскую штуку знаетъ не всякій, а штука ловкая. Вотъ, попробуйте, снимите колоду гдѣ угодно.

Бичеръ снялъ карты со всевозможною тщательностію и съ жаднымъ любопытствомъ наклонился надъ столомъ.

— Король бубенъ! — вскричалъ Грогъ, выбрасывая карту.

— Сдѣлайте это еще разъ, сказалъ Бичеръ съ изумленіемъ, и Дэвисъ повторилъ свою штуку.

— Это поддѣлка! вскричалъ Бичеръ, тщательно разсматривая края карты.

— Нисколько, отвѣчалъ Дэвисъ сердито, я готовъ дать вамъ десять лѣтъ на то, чтобы разгадать ее, и двадцать, чтобы сдѣлать; но ни то, ни другое вамъ не удастся.

— Покажите мнѣ какъ это дѣлается, сказалъ Бичеръ ласкающимъ тономъ.

— Вы не узнаете *моихъ* штукъ, пока не откроете вашихъ, сурово сказалъ Дэвисъ. Затѣмъ, скрестивъ руки и устремивъ свои красные свирѣпые глаза въ лицо Бичера, онъ продолжалъ:

— Что значатъ эти ваши увертки? Только скажите мнѣ, что онѣ значатъ?

— Я не понимаю васъ, отвѣчалъ Бичеръ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ.

— Такъ вы поймете меня! вскричалъ Дэвисъ съ проклятіемъ. Не хотите ли вы увѣрить меня, что Дённъ пригласилъ васъ обѣдать съ нимъ наединѣ единственно затѣмъ, чтобы толковать съ вами о политикѣ, о которой вы не имѣете ни малѣйшаго понятія, да о книгахъ, въ которыхъ вы смыслите еще меньше что онъ пожертвовалъ четырьмя часами воскреснаго вечера, чтобы выслушивать ваши мнѣнія о мужчинахъ, женщинахъ и о разныхъ предметахъ вообще? Вы хотите заставить меня проглотить все это, сэръ?

— Не прошу я васъ проглатывать ничего, запинаясь проговорилъ Бичеръ, въ сердцѣ котораго происходила борьба между гордостью и страхомъ.

— Я сказалъ вамъ, о чемъ мы говорили; а если между нами произошло что нибудь другое, то можетъ быть оно имѣло частный, личный характеръ, или относилось къ семейнымъ дѣламъ; или, можетъ быть, я далъ торжественное обѣщаніе не открывать никому предмета нашихъ разговоровъ.

— Вы дали такое обѣщаніе? — дали? — спросилъ Дэвисъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Я говорю только, что *можетъ быть* далъ.

— И вы думаете... вы воображаете, что можете меня провести?—сказалъ Дэвисъ, вставая, и приближаясь къ нему съ оскорбительно-угрожающимъ видомъ. — Слушайте же, если вы только попробуете это сдѣлать, я говорю попробуете, потому что сдѣлать-то вамъ не удастся, то будь я не Дэвисъ, если менѣе чѣмъ чрезъ двѣнадцать часовъ вы не будете стоять на докѣ *) полицейскаго суда, по поводу обвиненія въ подлогѣ.

— О, Дэвисъ! — вскричалъ Бичеръ, закрывая Грогу ротъ рукою и съ ужасомъ оглядываясь во всѣ стороны. Я никогда ничего не скрывалъ отъ васъ; вы единственный человѣкъ, который меня знаетъ.

— Да, я знаю васъ, клянусь Богомъ, знаю! съ бѣшенствомъ

(*) Dock. — мѣсто въ судѣ, гдѣ стоятъ обвиненные.

вскричалъ Грогъ Дэвисъ. Знаю также, что вы выскользнули бы у меня изъ рукъ, если бы смѣли; но могу васъ увѣрить, что, вырвавшись изъ *моей* власти, вы попадете во власть тюремщика. Вы воображаете, что считая васъ глупцомъ я и не подозрѣваю, что вы глупецъ хитрый. О какъ вы глубоко ошибаетесь!

— Но выслушайте меня, Грогъ, только выслушайте.

— Мое имя Дэвисъ, сэръ, капитанъ Дэвисъ; прошу не называть меня иначе.

— Ну, такъ Дэвисъ, старый товарищъ, самый лучшій и вѣрный другъ въ свѣтѣ, изъ-за чего вы горячитесь? Я разскажу вамъ все, что было говорено между мною и Дённомъ. Я дамъ вамъ какую угодно клятву не скрывать отъ васъ ни одного слова. Онъ заставилъ меня поклясться, что все останется между нами. Вотъ его слова: «это дѣло такого рода, что вамъ не нужно ничьихъ постороннихъ совѣтовъ; всякій совѣтъ былъ бы для васъ опасенъ. Тотъ, кто узнаетъ вашу тайну, будетъ держать васъ въ своихъ рукахъ. Лордъ Лаккингтонъ долженъ быть вашимъ единственнымъ совѣтникомъ, потому что ему грозитъ одинаковая съ вами опасность.

— Продолжайте, сурово сказалъ Дэвисъ, когда пауза Бичера показалась ему слишкомъ длинною.

Бичеръ испустилъ долгій вздохъ, и слабымъ, прерывающимся голосомъ продолжалъ: есть претендентъ на ваши права, который выводитъ свое происхожденіе отъ старшей линіи—отъ Конуэевъ Бичеровъ. Все это вздоръ и безсмыслица, эта отрасль прекратилась двѣсти лѣтъ тому назадъ, но все-таки притязаніе существуетъ, притомъ оно изложено такъ обстоятельно и въ такой степени подтверждается документами и проч., что Лаккингтонъ напуганъ, — напуганъ до послѣдней степени. Уже одна молва, одни толки объ этомъ могутъ свести его съ ума. Онъ гордъ какъ Люциферъ, да и скупъ; кромѣ того, онъ нуждается въ займѣ, а Дённъ говоритъ ему, что займа сдѣлать ему нельзя, пока это дѣло не будетъ улажено, и что онъ придумалъ способъ все устроить.

— Какимъ же образомъ? сухо спросилъ Дэвисъ.

— А вотъ какъ, сказалъ Бичеръ, котораго голосъ становился все слабѣе съ каждымъ словомъ. Лаккингтонъ, какъ вамъ извѣстно, не имѣетъ дѣтей, и нельзя ожидать, что они когда нибудь у него будутъ. Совѣтъ Дённа состоитъ въ томъ, чтобы, за пожизненное пользованіе титуломъ и помѣстьями, я обязался не жениться. Тогда претендентъ, если онъ можетъ поддержать свои права, будетъ ближайшимъ послѣ *меня* наслѣдникомъ; и

вѣдь мнѣ рѣшительно все равно, чорть возьми! кто бы тамъ ни былъ послѣ меня, прибавилъ онъ съ нѣкоторою энергіей. Разъ поднявшись на ноги, не бросится Аннеслей Бичеръ на первую скачку, которая представится? — И онъ старался ободрить свое замирающее сердце принужденною веселостью.

— А что говоритъ объ этомъ милордъ! — спросилъ Дэвисъ послѣ длинной паузы.

— Лаккингтонъ? ничего, или почти ничего. Вы читали то мѣсто его письма, гдѣ сказано: «отправьтесь къ Дённу», или «поговорите съ Дённомъ», или что-то въ этомъ родѣ. Онъ даже не объяснилъ, о чемъ я долженъ поговорить. Вы помните какую глупую роль мы съ вами разыгрывали въ то утро, какъ пришли къ Дённу и не могли объяснить кто мы и зачѣмъ попали туда.

— Я не помню, чтобы я гдѣ нибудь или когда нибудь разыгрывалъ глупую роль. Это не совсѣмъ въ *моихъ* привычкахъ. Это не *мой* способъ вести дѣла.

— Я не могу сказать того же о себѣ, возразилъ Бичеръ, смѣясь, и признаюсь откровенно, что никогда въ жизни я не чувствовалъ себя такъ неловко, какъ тогда.

— Это *вашъ* способъ вести дѣла, замѣтилъ Грогъ серьезно.

— Не всѣ родились такими, какъ вы, Дэвисъ. Самсонъ былъ мудрецъ... нѣтъ, бишь, Соломонъ былъ мудрецъ....

— Оставьте Самсона и Соломона въ покоѣ, сказалъ Грогъ куря сигару. Намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два пункта: во-первыхъ, существуетъ ли притязаніе, а во-вторыхъ, если существуетъ, то имѣетъ ли оно какую-либо важность. Все это дѣло, можетъ быть, просто стачка между Дённомъ и кѣмъ нибудь изъ его сообщниковъ.

Отъ милорда зависитъ—разузнать это. Вы покамѣстъ не болѣе, какъ *вторая* лошадь. Если милордъ знаетъ, что онъ можетъ лишиться своихъ правъ, то этого достаточно, чтобы онъ былъ насторожѣ. Но можетъ быть Дённъ не изложилъ ему дѣла такъ. Поэтому вы должны сравнить свою книгу съ книгой милорда: вамъ слѣдуетъ отправиться къ нему, Бичеръ. Послѣднія слова онъ произнесъ торжественнымъ тономъ, который показывалъ, что они были результатомъ глубокаго соображенія.

— Все это очень хорошо, мистеръ Дэвисъ - говорить о поѣздкѣ въ Италію; но откуда взять средствъ для этого?

— Надо какъ нибудь достать, сказалъ Дэвисъ наставительно.
— Нѣтъ ли у васъ кого нибудь, кто бы поручился за васъ на мѣсяцъ?

— Всѣ давно уже выжаты до-суха, сказалъ Бичеръ, смѣясь. Въ гарнизонѣ нѣтъ человѣка, который согласился бы помочь мнѣ въ надувательствѣ; что же касается до гражданскихъ, такъ я кажется не знаю никого, кто не былъ бы уже моимъ кредиторомъ.

— Вы постоянно толкуете мнѣ о какомъ-то Келлетѣ; почему бы не прибѣгнуть къ нему?

— Къ бѣдному Полю!—вскричалъ Бичеръ съ искреннимъ смѣхомъ. Но Поль Келлетъ разоренъ, обобранъ до чиста, проданъ въ заложенныхъ—какъ ихъ тамъ зовутъ?—и голъ какъ соколъ.

— Я долженъ былъ угадать это,—проворчалъ Грогъ,—вѣдь иначе онъ не былъ бы въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ вами.

— Очень вѣжливо сказано, Грогъ, замѣтилъ Бичеръ, улыбаясь.

— Но это правда, а правда лучше всего, сказалъ Дэвисъ. Къ человѣку въ бѣдности льнутъ только тѣ, которые нѣсколько бѣднѣе его самого.

— Если бы у него было что нибудь, сказалъ Бичеръ, слѣдуя теченію своихъ мыслей, если бы только онъ имѣлъ что-нибудь, такъ онъ именно такой человѣкъ, который сдѣлалъ бы истинно доброе дѣло.

— Но, я думаю, у него осталось имя,—вѣдь этого не могли продать: не такъ ли?

— Нѣтъ, но съ нимъ то же, что съ имѣніемъ, сказалъ Бичеръ. — Оно слишкомъ обременено, чтобы платить повинности.

— Кто думаетъ объ этомъ въ настоящее время? Ненадежное заемное письмо—иногда очень полезная вещь. Оно похоже на пушку, которая непремѣнно должна разорваться отъ выстрѣла. Вы всегда можете устроить такъ, чтобы она находилась въ рукахъ того, кого слѣдуетъ, когда приходитъ время взрыва.

Вы чудакъ, Дэвисъ, право чудакъ, сказалъ Бичеръ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ; потому что при высказываніи подобныхъ мудрыхъ правилъ Дэвисъ казался ему истинно великимъ.

Уговорите его поручиться въ пятидесяти фунтахъ — это не много на три мѣсяца. Милордъ говоритъ въ своемъ письмѣ, что онъ самъ готовъ дать пятьдесятъ фунтовъ. Правда, онъ обѣщалъ дать эти деньги, чтобы помочь вамъ сдѣлать партію, но это все равно. Теперь не можетъ быть рѣчи о женитьбѣ. Постойте, какъ бы это устроить. Посмотримъ, не могу ли я самъ сдѣлать что-нибудь; у меня есть порядочная кипа гербовой бу-

маги вотъ здѣсь, онъ — указалъ на старое бюро, — если бы только мнѣ найдти ловкаго парня чтобы ее обработать.

— Вы молодчина, Грогъ! вскричалъ Бичеръ въ восторгѣ.

— Если бы намъ достать двѣсти фунтовъ, мы могли бы отправиться завтра же,—сказалъ Грогъ, положа сигару и пристально глядя на своего товарища.

— Какъ, вы тоже хотите ѣхать? пробормоталъ Бичеръ, которому и въ голову не приходила возможность имѣть подобнаго спутника на континентъ.

— Я надѣюсь,—сказалъ Дэвисъ съ очень странною улыбкой. —Невѣроятно, чтобы вы могли устроить подобное дѣло безъ чьего нибудь совѣта.

— Очень справедливо... очень справедливо, — скороговоркой сказалъ Бичеръ. Но вспомните, что Лаккингтонъ—мой братъ; у насъ обоихъ одинаковые интересы.

— Но не одинаковое устройство мозга,—сказалъ Грогъ. И онъ свирѣпо осклабился, довольный своею шуткой.

Но Бичеръ не оцѣнилъ этого остроумія, онъ принялъ замѣчаніе Дэвиса какъ насмѣшку надъ своими умственными способностями и сказалъ довольно угрюмо:

— О, я уже привыкъ къ этому и не обращаю вниманія на подобныя вещи.

— Это хорошо, удерживайте свою горячность,—это самое лучшее для *васъ*. Вы, что называется, терпѣливый человѣкъ. А вы знаете, — продолжалъ онъ наставительнымъ тономъ, — что хотя свѣтъ и обращается нѣсколько вольно съ терпѣливыми людьми, онъ по временамъ оказываетъ имъ много случайныхъ милостей, и на ихъ долю выпадаютъ кое-какія деньжонки въ придачу. Я знавалъ людей, которые прожили свой вѣкъ—и хорошо прожили, не имѣя другого капитала, кромѣ этой ослиной добродѣтели.

Бичеръ не обратилъ вниманія на слова Грога, но сидѣлъ задумчиво, размышляя о всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ возраженіяхъ противъ путешествія въ подобномъ обществѣ. Есть времена и мѣста, когда и гдѣ можно не компрометируя своей особы разговаривать открыто съ личностями подобными Дэвису. Скаковой кругъ имѣетъ свои привилегіи, но заведенныя тамъ знакомства не таковы, чтобы выставлять ихъ на показъ передъ публикой. Никто лучше Бичера не зналъ всѣхъ опасностей подобнаго шага. Онъ тотчасъ могъ сообразить, что подумаетъ объ этомъ свѣтъ, что скажутъ объ этомъ клубы.

Почтенный Аннеслей Бичеръ извѣдалъ много жизненныхъ слу-

чайностей. Онъ зналъ, что значатъ протестованные векселя, опись движимаго имущества и личный арестъ; онъ не разъ терпѣлъ угрозы коммисіонеровъ банкротскаго суда и грубости со стороны чиновниковъ шерифа; торговцы отказывали ему въ кредитѣ; портные закаялись принимать его заказы; онъ «обжегъ свои пальцы» въ двухъ блюдахъ при всемъ томъ оставалась еще одна глубина, до которой онъ не сходилъ: его никогда не видали въ публикѣ съ какою нибудь личностью предосудительнаго свойства.

Правда, континентъ — не Гайдъ-Паркъ; наиболѣе сдержанные и добропорядочные люди дѣлаютъ тамъ много вещей, на которыя не рѣшились бы дома. Путешествія имѣютъ свои привилегіи и заграничный паспортъ есть родъ уполномочія для нарушенія многихъ требованій, налагаемыхъ общественными приличіями, но при всемъ томъ есть нѣсколько именъ, — съ полдюжины во всей Европѣ, — съ которыми никому не слѣдуетъ соединять своего собственнаго имени.

Что касалось Грога, то онъ былъ извѣстенъ повсюду. Слава его простирались отъ Остенде до Одессы, и въ мѣстностяхъ континента, обыкновенно посѣщаемыхъ путешественниками, почти не было ни одного полицейскаго префекта, который бы не имѣлъ описанія его примѣтъ и тайной инструкціи на его счетъ. Изъ многихъ маленькихъ государствъ, которыхъ бдительность находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ незначительному объему, онъ былъ строго исключенъ, такъ что въ своихъ путешествіяхъ по Европѣ ему часто приходилось дѣлать зигзаги и избирать обходные пути. Десяти минутъ было достаточно для Бичера, чтобы сообразить и припомнить всѣ эти факты, и умъ его приходилъ все въ большее смущеніе, которое не ускользнуло отъ проницательности его виновника. «Можетъ быть, — думалъ Грогъ, — онъ не находитъ средства достать денегъ. Можетъ быть его кредитъ находится гораздо въ худшемъ положеніи, чѣмъ я воображалъ; или же — и при этой мысли огненные глаза Грога сдѣлались еще свирѣпѣе и губы его еще болѣе сжались — или же ему не нравится *мое* общество. Только бы мнѣ быть увѣреннымъ, что его затрудняетъ именно *это*! — пробормоталъ онъ сквозь зубы. И если бы Аннеслей Бичеръ взглянулъ на него въ эту минуту, то выраженіе лица, съ которымъ сказаны были послѣднія слова, задало бы ему страху на много дней.

— Угощайтесь, — сказалъ Грогъ, подавая ему бутылку че-

резъ столъ, угощайтесь; джинъ поможетъ вамъ: я вижу, вы что-то повѣсили носъ.

— О, нѣтъ, ни мало, возразилъ Бичеръ краснѣя.—Я думалъ о томъ, какъ приметъ все это Лаккингтонъ, что скажетъ миледи, будутъ ли они смотрѣть на это серьёзно или же посмѣются, что я отправляюсь такъ далеко изъ-за пустяковъ.

— Они не будутъ смѣяться, будьте увѣрены, въ этомъ положитесь на мое слово,—сухо сказалъ Дэвисъ.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я долженъ ѣхать, для свиданія съ братомъ?

— Я увѣренъ, что *мы* должны ѣхать,—отвѣчалъ Дэвисъ, дѣлая едва замѣтное удареніе на словѣ «мы».

— Ну вѣдь это будетъ стоить пропасть денегъ, Грогъ, даже если бы я путешествовалъ самымъ дешевымъ способомъ, то-есть самымъ дешевымъ, какой только возможенъ для человѣка, такъ хорошо извѣстнаго, какъ я.

— Все это вздоръ,—грубо возразилъ Грогъ. Мы живемъ не въ вѣкѣ курьеровъ и экстра-почты: теперь каждый человѣкъ путешествуетъ по желѣзной дорогѣ и никому нѣтъ дѣла до того' ѣздите ли вы въ коляскѣ или въ таратайкѣ; а что касается до извѣстности, то и меня знаютъ не хуже другихъ-прочихъ.

Это было очень ясно сказано, а Бичеръ зналъ, что откровенность Дэвиса всегда граничила съ дерзостью.

— Впрочемъ,—сказалъ Бичеръ послѣ паузы,—положимъ путешествіе необходимо, но у меня нѣтъ денегъ.

— Я знаю, что нѣтъ, и у меня также, но мы должны достать ихъ какъ нибудь. Вы должны попытать Келлета, даже пожалуй, самого Дённа. Онъ знаетъ, что вамъ нужно переговорить съ милордомъ и едва ли откажетъ вамъ въ пятидесяти фунтахъ на три мѣсяца.

— Но, Грогъ,—возразилъ Бичеръ, оставляя свою сигару и дѣлая большое усиліе быть хладнокровнымъ и мужественнымъ, то, чего достаточно для одного, будетъ очень жалкою суммой для двухъ; и такъ какъ все это дѣло касается только меня и моего брата, и я по необходимости долженъ говорить съ нимъ одинъ, то неужели вы не согласитесь со мною, что третье лицо будетъ только помѣхой?

— Нѣтъ!—сурово воскликнулъ Грогъ.

— Я говорю,—сказалъ Бичеръ тономъ извиненія,—замѣтьте, я говорю это потому, что знаю Лаккингтона, онъ очень надутъ и гордъ; это одинъ изъ тѣхъ людей, которые чванятся даже съ

равными себѣ; а относительно меня онъ никогда не забываетъ дать мнѣ почувствовать, что я—меньшой братъ.

— Онъ не станетъ слишкомъ заноситься со *мною*, нагло сказалъ Грогъ. И у Бичера замерло сердце при одной мысли о подобной встрѣчѣ.

— Я скажу вамъ откровенно, Дэвисъ, — началъ опять Грогъ, съ отвагой отчаянія, — это не годится. Это испортитъ все. Во первыхъ, Лаккингтонъ никогда не проститъ мнѣ, что я повѣрилъ эту тайну человѣку постороннему. Онъ скажетъ, да и справедливо:—«какое дѣло Дэвису до этого? Онъ не привыкъ обращаться съ подобными вещами; его совѣтъ едва ли здѣсь можетъ быть необходимъ». *Ему* неизвѣстно,—на скоро прибавилъ Бичеръ, — ваше совершенное знаніе свѣта; *онъ* не былъ, подобно мнѣ, свидѣтелемъ, съ какою проницательностью вы разгадываете всякаго, съ кѣмъ встрѣчаетесь.

— Мы ѣдемъ въ понедѣльникъ, — сказалъ Грогъ отрывисто, бросивъ окурокъ сигары въ каминъ; и такъ пошевеливайтесь и похлопочите о деньгахъ.

Бичеръ всталъ и скорыми шагами началъ ходить по комнатѣ. Лобъ его становился все мрачнѣе, и физіономія его съ каждою минутой принимала все болѣе и болѣе угрожающее выраженіе.

— Слушайте, Дэвисъ, вскричалъ онъ, вдругъ обернувшись и глядя своему собесѣднику прямо въ глаза, — вы думаете обращаться со мною какъ... со школьникомъ. Было очевидно, что Дэвисъ хотѣлъ употребить болѣе сильное слово, но не имѣлъ духу произнести его, потому что на него были устремлены злые глаза Дэвиса, который сказалъ съ горькою ироніей:

— Случалось ли вамъ когда нибудь перечить мнѣ безъ дурныхъ для себя послѣдствій? Помните ли вы какое нибудь время, когда это оканчивалось для васъ добромъ? Я васъ порядкомъ помялъ разъ или два, но я былъ въ перчаткахъ, всегда въ перчаткахъ. Послушайтесь же моего совѣта и не заставляйте меня снять ихъ. Эй! не заставляйте. Вы еще ни разу не пробовали моихъ суставовъ, и клянусь! если вы попробуете одинъ разъ, то не закричите: «bis».

— Вамъ вѣрно хочется говорить мнѣ дерзости, — сказалъ Бичеръ плаксивымъ тономъ.

— Говорить дерзости вамъ! вскричалъ Дэвисъ, и его черты выразили самое энергическое презрѣніе. Ей - ей!—вскричалъ онъ съ нахальнымъ смѣхомъ,—вы очень мало знаете и себя, и меня.

— Я желалъ бы скорѣе чтобы вы сдѣлали со мной за одинъ

разъ все, что у васъ есть худшаго, вмѣсто того, чтобы грозить мнѣ такимъ образомъ.

— Ну нѣтъ, неправда, вы не желали бы этого... нисколько,— возразилъ Дэвисъ насмѣшливо ласковымъ тономъ.

— Пусть меня повѣсятъ, если это не правда! — вскричалъ Бичеръ, горячась.

— Теперь ужь не вѣшаютъ, а ссылаютъ въ каторгу, — сказалъ Дэвисъ, осклабившись; — и тѣмъ, которые попробовали этой штуки, старый способъ кажется не въ примѣръ лучше.

Эти слова произвели на Бичера такое дѣйствіе, что онъ въ изнеможеніи, медленно и безсильно опустился на стулъ.

— Если бы вы не были такъ необыкновенно заносчивы сегодня, спокойно сказалъ Грогъ, то я объяснилъ бы вамъ нѣкоторыя весьма основательныя причины моего совѣта. Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ Спайсера. Онъ и какой - то иностранецъ, котораго онъ называетъ графомъ Линшталемъ пріобрѣли вмѣстѣ отличнаго скакуна, и если только имъ удастся найдти хорошую второстепенную лошадь, то они разсчитываютъ выиграть около восьми сотъ или тысячи фунтовъ на однихъ пари весною. Они предлагаютъ мнѣ долю, если я пріѣду къ нимъ, и думаютъ открыть компанію въ Брюсселѣ. Это всѣмъ намъ на руку.

Глаза Бичера засверкали и между двумя пріятелями завязался самый одушевленный разговоръ о лошадяхъ, на которыхъ можно разсчитывать.

— Ну вотъ теперь, старый товарищъ, я вижу, что у васъ есть умъ. Приходите ко мнѣ закусывать завтра утромъ, около двѣнадцати часовъ, и мы посмотримъ — нельзя ли намъ уладить дѣло. Каждому изъ насъ придется получить по пятисотъ фунтовъ. Деньги вѣрныя, все равно что въ карманѣ.

Бичеръ пожалъ руку своего пріятеля съ горячностью, въ которой видна была его всеобычная искренность и, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, они разстались.

Грогъ дѣйствовалъ искусно; кое что онъ сдѣлалъ посредствомъ застрастки, а остальное довершилъ искушеніемъ. Это были единственные мотивы, которые могли управлять странною натурою Бичера

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЧИНОВНИКА.

ЧАСТЬ II.

СЛУЖЕБНЫЯ ПРЕЛЕСТИ.

I.

Іюнь въ исходѣ; жаркій полдень; ни облачка на небѣ; туманъ надъ лѣсомъ; въ воздухѣ гарью пахнетъ; сонно нагнулся камышъ надъ рѣкой; на пыльной, сѣрой дорогѣ грачи сидятъ съ раскрытыми ртами, распустивъ крылья по землѣ. Надъ высокой, сильно побурѣвшей рожью перебѣгаетъ дрожащій горячій воздухъ.

У окна съ опущенной бѣленькой сторкой сидитъ Иванъ Меркулычъ и едва ли не въ сотый разъ читаетъ синенькую рукописную тетрадку: *Сонъ Пресвятой Богородицы.*

— Что вашъ баринъ дома? слышу, кто-то спрашиваетъ его.

— Дома.

— Вотъ-съ письмецо отнесите.

— Письмо, говоритъ мнѣ Иванъ Меркулычъ, отдавая его.

«Жизнь всего моего семейства въ опасности. Честь жены моей оскорблена»—читаю я въ безграмотномъ письмѣ, и то же самое, только иными словами, и въ форменной бумагѣ.

— Что это такое? Иванъ Меркулычъ! гдѣ посланный? пошли его сюда.

Какъ-то осторожно стукая ногами, подошелъ къ дверямъ моего кабинета кучеръ не кучеръ, поваръ не поваръ — видно только что дворовый;—двороваго человѣка сразу узнаешь.

— Что у васъ тамъ такое случилось?

Дворовый переступилъ съ ноги на ногу.

— Насчетъ повара-съ... И онъ таинственно посмотрѣлъ на меня.

— Да что же такое, насчетъ повара-то?

Опять перемѣна ноги, потомъ перемѣна руки, т. е. сперва правая была заложена за спину, а теперь туда отправилась лѣвая, а правая какъ-то шевелится возлѣ кармана.

— Потому значитъ... дворовый запнулся.

— Ну?

— Вѣдь они изволятъ писать-съ... мы не знаемъ-съ...

— Ахъ ты, господи, говори, ну чего ты боишься?

— Да намъ почемъ же знать-съ... Опять перемѣна ноги и руки, и ужь какой-то испугъ въ глазахъ.

— Ну ступай... скажи, что буду...

— Они приказали просить-съ какъ можно скорѣй. Они ужь за понятыми послали-съ... за попомъ-съ.

— Да что такое у васъ?.. что это причащать что ли кого?

— Нѣтъ-съ къ присягѣ, должно быть, будутъ народъ *подгонять-съ*... Они приказали васъ просить какъ можно скорѣй...

Я такъ и не узналъ, въ чемъ дѣло.

— Ступай. Иванъ Меркулычъ, вели лошадей запречь.

Пока запрягали, я еще разъ прочелъ и письмо, и объявленіе, и опять ничего не понялъ.

Телюлюевка, гдѣ живетъ Егоръ Ивановичъ Телюлюевъ, авторъ записки, верстахъ въ 10 отъ Талгнки. Когда я подъѣхалъ къ его деревянному, раскрашенному домику, съ намалеванной суповой миской надъ крыльцомъ—вѣроятно символическое изображеніе хлѣбосольства—было уже три часа. Посреди двора, у колодца, стоятъ и лежатъ человѣкъ двадцать стариковъ.

— Понятые должно быть, замѣтилъ Иванъ Меркулычъ, оборачиваясь въ мою сторону. У крыльца два отпряженныхъ тарантаса и телѣжка въ одну лошадь. На телѣжкѣ уснулъ дьячокъ въ пуховой татарской шляпѣ. Жиденькая, напомаженная косичка растрепалась и свѣсилась къ колесу. Смирно, зажмурившись, изрѣдка помахивая головой, стоитъ его бурая, лысая кобыла. У колесъ одного изъ тарантасовъ, прикрываясь ихъ тѣнью, сидятъ два солдата, лѣниво покуривая трубки.

— Дома? спросилъ я, входя въ переднюю.

— Кушаютъ-съ, кланяясь отвѣчала мнѣ какая-то дворовая женщина, грязной ветошкой вытиравшая тарелки.

Меня проводили въ залу, гдѣ обѣдали господа.

Послѣ рекомендаціи и изъявленія радости, что пришлось познакомиться, я усѣлся.

Направо, рядомъ съ хозяиномъ—какой-то господинъ съ одутловатымъ краснымъ лицомъ, съ воспаленными глазами, съ огромнѣйшими разноцвѣтными усами четверти въ полторы, съ цѣпью сверхъ сюртука—посредникъ, значитъ; на лѣво маленькая гнусная фигурка, слегка рябоватая, съ какой-то влагой въ рябинахъ, съ узенькими наигранными глазками, съ щетинкой подъ бородой, чтобъ галстухъ не терся—это становой; дальше гимназистъ, блѣдненькій, дебелая грудистая хозяйка, двѣ дочки, матерыя невѣсты, и *батюшка*, т. е. попъ.

— Вѣдь вы-съ, Сергѣй Николаевичъ, началъ хозяинъ, т. е. Егоръ Ивановичъ, изволили, кажется, недавно къ намъ пожаловать. Въ Петербургѣ все?.. Егора Ивановича прошибъ потъ, и онъ утерся клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ.

— Да-съ, вотъ сегодня дебютирую, сказалъ я:—это первое слѣдствіе...

— И пренепріятная должность, замѣтилъ становой и тоже утерся.

Сидѣвшій напротивъ меня батюшка долго держалъ на мнѣ свои помутившіеся глаза.

Гимназистикъ все что-то перешептывался съ сестрами, хотѣлъ было бросить шарикъ изъ хлѣба и совсѣмъ было уже прицѣлился, но мать сильнымъ движеніемъ своей дюжей длани остановила эту перестрѣлку. Посредника клонило ко сну. Глаза слипались и онъ то и дѣло вздрагивалъ. Только одинъ письмоводитель съ какой-то непозволительной собачьей улыбкой смотрѣлъ на всѣхъ сидящихъ. Батюшка откинулся на спинку стула и приложилъ правую руку къ широкому шитому поясу на брюхѣ.

Послѣ какого-то сладко-соленаго пирожнаго хозяйка начала мучиться, т. е. вставать ли ей—или еще рано. Встали наконецъ.

— Теперь, господа, отдохнуть не мѣшаетъ, пріятно улыбаясь замѣтилъ Егоръ Ивановичъ. Посредникъ какъ-то тупо посмотрѣлъ на него, вздрогнулъ, повелъ плечами и отправился вслѣдъ за хозяиномъ. Батюшка что-то шопотомъ заговорилъ съ лакеемъ.

— А вы-то развѣ не отдохнете?.. крикнулъ мнѣ Егоръ Ивановичъ.

— Нѣтъ.

— По-петербургски-съ, весело замѣтилъ онъ, и скрылся куда-то.

Я прошелъ въ гостиную. Дверь на балконъ отворена; на балконѣ супруга Егора Ивановича за что-то дѣлаетъ выговоръ дочерямъ. Тѣ жеманно оправдываются.

— Нѣтъ, ужь ты мнѣ не говори лучше, кругомъ виновата, тарантила мать.

— Да я, маменька, къ ней привыкла, ломаясь говоритъ дочь.

— И другая не хуже причешетъ. А на что это въ самомъ дѣлѣ похоже? Ну, одинъ разъ еще ничего, а то вотъ ужь третій годъ. Да она скоро въ вашей комнатѣ рожать начнетъ, а по вашему все ничего. Вѣдь вы не маленькія, чего вы при ней не насмотритесь...

Чортъ ихъ побери, еще пожалуй скажутъ, что подслушиваю, подумалъ, и опять пошелъ въ залъ. Откуда то возлѣ меня вывернулся Егоръ Ивановичъ и съ своей подленькой заискивающей улыбкой легонько потрепалъ меня по бокамъ.

— А то усните часокъ, — головѣ свѣжѣй... И для сваренія желудка... мягко, вкрадчиво говорилъ онъ, какъ будто хотѣлъ пролѣзть мнѣ въ ухо.

— Нѣтъ, очень благодаренъ, я никогда не сплю послѣ обѣда.

— Поживете, Сергѣй Николаевичъ, у насъ, привыкнете.

— Очень можетъ быть, сказалъ я... да вы кажется стѣсняетесь? Вы вѣдь спите послѣ обѣда? пожалуйста не церемоньтесь со мной, я вотъ въ садъ пойду.

— Марья Герасимовна! крикнулъ Егоръ Ивановичъ.

Въ балконныхъ дверяхъ показалась Марья Герасимовна и вслѣдъ за нею обѣ дочери.

— Гостя вотъ, Сергѣя Николаевича, займите. Это по твоей части Сашенька, добавилъ онъ, обращаясь къ одной изъ дочерей и указывая на меня.

Сашенька сдѣлала какое-то движеніе сперва головой, потомъ животомъ.

— Имъ съ нами скучно будетъ. замѣтила Марья Герасимовна и запустивъ глаза къ небу, умилительно посмотрѣла на меня.

— А вы ужь, Сергѣй Николаевичъ, извините меня, улыбаясь и

сѣменя ногами, говорилъ Егоръ Ивановичъ и исчезъ. Я остался съ дамами. Мы вышли на балконъ.

— Ахъ, сколько непріятностей *съ этимъ* народомъ, начала Марья Герасимовна, величественно выступая возлѣ меня. Вы не можете себѣ представить всего, что мы терпимъ. Егоръ Ивановичъ такъ добръ, и они пользуются его слабостью. Это совсѣмъ другой народъ сталъ послѣ манифеста... Согласитесь, у меня двѣ дочери—взрослыя дѣвицы, оскорбленнымъ голосомъ и уже шопотомъ говорила Марья Герасимовна.

— Да что такое случилось? спросилъ я. Вѣдь я ровно еще ничего не знаю?

— Ахъ! у насъ случилась пренепріятная вещь.... нашъ поваръ вышелъ изъ повиновенія.... онъ въ непозволительной связи съ одной горничной.... Ахъ, это ужасная вещь! на распѣвъ говорила Марья Герасимовна и дѣлала видъ, что застыдилась.

— Да вѣдь это такая обыкновенная вещь, что же тутъ особеннаго.

— Противный, вы всѣ такіе... мужчины... но вѣдь... дѣвицы... и Марья Герасимовна опять умилительно посмотрѣла на меня.

Я улыбнулся и взглянулъ на нее съ боку. Что она, ужь не кокетничать ли со мною вздумала, подумалъ я, — этого еще недоставало...

Двѣ дочери—взрослыя дѣвицы, съ тяжелыми бурыми косами, шли шагахъ въ пяти впереди насъ. Прошло съ минуту молчанія.

— Alexandrine, заговорила Марья Герасимовна.

Александрина оглянулась, посмотрѣла на мать, потомъ, чрезъ плечо, на свой подолъ.

— Это тебѣ не дѣлаетъ чести, посмотри, какъ дорожки заросли. Ты бы приказала вычистить ихъ.

— Я говорила Кузькѣ,—онъ не чиститъ, скороговоркой отвѣчала Alexandrine.

Марья Герасимовна вздохнула. — Да, это общее несчастіе, начала она.—Просто отъ рукъ отбились. Вы не повѣрите, что только дѣлается теперь. Ужасъ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: — все пьяно, грубятъ, ничего не работаютъ и барскую волю ни во что не ставятъ. Мы вышли на площадку, усыпанную пескомъ; мелкая, тощая, зеленая травка пробивалась сквозь этотъ песокъ. Губастый сонный малый, лѣтъ двадцати, апатично счищалъ ее скрябочкой.

— Ну вотъ, маменька, спросите сами у него, отчего онъ не чис-

титъ дорожки, я ему нѣсколько разъ приказывала, проговорила Александрина.

— Кузька, отчего ты барышни не слушаешься, повелѣвающимъ тономъ спросила его Марья Герасимовна.

— Я ихъ завсегда слушаюсь, отвѣчалъ Кузька и снялъ шапку.

Марья Герасимовна тяжело вздохнула, посмотрѣла на Кузьку и покачала головой.

— Ну вотъ я очень рада,—вы теперь сами видите—ну легко ли подобныя вещи выслушивать отъ *нихъ*, проговорила она, обращаясь ко мнѣ.

— Жалуйтесь становому, посреднику, замѣтилъ я. Это ихъ дѣло разбирать.

Мы повернули назадъ и такимъ же церемоніальнымъ маршемъ воротились на балконъ. Я услышалъ, что пробило 6 часовъ.

— А гдѣ же баринъ, спросилъ я у какого-то лакея.

— Въ кабинетѣ-съ. Изволятъ вставать-съ.

— А вы такъ и не спали? спрашивалъ меня Егоръ Ивановичъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ. Одинъ лакей подавалъ ему умываться, а другой, обхвативъ его сзади черезъ кресло, придерживалъ на его локтяхъ рубашку, чтобы она не замочилась.

— Скажите пожалуйста, Егоръ Ивановичъ, что же такое у васъ случилось; вы какъ-то... неопредѣленно пишете, спросилъ я его.

— Какъ что? Отъ рукъ просто отбились... терпѣлъ, терпѣлъ, ну сами знаете, вышелъ изъ терпѣнія. Вотъ и послалъ за становымъ, за посредникомъ, за вами. Вы ужь, господа, пожалуйста хорошенько... просто отъ рукъ отбились.

Наконецъ проснувшіяся власти, приглашенныя хозяиномъ, одна за другой собрались въ кабинетѣ Егора Ивановича и рѣшили, что присутствіе откроется гдѣ-то въ сараѣ. Становой отправился распоряжаться. Велѣли позвать понятыхъ, принести столъ, стульевъ, чернилъ, бумаги; но *преступника* не призывать. Я въ окно смотрѣлъ, какъ это все отправлялось въ сарай. Лѣнивой гурьбой пошли туда понятые; впереди шелъ становой, съ двумя разсыльными, два лакея несли раскрытый ломберный столъ. Что-то таинственное на всемъ, у всѣхъ на лицахъ такъ и читаешь: что батюшка, въ чемъ дѣло?..

— Вы бы, Егоръ Ивановичъ, приказали туда воды подать, да чего

нибудь къ ней—хересу что ли—пигь смерть хочется, проговорилъ Григорій Никонорович (посредникъ).

— Въ жаркіе лѣтніе дни сильная жажда бываетъ, прочиталъ батюшка и поправилъ бороду.

Егоръ Ивановичъ побѣжалъ за хересомъ, а я пошелъ въ сарай. Въ передней меня остановилъ Иванъ Меркулычъ.

— Что такое у нихъ, спросилъ онъ.

— Чортъ ихъ знаетъ; никто ничего толкомъ не говоритъ. Тутъ, говорятъ, штука, шопотомъ продолжалъ Иванъ Меркулычъ. — На повара-то барыня взъѣлась не даромъ.

Въ огромномъ сараѣ, посрединѣ былъ поставленъ ломберный столъ, нѣсколько стульевъ кругомъ, два уже были заняты. У дверей сарая безъ шапокъ стояли старики понятые. *Сутьбѣдный* — идетъ, послышалось между ними. (Въ нашей сторонѣ мирового посредника зовутъ или *Мирскимъ* или *посредственникомъ*, а судебнаго слѣдователя *Сутьбѣднымъ Слѣдственникомъ*).

— Что, други, спросилъ я, съ утра небойсь маетесь здѣсь?

Толпа зашевелилась:—Съ полудня, отвѣтило нѣсколько голосовъ. Я подошелъ къ становому.

— Скажите, пожалуйста, въ чемъ тутъ дѣло?

— А вы развѣ не знаете?..

— Совершенно ничего.

— Люди у помѣщика отъ рукъ отбились...

— Такъ зачѣмъ же меня-то сюда призвали? Вѣдь это не мое дѣло?

— Нѣтъ-съ, тутъ и по вашей части тоже есть-съ... одинъ, а именно поваръ Василій Семеновъ, кромѣ неоднократныхъ грубостей своему помѣщику замѣченъ еще въ покушеніи на самую жизнь его... потомъ онъ же замѣченъ помѣщикомъ и *въ снохачествѣ*. При этомъ становой очень картинно объяснилъ, что преступленія эти чрезвычайно гнусныя, что имъ даже звѣри безсловесные, и тѣ не предаются.

Въ сарай вошелъ Егоръ Ивановичъ, посредникъ и попъ.

За посредникомъ малый несъ трубку, четверку жукова табаку и какой-то ящикъ—съ цѣпью, какъ это оказалось послѣ. За батюшкой шелъ дьячокъ въ своей татарской пуховой шляпѣ съ эпитрахилью въ рукахъ. Еще немного погодя лакей принесъ графинъ съ водой, два стакана и бутылку хересу, все это поставили на столъ.

— Можно, я думаю, и *приступить*, проговорилъ батюшка.

— Конечно, вздрагивая отвѣтилъ ему Григорій Никонорович и налилъ въ стаканъ хересу.

Въ сарай ввели скованнаго маленькаго блѣднаго человѣка, на видъ лѣтъ около 50, въ бѣломъ изорванномъ холстиновомъ сюртучкѣ, въ старенькихъ сбитыхъ сапогахъ.

— Ухъ... извергъ! проговорилъ Егоръ Ивановичъ, взглядывая на повара.

Извергъ хотѣлъ подойдти къ батюшкѣ подъ благословеніе, тотъ откинулся отъ него къ спинкѣ стула.—Отойди, недостойный, съ величественной осанкой проговорилъ попъ. На жалкомъ измученномъ лицѣ изверга выразилось какое-то отчаяніе. Посредникъ выпилъ стаканъ хересу и налилъ другой. Егоръ Ивановичъ что-то шопотомъ говорилъ становому. Тотъ одобрительно кивалъ ему головой.

— Егоръ Ивановичъ, началъ я, пора же наконецъ вамъ сказать, въ чемъ дѣло. Быть можетъ, мнѣ и дѣлать здѣсь нечего?

— Да вотъ сей часъ-съ, и онъ торжественно началъ разсказъ о преступленіяхъ повара. Поваръ молчалъ. Блѣдный, какъ-то опустившійся весь, онъ стоялъ свѣсивъ голову на грудь. Вотъ-вотъ сей часъ упадетъ, думалъ я, смотря на него. Въ сараѣ была мертвая тишина.

— Ну-съ до неповиновенія мнѣ никакого дѣла нѣтъ, сказалъ я:— это вотъ посредниково дѣло.

— Я ему съ головы до пятокъ всю шкуру спущу. Я этотъ народъ умѣю учить, хе, хе, хе.

Я взглянулъ на него. Воловьи глаза его начали наливаться кровью, и еще одинъ стаканъ хересу былъ выпитъ.

— Это дѣйствительно такъ-съ; это посредникъ разберетъ, заговорилъ Егоръ Ивановичъ, а вы вотъ насчетъ покушенія его на мою жизнь и потомъ-съ объ оскорбленіи чести жены моей, а его барыни и... Егоръ Ивановичъ запнулся.

— И? вопросительно повторилъ я.

— Я выговорить боюсь это преступленіе, съ едва замаскированной грустью говорилъ Егоръ Ивановичъ... Онъ въ непозволительной связи съ своей *снохой*. Троихъ уже отъ него родила, тихо добавилъ онъ.

— Какія же у васъ доказательства?

— Самъ, батюшка, засталъ ихъ—какіе же тутъ еще доказательства нужны, съ злобной усмѣшкой говорилъ Егоръ Ивановичъ.

— Ну, а еще, кромѣ васъ-то видѣлъ кто-нибудь?

— Да зачѣмъ же это вамъ? Егоръ Ивановичъ уставилъ на меня свои востренькіе глазки; улыбка уже сошла у него съ лица.

— И это не по моей части, сказалъ я. Вотъ вы что-то еще о покушеніи на вашу жизнь...

— Да-съ, онъ неоднократно покушался на мою жизнь.

— Ну, а тутъ какія же доказательства?

— Да вы сами разберете, запинаясь говорилъ Егоръ Ивановичъ; дѣло чистое... покушался.

— Да какъ же было-то?

— Солью обтирался и потомъ эту же соль въ кушанье клалъ. Егоръ Ивановичъ взглянулъ на меня.

— Какъ обтирался?

— Да такъ: возметъ соль въ горсть и все тѣло оботретъ, а потомъ въ кушанье эту соль.

Я рѣшительно ничего не могъ понять, что за чепуху поролъ Егоръ Ивановичъ.

— Скажи пожалуйста, что это такое—какъ это ты солью обтираешься? для чего это ты дѣлаешь? спросилъ я у повара.

— Виноватъ-съ. И его измученная фигура упала къ моимъ ногамъ. Я такъ и вскочилъ со стула.

— Хе, хе, хе, разхохотался становой:—испугались—это ужь привычка такая у этого народа.

— Явите божескую милость, стоналъ поваръ, ловя мои ноги.

Я насилу заставилъ его подняться.

— Ну говори, съ чего же ты взялъ солью-то обтираться? спрашивалъ я:—что ты хотѣлъ отравить, что ли?..

— Помилуйте, батюшка, отчаянно вопилъ поваръ:—да развѣ можно отравить солью?

— Такъ зачѣмъ же ты это дѣлалъ?

— Да барыня изволятъ придираться...

— Ну?

— Меня и научили: ты, говоритъ, возьми соли, оботрись ею, да и положи въ кушанье—какъ рукой сниметъ; я, батюшка, ихъ рѣчей-то и послушалъ.

— И только?

— Ей Богу, только-съ, и поваръ поднялъ на меня свой умоляющій отупѣвшій взглядъ.

Я взглянулъ на Егора Ивановича.

— Извините, сказалъ я, мнѣ тутъ нечего дѣлать.

— Какъ нечего?—помилуйте: покушеніе на жизнь—уголовное преступленіе и наконецъ самимъ помѣщикомъ замѣченъ въ непозволительныхъ связяхъ, вкрадчиво взглядывая на меня, говорилъ становой.

— Неужели вы это серьезно считаете покушеніемъ на жизнь, спросилъ я.

— А то какъ же-съ?

— Да вы развѣ не слыхали, что онъ говоритъ?

— Ха, ха, ха... помилуйте, да развѣ ему можно вѣрить, какой же преступникъ сознается самъ,—съ самой безсовѣстной наглостью говорилъ становой, утирая свое мокрое рябое лицо.

— Да тутъ и слушать-то нечего. Это и такъ очевидно,—что вы развѣ не знаете, что солью отравить нельзя.

— Все-таки *покушеніе*, стоялъ на своемъ становой.

Фу ты мерзавецъ какой, подумалъ я, всматриваясь ему въ лицо. Посредникъ молча сидѣлъ, вытаращивъ глаза на чернильницу. Батюшка шопотомъ бесѣдовалъ съ его письмоводителемъ. Какъ-то оторопѣвъ, съ замершими сердцами, стояли понятые, столпившись кучкой у раствореныхъ дверей сарая. Блѣдный какъ словно къ смерти приговоренный, стоялъ поваръ шагахъ въ пяти отъ стола, растрепанные волосы на лбу взмокли отъ холоднаго пота; глаза безсмысленно смотрѣли то на меня, то на понятыхъ.

— Уголовное преступленіе... началъ опять становой.

— Ну вотъ вы и занимайтесь открытіемъ подобныхъ преступленій, а я уѣду сейчасъ, и велѣлъ запрягать лошадей.

— Куда же это вы, робко заговорилъ Егоръ Ивановичъ?

— Домой.

— А слѣдствіе-то?

— Такихъ слѣдствій я не произвожу; это шутовство и гадкое шутовство, насилу выговорилъ я.

— Григорій Никоноровичъ... Григорій Никоноровичъ, говорилъ Егоръ Ивановичъ, расталкивая посредника; тотъ молча поднялъ на него окончательно уже помутившіеся глаза, что-то промычалъ и опять опустилъ голову. Егоръ Ивановичъ съ какимъ-то отчаяніемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на становаго.

— Теперь вотъ пусть батюшка... насчетъ того, что вы его замѣтили въ непозволительныхъ связяхъ-то, сказалъ становой.

— Батюшка одобрительно склонилъ голову на грудь и потомъ опять поднялъ ее.

— Тебя какъ зовутъ? спросилъ онъ повара.

— Семенъ Васильевъ-съ, почти шопотомъ проговорилъ поваръ.

— Въ Бога вѣруешь?

— Вѣрую-съ.

— Нѣтъ, не вѣруешь, ибо ты... позоришь честное имя Христа, торжественнымъ голосомъ произнесъ онъ. —Апостолъ Павелъ говоритъ.... батюшка сказалъ какой-то текстъ съ непонятнымъ для меня смысломъ.

— Воля ваша-съ, сказать все можно... я не виноватъ, глухо говорилъ поваръ.

— Молч....а....ть, прошипѣлъ становой, впиваясь въ него своими востренькими зелеными глазками.

Посредника между тѣмъ растолкали, онъ и очнулся, какъ-то дико обвелъ всѣхъ глазами, вздрогнулъ и потянулся за хересомъ.

Они отказались производить слѣдствіе, тихо говорилъ ему Егоръ Ивановичъ, указывая на меня. Посредникъ подержалъ немного глаза на мнѣ и уставился на повара.

— Ну такъ что же—мнѣ значитъ надо за него приняться.....

— Оправдывается всё, улыбаясь шепталъ ему Егоръ Ивановичъ.

Посредникъ кивнулъ разсыльному.

— *Соленыя* у насъ есть съ собой? спросилъ онъ.

— Есть-съ.

— Подай, и опять уставился на повара.

Посредникъ подошелъ къ повару. Съ минуту онъ молча стоялъ предъ нимъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону. Все замерло; какъ-то глухо зашевелилась было толпа понятыхъ и тоже затихла. Въ сараѣ было уже почти темно. Солнце садилось. Заложивъ одну руку за спину, посредникъ другою, сжатою въ кулакъ, поднималъ за бороду опущенную на грудь голову повара. Сцена дѣлалась невыносимою.. Я ничего не могъ говорить. Я чувствовалъ, что у меня голова начала кружиться и задыхаясь вышелъ изъ сарая.

Мой тарантасъ еще не былъ запряженъ.

Пока поили лошадей, да запрягали ихъ, я пошелъ въ садъ. Пусто, никого тамъ нѣтъ. Высокія плакучія березы тянулись длинной широкой дорожкой, совсѣмъ заросшей, запущенной. Я съ открытой головой шелъ подъ ихъ душистой, слегка увлаженной тѣнью; нѣж-

ные, гибкіе вѣточки какъ-то осторожно касались головы. Я раза два прошелъ взадъ и впередъ по этой дорожкѣ.

Вотъ ужасъ-то, думалъ я. А это были еще только цвѣтики...

Садясь въ тарантасъ, я видѣлъ, что въ сараѣ зажгли уже свѣчку, слабо освѣщавшую всю группу: попрежнему у воротъ стояли старики понятые, Богъ знаетъ, для чего призванные сюда. И все на томъ же мѣстѣ сидѣлъ попъ. Только маленькая фигурка станового, да колоссальная тѣнь посредника двигалась въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ поваръ. Его я не видалъ... Когда я проѣзжалъ мимо сарая вся эта компанія выходила уже оттуда.

— Постойте, погодите... одно слово, кричалъ Егоръ Ивановичъ.

Ямщикъ сдержалъ лошадей.

— Куда вы? хоть чаю-то напейтесь... мы ужь всё кончили, весело говорилъ онъ. Вѣдь сознался.

— Въ чемъ? спросилъ я.

— Въ покушеніи на мою жизнь...

Я горько усмѣхнулся.

— А то останьтесь,—вѣдь чай готовъ, еще разъ проговорилъ Егоръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, меня увольте: очень благодаренъ.

Съѣзжая со двора, я взглянулъ назадъ. Въ домѣ огни во всѣхъ окнахъ. На балконѣ чай готовили. Изъ сарая густой гурьбой понуря головы шли понятые...

Я забился въ уголъ тарантаса и молча ѣхалъ всю дорогу. Скверно было на душѣ... Хоть бы забыть скорѣй то, что я видѣлъ, думалъ я, и старался заснуть подъ качку тарантаса...

II.

Такъ дня черезъ три послѣ этой исторіи я ѣхалъ на другое слѣдствіе въ огромное богатое село: все одни государственные крестьяне тамъ живутъ. Помнится съ чѣмъ-то двѣ тысячи душъ въ немъ и двѣ церкви и базаръ по воскресеньямъ.

У одной изъ церквей, какимъ-то бездѣтнымъ мѣщаниномъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, построена богадѣльня — длинное, низенькое, бѣлое, одноэтажное каменное строеніе съ узенькими, крошечными,

рѣшотчатыми окнами и проржавѣвшей, желѣзной крышей. Посреди строенія, въ углубленіи стѣны, помѣщенъ огромный, старинный образъ ужасной живописи: передъ образомъ и лѣто и зиму, и день и ночь лампадка горитъ; народъ свѣчки къ нему лѣпитъ; старый сгорбленный низенькій монахъ не монахъ, Богъ знаетъ, что такое, болѣзненно улыбаясь, кланяется прохожимъ и проѣзжимъ, позванивая колокольчикомъ у кошелька на палочкѣ.

Богадѣльня стоитъ шагахъ въ сорока отъ церкви, на большой дорогѣ, предъ базарной площадью. Если ѣхать мимо нея ночью, въ каждомъ окнѣ непремѣнно увидишь лампадку, слабо освѣщающую своимъ тусклымъ, красноватымъ огонькомъ внутренность маленькой грязной комнатки. Такихъ комнатокъ пятнадцать; въ нихъ живетъ вотъ этотъ монахъ, потомъ еще какой-то полусумасшедшій сторожъ церковный съ женою и двѣнадцать *черничекъ*—у каждой отдѣльная *келья*, т. е. вотъ такая грязненькая комнатка съ лампадкой. Знающіе люди говорятъ, что эта богадѣльня на монастырь похожа, только еще *прекраснѣе*... На что живутъ жильцы этой богадѣльни никто не знаетъ. Никто не знаетъ также и того, по какому праву и откуда набрались эти жильцы. Едвали кто знаетъ, куда идутъ и деньги, что собираетъ монахъ, а денегъ онъ пропасть соберетъ, особенно по базарнымъ днямъ. Рано, гдѣ еще до заутрени, мѣщане только начнутъ съѣзжаться на базаръ, а онъ уже стоитъ у образа кланяется, позваниваетъ, ну и даютъ...

Если спросите *черничку*, на что она живетъ, чѣмъ занимается, отвѣтъ непремѣнно будетъ какой нибудь вотъ изъ этихъ: *псалтыремъ*, скажетъ одна, т. е. это значитъ, что она псалтырь читаетъ по умершимъ. *Поручами* да *ризами*, скажетъ другая, т. е. шьетъ поручи да ризы въ церковь. *Книжкой* услышите отъ третьей, т. е. ходитъ съ книжкой, да собираетъ подать Богу съ православныхъ, а ужь на что идетъ эта подать — не знаю, да и узнать трудно.

Черничкой называется у насъ всякая дѣвушка, которой не посчастливилось выйдти за-мужъ, которая накрылась чернымъ шерстянымъ платкомъ, надѣла черное же ситцевое платье съ бѣленькими мушками, и на вопросъ отчего замужъ нейдетъ — говоритъ, что предпочла *нетлѣнный вѣнецъ тлѣнному* и имѣетъ теперь жениха *прекраснѣйшаго* всѣхъ земныхъ жениховъ. Это значитъ она рѣшилась *душу спасать*, т. е. бросила семью, знаетъ лишь заутреню да *раннюю* да *позднюю*, да *вечерню*, да деревенскія сплетни... Черничекъ не любитъ на-

родъ. Не любятъ ихъ и въ семействахъ, изъ которыхъ они вышли; поэтому всѣ онѣ живутъ на квартирахъ, нанимая, за какой нибудь полтинникъ въ мѣсяцъ, уголъ въ избѣ. Впрочемъ иныя, особенно какія по старше, заводятся и своими избенками, чистенко прибираютъ ихъ; грамотныя книгами духовными занимаются, а не грамотныя ограничиваются однимъ самоварчикомъ, лампадкой, постелькой помягче да поудобнѣй — бѣленькими скатертками на столикѣ подъ образами. У иныхъ садики маленькія есть вокругъ избенокъ. И всѣ черной смородиной засажены.

— Отчего же вы другихъ ягодъ не садите? спрашивалъ я иногда.

— Да ужь такъ... и я то вся въ черномъ, да и ей то, такъ ужь знать отъ Бога показано, весь вѣкъ черной быть, смиренно объясняетъ черничка. Вотъ вамъ и обращикъ ихъ религіозныхъ пониманій.

И довольныя, своей судьбой, убѣжденныя, что спасаютъ души, таскаются по похоронамъ, по поминкамъ, да по окрестнымъ помѣщикамъ, особенно помѣщицкимъ вдовамъ или устарѣлымъ дѣвамъ, уже почувствовавшимъ припадки *дѣвичьего озлобленія*—въ душѣ такимъ же точно *черничкамъ*, какъ онѣ сами. Есть между ними и такія, что и въ Іерусалимѣ побывали; ну ужь той конечно и предпочтеніе: она ходитъ между черничками, какъ крупная рыба между маленькими... Чаще всего чернички—мѣщанки. Безземельныя, бездомовныя семейства, какъ всѣ почти мѣщанскія, больше всего ихъ выпускаютъ. Изъ крестьянъ ихъ мало выходитъ; да иначе и быть не можетъ: крестьянскія семейства съ утра до вечера на работѣ, тутъ ужь *не до души*. Чернички—язва чисто городская. А въ селахъ да въ деревняхъ живутъ потому, что народъ простѣе, податливѣе, ну и сподручнѣе; въ городѣ до чего не дотронься, всё надо купить, а въ деревнѣ совсѣмъ не то, особенно у вдовыхъ помѣщицъ рай божій: только и знай, что душу спасай... Въ крутовской богадѣльнѣ бытъ ихъ нѣсколько отличенъ; не тѣмъ что хуже, тутъ свои удобства, а самыя удобства-то иныя. Тутъ что-то въ родѣ монастыря, есть какой-то уставъ, когда и кѣмъ сложенный—никто не знаетъ. Очередь у нихъ заведена кушанье стряпать. Такъ какъ съ книжкой ходить выгоднѣе всего, то и съ книжкой онѣ ходятъ также чередуясь. Разумѣется новенькимъ, да молоденькимъ книжки вовсе не даются. А есть и молоденькія лѣтъ 16, 17-ти.

Три дня тому назадъ, т. е. въ тотъ самый день, когда разыгрывались сцены съ поваромъ у Телюлюева здѣсь своя разыгралась драма еще получше той, только въ иномъ родѣ...

—

Былъ у насъ помѣщикъ, старикъ, страшно развратный, нѣсколькихъ любовницъ держалъ; у иныхъ и дѣти были отъ него. Умеръ онъ какъ-то вдругъ, завѣщанія по себѣ никакого не оставилъ, наѣхали наслѣдники, повыгнали любовницъ; они и остались ни съ чѣмъ...

Была у него въ числѣ ихъ одна уже не молодая дѣвушка, такъ можетъ лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ; красавица говорятъ была. Сынъ у нее былъ трехъ лѣтъ. Она какъ и всѣ осталась ни съ чѣмъ, даже платья всѣ почти отняли у нее. Что дѣлать? Куда дѣваться? Вотъ и придумала она сына *въ люди отдать* т. е. кому то съ рукъ сбыла, добрый человѣкъ нашелся, въ пріемыши взялъ... воспитать, уму разуму наставить; а сама въ Крутовскую богадѣльню пошла. Да не жилось ей что-то; грязно тамъ больно, ну извѣстно привыкла къ барской холѣ да нѣгѣ, а тамъ хоть и вольно, да грубо и скучно... Распродала она кое-что, что имѣла, и наняла отдѣльную квартиру. Конечно не добромъ она разсталась съ другими *черничками*... Ѣздятъ къ намъ изъ Владиміра мужики съ образами. Иногда образа возахъ на трехъ возятъ. Пріѣхали купцы и въ Крутое. Проторговали дня два, три, и поѣхали себѣ дальше. А такъ черезъ недѣлю что ли, по селу слухъ разнесся: образъ явился. Сбѣжался народъ, плачетъ, охаетъ и жертвуетъ: одной холстины бабы нанесли... ужасъ сколько: цѣлый ворохъ... Предъ образомъ Дарья Дмитріевна стоитъ дивится, за приношеніе благодаритъ. А народъ-то такъ и кидаетъ, что у кого есть...

Дѣло было еще рано утромъ до обѣдни, къ полдню народу еще больше привалило. Прибѣжали и чернички съ своимъ старцемъ изъ богадѣльни. Начали образъ разсматривать.

При этомъ завязался споръ. Дальше да больше и драка наконецъ. Старичишка чернецъ разбѣсившись ударилъ Дарью Дмитріевну по головѣ. А та беременна была, упала на земь, начала родами мучиться, да такъ и умерла тутъ же... Сбѣжались деревенскія власти и порѣшили: къ мертвецамъ караульныхъ приставить. Двухъ гонцовъ послать, одного къ становому съ рапортомъ, другого ко мнѣ, т. е. къ *суть бѣдно-*

му. Гонецъ мужикъ отъ сотскаго пріѣхалъ въ Талинку уже часовъ въ 9 вечера, привезъ что-то въ родѣ рапорта, страшно безграмотно написаннаго. Я ничего не могъ изъ него понять. Ужь мужикъ кое-что разсказалъ. Я сейчасъ же велѣлъ запрягать лошадей и поѣхалъ въ Крутое.

Какъ теперь гляжу на эту картину, что увидалъ подъѣзжая сюда. На лѣво саженяхъ въ тридцати въ сторону отъ большой дороги надъ огромной равниной высокой поспѣвающей ржи стоитъ кудрявая, раскидистая плакучая березка. Подъ березкой кругомъ собрался народъ, человѣкъ триста, кто стоитъ, кто лежитъ. Какой-то глухой шумъ переливался въ толпѣ... А тамъ дальше, за рѣкой, на крутомъ обрывистомъ берегу село. Высоко поднялись надъ нимъ двѣ бѣлыя церкви, залитыя луннымъ свѣтомъ. Ночь была теплая, тихая, ни одинъ листокъ не дрогнетъ, словно сонная, какъ-то глухо молчитъ безконечная ржаная равнина. Темно-синее небо часто извѣздило... Поровнявшись съ березкой я вышелъ изъ тарантаса и пошелъ къ толпѣ. Вопросительно поглядывая на меня, мужики разступились и пропустили въ кругъ.

Шагахъ въ пяти отъ родника, на голой землѣ, подъ высокой рожью лежитъ убитая, сбоку у нея ребенокъ. Оба чѣмъ-то бѣлымъ покрыты. Нѣсколько кровяныхъ, уже засохшихъ пятенъ проступило сквозь полотно. Я подошелъ къ ней, взялъ кончикъ простыни, прикрывавшій ея голову, и взглянулъ въ лицо: правильное, хорошенькое, смуглое съ густыми черными волосами, заплетенными въ двѣ огромныя косы; воротъ черненькаго платья разорванъ—высокая роскошная грудь вся открыта. Лежитъ точно живая, только не дышетъ.... Я долго смотрѣлъ ей въ лицо.

Потянулъ теплый, легкій вѣтерокъ; мягкія длинныя, тонкія какъ нитки, березовыя вѣточки слегка закачались; глухо зашептала рожь и волной наклонилась надъ убитой. Тѣнь отъ колосьевъ зашевелилась на ея лицѣ. Одинъ полузакрытый, остановившійся глазъ какъ-то страшно, тускло блеснулъ при мѣсяцѣ, точно взглянулъ на меня. Я невольно уронилъ конецъ простыни..... Прибѣжалъ сотскій— маленькая востренькая фигурка съ жиденькой бородкой, съ подлыми плутовскими глазками, съ палочкой въ рукахъ. Сейчасъ видно — человѣкъ бывалый — не разъ принималъ у себя судъ, знаетъ какъ и чѣмъ распорядиться.

— Ну что, чего собрались? Небойсь не видали? Кричалъ онъ на толпу, желая показать передо мной свою ревность къ службѣ.

Толпа, переминаясь съ ноги на ногу, начала расходиться.

— Что ваше благородіе, не изволите знать, когда становой прибудетъ, спрашивалъ онъ меня.

— Не знаю, мой другъ, я почемъ-же знаю.

— Вотъ ужъ второго послалъ, какъ будто про себя разсуждалъ онъ.

— Да онъ гдѣ?

— Становой - то?

— Ну да.

— Да все у Телюлюева.

— До сихъ поръ? съ удивленіемъ спросилъ я.

— До сихъ поръ-съ...

— *Слѣсвіе* завтра, батюшка, изволите начать... А то теперь ужь поздно никакъ?...

— Разумѣется завтра — когда же теперь...

— Извѣстное дѣло, — теперь когда же.

Къ намъ подошелъ Иванъ Меркулычъ.

— А ты, братъ, квартиру-то намъ небойсь не приготовилъ, спросилъ онъ у сотскаго.

— Насчетъ этого не извольте безпокоиться, все ужь готово, размахивая руками доложилъ онъ ему.

Мало по малу народъ весь разошелся; остались одни караульные, четверо мужиковъ съ огромными дубинами въ рукахъ.

— Что это вы, ребята, такія дубины съ собой принесли? спросилъ я у одного молодого, трехъ-аршиннаго парня.

— Все какъ бы веселѣй... съ нею-то, отвѣтилъ онъ и тупо улыбнулся.

Сопровождаемый сотскимъ, я поѣхалъ на квартиру.

— Что, ваше благородіе, за лекаремъ прикажете въ городъ послать, спрашивалъ онъ меня.

— Это зачѣмъ?

— Покойницу-то развѣ не будете потрошить?

— Съ какой-же стати! Вѣдь всѣ знаютъ, что она убита?

— Какъ не знать — всѣ знаютъ.

— Ну такъ зачѣмъ же? не надо.

— Оно конечно, зачѣмъ же, повторилъ сотскій.

— Свидѣтелей-то много было, при комъ ее убили? спросилъ я.

— Много-съ, все село почитай.

— И ты тоже видѣлъ?

— Нѣтъ-съ, виноватъ, ваше благородіе, видать не видалъ, отвѣчалъ сотскій, снимая шапку.

— Я разсмѣялся. Такъ чѣмъ же ты виноватъ?

— Да конечно, какая моя вина. Чѣмъ же я виноватъ, повторилъ онъ. Квартиру онъ мнѣ отвелъ какъ разъ противъ богадѣльни. Проѣзжая мимо нея, я взглянулъ на образъ; маленькая лампадка тускло освѣщала темную живопись. Въ дверяхъ показалась низенькая тѣнь. Робко зазвенѣлъ маленькій колокольчикъ.

— Кто это?... развѣ *онъ* у тебя не арестованъ? спросилъ я у сотскаго.

— Никакъ нѣтъ-съ...

Да вѣдь онъ уйдетъ у тебя за ночь.

— Ну куда ему уйдти...

— Какъ куда? Нѣтъ ты его ужь возьми подъ караулъ. Какъ же это ты не сдѣлалъ этого. Ты давно сотскимъ?

— Да вотъ ужь третій срокъ пошелъ.

— А порядковъ все-таки не знаешь.

— Какъ не знать — знать-то знаемъ.

— Такъ отчего же ты его не арестовалъ?

— Да все... боязно, ваше благородіе, кабы простой человѣкъ..

— А этотъ какой-же, святой небойсь?..

— Ну, святой не святой, а все кто его знаетъ какой онъ? и сотскій вопросительно посмотрѣлъ на меня...

Моя квартира была рядомъ съ поповской избой. Въ окнахъ у священника еще огонь былъ видѣнъ. Иванъ Меркулычъ пошелъ приготовлять, а я къ попу завернулъ. Авось, думаю, отъ него что нибудь узнаю о богадѣльнѣ: она съ своими темными обитателями сильно меня интересовала.

— Извините, батюшка, что такъ поздно тревожу васъ, началъ я, входя въ его довольно чистенькія комнатки.

— Ничего-съ, что такое... мы вотъ только поужинали, кротко отвѣчалъ попъ и показалъ рукою на неприбранный еще столъ.

— Что это, батюшка, за исторія у васъ тутъ случилась?...

— Да-съ... ужь такая, можно сказать...

Изъ за перегородки вышелъ кто-то высокій, стриженый, должно

быть, богословъ или что нибудь въ этомъ родѣ въ нанковомъ сюртукѣ, поклонился и сѣлъ на стулъ съ плетенымъ сидѣніемъ.

— Я вѣдь, батюшка, къ вамъ не просто какъ гость, мнѣ хотѣлось бы узнать отъ васъ кое-что, опять началъ я.

— Что же такое вы узнать желаете, и попъ лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Мнѣ хотѣлось бы узнать вашъ взглядъ на это дѣло. Вы вѣдь хорошо знаете всю эту исторію?..

— Да какой же взглядъ?.. Извѣстно... Правосудный отецъ нашъ небесный явилъ славу свою... Дерзкая погибла отъ руки старца Пахомія... И опять такой кроткій и лукавый взглядъ...

— Отъ воли божіей никуда же. Глухимъ басомъ проговорилъ стриженый богословъ, кашлянулъ, плюнулъ и растеръ ногой запачканное мѣсто...

— Да-съ, промычалъ я, и хотѣлъ было уже удалиться. Вѣдь не оставаться же дослушивать. Иванъ Меркулычъ предупредилъ меня, самъ пришелъ за мною...

— Прощайте, батюшка.

— Спокойной ночи-съ, умильно проговорилъ попъ, придерживая лѣвой рукой широкій поясъ на животѣ.

Въ сѣняхъ моей избы меня встрѣтилъ сотскій.

— Ну что, старца-то арестовалъ? спросилъ я.

— Засадилъ-съ, радостно улыбаясь и какъ-то пошевеливая пальцами отвѣтилъ онъ.

— Ну вотъ такъ-то, братъ, ладнѣе.

— Какъ не такъ—извѣстно ладнѣе.

Я стоялъ въ сѣняхъ—напротивъ богадѣльни; тусклые огоньки едва свѣтились въ окнахъ.

— А что, какъ ты думаешь, спросилъ я сотскаго:—за что онъ ее убилъ?

— Кто его знаетъ, ваше благородіе... разное болтаютъ...

— Ну а ты-то какъ думаешь? а?...

— Да извѣстно-съ... потому значитъ, что *усердственниковъ* какъ бы не отбила...

— То есть, что ей будутъ больше жертвовать: у него доходъ отобьетъ?..

— Точно такъ-съ.

Гдѣ-то, еще далеко на большой дорогѣ, зазвенѣлъ колокольчикъ,

сотскій встрепенулся. Никакъ становой, прошепталъ онъ, прислушиваясь къ колокольчику.

— Онъ; его колокольчикъ я ужь знаю, немного помолчавъ проговорилъ сотскій, тяжело вздыхая и улыбаясь.

Я пошелъ въ избу. Сотскій не ошибся. Колокольчикъ былъ станового. Онъ остановился у попа; они съ нимъ большіе пріятели, какъ я узналъ это послѣ. Засыпая, я долго слышалъ какъ сперва все позванивалъ колокольчикъ, а потомъ явились бубенчики; это отецъ благочинный пріѣхалъ. Все это на ночь свалило къ попу; со всей этой компаніей я встрѣтился уже на другой день, утромъ часовъ въ 11 у родника подъ березкой.

Я пришелъ туда раньше всѣхъ. Обѣдня только что кончилась; народъ пестрою толпою сходилъ съ паперти. Былъ праздникъ. Изъ церкви все потянулось къ роднику—икону смотрѣть, сказало мнѣ нѣсколько человѣкъ.

Подъ березкой была уже огромная толпа любопытныхъ. И все это разодѣтое, пестрое, смотрѣло съ какимъ-то тупымъ, равнодушнымъ довольствомъ на лицахъ. Подъ хмѣлькомъ иные.

Начались допросы. Я сперва, не записывая даже показаній, разузналъ кое-что о самой богадѣльнѣ, о *черничкахъ*, о томъ, что за господинъ этотъ *старецъ* и т. д.

— Вѣстимо, иконой живетъ, говорили мужики, переминаясь съ ноги на ногу:—народъ усердствуетъ...

— И много соберетъ онъ?

— Да кто жъ его знаетъ—развѣ онъ намъ сказываетъ...

— Ну однако, вы вѣдь видите же. Ну сколько примѣрно-то?

— Кто его знаетъ. Въ праздникъ-то все, пожалуй, цѣлковыхъ пять соберетъ...

— Вона! пять. Намедни при мнѣ—Ивана Васильевича знаешь?

— Какого? дегтярника, что ль?

— Ну да.

— Знаю. Какъ не знать. Изъ Козлова-то?..

— Ну, ну, ну! При мнѣ, братецъ ты мой, приложился къ иконѣ, свѣчку значитъ поставилъ, а на блюдечко красненькую выложилъ. Отъ усердія моего, говоритъ.

— Ну!..

Мужики начали спорить. Я не унималъ. Странно устроенъ русскій мужикъ; начни спрашивать — никогда ничего прямо не выскажетъ;

зато въ спорѣ, особенно когда подъ хмѣлькомъ — все дочиста выболтаетъ. Такъ и теперь. Также изъ спора я узналъ, что *черницки на сторону ходятъ*, т. е. грѣшнымъ плотскимъ дѣломъ занимаются.—Узналъ я, что какая-то Афимья, *баютъ*, родила будто, а ребенокъ гдѣ, никто не знаетъ...

— А отъ кого она родила?—спросилъ я.

— Кто, Афимья-то?

— Ну да.

— Да кто же ее знаетъ. Народу мало развѣ. На что другое, а на это-то охотниковъ всегда найдется.

— Ну, а слухъ-то на кого:

— Разное болтаютъ. Слухамъ развѣ можно вѣрить.

— Какъ можно. Сбрехать все можно, заговорило нѣсколько голосовъ почти разомъ.

Я съ полчаса пробился, а узналъ все-таки. Мнѣ назвали какого-то *Микитку*—коновала, у одного помѣщика, здѣсь же недалеко, при конюшнѣ живетъ. Дѣло затягивалось, запутывалось, интересу все больше прибавлялось.

— Становой идетъ съ попами, послышалось въ толпѣ. Народъ разступился, и передъ мной вывернулась уже знакомая фигурка станового: рябенькая, потная, съ маленькими живыми глазками, съ щетинкой подъ бородой.

— А я думалъ, вы въ церкви будете, весело началъ онъ.

— Нѣтъ-съ, я какъ проснулся, прямо сюда пошелъ.

— Вѣдь сегодня праздникъ большой, какъ бы съ укоромъ, замѣтилъ онъ.

— Да-съ, большой, проговорилъ я, перечитывая какое-то *показаніе.*

Становой крякнулъ и проглотилъ слюну.

— Какъ же это вы, развѣ безъ *дознанія*... хотите производить?

— Да-съ, зачѣмъ же дознаніе? безъ дознанія, повторилъ я рѣшительно, и поднялъ на него глаза.

— Какъ же-съ это, задыхаясь и тревожно поглядывая на меня продолжалъ становой.

— Какъ?.. А вотъ, какъ видите... и я опять посмотрѣлъ на него.

Становой окончательно растерялся, онъ мнѣ ничего на это не сказалъ, вспотѣлъ и началъ утирать лицо.

— Какъ же-съ это?.. все шепталъ онъ...

Толпа опять разстроилась. Въ кругъ вошелъ крутовскій попъ и съ нимъ еще другой,—отецъ благочинный, въ скуфьѣ, т. е. въ лиловенькой остроконечной шапочкѣ и въ одномъ подрясникѣ. Я рѣдко видывалъ людей съ болѣе непріятнымъ лицомъ: большое, круглое, розовое съ бѣлыми бровями, съ жиденькой свѣтленькой бородкой — кажется и сотни волосъ въ ней не было, съ довольно большимъ багровымъ носомъ, съ свѣтло-сѣрыми, мутными, апатичными глазами... Да и вообще вся фигура... колосальнаго роста, съ огромнѣйшимъ животомъ. На животъ положенъ широкій, четверти въ полторы, шитый *поясъ*; и какъ разъ на срединѣ его вышитъ большой яркій розанъ. Благочинный медленно, выставивъ животъ, двигался: точно будто онъ ходилъ за нимъ. А возлѣ него почтительная физіономія крутовскаго попа.

Благочинный явился не къ слѣдствію, а собственно по случаю иконы.

— Гдѣ же эта убитая-то? спросилъ онъ подходя къ покойницѣ. Эта что ли? Ну-ка, откройте-ка...

Ему откинули покрышку, онъ довольно долго, молча смотрѣлъ; на нее.

— А вѣдь я знавалъ ее. Да вѣдь и ты, Василій Степановичъ, помнишь ее небойсь? продолжалъ онъ обращаясь къ становому.

— Еще бы! дѣвка *огнь* была, говорилъ становой и какъ-то скверно осклабился.

Я молча смотрѣлъ на эту грязную сцену.

— Отецъ Иванъ, проговорилъ наконецъ благочинный, обращаясь къ крутовскому попу, что же, когда ее хоронить будешь?

— Да вѣдь это вотъ какъ они, безъ *свѣдѣнія* вѣдь... говорилъ отецъ Иванъ, поглядывая на меня... можетъ анатомировать еще будутъ?..

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же; вѣдь всѣ знаютъ, что она убита.

— Да вѣдь онъ ее, говорятъ, только толкнулъ—а у нея были и прежде припадки... да потомъ она еще можетъ отъ родовъ... началъ становой.

— Какъ-съ, отъ родовъ — помилуйте, что вы! Да родила-то она отчего же, какъ не отъ того, что онъ ее ударилъ, горячо вступился я.

— Да это мы почемъ же знаемъ—это докторъ—онъ какъ.

— Я руки опустилъ... Ну что тутъ станешь дѣлать. Ясно, что стачка.

— Ну такъ какъ же,—началъ я,—надо значитъ за докторомъ скорѣй.

— Да, конечно-съ. А-то какъ же-съ, безъ доктора.

— Такъ посылайте же. Сотскій гдѣ?..

— Вотъ онъ съ, вскрикнулъ сотскій.

Написали—послали.

Жара начинала напирать. День былъ тихій, знойный, совсѣмъ безъ вѣтру—ни одинъ колосокъ не шевельнется. Солнце какъ разъ надъ головою, такъ и печетъ.

— И что вамъ это за охота на жарѣ — пошли бы въ ригу, тамъ бы и занимались, а то вѣдь здѣсь сгоришь просто, замѣтилъ становой.

Я воспользовался этимъ совѣтомъ и велѣлъ перенести туда столикъ. Благочинный пошелъ къ попу. Становой рысью догналъ меня.

— Что вы Пахомія не видали еще?

— Нѣтъ, а вамъ зачѣмъ это?

— Такъ-съ, спрашиваю...

— Я его вотъ сейчасъ велю привести къ допросу. Вотъ какъ только соберу и запишу всѣ показанія.

Становой началъ откашливаться—точно кто душилъ его.

— Знаете что, началъ онъ тихонько.

Я взглянулъ на него. Становой замолчалъ.

— Что такое? проговорилъ я.

— Если вы, быть можетъ, сами насчетъ того... такъ... оно-съ пожалуй можно.

Я пожалъ плечами.—Извините пожалуйста... что вы хотите сказать?

— Вамъ быть можетъ неугодно... такъ вамъ можно — отстраниться вовсе... отъ слѣдствія-то... безпокойство...

Становой тревожно посмотрѣлъ на меня. Я улыбнулся.

— Что вы такъ заботитесь обо мнѣ, проговорилъ я. Нѣтъ, ужь позвольте кончить что я началъ...

— Это какъ вамъ угодно-съ. Становой утеръ свое рябое лицо. Мы прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Да-съ... вотъ ужь можно сказать несчастіе Господь-то посылаетъ на кого... опять заговорилъ онъ.

— Что такое?.. спросилъ я.

— Несчастіе, говорю-съ. Вотъ хоть бы насчетъ Пахомія-то...

— Т. е. что онъ убилъ-то ее и теперь попался?..

— Да помилуйте—кого это онъ убилъ! —вѣдь это говорятъ только.

— Что вы, какъ говорятъ? Всѣ въ одинъ голосъ подтверждаютъ, что онъ ее убилъ.

— Кто это, понятые вамъ говорили?..

— Да кого же спрашивать? Понятые, конечно.

— Ну почемъ они знаютъ?

— Я остановился. Что это вы за него такъ стоите? спросилъ я.

— Да какъ же — помилуйте, *старецъ*... беззащитный, можно сказать.

— А дерется?..

— Да вѣдь это такъ... въ пылу горячности—толкнулъ.

— Нечего сказать, хорошъ толчокъ!..

— Да что же-съ... Ее-то вы не воскресите, да и его-то понапрасну погубите...

— Я въ недоумѣніи посмотрѣлъ на становего. Что же онъ хочетъ, подумалъ я—и спросилъ.

— Не губите его понапрасну... Становой сдѣлалъ жалобную физіономію.

— Т. е. дать ему возможность еще лѣтъ двадцать сосать народъ? помилуйте, что вы говорите—да вѣдь это піявка...

— Э, Господи!.. Ну откуда же 20 лѣтъ?.. ему и жить-то всего можетъ какихъ-нибудь полгода осталось. Да и то сказать, разберите-ка по-христіански...

— По-христіански! повторилъ я смѣясь...

— Да право-съ... А онъ ужь...

— Я поднялъ глаза на становего. Онъ тревожно улыбнулся.

— Что такое?.. Вы что-то было начали?

— Да все про Пахомія... я говорю, онъ ужь не пожалѣетъ—становой заикнулся. Вчера отецъ Иванъ говорилъ, что онъ трехъ тысячь не пожалѣетъ, почти что шопотомъ выговорилъ онъ и что-то въ родѣ испуга изобразилось на его лицѣ. Онъ точно своихъ же словъ пугался.

— Три тысячи! невольно воскликнулъ я.

— Да-съ.

Глаза станового радостно загорѣлись. Онъ свободно вздохнулъ, какъ будто гора у него съ плечъ скатилась.

— Да откуда же онъ ихъ возьметъ?

— Хе, хе, хе!.. Да ужь это не наше дѣло... Намъ подай, выложи, да еще поклонись, да пониже... Баловать-то ихъ нечего. Откуда?!.. Найдетъ, небойсь. А то вѣдь по песчаной дорожкѣ... хе, хе, хе!..

— Три тысячи, говорилъ я покачивая головой...

— Т. е. вѣдь ужь это на всѣхъ значитъ... Тутъ и доктору придется, и отцу благочинному...

Я такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ: монахъ, нищій, даетъ взятку въ 3,000 рублей, что даже и не обратилъ вниманія на послѣднія слова станового.

— Что такое вы говорите... доктору... благочинному... разсѣянно спросилъ я его.

— Да-съ, я говорю, что вѣдь это не вамъ однимъ-съ, а значитъ на всѣхъ-съ, на всю братію-съ, объяснялъ становой, вытаращивъ глаза и утирая свой вспотѣлый лобъ.

Онъ такъ увѣренно, такъ наивно объяснялъ мнѣ, что я невольно разсмѣялся. Обидѣться или разсердится не него не было никакой возможности.

— Нѣтъ-съ, проговорилъ я тихо. Это онъ ошибается... Мнѣ его деньги не нужны... Убійство я не стану скрывать.

Станового эти слова какъ громомъ поразили. Онъ замолчалъ съ раскрытымъ ртомъ.

— Да не скрывать-съ... скрыть какъ можно... Съ нашимъ народомъ развѣ что можно сдѣлать... теперь ужь всѣ узнаютъ, взволнованнымъ, перерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

— Ну такъ что же?

— А значитъ надо слѣдствіе-то такъ повести, началъ растолковывать онъ мнѣ.

Онъ становился гадокъ. Я молча посмотрѣлъ на него и пошелъ въ ригу.

— Такъ что же-съ, развѣ не хотите?.. глухимъ задыхающимся голосомъ крикнулъ онъ мнѣ.

Я ничего не отвѣчалъ, и началъ допросъ понятыхъ и свидѣтелей, разумѣется по одиначкѣ, вызывая каждаго. Я уже не видалъ, куда дѣвался становой.

Свидѣтели, конечно всѣ, въ одинъ голосъ, повторили, что она умерла отъ ушиба... О припадкахъ никто и не слыхалъ изъ нихъ. Ну теперь вечеркомъ и за Похомія можно приняться.

Я уже ознакомился съ дѣломъ. Я распустилъ свидѣтелей, понятыхъ, пообѣдалъ. Иванъ Меркулычъ тутъ же въ ригѣ, на сѣнѣ послалъ мнѣ коверъ — я легъ отдохнуть немного. Вечеромъ вѣдь опять за работу. Я долго не могъ заснуть — нервы были страшно разстроены. Я все думалъ объ Афимьѣ — о Пахоміи съ его тремя тысячами... И только было я началъ забываться, скрипнули ворота, и въ ригу тихо, осторожно, на цыпочкахъ вошла *черничка*. Я открылъ глаза. Черничка сразу не замѣтила, гдѣ я лежу. Она довольно долго смотрѣла по сторонамъ, отыскивая меня глазами,—наконецъ нашла и такъ же тихонько подошла ко мнѣ. Она не видала, что я лежу съ открытыми глазами. Въ ригѣ было довольно-таки темно, а ей-то, вошедшей со свѣту, ужь и подавна козалось потьмой.

— Что вы? спросилъ я. Вы ко мнѣ?

Черничка вздрогнула.

— Да, прошептала она, снимая платокъ съ головы. Я увидалъ ея хорошенькую, молоденькую головку, съ такой славной густой, темно-русой косой.

— Ко мнѣ? повторилъ я приподнимаясь на коврѣ. Что такое?.. Черничка сѣла и молча начала смотрѣть на меня своими большими, черными, бархатными глазками. Она сидѣла такъ близко возлѣ меня, что я чувствовалъ у себя на лицѣ ея дыханіе.

— Иванъ Меркулычъ, насилу проговорилъ я.

Черничка встрепенулась и отшатнулась нѣсколько отъ меня и, первое дѣло, начала покрываться. Къ намъ подходилъ Иванъ Меркулычъ.

— Вотъ, братецъ, исторія-то, началъ я.

Черничка судорожно вытянула ко мнѣ шею. Глаза широко раскрылись, она слегка кивала мнѣ головой, какъ бы говоря: молчи, не расказывай.

Иванъ Меркулычъ какъ-то подозрительно на меня посмотрѣлъ.

— Гдѣ это вы подцѣпили, проговорилъ онъ, никакъ хорошенькая— ну-ка покажись—и онъ хотѣлъ было заглянуть ей въ лицо; она закрылась руками.

— Я былъ до того подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной сце-

ны, что рѣшительно не могъ ничего ему объяснить. Черничка попрежнему сидѣла возлѣ, только ужь не плакала и не смѣялась, а какъ-то строго смотрѣла на меня изъ подъ бровей... Свѣжія, пухленькія губки сердито надулись. Волосы расплелись и выбились изъ подъ черненькаго платка, она поправляла ихъ рукой. И рука такая правильная, нѣжная.

— Да вамъ, что нужно? нѣсколько очнувшись, опять началъ я спрашивать.

Черничка молчитъ.

— Да скажите же наконецъ. Вѣдь это смѣшно.

Иванъ Меркулычъ подозрительно ухмылялся: ишь ты какой вороватый, глаза отводитъ, говорила его усмѣшка. Сцена теряла всю свою таинственность, всю прелесть—дѣлалась просто пошлой. Я всталъ: черничка подняла на меня глаза. Я опять повторилъ свой вопросъ. Она немного подумала, вѣроятно о томъ, что ей—заплакать или засмѣяться, и тоже поднялась съ ковра.

— Ну что же?..

— Мнѣ надо вамъ однимъ сказать объ этомъ, наконецъ тихо, едва слышно, проговорила она, скромно опустивъ глаза. Это была ужь совсѣмъ не та страстная, горячая дѣвочка, что сидѣла со мной нѣсколько минутъ назадъ.

— Да говорите—здѣсь и то никого нѣтъ.

Черничка глазами показала на Ивана Меркулыча.

— Ничего—говорите.

И она объяснила мнѣ, что ее прислали чернички изъ богадѣльни просить меня, не раскапывать ихъ дѣла.—Становой сказалъ, что вы можете это всё сдѣлать, добавила она и посмотрѣла на меня.

Я увѣренъ, что если бы здѣсь не было Ивана Меркулыча, она опять бы кинулась меня цѣловать. Это по глазамъ было видно: я на всё готова, дѣлай что хочешь, цѣловать хочешь, ну цѣлуй... на!.. только оставь насъ въ покоѣ.

Какъ умѣлъ, я постарался ей объяснить, что этого я никакъ сдѣлать не могу, и становой неправду говорилъ, подсылая ее ко мнѣ.

— Да меня не становой послалъ, тихо начала она.

— А кто же?

— Афимья...

— А!.. Вотъ она штука-то. Кто это Афимья, спросилъ я у Саши.

— Черничка.

— Да это она у васъ старшая, что ли?

— Старшая и Саша собиралась заплакать. Я предупредилъ, сказавъ, что это будетъ совершенно безполезно. Она очень разсудительно послушалась.

Вотъ такъ сцена, подумалъ я, выходя изъ риги!.. Саша гдѣ-то за гумномъ незамѣтно исчезла.

Я велѣлъ позвать Пахомія.

Былъ уже вечеръ, когда я началъ его допрашивать. Я сидѣлъ въ избѣ, въ переднемъ углу. Передо мной горѣла маленькая, вонючая, самодѣльная сальная свѣчка, тускло освѣщавшая темныя бревенчатыя стѣны. Я по крайней мѣрѣ съ часъ прождалъ его. Наконецъ дверь легонько скрипнула и въ нее тихо, почти не слышно, какъ кошка, вошелъ Пахомій, оглянулся и медленно началъ креститься на образа.

Глядя на него, никакъ нельзя было подумать, что этотъ господинъ вчера еще убилъ человѣка изъ самыхъ грязныхъ побужденій: лицо блѣдное, кроткое, невозмутимо-спокойное. Я началъ допросъ съ самаго начала — съ вопроса: кто онъ?

— Грѣшный рабъ божій...

— Нѣтъ-съ, вѣдь это уже другое, заговорилъ я: вы вотъ скажите, къ какому изъ земныхъ сословій принадлежите.

— Смиренный Пахомій... едва внятно проговорилъ онъ.

— Вы меня не понимаете. — Вы кто: дворянинъ, купецъ, вы вотъ что мнѣ скажите.

— Родители мои, царство имъ небесное—Пахомій три раза перекрестился,—жили въ Кіевѣ, съ самаго младенчества, почувствовавъ усердіе, я... продолжалъ Пахомій.

— Опять-таки вы не то говорите. Это вы хотите разсказать о своихъ подвигахъ — объ нихъ рѣчь еще впереди, а вы вотъ потрудитесь сказать: кто вы такой.

— Что-съ, какъ будто не разслыхавъ моего вопроса, проговорилъ Пахомій, приподнимая на меня глаза. Я повторилъ.

— У нихъ—свой домикъ былъ-съ—небольшой на Подолѣ...

— Послушайте, началъ я, вы не шутите, шутками здѣсь нельзя отдѣлаться, говорите серьёзно. Вѣдь такъ или иначе, а я добьюсь-таки: кто вы такой. Вы живете по какому виду?

— Кто?.. я-съ?..

— Ну да... конечно. Вѣдь рѣчь объ васъ идетъ.

— Глухъ я сталъ-съ... ужь лѣта мои... Я опять спросилъ по какому виду онъ живетъ.

— Я при иконѣ...

— Да что же это, развѣ это такая должность, гдѣ могутъ безпоспортные жить?..

— Какой-же вамъ видъ?.. Вѣдь я мірскихъ дѣлъ... началъ Пахомій, и запнулся.

— Однако-же вы вѣдь въ этомъ мірѣ живете, какъ же вы хотите быть исключеніемъ...

— Да что же-съ, что въ этомъ мірѣ... вѣдь здѣсь только плоть моя... съ улыбкой проговорилъ онъ.

Ну что тутъ прикажете дѣлать?.. я такъ и не добился, кто онъ, по какому виду живетъ, и перешелъ къ другому вопросу: чѣмъ вы живете? И тутъ опять та же исторія. «Много ли мнѣ надо? Въ цѣлый день божій одной просфоры не употреблю»... и т. д.

— Ну, а куда идутъ деньги, что вы собираете?

— Да много ли ихъ-съ?..

— Однако?

Пахомій задумался и лукаво улыбнулся.

— На поддержаніе неугасимаго огня у лампады предъ святой иконой и на поддержаніе обители черницъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Что теперь сказать ему, что становой предлагалъ мнѣ отъ него взятку въ 3,000 р. сер., подумалъ я, и вспомнилъ, что вѣдь этимъ можно сразу или покончить дѣло или ужь отложить всякія попеченія объ его успѣшномъ окончаніи. Я удержался.

Въ избѣ была мертвая тишина. Сальная свѣчка сильно нагорѣла; по ея чадному фитилю дрожалъ красноватый огонекъ. По стѣнамъ трепетно двигались темныя тѣни. Облокотившись на одну руку, я долго, молча глядѣлъ на него; Пахомій нѣсколько разъ вопросительно поднималъ на меня глаза...

— Ну такъ за что же вы ее убили? вдругъ, рѣзко сказалъ я, не спуская съ него глазъ.

Онъ слегка, какъ будто вздрогнулъ, но сейчасъ же оправился, на губахъ заиграла двусмысленная улыбка и онъ мягкимъ голосомъ проговорилъ: я въ этомъ неповиненъ... отъ крови ея... И онъ

скорчилъ самую невинную рожу, ни одной жилкой не измѣнивъ своему спокойствію.

— Такъ отчего же она умерла?

— Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ... вотъ сейчасъ живъ, а черезъ минуту... началъ Пахомій. Я перебилъ его.

— Послушайте, вѣдь мы не шутимъ... Вѣдь здѣсь было болѣе ста человѣкъ, всѣ видѣли, какъ вы ее ударили...

— Въ этомъ грѣшенъ—ударилъ.

— Ну она отъ этого-то и умерла—значитъ вы и убили ее.

— Нѣтъ-съ, умильно улыбаясь и покачивая головой, говорилъ Пахомій, ударить я ударилъ, а умерла она — на то воля божія. Безъ воли божіей ни единый волосъ съ главы не спадетъ. Это ее Господь покаралъ за дерзость...

— Ну, а дрались-то вы зачѣмъ?

— Видъ у нея былъ дерзкій...

Когда я его спросилъ: изъ какихъ суммъ онъ предлагалъ мнѣ взятку въ 3,000 р., онъ такъ ловко изумился: «Кто?.. я-съ?.. когда?.. съ удивленіемъ проговорилъ онъ.

— Ну да, вы, т. е. не вы сами, а становой за васъ.

— Да!.. Становой!.. не знаю-съ... и онъ невольно улыбнулся.

— Вы за эту недѣлю сколько собрали денегъ? спросилъ я, помолчавъ немного.

Это озадачило было его сперва, но онъ сейчасъ оправился.—Не знаю-съ... не помню... что собралъ, все цѣло: мнѣ для себя не зачѣмъ беречь: для меня одной просфоры достаточно...

— Однако сколько? рублей 10 будетъ?

— Нѣтъ-съ... откуда же?..

— Какъ откуда, когда вамъ одинъ дегтярникъ далъ 10 рублевую бумажку... Помните третьяго дня?..

Пахомій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня... Ахъ, да... истинно говорите... такъ точно... позапамятовалъ: старъ ужь сталъ, добавилъ онъ.

— Что же она у васъ цѣла еще?..

— Да куда же я ее дѣну?.. цѣла-съ.

— Гдѣ же она у васъ? тутъ съ собой?

— Нѣтъ-съ, въ кельѣ.

— А что—ну какъ они всѣ вмѣстѣ у него лежатъ? мелькнуло у меня въ головѣ. Я вышелъ въ сѣни и кликнулъ сотскаго.

— Понятыхъ 12 человѣкъ, да скорѣй.

Сотскій минутъ черезъ пять выглянулъ въ дверь: готово-съ, крикнулъ онъ.

— Такъ вы ужь покажите пожалуйста намъ ее, сказалъ я, и мы всѣ гурьбой пошли въ богадѣльню.

— Что, ваше благородіе, сознается? спрашивалъ сотскій вслухъ.

— Нѣтъ.

— Вотъ я бы на него Ивана Гавриловича напустилъ, онъ бы его...

— Кто это Иванъ Гавриловичъ?

— Исправникъ-съ.

— А что, развѣ хорошій сыщикъ?

— О-о-о! бѣдовый... у него сразу. Тотъ баловать не любитъ. Спросилъ, значитъ честью, разъ, другой, а ужь на третій не сознается, ну и бѣда,—умирай лучше... Да вотъ онъ небойсь не забылъ еще его, добавилъ сотскій, указывая головой на Пахомія.

— А что?

— Да пыль значитъ видѣлъ отъ него. И сотскій разсказалъ, какъ лѣтъ десять тому пазадъ Пахомій увелъ съ двора корову, а чтобы не замѣтили слѣда—дѣло зимой было—такъ онъ ее въ лапти обулъ—ну и выходитъ, точно два человѣка шли.

— Напрасная клевета, тихо роптал Похомій.

— Да, говори, напрасная! передразнилъ его сотскій. А тогда небойсь какъ отлупили-то, не то пѣлъ.

— Какъ, развѣ онъ его высѣкъ?

— Гм... бѣда!.. страсть...

— Пахомій слова не проронилъ. Онъ былъ блѣденъ. Когда мы проходили мимо образа, у котораго онъ обыкновенно собираетъ съ православныхъ, онъ перекрестился. Мы вошли въ длинный темный корридоръ. Одна стѣна была его наружная, другая вся въ дверяхъ—двери въ кельи ведутъ т. е. въ отдѣльныя комнатки, какъ въ гостиницахъ. Въ концѣ коридора слабо дрожалъ ночникъ, поставленный на палочку. Въ коридорѣ сырой, какой-то душный, подвальный запахъ. Шаги звонко отдавались по каменному полу. Изъ келій на насъ выглянуло нѣсколько любопытныхъ лицъ и сейчасъ-же захлопнули двери. Пахоміева келья была въ самомъ концѣ карридора, какъ разъ у ночника, она была заперта на замокъ. Пахомій началъ отпирать ее дрожащими руками и насилу справился, едва отперъ.

Ужасный, гнилой воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо, когда я заглянулъ въ келью. Чего тамъ не было?.. Старые сапоги, восковые огарки, объѣдки пироговъ, кулечки съ пухомъ, гусиныя крылья — чортъ знаетъ что!.. Пахомій хотѣлъ было юркнуть, но я остановилъ его.

— Гдѣ же деньги, что вы собираете? спросилъ я.

— Они-съ... у меня-съ... голосъ задрожалъ слегка. На немъ, какъ говорится, лица не было; — весь блѣдный, даже позеленѣлъ какъ-то; губы трепетали и судорожно сжимались; глаза почти остановились: что-то отчаянное и вмѣстѣ зловѣщее тускло свѣтилось въ нихъ.

— Я самъ ихъ достану... пустите... насилу проговорилъ онъ— и онъ вытащилъ изъ подъ сундука маленькій, ситцевый кошелечекъ, дрожа весь, какъ въ лихорадкѣ, развязалъ его, вытащилъ изъ него нѣсколько сторублевыхъ асигнацій и началъ совать мнѣ въ руку... Но вдругъ лицо его измѣнилось, руки опустились, Пахомій зашатался, и безъ чувствъ упалъ на свою низенькую жесткую кровать.

Его вынесли на чистый воздухъ. Сотскій остался караулить его, а я съ понятыми перерылъ всю его конурку—отыскалъ еще три мѣшочка — во всѣхъ четырехъ было не болѣе 1000 р. Остальныхъ не нашли. Пахомій скоро очнулся. Съ нимъ бредъ сдѣлался. Я думалъ что онъ съ ума еще сойдетъ... На другой день, когда я продолжалъ ему допросъ — онъ былъ уже совершенно спокоенъ и по-прежнему увѣрялъ, что «отъ крови ея неповиненъ и т. д. Очныя ставки съ свидѣтелями, присяга и т. подоб. конечно ни къ чему не повели; все ни почемъ «неповиненъ» да и только...

Докторъ пріѣхалъ уже на другой день послѣ обыска вечеромъ — стало быть осмотръ тѣла, поневолѣ отложили еще до утра. Докторъ былъ длинный, сухой, голубоглазый, губастый нѣмецъ съ сильно выдавшейся впередъ нижней челюстью. Онъ то и дѣло сморкался, страшно громко кашлялъ и плевалъ въ разныя стороны. Шумъ былъ отъ него ужасный. Я самъ не знаю почему-то онъ мнѣ показался сперва отличнымъ человѣкомъ: онъ, должно быть, хорошій семьянинъ думалъ я, разсматривая его... потомъ ужь я узналъ что это за гусь.

Подъ березку къ убитой мы пришли рано утромъ—солнце только что вставало надъ рожью. Осмотръ тѣла кончился обычнымъ порядкомъ.

— Ну такъ что же вы полагаете причиной ея смерти? спрашивалъ я доктора, когда онъ кончилъ осмотръ.

— Это сказать... это сказать... если руку на сердце положить... невозможно: либо отъ удара нанесеннаго... либо отъ родовъ... Нѣмецъ взглянулъ на меня.

— Да вы видѣли, какая рана у нея на вискѣ?

— О! это ничего не значитъ!.. И онъ разсказалъ мнѣ какой-то анекдотъ, какъ гдѣ-то жилъ человѣкъ съ выскобленнымъ мозгомъ.

Я замолчалъ.

— Вы станового видѣли? спросилъ я.

— Нѣмецъ долго смотрѣлъ на меня. А что, проговорилъ онъ.

— Такъ... онъ вамъ ничего не говорилъ?..

— Видѣлъ... да... Онъ мнѣ говорилъ... что онъ, т. е. чернецъ, не виноватъ, и нѣмецъ опять посмотрѣлъ на меня и прищурилъ глаза.

— Въ свидѣтельствѣ докторъ написалъ, что по всей вѣроятности, во время свалки ее кто нибудь толкнулъ въ животъ, отчего она и родила и умерла, а рана на головѣ не смертельная...

— Я не могу противъ совѣсти сказать, — все оправдывался онъ передо мной, — я дерптскій студентъ... ну и такъ дальше...

Въ этотъ же день я отправился въ богадѣльню.

— Гдѣ Афимья? спросилъ я у первой попавшейся мнѣ на глаза чернички.

— Она при смерти лежитъ...

— Ничего, проведите меня къ ней...

Черничка ввела меня въ комнатку. Комнатка раздѣлена перегородкой на двѣ. Какая-то маленькая, блѣдная дѣвочка лѣтъ 13 выглянула изъ за перегородки и сейчасъ скрылась опять. И эта маленькая дѣвочка одѣта тоже черничкой, т. е. въ черненькомъ же съ мушками платьицѣ изъ туго накрахмаленнаго ситцу, въ черненькомъ-же шерстяномъ платкѣ, заколотомъ булавкой подъ бородой.

— Она при смерти. Тоненькимъ плаксивымъ голосомъ бойко проговорила дѣвочка, опять выглядывая.

Я послалъ за докторомъ. Вошелъ докторъ.—О! У этой ничего... у нее жаръ небольшой—это скоро пройдетъ... Вотъ та умерла не отъ удара нанесеннаго, а отъ... отъ родовъ... А... я не могу противъ совѣсти, все твердилъ нѣмецъ... Онъ видимо желалъ показать мнѣ свою правоту въ этомъ дѣлѣ. Да вотъ бѣда-то: кто правъ—тотъ никогда не оправдывается!..

Афимья была толстая, здоровая, должно быть страшно наглая мѣщанка; но вмѣстѣ съ тѣмъ дура. На видъ ей было уже подъ сорокъ. Большіе бѣловатые глаза какъ-то дико смотрѣли. Она было начала при-

твориться что бредитъ, но это такъ грубо вышло — даже черничка засмѣялась. Изъ двери выглянулъ сотскій.

— Что ты?

— Микитку, ваше благородіе, привезли... (я посылалъ за нимъ еще наканунѣ).

Афимья сейчасъ же перестала бредить. Глаза у нея были все время закрыты; теперь она начала понемножечку одинъ раскрывать: ей должно быть хотѣлось взглянуть, тутъ ли *Микитка*. Я послалъ за нимъ. Такъ минутъ черезъ десять въ комнату вошелъ Микитка, бѣлобрысый веселый молодой малый, ухарь, — въ синей поддевкѣ, ловко перетянутый ременнымъ наборнымъ поясомъ. Лицо такое простое, невольно располагающее.

— Что, ты ее знаешь?

— Извѣстно дѣло, какъ не знать, весело говорилъ онъ — знаю-съ.

— И давно?

— Съ прошлаго года-съ.

— А гдѣ вашъ ребенокъ?

— Виноватъ, сударь, *грѣшное* было между нами — отъ этого не отпираюсь, а ужь отъ меня ли у нее былъ ребенокъ и гдѣ онъ тутъ — ей Богу, не знаю-съ. Микитка самодовольно улыбнулся. Сразу видно, что человѣкъ говоритъ откровенно, правду.

— Но однако ты слышалъ, можетъ быть, куда онъ дѣвался, спрашивалъ я, смотря на Афимью. Она блѣднѣла. Бредъ, стоны, все это уже кончилось, она внимательно прислушивалась къ нашему разговору — только глаза еще не открывала.

— Да я, признаться, тутъ же вскорѣ и бросилъ ее — не въ *моемъ нравѣ* она-съ, разсуждалъ Микитка....

Я невольно улыбнулся.

Съ Афимьей мы покончили очень скоро. Она сразу спуталась, дальше-больше и все выболтала. Разсказала, какъ она родила, какъ задушила (пеленками), какъ хоронила его ночью...

Микитка безсмысленно слушалъ этотъ разсказъ. Когда мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ она закопала ребенка — онъ зашушукалъ съ какой-то смазливенькой черничкой. Вотъ истинно русская натура-то!.. Сколько я такихъ встрѣчалъ.

Когда все это кончилось, мнѣ пришло въ голову написать къ губернатору. Все лучше, думалъ я, пусть дѣло это будетъ у него на

виду, авось кончится какъ слѣдуетъ. У меня было какое-то предчувствіе, что эти чернички и старецъ снова соберутся сюда. Я предлагалъ губернатору, нельзя ли въ эту богадѣльню перевести сельскую школу, а то она помѣщалась въ какой-то старенькой, хотя и подкрашенной избенкѣ... Мнѣ запрягли лошадей. Я пошелъ съ сотскимъ въ богадѣльню. Мнѣ хотѣлось присмотрѣться къ помѣщенію будущей школы. Я думалъ, что тамъ никого нѣтъ и вдругъ услыхалъ звонкіе голоса, весело распѣвавшіе «Не бѣлы-то снѣги».

— Ишь ты, подлая, пробурчалъ сотскій.

Оставшіяся чернички собрались въ одну келью, поставили самоваръ и ублажались чайкомъ. Онѣ совершенно не ожидали моего прихода, растерялись, повскакали. Между ними была и моя знакомая Саша — черничка. Она такъ лукаво - скромно поглядывала теперь на меня. Тутъ же съ ними и маленькая дѣвочка, которую я видѣлъ у Афиміи. Я подозвалъ ее.

— Ну вы зачѣмъ тутъ? спросилъ я.

— Она начала лепетать, что у нея ни отца, ни матери нѣтъ, что *обрекла* себя Богу и т. д.

Грустное, тяжелое чувство шевельнулось, глядя на нее.

Ну чѣмъ же это все кончилось? вѣроятно спросите вы, мой недогадливый читатель.

— Тѣмъ же, чѣмъ кончается все у насъ. Пахомій просидѣлъ съ полгода въ острогѣ, ужь какимъ-то способомъ нашли его невиннымъ. Впрочемъ оставили *въ сильномъ подозрѣніи.*

Онъ по-прежнему стоитъ при иконѣ и позваниваетъ въ колокольчикъ.... а вы подайте ему.

Сергѣй Терпигоревъ.

ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ

НАШЕЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

666 — число звѣрино.

Не знаю какъ кому, а мнѣ чрезвычайно нравится современная русская литература. Какое разнообразіе въ талантахъ?! Громека напоминаетъ Демосфена, князь Вяземскій напоминаетъ Андрея Шенье, Аполлонъ Григорьевъ напоминаетъ Цицерона, Юркевичъ напоминаетъ нѣкоторыя физическія отправленія Діогена, какъ увѣряютъ тѣ, которые присутствовали на его лекціяхъ, и наконецъ всѣ напоминаютъ другъ друга. Въ голосѣ одного слышна страсть, въ рѣчахъ другого чувствуется лиризмъ, третій взялъ рельефностью и образностью выраженій, четвертый восхищаетъ ученостью. Нѣкоторые господа утверждаютъ, что согласія въ литературѣ нѣтъ, что напротивъ того, по цитируемому г. Громекой изрѣченію А. Григорьева, партіи стремятся выпятить свою личность, что вообще во всей русской литературѣ идетъ междоусобная пря, и что она кромѣ взаимныхъ перебранокъ ничего не представляетъ. Г. Громека написалъ объ этомъ статью въ Отеч. Запискахъ (N 3). Рядомъ съ нимъ кто-то написалъ объ этомъ другую статью. Но я могу успокоить редакцію Отеч. Записокъ, если только это безпокоитъ ее: извѣстно, что милые бранятся, только тѣшатся, а что русскіе журналы и газеты милы другъ другу — очевидно изъ того, что всѣ они, за весьма немногими исключеніями, говорятъ одно и то же. Г. Громека изрѣкаетъ слѣдующее:

«Переберите главнѣйшіе вопросы политическіе, соціальные, философскіе, правственные—едва ли отыщете въ нихъ эту желанную точку (единодушія)». Напрасно сомнѣвается въ *точкѣ единодушія* г. Громека и напрасно вводитъ въ заблужденіе своихъ читателей: точка эта существуетъ по всѣмъ перечисленнымъ имъ вопросамъ, чему доказательствомъ служатъ слѣдующіе факты: вышла книга Милля — всѣ журналы, какъ бы ни ругались между собой, подкрѣпляютъ свои мнѣнія цитатами изъ Милля; вышелъ Бёкль, и всѣ журналы и газеты, принялись цитировать Бёкля. Вѣдь если бы не существовало между русскими журналами точки единодушія, то не могли же бы они всѣ ссылаться на одного и того же автора; это бы доказывало, что они сами не понимаютъ того, на что ссылаются. Но какъ извѣстно, что во всѣхъ нашихъ журналахъ, кромѣ небольшого числа, пишутъ мужи ученые и добросовѣстные, то послѣднее предположеніе не можетъ имѣть мѣста. Но кромѣ этого существуетъ много другихъ фактовъ: «Время» называло «Русскій Вѣстникъ» — булгаринствующимъ, но прочтите ихъ и вы увидите, что оба они говорятъ одно и то же. Существуютъ даже факты, указывающіе на болѣе тѣсную связь между этими журналами, чѣмъ точка единодушія, а именно: г. Юркевичъ напалъ на Бюхнера въ Москвѣ, а въ то же самое время г. Страховъ аттаковалъ его въ Петербургѣ. Далѣе, «Время» открыло почву, «Отеч. Записки» не только согласились съ «Временемъ», но пошли по тому же пути и открыли «подпочву» (Совр. Хрон. № 3 стр. 36). «Голосъ» сказалъ, что «Русское Слово» подражаетъ «Современнику»; «Библіотека для Чтенія» сказала то же, и «Время» упомянуло про то же. Однимъ словомъ, переберите всѣ вопросы, политическіе, соціальные, философскіе, нравственные и вы увидите, что всѣ почти журналы имѣютъ между собой точку единодушія, всѣ ратуютъ противъ коммунизма, матеріализма, космополитизма и проч., и всѣ согласно утверждаютъ, что Россіи нечего бояться этихъ пугалъ, потому что это все чушь, утопіи, нелѣпости, до опроверженія которыхъ если и снисходятъ русскіе ученые мужи, то снисходятъ съ подобающимъ барственнымъ высокомѣріемъ, какъ Митрофанушка снисходилъ къ урокамъ своего учителя Цифиркина.

Наконецъ справедливость того, что русскіе журналы бранятся между собой не по злобѣ, а напротивъ, потому что они милы другъ другу, видно изъ того, что едва который-нибудь изъ нихъ начнетъ

угощать публику мнѣніями, общими всѣмъ журналамъ, но по разсѣянности забудетъ облечь ихъ въ приличную форму, то собратья его начинаютъ искренно скорбѣть о немъ. Если бы точки единодушія не было, то очевидно слѣдуетъ радоваться, если противникъ дойдетъ до «крайнихъ граней развитія» своего безобразія: значитъ, онъ всегда былъ таковъ, но только умѣлъ прикидываться другимъ; чего же тутъ огорчаться? Поэтому прошлогоднее запрещеніе двухъ журналовъ и маленькій испугъ нашей благонамѣренной прессы принесли большую пользу русской литературѣ и русскому обществу, заставивъ людей договориться до конца, а всегда бываетъ выгодно и пріятно узнать съ кѣмъ имѣешь дѣло. Напримѣръ «Духъ Христіанина» соединился наконецъ съ «Домашней Бесѣдой». Всякій, кто не имѣетъ точки единодушія съ этими журналами, долженъ бы былъ торжествовать и радоваться этому союзу, если бы онъ не существовалъ гораздо раньше, а именно съ самаго основанія ихъ. Но прежде простяки воображали, что между ними есть разница; теперь же, когда оба кричатъ—анафема! всякій знаетъ, что разницы нѣтъ, и не повѣритъ либерализму «Духа Христіанина? г. Громека же скорбитъ объ этомъ, по его выраженію, скандалѣ. Это доказываетъ только, что онъ имѣетъ точку единодушія съ «Духомъ Христіанина», а слѣдовательно и съ «Домашней Бесѣдой». Возьми напримѣръ г. Игдевъ во «Времени» эпиграфъ не изъ студенческихъ тетрадокъ, а изъ сочиненій Аскоченскаго, прочая братія поскорбѣла бы о «Времени» и о г. Игдевѣ. А теперь приличіе соблюдено, и все идетъ какъ по маслу. Для человѣка же, не имѣющаго точки единодушія съ «Временемъ» противно это щегольство либерализмомъ, это ношеніе чужихъ орденовъ. Такъ и видно сейчасъ, что человѣку нужно было чѣмъ-нибудь прикрыться, вотъ онъ и беретъ эпиграфъ изъ студенческихъ тетрадокъ, который такъ же мало идетъ къ его статьѣ, какъ напримѣръ къ передовымъ статьямъ «Якоря» Аполлона Григорьева. И, признаюсь, я буду весьма радъ, если какой-нибудь новый катаклизмъ заставитъ г. Игдева рыться для пріисканія эпиграфовъ не въ студенческихъ тетрадкахъ, а въ «Домашней Бесѣдѣ» или статьяхъ сотрудника его Косицы.

Эта точка единодушія имѣетъ выгоды и невыгоды. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ то обстоятельство, что журналы, ругаясь болѣе изъ расположенія, чѣмъ изъ непріязни, нападаютъ другъ на

друга не съ той стороны, съ которой слѣдуетъ. Они щадятъ другъ друга, а черезъ это выходитъ то, что множество драгоцѣнныхъ перловъ и алмазовъ, встрѣчающихся въ нихъ въ изобиліи, пропадаетъ даромъ, проходитъ незамѣченнымъ, и потомство можетъ никогда не узнать, какія жемчужины срывались съ устъ тѣхъ публицистовъ, которые везли колесницу нашего отечества къ прогрессу.

Будучи русскимъ патріотомъ, болѣе чѣмъ любой, живущій въ Россіи нѣмецъ, я рѣшаюсь посвятить свои силы этому великому дѣлу. Я обѣщаю—не знаю на сколько съумѣю выполнить—погружаться на дно моря русской литературы и добывать оттуда драгоцѣнные перлы, спускаться въ рудники русской публицистики и изъ нѣдръ ея выводить на свѣтъ Божій дорогіе алмазы, яхонты и сапфиры. Но предварительно мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ еще о русской журналистикѣ вообще.

Всѣ русскіе журналы можно подраздѣлить на двѣ главныя категоріи: либераловъ и ихъ жертвъ. Имя первымъ—легіонъ, вторые же не такъ многочисленны. Къ послѣднимъ принадлежатъ, напр: «Домашняя Бесѣда, Русскій Листокъ, Сѣверная Пчела, Сынъ Отечества» и нѣсколько другихъ злосчастныхъ произведеній, которыхъ никто не читаетъ, но безъ которыхъ пришлось бы плохо либеральнымъ журналамъ, потому что они бы лишились возможности заявлять свой либерализмъ. Поэтому я предупреждаю, что не буду похищать сокровищъ изъ журналовъ второй категоріи, такъ какъ ихъ и безъ того грабятъ первые. Я буду пользоваться ими только какъ матеріаломъ, для сличенія съ тѣми, которые такъ безжалостно на нихъ нападаютъ. Я надѣюсь (не безъ основанія) встрѣтить много фактовъ, доказывающихъ, что либеральные органы имѣютъ не одну точку единодушія съ жертвами своего либерализма.

Изъ остальныхъ журналовъ, не входящихъ въ число жертвъ, я долженъ исключить «Современникъ», направленію котораго я сочувствую. Но этимъ я вовсе еще не хочу сказать, чтобы журналъ этотъ былъ бѣденъ перлами и алмазами: они разсыпаны и въ немъ, хотя далеко не въ такомъ изобиліи, какъ въ прочихъ, и отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что не имѣютъ ни съ кѣмъ точки единодушія.

И такъ я начинаю мои труды, которые, надѣюсь, будутъ не

безплодны. Сколько сокровищъ погибло отъ невниманія, сколько драгоцѣнностей было уже расточено вопреки совѣту св. писанія. Вотъ хоть бы напр. «Основа», сгибла послѣ самаго тихаго существованія, проведеннаго въ грустной безъизвѣстности. А между тѣмъ что тамъ писалъ г. П. Кулишъ! И все это погибло даромъ; никто, кромѣ читателей «Основы» не знаетъ ничего о томъ, что тамъ творилось.

Въ виду такого факта, я не могу колебаться. Всякое колебаніе было бы преступленіемъ передъ грядущими поколѣніями. И такъ я опускаюсь на дно золотыхъ розсыпей. Посмотримъ теперь, что удалось мнѣ извлечь оттуда на первый разъ.

Начнемъ хоть съ «Отечественныхъ Записокъ».

Трудно себѣ представить, что я нашелъ тамъ. Можно себѣ мозги выворотить и не догадаться какіе перлы скрываетъ въ себѣ «Современная Хроника» г. Громеки. При первомъ взглядѣ на эту знаменитую лѣтопись меня поразила — *бомба отрицанія*! Послушайте, добрые люди, внимайте, иностранцы, какъ пишутъ русскіе публицисты: «Уничтоженіе крѣпостного права, гласный судъ, самоуправленіе, свобода печати, свобода живого слова — таковъ былъ единодушный кликъ журналистики въ то время. Дворянство въ нѣкоторыхъ губерніяхъ довольно энергически вторило этому клику (относительно этого пункта краснорѣчиво изъясняется г. Скарятинъ, принадлежащій къ числу жертвъ, но въ этомъ имѣющій точку единодушія съ г. Громекой). Чиновничество тоже отозвалось на него съ живымъ сочувствіемъ. Цензура волей-неволей должна была отступать отъ прежней позиціи шагъ за шагомъ, отбиваясь отрядами циркуляровъ, которыхъ иррегулярныя толпы не въ силахъ были остановить натискъ общественнаго мнѣнія. Вдругъ, посреди аттакующихъ и аттакованныхъ упала со свистомъ и шумомъ *бомба отрицанія*. Первые осколки посыпались на лагерь осаждавшихъ. Осажденные обрадовались и вздохнули свободнѣе. *Они думали, что бомба ниспослана съ высоты* для ихъ спасенія. Отрадное заблужденіе продолжалось не долго. Оказалось, что разрушительный снарядъ, имѣя въ виду очистить путь для самого себя, для дальнѣйшаго безпрепятственнаго бомбардированія человѣческихъ заблужденій Онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ тактикой прежней осада.

ему непріятны были всѣ эти медленныя эволюціи, контрмарши, фехтовальные пріемы, и вся эта дребедень старой науки, дѣйствующей холоднымъ оружіемъ; онъ отвергалъ, опрокидывалъ и подвергалъ очистительному огню сомнѣнія и отрицанія—все, что стояло на пути, всѣ укрѣпленія какъ осаждающихъ, такъ и осажденныхъ. И тѣ и другіе были ему одинаково ненавистны, и тѣ и другіе скрѣплены цементомъ вѣры и основаны на авторитетахъ.... Взрывъ бомбы отрицанія былъ эффектный, оглушительный и имѣлъ нѣкоторыя хорошія послѣдствія... Дурная сторона также богата послѣдствіями. Пока въ рядахъ осаждающихъ шла междоусобная перепалка, осажденные возводили укрѣпленіе за укрѣпленіемъ, запасали оружіе и умножали свои силы. Когда же *артиллерія отрицанія*, прочиствивъ дорогу себѣ и завладѣвъ мѣстомъ боя, готовилась навести орудія на крѣпостныя стѣны, осажденные забросали ее шапками, взяли живьемъ ея прислугу, заклепали ея орудія» (Современная Хроника, N° 3, стр. 8 — 10). Громъ, трескъ, разрушеніе Іерихона, седьмая труба и, въ довершеніе спектакля, — бомба отрицанія! Чѣмъ ужь этотъ нигилизмъ не представлялся разъяренному воображенію г. Громеки, медвѣдемъ даже былъ, а по его новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается бомбой, начиненной философіей. Далѣе еще лучше, тамъ есть и пророки, и праведники-фанатики, и орудія для казни «невѣрующихъ», есть «копоть, смрадъ и крики изступленія»; есть «поруганіе, бичеваніе, заушеніе, плеваніе и битье по ланитамъ», да и мало ли еще чего тамъ нѣтъ. Однимъ словомъ такъ пишетъ человѣкъ, что завидки берутъ, хочется самому сдѣлаться Громекой и писать Хронику въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Но положимъ, что г. Громекѣ естественно дѣлать воинственныя уподобленія: онъ самъ служилъ, по собственному сознанію, подъ командой генералъ-адъютанта Бибикова. Но видно примѣръ заразителенъ. Въ той же книжкѣ «Отеч. Зап». помѣщена редакціонная статья «Нашъ скептицизмъ», которая борьбу нигилизма съ либерализмомъ описываетъ такъ: «Часъ былъ рѣшительный, отъ его судьбы зависѣла судьба обѣихъ партій. Надобно было ожидать Аустерлица, Іены, Лейпцига, Ватерлоо. Всѣ силы свои должна была выдвинуть партія, выставить крѣпкія батареи (г. Громека утверждаетъ, что она такъ и поступила; —источники разногласятъ), собрать въ

сжатые ряды непоколебимыя колонны. Что же вышло? (Бомба отрицанія!) Вышелъ набѣгъ киргизской шайки». (стр. 54.) И такъ рѣшительный часъ ничего не рѣшилъ, что бы ни говорилъ г. Громека.

Но погодите: одинъ рѣшительный часъ не рѣшилъ, такъ другой рѣшитъ. Черезъ три страницы читаемъ: «Часъ наступилъ теперь критическій: въ обществѣ колеблется уваженіе къ журналистикѣ. Переполнится чаша нашего скептицизма, буйнаго задора, неуваженія къ лежащимъ на насъ обязанностямъ, и мѣсто колебанія заступитъ рѣшеніе; только что рѣшеніе будетъ ли въ пользу для насъ, для русской литературы, для русскаго общества, для русской земли? Дай Богъ, чтобы мрачныя предзнаменованія не исполнились, чтобъ новая болѣе горькая чаша зла прошла мимо, чтобъ вслѣдъ за презрѣніемъ сверху не разразилось надъ пишущимъ людомъ презрѣніе снизу.» (Стр. 57). И такъ «Отеч. Записки» трусятъ за русскую литературу. Но скажите, пожалуйста, имѣетъ ли эта трусость хотя малѣйшее основаніе? Кто можетъ презирать эту литературу, когда на поприщѣ ея подвизаются такія личности, какъ Громека и Григорьевъ, отецъ Флеровъ и философъ Страховъ, Катковъ и Заринъ и многое множество другихъ почтенныхъ и уважаемыхъ личностей. Вообще «Отеч. Записки» клевещутъ на русскую литературу; съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ отставку одинъ изъ многихъ московскихъ ученыхъ, никакихъ заушеній и битія по ланитамъ между литераторами не было. Вотъ относительно бичеванія этого нельзя сказать; оно было и есть. Такъ г. Григорьевъ предпринялъ редактировать «Якорь» собственно съ цѣлью бичеванія, примѣровъ котораго искать не долго. Напримѣръ во 2-мъ N «Якоря» онъ восклицаетъ въ письмѣ къ Косицѣ»: «Но что я пишу! Боже мой, что я пишу!» значитъ, самъ себя испугался и не скрылъ этого. Въ этой же статьѣ онъ разсказываетъ, что однажды былъ выведенъ изъ театра. Ну развѣ это не бичеваніе?

А то еще пишетъ въ «Якорѣ» какой-то ненужный человѣкъ, который тоже любитъ упражняться въ умерщвленіи своей плоти, посредствомъ разныхъ истязаній ея. Онъ напримѣръ возметъ такого рода эффектный эпиграфъ:

Liberté, égalité, fraternité — ou la mort!

(Формула деспотизма 1793 года.)

Ну и ждешь послѣ этого бури противъ дантоновскихъ демократовъ. Но счетомъ черезъ десять строкъ ненужный человѣкъ сознается, что хотѣлъ просто форсу задать (№ 3). Является вопросъ: что здѣсь для чего,—эпиграфъ для сознанія, или сознаніе для эпиграфа? Очевидно, что послѣднее, и понятна цѣль — бичеваніе. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ восклицаетъ: «Эхъ, мы филины, горькіе филины!» Видите какой перлъ удалось достать мнѣ! Что это такое? Почему же мы филины? И почему филины, а не что нибудь другое? Какъ въ голову могли придти эти филины? Очевидно, что и это бичеваніе.

Но теперь рождается другой вопросъ: зачѣмъ же бичуетъ себя редакторъ и сотрудники «Якоря»? Отвѣтъ на это мы находимъ въ передовой статьѣ этого журнала, озаглавленной «Наша пристань». Пристань эта—православіе, слѣдовательно понятно, почему производится въ редакціи «Якоря» умерщвленіе плоти. Вопросъ о бичеваніи себя можетъ служить средствомъ перейдти отъ «Якоря» къ «Времени». Къ тому же и журналы дружественные, сотрудники переписываются печатно другъ съ другомъ.

Въ мартовской книжкѣ «Времени» приноситъ покаяніе въ грѣхахъ юности г. Полонскій. Выражается онъ объ этомъ такъ: «Въ ту жизнь, которую рисуетъ въ немногихъ словахъ графъ Л. Н. Толстой, и я бы охотно *на время* (курсивъ почему-то) погрузился для того, чтобъ окрѣпнуть физически и опять воротиться на борьбу съ гнилью на сколько силъ хватитъ. Я былъ также на Кавказѣ, *также испыталъ на себѣ страсть къ полудикой женщинѣ* также наслаждался природой, и не смотря на это когда покидалъ Кавказъ — писалъ съ искреннимъ одушевленіемъ:

И душа на просторъ вырывается.
Изъ подъ власти кавказкихъ громадъ.

Не ѣздите на Кавказъ, г. Полонскій, а то опять воспламенитесь страстью къ полудикой женщинѣ и, чего добраго, останетесь тамъ

и не будете болѣе писать писемъ къ редактору «Времени», этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, въ которыхъ больше перловъ, чѣмъ во всѣхъ вашихъ стихотвореніяхъ, не исключая даже того, гдѣ вы описываете, какимъ образомъ вы порхали по вѣткамъ, въ то время когда были еще соловьемъ, а не русскимъ литераторомъ.

И такъ «Отеч. Записки» напрасно утверждаютъ, что русской литературѣ грозитъ погибель; г. Громека также черезчуръ увлекся, говоря о заушеніяхъ. Бичеваніе не можетъ уронить ее, потому что раскаяніе вообще полезно; и кто же будетъ презирать кающихся? Притомъ уже тѣ немногіе перлы, которые удалось мнѣ найдти, могутъ служить ручательствомъ за ея успѣхъ.

Одни филины чего стоятъ! Но вотъ еще обильную жатву представляетъ «Сказаніе о Дураковой Плѣши» г. Игдева въ 3 N «Времени».

Это та самая статья, которая, подобно ненужному человѣку, прибѣгаетъ къ заманчивымъ эпиграфамъ, чтобъ пустить пыли въ глаза. Разница только въ томъ, что г. Игдевъ такъ и остается безъ покаянія, а ненужный человѣкъ бьетъ себя по ланитамъ. А между тѣмъ слѣдовало бы и г. Игдеву покаяться.

Послушайте, какіе перлы скрываются въ его статьѣ: Заявивъ, что онъ натуралистъ и поэтому судья компетентный, г. Игдевъ увѣряетъ, что Молешотъ до того матеріалистъ, что если услышитъ про кого нибудь, что онъ поэтъ, то скажетъ: «значитъ онъ пилъ шампанское», и что тотъ же Молешотъ, вслѣдствіе своего безпардоннаго матеріализма думаетъ, что, чтобъ измѣнить мнѣнія кого нибудь, нужно приглашать его къ себѣ и поить чаемъ и кофеемъ. Но представьте, что компетентный судья, представляющій въ такомъ видѣ матеріализмъ Молешота, даже не читалъ его, или если и читалъ, то ничего не понялъ, потому что сочиненія Молешота на русскій языкъ не переведены, а по нѣмецки г. Игдевъ не понимаетъ. Это невѣроятно тѣмъ болѣе, что г. Игдевъ цитируетъ Молешота по-нѣмецки, но это такъ, и вотъ доказательство.

«Wer weiss es nicht wie viele edle Dichtergaben einem Trunke feurigen Weines ihren Ursprung verdanken»—говоритъ Молешотъ. Г. Игдевъ переводитъ это такимъ образомъ: «кому неизвѣстно,

какъ много благородныхъ поэтическихъ талантовъ обязаны своимъ происхожденіемъ» замѣчаетъ въ скобкахъ: «(да еще *Ur*, значитъ первоначальнымъ) питью искрометнаго вина.» И такъ по мнѣнію г. Игдева Ursprung значитъ не просто *происхожденіе*, а первоначальное происхожденіе, а происхожденіе будетъ Sprung, что если вѣрить нѣмцамъ, значитъ *прыжокъ*. Далѣе, цитируя слѣдующую фразу Молешота. Alle sind wir gleich abhängig von Luft und Erde, Menschen und Thiere, Pflanzen und Steine, переводитъ такъ: «всѣ мы зависимъ *поровну* отъ воздуха и земли, людей и животныхъ, растеній и камней» между тѣмъ какъ здѣсь gleich значитъ одинаково зависимъ отъ воздуха и земли и т. д., что лишаетъ смысла всѣ слѣдующія остроумныя разглагольствованія г. Игдева—какъ вамъ нравится этотъ хризобериллъ?

Далѣе, въ статьѣ «Современника», тоже изобилующей перлами, упомянуты сряду имена Бёкля, Льюиса и Молешота. Компетентный судья приходитъ въ ужасъ и негодованіе, и говоритъ, что такое сопоставленіе именъ глупо, и дѣлитъ новѣйшихъ писателей и ученыхъ на двѣ группы, которыя отнюдь не позволяетъ смѣшивать. Къ первой относятся: Милль, Бёкль, Льюисъ и Дарвинъ, ко второй Фейербахъ, Молешотъ, Мульдеръ, Бюхнеръ. Вотъ что значитъ толковать о людяхъ, которыхъ сочиненія, по незнанію языка, не понимаешь—дойдешь до того, что станешь раздѣлять ученыхъ по націямъ и приходить въ негодованіе, если назовутъ вмѣстѣ двухъ ученыхъ разныхъ націй. Это почище Филиновъ будетъ!

А вотъ еслибы г. Игдевъ зналъ по нѣмецки, то могъ бы прочесть книгу Молешота подъ заглавіемъ: Georg Forster, der Naturforcher des Volkes, гдѣ во 2 главѣ нашелъ бы цѣлое разсужденіе о воспитаніи и не сталъ бы компетентно удивляться, если приводятъ имя этого ученаго, говоря о воспитаніи. Зато я не имѣлъ бы удовольствія сохранить для потомства примѣръ того, какъ смѣлость города беретъ.

Жаль мнѣ нѣмецкихъ ученыхъ! Какая ужасная участь ожидаетъ ихъ! Противъ нихъ въ русскомъ царствѣ поднялось поголовное возстаніе. Возстаютъ люди не только знающіе по нѣмецки, но даже такіе, которые:

Поютъ пѣсни еврейскія
По еврейски не зная ни слова.

Михаилъ Михайловичъ Достоевскій! Господинъ редакторъ «Времени»! Обратите вниманіе на вашихъ сотрудниковъ! Эй, обратите вниманіе! Вѣдь ограбить человѣка не долго, особенно такого благодушнаго, какъ вы. А что вы благодушны, это доказывается тѣмъ, что едва «Русское Слово» успѣло обратить ваше вниманіе на поступокъ съ вами Ап. Григорьева, какъ вы допустили г. Григоровича поступить съ вами точно такъ же. Ужь это вамъ вѣрно на роду написано, подобно Эдуарду IV погибнуть отъ буквы Г. Знаете ли вы, уважаемый редакторъ, что статья о Ниццѣ, напечатанная въ январьской книжкѣ вашего журнала за этотъ годъ, была уже прежде напечатана въ «Морскомъ Сборникѣ», и не далѣе какъ прошлаго года. Ну а г. Игдевъ что съ вами дѣлаетъ? Вѣдь его *прыжки* сгубятъ васъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Если вы по нѣмецки не знаете, то попросили бы г. Страхова редактировать статьи съ нѣмецкими цитатами. Онъ знаетъ, это вѣрно, ибо переводилъ Куно Фишера и Шеллинга. Да!

Давно сказано г. Дудышкинымъ, что хорошій писатель тотъ, кто пишетъ такъ, что его нельзя понять. Если со времени этихъ словъ этотъ публицистъ не заразился той философіей, которой начинена «бомба отрицанія», то самымъ лучшимъ русскимъ писателемъ долженъ онъ признать г. Варнека, выступившаго въ возродившейся изъ пепла «Библіотекѣ для Чтенія» съ статьей «Иностранцы-цивилизаторы». Этотъ глубокомысленный ученый, носящій такое громкое имя, пишетъ такъ, что читать его можно только «гороху объѣвшись». Напримѣръ: «Тутъ (въ чужой землѣ) есть что-то, могущее смягчить крикливыя ноты совѣсти, и бываетъ иногда такъ, что гражданинъ вселенной тотъ, котораго космополитизмъ опирается не на всеобъемлющую любовь, а на всеобъемлющее равнодушіе, начинаетъ болѣе покойно, чѣмъ дома эксплуатировать общіе интересы ради своихъ частныхъ...» Только и можно понять, что космополитизмъ есть воровство. Это по крайней мѣрѣ напоминаетъ П. И. Мельникова, выразившагося въ «Сѣверной Пчелѣ» про какого-то вора, «что онъ приложилъ къ казенному сундуку теорію Прудона.» Но что можетъ напоминать, не говорю уже какой смыслъ имѣетъ, слѣдующая тирада:

«*Любовь* къ литературѣ, къ искусству, *къ торговлѣ*, *къ промышленности*, однимъ словомъ *ко всѣмъ общественнымъ проявленіямъ* коренится въ юности. *Ея начало въ пѣсняхъ и сказкахъ няньки*, *въ обращеніи, въ своемъ домашнемъ обиходѣ*», или: «Безъ консерваторовъ немыслимы прогрессисты, и окончательное уничтоженіе той или другой партіи *равносильно нравственной анархіи.*»

Сообщаетъ еще г. Варнекъ, что прогрессисты ратуютъ за желѣзныя дороги и телеграфы. Если они ратуютъ за нихъ, то вѣроятно консерваторы ратуютъ противъ нихъ, иначе изъ за чего же имъ ратовать. Вѣдь вотъ какая стойкость убѣжденій у этихъ консерваторовъ! Изъ за принципа предпочитаютъ тащиться на долгихъ. Гдѣ водятся такіе Катоны, г. Варнекъ? Любопытно видѣть такое величіе духа въ нашъ развращенный вѣкъ, когда любовь къ торговлѣ и промышленности коренится въ юности. Сообщаетъ еще г. Варнекъ, что «когда-то въ казачествѣ наиболѣе сильно воплощалась идея государства.» Сообщаетъ еще... Но засимъ всѣ его сообщенія теряютъ силу. Оказывается, что у него всѣхъ ихъ сто-двадцать-два года тому назадъ предвосхитилъ проповѣдникъ Амвросій Юшкевичъ, вѣроятно родственникъ г. Юркевича. Я весьма радъ этому откровенному сознанію г. Варнека, потому что, зная новѣйшія проповѣди г. Юркевича, не интересуюсь знать, что проповѣдовали его предки въ 1741 году. На этомъ основаніи я покидаю статью г. Варнека и выродившуюся «Библіотеку для Чтенія».

Но я поступилъ бы недобросовѣстно передъ читателемъ, если бы предварительно не посовѣтовалъ ему прочесть въ той же книжкѣ статью нашей жирондистки, г-жи Туръ. Самъ я ее не читалъ, но знаю, что статья хороша, потому что въ ней идетъ рѣчь о богиняхъ свободы. А такъ какъ всякому извѣстно, что г-жа Туръ сама богиня свободы, то я и не сомнѣваюсь, что она хорошо написала о своихъ подругахъ.

Беру «Русскій Вѣстникъ», хотя, признаться, на него даже совѣстно нападать, послѣ упражненій надъ нимъ остроумныхъ публицистовъ «Времени». «Русскій Вѣстникъ» напоминаетъ собой судьбу царя Навуходоносора, который, какъ извѣстно, послѣ славнаго существованія, вдругъ очутился на пастбищахъ между чет-

вероногими. Я даже готовъ отнести «Русскій Вѣстникъ» къ числу жертвъ: онъ и есть жертва, и жертва не столько внѣшнихъ враговъ, сколько самого себя, своей благонамѣренности. Носятся слухи, подтверждаемые не только отечественной, но даже иностранной прессой, что кредитъ г. Каткова значительно понизился даже въ украшаемой имъ своей особой Москвѣ. Впрочемъ иностранный прессѣ не долго и оклеветать г. Каткова. Понятна даже причина, почему она старается уязвить почтеннаго философа въ отставкѣ: а именно причина тому—громовыя статьи этого патріота противъ злонамѣренной иностранной публицистики. Г. Катковъ такъ неоднократно и съ такой силой обличалъ эту публицистику, что въ негодованіи своемъ она готова наговорить Богъ знаетъ что на него. Посмотримъ теперь, не болѣе ли достойны вниманія обвиненія и слухи, распускаемые отечественной литературой. «Время», напримѣръ, ополчилось противъ московскихъ литераторовъ; оно назвало г. Каткова—булгаринствующимъ. На это «Современникъ» остроумно замѣтилъ, что самое «Время» можно удобно назвать катковствующимъ. Я нахожу, что подобные эпитеты можно приложить и къ прочимъ органамъ русской журналистики. Я выше изложилъ причины, на основаніи которыхъ, думаю, можно съ удобствомъ назвать «Время»—громекствующимъ, «Отеч. Зап.»—катковствующими, «Русскій Вѣстникъ» косицствующимъ и т. д. При этомъ всякому предоставляются права играть сколько угодно этими эпитетами и переставлять ихъ по произволу; дѣло отъ этого не измѣнится. Поэтому нападки «Времени» напрасны, даже неблагоразумны, потому что ему слѣдуетъ жить въ мирѣ и согласіи съ «Русскимъ Вѣстникомъ»; они могутъ взаимно поддерживать и объяснять другъ друга, и подобная междоусобная брань можетъ послужить только къ невыгодѣ обоихъ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы относительно *прыжка* г. Игдева. Живи «Время» съ «Русскимъ Вѣстникомъ» въ дружбѣ, оно могло бы оправдаться въ этомъ не столько литературномъ, сколько акробатическомъ фокусѣ, сославшись на статью г. Робера въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Статья эта называется: «Воспитаніе и служба» и имѣетъ цѣлью ввести конституціонный принципъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній, при чемъ ученики составляютъ нижнюю, учителя—верхнюю палату, а генералъ изображаетъ конституціоннаго монарха. Такъ въ этой статьѣ, вѣроятно на основаніи ученыхъ изслѣдованій г. Юркевича, сказано прямо, что прыжки суть качества души. Слѣ-

довательно глумиться надъ г. Игдевымъ нечего. Что жъ ему дѣлать, когда у него душа такая. Душу не передѣлаешь. Конечно, можетъ быть, что г. Юркевичъ и не открывалъ этого новаго качества души, а открылъ его самъ г. Роберъ, раздраженный тѣмъ, какъ видно изъ его словъ, что мальчишки прямо со скамейки попадаютъ во главу русской литературы (извѣстно кто!), а онъ, г. Роберъ, занимающійся много лѣтъ обученіемъ этихъ мальчишекъ, не пошелъ дальше хвоста «Русскаго Вѣстника». Но съ другой стороны можетъ быть открытіе сдѣлано г. Юркевичемъ. Но съ третьей стороны можетъ быть оно сдѣлано г. Катковымъ. Но со всѣхъ прочихъ сторонъ можетъ быть оно сдѣлано г. Косицей и сообщено г. Роберу для припечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ цѣлью прикрыть грѣхъ г. Игдева. Впрочемъ изъ моего сомнѣнія относительно принадлежности этого открытія г. Роберу еще не должно заключать, что я сомнѣваюсь въ отношеніи этого ученаго, скромно пасущагося на пастбищахъ царя Навуходоносора въ темномъ періодѣ существованія сего монарха. Сомнѣваться въ этомъ я не могу, потому что своими глазами прочелъ, не далѣе какъ сегодня, въ статьѣ г. Робера, слѣдующій афоризмъ: «Свобода состоитъ въ томъ, что каждый стѣсненъ только закономъ». «Свобода состоитъ въ томъ, что каждый стѣсненъ», думаю я и не могу отдѣлаться отъ этой фразы, которая такъ и вертится на умѣ. «Свобода состоитъ въ стѣсненіи», думаю я, и чувствую дрожь. «Свобода есть стѣсненіе», снова лѣзетъ мнѣ въ голову, и волоса поднимаются у меня дыбомъ при мысли о томъ, что же такое должно происходить въ тѣхъ государствахъ, гдѣ свободы нѣтъ, напримѣръ, въ Абиссинской имперіи. Но я успокоиваюсь, понявъ тайну, заключенную въ афоризмѣ великаго г. Робера. Я догадываюсь, что если свобода есть стѣсненіе, то стѣсненіе есть свобода. Эта мысль меня успокоиваетъ насчетъ подданныхъ абиссинскаго правителя. Но, приходитъ мнѣ въ голову, если стѣсненіе есть свобода, а свобода стѣсненіе, то значитъ и стѣсненіе и свобода, обѣ вмѣстѣ и порознь—стѣсненіе. Меня бросаетъ въ потъ и я каюсь, что прочелъ статью г. Робера.

Вотъ съ глупымъ-то разумомъ пойди—почитай великія произведенія. Тутъ и до дома умалишенныхъ недалеко, до того самаго дома умалишенныхъ, куда грозитъ посадить почтенный г. Роберъ нигилистовъ. «Бываютъ убѣжденія, (извѣстно какія!) говоритъ онъ, за

которыя въ домъ умалишенныхъ сажаютъ». Вѣроятно въ классѣ у г. Робера развелись нигилисты и норовятъ досадить своему педагогу, а то иначе съ чего же такъ распалиться гнѣвомъ, что сумасшедшимъ домомъ грозить. Должно быть тѣ же нигилисты изобразили г. Робера на доскѣ мѣломъ въ видѣ царя Навуходоносора; должно быть г. Роберъ—но довольно о г. Роберѣ.

Мнѣ кажется, что г. Громека плачетъ. «Что за вздоръ, скажетъ кто-нибудь, плачутъ дѣти и женщины, а г. Громека былъ воинъ, онъ не можетъ плакать!» Тѣмъ не менѣе я настаиваю, что г. Громека плачетъ. Во-первыхъ изъ того, что г. Громека посвятилъ свою молодость служенію Марсу, еще не слѣдуетъ, что онъ твердъ. Служеніе Марсу, особенно подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бибикова, не требуетъ большой твердости; нуженъ умъ, нужно высокое развитіе, но твердость не нужна. Поэтому г. Громека можетъ плакать. А какъ скоро можетъ, то значитъ плачетъ, потому что существуетъ на это достаточно уважительный поводъ. Только что успѣлъ г. Громека посѣтовать о союзѣ «Духа Христіанина» съ «Домашней Бесѣдой», какъ произошелъ другой союзъ, который долженъ огорчить его несравненно чувствительнѣе. Произошло событіе такого рода: газета «День» заключила съ «Домашней Бесѣдой» наступательный и оборонительный союзъ. Люди прозорливые давно знали про тайныя симпатіи этихъ двухъ газетъ, давно считали г. Аскоченскаго петербургскимъ Аксаковымъ, а г. Аксакова московскимъ Аскоченскимъ. Но г. Громека непрозорливъ; онъ простодушенъ и добръ, и обнаруженіе подобныхъ тайныхъ союзовъ поражаетъ его до глубины души. Поэтому я вполнѣ убѣжденъ, что онъ въ настоящую минуту плачетъ.

Г. Аскоченскій открываетъ собой немногочисленный рядъ жертвъ либеральной русской прессы. Но многаго объ этихъ жертвахъ говорить нечего. Все, что они говорятъ, повторяется въ либеральномъ тонѣ ихъ гонителями. Самостоятельное открытіе послѣ теоріи доносовъ «Русскаго Листка» сдѣлано этой жалкой половиной всероссійской литературы только одно. А именно: «Сѣверная Пчела» сообщаетъ, что по тщательнымъ наблюденіямъ надъ домашней птицей, оказалось, что тварь эта, хотя и не разумна, но праздники чтитъ усерднѣе самого И. С. Аксакова, и на великій день Благовѣщенія,

который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу двунадесятыхъ праздниковъ, воздерживается отъ носки яицъ. Любопытно знать, чѣмъ увѣнчаются наблюденія почтенной газеты надъ курами и индюшками въ прочіе праздники. Изъ этихъ наблюденій легко будетъ замѣтить, какого вѣроисповѣданія придерживается тварь: слѣдуетъ ли она уставамъ католической церкви, или коснѣетъ въ лютеранскомъ отщепенствѣ. Прискорбно только, что «Сѣверная Пчела» ограничиваетъ свои наблюденія женскимъ поломъ. Я не думаю, чтобъ индюки и пѣтухи дали менѣе утѣшительные результаты; хотя они яицъ и не несутъ, но можно думать, что они выражаютъ чѣмъ-нибудь другимъ свое благочестіе.

Сообщеніемъ нашимъ читателямъ этого куринаго аскетизма, я бы хотѣлъ на этотъ разъ закончить мою трудную работу. Но я долженъ, не смотря на мое не желаніе, сказать еще нѣсколько о томъ журналѣ, который я, какъ сказалъ, не отношу къ прочимъ, и направленію котораго я вполнѣ сочувствую. Рѣчь идетъ о «Современникѣ».

Въ апрѣльской книжкѣ этого журнала снова явился свистокъ. Но увы! Это — не старый свистокъ. Въ этомъ свисткѣ возвѣщается кончина Кузьмы Пруткова и помѣщены оставшіеся послѣ него произведенія. Но я полагаю, что не смерти Кузьмы Пруткова, а смерти Конрада Лиліеншвагера должно приписать то обстоятельство, что этотъ свистокъ есть ничто иное, какъ любой N Искры. Но Искра стара, ей простительно заниматься исключительно личностями гг. Каткова и Краевскаго, Скарятина и Юматова и прочей литературной братіи. Она истощила свое остроуміе, и ей позволительно иногда пробавляться этимъ народомъ, да становыми Мордоплюхиными и Хапуновыми. Но въ возобновленномъ свисткѣ подобное остроуміе жалко. Если его нѣтъ, то лучше и не свистѣть, а то свистъ выходитъ больно ужь плохъ. Впрочемъ быть можетъ свистокъ исправится и не будетъ посвящать свои страницы описанію скандальнаго происшествія съ г. Юркевичемъ. Быть можетъ, онъ окажется достойнымъ наслѣдникомъ Конрада Лиліеншвагера. Но пока надежды эти осуществятся, не худо принять къ свѣдѣнію свистунамъ, что Конрадъ Лиліеншвагеръ былъ получше ихъ, но никогда не свистѣлъ надъ вещами, которыя и на свѣтъ-то божій чудомъ выползли, пройдя мимо двадцати аргусовъ. Можно сколько угодно ругать «Время»; оно дѣйствительно безо-

бразно; но смѣяться надъ «Мертвымъ домомъ», значитъ подвергать себя опасности получить замѣчаніе, что подобныя произведенія пишутся собственной кровью, а не чернилами съ вице-губернаторскаго стола.

Этотъ фактъ повидимому незначителенъ, но въ сущности онъ свидѣтельствуетъ о такого рода построеніи въ мозгу свистуна: этотъ журналъ безобразенъ, слѣдовательно слѣдуетъ ругать все, что тамъ ни помѣщается. Помѣсти «Время» или «Русскій Вѣстникъ» драму Шекспира, перемѣнивъ только заглавіе, и драма очутится въ свисткѣ. Вотъ нѣкто, занимающійся разрытіемъ давно погибшихъ героевъ, гг. Перозіо и Стасова, возвѣщалъ, что онъ напишетъ двадцать такихъ книжекъ какъ «Время». А между тѣмъ этотъ нѣкто со всѣми прочими сотрудниками «Современника», исключая автора «Что дѣлать?» не написали еще ничего, что бы можно было сравнить съ нѣсколькими страницами «Мертваго дома» Ф. Достоевскаго. Совѣтую гг. свистунамъ «Современника» бросить вице-губернаторскій тонъ. Свистѣть, такъ свистѣть, а не распекать.

Господи Іисусе! Какъ это мозгъ мой выдержалъ все то, что я прочиталъ!? Какъ не попалъ я въ домъ умалишенныхъ и тѣмъ самымъ не доказалъ на себѣ справедливость угрозы г. Робера! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтопредставленіе не заставитъ себя ждать. Признаки его уже есть. «Сѣверная Пчела» проповѣдуетъ курамъ, Громека трубитъ во всѣ семь трубъ сразу и наконецъ всѣ вмѣстѣ изображаютъ собой число звѣрино—666. Конечно, всѣхъ столько не наберется, но это нужно понимать аллегорически, брать въ разсчетъ не столько количество, сколько качество. Притомъ и за количественными счетами дѣло не станетъ: г. Краевскій + г. Павловъ, одни составляютъ гораздо болѣе, чѣмъ число звѣрино.

— Трахъ-трахъ-тарарахъ! Громъ и молнія! Изверженіе Везувія, взятіе Карфагена, Синопское сраженіе! Бомба отрицанія!—неистовствуетъ г. Громека.

— И я прохаживался насчетъ клубнички, мелодично утверждаетъ г. Полонскій.

— Но что я пишу! Господи, что я пишу! въ отчаяніи восклицаетъ г. Григорьевъ.

— Свобода есть стѣсненіе, возвѣщаетъ г. Роберъ.

— Vive le roi! кричитъ г-жа Евгенія Туръ.

— Любовь къ торговлѣ основана на сказкахъ няни, доказываетъ г. Варнекъ.

— Эхъ мы филины, горькіе филины! восклицаетъ хоръ.

— М-му—ура! мычитъ г. Катковъ въ видѣ пасущагося Навуходоносора. Гг. Игдевъ и Григоровичъ прыжками приближаются къ карману г. М. Достоевскаго.

Проходитъ г. Юркевичъ. Всѣ зажимаютъ носы. Занавѣсъ падаетъ.

БѢДА ОТЪ БЕЗДѢЛЬЯ.

Биржа, биржевые посредники и биржевыя операціи. А. Дмитріева. С.-Пб. 1863. 12°. 147 стр.

Горе лихоимцамъ!

Наша журналистика не обратила вовсе вниманія на эту книжонку, которая появилась еще въ февралѣ нынѣшняго года. А между тѣмъ она заслуживаетъ вниманія, не столько, впрочемъ, по ея новости или занимательности содержанія, сколько по смѣлости замысла самого автора.

До сихъ поръ у насъ, кажется, никто еще не рѣшался открыто возставать противъ общественнаго «предразсудка», который клеймитъ всякаго биржевого спекулятора названіемъ азартнаго игрока. Г. Дмитріевъ первый задумалъ вступить въ борьбу съ подобнымъ предразсудкомъ и написалъ сочиненіе въ защиту биржевой игры. Къ сожалѣнію, такая смѣлость въ настоящее время уже не рѣдкость и потому не могла возбудить удивленія въ нашей журнальной литературѣ. Мало ли мы видѣли героевъ, которые безжалостно отпѣли самихъ себя и заживо похоронили.

«Въ виду реформъ, совершающихся въ нашемъ отечествѣ» (такъ любятъ выражаться теперь либералы), г. Дмитріевъ принимаетъ на себя роль биржевого реформатора и предлагаетъ завести на нашей биржѣ азартную спекуляцію... для общественной пользы! Желая доказать необходимость такой реформы, г. Дмитріевъ очень наглядно, даже художественно представляетъ плачевное состояніе нашей биржи, таинственность ея операцій, продѣлки маклеровъ, «завяданіе и замираніе» акціонерныхъ бумагъ и, наконецъ, несостоятельность и застой всѣхъ почти промышленныхъ предпріятій. Причина такого отчаяннаго положенія дѣлъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что наша биржа устроена не по-европейски и, по закону, на ней

запрещается совершать *срочныя* сдѣлки, будто порождающія ажіотажъ, самую опасную и безнравственную игру.

Г. Дмитріевъ говоритъ: «Массы послѣдовали смутнымъ понятіямъ (правительствъ) о биржевой дѣятельности и, пойдя далѣе, заклеймили всякій биржевой оборотъ названіемъ ажіотажа, а каждаго биржевого дѣятеля (т. е. спекулятора)—названіемъ игрока. Игра, ажіотажъ *дѣйствительно* существуютъ на биржѣ, но какъ злоупотребленіе, и притомъ существуютъ какъ при оборотахъ на срокъ, такъ и при оборотахъ на наличное... Изъ всѣхъ данныхъ—прямой, раціональный выводъ есть слѣдующій: если, боясь злоупотребленій, воспрещать совершеніе операцій срочныхъ, то, предупреждая тѣ же злоупотребленія, должно воспретить и обороты на наличное, а потому, какъ ни къ чему негодныя учрежденія, биржи вовсе закрыть.» (Стр. 88 — 90).

Все или ничего! Свобода ажіотажа или закрытіе биржи! Такъ проповѣдуетъ г. Дмитріевъ. Какой, право, радикальный реформаторъ! Какая у него сила логики!—Если нельзя искоренить мошенничества, то слѣдуетъ допустить и грабежъ; если извинять драку, то должно узаконить убійство.—Развѣ можно опровергать выводы такой строгой, безукоризненной логики! Неужели найдется человѣкъ, который хотя на минуту усомнится въ ихъ непогрѣшимости! И такъ, если маленькое зло оправдываетъ большое, если мошенничество извиняетъ грабежъ, а драка — убійство, то, допуская биржевыя сдѣлки на наличное съ ихъ злоупотребленіями, законъ долженъ разрѣшить и биржевую игру со всѣми ея позорными и пагубными послѣдствіями. Того требуетъ логика г. Дмитріева, который кромѣ того доказываетъ, что всѣ узаконенія и полицейскія мѣры противъ ажіотажа никогда не могли поразить или извести его. Ни страхъ наказанія, ни потеря чести, ни конфискація,—ничто не могло образумить биржевыхъ игроковъ. Вотъ почему, по словамъ г. Дмитріева, послѣ всѣхъ треволненій, ажіотажъ, «во всемъ его объемѣ вкоренился на французской биржѣ». И такъ биржевая игра — историческая необходимость, противъ которой возставать безполезно. Зачѣмъ преслѣдовать ее? Зачѣмъ, наконецъ, стараться уничтожать мошенничество, грабежъ или убійство? Развѣ законы могутъ искоренить эти преступленія?! Если они продолжаютъ совершаться, если они, такъ сказать, сдѣлались будничными фактами, то «наука говоритъ, что они имѣютъ законное основаніе, естественную причину быть, жить, существовать» (См. стр. 62.)

Такова логика, на основаніи которой защищается биржевая игра въ сочиненіи г. Дмитріева. Но это еще не все. Г. Дмитріевъ не довольствуется выводами своей логики и фатализмомъ преступленія. Желая окончательно убѣдить читателя, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, онъ приводитъ мнѣнія о биржевой игрѣ Мирабо, министровъ Наполеона I... и даже Прудона, написавшаго извѣстное сочиненіе, подъ названіемъ: «Руководство биржевого спекулятора». Вотъ между прочимъ выписка, которую сдѣлалъ г. Дмитріевъ изъ этого сочиненія.

«Запрещеніе срочныхъ сдѣлокъ остановило бы торговлю, обращеніе капиталовъ и произведеній, все равно какъ желаніе не допускать злоупотребленій собственности повело бы къ уничтоженію самой собственности. (Стр. 102.)

Кто прочитаетъ эту выписку, пожалуй подумаетъ, что Прудонъ въ самомъ дѣлѣ доказываетъ необходимость оборотовъ на срокъ и оправдываетъ биржевую игру. Такое заключеніе, однако, будетъ совершенно ошибочно, потому что Прудонъ смотритъ на биржевыя дѣла иначе, чѣмъ г. Дмитріевъ, которому угодно было выставить знаменитаго публициста своимъ единомышленникомъ.

Вотъ подлинное сужденіе Прудона.

«Сдѣлки на срокъ представляютъ настоящее поле битвы игорной спекуляціи. *Запретить* ихъ—значило бы сократить на 99 сотыхъ болѣе или менѣе вредныхъ операцій, которыя совершаются на биржѣ. Тогда множество людей, которые, даже не имѣя капиталовъ, ведутъ теперь огромныя дѣла безъ усилій и риска, живутъ роскошно и весело пируютъ, принуждены были бы работать для добыванія насущнаго хлѣба.

«*По несчастію*, продолжаетъ Прудонъ, запрещеніе срочныхъ сдѣлокъ остановило бы торговлю, обращеніе капиталовъ и произведеній, все равно, какъ желаніе не допускать злоупотребленій собственности, повело бы къ уничтоженію самой собственности. Для искорененія злоупотребленій, безъ посягательства на учрежденіе, необходима система такихъ средствъ, которыя предполагаютъ цѣлый переворотъ въ общественной экономіи.» (*Proudhon*. Manuel du spéculateur à la Bourse. 1857, p.p. 86 — 87).

И такъ оказывается, что г. Дмитріевъ выхватилъ изъ этого разсужденія нѣсколько фразъ, которыя составляютъ малую посылку, и

представилъ ихъ, какъ настоящее мнѣніе Прудона. Что же касается большой посылки его силогизма, выраженія «по несчастію» и, наконецъ, самаго заключенія, то г. Дмитріевъ нашелъ все это лишнимъ и негоднымъ. Искусная операція — нечего сказать! Вотъ до чего доводитъ желаніе бороться съ общественнымъ предразсудкомъ, который клеймитъ ажіотажъ, т. е. биржевыя сдѣлки на срокъ.

Г. Дмитріевъ защищаетъ свободу ажіотажа на томъ же основаніи, на какомъ нѣкоторые экономисты отстаиваютъ свободу лихоимства. Недавно еще, въ статьѣ нашей «Деньги и торговля», мы имѣли случай указать на сочиненіе «Банки» французскаго экономиста Курсель-Сенёля, которое перевелъ у насъ г. В. Безобразовъ. Въ этомъ сочиненіи, между прочими диковинками, доказывается, что законы противъ лихоимства безнравственны, вредны, смѣшны и нелѣпы, потому что нарушаютъ право собственности, подрываютъ кредитъ, мѣшаютъ его развитію и, притомъ, ихъ всегда легко обойдти.

Въ своей книжкѣ г. Дмитріевъ прибѣгаетъ къ подобному же способу доказательства необходимости и пользы биржевыхъ сдѣлокъ на срокъ. Онъ утверждаетъ, что наши законы несправедливо преслѣдуютъ эти сдѣлки за ажіотажъ, потому что онъ вкоренился и въ обороты на наличное, которые дозволены. Кромѣ того по его мнѣнію подобные законы производятъ только застой биржевыхъ дѣлъ', упадокъ акціонерныхъ бумагъ, разстройство промышленныхъ предпріятій и всегда гибельно дѣйствуютъ на развитіе кредита. Поэтому нужно: или отмѣнить эти законы, т. е. объявить свободу ажіотажа и допустить каждаго играть на биржѣ, или, во имя справедливости, вовсе закрыть биржи.

Короче—свобода лихоимства, обмана, мошенничества, банкротства и разврата—таковъ долженъ быть законъ биржевыхъ сдѣлокъ. Безъ этой свободы у насъ не будетъ ни кредита, ни промышленности, и мы должны разъ на всегда отказаться отъ экономическаго прогресса, матеріальнаго благосостоянія и осудить себя на безвыходное варварство. «Не посягайте на свободу биржевой спекуляціи! кричатъ защитники лихоимства и ажіотажа. Запрещать сдѣлки на срокъ значитъ наносить смертельный ударъ общественному кредиту, всей промышленности и губить въ зародышѣ всякое геніальное предпріятіе, которое можетъ обогатить, возвеличить и прославить наше отечество».

Да не смущается умъ нашъ отъ тѣхъ нелѣпыхъ софизмовъ, которыми хотятъ прикрыть преступленія ажіотажа. Мы знаемъ, какими

напыщенными фразами стараются иногда искажать здравый смыслъ легковѣрныхъ, развращать ихъ воображеніе и разжигать страсти. Потрудитесь только вникнуть какъ слѣдуетъ, въ значеніе этихъ фразъ, и вы не найдете въ нихъ, ничего, кромѣ жалкой софистики, наглаго лицемѣрія и преступныхъ цѣлей. Вотъ почему всякое разсужденіе о пользѣ и необходимости биржевой спекуляціи, о ея мнимыхъ услугахъ промышленности и т. п.—ничто иное, какъ декламація и нелѣпость, прямая цѣль которой поддерживать легкомысліе и довѣрчивость и прикрывать мошенничество. Биржевая игра и ажіотажъ не имѣютъ ничего общаго съ производительною промышленностью; они только подрываютъ ее и губятъ. Посмотрите на что похожи теперь биржи Парижа, Лондона, Гамбурга и другихъ городовъ! Развѣ онѣ выполняютъ свое назначеніе служить мѣстомъ для серьезныхъ и дѣйствительно полезныхъ торговыхъ сдѣлокъ? Нисколько. Эти биржи обратились въ игорные дома, въ настоящіе вертепы разврата, гдѣ ежедневно теряютъ свою честь и достояніе тысячи людей, увлекаемыхъ туда глупостью, праздностью, безумною страстью къ игрѣ и надеждою на выигрышъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ажіотажъ, обманъ и мошенничество исказали смыслъ биржевыхъ операцій, всѣ честныя торговыя сдѣлки стали уже неумѣстными на заграничныхъ биржахъ. Обороты на наличное и размѣнъ производятся теперь почти исключительно въ банкахъ и въ разныхъ учетныхъ конторахъ, а закупка товаровъ совершается при содѣйствіи коммисіонеровъ, или прямо на фабрикахъ, заводахъ, въ докахъ и другихъ складахъ. Такимъ образомъ настоящіе покупщики и продавцы не сходятся на биржахъ и заботливо обѣгаютъ ихъ, зная напередъ, что тамъ встрѣтятъ только азартныхъ игроковъ и ростовщиковъ, которые чуждаются честныхъ сношеній.

И послѣ этого у насъ находятся еще люди, которые предлагаютъ, для пользы торговли и развитія кредита, устроить наши биржи по образцу иностранныхъ, другими словами—обратить ихъ въ игорные дома! Если мы не можемъ сравняться съ французами и англичанами въ умственномъ развитіи и въ промышленности, то неужели должны стараться догнать ихъ въ развратѣ и для этого заводить у себя биржевую игру?!

Г. Дмитріевъ говоритъ: «Западныя биржи далеко опередили насъ въ благоустройствѣ биржевыхъ оборотовъ».

Въ чемъ же состоитъ это благоустройство, которое такъ нравится

нашему биржевому реформатору? Что же дурного находитъ онъ, наконецъ, въ устройствѣ нашихъ биржъ?

«Въ настоящее время, когда у насъ поднято столько вопросовъ, когда благонамѣренная гласность и т. д.», г. Дмитріевъ, зараженный либерализмомъ, бичуетъ нашу биржу за негласность ея операцій и обличаетъ злоупотребленія маклеровъ. Все это въ порядкѣ вещей, и намъ остается только благодарить автора «Биржи» за подобныя обличенія. Мало того: его описаніе петербургской биржи такъ живо и художественно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи представить его читателю, которому не случалось заглядывать въ нашъ столичный храмъ спекуляціи. Это описаніе тѣмъ болѣе интересно, что г. Дмитріевъ съумѣлъ придать ему такую форму, что оно годится даже для постановки на сцену.

> «Положимъ, говоритъ г. Дмитріевъ, что X. есть такое лицо, которое знаетъ биржевую науку (?!), но впервые является на петербургскую биржу».

Остановимся на минуту, чтобы замѣнить, для ясности, букву X фамиліею самого автора. Мы позволяемъ себѣ подобную замѣну на томъ основаніи, что г. Дмитріевъ знаетъ таинства биржи и притомъ въ своемъ сочиненіи, приводя разные примѣры, самъ употребляетъ фамиліи Попова, Семенова и др. И такъ—

> «Дмитріевъ входитъ въ залу петербургской биржи и, на первыхъ же порахъ, озадаченъ: вмѣсто оживленія, конкуренціи, диспута, которые онъ надѣялся встрѣтить на биржѣ, онъ входитъ въ такую залу, въ которой отъ полутораста до двухъ сотъ человѣкъ тихо, почти шопотомъ говорятъ о чемъ-то другъ съ другомъ. Походивъ по залѣ, Дмитріевъ останавливается у одной, другой, третьей группы (которыя рѣдко состоятъ изъ нѣсколькихъ лицъ, а всегда почти изъ двухъ человѣкъ); но лица составляющія эти группы, смотрятъ на Дмитріева съ недоумѣніемъ, подозрѣніемъ, перемѣняютъ мѣста и удаляются. Наконецъ, Дмитріевъ проситъ указать ему какого-нибудь изъ биржевыхъ маклеровъ. Ему, *пожалуй*, скажутъ фамилію какого либо маклера, положимъ Барышникова, и посовѣтуютъ поискать его въ залѣ, поразспросить о немъ у другихъ... Послѣ пяти, десяти минутъ, четверти часа поисковъ, Дмитріевъ открываетъ Барышникова».
>
> Между ними завязывается слѣдующая сцена:
>
> «Дмитріевъ подходитъ къ Барышникову и объясняетъ ему, что намѣренъ заняться биржевою операціею и проситъ объявить: какая цѣна, положимъ, акцій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ?

Барышниковъ.—Вчера акціи были сдѣланы по 120 рублей.

Дмитріевъ.—Извините, я спрашиваю цѣну теперешнюю, настоящей минуты, а не вчерашнюю.

Барышниковъ.—(Смотритъ на Дмитріева съ недоумѣніемъ и, затѣмъ рѣшаетъ, что онъ на петербургской биржѣ новичокъ). Да позвольте, вы что такое желаете: купить или продать?

Дмитріевъ.—(Въ свою очередь смотритъ на Барышникова съ недоумѣніемъ). Развѣ у васъ не установлена цѣна, и развѣ она не одна и та же, какъ для покупки, такъ и для продажи?

Барышниковъ.—Дѣлъ теперь очень мало... да вамъ что же: купить или продать?

Дмитріевъ.—Положимъ купить.

Барышниковъ.—Ну, не знаю есть ли сегодня продавцы... Покупщики-то имѣются въ виду... впрочемъ я полагаю, что можно будетъ сдѣлать, приблизительно, какъ и вчера, то есть по 120 рублей.

Дмитріевъ.—Вотъ какъ... ну при такой цѣнѣ я пріудержусь покупкой, а пожалуй бы продалъ по этой же цѣнѣ. Можете ли вы мнѣ это устроить.

Барышниковъ.—Я полагаю, что можно... пожалуй по 119 съ четвертью дадутъ.

Дмитріевъ.—Какъ такъ? для покупки вы мнѣ предлагаете цѣну въ 120 р., а для продажи въ 119.

Барышниковъ.—Да-съ. Это такъ.

И кончено»—заключаетъ авторъ биржевой комедіи.

Вотъ на какія продѣлки пускаются наши биржевые маклера—эти офиціальные посредники торговыхъ сдѣлокъ, которые, при поступленіи на должность, клянутся не обманывать продавцовъ и покупателей, не барышничать и не брать взятокъ! Биржевые маклера служатъ не изъ чести, а получаютъ за свое посредничество извѣстную плату, *куртажныя* деньги, которыя даютъ имъ торгующіе на биржѣ при заключеніи сдѣлокъ. По закону, эта плата назначается пополамъ съ покупателя и продавца, по полупроценту *съ каждаго*, а по денежнымъ и вексельнымъ переводамъ—по четверти процента. (Св. Гр. Зак. т. XI, ч. 2, ст. 2473). Такимъ образомъ биржевой маклеръ беретъ 1% съ продажной цѣны товара, и ½ % съ цѣны акцій, облигацій и прочихъ торговыхъ бумагъ, которыя продаются и покупаются при его посредничествѣ. Получая такое хорошее вознагражденіе за свой трудъ, (труда особеннаго тутъ впрочемъ совсѣмъ нѣтъ), казалось бы что маклеръ не станетъ гоняться за непозволительными барышами и будетъ исполнять свое дѣло по совѣсти. Однако въ дѣйствительности маклера не отличаются безкорыстіемъ. Изъ разсказа

г. Дмитріева видно, что, не довольствуясь куртажемъ, они усвоили наглую привычку произвольно назначать цѣны и барышничать насчетъ покупателей и продавцовъ. Когда маклеру поручаютъ купить, то онъ покупаетъ по самой дорогой цѣнѣ, а продать, такъ онъ продаетъ по цѣнѣ самой дешевой и, въ заключеніе, разницу между цѣной покупной и продажной кладетъ въ свой карманъ. Какъ вамъ нравится такое посредничество!

Но это еще не все. По закону «биржевой маклеръ за производство торга на свой счетъ, или же по коммисіямъ и участкамъ въ торговыхъ товариществахъ подвергается наказанію». Не взирая на это положительное запрещеніе биржевые маклера торгуютъ, однако, на свой счетъ не только въ зданіи биржи, *но даже и на сторонѣ*. Вотъ что сообщаетъ г. Дмитріевъ. —

«Бываетъ, *и весьма часто бываетъ*, вотъ какъ: утромъ до биржи, или вечеромъ послѣ биржи, маклеръ является къ кліенту, передаетъ ему, что, по только что полученнымъ имъ, маклеромъ, извѣстіямъ, такія-то бумаги должны упасть въ цѣнѣ, или же наоборотъ, что онѣ должны повыситься, и затѣмъ объясняетъ, въ первомъ случаѣ, возможность, пока еще *будто бы* полученныя имъ свѣдѣнія не разошлись въ публикѣ, выгодно сбыть эти бумаги, а за симъ тутъ же, въ кабинетѣ кліента покупаетъ ихъ, *будто бы* для сбыта другому лицу; а во второмъ случаѣ, тутъ же въ кабинетѣ кліента, продаетъ ему бумаги. Такимъ образомъ маклеръ покупаетъ и продаетъ *внѣ биржи*. Наступаетъ въ тотъ же день, если дѣло было утромъ, время открытія биржи, а если дѣло было вечеромъ, то на другой день, и кліентъ узнаетъ, что *онъ обманутъ*, грубо обманутъ. Но маклеръ увѣряетъ его, что дѣла приняли, въ промежуткѣ времени, другой оборотъ и что обмана не было». (стр. 37).

Въ этой маклерской продѣлкѣ обнаруживается: двойное нарушеніе закона (производство торга на свой счетъ и внѣ биржи), умышленная ложь; воровство-кража, возмутительная наглость и, въ довершеніе всего— безнаказанность, потому что обманутый и обкраденный кліентъ самъ виноватъ и, притомъ, не можетъ уличить вора. Извольте послѣ этого имѣть дѣла съ такими посредниками, которые не только обманываютъ своихъ довѣрителей въ публичномъ мѣстѣ, но забираются тайкомъ обкрадывать ихъ и на квартирѣ!

Вступать въ какія-нибудь сношенія съ маклерами, даже на биржѣ, очень опасно.

Разумѣется, г. Дмитріевъ не высказалъ и сотой доли тѣхъ злоупот-

ребленій, которыя совершаются на биржѣ, всегда въ ущербъ спекулянторамъ, не посвященымъ въ ея таинства. Кто виноватъ? Неужели вся тяжесть вины падаетъ на маклеровъ, недобросовѣстно исполняющихъ свою обязанность? Понятно, что оправдывать ихъ нельзя, потому что маклеръ все-таки человѣкъ и долженъ, кромѣ знанія законовъ, знать и честь. Законъ, предвидя основательно, что маклера могутъ легко злоупотреблять общественнымъ довѣріемъ, помимо всѣхъ постановленій, опредѣляющихъ ихъ обязанности, преподаетъ этимъ офиціальнымъ посредникамъ такое наставленіе: «Биржевые маклера, по долгу совѣсти и для пріобрѣтенія къ себѣ бо́льшаго довѣрія, должны, при всей услужливости, оказывать во всѣхъ случаяхъ честность и совершенное нелицепріятіе. Зная всѣ отношенія коммерческія по своей части, биржевой маклеръ обязанъ служить своему довѣрителю, предостерегая его въ случаѣ обмана или вреда. Тѣмъ болѣе маклеръ не долженъ принимать порученія, въ которомъ виденъ умыселъ къ подлогу или обману».

Подобныя наставленія сами по себѣ безспорно очень хороши. Къ сожалѣнію, они не исправляютъ и не дѣлаютъ честными такихъ людей, которые ежедневно заботятся только о барышахъ и измышляютъ, какъ-бы поискуснѣе смастерить какую нибудь продѣлку такъ, чтобы она была прибыльна и, въ то же самое время, могла пройдти безнаказанно. Одинъ лишь развѣ страхъ публичнаго позора и гласнаго шельмованія можетъ еще нѣсколько обуздать человѣка, который поминутно норовитъ обмануть всякаго, кто принужденъ имѣть съ нимъ дѣло. А всѣ эти поучительныя слова—*долженъ*, *обязанъ* и т. п. обращаются для него въ пустые, безсмысленные звуки, которые не тревожатъ совѣсти, усыпленной денежными разсчетами и разными хитрыми соображеніями.

По нашимъ законамъ, всѣ маклера должны избираться изъ мѣщанъ и купцовъ, *«преимущественно изъ невинно-упадшихъ»*, т. е. изъ несчастныхъ банкротовъ. На этомъ основаніи, подъ страхомъ наказанія, имъ строго запрещено заниматься торговлею на свой счетъ, вести вексельные и денежные обороты, покупать и продавать акціи, давать въ займы подъ залоги и пр. Въ сводѣ законовъ говорится: «нотаріусы и маклеры должны быть вообще люди добрые, опытные, во всѣхъ торгахъ искусные и, притомъ, грамотные». Какъ посредники торговыхъ сношеній, договоровъ и сдѣлокъ, маклера конечно должны быть посвящены въ тайны торгашества и потому, до назна-

ченія на эту должность, обязаны представить свидѣтельство, что изучали торговое искусство въ купеческой или банкирской конторѣ, или были, по крайней мѣрѣ, долгое время приказчиками. Кромѣ того, каждый маклеръ долженъ быть непремѣнно русскимъ подданнымъ и имѣть отъ роду не менѣе тридцати лѣтъ.

При петербургскомъ портѣ числится сто биржевыхъ маклеровъ. Они выбираются купцами первой и второй гильдіи, ведущими на биржѣ торговые обороты, и окончательно утверждаются въ этомъ званіи департаментомъ внѣшней торговли, который даетъ имъ право носить въ петлицѣ дощечку съ надписью—*«биржевой маклеръ»*. Изъ разсказовъ г. Дмитріева видно, что маклера не только не пользуются этимъ правомъ, но даже какъ будто стыдятся надѣвать свой знакъ отличія и тѣмъ самымъ заставляютъ посѣтителей биржи тратить время въ поискахъ за собой. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, гораздо лучше было бы, взамѣнъ установленной дощечки, разрѣшить маклерамъ носить на биржѣ красныя фуражки, или сюртуки яркаго цвѣта; такія отличія, по крайней мѣрѣ, скорѣе бросятся въ глаза посѣтителей, чѣмъ дощечка въ петлицѣ.

И такъ, правила назначенія и выбора маклеровъ, ихъ прошедшая жизнь и родъ занятій на биржѣ—все это по-настоящему должно бы налагать на купцовъ-избирателей непремѣнную обязанность зорко слѣдить за поведеніемъ биржевыхъ посредниковъ и, въ случаѣ противозаконнаго и безнравственнаго поступка, немедленно представлять ихъ къ отрѣшенію отъ должности и судить гласнымъ коммерческимъ судомъ. Того требуетъ не только общественная нравственность, но и прямой интересъ самаго купечества. Почему же, спрашивается, купцы, выбирающіе маклеровъ, не обращаютъ вовсе вниманія на поведеніе этихъ посредниковъ въ отношеніи публики, посѣщающей биржу? Неужели потому, что для банкировъ, негоціантовъ, первостатейныхъ купцовъ и прочей биржевой знати каждый маклеръ всегда является покорнымъ и усерднымъ слугою, готовымъ ловить на-лету всякое порученіе?! Дѣйствительно: передъ владыками нашего торговаго міра биржевые маклера ведутъ себя съ неподражаемымъ тактомъ; «вся ихъ неповоротливость, угрюмость, сонливость, какъ выражается г. Дмитріевъ, исчезаетъ при созерцаніи финансоваго величія извѣстнаго банкира или негоціанта. Не удивительно, послѣ этого, если биржевые бароны всегда готовы защищать маклеровъ, какъ дѣловыхъ людей, безпрекословно и охотно исполняющихъ порученія сво-

ихъ кліентовъ. Конечно, имъ и въ голову не приходитъ, чтобы маклеръ могъ заставить искать себя, упрашивать, казаться «мрачнымъ, равнодушнымъ», возражать — «*но, не знаю, увидимъ*», а тѣмъ болѣе рѣшаться на обманъ, злоупотреблять довѣріемъ поручителя! А между тѣмъ извѣстно, что такъ поступаютъ маклера въ отношеніи тѣхъ мелкихъ капиталистовъ, большею частью фабрикантовъ, заводчиковъ, которые изрѣдка посѣщаютъ биржу для справокъ или ведутъ на ней небольшіе обороты, не для ажіотажа, а съ производительною цѣлью. Пора, въ самомъ дѣлѣ, обратить серьезное вниманіе на то, что подобный образъ дѣйствій биржевыхъ маклеровъ не только противозаконенъ, но и положительно вреденъ для торговли и промышленности. Пора, наконецъ, сообразить почему со дня на день наша публика начинаетъ все менѣе и менѣе довѣрять честности офиціальныхъ посредниковъ биржевыхъ сдѣлокъ. Причина этого недовѣрія очевидна: наши биржевые маклера, которымъ должны повѣрять свое состояніе, а иногда и самую честь, сотни, тысячи людей, не даютъ сами за себя никакого матеріальнаго или денежнаго ручательства, на случай неумышленнаго или злостнаго банкротства. Нашъ маклеръ можетъ начать и продолжать свою службу безъ всякихъ средствъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія закона или открытаго мошенничества, онъ подвергается ничтожному денежному штрафу и отрѣшается отъ должности. Такимъ образомъ кліентъ, обманутый и разоренный своимъ маклеромъ, не можетъ ожидать никакого вознагражденія за понесенные имъ убытки. На парижской биржѣ, по крайней мѣрѣ, каждый офиціальный маклеръ обязанъ заранѣе внести за себя залогъ въ 250 тысячь франковъ въ кассу синдикальной палаты. Этотъ залогъ, разумѣется, слишкомъ малъ сравнительно съ массою оборотовъ, которые совершаются при посредничествѣ парижскаго маклера; при всемъ томъ, ему довѣряютъ ежедневно громадныя суммы. Кромѣ того, въ случаѣ банкротства биржевого маклера, за него отвѣчаютъ всѣ товарищи, а убытки кліентовъ, если не сполна, то хотя частію, покрываются изъ общей синдикальной кассы. При такомъ взаимномъ ручательствѣ, парижскіе маклера все таки не рѣдко совершаютъ преступленія и разоряютъ своихъ довѣрителей. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, изъ числа ста двадцати маклеровъ парижской биржи — 4 застрѣлились отъ отчаянія, а 61 чел. объявили себя банкротами и нанесли огромный ущербъ своимъ кредиторамъ. (*Coffinières*. De la Bourse et des spéculations sur les effets publics).

Изъ 120 официальныхъ маклеровъ — 65 банкротовъ, болѣе или менѣе злостныхъ! Такой фактъ очень поучителенъ; онъ не поражаетъ только тѣхъ, которые, вмѣстѣ съ г. Дмитріевымъ, желаютъ завести на нашей биржѣ срочные обороты, т. е. биржевую игру.

Съ 1856 года у насъ возникло множество разныхъ компаній, которыя завалили биржу грудою всевозможныхъ акцій и облигацій. Съ того самаго времени на ней сталъ укореняться негласный, таинственный ажіотажъ, эта язва промышленности, которая грозитъ принять опасные размѣры. Настаетъ пора приподнять завѣсу, за которою прячется заразительная спекуляція. Кто подыметъ эту завѣсу? Кто повѣдаетъ намъ тайны нашего ажіотажа? Чистосердечный маклеръ—иль никто. Всякая биржа—настоящая арена, проще говоря—позорище, на которомъ ежедневно разыгрываются ужасающія драмы или уморительныя комедіи. Спекуляторы, какъ дѣйствующія лица биржевыхъ драмъ и комедій, часто мѣняютъ свои роли и по временамъ сходятъ со сцены, въ случаяхъ конечнаго разоренія. Одни только маклера, по своей обязанности, должны сохранять постоянно одну и ту же роль безстрастныхъ посредниковъ между бойцами-спекуляторами. Но развѣ такая роль возможна?! Развѣ она по силамъ человѣка, этого слабаго, грѣшнаго существа, которое такъ легко поддается искушенію и увлекается слѣпою страстью?! Гдѣ тотъ примѣрный человѣкъ, который устоитъ противъ чарующаго соблазна или, среди полнаго разгара страстей, останется безстрастнымъ?

Тяжела, мучительна твоя служба, маклеръ. На какую страшную пытку самоотверженія обрекаетъ тебя званіе посредника биржевыхъ сдѣлокъ! 65 парижскихъ маклеровъ, изъ числа 120, пали жертвою искушенія. Бѣдные! имъ показалось мало получать на брата ежегодно болѣе 1,300,000 франковъ куртажа; они не могли выдержать роли безстрастныхъ посредниковъ, стали играть на свой и на чужой счетъ, пока не обанкротились. Кто рѣшится обвинять этихъ невинно-падшихъ! Кто не боленъ въ нашъ вѣкъ горячкой обогащенія?!

Частыя банкротства парижскихъ маклеровъ, однако, обратили на себя вниманіе французскаго правительства. По распоряженію его, маклеры должны представлять теперь залогъ не въ 125,000, какъ это дѣлалось прежде, а вдвое больше,—т. е. 250,000 фр. Мало того: биржевая игра до такой степени развратила французское об-

щество, что Наполеонъ III принужденъ даже выражать въ *Мони-терѣ* свою благодарность тѣмъ писателямъ, «которые, по внушенію благороднаго чувства, клеймятъ пагубныя увлеченія биржевой спекуляціей». О времена, о нравы!

«На нашей биржѣ дѣла идутъ тихо. На нашей биржѣ вовсе безъ дѣлъ». Такъ гласятъ ежедневно «Биржевыя Вѣдомости», газета политики и финансовъ. Странно! почему эта газета не знакомитъ публику съ тайнами нашей биржи, а сообщаетъ только вексельные курсы, цѣны вывозныхъ товаровъ, акцій, облигацій разныхъ обществъ? Неужели гофъ-маклеръ не можетъ передавать другихъ биржевыхъ новостей, болѣе интересныхъ? Конечно, намъ полезно знать, что сало запродано по такой-то цѣнѣ, что съ хлѣбомъ безъ дѣлъ и пр. Но что подѣлываютъ наши биржевые маклера? Сколько они получаютъ въ годъ куртажа съ товаровъ и разныхъ торговыхъ бумагъ? Довольны ли они установленными процентами — или желаютъ получать меньше? Читали ли книжку г. Дмитріева? Раздѣляютъ ли его мнѣніе, что петербургская биржа не удовлетворяетъ требованіямъ здраваго смысла, потому что ея операціи таинственны, негласны? Протестуютъ ли они во имя общественной нравственности противъ его предложенія завести на нашей биржѣ срочныя сдѣлки, запрещенныя закономъ? Или, можетъ быть, такія сдѣлки уже давно существуютъ негласно? Что думаютъ, наконецъ, эти офиціальные посредники относительно залоговъ? Вотъ вопросы, которые на первый разъ могутъ задать «Биржевыя Вѣдомости» нашимъ биржевымъ маклерамъ, съ тѣмъ, чтобы сообщить потомъ публикѣ ихъ отвѣты для гласнаго обсужденія. «Гласность и гласность громкая, звучная, нестѣсненная—вотъ первѣйшая необходимость, первѣйшее условіе, главнѣйшее качество всякой биржи. *Безъ этого качества биржа не существуетъ, не имѣетъ смысла.*» Такъ говоритъ г. Дмитріевъ.

Наши маклера, конечно, не изъ числа нигилистовъ; поэтому мы смѣло надѣемся, что на вопросъ о залогахъ они дадутъ положительный отвѣтъ. Развѣ можно, наконецъ, ожидать отрицанія отъ людей дѣловыхъ и положительныхъ?! Маклера, безъ сомнѣнія, заботятся о томъ, чтобы обезпечить свою будущность и съ этою цѣлью откладываютъ въ запасъ часть своихъ барышей, какъ говорится — на черный день. Слѣдуя такой логикѣ, они должны позаботиться и о своихъ кліентахъ, чтобы въ случаѣ несчастія не пустить ихъ по міру. Для достиженія этой похвальной цѣли, внесеніе залога пред-

ставляетъ хорошее средство; оно тѣмъ лучше, чѣмъ значительнѣе сумма обезпеченія. По нашему мнѣнію, ее можно назначить на первое время въ тысячь двадцать, не менѣе. Кромѣ того не мѣшаетъ, чтобы маклера отвѣчали другъ за друга, а за всѣхъ маклеровъ тѣ самые купцы, которые ихъ выбрали. Другими словами: каждый маклеръ долженъ отвѣчать своимъ залогомъ за себя и за своихъ товарищей, а избиратели-купцы своимъ состояніемъ за всѣхъ маклеровъ вообще и за каждаго порознь, когда сумма маклерскаго залога окажется недостаточной для покрытія убытковъ кредиторовъ биржевыхъ маклеровъ. Такая круговая порука представитъ примѣръ самой нѣжной, братской любви и благотворно подѣйствуетъ на биржевыя дѣла. Тогда уже г. Дмитріевъ не посмѣетъ сказать, что маклера возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе публики.

По нашимъ законамъ, всякій договоръ, заключенный безъ посредничества маклера, сохраняетъ свою силу, если онъ подкрѣпляется очевидными доказательствами. Публика пользуется этимъ закономъ и потому рѣдко прибѣгаетъ къ услугамъ маклеровъ и нотаріусовъ, чтобы не тратить лишнихъ денегъ. Въ большей части случаевъ эти услуги, притомъ, совершенно неумѣстны и на биржѣ. Такъ, напримѣръ, акціи у насъ выпускаются только *имянныя* и могутъ переходить изъ рукъ въ руки не иначе, какъ съ надписью, отмѣчаемой каждый разъ правленіемъ компаніи или общества. Въ послѣднее время исключеніе сдѣлано одному лишь главному обществу желѣзныхъ дорогъ; ему разрѣшено было выпустить акціи безъимянныя—на предъявителя. Справедливость требуетъ, чтобы подобное исключеніе было послѣднимъ, во избѣжаніе развитія ажіотажа. Акціонеръ, разумѣется, имѣетъ право передавать акцію другому за надписью; при всемъ томъ, продавая ее по извѣстной цѣнѣ, онъ долженъ бы отвѣчать за ея упадокъ, сохраняя конечно и право выкупа своей акціи, какъ векселя. Это заставило бы, по крайней мѣрѣ, каждаго акціонера слѣдить за дѣлами своего общества и не разсчитывать на ажіотажъ. Покупка и продажа акціонерныхъ бумагъ у насъ дозволена только за наличныя деньги, а не на срокъ. При такомъ условіи, благонамѣренный акціонеръ занимается тѣмъ, что спускаетъ свои акціи, когда онѣ въ цѣнѣ, и перекупаетъ, когда онѣ въ упадкѣ. Во время застоя, онъ терпѣливо выжидаетъ возвышенія курса и довольствуется дивидендомъ. Г. Дмитріевъ говоритъ —

Многіе полагаютъ, что весьма легко заниматься биржевыми оборотами и имѣть выгоду, удѣляя только время свободное отъ другихъ занятій... Биржа требуетъ постоянныхъ и неусыпныхъ заботъ. Биржевой дѣятель (спекуляторъ) долженъ постоянно слѣдить за ходомъ акціонерныхъ предпріятій, знать всѣ подробности этихъ дѣлъ, слѣдить за дѣйствіями и намѣреніями такихъ-то и такихъ-то правленій акціонерныхъ обществъ; предугадывать направленіе ихъ дѣйствій; посѣщать биржу не урывками, а постоянно, не пропуская ни одного дня... короче: биржа поглощаетъ все время биржевого дѣятеля (спекулятора).

Вотъ какіе практическіе, чтобы не сказать безнравственные, совѣты даетъ г. Дмитріевъ акціонерамъ, желающимъ наживаться безъ труда. Акціонеръ! брось свои честныя занятія и маршъ на биржу. Узнавай, выпытывай, подслушивай что дѣлается въ акціонерномъ мірѣ, пользуйся каждой благопріятной минутой для покупки и продажи акцій, барышничай въ ущербъ людей неопытныхъ, непосвященныхъ въ тайны биржи—и ты будешь богатъ, будешь жить безъ труда насчетъ ближняго. Но помни, однако, что биржа должна поглощать все твое время. Поэтому бѣгай туда ежедневно, не пропускай ни одной минуты. «Весьма часто бываетъ, что, для совершенія какого-либо оборота, надобно ожидать мѣсяцы, а иногда и годы, такой *четверти часа* биржевого собранія, во время которой тотъ оборотъ можетъ быть совершенъ удачно». Горе, горе тому спекулятору, который станетъ убивать свое время за честнымъ трудомъ и пожертвуетъ хоть однимъ биржевымъ днемъ.

«Изъ ста случаевъ будетъ девяносто девять, что подобный биржевой дѣятель получалъ, въ результатѣ отъ своихъ биржевыхъ занятій, разореніе и нищету.

Вотъ подъ какими страшными угрозами г. Дмитріевъ гонитъ на биржу акціонеровъ, алчущихъ барышей! Поклоняйтесь Плуту, языческому богу богатства, и ходите ежедневно въ храмъ, посвященный этому богу. Если богатство ваша цѣль, то не пренебрегайте средствами для ея достиженія. Пусть разоряются для васъ люди, которые надѣятся разбогатѣть честнымъ трудомъ! Трудъ—самое непріятное и быточное препровожденіе времени. То ли дѣло спекуляція, если ее вести какъ слѣдуетъ настоящему биржевому дѣятелю!

Стыдно и гадко становится за человѣка, когда подумаешь до какого разврата ума и сердца доводитъ его часто жажда обогащенія и отвращеніе отъ честнаго труда!

Въ сводѣ нашихъ законовъ говорится: «Биржа есть общее собраніе принадлежащихъ *къ торговому сословію* лицъ, которыя собираются въ одномъ мѣстѣ для взаимныхъ сношеній и сдѣлокъ по всѣмъ оборотамъ торговли и промышленности». Въ силу этого опредѣленія— торговать на биржѣ у насъ позволяется только банкирамъ, негоціантамъ, купцамъ, заводчикамъ, фабрикантамъ и подрядчикамъ на привозъ и отвозъ товаровъ. Сдѣлки между этими лицами совершаются при посредничествѣ офиціальныхъ маклеровъ. За свое содѣйствіе къ заключенію торговыхъ условій между прочими лицами—биржевые маклера отрѣшаются отъ должности и подвергаются наказанію. Цѣль подобныхъ постановленій весьма разумна. Она заключается въ томъ, чтобы не допускать на поле биржевыхъ спекуляцій людей, которые, не занимаясь сами производствомъ и торговлею, могутъ своимъ вмѣшательствомъ произвести вредное колебаніе цѣнъ, породить промышленные и торговые кризисы и дать ажіотажу самые чудовищные размѣры. Съ этимъ, конечно, согласится каждый промышленникъ, который ведетъ на биржѣ серьезныя дѣла. Но г. Дмитріевъ думаетъ иначе; онъ говоритъ—

> «Въ числѣ мѣръ, которыя должны способствовать успѣшному развитію биржевой институціи (вѣрнѣе — проституціи), мы считаемъ одною изъ важнѣйшихъ и вполнѣ справедливою—мѣру допущенія всѣхъ безъ различія классовъ населенія, въ томъ числѣ и дворянства, къ совершенію на биржѣ промышленныхъ операцій.»

И такъ, любезные соотечественники, г. Дмитріевъ приглашаетъ васъ на банкетъ биржевого ажіотажа. Приходите на биржу безъ всякой церемоніи; въ этомъ публичномъ мѣстѣ всѣ равны, потому что счастье въ игрѣ; слѣпое счастье не различаетъ сословій и одинаково везетъ какъ дворянину, такъ купцу или мѣщанину. Приходите же туда не разъ, не два, а почаще, если можно, то каждый день. Фортуна любитъ, чтобы за ней ухаживали, ловили ее и пытали. Гдѣ же искать эту своенравную богиню, какъ не на биржѣ, особенно если на ней разрѣшатъ игру со всѣми ея прелестями. Развѣ, наконецъ, мы не охотники поиграть?

Всякая игра вообще представляетъ самое пріятное препровожденіе времени для людей, которые не знаютъ что дѣлать или питаютъ отвращеніе къ серьезному дѣлу. Кромѣ того намъ, русскимъ, играть не только пріятно, но даже необходимо по многимъ причинамъ.

Во-первыхъ: мы еще не созрѣли; это доказалъ намъ публично г. Ламанскій. Поэтому, какъ несозрѣвшимъ, несовершеннолѣтнимъ, просто—какъ дѣтямъ, намъ и позволительно и полезно забавляться разными играми. Во-вторыхъ: мы еще ничему не научились, ничего не знаемъ, къ работѣ совсѣмъ не привыкли и, наконецъ, не работали; въ нашихъ глазахъ знаніе и трудъ—химера, невозможность. Поэтому намъ поневолѣ приходится заниматься пустяками, смотрѣть на жизнь, какъ на лотерею, а на игру, какъ на средство жить. Обѣгая дѣло, наши дѣловые люди говорятъ другъ другу «съиграелъ отъ нечего дѣлать». Въ-третьихъ: у насъ нѣтъ ни общественной жизни, ни общихъ интересовъ. Насъ не занимаютъ никакіе вопросы: ни научные, ни соціальные, ни экономическіе, ни политическіе, ни чужіе, ни свои. Мы тупо-равнодушно зѣваемъ по сторонамъ, хлопаемъ глазами и, при малѣйшемъ шумѣ, прячемся отъ страха, какъ улитка въ раковину, приговаривая — «каждый самъ по себѣ и для самого себя». Что же, спрашивается, можетъ увлечь насъ, возбудить наше любопытство, затронуть нашу живую струнку? Игра, милостивые государи, одна только игра; тутъ мы даже рискуемъ и громко говоримъ: «рискъ — благородное дѣло». Въ-четвертыхъ: у насъ очень мало общественныхъ развлеченій; къ тому же они обходятся дорого и доступны меньшинству публики. Мало того: наши театры, маскарады, танцовальные вечера, пикники и разныя загородныя увеселенья и гулянья такъ однообразны, пошлы и нелѣпы, что приводятъ въ отчаяніе самыхъ отчаянныхъ театраловъ, плясуновъ и любителей скандаловъ. «Какая невыносимая скука! Какъ отъ нея избавиться? Не сѣсть ли, право, лучше поиграть, чѣмъ таскаться понапрасну? Разумѣется; отчего и не поиграть отъ скуки,—поиграемъ». Въ-пятыхъ: у насъ такъ много времени, что мы рѣшительно не знаемъ, куда его дѣвать. Для насъ время не только скука, но и самый несносный врагъ, который жестоко насъ преслѣдуетъ. Вотъ почему, съ утра до ночи, мы только и помышляемъ о томъ, какъ бы убить этого врага.

Въ прошломъ году мы праздновали тысячелѣтіе Россіи на томъ основаніи, что будто съ 862 года она прожила 1000 лѣтъ. Конечно, по астрономическому вычисленію это пожалуй и вѣрно, но по нашему разсчету времени, по нашей оцѣнкѣ, мы не прожили и 500 лѣтъ. Астрономы утверждаютъ, что сутки вездѣ имѣютъ 24 часа и потому одинаково продолжительны подъ всѣми

широтами, во всѣхъ странахъ стараго и новаго свѣта, и въ Америкѣ, и въ Европѣ, и въ Россіи. Эти астрономы, эти ученые проповѣдуютъ только свои теоріи, смотрятъ на звѣзды, а не наблюдаютъ самой жизни. Если бы они глядѣли не въ телескопы, не вооруженными, а простыми глазами, то, вычисляя продолжительность времени для насъ, русскихъ, непремѣнно пришли бы къ тому заключенію, что наши сутки тянутся вдвое продолжительнѣе, чѣмъ въ Америкѣ, въ Англіи, въ Китаѣ, короче—вездѣ. Мы умираемъ со скуки, не знаемъ, какъ убить наши долгіе, убійственно-продолжительные дни и вечера, а намъ говорятъ еще, что наши сутки имѣютъ 24 астрономическихъ часа! Какая насмѣшка! Нѣтъ, гг. астрономы! мы знаемъ по опыту, по горькому опыту, что съ 862 по 1862 годъ прошло не болѣе 500 русскихъ лѣтъ. Иначе откуда же у насъ берется столько лишняго времени? Почему намъ приходится убивать его такъ безжалостно? Потому что намъ некуда его дѣвать и мы принуждены спать и играть, чтобы избавится отъ этого ужаснаго врага. И такъ сонъ, да карточки — вотъ наше оружіе противъ скуки, порождаемой избыткомъ времени.

И такъ—наша незрѣлость, дѣтская страсть къ забавамъ, неумѣнье приняться за дѣло, инстинктивное отвращеніе отъ труда, бездѣлье, отсутствіе общественной жизни, равнодушіе къ общимъ интересамъ страны, жалкій эгоизмъ, запуганность, недостатокъ, дороговизна и пошлость развлеченій, скука... вотъ, вкратцѣ, тѣ причины, которыя побуждаютъ насъ убивать время, спать до отупѣнія и играть, играть, играть, постоянно придумывая новыя игры. Перечислить всѣ причины нашей праздности довольно трудно. Мы заранѣе отказываемся отъ такой непосильной для насъ задачи. Упомянемъ только, что ко сну и играмъ насъ располагаетъ еще и самый климатъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать въ ненастное, осеннее или зимнее время? Конечно спать или играть.

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.
И приписывали,
И отписывали
Мѣломъ.

Кто не знаетъ наизустъ этихъ строкъ Пушкина! Однако, намъ скучно, невыносимо скучно. Преферансъ, ералашъ, ландскнехтъ, домино, лото, бостонъ, пикетъ... всѣ подобныя игры страшно намъ на-

доѣли и кажутся пошлыми; онѣ отжили свое время. Даже банкъ, штоссъ, палки и другія *азартныя* игры утратили свою прелесть и перестали насъ занимать и волновать. Мы увидѣли, что въ этихъ играхъ счастье везетъ только дуракамъ, да шулерамъ, пока ихъ не поймаютъ и не прибьютъ. Бросились мы было въ послѣднее время въ рулетку, въ *trente et quarante*, стали ѣздить для этой цѣли за границу, посѣщать игорные дома Гомбурга, Баденъ-Бадена... и что же? Играли, проигрывали иностраннымъ шулерамъ, завели потомъ рулетку и у себя... и все та же безвыходная скука отъ скукѣ и всяческая скука... О кто же придумаетъ для нашего развлеченія какую нибудь новую игру, до сихъ поръ не испытанную нами, которая бы оживила, взволновала, увлекла насъ, убитыхъ, растерзанныхъ скукою, русскою скукою? Намъ говорятъ, что мы скучаемъ отъ недостатка общественной жизни, отъ равнодушія къ политическимъ, экономическимъ, финансовымъ и другимъ вопросамъ нашего времени. Г. Дмитріевъ напримѣръ говоритъ, что —

> Наша публика, вмѣсто того, чтобы привыкать къ биржѣ, а этимъ оживлять, давать жизнь промышленнымъ товариществамъ, напротивъ, обращаетъ свои капиталы на другіе предметы; сбытъ бумажныхъ цѣнностей затрудняется; вслѣдствіе этого существующія уже промышленныя ассоціаціи иногда вынуждены отказываться отъ продолженія и ликвидировать; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается всякая возможность составлять промышленныя ассоціаціи, а этимъ самымъ уничтожается и всякая возможность приводить въ исполненіе большую часть такихъ предпріятій, отъ которыхъ страна бы ожила, поднялась, сравнялась съ другими благоустроенными странами.

Вотъ послѣдствія нашего непростительнаго равнодушія къ биржѣ и биржевой спекуляціи! И мы рѣшаемся еще, послѣ этого, увѣрять другъ друга о нашей любви къ отечеству и народной гордости! Что же молчитъ наша литература? Почему она не обличаетъ подобнаго равнодушія публики и не убѣждаетъ ее посѣщать биржу и нести туда капиталы, съ цѣлію давать «движеніе всѣмъ акціямъ и облигаціямъ, которыя теперь завяли и замерли»? Почему такія газеты, какъ «Народное Богатство» и «Биржевыя Вѣдомости», продолжая набивать себя разной трухой, не возбуждаютъ въ публикѣ страсти къ биржевой игрѣ и не доказываютъ, за одно съ г. Дмитріевымъ, что эта страсть есть могучій рычагъ и единственно-дѣйствительное средство для обогащенія нашей родины? Мы жаждемъ богатства, желаемъ жить безъ труда и усилій, намъ скучно и груст-

но, а литература и не подумала указать намъ на биржевую игру, какъ на средство обогащенія и развлеченія! Наша столичная биржа отстала во всѣхъ отношеніяхъ отъ биржи парижской, лондонской, даже гамбургской; на ней запрещены ажіотажъ и биржевая игра; кромѣ купцовъ, на ней никто не можетъ торговать, играть,—и ты, литература, молчишь! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы не созрѣли для биржевой игры? Нѣтъ, быть не можетъ. Мы играли уже во всѣ игры, изучили ихъ до тонкости и онѣ намъ опротивѣли. Мы доросли до рулетки; намъ нужно только заняться биржевой игрой, чтобы созрѣть окончательно и сравняться съ передовыми націями міра.

Биржа! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для спекулятора слилось!

Биржа! Передъ этимъ магическимъ словомъ, передъ этою современною силою всѣ литературы въ мірѣ обращаются въ ничто. Ни одна власть, ни одно учрежденіе древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ не имѣли такого могущественнаго вліянія на участь государствъ, какое имѣютъ теперь биржи Лондона и Парижа. Александры, Цезари, Наполеоны кажутся просто карликами передъ неотразимою, всесокрушающею силою этихъ биржъ. Политика, финансы, промышленность, торговля, кредитъ, миръ или война, — короче вся современная жизнь, съ ея интересами и стремленіями, зависитъ отъ приговора биржи, этого страшнаго оракула. Биржа — это политико-экономическій барометръ, который ежедневно опредѣляетъ состояніе государственныхъ и общественныхъ дѣлъ и, въ то же самое время, предсказываетъ развязку текущихъ событій. Политика и дипломатія предполагаетъ, а биржа всѣмъ располагаетъ. Повышеніе или пониженіе курса 3-хъ процентной ренты, *hausse ou baisse*, на 15 или 20 франковъ—вотъ что̀ рѣшало всегда участь французскихъ правительствъ съ 1790 года. Политическую исторію Европы, въ настоящее время, слѣдуетъ изучать по биржевымъ курсамъ, по таблицамъ ихъ повышенія или пониженія. Какой урокъ философамъ, которые отыскиваютъ законы этой исторіи!

Посмотрите на парижскую биржу, на этотъ Содомъ и Гоммору XIX вѣка: она ежедневно опредѣляетъ курсъ не только французскихъ, но и почти всѣхъ иностранныхъ бумажныхъ цѣнностей. Масса однѣхъ только французскихъ бумагъ простирается на сумму свыше 30,000,000,000 франковъ; въ томъ числѣ государственный долгъ

Франціи—до 12 милльярдовъ фр., акціи ея желѣзныхъ дорогъ — 4 миллльярда и т. д.—30 миллльярдовъ! на этой громадной массѣ капиталовъ, болѣе или менѣе солидарныхъ, покоится современная феодальная власть французскихъ капиталистовъ. Управляя такимъ чудовищнымъ орудіемъ, такою артиллеріею, они громятъ, стрѣляютъ на-вылетъ въ безоружный классъ рабочихъ и мелкихъ промышленниковъ. Богатство, свобода, честь Франціи — все въ рукахъ этихъ феодальныхъ владыкъ биржи. Безъ ихъ воли и согласія не дѣлается ничего—ни въ политикѣ, ни въ финансахъ. Реакція, постоянная реакція—вотъ послѣднее ихъ слово, вотъ законъ, который они предписываютъ народу, въ ожиданіи ликвидаціи.

Всякая биржа—это рынокъ капиталовъ, храмъ спекуляціи. Тамъ гдѣ дозволена биржевая игра, т. е. сдѣлки на срокъ, биржа обращается уже въ игорный домъ, въ школу грабежа и разврата. Французское правительство неоднократно пыталось положить конецъ развитію биржевой заразы; полиція Наполеона III и теперь, отъ времени до времени, дѣлаетъ еще облаву на биржевыхъ игроковъ—и все напрасно. Цыганы ажіотажа, гонимые съ биржи, сходятся въ пассажахъ; прогнанные оттуда — собираются на бульварахъ, въ кафе-ресторанахъ—и тамъ продолжаютъ держать пари на повышеніе или пониженіе курса биржевыхъ бумагъ и заключать срочныя сдѣлки, которыя отражаются на биржѣ.

«Всякія условія между частными лицами какъ на биржѣ, такъ и на сторонѣ, о покупкѣ и продажѣ биржевыхъ цѣнностей не за наличныя деньги, а съ поставкою въ срокъ по извѣстной цѣнѣ, рѣшительно воспрещаются. Обличенныя въ подобныхъ сдѣлкахъ подвергаются наказаніямъ, какъ азартные игроки». Такъ говорится въ сводѣ и нашихъ, и французскихъ законовъ... Но увы! законы безсильны бороться съ ажіотажемъ, который царствуетъ на биржахъ и укоренился въ торговлѣ. Напрасно вы станете увѣщевать игрока бросить свое пагубное занятіе : онъ васъ не послушаетъ. Всѣ ваши нравственныя проповѣди не разубѣдятъ его въ томъ, что играть безполезно, вредно и опасно. Пока онъ вѣритъ въ счастіе, пока убѣжденъ, что можетъ выиграть, до тѣхъ поръ игра неудержимо увлекаетъ его.

— Отчего не попытать счастья, когда я вижу, что оно ежеминутно улыбается, когда кругомъ меня люди живутъ безъ труда, въ роскоши и довольствѣ, благодаря выигрышу?! Что я за глупецъ,

въ самомъ дѣлѣ, чтобы сталъ трудиться, убивать себя работой, изнывать въ нищетѣ, когда одна минута слѣпого счастья—и я богатъ, обезпеченъ на всю жизнь! Не даромъ же люди говорятъ, что рискъ—благородное дѣло; кто не рискуетъ ничѣмъ, у того и нѣтъ ничего. Эта мудрая пословица, плодъ житейской опытности, извѣстна всѣмъ. И такъ будемъ увлекаться игрою, предадимъ себя въ руки судьбы, и пусть случай, безотвѣтный, слѣпой случай управляетъ нами. Что же касается вашей морали, то, въ сравненіи съ богатствомъ, она — ничто. Я еще понимаю, что быть шулеромъ, прибѣгать къ обману, играть на-вѣрняка—безчестно. Но если я играю съ людьми порядочными, знаю, что они меня не обманутъ и увѣренъ, что каждому везетъ или не везетъ совершенно случайно, то, спрашивается, почему же моя игра безчестна, почему она глупа! Докажите мнѣ, что въ этой игрѣ шансы не равны, что можно играть на-вѣрняка или имѣть дѣло съ шулерами—и я поблагодарю васъ. Играть, зная что проиграешь навѣрное—верхъ нелѣпости; только сумасшедшіе могутъ увлекаться такою игрою, гдѣ шансы не равны, гдѣ однимъ постоянно везетъ, а другіе обречены заранѣе на проигрышъ. Всякая игра должна быть основана на полномъ равенствѣ шансовъ; иначе она опасна и нелѣпа. Вотъ и вся мораль. Биржевую игру обвиняютъ за ея безнравственность. Философы, поэты, романисты, экономисты, юристы вопіютъ противъ биржевыхъ игроковъ, клеймятъ ихъ позоромъ, выставляютъ, какъ оскорбителей общественной нравственности и считаютъ даже опаснѣе разбойниковъ. И за что? За то, что они играютъ на повышеніе и пониженіе курса акціонерныхъ бумагъ и разныхъ фондовъ,—не такъ ли? Да что же въ этомъ дурного, безнравственнаго? Чѣмъ биржевая игра хуже рулетки, *hausse ou baisse* хуже *rouge ou noir*? Развѣ шансы этой игры не одинаковы для всѣхъ играющихъ? Биржевые курсы то падаютъ, то возвышаются отъ множества случайныхъ причинъ, подъ вліяніемъ свободы запроса и предложенія. Если бы одинъ изъ этихъ шансовъ могъ повторяться легче и чаще другого, то, конечно, курсъ всѣхъ бумагъ возвышался бы или понижался безъ конца. Въ такомъ случаѣ игра была бы неумѣстна, потому что, при господствѣ одного шанса, напримѣръ при постоянномъ повышеніи, никто бы не захотѣлъ держать пари на пониженіе, зная навѣрное, что проиграетъ. Однако, на дѣлѣ этого не бываетъ: шансы всегда колеблятся, и биржевыя цѣнности то возвышаются, то

падаютъ, вращаясь постоянно около средняго курса, какъ неизмѣннаго центра. Вотъ почему держать пари за или противъ, то есть покупать, надѣясь на повышеніе, или продавать, ожидая пониженія курса, и то и другое совершенно безразлично. Что же дурного, послѣ этого, въ биржевой игрѣ? За что ее такъ преслѣдовать, если, по теоріи, она ничѣмъ не хуже *орлянки*. Держать пари на повышеніе или пониженіе курса, *a priori* все равно, что играть въ орелъ и рѣшетку.

Вотъ что говорятъ въ защиту биржевой игры отъ тѣхъ нападокъ, которымъ она подвергается, какъ самая безнравственная и пагубная игра. Дѣйствительно: для массы биржевыхъ игроковъ— спекуляція на срокъ и пари на повышеніе или пониженіе курса, въ сущности, та же орлянка. Игроки на биржѣ раздѣляются на двѣ неравныя партіи: съ одной стороны дѣйствуетъ небольшая кучка ловкихъ, опытныхъ плутократовъ и ростовщиковъ, которые играютъ на-вѣрняка, а съ другой—толпа жадныхъ глупцовъ, для которыхъ рискъ—благородное дѣло. Эти послѣдніе и не подозрѣваютъ, что играютъ въ орлянку съ людьми, которые умѣютъ подбрасывать монету такъ, что она всегда падаетъ на ихъ сторону. Еслибы шансы биржевой игры были равны, то конечно она была бы только празднымъ и безплоднымъ препровожденіемъ времени. Нѣсколько человѣкъ садятся за столъ, выкладываютъ на него деньги, берутъ въ руки карты и начинаютъ играть въ преферансъ, въ ландскнехтъ или другую игру. Одному везетъ, другому нѣтъ, одинъ проигрываетъ, другой выигрываетъ,—но никто ничего не производитъ. Такая игра есть только непроизводительная трата времени и безплодное перемѣщеніе денегъ, которыя переходятъ изъ кармана въ карманъ. Замѣтьте, при этомъ, еще то важное обстоятельство, что въ играхъ этого рода противники знаютъ другъ друга, и обманщикъ или шулеръ легко можетъ быть уличенъ.

Не такова биржевая игра. Даже при равенствѣ шансовъ, чего конечно и быть не можетъ, кромѣ непроизводительности и безплоднаго перемѣщенія богатствъ, она производитъ гибельныя потрясенія во всей общественной экономіи. Ажіотажъ въ торговлѣ всегда нарушаетъ правильность обмѣна и порождаетъ тунеядство; но ажіотажъ на биржѣ во сто разъ хуже: онъ отвлекаетъ отъ производства массу капиталовъ, истощаетъ промышленность фабричную, заводскую и земледѣльческую, даетъ вредное направленіе кредиту, обращаетъ его въ

лихоимство и, въ довершеніе всѣхъ золъ, разрѣшаясь постоянно банкротствами и финансовыми кризисами, укореняетъ въ обществѣ нищету рабочихъ классовъ. Затѣмъ, честная игра на биржѣ немыслима. Выигрышъ всегда выпадаетъ на долю самаго ничтожнаго меньшинства, которое, по своему богатству и общественному положенію, можетъ вести большую игру и знать такія финансовыя и политическія тайны, которыя всегда до поры до времени недоступны для публики. Вотъ почему масса биржевыхъ игроковъ неизбѣжно дѣлается жертвою тѣхъ жрецовъ спекуляціи, которые владѣютъ громадными капиталами и могутъ играть на-вѣрняка, не рискуя ничѣмъ. Вотъ почему самые тонкіе разсчеты и соображенія, самыя замысловатыя теоріи, придуманныя для руководства биржевыхъ игроковъ, совершенно безполезны. Счастье въ биржевой игрѣ благосклонно улыбается только немногимъ своимъ избранникамъ и безжалостно издѣвается надъ тѣми, которые полагаются на свое искусство и опытность, не говоря уже о жадной и безсмысленной толпѣ остальныхъ спекуляторовъ, заранѣе обреченныхъ на вѣрную гибель. На биржѣ, наконецъ, никто не знаетъ своего противника: проигравшій падаетъ подъ ударами тайнаго врага и никогда не можетъ указать на дѣйствительнаго своего убійцу. Страшный обрядъ жертвоприношенія богу Плуту подготовляется всегда заранѣе, подъ покровомъ непроницаемой тайны; затѣмъ жрецы, умывая руки, уносятъ награбленную добычу.

Такъ ведется игра на биржахъ Парижа, Лондона, Амстердама, Гамбурга, Вѣны и другихъ европейскихъ городовъ.

Не завести ли и намъ такую интересную игру отъ нечего дѣлать! Не устроить ли нашу биржу по образцу парижской?! Вотъ что говорятъ французы про свою столичную биржу —

Caverne à l'avarice ouverte,
Où l'on court le danger certain
D'être ruiné par la perte
Ou deshonoré par le gain.
Il est trois portes à cet antre:
L'espoir, l'infamie et la mort.
C'est par la première qu'on entre,
Par les deux autres que l'on sort.

Бѣда отъ биржевой игры, бѣда особенно отъ бездѣлья, которое ее порождаетъ. Да! напрасно, г. Дмитріевъ, совѣтуете вы намъ играть на биржѣ; намъ не годится бездѣльничать, а слѣдуетъ трудиться, понимаете ли—трудиться.

Н. Соколовъ.

Думы и пѣсни Д. Д. Минаева, и юмористическія стихотворенія обличительнаго поэта (темнаго человѣка). С.-П.-Б. 1863.

Много и дѣльно толковали наши публицисты касательно вопроса: общество ли вліяетъ на литературу, или литература на общество? г. Антоновичъ утверждаетъ первое; г. Громека стоитъ за второе; съ г. Антоновичемъ согласны многіе; не меньшее число согласно и съ г. Громекой. Г. Громеку вопрошаютъ противники: «Гдѣ же это вы видѣли, чтобы литература создавала общество? Гдѣ вы встрѣчали такіе примѣры? Развѣ у себя въ носу»? Но г. Громека возражаетъ: «нѣтъ, не въ носу, а въ нашемъ же любезномъ отечествѣ, ибо не будь «Отеч. Записокъ», а главное — не будь въ «Отечественныхъ Запискахъ» Современной хроники—не было бы эмансипаціи крестьянъ».

Я не хочу произносить здѣсь соломонова рѣшенія: кто правъ и кто виноватъ; пусть судитъ всякій какъ хочетъ. Съ меня довольно будетъ, если я, не разрѣшая такихъ вопросовъ, взгляну на тѣ отношенія, въ которыхъ находились другъ къ другу общество и литература. Быть можетъ, изъ взгляда на эти отношенія само собой составится мое мнѣніе касательно того, кто правъ: г. Антоновичъ или г. Громека. Покуда я ничего не знаю. До той самой поры, когда наше правительство заблагоразсудило вступить на путь либеральныхъ реформъ, у насъ не было литературы. Правда, у насъ были писатели, даже весьма замѣчательные, имена которыхъ извѣстны всѣмъ. Но произведенія этихъ отдѣльныхъ личностей никакъ нельзя назвать литера-

турой. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Россіи литературы было не болѣе, какъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Стихотворенія двухъ, трехъ поэтовъ, произведенія Гоголя, критика Бѣлинскаго, нѣсколько серьезныхъ статей, какимъ-то чудомъ вылѣзшихъ на свѣтъ божій, еще не составляютъ литературы. Писали притомъ болѣе все знатные господа, министры, дѣйствительные статскіе совѣтники, каммергеры и каммеръ-юнкеры. Если же кто-нибудь и писалъ изъ за хлѣба, то все-таки вертѣлся въ сферахъ этихъ министровъ, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ, которые любили меценатствовать. На литературныя занятія смотрѣли, какъ на игру въ бостонъ и литературныя мнѣнія мѣняли, какъ колоды картъ. Писателей занимали исключительно страсти молодыхъ графинь и чувства изящныхъ кавалеровъ. Воображеніе и краснорѣчіе уходили въ огромномъ количествѣ на изображеніе любви и туалета княженъ Мери и на описаніе волнующихъ сердце рыцарскихъ поединковъ между великосвѣтскими львами. Иногда изображался порокъ въ видѣ легкомысленнаго князя Блесткина или бездушной баронессы Лихтенталь, иногда даже въ трагическихъ размѣрахъ, напримѣръ въ видѣ демона или какого-нибудь мрачнаго и таинственнаго армянина. Страсти вообще изображались въ такихъ размѣрахъ, что никто бы съ сочинителемъ не желалъ встрѣтиться съ глазу на глазъ въ темномъ глухомъ переулкѣ, если бы онъ тутъ же не разсѣявалъ этого впечатлѣнія рельефнымъ представленіемъ непомѣрныхъ добродѣтелей. Сюжеты избирались такого рода, чтобы разшевелить заплывшаго жиромъ бюрократа и встревожить безмятежный сонъ крѣпконервной помѣщицы. Но волненіе было не безъ пользы: оно усиливало кровообращеніе и предотвращало геморрои, параличи и ожиреніе печени; такъ что авторская дѣятельность этого времени не только была пріятнымъ препровожденіемъ времени, но и служила врачебнымъ средствомъ противъ разныхъ органическихъ разстройствъ публики.

Наконецъ Гоголь заглянулъ въ самое общество. Обличивъ городничихъ и бѣдныхъ петербургскихъ фатовъ, онъ самъ раскаялся въ такомъ неприличномъ поступкѣ и принялся изображать мудрыхъ и благодѣтельныхъ генералъ-губернаторовъ, искореняющихъ всѣ неправды, причиняемыя городничими и фатами. Онъ уже хотѣлъ олицетворить добродѣтель въ лицѣ откупщика, хотѣлъ представить Кокоревыхъ Робертами Оуэнами, но къ своему счастью умеръ, чѣмъ глубоко огорчилъ Кокоревыхъ, не успѣвшихъ прослыть за Робертовъ Оуэновъ. Впрочемъ примѣръ

его нашелъ мало послѣдователей, и стихи и проза русскихъ писателей продолжали искать пищу на горныхъ высяхъ Кавказа и въ будуарахъ петербургскихъ графинь, какъ вдругъ неожиданное событіе дало другое направленіе ихъ перу. Моськи, по счастливому сравненію «Сѣверной Пчелы», моськи, т. е. Франція и Англія осмѣлились залаять на слона. Услышавъ ихъ лай, русскіе писатели перебрались съ горныхъ вершинъ въ долины и расположились лагеремъ въ степяхъ Добруджи и подъ стѣнами Севастополя. Всѣ, кто только умѣлъ писать стихи, начали взывать къ россу—вставай, вставай! Другіе напѣвали:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися—храбрый россъ!

третіе уязвляли враговъ росса остроумными каррикатурами и сатирическими стихами, въ которыхъ враги являлись въ жалкомъ и смѣшномъ свѣтѣ, а россъ превозносился до небесъ. Россу напоминали Суворова и приснодостопамятную годину, росса приглашали слушать пѣніе какихъ-то особенныхъ пѣтуховъ въ Царьградѣ передъ свѣтлымъ праздникомъ; россу льстили, росса ободряли, россу давали обѣщанія прославить его пѣснями русскихъ пѣвцовъ, прославляли и снова обѣщали.

Но вотъ все присмирѣло. Воинственные клики замолкли. Росса повели по пути мирныхъ реформъ, причемъ оказалось, что нѣтъ такого пути, по которому бы россъ не умѣлъ ходить. Въ Москвѣ взошла заря новой жизни. Заря эта и былъ г. Катковъ. Онъ указывалъ на Англію, и всѣ принялись хвалить Англію, хотя недавно еще сулили ей какіе-то неудобоваримыя тыквы и орѣхи. Катковъ завелъ въ типографіи у себя англійскую машину, хотя недавно еще осмѣивали англійскія машины и хвалились русскими. Впрочемъ я нахожу, что теперь были не правы: чтобы дѣйствовать англійскими машинами нужно знаніе, а для дѣйствія русской машиной требовалось напротивъ того невѣжество. Этого мало: поэты, взывавшіе къ россу, подверглись осмѣянію, начались серьезные и либеральные толки.

И все это перемѣнилось въ одинъ день. Въ одинъ день возникла гласность, свобода слова, стремленіе къ самоуправленію, политическія убѣжденія, обличеніе, и мало ли чего не возникло. Тамъ, гдѣ прежде цвѣли только крапива и бѣлена, т. е. Гречь и Булгаринъ, Шевыревъ и Погодинъ,

теперь разцвѣли пышные піоны учености, скромныя фіалки обличенія, разноцвѣтные и разнообразные георгины политическихъ убѣжденій, красивые тюльпаны гласности и великолѣпныя розы политической свободы. Княжны Мери и графини Полины, Князья Блесткины и грозные портреты vieux de la montagne были вынесены на чердакъ. Вмѣсто нихъ возникли образы честныхъ поселянъ г. Григоровича, либеральныхъ помѣщиковъ и еще болѣе либеральныхъ помѣщичьихъ женъ и дочерей гг. Тургенева и Авдѣева; предстали честные любители набиванія своихъ кармановъ г. Гончарова. Громека освобождалъ крестьянъ, Катковъ учреждалъ парламентъ, Камбекъ обличалъ. Изъ за границы пріѣхалъ Густавъ де-Молинари, чтобы насадить политическую экономію; онъ думалъ этимъ осчастливить пробудившагося росса, но оказалось, что россъ уже самъ завелъ у себя политическую экономію съ помощію т. Горлова.

Дѣло на этомъ впрочемъ не остановилось. Вскорѣ произошли диспуты ни дать, ни взять, какъ въ Европѣ; затолковали про какія-то книжки, стали поминать, сперва тихо, потомъ громче имена Бюхнера, Фейербаха, Люи Блана. По мѣрѣ этихъ толковъ и реформъ развивалась литература. То, что еще недавно казалось вкусно, надоѣло и оказалось недостаточнымъ. Идилическіе крестьяне г. Григоровича канули въ лету; вмѣсто нихъ явились неумытыя фигуры настоящихъ мужиковъ г. Успенскаго и др. Въ обличительной литературѣ перестали разсказывать о недобросовѣстности писарей и канцелярскихъ служителей, а принялись за генераловъ. Густава де-Молинари и И. Горлова выбросили за окно и взялись за Милля и Прудона. Дѣло шло пока хорошо. Прогрессъ былъ удивительный. Но кто кого образовывалъ, общество литературу или литература общество— сказать было трудно;—ясно только было одно: что связь между ними крѣпка и прочна, что они непоколебимо преданы другъ другу и находятся на самомъ лучшемъ пути. Но потомъ «Отцы и дѣти» были побиты въ литературѣ. Та же трепка досталась имъ и отъ общества. Н. И. Костомаровъ вздумалъ шалить. Общество привѣтствовало шалости почтеннаго профессора криками одобренія. Добролюбовъ свисталъ. Общество апплодировало его свисту. Явились публичныя лекціи, воскресныя школы, затѣялись протесты, женщины пошли въ анатомическій театръ, однимъ словомъ, общество отвѣчало на нигилистическое направленіе литературы тѣмъ, что само сдѣлалось нигилистическимъ. Кто кого создаетъ, общество ли литературу, или литература

общество? вопрошали себя вожди прогресса, и вопросъ опять не рѣшеннымъ. Затѣмъ повернули вспять.

Общество тупо и равнодушно смотрѣло на все, что дѣлалось вокругъ; обманулись всѣ; многіе сконфузились; у нѣкоторыхъ выступила краска на лицѣ, не выступавшая прежде даже отъ заушеній. Только одинъ г. А. Григорьевъ продолжалъ пороть свою дичь во «Времени», и то потому что она уже была напечатана въ «Москвитянинѣ», и потому еще, что г. А. Григорьевъ небоится никакихъ заушеній. Оказалось, что между обществомъ и литературой связи никогда и не было, что молодое поколѣніе, которое считали созданіемъ этой литературы и съ которымъ соединяли такія блестящія надежды, это молодое поколѣніе пошло на шпицъ-балы. Усилія литературы оказались усиліями Сизифа. Она въ прошедшемъ году думала, что докатила почти камень, и въ ту же минуту полетѣла внизъ. Все пришло въ такое же положеніе, въ какомъ было семь лѣтъ тому назадъ. Процвѣтаніе литературы, пробужденіе общества, все это прошло какъ нѣкій сладкій сонъ.

Кто же правъ, кто виноватъ? По-моему нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, или лучше сказать, виновата одна исторія. Исторія же виновата и въ томъ, что не смотря на избіеніе свистуновъ свистъ не прекратился; напротивъ, онъ пріобрѣлъ право гражданства съ той минуты, какъ замѣтили, что славный россъ немножко тяжеловатъ на слухъ, и что иногда свиснуть ему не мѣшаетъ. Не знаю, почему свистящую литературу назвали обличительной; обличаетъ у насъ только полиція, потому что въ этомъ ея прямая обязанность, а литературѣ позволяется только свистѣть.

Не знаю также, кого надо считать родоначальникомъ нашей свистящей литературы, но свистъ Добролюбова не остался безслѣднымъ. Добролюбовъ негодовалъ на то, въ чемъ прочіе видѣли признаки зрѣлости. Поэтому его свистъ производитъ такое сильное впечатлѣніе. Въ немъ видны и желчь, и слезы, и желаніе, чтобъ было лучше. Видно, что его мучила невыносимо тяжелая обстановка; ему больно было видѣть тупость тѣхъ, кого онъ такъ искренно любилъ.
У него нашлось много подражателей, даже такихъ, которые и хрипѣть-то порядочно не умѣютъ. Разные Гнуты, Розенгеймы, Скорбные поэты и проч. такъ и останутся навсегда неизлечимыми хрипу-

нами. У нихъ цѣль совершенно другая, чѣмъ у Добролюбова, или лучше сказать у Добролюбова не было цѣли. Его свистъ былъ слѣдствіемъ раздраженія, негодованія; онъ самъ собою вырывался изъ его больной груди, а подражатели его имѣютъ въ виду распотѣшить публику.

Изъ числа этихъ господъ, хрипящихъ ради потѣхи публики, мы исключаемъ Обличительнаго поэта.—Его «Думы и пѣсни» имѣютъ въ виду не посмѣшить публику, а другую цѣль. Вотъ что говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книжкѣ: «Не сознавая себя достаточно сильнымъ для олицетворенія совершеннаго зла въ общихъ художественныхъ формахъ, авторъ зато ясно видитъ нелѣпости, его окружающія, ясно сознаетъ на самомъ себѣ тяготѣніе этого зла и откликается на него протестомъ. Къ каждому гнусному или комическому явленію, къ каждому возмутительному факту, характеризующему эпоху или время, къ которому принадлежитъ онъ, авторъ считалъ себя въ правѣ отнестись искренно и прямо, вовсе не думая о томъ, что онъ задѣваетъ этимъ множество маленькихъ самолюбьицъ и страстишекъ, что онъ дразнитъ лягушекъ въ болотѣ».

Дѣйствительно, г. Минаевъ гнусными явленіями раздражается искренно, и смѣло дразнитъ лягушекъ какъ сидящихъ въ болотѣ, такъ и грѣющихся на солнцѣ. Въ его раздраженіи слышится гнѣвъ прочувствованный, а не предвзятый имъ изъ одного подражанія; въ его свистѣ есть сильныя ноты, которыя вызываютъ не одну улыбку, но и слезы. За всѣмъ тѣмъ свистъ г. Минаева не производитъ глубокаго впечатлѣнія, не хватаетъ за душу, какъ свистъ Конрада Лиліеншвагера; и это потому, что Обличительный поэтъ не всегда строго отличаетъ предметы чисто комическіе отъ явленій, называемыхъ имъ гнусными. Поэтому онъ часто смѣется тамъ, гдѣ хочется плакать, и приходитъ въ негодованіе отъ того, надъ чѣмъ хочется смѣяться. Мнѣ кажется, что г. Минаевъ оказалъ бы своему таланту не малую услугу, если бъ построже выбиралъ предметы и поглубже вдумывался въ ихъ внутренній смыслъ. Тогда сила мысли соотвѣтствовала бы гибкости его стиха. Тогда въ «Думахъ и пѣсняхъ» г. Минаева рѣже встрѣчались бы слабыя стихотворенія, и чаще удавались бы ему такія превосходныя, какъ слѣдующее:

ОБЛИЧИ ИХЪ ВО ЛЖИ!....

Поэтъ! не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ,
Когда жъ попадутся въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи—
Обличи ихъ во лжи!....

Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ нищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ—съ дѣломъ не схожи
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи! ...

Тиранамъ скажи безъ боязни:
Величіе ваше—миражъ,
Единственный памятникъ вашъ
Однѣ лишь кровавыя казни.
Когда жъ возразятъ палачи—
Ихъ во лжи обличи.

Скажи трудолюбью—ты хило,
Любви—ты давно растлѣна,
Всѣмъ людямъ скажи, что дана
Имъ въ будущемъ только могила,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!....

Скажи красотѣ: ты увянешь.
Ты, честность, покинувъ сердца,
У ногъ золотого тельца,
Обманывать, ползая, станешь,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!...

Скажи всѣмъ изношеннымъ фразамъ,
Что близокъ ихъ скорый конецъ;
Скажи мудрецамъ, наконецъ,
Что умъ ихъ заходитъ за разумъ,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Наукѣ скажи: ты старуха,
Которая бредитъ сквозь сонъ,
Скажи: ты безсиленъ, законъ,
И ты, правосудіе, глухо.
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи, что безсмысленно счастье,
Природа скупа и нѣма,
Что дружба продажна сама,
И нѣтъ въ милосердьи—участья;
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокій, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно бы въ мірѣ искали.
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!

Но если свои идеалы
Ты нянчилъ въ прихожихъ вельможъ,
Гдѣ самъ проповѣдывалъ ложь,
То лучше слагай мадригалы,
Дразня и желанья и слухъ
У первозныхъ старухъ.

Пишите такъ, г. Минаевъ, и не увлекайтесь дешевымъ смѣхомъ хрипуновъ. Вашего таланта станетъ на многія хорошія вещи, только умѣйте имъ пользоваться и не расточайте его даромъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Послѣдніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Соч. Амосова 1863. С. П.-бургъ. — *Біографическіе разсказы: Пушкинъ. Суворовъ, Ломоносовъ и Сперанскій.* Соч. Новаковскаго. 1863. С. П.-бургъ.—*Счастье—несчастье,* романъ Вельтмана 1863. С. П.-бургъ.—*Записки палача или политическія и историческія тайны Франціи;* соч. бывшаго исполнителя верховныхъ приговоровъ парижскаго уголовнаго суда—Сансона. Перев. съ франц. П. А. Л.—берга. 1863. С. П.-бургъ.—*Будьте здоровы!* Соч. доктора Бока. Перев. съ нѣм. 1863. С. П.-бургъ.—*Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи.* Соч. Рамазанова. 1863. С. П.-бургъ.

Въ концѣ апрѣля вышла въ свѣтъ книга, сразу разошедшаяся въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Заглавіе ея: «Послѣдніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина». Написана она г. Амосовымъ со словъ Данзаса, бывшаго лицейскимъ товарищемъ Пушкина и, какъ извѣстно, секундантомъ его при дуэли.

Двадцать шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ убитъ, до сихъ поръ мы не знали никакихъ точныхъ подробностей объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его дуэль. Я говорю: мы не знали, въ томъ смыслѣ, что такія подробности ни разу не являлись въ печати. Лица, знавшія Пушкина, бывшія очевидцами несчастнаго событія, разсказывали о немъ то такъ, то иначе; но многое въ этой исторіи все-таки оставалось если не совсѣмъ темнымъ, то недостаточно разъясненнымъ. Книжка, изданная г. Амосовымъ также не проливаетъ особенно яркаго свѣта на это дѣло, хотя нѣкоторыя подробности и

въ особенности письма Пушкина, до сихъ поръ не являвшіяся въ печати, читаются съ живымъ интересомъ. Изъ книги г. Амосова ясно то, что мы знали и безъ того уже давно,—именно, что Пушкинъ стрѣлялся, чтобы отмстить за оскорбленіе чести своей жены. Видно, что тутъ пропущены многія характеристическія подробности, и конечно у автора были слишкомъ уважительныя причины, чтобы не дѣлать достояніемъ гласности того, что было чисто домашнею тайной. Мы сознаемъ всю основательность такихъ побужденій, но тѣмъ не менѣе искренно сожалѣемъ, что и послѣ появленія названной нами книги, дѣло о дуэли Пушкина все-таки представляется читателю въ довольно смутномъ свѣтѣ.

Судя по разсказу г. Амосова, или вѣрнѣе, г. Данзаса, основаніемъ всему этому несчастному дѣлу послужила самая гнусная интрига, главнымъ дѣятелемъ которой былъ князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій, а участникомъ—князь Гагаринъ, вступившій потомъ въ іезуиты. Почтенный князь Долгорукій написалъ Пушкину нѣсколько анонимныхъ записокъ, «оскорбительныхъ—какъ отзывался самъ Пушкинъ—для его чести и чести его жены». «Въ тотъ же день—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ—семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма, въ двойныхъ конвертахъ, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя». Что именно заключалось въ этихъ письмахъ, намъ неизвѣстно; г. Амосовъ говоритъ только, что онѣ были содержанія дерзкаго и неблагопристойнаго. Можно догадываться, что предметомъ ихъ были городскіе слухи объ ухаживаніи Дантеса за женою Пушкина. Пушкинъ отказалъ Дантесу отъ дома и тогда же стрѣлялся бы съ нимъ, если бы Дантесъ не женился на сестрѣ г-жи Пушкиной, Катеринѣ Николаевнѣ Гончаровой. Но этимъ дѣло не покончилось. Баронъ Гекеренъ, нидерландскій посланникъ въ Петербургѣ, усыновившій Дантеса, ненавидѣлъ Пушкина и старался постоянно раздражать его. Интригами этого господина и страшно распространившимися городскими слухами, въ которыхъ дѣятельную роль играли наши милыя великосвѣтскія сливки, Пушкинъ былъ окончательно выведенъ изъ терпѣнія и написалъ нидерландскому посланнику слѣдующее письмо (на французскомъ языкѣ), которое мы приводимъ здѣсь въ переводѣ г. Амосова:

«Баронъ! Позвольте мнѣ разсказать вамъ сущность того, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно,—я я не могъ

оставаться равнодушнымъ... До времени я довольствовался ролью наблюдателя, предоставляя себѣ право вмѣшаться, когда сочту это нужнымъ. Случай, весьма непріятный во всякое другое время, по счастію, вывелъ меня изъ этого положенія. Я получилъ анонимныя письма. Я увидѣлъ, что минута дѣйствовать наступила, и воспользовался ею. Остальное вы знаете. Я заставилъ играть вашего сына такую жалкую роль, что моя жена, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и чувство, которое, быть можетъ, пробудила въ ней эта великая страсть—погасло въ глубокомъ и вполнѣ заслуженномъ презрѣніи. Позвольте мнѣ сказать, баронъ, что роль, которую вы играли въ этомъ дѣлѣ, была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы,—вы были отеческимъ сводникомъ вашего побочнаго сына, или быть можетъ только слывущаго за вашего. Все его поведеніе (впрочемъ, довольно неловкое) вѣроятно было направлено вами: вы, вѣроятно, нашептывали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Какъ какая-нибудь развратная старуха, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной въ сифилисѣ, оставался дома, принимая лекарства, вы увѣряли, что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: «отдайте мнѣ моего сына!».

«Вы хорошо понимаете, что послѣ всего этого, я не могъ допустить никакихъ сношеній между моимъ и вашимъ семействомъ. Только подъ этимъ условіемъ я согласился не давать хода этому грязному дѣлу и не обезчестить васъ передъ глазами двухъ дворовъ, что я намѣревался и былъ вправѣ сдѣлать. Я не хочу, чтобы моя жена продолжала слушать ваши отеческія увѣщанія; я не могу позволить вашему сыну, послѣ его отвратительнаго поступка, говорить съ нею, тѣмъ болѣе волочиться за нею и разсыпать казарменные каламбуры, разыгрывая роль преданнаго и любящаго страдальца, будучи только негодяемъ и мерзавцемъ. И такъ я прошу васъ, баронъ, прекратить всѣ уловки, если хотите избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю.»

И этотъ человѣкъ былъ убійцею нашего Пушкина! Я не говорю уже о его почтенномъ soi-disant батюшкѣ, г. голландскомъ посланникѣ, баронѣ Гекеренѣ; по словамъ г. Данзаса, онъ былъ человѣкъ замѣчательно безнравственный. И дѣйствительно, уже изъ подробностей, заключающихся въ книгѣ г. Амосова, видна вся грязная натура этого человѣка, гнуснаго интриганта и—скажемъ словами Пушкина—сводника своего любезнаго сынка. Недурно также и это аристократическое общество, запутывавшее поэта своими великосвѣтскими интригами, смотрѣвшее съ тупымъ равнодушіемъ и даже злобою на предстоявшую дуэль его съ пошлымъ паркетнымъ франтомъ. Холодно

становится на душѣ, когда узнаешь, что въ той средѣ, въ которую влезъ Пушкинъ, первый русскій поэтъ, образовалась цѣлая партія, стоявшая за Дантеса и Гекерена.

«На сторонѣ барона Гекерена и Дантеса—пишетъ г. Амосовъ—былъ между прочимъ и покойный графъ Б., не любившій Пушкина. Однимъ только этимъ нерасположеніемъ, говоритъ Данзасъ, и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой около комендантской дачи... Пушкинъ дрался среди бѣлаго дня и такъ сказать почти въ глазахъ всѣхъ».

Въ прекрасномъ также свѣтѣ выставляется князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій, который, какъ извѣстно, считаетъ себя бойцомъ за правду..... И этотъ человѣкъ не постыдился сдѣлаться главнымъ дѣятелемъ гнуснѣйшей и грязнѣйшей сплетни!

Какъ бы то ни было, а результатъ всего этого извѣстенъ...

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой...

Спрашивается только, для чего поэтъ сживался съ этою средой? Или въ самомъ дѣлѣ правда, что свѣтская суетность играла въ его жизни важную роль и онъ не могъ вырваться изъ той сферы, въ которую вовлекли его условія рожденія и общественнаго положенія, и которая находилась въ такомъ страшномъ разладѣ съ его высокимъ поэтическимъ призваніемъ?..

Въ то самое время, когда г. Амосовъ разсказываетъ намъ о послѣднихъ минутахъ Пушкина, г. Новаковскій принимаетъ на себя трудъ знакомить русское юношество съ личностью знаменитаго поэта. Я говорю о четырехъ книжечкахъ, изданныхъ г. Новаковскимъ подъ заглавіемъ: *«Біографическіе разсказы»*; въ одной изъ нихъ помѣщена біографія Пушкина, остальныя посвящены жизнеописаніямъ Ломоносова, Суворова и Сперанскаго.

Г. Новаковскій является намъ весьма курьознымъ педагогомъ. Составленные имъ біографическіе очерки, по его собственнымъ словамъ, имѣютъ въ виду знакомить юныхъ читателей своихъ съ человѣкомъ, какъ *человѣкомъ*, кто бы онъ ни былъ, на какомъ бы поприщѣ ни дѣйствовалъ, только бы въ его жизни выразились черты истинно-человѣческаго достоинства, только бы въ его дѣйствіяхъ заключались добрые примѣры, только бы свойства его души по чему-нибудь были замѣчательны, только бы въ различныхъ общественныхъ его положеніяхъ видны были тѣ обстоятельства, борьба съ которыми неизбѣжна человѣку въ жизни. «Путемъ такого чтенія — продолжаетъ г. Новаковскій — дѣти, знакомясь съ человѣкомъ какъ человѣкомъ, не посредствомъ теоріи, излагаемой въ разныхъ наукахъ, а посредствомъ примѣровъ, слѣдовательно самымъ легкимъ и дѣйствительнымъ образомъ, будутъ доводимы также до сознанія какъ того, что значитъ быть въ томъ или другомъ званіи, быть ученымъ, военнымъ, чиновникомъ и т. п., чтобы впослѣдствіи съ яснымъ сознаніемъ избрать и для себя то или другое званіе, такъ и того, какъ согласно съ человѣческимъ достоинствомъ дѣйствовать на избранномъ поприщѣ, имѣя предъ собою рядъ историческихъ личностей и представляя себѣ, какъ на томъ или другомъ поприщѣ высказался въ нихъ человѣкъ, его умъ, воля, сердце и душа».

Простодушіе г. Новаковскаго приводитъ меня въ совершенный восторгъ, и я могу только искренно пожалѣть о томъ, что самъ вышелъ изъ отроческихъ лѣтъ, и что книжки г. Новаковскаго попались мнѣ въ руки уже въ то время, когда моя карьера окончательно избрана. Будь я теперь отрокомъ, я бы съ жадностью читалъ книжки г. Новаковскаго и говорилъ бы себѣ: «Ахъ, какой славный поэтъ былъ Пушкинъ и какъ пріятно быть славнымъ поэтомъ; о, я непремѣнно сдѣлаюсь такимъ же славнымъ поэтомъ!» Или: «Ахъ, какой молодецъ и герой былъ Суворовъ, и какъ пріятно быть такимъ героемъ; о, я непремѣнно сдѣлаюсь такимъ же славнымъ полководцемъ!» И изъ меня, безъ всякаго сомнѣнія, вышелъ бы или Суворовъ, или Пушкинъ, или Ломоносовъ, или Сперанскій. О, г. Новаковскій, зачѣмъ вы не явились раньше? Но я не эгоистъ и утѣшаюсь мыслію, что молодое поколѣніе насквозь проникнется разсказами г. Новаковскаго, увлечется примѣрами славныхъ русскихъ дѣятелей и что Россія въ самое короткое время обогатится безчисленнымъ мно-

жествомъ великихъ поэтовъ, великихъ полководцевъ, великихъ государственныхъ людей и т. д. и т. д. Слава г. Новаковскому!

Посмотримъ теперь какимъ способомъ думаетъ г. Новаковскій достигнуть своей великой цѣли, какъ онъ исполняетъ свое обѣщаніе—«знакомить юныхъ читателей своихъ съ человѣкомъ, какъ *человѣкомъ*». Остановимся прежде всего на біографіи Пушкина.

Сначала передъ нами краткая картина домашняго воспитанія Пушкина; разсказывается, какъ онъ былъ пристрастенъ къ французскому языку, какъ въ юности сочинялъ стихи и какое вліяніе имѣла на его развитіе известная няня его, Арина Родіоновна. Все это разсказано весьма сухо, сжато и безцвѣтно. Далѣе слѣдуетъ исторія о занятіяхъ его въ лицеѣ, о лицейскихъ стихотвореніяхъ, о дружбѣ его съ тогдашними литераторами, о филологическихъ упражненіяхъ, причемъ неизвѣстно для чего выписаны нѣкоторыя его грамматическія замѣтки, и наконецъ о дальнѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Тутъ намъ особенно понравилась характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣланная искуснымъ перомъ г. Новаковскаго. «Въ *Скупомъ Рыцарѣ*—пишетъ біографъ—поражаетъ картина, какъ скупецъ, сойдя въ подвалъ, гдѣ разставлены были сундуки съ золотомъ, зажигаетъ свѣчи, отпираетъ сундуки и, любуясь на золото, воображаетъ свое могущество. Въ *Моцартѣ и Сальери* видно, какъ страстно можно полюбить музыку, предаться ей душою, забывая сонъ и пищу, и находить въ ней наслажденіе и счастіе. Въ *Пирѣ во время чумы* представляется печальное зрѣлище, какъ поминутно носятъ мертвыхъ, какъ могилы отъ тѣсноты жмутся, а деревни пустѣютъ. Изъ *повѣстей Бѣлкина* въ *Станціонномъ смотрителѣ* изображена участь станціонныхъ смотрителей (на которую во время частыхъ своихъ поѣздокъ насмотрѣлся Пушкинъ), какъ они не имѣютъ покою ни днемъ, ни ночью, и какъ путешественники вымѣщаютъ на нихъ свою досаду, накопленную во время скучной ѣзды...»

За этою прелестною и необыкновенно мѣткою характеристикою слѣдуетъ изложеніе въ такомъ же родѣ содержанія другихъ произведеній, выписывается изъ *Пиковой Дамы* то мѣсто, въ которомъ по словамъ г. Новаковскаго «превосходно изображена своенравная женщина», выписывается также въ назиданіе юношеству стихотвореніе: *Клеветникамъ Россіи*, разсказывается объ огорченіяхъ, которыя испытывалъ Пушкинъ при чтеніи критикъ на его сочиненія, о благосклонности Пушкина ко всѣмъ молодымъ писателямъ, о мни-

тельности и суевѣрiи его, о религiозности, и въ заключенie всей этой реляцiи, вѣроятно также въ назиданie юношеству, сообщается слѣдующее: «Въ послѣднie годы своей жизни, проникнутый живымъ и теплымъ религiознымъ чувствомъ, Пушкинъ прилежно изучалъ повѣствованiя Читьи-минеи, и переложилъ на простой языкъ, доступный всякому, повѣствованie о житiи преподобнаго Саввы игумена; участвовалъ въ составленiи историческаго словаря о святыхъ, прославленныхъ въ россiйской церкви, который предпринятъ былъ однимъ изъ бывшихъ лицейскихъ воспитанниковъ и отдалъ объ этой книгѣ отчетъ въ «Современникѣ». Здѣсь онъ удивляется людямъ, часто не имѣющимъ понятiя о жизни того святого, имя котораго многie носятъ отъ купели до могилы».

На послѣдней страничкѣ г. Новаковскiй сообщаетъ, что поэтъ имѣлъ намѣренie выстроить въ селѣ Михайловскомъ церковь во имя Вознесенiя Господня, и изъявляетъ сожалѣнie о томъ, что «ранняя смерть не позволила ему осуществить этого благого намѣренiя».

Все это донесенie умѣстилось на 55-ти страницахъ (стоющихъ однако 50 к. сер.), самаго разгонистаго шрифта, изъ которыхъ нѣсколько заняты выписками. Гдѣ же тутъ—спросите вы—человѣкъ какъ человѣкъ? Гдѣ тѣ обстоятельства, «борьба съ которыми неизбѣжна человѣку въ жизни? Ну, объ этомъ спросите у г. Новаковскаго, это его тайна, а я покамѣстъ разскажу вамъ въ самыхъ краткихъ словахъ сущность остальныхъ его бiографическихъ очерковъ.

Въ бiографiи Суворова авторъ видимо старается воспламенить духъ юношества, настроить его на воинственный ладъ, возбудить въ немъ желанie получить такое же множество орденовъ, какое украшало грудь Суворова и добиться фельдмаршальскаго достоинства. Въ бiографiи Ломоносова разсказывается извѣстная чуть ли не каждому мальчику исторiя жизни архангельскаго рыбака бiографiя Сперанскаго есть сокращенное изложенie жизнеописанiя его, составленнаго барономъ Корфомъ. Человѣкъ какъ человѣкъ опять-таки остается пустой фразой, неизвѣстно для чего придуманной здѣсь г. Новаковскимъ.

Милыя дѣти! Принесите искреннюю благодарность людямъ, такъ усердно заботящимся о вашемъ нравственномъ развитiи и такъ отлично выполняющимъ свою задачу. А вы, милые родители, спѣшите покупать бiографическie очерки г. Новаковскаго. Правда, они про-

даются по неимовѣрно дорогой цѣнѣ: біографія Ломоносова (69 страничекъ) стоитъ 50 к. сер.; Суворова (156 страничекъ) — цѣлый рубль, Сперанскаго (101 страница) — 60 к., Пушкина (55 страничекъ) — 50 к. Но васъ, конечно, не удержатъ эти меркантильныя соображенія; очень можетъ быть, что если у васъ четверо дѣтей, то заплативши 2 р. 60 к. сер., вы будете имѣть удовольствіе увидѣть, что изъ этихъ потомковъ вашихъ выйдутъ Пушкинъ, Ломоносовъ, Сперанскій, и Суворовъ. Завидная, чортъ возьми, перспектива!

Но какъ бы ни были курьозны очерки, составленные г. Новаковскимъ, они все-таки изданы съ какою-нибудь цѣлью; для чего же написана книга, о которой я намѣренъ теперь поговорить—это рѣшительно непонятно.

Книга эта—романъ, заглавіе ея: «*Счастье—несчастье*; авторъ— г. Вельтманъ.

Въ январьскомъ библіографическомъ листкѣ, по поводу романа г. Лажечникова: «Немного лѣтъ назадъ», я говорилъ о превратности русскихъ литературныхъ дарованій; то, что было мною сказано о г. Лажечниковѣ, можетъ быть очень хорошо примѣнено къ г. Вельтману. Дѣйствительно, въ былое время г. Вельтманъ принадлежалъ къ числу если не капитальныхъ, то по крайней мѣрѣ очень остроумныхъ писателей; бездна наблюдательности, неподдѣльный юморъ, богатство воображенія ставили произведенія его на степень тѣхъ, которыя читаются съ истиннымъ удовольствіемъ. Но то было прежде. Въ то время г. Вельтманъ самъ былъ молодъ и относился къ жизни, къ настроенію общества, ко всѣмъ современнымъ явленіямъ такъ, какъ долженъ относиться писатель, понимающій, что только въ живомъ отношеніи произведенія къ дѣйствительности заключается истинное достоинство этого произведенія. Но г. Вельтманъ состарѣлся и на немъ, какъ и на многихъ другихъ русскихъ писателяхъ, какъ нельзя лучше оправдалось мнѣніе о недолговѣчности нашихъ литературныхъ талантовъ. Г. Вельтманъ, какъ и другіе писатели его же періода, совершенно расходится съ современными требованіями лите-

ратуры; онъ точно не знаетъ, что дѣлается вокругъ него; онъ разговариваетъ, какъ будто для собственнаго удовольствія, а отъ всего этого, очевидно, произведенія его отмѣчены полнымъ характеромъ безцвѣтности и не могутъ вызвать въ читателѣ ничего, кромѣ убійственной скуки и вопроса: для чего все это написано?

Романъ «Счастье—несчастье» принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые г. Вельтманъ давно уже пишетъ подъ общею рубрикою: «Приключенія почерпнутыя изъ моря житейскаго». Въ былое время г. Вельтманъ черпалъ изъ этого моря то, что дѣйствительно стоило зачерпыванья; теперь же, когда цвѣтъ этого моря совершенно измѣнился, когда онъ катитъ совсѣмъ не тѣ волны, что прежде, когда на немъ разыгриваются совсѣмъ иныя бури, г. Вельтманъ продолжаетъ плыть въ своей старой ладьѣ и зачерпываетъ ту водицу, которая негодна ни для какого употребленія. Прося у читателя извиненія за этотъ реторическій оборотъ, я спѣшу пояснить его изложеніемъ содержанія новаго романа.

Главный герой его—Михаилъ Иванычъ Гораздовъ, сынъ закоренѣлаго приказнаго, служившаго въ царствованіе императора Павла. Отецъ Михаила Иваныча лишенъ всякихъ человѣческихъ побужденій, и весь превратился въ мертвую букву канцелярскаго экстракта. Это приказное направленіе онъ кладетъ въ основаніе воспитанія, даваемаго имъ своему сыну. Выучивъ его читать и писать, отецъ отдаетъ нашего героя въ сенатъ, и съ перваго вступленія его въ жизнь дѣлаетъ изъ него чиновника. «Способности Михаила Иваныча—говоритъ авторъ—сосредоточенныя на канцелярской службѣ, развились и созрѣли превосходно. Это былъ второй отецъ по наклонности сидѣть за дѣломъ и извлекать вопросы, которые настоятъ по этому дѣлу. Но въ нравѣ его отразилась природа матери. Простодушный, мягкій сердцемъ, безпрекословный, сладостный въ выраженіи, постоянно и усердно занятый лежащею на немъ обязанностью, онъ ровно ничего не думалъ о себѣ, какъ будто въ полной увѣренности, что заботу о немъ послѣ отца и матери приметъ на себя начальство. Юношескій возрастъ его прошелъ подъ крышей сената и той же кровлей отеческой квартиры въ глухомъ переулкѣ. Страсти не обуревали и не увлекали его на всѣ четыре стороны, думы не поглощали, воображеніе не заносилось и не строило воздушныхъ замковъ, а если бы и вздумало строить, то безъ сомнѣнія вышелъ бы сенатъ. Не испытавъ порывовъ дѣтскихъ удовольствій, онъ не зналъ юношескихъ и по-

давно, и имѣлъ полное право сказать по опыту, что человѣкъ не созданъ для удовольствій. Такова была подготовка внутренняго міра Михаила Иваныча *«для предстоящаго ему того счастья, которому завидуютъ люди.»*

Въ этой характеристкѣ я нарочно подчеркнулъ послѣднія слова, потому что въ нихъ заключается самая суть романа. Счастье героя играетъ въ немъ главную роль; но г. Вельтманъ захотѣлъ показать, что не всякое счастье есть счастье. «Наука мудрости человѣческой—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—до сихъ поръ не опредѣлила: что такое счастье? Трудно и опредѣлить. Счастье есть что-то такое *во время* и *кстати*, съ присовокупленіемъ еще чего-то».

На эту тему и написанъ весь романъ; авторъ желаетъ доказать, что счастье только тогда становится счастьемъ для человѣка, когда оно приходитъ во время и кстати. Эту идиллико-философскую идею (я уже не говорю о наивности писать романъ на задуманную идею и натягивать на нее факты) г. Вельтманъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ герой его попадаетъ подъ покровительство нѣкоего дѣйствительнаго статскаго совѣтника Віонора Филипповича, отправлявшагося въ Бессарабію по экстренному порученію и взявшаго съ собою Михаила Иваныча въ качествѣ секретаря. Михаилъ Иванычъ ѣдетъ совершенно безотчетно, только потому, что этого хочетъ его отецъ. Онъ оказывается отличнымъ дѣльцомъ, и Віноръ Филипповичъ отъ него въ восхищеніи. Это первый фазисъ счастья Михаила Иваныча и въ то же время его несчастія, состоящаго въ томъ, что герою нашему, любящему тишину и спокойствіе, не даютъ покоя приглашеніями, представленіями, знакомствами и т. п. Въ одну изъ своихъ экскурсій по Бессарабіи, герой сбивается съ дороги и попадаетъ на хуторъ полковника Левонова, котораго дочь сильно приглядывается ему. Михаилъ Иванычъ съ наслажденіемъ мечтаетъ о томъ, какъ бы хорошо ему было жениться на этой дѣвушкѣ и безмятежно зажить съ нею въ этомъ мирномъ хуторѣ; но въ эту самую минуту ему объявляютъ, что лошади готовы, и онъ снова уѣзжаетъ по службѣ. Второй фазисъ счастья заключается въ томъ, что Михаилъ Иванычъ назначается правителемъ канцеляріи у нѣкоего Алексѣя Алексѣича, только-что получившаго губернаторское мѣсто. Михаилъ Иванычъ разстается съ краемъ, въ которомъ живетъ возлюбленная его сердца и ѣдетъ въ новый край. Алексѣй Алексѣ-

ичъ также точно восхищается Михаиломъ Иванычемъ, какъ восхищался имъ Віоноръ Филипповичъ; Михаилъ Иванычъ дѣлается правою рукой губернатора, но въ то же время онъ несчастливъ. Его заваливаютъ порученіями какъ самъ губернаторъ, такъ и губернаторша; у него даже нѣтъ времени помечтать о тихой безмятежной жизни. Служебное счастье его ростетъ чрезвычайно быстро; онъ получаетъ чины, камеръ-юнкерство, и наконецъ губернаторша женитъ его на дочери весьма богатаго человѣка. Но все это счастье — несчастье для Михаила Иваныча. Ему тяжело и неловко въ этихъ богатыхъ комнатахъ, подлѣ этой жены, на которой онъ женился только потому, что этого желала губернаторша; въ умѣ его продолжаетъ носиться образъ кишиневской барышни и тихаго хуторка, на которомъ онъ такъ охотно провелъ бы всю свою жизнь. Наконецъ онъ получаетъ мѣсто вице-директора въ одномъ изъ петербургскихъ департаментовъ. Чины и почести сыпятся на него; онъ живетъ въ богатѣйшемъ домѣ своей жены; счастью его завидуютъ многіе, но опять-таки это счастье для него несчастье. Опять-таки ему не достаетъ кишиневской барышни и кишиневскаго хутора. Въ Петербургѣ случается съ нимъ слѣдующая катастрофа. Почтенный папенька его пріѣзжаетъ изъ Москвы со всѣмъ огромнымъ семействомъ и располагается безъ всякой церемоніи со всѣми своими пуховиками и перинами въ богатыхъ чертогахъ своего сына; это дѣлается въ то время, когда жены Михаила Иваныча, уже успѣвшей сдѣлаться модною петербургскою барыней, нѣтъ дома. Она пріѣзжаетъ ночью и застаетъ въ своихъ комнатахъ этихъ незванныхъ гостей. Въ гнѣвѣ она называетъ ихъ (конечно не въ глаза) свиньями, и восклицаетъ, что чортъ ихъ принесъ. Эти слова слышитъ отецъ ея мужа; онъ приходитъ въ ярость и говоритъ своей невѣсткѣ: «Дрянь! Благороднымъ именемъ и высокимъ титуломъ пользуешься чрезъ моего сына, а твоего мужа,—и имѣешь продерзость забываться и не оказывать должнаго почтенія и благоуваженія къ его отцу и матери! Тварь!»

Послѣдствія этой сцены крайне неблагопріятны для нашего героя. Утромъ на другой день онъ узнаетъ, что жена бросила его и переѣхала къ одной изъ своихъ великосвѣтскихъ пріятельницъ; пріятельница эта писала Михаилу Иванычу: «жена ваша отказывается отъ незавиднаго счастья быть вашей сожительницей, чтобы избѣжать навсегда негодованій и дерзкихъ попрековъ вашего отца, что вы на ней женились; такъ какъ домъ со всей прислугой, съ мебелью и

вещами, принадлежитъ ей, то не угодно ли вамъ будетъ пріискать для себя другой домъ и переселиться въ него».

Но счастье—несчастье Михаила Иваныча еще далеко не кончилось. Какъ разъ въ это время въ Петербургъ пріѣзжаетъ кишиневская барышня съ своимъ отцомъ хлопотать о дѣлѣ. Тутъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе: въ то время когда Михаилъ Иванычъ жилъ еще на кишиневскомъ хуторѣ, съ нимъ повстрѣчался тамъ нѣкто Ларинъ, бывшій прежде унтеръ-цейхвартеромъ, потомъ превратившійся въ горькаго пьяницу и рыскавшій по всей Россіи безъ всякой опредѣленной цѣли. Ларинъ уѣхалъ съ хутора вмѣстѣ съ Михаиломъ Иванычемъ, и узнавъ о его зазнобушкѣ, вызвался снова отправиться въ Кишиневъ и сосватать нашему герою его возлюбленную. Но этотъ пьяный сватъ странствовалъ до тѣхъ поръ, пока Михаилъ Иванычъ женился, и пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ полковникомъ Левоновымъ и его дочерью въ то время, когда жена бросила уже Михаила Иваныча. Отъ сплетенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, герой нашъ сильно заболѣлъ. Во время его болѣзни, кишиневская барышня уѣхала съ отцомъ домой, а жена Михаила Иваныча, весьма мелодраматически умерла. Кончилось тѣмъ, что Михаилъ Иванычъ женился на кишиневской барышнѣ и зажилъ счастливо. Къ этой сказочкѣ слѣдовало бы только прибавить слова: «и я тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало».

И на этой-то буколической, мизерной идейкѣ, вертится весь романъ, состоящій изъ двухъ томовъ самаго почтеннаго объема. Изъ краткаго изложенія нашего читатель могъ уже видѣть, въ какой мѣрѣ г. Вельтманъ стоитъ въ уровень съ современными требованіями литературы. Но—спросите вы—можетъ быть въ подробностяхъ, въ обрисовкѣ характеровъ является тотъ самый Вельтманъ, остроуміе котораго когда-то придавало его произведеніямъ не малое достоинство. Увы, эти подробности еще блистательнѣе подтверждаютъ мнѣніе о неживучести русскихъ литературныхъ дарованій. Его картины провинціальной жизни до того стары и избиты, его остроуміе до того напоминаетъ старичка, разсказывающаго, по его мнѣнію, нѣчто очень смѣшное, и хохочущаго своему собственному разсказу, что читать романъ этотъ можно только по обязанности.

Кончая этотъ краткій отчетъ, я могу повторить только то, что совѣтовалъ г. Лажечникову, по прочтеніи его послѣдняго романа,— то есть сказать г. Вельтману:—оставьте вашу литературную дѣятель-

ность и довольствуйтесь вашею прошлою славой. Что же дѣлать! Не вы тому виною! Такова ужь судьба русскихъ писателей...

Любителямъ сильныхъ ощущеній и жестоко мелодраматическихъ сценъ рекомендую книгу, носящую слѣдующее эффектное заглавіе: *«Записки палача или политическія и историческія тайны Франціи; сочиненіе бывшаго исполнителя верховныхъ приговоровъ парижскаго уголовнаго суда Сансона».*

Уже одно появленіе во французскихъ газетахъ объявленія объ этой книгѣ возбудило во Франціи сильный шумъ; да оно и не удивительно, потому что, какъ извѣстно, нѣтъ на землѣ народа, который больше французовъ былъ бы склоненъ къ мелодраматическимъ ощущеніямъ. Въ русской же публикѣ эта книга можетъ быть интересна только для чувствительныхъ барынь и для г. Семевскаго. Въ русскомъ переводѣ вышла только первая часть ея. Одна половина этого тома наполнена описаніемъ разныхъ способовъ пытокъ и казней, а другая—приторно-романическимъ разсказомъ изъ біографіи палача Сансона. Нѣтъ сомнѣнія, что Сансону много привелось видѣть у эшафота, многое слышать въ тюремныхъ замкахъ; но гдѣ же ему было знать тѣ тайные мотивы, которыхъ онъ былъ слѣпымъ исполнителемъ? Рука Сансона, какъ и ножъ гильотины, производила ужасныя казни, не изслѣдуя ни причинъ ихъ, ни внутреннихъ побужденій той власти, которая казнила. Поэтому *Политическія и историческія тайны* Франціи столько же могли быть извѣстны палачу, сколько мнѣ, никогда не бывавшему въ тюильерійскомъ дворцѣ, домашняя обстановка этого императорскаго жилища. У Франціи есть палачи почище Сансона, которымъ дѣйствительно извѣстны многія тайны, но чтобы знать эти тайны, надо подождать другихъ записокъ и отъ другихъ Сансоновъ. Что касается до перевода этой эффектной книги, сдѣланнаго г. П. А. Л — бергомъ, то онъ отвратителенъ до невѣроятности. Мы давно привыкли къ сквернымъ переводамъ, но безграмотнѣе этого намъ рѣдко случалось читать. Издателемъ этой книги, относящейся къ разряду чистѣйшихъ спекуляцій, явился книгопродавецъ Шокинъ. Сколько намъ извѣстно, это первый шагъ его издательской дѣятельности, и шагъ, какъ вы видите, заставляющій ожидать отъ г. Шокина большихъ успѣховъ.

Если «Записки палача» я рекомендовалъ людямъ съ французскимъ воображеніемъ, то слѣдующую книгу рекомендую всѣмъ, сколько нибудь дорожащимъ своимъ здоровьемъ и желающимъ сохранять его на основаніи здравыхъ, естественныхъ началъ. Эта книга составлена докторомъ Бокомъ и издана подъ заманчивымъ заглавіемъ *«Будьте здоровы!»*

Нѣтъ никокого сомнѣнія, что большинство господъ медиковъ встрѣтитъ сочиненіе доктора Бока съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и язвительною насмѣшкою. Въ этомъ случаѣ, они отплатятъ автору тою же монетой, потому что и онъ относится къ этому большинству врачующаго люда съ презрѣніемъ и насмѣшкою. Но эти чувства вызваны въ немъ не какою-нибудь гнусною завистью; они — слѣдствіе глубочайшей любви автора къ человѣчеству и глубокаго убѣжденія въ томъ, что нынѣшняя система леченія ни мало не удовлетворяетъ требованіямъ самаго простого здраваго смысла.

Долговременною практикой, долговременными наблюденіями и занятіями докторъ Бокъ дошелъ до убѣжденія, что *исцѣленіемъ болѣзней мы обязаны цѣлебному процессу природы, но не врачебному искусству.* Это правило онъ считаетъ непреложнымъ и ставитъ его въ основаніе всѣхъ своихъ совѣтовъ обществу. По его мнѣнію, больные выздоравливаютъ безъ лекарствъ, точно такъ же какъ и при разнообразнѣйшихъ способахъ леченія; справедливость этого мнѣнія онъ доказываетъ весьма просто и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма убѣдительно. На вопросъ: какъ такое явленіе (выздоровленіе съ лекарствами и безъ лекарствъ) можетъ случиться, докторъ Бокъ отвѣчаетъ вотъ что:

«Это зависитъ отъ устройства нашего тѣла, съ помощію котораго всѣ болѣзни (т. е. измѣненія въ питаніи и свойствахъ жидкихъ или твердыхъ составныхъ частей тѣла) влекутъ за собою такіе процессы, посредствомъ которыхъ эти перемѣны, черезъ болѣе или менѣе долгое время, или совершенно устраняются, или же переходятъ въ постоянное увѣчье, или оканчиваются полнымъ умираніемъ больной части. Поэтому, каждая болѣзнь можетъ имѣть три исхода, а именно: она можетъ перейдти въ полное выздоровленіе; можетъ имѣть слѣдствіемъ такъ называемыя органическія, болѣе или менѣе видимыя и тяжелыя, никогда не проходящія поврежденія. Наконецъ, можетъ повлечь за собою смерть болящей части (антоновъ огонь), или же, если эта часть очень необходима для поддержанія жизни, то смерть всего тѣла.»

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бока, если тѣло исцѣляется, то это происходитъ вслѣдствіе естественныхъ цѣлительныхъ процессовъ;— «По счастію»—говоритъ онъ—въ большей части болѣзней эти процессы происходятъ сами собою, по совершенно опредѣленнымъ, господствующимъ въ тѣлѣ законамъ, даже вопреки докторскому вмѣшательству, и потому большая часть болѣзней могутъ быть совершенно спокойно предоставлены самимъ себѣ. Такъ какъ — прибавляетъ этотъ неумолимый врагъ латинской кухни—врачи не умѣютъ и не стараются изучить естественныхъ цѣлительныхъ процессовъ, совершающихся въ больномъ тѣлѣ самостоятельно, то у большей части этихъ господъ, какъ и у занимающихся леченіемъ шарлатановъ и невѣждъ, вмѣстѣ съ смѣшнымъ высокомѣріемъ является убѣжденіе, что прописанное ими больному средство было причиной облегченія и выздоровленія его, а не устройство, данное отъ природы нашему тѣлу».

Человѣкъ, привыкшій всю жизнь возиться съ аптекой и не понимающій, какъ можно обойдтись безъ нея и безъ присяжныхъ лекарей, а равно и присяжный лекарь, прочтя эти выписки изъ сочиненія Бока, придетъ конечно въ ужасъ и назоветъ дерзкаго доктора невѣждой и выскочкой. Для довершенія этого ужаса я приведу здѣсь еще слѣдущія слова того же автора:

> «Долой аптеки!»—восклицаетъ онъ—прочь шарлатаны, магнетизеры и сонанбулы, талисманы и тайныя средства! Пока будутъ существовать всѣ эти фокусы и обманы, не будетъ человѣчество пользоваться надлежащимъ здоровьемъ; пока *въ школѣ не станутъ учить естественнымъ наукамъ*, человѣкъ самъ будетъ губить свое здоровье и жизнь; пока врачи не откажутся отъ славы ангеловъ-исцѣлителей и, смиренно сознавшись въ своей человѣческой слабости, не постараются научить людей законамъ, по которымъ тѣло сохраняетъ свое здоровье, силу и красоту и предотвращается отъ болѣзни, до тѣхъ поръ гомеопатическое, аллопатическое, гидропатическое, динамическое, шротское, радемахерское, симпатическое, мистическое и гимнастическое шарлатанство многимъ будетъ стоить денегъ, здоровья, жизни».

И такъ—спросите вы, мой читатель,—докторъ Бокъ проповѣдуетъ крестовый походъ на всѣхъ врачей? И такъ, по его оригинальному мнѣнію, всѣ медицинскіе факультеты должны быть закрыты и человѣчеству слѣдуетъ предоставить себя на произволъ природы? Нѣтъ, до такой сумасбродной крайности авторъ не дошелъ; совсѣмъ на-

противъ: онъ высокаго мнѣнія о медицинѣ и о назначеніи ея для человѣчества; но онъ хочетъ, чтобъ медицина перестала быть у насъ *лечительскимъ ремесломъ*. Будучи высокаго мнѣнія о назначеніи медицины, онъ, естественно, точно такъ же смотритъ и на назначеніе служителей этой науки;—вотъ почему возстаетъ онъ противъ тѣхъ врачей, «которые лечатъ больное человѣчество только одними лекарствами или одностороннимъ методомъ леченія»,—и, напротивъ того, считаетъ необходимыми тѣхъ, «которые предотвращаютъ болѣзни и научаютъ больныхъ естественнымъ образомъ возстановлять здоровье, а если болѣзнь неизлечима, то по крайней мѣрѣ, имѣть отъ нея, какъ можно меньше вреда».

Чуть ли не каждому изъ насъ приходилось, къ сожалѣнію, имѣть дѣло съ докторами и съ латинскою кухней. Говорю: къ сожалѣнію, во-первыхъ потому, что быть больнымъ вообще не очень пріятно, а во-вторыхъ потому, что изъ огромнаго количества врачей, наводняющихъ земной шаръ, едва ли не самое малое меньшинство представляетъ намъ людей, дѣйствительно свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ и добросовѣстныхъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Говорятъ, что медицина, какъ наука, въ настоящее время далеко подвинулась впередъ. Я не докторъ, и потому не могу судить о справедливости этого замѣчанія; но я охотно вѣрю ему, потому что, если другія науки подвинулись, то отчего бы это не могло случиться и съ медициной? Но о томъ, каковы наши доктора—можетъ судить и человѣкъ, отнюдь не посвященный въ таинства науки; тутъ собственный опытъ — лучшій учитель и указатель. Каждому изъ нас не разъ приходилось сталкиваться съ этими господами, находившими, повидимому, истинное наслажденіе въ пичканьи больного всевозможными лекарствами; каждаго изъ насъ не могло не поражать то обстоятельство, что докторъ, въ одной и той же болѣзни, бросается отъ одного медикамента къ другому и точно пробуетъ на больномъ силу того или другого лекарства. И, дѣйствительно, онъ *пробуетъ*;—такой образъ дѣйствія даже послужилъ основаніемъ цѣлой методѣ леченія; именно радемахеровской.—«Убѣдившись—говоритъ Радемахеръ—что родъ болѣзни не иначе узнается, какъ посредствомъ пробныхъ лекарствъ, я не дѣлаю никакого ученаго плана при леченіи и никогда не думаю, что прописываемое мною средство должно помочь; оно можетъ и не помочь. А если первое пробное средство окажется не дѣйстви-

тельнымъ, я даю другое, третье и т. д., пока болѣзнь разрѣшается или ослабѣваетъ». (См. сочиненіе доктора Бока, стр. 6). А вѣдь Радемахеръ—медицинская знаменитость, основатель цѣлой школы!

Не говоря уже о томъ, что не малое число докторовъ руководствуется въ своей системѣ пичканья лекарствами чисто корыстными цѣлями—(чѣмъ дольше продолжается болѣзнь, тѣмъ выгоднѣе практику-врачу),—не должно подлежать сомнѣнію и то, что другая часть докторовъ — также не малая, дѣйствуетъ такъ именно вслѣдствіе незнанія простыхъ естественныхъ законовъ и того самообольщенія, которое такъ безпощадно клеймитъ докторъ Бокъ. А что увѣренность врачей въ дѣйствительной цѣлебности ихъ лекарствъ и магической силѣ ихъ леченія есть ничто иное, какъ слѣпое самообольщеніе,—въ этомъ я убѣдился не только изъ книги г. Бока, но и вотъ по какому случаю: въ послѣднее время изъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ начали выходить люди, одушевленные самою серьезною любовью къ наукѣ и полные самыхъ благородныхъ человѣчественныхъ побужденій. Мнѣ случалось сталкиваться со многими изъ нихъ — и что же? большинство этихъ людей, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, съ какимъ-то безнадежнымъ уныніемъ говорило о своей дѣятельности, о своихъ занятіяхъ; эти люди грустно сознавали. что всѣ рецептурныя познанія, которыя они пріобрѣли въ университетахъ, оказались весьма мало пригодными въ примѣненіи къ практикѣ, и что есть *нѣчто другое*, могущее сдѣлать врача истинно полезнымъ дѣятелемъ. Но они въ то же время видѣли, что примѣнить къ дѣлу это *что-то другое* (о чемъ мы скажемъ ниже) нѣтъ почти никакой возможности вслѣдствіе необразованности общества, его суевѣрія, приверженности къ рутинѣ, наконецъ, требованій новѣйшей цивилизаціи; — они это видѣли, и потому приходили въ совершенное уныніе. Такое же уныніе проглядываетъ и въ словахъ доктора Бока, потому что и онъ хочетъ примѣненія къ дѣлу этого *чего-то другого*. Но довольно говорить загадками; изложеніемъ главныхъ требованій доктора Бока я разъясню вамъ, что такое значутъ слова: «*нѣчто другое*».

Я уже говорилъ вамъ, что по убѣжденію доктора Бока, исцѣленіемъ болѣзней мы бываемъ обязаны не врачебному цѣлебному искусству, но цѣлебному процессу природы. Это убѣжденіе Бокъ потверждаетъ

мнѣніями и другихъ достойныхъ полнаго уваженія ученыхъ; напр. Вундерлиха, который говоритъ, что нѣтъ ни одной формы болѣзни, которая не излечивалась бы безъ такъ называемыхъ медикаментовъ, и гдѣ бы эти медикаменты не могли быть замѣняемы тысячью другихъ лекарствъ, всегда готовыхъ къ услугамъ раціональнаго врача; въ большинствѣ случаевъ прописываніе медикаментовъ почти одно и то же, и во многихъ болѣзняхъ они рѣшительно не приносятъ никакой пользы, а просто только служатъ къ утвержденію довѣрія суевѣрнаго паціента», — или извѣстнаго Эстерлена, по словамъ котораго «такъ называемое самопроизвольное стремленіе къ исцѣленію, при содѣйствіи благопріятныхъ жизненныхъ отношеній, у большей части больныхъ бываетъ настоящимъ и ближайшимъ условіемъ ихъ выздоровленія»; — или Гюнсбурга, считающаго конечною цѣлью медицины — «отыскать законы общественнаго здоровья, жизненную діэтетику для гражданъ, посредствомъ изслѣдованія болѣзненныхъ продуктовъ существующихъ общественныхъ отношеній, и съ развитіемъ истины сдѣлать ее достояніемъ общества».

И такъ — болѣзнь исцѣляется процессомъ природы. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы и до болѣзни должны предоставлять себя на волю этой природы, не заботиться о предохраненіи здоровья отъ всякихъ вредныхъ вліяній, руководствоваться какимъ-то слѣпымъ фатализмомъ, выражающимся въ большей части нашего общества извѣстною формулою: «что Богъ дастъ, то и будетъ». О, конечно нѣтъ. Въ томъ-то и бѣда, что вышеприведенная формула играетъ у насъ весьма большую роль; въ томъ-то и бѣда, что большинство общества, зараженное всевозможными предразсудками, нимало не знакомое съ естественными науками, не знаетъ законовъ, на основаніи которыхъ совершается движеніе въ человѣческомъ организмѣ и не предпринимаетъ, поэтому, никакихъ мѣръ для того, чтобы эти законы не нарушались ни на одну минуту. Вотъ на это-то соблюденіе законовъ и должно быть обращено, по мнѣнію Бока, главное вниманіе ученой, добросовѣстной медицины; вотъ объ этомъ-то ненарушеніи и долженъ заботиться каждый человѣкъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Бокъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя слова Рихтера: «главная цѣль ученой медицины, какъ и каждаго, кому близко благосостояніе ближняго, состоитъ въ распространеніи, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, общественнаго попеченья о здоровьѣ въ области зако-

нодательства и управленія, а главное—въ просвѣщеніи народа естественными науками и уничтоженіи всякихъ предразсудковъ».

Такимъ образомъ, задача медицины—*предотвращать* болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, захватывать ее въ самомъ началѣ, — такъ какъ, если ужь она развилась, то пойдетъ своимъ путемъ на томъ основаніи, что въ человѣческомъ организмѣ все совершается по непреложнымъ законамъ. «Нужно же—говоритъ онъ—наконецъ убѣдиться, что болѣзни, язвы и преждевременная смерть сутъ ничто иное, какъ простыя и необходимыя слѣдствія нашихъ жизненныхъ условій, и зависятъ обыкновенно отъ недостаточнаго удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ и что потомъ, при надлежащемъ удовлетвореніи этимъ потребностямъ, какъ и при сообразномъ съ природой устройствѣ нашихъ жизненныхъ условій, можно очень легко предотвратить болѣзнь. Разумѣется, для предотвращенія болѣзни и поддержанія здоровья необходимо точное знаніе условій, необходимыхъ для постояннаго сохраненія здороваго состоянія. Для этого нужно ознакомиться съ устройствомъ и дѣятельностію органовъ нашего тѣла и съ свойственными человѣческой природѣ потребностями и вліяніемъ, которое оказываютъ на состояніе его здоровья, какъ внѣшній міръ, такъ и сама собою являющаяся въ человѣческомъ организмѣ дѣятельность. Каждый разумный человѣкъ долженъ бы былъ понастоящему такъ устроить свой образъ жизни, сообразно правиламъ науки о здоровьѣ, чтобы его организмъ былъ защищенъ отъ вредныхъ вліяній».

Конечно, эти слова окажутся несостоятельными или, говоря вѣрнѣе, неудобопримѣнимыми, если мы захотимъ примѣнить ихъ ко всѣмъ людямъ вообще; легко сказать: «разумный человѣкъ долженъ устроить свой образъ жизни сообразно правиламъ науки и защищать свой организмъ отъ вредныхъ вліяній», — но не всегда легко это сдѣлать: бѣдность, необходимость, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ жить въ такомъ мѣстѣ, которое положительно вредно для здоровья — все это такія обстоятельства, при которыхъ не спасешь организмъ отъ вредныхъ вліяній. Но докторъ Бокъ пишетъ свои наставленія для тѣхъ людей, которые имѣютъ мало-мальскую возможность заботиться о своемъ здоровьѣ; — поэтому непримѣнимость его правилъ въ самомъ обширномъ смыслѣ и не можетъ быть поставлена ему въ особенную вину.

И такъ, предотвращать болѣзнь (конечно, въ большей или меньшей степени) можно, по мнѣнію доктора Бока, соблюденіемъ условій, требуемыхъ тѣмъ или другимъ организмомъ. Что касается до леченія болѣзни, то Бокъ думаетъ, что оно только тогда можетъ принести пользу, когда будутъ «мудро исполняться и поддерживаться тѣ законы, которымъ подчинено здоровое и больное тѣло».

Для такого исполненія и поддерживанія законовъ Бокъ предлагаетъ способъ самый простой и, конечно, самый раціональный. Это—способъ леченія *діэтетическаго*; *физіологическія* вспомогательныя средства Бокъ считаетъ самыми существенными цѣлебными средствами.

«Еще не велико—пишетъ онъ—и не особенно геніально знаніе умѣть прописать то или другое изъ прославленныхъ лекарствъ, при той или другой уже развившейся болѣзни, или, какъ это дѣлаютъ гомеопаты и практикующіе этой наукой невѣжды, при наступившихъ болѣзненныхъ явленіяхъ, достать какое нибудь рекомендованное средство изъ своей гомеопатической, домашней, карманной или походной аптеки. Но нужна величайшая осторожность, точное и основательное знаніе, чтобы назначить больному необходимые ему пищу, воздухъ, свѣтъ, теплоту или холодъ, покой или движеніе; потому что при болѣзненномъ состояніи огромную разницу составляетъ пища легкая или тяжелая, жидкая или твердая, теплая или холодная, жирная или обильная бѣлковиной, теплый или холодный воздухъ, яркій или умѣренный свѣтъ, теплая или холодная припарка, покой или движеніе.»

Діэтетическое леченіе, по мнѣнію Бока, должно быть предпринимаемо *немедленно* по обнаруженіи нездоровья; «еслибъ — говоритъ онъ — что нибудь дѣлали при самомъ началѣ болѣзней, то конечно многія страданія или скоро проходили бы по наступленіи своемъ, или же не достигали бы такихъ большихъ размѣровъ, продолжительности и опасности, какъ это часто случается въ наше время, особенно въ дѣтскихъ болѣзняхъ». Главнѣйшіе діэтетическіе законы, постановляемые Бокомъ, весьма просты, раціональны и согласны съ природою; вотъ они: 1) больной органъ требуетъ величайшей пощады; 2) больной долженъ соблюдать регулярный, спокойный образъ жизни и избѣгать всего непривычнаго; 3) нужно удовлетворять больному тѣлу въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ; 4) нужно всѣ вредныя вліянія внѣшняго міра по возможности удалять отъ больного, причемъ должно стараться преимущественно устранять тѣ внѣшнія вліянія,

которыя произвели болѣзнь и легко могутъ ее поддерживать. Законы эти изложены нами вкратцѣ; Бокъ подробно говоритъ о каждомъ изъ нихъ.

Излагать подробно все содержаніе книги: «Будьте здоровы»—я не имѣю никакой возможности; но надѣюсь, что и то, что написано мною, достаточно ознакомило читателя съ ея характеромъ и значеніемъ. Все сказанное Бокомъ можетъ резюмироваться слѣдующими главными положеніями: въ организмѣ человѣческомъ все совершается по непреложнымъ законамъ. Долгъ каждаго человѣка (конечно, если есть возможность) соблюдать условія, необходимыя для сохраненія здоровья. Дѣло медицины предотвращать болѣзнь и лечить ее сообразно съ законами природы. Неудовлетворительное состояніе человѣческаго здоровья вообще происходитъ вслѣдствіе необразованности, суевѣрія и рутинныхъ наклонностей большей части общества, а также (и въ большой степени) шарлатанства и самообольщенія докторовъ, воображающихъ, что они могутъ лечить наперекоръ природѣ и производить чудеса вливаніемъ въ глотку своихъ медикаментовъ. Лучшій способъ леченія—діэтетическій, какъ самый сообразный съ законами природы.

Развивая эти главныя положенія, Бокъ въ то же время останавливается на многихъ частностяхъ, весьма интересныхъ и всюду проникнутыхъ здоровымъ смысломъ и честнымъ взглядомъ. Чтобы читатель узналъ, какого рода эти частности, я приведу здѣсь содержаніе книги Бока: 1) Почему болѣзни исцѣляются безъ лекарствъ и врачей и не смотря на нихъ; 2) Естественное излеченіе кровотеченія; 3) Естественное излеченіе воспаленія; 4) О бездѣйствіи и о правильномъ обращеніи съ болѣзнями; 5) Общія діэтетическія правила; 6) Діэтетическіе рецепты: для кашляющихъ, отъ охриплости, при страданіи желудка, противъ брюшныхъ страданій; 7) Цѣлебныя и предохранительныя домашнія средства отъ болѣзней; 8) Разсказы изъ медицинской практики; 9) Обличительныя проповѣди: женщинамъ и матерямъ, и для всѣхъ; 10) Исторія лечебной науки, лечителей и лекарствъ; 11) О страсти лечить; 12) Долой аптеки; 13) Не излишни ли врачи? 14) Заслуживаютъ ли люди раціональныхъ врачей; 15) Будущая медицина; кто исцѣляетъ: лекарства или природа? 16) Какимъ образомъ исцѣляетъ природа воспаленіе легкихъ и легочную чахотку?—Ко всему этому присоединенъ отдѣлъ подъ загла-

віемъ: «Мертвое, живое и разумное на землѣ»,—куда вошли разсужденія: о нервной системѣ, мозгѣ, душѣ и умѣ, — о нервахъ, нервныхъ узелкахъ, спинномъ и головномъ мозгѣ, — о свойствахъ нервной системы у различныхъ тварей,—о снѣ и сновидѣніяхъ,—о діэтетикѣ мозга и сна,—наконецъ, о матеріальныхъ основаніяхъ человѣческой жизни и разсудка.

Я замѣтилъ выше, что Бокъ какъ-то уныло и безнадежно смотритъ на свои собственныя проповѣди; онъ точно понимаетъ, что вопіетъ въ пустынѣ; онъ знаетъ, конечно, какъ сильна въ насъ сила рутинной привычки, какъ любимъ мы идти по разъ проложенной, торной дорожкѣ, какъ далеко наше общество отъ настоящаго, естественнаго развитія. «Откуда—восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ—взяться разуму у нашего теперешняго человѣчества? Дома дѣтей суевѣрные родители и вѣрящія въ страшилища няньки съ самого рожденія набиваютъ всякаго рода предразсудками; въ школѣ, гдѣ могли и должны бы были преподаваніемъ естественныхъ наукъ по крайней мѣрѣ хоть на сколько нибудь искоренить это суевѣріе, бываютъ принуждены, по большей части, не знать божескихъ естественныхъ законовъ, освобождающихъ отъ суевѣрія; послѣ школьныхъ лѣтъ у мужчины начинается такъ называемое заработываніе денегъ, между тѣмъ какъ женщина, вѣчно ничего не дѣлающая, занимается только нарядами для завоеванія себѣ мужа. Отъ лечителей, у большей части которыхъ искусство основывается на суевѣріи, конечно, нельзя ожидать искорененія медицинскаго суевѣрія, тѣмъ болѣе, что отъ суевѣрія больныхъ зависятъ ихъ выгоды. Что же касается до прописыванія рецентовъ, то объ уничтоженіи этого не свѣдущіе лечители менѣе всего будутъ стараться, потому что большая часть изъ нихъ своей мудростью обязана только карманнымъ рецептурнымъ книжкамъ».

Да, и мы понимаемъ, что всѣ эти и подобныя имъ наставленія на путь здраваго смысла остаются, покамѣстъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; и мы очень хорошо знаемъ, что въ обществѣ господство остается покамѣстъ за шарлатанствомъ, суевѣріемъ, нравственнымъ распутствомъ и т. п. Но мы тѣмъ не менѣе убѣждены, что каждое честное и разумное слово мало по малу дѣлаетъ свое дѣло, и какъ капля долбитъ камень, такъ эти честныя и разумныя слова долбятъ гнусную кору, покрывающую то, что называется у насъ общественнымъ мнѣніемъ...

Нѣтъ—какъ я замѣтилъ выше—никакого сомнѣнія, что сочиненіе доктора Бока будетъ встрѣчено большинствомъ врачей съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но мы, люди не посвященные въ таинства кабалистической медицины, руководствующіеся только здоровымъ смысломъ, привѣтствуемъ эту книгу съ истиннымъ удовольствіемъ и желаемъ ей побольше изданій. Кстати, если это желаніе осуществится, то намъ было бы крайне пріятно, если бы переводчикъ (книга переведена съ нѣмецкаго), подумалъ немного о законахъ русскаго языка, о правилахъ русской грамматики;—можетъ быть, тогда онъ не употреблялъ бы фразъ въ родѣ: «не велико знаніе умѣть».

Въ заключеніе моего отчета о сочиненіи доктора Бока считаю долгомъ сказать, что оно написано весьма популярно и въ то же время отличается большою энергичностью изложенія...

Изъ міра пластырей, примочекъ и другихъ прелестей я введу моихъ читателей на нѣсколько минутъ въ міръ эстетическихъ наслажденій,—міръ изящныхъ искусствъ;-введу затѣмъ, чтобы познакомить ихъ въ самыхъ короткихъ словахъ съ сочиненіемъ г. Рамазанова, озаглавленнымъ такъ: «*Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи*».

Наружность обманчива—говорится въ прописяхъ, и это изреченіе оказывается совершенно справедливымъ въ примѣненіи къ сочиненію г. Рамазанова. Книжка толстая, заглавіе привлекательное,—но этимъ и ограничиваются достоинства труда. Не одному изъ насъ хорошо извѣстна судьба большей части русскихъ художниковъ; не одинъ изъ насъ знаетъ, что и въ этомъ художественномъ мірѣ существуетъ бездна гадостей, бюрократическаго олимпійства, лакейскаго ухаживанія за золотыми тельцами и т. п. У г. Рамазанова и помину нѣтъ о всѣхъ этихъ явленіяхъ; его «матеріалы» все такіе утѣшительные, розовые, торжественные, смахивающіе чуть-чуть не на гимны.

Но мы еще не поставили бы этихъ розовыхъ красокъ въ укоръ автору, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ собиралъ намъ что нибудь особенно важное, особенно характеристичное. А то судите сами: сначала идутъ біографическіе очерки художниковъ: Бориспольца, Витали, Воробьева, Добровольскаго, Завьялова, Иванова (скульптора), Капкова, Логановскаго, Молдавскаго, Орлова, Петровскаго, Рабуса, Ухтомскаго и Шебуева. Очерки большею частію безцвѣтные и интересные скорѣе для друзей и родственниковъ этихъ художниковъ, чѣмъ для большинства читателей.

Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Воспоминанія». Тутъ на первомъ планѣ краснорѣчивая глава: «Художества подъ покровительствомъ Императора Николая I». Глава эта начинается словами: «Нельзя не вспомнить безъ благоговѣнія о томъ высокомъ покровительствѣ, о той отеческой заботливости, какими постоянно исполненъ былъ покойный монархъ относительно художественнаго міра и его представителей». Никто изъ насъ не сомнѣвается, конечно, въ справедливости этого заявленія г. Рамазанова, но ужь если онъ хотѣлъ сообщить публикѣ о томъ покровительствѣ, которое оказывалъ покойный императоръ свободнымъ художествамъ, то слѣдовало представить полную картину. Повторяемъ, мы и безъ того совершенно вѣримъ г. Рамазанову, но все-таки намъ крайне было бы пріятно получить отъ него болѣе подробныя свѣденія. А г. Рамазановъ, давъ этой главѣ такое громкое названіе, разсказалъ только эпизодъ посѣщенія Николаемъ Павловичемъ Рима въ 1845 г.;—разсказалъ, какъ государь пріѣхалъ къ папѣ въ полномъ конногвардейскомъ мундирѣ,—и какъ его величественностью и красотою любовались всѣ итальянцы,—и какъ русскіе художники представлялись ему въ соборѣ св. Петра,—и какъ его поразило то обстоятельство, что этотъ соборъ оказался несравненно больше Исакіевскаго собора, — и какъ онъ посѣтилъ мастерскую Ставассера,—и какъ онъ пріѣзжалъ также въ мастерскую самого г. Рамазанова (автора разбираемой нами книги),—и какъ г. Рамазановъ, въ ожиданіи высокаго посѣтителя, посыпалъ краснымъ пескомъ улицу, по которой къ нему долженъ былъ пріѣхать государь,—и какъ императоръ ласково обошелся съ нимъ, г. Рамазановымъ, и уходя сказалъ: «ну, работай, работай!».—и т. п. подробности. Все это, конечно, вещи весьма интересныя и дорогія для воспоминаній каждаго истиннаго сына отечества, но это все-таки

одинъ только эпизодъ. Впрочемъ, г. Рамазановъ издалъ только 1-й томъ своего сочиненія,—и надо надѣяться, что во 2-мъ томѣ онъ сообщитъ читателямъ болѣе подробностей о томъ, какъ покровительствовалъ свободнымъ художникамъ въ Россіи незабвенный императоръ.

Остальныя «Воспоминанія» г. Рамазанова представляютъ не много интереснаго; это—воспоминанія о нѣкоторыхъ художникахъ,—воспоминанія большею частію безцвѣтныя, изъ которыхъ можно только—и то отчасти—исключить статью о Брюлловѣ, заключающую въ себѣ нѣкоторыя новыя и довольно интересныя подробности. Съ какой стати тутъ же напечатанъ газетный разсказъ о юбилеѣ графа Толстого (въ 1853 г.),—разсказъ, начинающійся риторскимъ оборотомъ: «что можетъ быть выше и отраднѣе, какъ быть полезнымъ обществу?»—это извѣстно развѣ только Юпитеру.

Но, я думаю, и Юпитеру неизвѣстно, для чего г. Рамазановъ помѣстилъ въ своей книжкѣ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Смѣсь»,—состоящій большею частію изъ весьма краткихъ замѣтокъ, помѣщавщихся авторомъ въ разныхъ газетахъ и теперь собранныхъ во-едино. Мнѣ желательно было бы, напримѣръ, чтобъ кто-нибудь разъяснилъ мнѣ, какой «матеріалъ для исторіи художествъ въ Россіи» можетъ представить хоть слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ: «Искусство»:

> «Искусство, кисть, изящная черта, рѣзецъ, художникъ, вотъ слова, которыя для многихъ звучатъ какъ-то особенно, и это понятно: художественная дѣятельность, какой бы степени таланта она ни принадлежала, всегда доставляетъ чистое наслажденіе и самому дѣятелю, и сферѣ, его окружающей. Обаяніе искусства такъ сильно, что кто даже самую малую имѣетъ къ нему способность, и тотъ хлопочетъ о развитіи этой способности; особенно это замѣтно у насъ въ послѣднее время. Правда, не всѣ достигаютъ значительнаго совершенства, потому что искусство требуетъ всего человѣка и постоянныхъ непрерывныхъ занятій; но любовь къ художеству уже вознаграждается въ самомъ стремленіи къ нему.»

А такихъ замѣтокъ въ пресловутой «Смѣси» г. Рамазанова не мало!

Впрочемъ, г. Рамазанова безусловно винить нельзя за *домашній* характеръ его сочиненія. Онъ издалъ его подъ вліяніемъ весьма уважительныхъ обстоятельствъ. «Печатавъ—говоритъ онъ въ

предисловіи—въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ свѣденія объ успѣхахъ русскихъ художествъ и о самихъ нашихъ художникахъ, какъ отжившихъ, такъ и живущихъ, которые пріобрѣли или пріобрѣтаютъ заслуженную извѣстность, или не достигаютъ ее вполнѣ, вслѣдствіе отдаленности ихъ поприща отъ столицъ, или по какимъ другимъ обстоятельствамъ, *я находилъ въ этихъ небольшихъ, отрывочныхъ занятіяхъ прямое удовольствіе. Лестные и поощрительные о нихъ отзывы опытныхъ художниковъ и не разъ высказывавшееся къ нимъ сочувствіе знатоковъ искусствъ и любителей, навели меня на мысль соединить въ одно цѣлое мои разрозненныя статьи и статейки, которыя могутъ пригодиться будущему историку нашихъ художествъ»*.

Ну, конечно, какъ послѣ этого не напечатать всего, что было написано?..

П. В.

ПОЛИТИКА.

Теченіе французской исторіи уподобляется теченію рѣки Роны. — Что такое всеобщая подача голосовъ второй имперіи?—Старое и новое поколѣніе Франціи. —Выборы депутатовъ и зависимость ихъ отъ правительства. — Невозможность оппозиціи въ французской палатѣ. — Пять независимыхъ депутатовъ еще не составляютъ дѣйствительной оппозиціи. — Политика Наполеона III; внѣшняя и внутренняя сторона ея или соединеніе въ одномъ лицѣ Макіавелли и Наполеона I.—Спекуляція дижонскихъ монаховъ чудесами. — Замѣщеніе вольтеровскаго кресла въ французской академіи господиномъ Карне вмѣсто г. Литре.

Исторія Франціи, которую сами французы считаютъ самой цивилизованной страной въ мірѣ, походитъ, какъ двѣ капли воды, на теченіе рѣки Роны. Чѣмъ выше восходитъ эта рѣка отъ своихъ истоковъ, тѣмъ больше тащитъ за собой илу и грязи, тѣмъ желтыя воды ея становятся мутнѣй. Самые берега этой рѣки, по мѣрѣ приближенія ихъ къ морю, теряютъ всю свою прелесть, и тянутся скучными и однообразными линіями, покрытыми каменнымъ щебнемъ и пескомъ. Таково теченіе и французской исторіи. Накопившаяся съ вѣками грязь угрожаетъ залить Францію въ половинѣ XIX вѣка, и только одна заплывшая жиромъ буржуазія да ея креатуры находятъ, что въ тихихъ болотныхъ водахъ плаваніе безопаснѣй и лучше. Министръ Бильо, говоря однажды въ общественномъ собраніи объ удивительномъ спокойствіи Франціи, разгорячился отъ своего краснорѣчія и, остановивъ жестъ руки на двухъ полицейскихъ чиновникахъ, стоявшихъ у дверей, воскликнулъ: «ну какая же нація можетъ по-

хвалиться такимъ божественнымъ спокойствіемъ, какимъ пользуется императорская Францiя?» Слушатели, замѣтивъ не совсѣмъ удачный жестъ Демосфена изъ префектуры, улыбнулись, а *спокойствіе* Франціи, стоявшее на вытяжку у дверей залы и затянутое въ мундиры, переконфузилось...

Это удивительное спокойствіе второй имперіи только одинъ разъ въ годъ немножко нарушается во время выборовъ. Извѣстно, что императорская Францiя управляется республиканскимъ принципомъ— *всеобщей* и *свободной* подачей голосовъ. Мы говоримъ *всеобщей*, потому что всякій, кому прикажетъ префектъ, можетъ выражать свое мнѣніе въ дѣлахъ мѣстной автономіи; мы говоримъ *свободной*, потому что всякій можетъ говорить сколько ему угодно по порограммѣ, заранѣе составленной правительствомъ; можно говорить даже о самомъ правительствѣ, но не иначе, какъ превознося его благодѣтельное вліяніе на 37 милльоновъ народонаселенія, изъ котораго 28 милльоновъ ходятъ круглый годъ въ деревянныхъ башмакахъ и болѣе десяти милльоновъ живетъ въ мазанкахъ, покрытыхъ соломенными крышами. Не смотря на то, всеобщая подача голосовъ составляетъ любимое украшеніе для офиціальныхъ ораторовъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, они готовы сказать: «ну на какое же стѣсненіе вы жалуетесь, когда управляете сами собой посредствомъ всеобщей и свободной подачи голосовъ?» Неизвѣстно почему, но нынѣшній годъ ожидали чего-то необыкновеннаго отъ выборовъ депутатовъ и засѣданія законодательной палаты. Въ частныхъ и офиціальныхъ кружкахъ сильно поговаривали о какой - то оппозиціи партіи недовольныхъ, но буря разразилась въ стаканѣ воды, и члены парижскаго парламента разошлись совершенно довольные сами собой и правительствомъ. Впродолженіе послѣднихъ шести лѣтъ депутаты исполняли свои обязанности, какъ слѣдуетъ добрымъ вѣрноподданнымъ; имъ представлялся на обсужденіе государственный бюджетъ, и они одобряли его безъ малѣйшаго измѣненія; они одобрили итальянскую, сирійскую, китайскую, кохинхинскую и мексиканскую войну; они очень много и долго говорили о свободѣ прессы, но всегда оканчивали одобреніемъ того, что было прежде; они приходили въ экстазъ отъ политики внутренней и рукоплескали политикѣ внѣшней; они постоянно выражали сочувствіе г. Барошу и чуть не плакали отъ краснорѣчія графа Морни; такъ что и правительство было довольно своими представителями и пред-

ставители—императорской конституціей. Однимъ словомъ, куда ни посмотришь—вездѣ Эльдорадо.

Не менѣе того нынѣшній годъ показалъ, что подъ этой наружной тишью и благодатью совершается внутренній кризисъ, который кажется намъ очень важнымъ, если судить о немъ по тѣмъ фактамъ, которые рано или поздно оканчиваются извѣстными послѣдствіями. Въ странѣ, гдѣ такъ же неприлично говорить съ гражданами о политикѣ, какъ съ дамами о математикѣ или съ аббатами о религіи, въ странѣ, гдѣ полицейскій коммисаръ служитъ *букой* для всѣхъ большихъ дѣтей, въ этой странѣ сдѣлалось очень трудно знать общественное мнѣніе націи, и о немъ можно догадываться только по инстинкту или по наведенію. Но у народа, который вовсе не можетъ выражать своего мнѣнія, или это мнѣніе заперто въ немъ, какъ пары въ котловинѣ, наглухо закрытой, у такого народа самое ничтожное движеніе въ обществѣ принимаетъ характеръ серьезной революціи. Поэтому если въ нынѣшнемъ году по случаю выборовъ и не случилось никакой бури, то надо признаться, что публика сильно была заинтересована ими и не совсѣмъ равнодушно смотрѣла на ходъ ихъ. А это даетъ мнѣ возможность пощупать пульсъ этой публики и навести медицинскія справки о ея политическомъ здоровьѣ.

Съ 1848 года во Франціи поколѣніе людей совершенно измѣнилось, такъ что изъ остатковъ различныхъ партій, переживших двѣ реставраціи, двѣ революціи, нѣсколько диктатуръ и двѣ имперіи, образовалась какая-то смѣсь, похожая на дрожжи, слитыя въ одинъ сосудъ изъ разныхъ напитковъ. Опредѣлить физіономію и характеръ этого поколѣнія почти невозможно; оно до того безцвѣтно, что если перенести его живьемъ изъ XIX вѣка въ XV, то оно будетъ отличаться отъ своихъ предковъ развѣ костюмомъ и любовью посѣщать кукольные театры, но ужь никакъ не политическими убѣжденіями. Современная Франція политическихъ убѣжденій не имѣетъ—это фактъ, въ которомъ никто не сомнѣвается, и особенно толпа ренегатовъ, какой не представляетъ ни одна эпоха французской исторіи. Правительство также хорошо понимаетъ, съ какимъ сортомъ людей ему приходится имѣть дѣло, и потому оно на нынѣшнихъ выборахъ поставило вопросъ начисто: оно провозгласило имена кандидатовъ, предписало имъ офиціальныя занятія и, чтобы запугать едва замѣтную оппозицію, объявило на всевозможные тоны: «мы не допускаемъ кандидатовъ *преданныхъ*, но желающихъ остаться *незави-*

симыми; мы признаемъ только кандидатовъ императорскихъ, преданныхъ одному императору и назначенныхъ его властію; всѣхъ другихъ мы объявляемъ врагами имперіи». Слова эти, проникнутыя гордостію и даже угрозой, повидимому, были сказаны противникамъ правительства. Но на самомъ дѣлѣ они относились къ цѣлой странѣ, къ тѣмъ же самымъ буржуа, которые боятся синей блузы, какъ черти ладана, и которые доселѣ нашептывали правительству въ такомъ родѣ: «господа министры, съ тѣхъ поръ, какъ мы поклялись быть друзьями и вѣдать дѣлами Франціи съ-обща, не мѣшая другъ другу, у насъ все идетъ отлично. Вы управляете нами совершенно спокойно, а мы съ вашей помощью набиваемъ свои карманы также спокойно. Будемъ же жить въ мирѣ, и преслѣдовать оппозицію».

Но что же это за оппозиція? Въ чемъ ея сила и гдѣ опасность? Мы сказали выше, что у современной Франціи политическихъ убѣжденій нѣтъ, что ея офиціальный міръ болѣе чѣмъ па половину состоитъ изъ подкупленныхъ друзей второй имперіи и ренегатовъ; за спиной этого міра прячется финансовый, бюрократическій и торговый людъ, у котораго не только политическихъ, но и никакихъ убѣжденій нѣтъ. Затѣмъ идетъ чернорабочая масса, у которой нѣтъ ни времени, ни образованія для того, чтобы заниматься общественными интеeесами; она роется въ землѣ, воздѣлываетъ свои поля и виноградники, и со дня на день перебивается изъ за куска хлѣба. Но отъ прошлыхъ переворотовъ Франціи, среди разнаго мусора и падали, уцѣлѣло нѣсколько людей, выдержавшихъ на себѣ пробу самыхъ серьезныхъ событій; эти люди и. по образу мыслей, и по характеру остались вѣрными своей гражданской чести. Когда ихъ помазали по губамъ всеобщей подачей голосовъ и приглашали явиться на выборы, чтобы отдать свой *голосъ* въ руки чиновника, они не хотѣли падавать голоса и не хотѣли признать такого способа для выраженія общественнаго мнѣнія: ихъ назвали опасными республиканцами. Когда ихъ приглашали присягнуть второй имперіи, они отказались отъ присяги, на томъ уважительномъ основаніи, что они не участвовали ни мыслію, ни дѣломъ въ этой темной исторіи 2 декабря и предпочли лучше оставить Францію, чѣмъ солгать передъ собой и передъ обществомъ: ихъ назвали врагами народнаго спокойствія. Но такихъ людей вездѣ немного, потому что исторія состоитъ не изъ героевъ, а изъ самыхъ обыкновенныхъ дѣятелей. Нѣкоторые изъ этого разряда рѣшились стать на практическую почву и дѣйство-

вать, пока есть какая нибудь возможность дѣйствовать. Они разсуждали очень логично, что политическая вѣра послѣ 2 декабря есть простая формальность, что если Наполеонъ Бонапартъ обѣщалъ остаться вѣрнымъ республикѣ, то отчего же имъ не обѣщать остаться вѣрными имперіи. Это чисто математическое уравненіе, строго справедливое въ политическомъ смыслѣ. «Если правительство, говорили они, хочетъ заключить насъ въ формальную присягу, какъ въ паутину, то почему же намъ не разорвать ее, если хватитъ силъ и ловкости». Хорошо или дурно поступили эти люди, мы не беремся рѣшать этого вопроса безусловно, но они иначе не могли дѣйствовать, если не желали прогуляться въ Каену или поститься на пищѣ св. Антонія въ Мазасѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что право имѣетъ своихъ героевъ и фанатиковъ, но героизмъ, лишенный практическаго результата, есть парадное дон-кихотство, смѣшное даже въ своей грандіозности. Если нельзя получить всего, то слѣдуетъ ли отказываться отъ того, что можно получить; если обходятся съ нами жестоко, то изъ этого не слѣдуетъ, что надо сложить руки и на все смотрѣть равнодушно. Когда попадаютъ въ болото, то дѣлать нечего—надо плыть по грязи, а не тонуть ради того, что можно испачкаться этой грязью. Счастливъ тотъ, кто не попалъ въ болото и выбралъ себѣ болѣе чистый путь, но ужь если попалъ, то надо во что бы то ни стало выбираться изъ него. Что бы ни говорили, но всякое правительство болѣе или менѣе выражаетъ ту степень политической нравственности, которая по плечу большинству общества. Мы не говоримъ, чтобы большинство было всегда право, но отъ этого ничего не выигрываютъ тѣ, которые понимаютъ нелѣпость факта и не могутъ измѣнить его.

Какъ бы то ни было, но вторая имперія провозгласила свое рожденіе отъ общенароднаго выбора, подтасованнаго на всеобщей подачѣ голосовъ; она утверждала, что ее произвела на свѣтъ не ночь 2 декабря, а избирательная урна, наполненная семью милльонами голосовъ. И если реставрація, подобно военной контрибуціи, была навязана намъ иностранцами, то вторая имперія была создана самой Франціей, и слѣдовательно могла защищать себя національнымъ происхожденіемъ. Орлеанисты еще доселѣ имѣютъ смѣлость указывать на Людовика Филиппа, какъ на образецъ гуманнаго правленія. Но настоящая цѣна вещей опредѣляется ихъ внутреннимъ достоинствомъ. Развѣ Карлъ X не былъ также обманутъ въ 1830 году, какъ доб-

рый Жакъ въ 1848 году? Людовикъ Филиппъ произвелъ революцію для того, чтобы измѣнить ей при первомъ удобномъ случаѣ. Извѣстно, какъ онъ, лишивъ Бурбоновъ власти, подобралъ ее къ себѣ на тѣхъ же абсолютныхъ основаніяхъ. Этотъ добрый Буржуа, гулявшій по улицамъ Парижа въ измятой шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, такъ кротко разговаривавшій съ работниками, въ 1848 г. настаивалъ на томъ, чтобы разсѣять картечью безоружный народъ, собравшійся у балкона тюйльерійскаго дворца. Всякое лицемѣріе гнусно, но гнуснѣе политическаго лицемѣрія ничего нельзя представить себѣ... Людовикъ Наполеонъ, можетъ быть, отличается большими наклонностями къ деспотизму, чѣмъ Филиппъ Орлеанскій, но онъ называетъ себя императоромъ по волѣ народа; если правительство его предало народъ невѣждамъ и іезуитамъ, то оно, по крайней мѣрѣ, можетъ похвалиться матеріальнымъ развитіемъ страны; оно дало монополи обществамъ желѣзныхъ дорогъ, движимаго и недвижимаго кредита, оно кормитъ двѣсти тысячь столичныхъ работниковъ насчетъ бѣдныхъ земледѣльцевъ и украшаетъ Парижъ насчетъ всей Франціи. А развѣ это не прогрессъ? И я крайне затруднился бы отвѣчать на вопросъ: кто выше и нравственнѣе—общество, создавшее вторую имперію, или вторая имперія, управляющая этимъ обществомъ?

Но неужели, повторяемъ, надо сложить руки и на все смотрѣть съ тупымъ стоическимъ равнодушіемъ? Неужели надо отказаться отъ подачи голосовъ, когда всякій честный голосъ, какъ бы онъ ни пробился наружу, имѣетъ огромное вліяніе на слушающихъ его? Воздержаніе въ этомъ случаѣ есть самоубійство; оно можетъ быть въ характерѣ Англіи и Германіи, но не въ характерѣ Франціи. Французы любятъ дѣйствовать *quand même*, и это единственная черта, за которую имъ нельзя отказать въ живучести ихъ силъ. Да и какую пользу можетъ принести это воздержаніе отъ публичной дѣятельности, и кого оно можетъ научить своей глубокой морали? Народъ всего менѣе философъ; онъ ничего не понимаетъ въ политической метафизикѣ, и когда голоденъ, проситъ хлѣба, и когда не даютъ его, онъ отнимаетъ его насильно. Это логика не идей и разной метафизической белиберды, а логика фактовъ и силы вещей; народъ вовсе не желаетъ заниматься взаимными отношеніями партій и далеко стоитъ отъ ихъ политической игры въ разныя стремленія, но если онъ видитъ, что способный гражданинъ уклоняется отъ дѣла, не хочетъ замарать рукъ въ черной будничной работѣ, онъ

называетъ такого гражданина лѣнтяемъ и измѣнникомъ. И съ своей точки зрѣнія онъ совершенно правъ.

Кто не хочетъ дѣйствовать, когда это всѣмъ и каждому нужно, изъ уваженія къ своимъ принципамъ, тотъ можетъ еще оправдываться искренностію убѣжденій; но что же надо думать о тѣхъ, которые подъ предлогомъ какой-то «законности» упорно молчатъ и какъ привидѣнія шатаются праздно между живыми людьми? «Возвратите намъ, говорятъ они, отнятую законность, и потомъ требуйте отъ насъ и голоса, и дѣла». Да кто же, господа законники и фарисеи, станетъ возвращать вамъ законность, когда вы не умѣли защитить ее, когда вы первые нарушили ее? Вспомните, что вы кричали въ 1851 году? «Законность убиваетъ насъ», говорили вы тогда; «Законность намъ подайте», кричите вы теперь. Сознайтесь лучше, что не отсутствіе законности заставляетъ васъ молчать, а отсутствіе того братства, которое вы всуе лепили на разныхъ фронтонахъ, карнизахъ и чеканили на монетахъ. Вы слишкомъ мелко-самолюбивы для того, чтобы подвергать себя сомнительной дѣятельности; вы раздражительны, какъ беременная женщина, и боитесь всякой опасности, которая можетъ помять ваши бѣлыя жабо и испортить цвѣтъ лица среди уличной свалки. Когда вы остаетесь одни, сами съ собою и съ вашей собственной совѣстью, вы вовсе не думаете о законности, а думаете о томъ, какъ бы половчѣе обойдти ее ради вашихъ личныхъ интересовъ, какъ бы ныньче получше поужинать, а завтра пообѣдать насчетъ бѣднаго работника. Сколько представлялось случаевъ соединиться вамъ для достиженія общей цѣли: что же разъединяло васъ? Вы непремѣнно скажете—убѣжденія, неуваженіе къ законности; но вы солжете, если это скажете. Нѣтъ, не убѣжденія разъединяли васъ, а тупость въ пониманіи общественныхъ вопросовъ и опять-таки раздражительность вашихъ пигмейскихъ самолюбій. Гдѣ нужно было сомкнуться какъ можно плотнѣе и противопоставить отдѣльному насилію коллективную силу, вы ссорились изъ за фразъ, спорили о формальностяхъ и тыкали другъ другу въ глаза разными вздорными упреками и обидами. Есть арабская пословица: «долго повертывай камень и терпѣливо цѣлься, но, прицѣлившись, прямо бей въ лобъ»; а вы, не имѣя терпѣнія цѣлиться, швыряли каменьями куда попало, и били себя въ свой собственный дурацкій лобъ.

Теперь посмотримъ, изъ кого же состоитъ оппозиція правительству Наполеона III, оппозиція, отъ которой не отказывается самъ им-

ператоръ, понимая все безсиліе ея и желая придать своимъ намѣреніямъ болѣе откровенный характеръ, когда они будутъ встрѣчать хоть видимое противорѣчіе въ представителяхъ народа? Одни не могутъ дѣйствовать, потому что плачутъ и проклинаютъ на чужой землѣ; другіе отстранили себя отъ всякой общественной дѣятельности по убѣжденію, третіи подъ предлогомъ какой-то законности, и затѣмъ масса по необходимости остается равнодушной ко всему, что кругомъ ея и на ея же счетъ дѣлается. Изъ кого же состоитъ оппозиція? Говорите не краснѣя: *изъ пяти человѣкъ*. Пять человѣкъ противъ пяти сотъ тысячь разныхъ бюрократовъ, противъ трехъ милльоновъ самой рутинной буржуазіи, противъ всѣхъ жандармовъ и шпіоновъ, которыхъ число такъ велико, что Наполеонъ III можетъ выстроить ихъ въ ряды и предпринять походъ противъ всей внутренней Африки. Нѣтъ сомнѣнія, что роль такой оппозиціи въ законодательной палатѣ болѣе, чѣмъ смѣшная. Достаточно поднять голосъ въ пользу ничтожнѣйшей реформы, какъ противъ этого голоса возстаетъ все собраніе и покрываетъ своимъ крикомъ протестъ пяти. Неудивительно, что среди этого собранія даже Тьеръ и Монталамберъ съ братіей оказываются иногда черезчуръ либеральными. Я знаю возраженіе тѣхъ, кто очень лестно думаетъ о могуществѣ консервативной партіи: «если бъ оппозиція, говорятъ они, какимъ-нибудь чудомъ могла взять перевѣсъ надъ правой стороной, то развѣ позволили бы ей дѣйствовать и не вывели бы изъ собранія, какъ это случалось прежде»? Но позвольте спросить: зачѣмъ же тогда признавать права конституціи? Какой смыслъ ея, если она не имѣетъ даже внѣшнихъ приличій, которыя считаетъ необходимымъ соблюдать даже прусскій король. Мы понимаемъ, что можно развлекаться куклами, маріонетками, мыльными пузырями, но кто же, кромѣ священной австрійской имперіи, находилъ забавнымъ играть въ политическія формы, которыя какъ бы ни были пусты за неимѣніемъ внутренняго содержанія, но все же такъ или иначе даютъ себя чувствовать народу.

Во всякомъ случаѣ оппозиція *пяти* въ послѣднее время сдѣлалась смѣшной въ глазахъ человѣка, который, повидимому, долженъ бояться ея. «Да когда же эти бѣдняги, сказалъ Наполеонъ III, будутъ въ состояніи пріобрѣсти на свою сторону хоть 20 депутатовъ? Если они не смогутъ этого сдѣлать, то я принужденъ буду самъ дать ихъ». Въ этой ѣдкой ироніи осмѣивается нравственное безсиліе уже

не одной оппозиціи, а всего народа, который во всей Франціи можетъ отыскать только пять независимыхъ и благородныхъ представителей. Но положимъ, что нашлось бы и 20 депутатовъ, то и тогда лѣвая сторана будетъ относиться къ правой, какъ 1: 14; т. е. одинъ такъ называемый либеральный голосъ противъ четырнадцати господъ Персиньи, Морни и компаніи.

Но отчего же, спроситъ читатель, не знающій всѣхъ тонкостей французской исторіи, число оппозиціи такъ ничтожно въ странѣ, гдѣ по спискамъ полиціи болѣе двѣнадцати тысячь человѣкъ помѣчены опасными республиканцами? Нѣтъ сомнѣнія, что пятнадцтилѣтнія страданія этихъ людей ослабили въ нихъ политическія страсти, а горькіе опыты въ изгнаніи, или въ тюрьмахъ умѣрили ихъ желанія, и, конечно, многіе изъ нихъ могли бы пополнить собой пустоту либеральной партіи въ палатѣ. Не знаю, измѣняютъ ли страданія убѣжденія людей, но знаю, что человѣкъ, прошедшій болото крови, не побоится пройдти какой угодно грязью, и потому довѣрять этому человѣку не станетъ тотъ, кто уважаетъ себя и для кого въ жизни не осталось ничего лучшаго, какъ сохраненіе своего достоинства. Да и то сказать, съ каждымъ днемъ это поколѣніе исчезаетъ. Бѣдность, изгнаніе и долгія страданія многихъ изъ нихъ давно уложили въ могилу, а остальные состарѣлись. Ихъ мѣсто не въ палатѣ депутатовъ второй имперіи; они не пойдутъ въ нее черезъ дверь присяги, которая обязываетъ молчать, когда хочется говорить, и говорить, когда хочется молчать. Не пойдутъ эти люди въ палату и потому, что между ними и нынѣшнимъ поколѣніемъ Франціи почти нѣтъ ничего общаго. А что такое нынѣшнее поколѣніе? я возвращусь еще разъ къ нему, чтобы дорисовать его физіономію. Съ 1848 года много случилось великихъ событій и еще больше выросло маленькихъ людей. Обвинять ихъ ни въ чемъ нельзя, во первыхъ потому, что обвиненіе предполагаетъ порокъ или злодѣяніе, а эти людишки и на это неспособны. Воспитанные на іезуитскихъ проповѣдяхъ и на литературѣ Гранъ гильо, не видившіе кругомъ себя ничего, кромѣ уличной и трактирной удали, эти господа такъ ничтожны, что ихъ занимаетъ гораздо больше рулетка или канканъ чѣмъ судьба Франціи. Догадливая парижская полиція отворила имъ настежъ двери ко всѣмъ удовольствіямъ, и они бросились на нихъ, какъ мухи на медъ. Серьезнаго труда они боятся, и никогда не знали его. Гизо имъ подсказалъ, и что надо

обогащаться, обогащаться во что бы то ни стало», и они изъ денегъ сдѣлали себѣ новаго идола. И такъ какъ Гизо ничего другого путнаго не могъ подсказать имъ, то они начали обогащать себя, не различая ни средствъ, ни цѣлей; и вотъ появились миріады разныхъ плутишковъ, которые и день и ночь мечтаютъ о томъ, какъ бы разбогатѣть и разжирѣть по примѣру своихъ отцовъ,—добродѣтельныхъ буржуа.

Это поколѣніе не дастъ оппозиціонныхъ депутатовъ и благородныхъ гражданъ; отъ него нечего ждать, кромѣ лавочниковъ и писарей для канцеляріи г. Персиньи; оно не имѣетъ понятія объ общественной справедливости и чести. Это поколѣніе упрекаютъ въ матеріализмѣ, что совершенно несправедливо; оно состоитъ изъ самыхъ наивныхъ идеалистовъ, способныхъ мечтать, но не дѣйствовать. Если бы Бёрне дожилъ до настоящихъ дней Франціи, онъ непремѣнно сказалъ бы: «Франція спитъ глубокимъ сномъ». Но это была бы поэтическая метафора, лишенная дѣйствительнаго смысла. Трудно спать странѣ глубокимъ сномъ, когда ее развлекаютъ постоянный барабанный бой, марши и контръ-марши шести сотъ тысячь войска; трудно спать націи, когда она предпринимаетъ въ нѣсколько лѣтъ шестую войну, когда уголовная статистика ея доходитъ до поразительной цифры совершаемыхъ преступленій, когда прибыль народонаселенія упала до самаго низкаго процента. Нужна ли оппозиція при такомъ порядкѣ вещей? Очень нужна, такъ нужна, что это чувствуетъ самъ Наполеонъ III.

Но у Наполеона III есть одинъ большой недостатокъ—соединять въ себѣ политическую теорію Макіавелли съ преданіями его дяди. Конечно, этотъ недостатокъ есть совершенство для личныхъ выгодъ французскаго императора, но онъ вредитъ общей системѣ его управленія. У Наполеона III нѣтъ никакихъ положительныхъ цѣлей, кромѣ одной, преобладающей въ его головѣ,—упроченія своей династіи. Въ этомъ онъ горько ошибается но отъ этой ошибки излечить его трудно. Между тѣмъ она перепутываетъ всѣ его планы и дѣлаетъ его самымъ непослѣдовательнымъ политикомъ, котораго одинъ неудачный прыжокъ можетъ уронить съ трона на землю. Онъ провозглашаетъ, что правительство его руководствуется великими принципами первой революціи, что французская конституція девяностыхъ годовъ — его конституція, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одного распоряженія, которое бы не противорѣчило революціи. Съ 1852 года онъ постоян-

но преслѣдуетъ партію, которая воспитана въ тѣхъ же великихъ принципахъ, какіе признаетъ самъ императоръ. Эта партія, къ которой онъ самъ принадлежалъ, когда былъ артиллерійскимъ полковникомъ, какъ тѣнь Гамлета преслѣдуетъ его воображеніе. Но почему же онъ боится ее? У этой партіи нѣтъ ни войска, ни тайной полиціи, ни пушекъ, ни денегъ, но у нея есть великіе принципы, которые нравятся Наполеону III... только на бумагѣ и въ рѣчахъ. Въ дѣйствительности же онъ держится абсолютнаго принципа, прикрываемаго кой-какими конституціонными формами. И такъ какъ онъ вполнѣ понимаетъ, что конституціонная форма рѣшительно невозможна во Франціи, то поэтому онъ особенно покровительствуетъ ей; онъ знаетъ, что соизволить націи конституцію нельзя, что всякая прививная конституція порождаетъ только парламентскихъ болтуновъ и либераловъ, но не создаетъ дѣйствительныхъ человѣческихъ правъ, и потому онъ любитъ именно конституцію. И такъ какъ здѣсь дѣло идетъ только о формѣ, не имѣщей ни малѣйшей связи съ коренными условіями національной жизни, то онъ не боится насаждать конституціонный вертоградъ на почвѣ французской. Со всѣмъ иное — великіе принципы девяностыхъ годовъ; хотя онъ и исповѣдуетъ ихъ въ своей политической вѣрѣ передъ лицомъ Франціи, но вся его дѣятельность, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя ясно доказываетъ, что онъ трусить этихъ принциповъ. А трусить онъ ихъ не безъ основанія; съ ними плохо вяжутся его династическія цѣли и шутить этимъ огнемъ надо очень осторожно, потому что можно произвести большой пожаръ... Ту же самую теорію онъ прилагаетъ и къ устройству палаты депутатовъ. Ему вовсе не лестно, да и нѣтъ пользы видѣть ее совершенно безгласной, но впустить туда великіе принципы революціи также находитъ неудобнымъ. Поэтому и здѣсь онъ плаваетъ между двумя водами. Стремленіемъ его было создать конституціонную партію, но Боже мой, что за дикій ревъ начинается въ палатѣ, когда члены ея начинаютъ подражать англійскому парламенту!—что за пестрая смѣсь либеральныхъ идей съ солдатскими обычаями, и канцелярской вѣжливости съ грубѣйшимъ невѣжествомъ въ отношеніяхъ къ націи. Обыкновенно бываетъ такъ, что министръ съ портфелемъ или безъ портфеля начнетъ говорить о необходимости свободы слова, а окончитъ предложеніемъ упечь редактора какой нибудь газеты подъ судъ или закрыть самую газету. По этому характеристической чертой по-

литики Наполеона III служитъ постоянное противорѣчіе дѣла слову и дѣйствительнаго положенія Франціи ея офиціальнымъ программамъ.

На основаніи высказанныхъ нами соображеній нетрудно предсказать послѣдствія настоящихъ выборовъ Франціи; они попрежнему останутся при одномъ желаніи оппозиціи, и число *пяти* едва ли увеличится хоть однимъ независимымъ депутатомъ. Но не въ этомъ сущность дѣла; важно то, что вторая имперія, начавшаяся диктатурой, не хочетъ до сихъ поръ сложить ее съ себя, хотя диктатура никогда не была окончательной формой, о чемъ графъ Морни выразился слѣдующимъ образомъ: «правительство безъ содѣйствія гражданъ и безъ контроля то же, что корабль безъ балласта. Отсутствіе оппозиціи ставитъ въ ложное положеніе власть, и не внушаетъ довѣрія странѣ». Какъ ни хорошо это было сказано, но всѣ депутаты, не хотѣвшіе смѣло вотировать министерскія предложенія, были объявлены лишенными офиціальной кандидатуры. По этому случаю Moniteur напечаталъ такого рода тираду:

«Многіе журналы стараются указать на кандидатовъ оппозиціи, означая ихъ словомъ:—*независимыхъ кандидатовъ*, какъ будто независимость исключительно принадлежитъ кандидатамъ, представляемымъ извѣстными партіями и заранѣе отказана депутатамъ, избираемымъ правительствомъ. Подобное указаніе надо считать не только избирательной интригой, но и оскорбленіемъ почтенныхъ людей, которые пользуются симпатіями страны и довѣріемъ императора. Администрація предупреждаетъ журналы, что она строго запрещаетъ подобныя уловки». Это даетъ намъ мѣру той справедливости, которая господствуетъ на избирательномъ турнирѣ. Съ одной стороны многочисленная администрація, вооруженная съ ногъ до головы, располагающая прессой, субсидіями бюджета, обѣдами префектовъ, обѣщаніями публичныхъ работъ, пенсіонами и повышеніями, всевозможными наградами и милостями, а съ другой—небольшая кучка запуганныхъ и преслѣдуемыхъ депутатовъ, окруженныхъ жандармами и шпіонами.

Парижская адмистрація, очевидно преувеличиваетъ свою ревность и рискуетъ повторить зрѣлище, которое любилъ представлять императоръ Коммодъ; онъ сходилъ иногда на арену, сопровождаемый самыми сильными гвардейцами и нападалъ на толпу параличныхъ и изувѣченныхъ калекъ, рубя ихъ безпощадно, а калеки разбѣгались въ разныя стороны, отмахиваясь своими деревянными щитами и свин-

цовыми саблями. У независимыхъ депутатовъ французской палаты съ небольшимъ различіемъ та же защита отъ нападающей администраціи. Современемъ я передамъ очень любопытныя происшествія электоральной хроники; надѣюсь, что она будетъ назидательна.

Кстати о назидательныхъ событіяхъ. Извѣстно, что чѣмъ южнѣе мы углубляемся во Францію, тѣмъ больше встрѣчаемъ народныхъ суевѣрій и тѣмъ менѣе признаковъ самаго обыкновеннаго образованія. Здѣсь всегда было главное гнѣздо іезуитской пропаганды. Съ нѣкотораго времени въ южныхъ департаментахъ опять начали появляться чудеса, изобрѣтаемыя католическими монахами. Недавно около Дижона открылся колодезь съ цѣлительный водой; слѣпые и хромые стекаются толпами къ этому колодезю, несутъ деньги и разные пожитки, прося изцѣленія. Деньги и пожитки отбираются отъ нихъ, а вмѣсто изцѣленія имъ предлагаются символическіе знаки и сосуды съ водой, которые будто бы, во всякое время, могутъ быть употреблены какъ самое дѣйствительное средство противъ всевозможныхъ болѣзней. Неизвѣстно, исцѣлился ли кто нибудь, но шарлатанство дижонскихъ монаховъ дошло до такого скандала, что префектъ принужденъ былъ приказать завалить колодезь землей.

Другой случай надѣлалъ не менѣе шуму въ Парижѣ. Въ французскую академію представился, какъ новый членъ, г. Литре, человѣкъ ученый и свободный мыслитель. Орлеанскій епископъ Дюпанлу, извѣстный поборникъ католическаго принципа, заявилъ публично свое несогласіе на выборъ Литре, которому предназначалось кресло, нѣкогда занимаемое Вольтеромъ. Неизвѣстно, съ какой стати въ это дѣло замѣшался Гизо; будучи протестантомъ, онъ присоединился къ мнѣнію католическаго епископа, и академія, отказавъ Литре, посадила на его мѣсто скучнѣйшаго господина Карне. Карне исправно посѣщаетъ мессу, и потому найденъ болѣе достойнымъ академикомъ, чѣмъ либеральный Литре.

Между тѣмъ какъ орлеанскій архіепископъ запираетъ двери академіи для ученаго, не желающаго восхищаться католической мессой, другой архіепископъ въ Марсели изгоняетъ протестантскихъ дѣтей изъ публичной школы, на томъ основаніи, что воспитаніе католиковъ и протестантовъ не можетъ быть одинаковымъ, что православные и еретики не должны сидѣть въ одной аудиторіи, слушать однихъ и тѣхъ же учителей и учиться однѣмъ и тѣмъ же наукамъ. И такъ какъ въ Марсели нѣтъ особенной школы для протестант-

скаго юношества, то оно должно остаться безъ всякаго воспитанія, если отцы не имѣютъ средствъ дать его своимъ дѣтямъ дома. Эта безумная мѣра, способная возникнуть только въ головѣ католическаго попа, была бы сама по себѣ невинной нелѣпостью, еслибъ она не вела къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Она возбуждаетъ старыя религіозныя антипатіи и даетъ новое оружіе католическому принципу, сгубившему всю южную Европу. Я не думаю, чтобы поступокъ марсельскаго фанатика нашелъ себѣ подражателей даже въ кругу подобныхъ ему изувѣровъ, но онъ, какъ и отдѣльный фактъ, заслуживаетъ полнаго презрѣнія въ глазахъ современныхъ обществъ; онъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что католицизмъ всегда былъ и будетъ непримиримымъ врагомъ европейскаго прогресса.

Г. В.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Застой въ производительности нашего народнаго труда.—Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1863 годъ.—Относительная льготность или обременительность народныхъ податей, по сравненію русскаго государственнаго бюджета съ англійскимъ. Статья нѣкоего моряка, перепечатанная во «Времени» подъ заглавіемъ: «Нуженъ ли намъ флотъ?»—Курьезныя доказательства, приведенныя г. морякомъ въ подтвержденіе необходимости флота.—Что нужно для нормальнаго развитія морскихъ силъ, и чего недостаетъ у насъ для этого развитія?—Проектъ объ устройствѣ «Учительскихъ Институтовъ».—Мнѣнія нашихъ педагоговъ о народномъ образованіи по поводу этого проекта.—Спартанскій коммунизмъ костромского епископа Платона.—Могутъ ли «Учительскіе Институты» приготовить учителей для народа?»—И есть ли дѣйствительная потребность въ этихъ институтахъ? —Кто долженъ оплачивать народное образованіе—государство или общество?

Польское дѣло продолжаетъ поглощать вниманіе всѣхъ, кто сколько нибудь интересуется движеніемъ политическихъ событій; толкамъ, предположеніямъ и сомнѣніямъ по этому темному вопросу нѣтъ конца; журналы и газеты,—кто во что гораздъ,—другъ передъ другомъ спѣшатъ заявить свои мнѣнія и передать ходъ событій публикѣ. Сама публика, воспламеняя себя патріотическими чувствами, принимаетъ воинственное настроеніе и собирается забросать шапками Англію и Францію. Среди такого одушевленія говорить о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя отступили далѣе, чѣмъ на второй планъ, можно только изъ горькой необходимости. Передъ польскимъ возстаніемъ и его драматической обстановкой всѣ другія происшествія кажутся будничной прозой; а между тѣмъ знать эту прозу необходимо, потому что она объясняетъ не только польскій вопросъ, но и множество другихъ запутанныхъ вещей. Подъ этой

скучной прозой скрывается все-таки жизнь семидесяти милльоновъ людей, желающихъ каждый день ѣсть, пить и такъ или иначе дѣйствовать. Правда, ѣдимъ мы гораздо больше, чѣмъ дѣлаемъ, и спимъ гораздо дольше, чѣмъ бодрствуемъ, но все же можно найдти какой-нибудь интересъ даже въ отправленіи такихъ жизненныхъ процессовъ, какъ пищевареніе и сонъ. Когда спитъ отдѣльный человѣкъ— въ этомъ фактѣ еще нѣтъ ничего необыкновеннаго; но когда спятъ семьдесятъ милльоновъ людей, на пространствѣ 400 т. кв. миль — такое явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны общественнаго физіолога. А что мы спимъ *во всю ивановскую* — это недавно доказалъ г. Водовъ. Говоря о причинахъ, задерживающихъ развитіе нашихъ производительныхъ силъ (см. «Соврем. Слово», № 99), онъ вычислилъ, что на каждой квадратной милѣ мы выработываемъ только 440 р., тогда какъ другіе народы изъ той же мили извлекаютъ своимъ трудомъ до 4,126 р., т. е. мы производимъ при одинаковыхъ и даже лучшихъ условіяхъ своего географическаго положенія почти въ десять разъ менѣе, чѣмъ гнилой Западъ. Но эта средняя цифра относится вообще къ всемірной производительности; если же мы возьмемъ ее по сравненію, напримѣръ, съ Англіей, то итогъ нашего народнаго труда будетъ ниже итога британской націи почти въ двадцать разъ; говоря проще, мы спимъ въ двадцать разъ больше англичанъ. Переводя это сравненіе на ариѳметическій языкъ, мы можемъ прикинуть такое вычисленіе: если англичане выработываютъ въ годъ въ двадцать разъ больше русскихъ, то они должны быть во столько же и богаче насъ, такъ что каждый рубль, нами пріобрѣтенный, въ Англіи превращается въ 20 рублей. Теперь, любезные соотечественники, было бы любопытно сообразить поближе, сколько же рублевиковъ мы проспали впродолженіе своего тысячелѣтняго существованія? Навѣрное, гораздо больше, чѣмъ сколько нужно для покупки Турціи со всею Малою Азіею. Но это еще не бѣда; спать—здорово, если спится; но нехорошо вотъ что: вѣдь мы занимаемъ на земномъ шарѣ огромную мѣстность, надѣленную разнообразными естественными богатствами, которыми другіе, менѣе сонливые народы, воспользовались бы для блага человѣчества, а мы спимъ на этой мѣстности, и ни себѣ, ни другимъ не приносимъ никакой пользы. Такой сонъ положительно вреденъ. Но и это еще не все; обладая превосходной черноземной почвой и безпримѣрнымъ избыткомъ ея, мы еще ухитряемся терпѣть голодъ и не находить сбыта

своему труду, такъ что и хлѣба мало, и работы нѣтъ. Вотъ это ужь вонъ изъ рукъ какъ дурно. Ну а сколько мы проѣдаемъ въ годъ, распредѣляя общій итогъ поровну, такъ что если князь N съѣстъ до 300 т. своего годового дохода, а крестьянинъ его за то же время 30 рублей,—то мы сложимъ эти разницы вмѣстѣ и раздѣлимъ ихъ совершенно поровну? Если не ошибаюсь, на каждаго изъ насъ, способнаго ѣсть, пить и спать, приходится не больше 30 р. деньгами, исключая, разумѣется, казеннаго тепла и платья. И эти бѣдные 30 р. годового продовольствія часто падаютъ до самаго микроскопическаго минимума, т. е. если гг. Кокоревъ и Воронинъ проѣдятъ вмѣсто 30 р. тысячь по пятидесяти, то другіе три тысячи человѣкъ могутъ проѣсть только по 1 рублю. Но вѣдь это ужасно мало! Конечно мало, но когда спишь, тогда не требуется многаго.

За всѣмъ тѣмъ мы довольно исправно платимъ свои подати въ казначейство, какъ это видно изъ недавно опубликованной смѣты государственныхъ доходовъ.

Съ прошлаго 1862 года правительство наше предприняло весьма раціональную мѣру, состоящую въ обнародованіи ежегодной росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ настоящемъ же году роспись еще не опубликована; составленіе ея замедлилось вслѣдствіе различныхъ причинъ, изложенныхъ во «Всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1863 г.». Причина этого, по словамъ доклада, заключалась въ самихъ способахъ составленія смѣтъ различными вѣдомствами, и теперь, при измѣненіи этихъ способовъ, встрѣтились неизбѣжныя затрудненія. До сихъ поръ обыкновенно въ смѣтахъ объяснялась: «не дѣйствительная потребность, а лишь причины уменьшенія или увеличенія требованія суммъ. Не было положительныхъ правилъ о томъ, какими фактами и доказательствами должно быть подкрѣплено требованіе, на основаніи какихъ именно законоположеній оно могло быть внесено въ смѣту. Суммы, испрошенныя на одинъ предметъ, могли, подъ видомъ свободныхъ остатковъ, быть расходуемы на другіе предметы, или же отчисляемы въ особые капиталы, вовсе ускользавшіе отъ распоряженій государственнаго казначейства. Наконецъ многіе источники дохода, по существу своему совершенно однородные съ общими государственными, поступали не въ государственное казначейство и расходовались безъ вѣдома министерства финансовъ». Такимъ образомъ въ государственную роспись на 1863 годъ внесено такихъ до-

ходовъ, которые прежде не входили въ нее, 42,700,000; съ другой стороны, расходовъ, которые прежде тратились изъ этой суммы, было 37,800,000, разница же, между этими двумя цифрами, равняющаяся 4,900,000, не поступала прежде въ государственное казначейство и расходилась по различнымъ вѣдомствамъ. Это расходованіе суммъ помимо законодательнаго порядка побудило установить новыя правила составленія, разсмотрѣнія и исполненія смѣтъ, составленныя съ цѣлью сосредоточенія всѣхъ доходовъ и расходовъ въ государственномъ казначействѣ.

Въ докладѣ министра финансовъ, показаны только общія числа дохода и расхода, и объяснены причины ихъ измѣненія, сравнительно съ цифрами прошлогодней росписи; подробностей же, относящихся къ распредѣленію цифры дохода между различными вѣдомствами, въ этомъ докладѣ нѣтъ. Но такъ какъ эти подробности составляютъ самое главное, то мы откладываемъ полное обсужденіе росписи до опубликованія ея, которое вѣроятно скоро послѣдуетъ. Теперь же мы представимъ нѣкоторые факты, сообщенные докладомъ министра финансовъ.

Изъ этого доклада видно, что общая сумма государственныхъ расходовъ въ 1863 году состоитъ изъ 330,535,000. Для сравненія этой цифры съ расходомъ прошлаго 1862 года, нужно изъ нея вычесть 37,800,000, рублей, тѣ, которые, какъ мы видѣли, въ прошломъ году не заносились въ государственную роспись, и такимъ образомъ остается для сравненія съ прошлыми годами: 292,700,000 р. По росписи на 1862 г. назначено для всѣхъ вообще расходовъ 310,619,000 р., изъ нихъ слѣдуетъ исключить исчисленные: а) 4,000,000 р. на недоборъ въ доходахъ; б) 7,317,000 р. на заготовленіе запасной пропорціи вина и в) 3,710,000 р. на снаряды и мѣдь для военнаго вѣдомства, показанные оборотомъ. За всѣмъ этимъ остается цифра расходовъ прошлаго года — 295,532,000 р. Такимъ образомъ видно, что сумма расходовъ 1863 года, сравнительно съ прошлымъ годомъ, уменьшилась на 2,800,000 р. с. Доходовъ же въ 1853 году ожидается 318,800,000 р., въ томъ числѣ 42,70,000 р. такихъ доходовъ, которые прежде не вносились въ роспись. Въ 1862 г. исчислено доходовъ 284,700,000, т. е. болѣе противъ 1863 г. на 8,600,000. Но изъ этой суммы 8,600,000, слѣдуетъ вычесть тѣ 4,900,000 р., которые до настоящаго года не поступали въ государственное казначейство, и оставались въ различ-

ныхъ вѣдомствахъ; вычтя ихъ, мы получимъ дѣйствительную цифру, показывающую намъ, на сколько уменьшился доходъ 1863 года сравнительно съ 1862 и эта цифра—3,700,000.

«Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что, сравнительно съ 1862 годомъ, доходовъ исчислено менѣе на 8,650,000 р.

«Этотъ недостатокъ покрывается:

«а) Избыткомъ вновь внесенныхъ доходовъ противъ внесенныхъ въ первый же разъ расходовъ .	4,900,000 р.
«б) Сокращеніемъ расходовъ	2,800,000 р.
Всего	7,700,000 р.
Менѣе на . .	950,000 р.

«Поэтому общій недостатокъ доходовъ на покрытіе расходовъ, требующій чрезвычайныхъ рессурсовъ, простиравшійся въ 1862 г. до 14,750,000 р. по смѣтѣ 1863 г. составляетъ 15,700,000 р.»

Такимъ образомъ изъ доклада министра финансовъ видно, что сумма, которую народъ долженъ внести въ 1863 году на государственные расходы, равняются 330,535,000 р.; дефицитъ въ настоящемъ году составляетъ 15,700,000 р. на 950,000 тысячь болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Но цифра 330,535,000, составляющая общее количество государственныхъ расходовъ и стоимость государственнаго управленія только тогда пріобрѣтаетъ для насъ интересъ, когда мы сравнимъ ее съ тѣми же цифрами, которыя намъ покажутъ стоимость государственнаго управленія въ другихъ странахъ. Взявъ общую цифру государственныхъ расходовъ Англіи и Франціи, они съ перваго раза покажутся намъ значительно превосходящими цифру государственныхъ доходовъ Россіи: такъ англійское правительство при 29,031,154 народонаселенія, расходуетъ 70,100,000 ф. стер. (эта цифра относится къ $^{60}/_{61}$ году), что составляетъ на наши деньги 420,600,000 р. с.; французское правительство при 36,050,000 народонаселенія расходуетъ ежегодно 1,842,957,778 франковъ, или на наши деньги,—460,739,444 р. с. Въ Россіи же, при 73,551,242 народонаселенія, расходуется всего 330,535,000 р.; но передъ Франціей эта разница, повидимому, дающая превосходство Россіи сравнительно съ Англіей и Франціей, не можетъ быть принята безусловно. Обременительность или необременительность налоговъ зависитъ главнымъ образомъ не отъ величины цифры ихъ, а отъ того экономическаго состоянія, въ которомъ находится тотъ или

другой народъ. Чѣмъ выше экономическое развитіе страны, тѣмъ разумѣется она можетъ больше платить безъ отягощенія; такимъ образомъ, сравнивая общую сумму государственныхъ расходовъ Россіи съ суммою расходовъ, напримѣръ Англіи, намъ нужно опредѣлить прежде всего, какой народъ пользуется въ настоящее время большею степенью матеріальнаго благосостоянія, и тогда мы увидимъ, что Россія въ этомъ отношеніи не можетъ похвалиться особеннымъ преимуществомъ передъ Англіей; если англичанинъ и платитъ своему правительству сумму въ нѣсколько разъ большую той, которую платитъ русскій, то англичанинъ употребляетъ во столько же разъ меньше труда, чтобы заработать сумму одинаковую съ русскимъ. Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что низшій классъ народа, на который большею частію падаетъ тяжесть налоговъ, въ Англіи пользуется благосостояніемъ; нѣтъ, положеніе его очень трудное, но мы хотимъ сказать, что общее экономическое положеніе его все-таки выше того положенія, въ которомъ находится низшій классъ повсюду въ Европѣ. Извѣстно, на сколько англійскій работникъ живетъ лучше нѣмецкаго, или работниковъ всѣхъ прочихъ частей континента. Заработная плата не только абсолютно, но и относительно,—т. е. сравнивая меньшую цѣнность денегъ—выше, чѣмъ, на континентѣ. То, что англійскій народъ богаче остальныхъ европейскихъ народовъ и поэтому самому можетъ больше платить налоговъ, ясно уже изъ того, что онъ питается лучшею пищею, чѣмъ всякій другой народъ. Самый дорогой родъ пищи—мясо, и его въ Англіи потребляютъ гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ: «въ Англіи среднимъ числомъ на каждаго жителя приходится 136 нѣмецкихъ фунтовъ (около $160\,^3/_4$ русскихъ фунтовъ), во Франціи же всего $39\,^2/_5$ (около 48 ф.), въ Пруссіи $34\,^3/_4$ (42 рус. ф.), въ Баденѣ $50\,^4/_5$ ($61\,^9/_{10}$ рус. ф.)» (Кольбъ, Руководств. къ сравнит. статист). Мы согласны, что намъ могутъ сдѣлать возраженіе такого рода: среднія цифры еще ничего не доказываютъ; онѣ по большой части приносятъ тотъ вредъ при изслѣдованіи, что скрываютъ максимумы и минимумы, а между тѣмъ въ нихъ вся суть; положимъ въ Англіи среднее количество потребляемаго мяса болѣе, чѣмъ въ Пруссіи или въ Баденѣ; но въ нихъ можетъ быть это потребленіе распредѣлено равномѣрнѣе, чѣмъ въ Англіи, и тогда народъ прусскій и баденскій будутъ очевидно богаче англійскаго. Но подобное возраженіе, въ высшей степени неосновательно. Въ настоящее время ни въ одной странѣ не

существуетъ равномѣрнаго распредѣленія общественнаго богатства. Какъ въ Англіи, такъ и вездѣ, рядомъ съ высшими классами, богатыми, утопающими въ роскоши, находится огромное количество работниковъ, крестьянъ, живущихъ со дня на день одной заработной платой. Подобныя отношенія существуютъ вездѣ. Положимъ, что каждый англійскій лордъ или фабрикантъ съѣдаетъ въ годъ столько мяса, сколько по статистикѣ Кольба слѣдуетъ съѣсть пяти англичанамъ; но такъ какъ въ Пруссіи, на каждаго пруссака слѣдуетъ втрое меньше, чѣмъ на англичанина, то прусскій юнкеръ уже не удовольствуется пятью порціями, которыми довольствуется англійскій лордъ; на юнкера потребуется уже втрое больше, т. е. онъ лишитъ мяса не пятерыхъ, какъ лордъ, а цѣлыхъ пятнадцать человѣкъ. Изъ этого примѣра ясно то, что въ этомъ случаѣ средняя цифра имѣетъ то значеніе, что показываетъ, что англійскій народъ вообще богаче всякаго другого европейскаго народа, и если англійскіе аристократы богаче аристократовъ другихъ государствъ, то и низшіе классы должны быть на столько же богаче низшихъ классовъ остальныхъ государствъ. Сколько же въ Россіи потребляется мяса—неизвѣстно; но по всей вѣроятности потребленіе его еще меньше, чѣмъ въ Пруссіи; всякому извѣстно, что наши крестьяне мяса почти не ѣдятъ, и это прямо указываетъ на низкую степень матеріальнаго благосостоянія народа.— Кромѣ этой трудности уплачивать налоги, вслѣдствіе низкой степени матеріальнаго благосостоянія народа, трудность эта увеличивается еще самымъ характеромъ налоговъ. Въ англійскомъ бюджетѣ самая важная статья доходовъ (а именно 22,700,000 ф. ст. изъ 60,700,000) состоитъ въ таможенномъ сборѣ съ сахара, чая, табаку, спирта и вина. Налогъ этотъ хотя очень тяжелъ, но все-таки менѣе обременителенъ для низшихъ классовъ, чѣмъ, напримѣръ, подушная подать, прямо падающая на нихъ, тѣмъ болѣе, что между низшими классами потребленіе этихъ предметовъ весьма мало развито. Акцизы, составляющіе вторую главную статью государственныхъ доходовъ, дѣйствительно отяготительны для народа, потому что повышаютъ цѣну на нѣкоторые существенные предметы; но изъ нихъ имѣютъ непосредственную важность для народа только акцизы на хлѣбное вино, солодъ и хмѣль, и опять-таки на такіе предметы, которые не составляютъ первой необходимости. Затѣмъ въ бюджетѣ важную роль играютъ: поземельный налогъ (3.250,000) и подать съ доходовъ (2,400,000), прямо до народа не касающіеся, такъ какъ

онъ за землю ничего не платитъ государству. Эти два налога и составляютъ единственные прямые налоги въ Англіи. Остальные же доходы: съ почтъ, съ домовъ и гербовый сборъ, не имѣютъ почти никакого вліянія на низшіе классы народа. Если мы теперь вздумаемъ разсмотрѣть источники русскихъ государственныхъ доходовъ, то придемъ къ слѣдующимъ результатамъ: большинство нашихъ государственныхъ доходовъ падаетъ исключительно на бѣдные классы. Въ Англіи, мы видѣли, прямые налоги составляютъ 5,650,000 ф. ст. или на наши деньги 35,272,500 р.; у насъ же, по росписи 1862 года, сумма доходовъ съ податныхъ сословій равняется 55,255,298 р.; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что сословія, платящія прямыя подати въ Англіи, суть самыя богатыя, а у насъ наоборотъ; у насъ самыя богатыя сословія почти ничего не платятъ.

Мы сказали уже, что изъ всѣхъ англійскихъ акцизовъ наиболѣе касаются народа три главные, т. е. на хлѣбное вино, солодъ и хмѣль; но если взять общую сумму англійскихъ акцизовъ и сравнить съ акцизами въ Россіи, то будетъ видно, что и здѣсь система нашихъ налоговъ проигрываетъ въ экономическомъ отношеніи. Количество денегъ, получаемое съ акциза въ Англіи равняется 119,000,000 р. с. на наши деньги; у насъ же откупной сборъ простирался до 123,000,000 р. с.; между тѣмъ какъ этотъ налогъ преимущественно касается низшаго класса народа. Хотя съ уничтоженіемъ откуповъ, этотъ послѣдній налогъ и долженъ бы уменьшиться, и хотя въ докладѣ министра финансовъ указано, что эта цифра должна уменьшится на 16,000,000 р., но въ томъ же докладѣ оговорено, что это уменьшеніе, вслѣдствіе различныхъ *благопріятныхъ* обстоятельствъ, вѣроятно не будетъ такимъ значительнымъ, такъ что, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ нашъ акцизный сборъ не будетъ меньше англійскаго, тѣмъ болѣе, что въ этой суммѣ 119,000,000, которая приведена здѣсь, есть такіе налоги, которые до низшихъ классовъ не касаются, а именно налогъ на желѣзныя дороги и на писчую бумагу. Изъ этихъ фактовъ ясно: что хотя сумма доходовъ, поступающихъ въ англійское казначейство, значительно больше, чѣмъ та, которая поступаетъ въ русское, но относительно распредѣленія ея по классамъ народа и экономическаго удобства она едва ли превзойдетъ сумму нашихъ налоговъ. Мы видѣли, что самые обременительные налоги, прямыя подати, въ Россіи падаютъ преимущественно на низшій и слѣдовательно самый

бѣдный классъ, который въ матеріальномъ отношеніи далеко отсталъ отъ низшаго класса Англіи; мы видѣли, что высшіе классы въ Россіи самые богатые классы, не несутъ никакой подати, а въ Англіи ими оплачивается самая значительная часть бюджета, и то, что непосредственно приходится на долю низшихъ классовъ, въ Англіи нисколько не больше того, что приходится въ Россіи. Намъ на это могутъ возразить, что такъ какъ все количество цѣнностей производится низшимъ классомъ, поэтому, такъ какъ въ Англіи поступаетъ въ государственное казначейство болѣе, чѣмъ въ Россіи, то это означаетъ, что тамъ низшіе классы платятъ болѣе, чѣмъ у насъ. Но подобное возраженіе неосновательно, и вотъ почему. Вездѣ низшіе классы поддерживаютъ своимъ трудомъ высшіе; но для насъ въ дѣлѣ оцѣнки стоимости государственнаго управленія для народа это не важно. Въ Англіи высшіе классы живутъ насчетъ низшихъ и за тѣмъ изъ тѣхъ денегъ, которыя получаютъ съ народа, содержатъ правительство; въ Россіи же высшіе классы точно такъ же поддерживаются насчетъ народа; но только изъ своихъ денегъ не даютъ правительству почти ничего, и весь бюджетъ пополняется почти исключительно взносами податныхъ сословій. Поэтому, говоря вообще, для сравнительной оцѣнки государственныхъ бюджетовъ надо обращать вниманіе не столько на *количество* ихъ, сколько на качество, т. е. на способъ распредѣленія податной системы, на самые источники налоговъ и на весь экономическій складъ той или другой страны. Только такое сравненіе можетъ привести къ раціональнымъ результатамъ и разъяснить вопросъ: какому народу дешевле обходится его правительство, и какому дороже. При такомъ способѣ оцѣнки, непремѣнно увидишь, что для уразумѣнія дѣйствительной стоимости, придется нѣкоторыя цифры удвоить и даже утроить.

Мы уже сказали, что обсужденіе росписи государственныхъ доходовъ мы отлагаемъ до тѣхъ поръ, когда оно будетъ опубликовано вполнѣ, потому что самое важное для оцѣнки ея: распредѣленіе суммъ между различными вѣдомствами, или тѣми правительственными органами, черезъ которые болѣе или менѣе производительно обращается взимаемая съ народа подать въ пользу того же народа; теперь же мы постараемся разъяснить одинъ небольшой вопросъ, тѣсно связанный съ состояніемъ русскихъ финансовъ, вопросъ, современность котораго доказываетъ одинъ морской офицеръ въ журналѣ: «Время». Этотъ морской офицеръ помѣстилъ тамъ статью: «Нуженъ

ли флотъ Россіи?», въ которой онъ старается доказать необходимость развитія русскихъ морскихъ силъ, и указываетъ на тѣ бѣдствія, которыя могутъ произойдти въ Россіи отъ пренебреженія къ флоту. Доводы г. моряка, не подозрѣвающаго, что этотъ вопросъ вовсе не подлежитъ обсужденію моряковъ, такъ же какъ и вопросъ объ уничтоженіи откуповъ не могъ подлежать рѣшенію откупщиковъ, не отличаются особенною доказательностью. Онъ, напримѣръ, въ подтвержденіе необходимости флота приводитъ тѣ подвиги храбрости, которые дѣлались моряками во все время существованія флота; но развѣ это можетъ служить доказательствомъ? Подвиги эти означаютъ только то, что моряки честно исполняли свой долгъ, за что и были награждаемы. Но какое же отношеніе можетъ это имѣть къ вопросу: нуженъ ли флотъ Россіи? Изъ того, что нѣкоторые подъячіе катошихинскаго времени отличались честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, вовсе не слѣдуетъ, чтобы судопроизводство XVII вѣка считать необходимымъ для Россіи. Здѣсь главный вопросъ состоитъ въ томъ: ежегодно на флотъ тратится 20 милльоновъ, — поэтому нужно знать: стоитъ ли, чтобы Россія въ ея современномъ положеніи, при постоянно увеличивающемся дефицитѣ, тратила на него 20 милльоновъ? Для этого надо подумать такъ: какую онъ можетъ принести намъ пользу? Развитію военнаго флота всегда предшествуетъ флотъ коммерческій. Для того, чтобы была потребность въ военномъ флотѣ, нужно, чтобы былъ коммерческій флотъ, которому военный флотъ оказывалъ бы покровительство. Военный флотъ только для этого и нуженъ, а вовсе не для защиты береговъ, которые съ большимъ удобствомъ и главное съ большею дешевизною могутъ быть защищаемы баттареями и сухопутными войсками. Если же нѣтъ коммерческаго флота, то военному флоту нечего защищать—это ясно какъ день, и тогда онъ не нуженъ. Это, разумѣется, ясно каждому, ктотолько не заинтересованъ въ дѣлѣ существованія флота, подобно тому морскому офицеру, который помѣстилъ свою статью въ журналѣ «Время». Коммерческаго флота у насъ нѣтъ и еще долгое время не будетъ, поэтому нашему военному флоту и защищать нечего. О наступительной же морской войнѣ Россіи нечего и думать. Тѣ государства, которыя могутъ угрожать Россіи со стороны моря, какъ Англія и Франція, располагаютъ такими морскими силами, съ которыми намъ тягаться не подъ силу. Ради же патріотической гордости и подвиговъ нѣсколькихъ моряковъ платить 20 милльоновъ непроизводительнаго ка-

питала—слишкомъ дорого. Въ Англіи расходуется ежегодно на флотъ 80 милльоновъ на наши деньги; въ Россіи же только 20 милльоновъ. Эти цифры говорятъ за себя. Англія—островъ, у нея владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта; уже для одного безопаснаго сообщенія съ ними она должна имѣть огромный флотъ. Кромѣ того, имѣя подъ бокомъ такого опаснаго сосѣда, какъ Люи Наполеона, она изъ одного страха передъ его флотомъ увеличиваетъ свои морскія силы. Громадный коммерческій флотъ Англіи, безъ содѣйствія военнаго флота, на случай войны, дѣлается беззащитнымъ отъ крейсеровъ непріятеля. Эти факты показываютъ намъ, что военный флотъ Англіи явленіе совершенно нормальное и полезное. Ни одного изъ доводовъ, говорящихъ въ пользу военнаго флота Англіи, нѣтъ въ Россіи. Всѣ владѣнія Россіи составляютъ одну сплошную массу, омываемую только въ немногихъ мѣстахъ моремъ, и такъ какъ для насъ имѣетъ важность только одно Черное море, то этого недостаточно для того, чтобы правительство хлопотало объ увеличеніи своихъ морскихъ силъ. Опасаться же морского могущества другихъ державъ, и на томъ основаніи заводить у себя флотъ, какъ то дѣлаютъ Англія и Франція, русскому правительству нечего, и опять-таки по той причинѣ, что Россія не морское государство; для Россіи увеличеніе морскихъ силъ Англіи и Франціи не страшно на томъ же основаніи, на какомъ не страшно напримѣръ Англіи какое бы то ни было увеличеніе сухопутныхъ войскъ въ континентальныхъ государствахъ. Внутреннее положеніе страны не позволяетъ вести Россіи наступательныя войны, да и поводовъ къ нимъ быть не можетъ; единственная война, которая возможна для Россіи—оборонительная, т. е. такая, для которой военный флотъ рѣшительно не нуженъ. Морской офицеръ, пишущій во «Времени», приводитъ слѣдующіе доводы для доказательства необходимости военнаго флота въ оборонительной войнѣ: «Кронштадтъ такъ близокъ къ Петербургу, что дѣло о его оборонѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, приступая къ которому мы прежде всего спросимъ читателей: къ чему послужатъ сотни орудій, покрывающія укрѣпленія, еще такъ недавно бывшія въ состояніи обезпечить столицу, къ чему послужатъ форты, стоившіе милльоны, если англичанамъ вздумается прислать эскадру баттарей въ родѣ изобрѣтенныхъ капитаномъ Кользомъ, и дюжины двѣ-три броненосныхъ канонерскихъ лодокъ?»... На это г-ну моряку можно отвѣтить, что ежели эти суда, присланные англичанами, будутъ дѣйствительно непроницаемы, то непрони-

цаемость ихъ не разрушится оттого, что у насъ будутъ такія же непроницаемыя суда. Наши непроницаемыя суда могутъ тогда только загородить имъ дорогу, т. е. ставъ плотной массой, стѣной,—не пропускать ихъ. Неужели же г. морякъ предполагаетъ, что можно завести подобное количество судовъ въ Россіи? Если же англійскія суда будутъ только *трудно*-уязвимы, то каждый пойметъ, что съ фортовъ ихъ уязвить гораздо легче, чѣмъ съ самихъ судовъ. Авторъ, какъ морской офицеръ, слѣдящій за вопросомъ о непроницаемости морскихъ судовъ, долженъ знать, что этой проницаемости полагаютъ предѣлъ условія мореплаванія, между тѣмъ какъ усовершенствованію прибрежныхъ орудій мы не можемъ положить никакого предѣла, такъ что нельзя себѣ представить такихъ судовъ, которыя были бы совершенно непроницаемы для береговыхъ орудій; поэтому не выгоднѣе ли вмѣсто того, чтобы строить такое количество непроницаемыхъ судовъ, которое было бы въ состояніи совершенно загородить путь къ Петербургу, заняться улучшеніемъ Кронштадтскихъ укрѣпленій? Мы находимъ, что выгоднѣе, потому что дешевле. Да наконецъ Петербургъ вѣдь еще не вся Россія, а дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ относится ко всей Россіи. Такимъ образомъ г. морякъ легко можетъ усмотрѣть, если только захочетъ это сдѣлать, что опасность, которая по его мнѣнію грозитъ Петербургу *отъ недостатка флота*, есть опасность лишная, порожденная его собственнымъ воображеніемъ; но еслибъ даже она и была дѣйствительная, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы рѣшиться на убыточное содержаніе флота. Что же касается остальныхъ доводовъ г. моряка, которые онъ приводитъ, то они такъ же несостоятельны, какъ и все остальное въ его статьѣ. Онъ, напримѣръ, представляетъ въ доказательство необходимости флота для Россіи тотъ фактъ, что всѣ государства стремятся завести у себя флотъ. Этотъ доводъ очень забавенъ. Въ Англіи въ послѣднее время палата перовъ предложила ввести тѣлесныя наказанія; не воротиться ли и намъ къ нимъ на томъ основаніи, что ихъ заводитъ у себя англійская аристократія? Но какое бы государство и при какихъ бы условіяхъ, политическихъ и географическихъ, ни старалось развить свои морскія силы, оно рано или поздно должно убѣдиться въ томъ, что не имѣя колоній въ другихъ частяхъ свѣта и широкой промышленной дѣятельности, напрасно обременитъ себя содержаніемъ безполезнаго военнаго флота. Чувствуя это, Пруссія хотѣла снарядить флотъ на деньги,

собранныя по подпискѣ, и когда предложили покойному Шлоссеру пожертвовать что-либо на германскій флотъ, онъ отвѣчалъ: «я не даромъ такъ долго изучалъ исторію; я знаю, что флоты по подпискѣ строиться не могутъ,»—и разумѣется не далъ ни гроша. Слова эти не мѣшало бы принять къ свѣденію и г-ну моряку, доказывающему необходимость русскаго флота. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что флотъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ онъ составляетъ явленіе нормальное, вытекающее изъ географическаго положенія и изъ экономическаго быта страны. Въ Россіи же ни географическое положеніе, ни экономическій бытъ вовсе не отвѣчаютъ потребностямъ морскихъ военныхъ силъ, и ужь конечно мы могли бы найдти болѣе производительное употребленіе тѣмъ 20 милльонамъ, которые истрачиваются на содержаніе нашего небольшого флота. Не дурны также доводы, на которыхъ авторъ основываетъ возможность флота въ Россіи, полагая, что русскій человѣкъ способенъ къ морской службѣ. Вотъ эти доводы: «на морѣ экипажъ судна живетъ обыкновенно въ тѣсномъ пространствѣ палубы;—для человѣка привыкшаго къ простору такое житье—начало трудностей, источникъ и зародышъ болѣзней, а для русскаго мужика ни почемъ. Проведя время до поступленія въ службу большею частью въ курной избѣ, гдѣ на одной и той же половинѣ помѣщается нѣсколько семействъ, гдѣ, при отсутствіи идей о какомъ бы то ни было комфортѣ, къ сожалѣнію часто и до сихъ поръ бѣдный народъ живетъ вмѣстѣ съ телятами и различными домашними животными, мужикъ нашъ легко свыкается съ атмосферой и другими неудобствами тѣснаго корабельнаго помѣщенія. Повинуясь съ колыбели суровому деспотизму отца, а въ прежнее время произволу и прихотямъ помѣщиковъ или управляющихъ, довольствуясь по необходимости если не скудной, то всегда грубой пищей, мужикъ, обращаясь въ матроса, приноситъ на судно еще два изъ важнѣйшихъ условій жизни на морѣ: привычку къ повиновенію и способность къ перенесенію всевозможныхъ опасностей». Это ужь не забавно, а просто смѣшно; это значитъ не понимать ни жизни моряка, ни тѣхъ нравственныхъ условій, которыя составляютъ его настоящій характеръ. Если авторъ видитъ въ бѣдности, невѣжествѣ и раболѣпствѣ нашего народа *благопріятныя условія* для процвѣтанія военнаго флота, то чѣмъ же онъ считаетъ этотъ флотъ и къ какому разряду животныхъ относитъ самого матроса? Ужь если кому, такъ особенно моряку необходима извѣстная независимость ха-

рактера, свобода отъ предразсудковъ и сознаніе своего человѣческаго достоинства. Сухопутный солдатъ еще можетъ быть безгласнымъ и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ дисциплины; онъ можетъ, не смотря на его пассивное повиновеніе и глубочайшее невѣжество исполнять такъ или иначе роль воина, т. е. исправно ломать ребра и прострѣливать грудь непріятеля, но нельзя быть хорошимъ матросомъ и въ то же время деревянной палкой въ рукахъ своего начальника, еслибъ даже начальникъ и не былъ такой же деревянной палкой. Море—стихія капризная, требующая отъ человѣка вообще и отъ матроса въ особенности привычки не къ рабству, а къ свободѣ, не суевѣрій и столь тѣсно связанной съ ними трусости передъ опасностями, а образованія и нравственнаго мужества. Поэтому-то государства, страдавшія раболѣпіемъ, никогда не имѣли ни хорошихъ матросовъ, ни хорошаго флота.

Мы уже не разъ имѣли случай высказать наше мнѣніе объ отношеніи правительства и нашихъ псевдо-образованныхъ классовъ общества къ дѣлу народнаго образованія; мы нѣсколько разъ высказывали положительную безполезность всякой регламентаціи въ этомъ дѣлѣ, которое по самому существу своему должно быть совершенно свободнымъ. Въ настоящее время едва ли кто, сколько нибудь понимающій дѣйствительныя потребности образованія, станетъ утверждать, чтобы правительственное вмѣшательство въ религіозныя убѣжденія человѣка или въ его умственную дѣятельность могло бы оказать хорошія услуги. Напротивъ, опыты исторіи вездѣ указываютъ на самые неблагопріятные результаты этого вмѣшательства... Притомъ ограничивать образованіе народа одпѣми школами невозможно. Оно вытекаетъ изъ всѣхъ условій народной жизни; оно пріобрѣтается въ колыбели, подъ вліяніемъ матери, въ семейномъ кругу отъ родныхъ и знакомыхъ, за плугомъ, если только земледѣльческій трудъ соединяется съ знаніемъ дѣла, на улицѣ, если кромѣ пошлыхъ явленій встрѣчаются здѣсь и хорошія явленія, въ библіотекѣ и на дружеской пирушкѣ, однимъ словомъ, его можно получать вездѣ, когда пробуждена умственная дѣятельность въ общественной жизни.

Успѣхи же въ распространеніи знанія вовсе не зависятъ отъ множества школъ или учителей, а отъ степени потребности образованія, отъ быстроты обмѣна идей и возрастающаго запроса на нихъ. Не школы создаютъ народное образованіе, а стремленіе народа къ образованію создаетъ школы. Ну чего путнаго можно ожидать, еслибъ

мы загнали теперь все наше купеческое сословіе въ разныя учебныя заведенія и заставили бы его учиться. Оно не чувствуетъ надобности въ ученіи, торгуетъ пополамъ съ грѣхомъ, какъ торговали его отцы, ради барыша готово лгать съ утра и до вечера, обмѣривать и обсчитывать при всякомъ удобномъ случаѣ, въ обществѣ не чувствуетъ другихъ интересовъ, кромѣ личнаго тщеславія, въ семействѣ живетъ самодурствомъ и рутиной и не хочетъ знать другой жизни,—ну зачѣмъ мы потащимъ его въ школу, и что оно вынесетъ оттуда, кромѣ того же грубаго и упорнаго самодурства? Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ существенныя средства къ народному образованію, мы не отстаемъ отъ привычки вызывать его бюрократическими мѣрами и искать съ той стороны, съ какой всего менѣе можно найдти его. Министерство народнаго просвѣщенія, освободивъ себя отъ заботъ о литературной дѣятельности, переданной подъ непосредственный надзоръ другого управленія, сосредоточилось въ спокойномъ созерцаніи нашей науки и въ стремленіи покровительствовать школьному образованію. Мы боимся, чтобы это покровительство не перешло въ безплодную и вредную регламентацію нашего умственнаго движенія. Очень часто бываетъ, что излишнее усердіе гораздо хуже всякаго равнодушія къ дѣлу... Какъ бы то ни было, но проекты сыпятся на насъ дождемъ; одни обозрѣваютъ учебныя заведенія и, разумѣется, все находятъ удовлетворительнымъ, другіе посланы собирать педагогическую мудрость по всѣмъ угламъ Европы; третіе составляютъ планы реформъ, въ родѣ слѣдующихъ: не мѣшало бы преподавать латинскій языкъ вотъ эдакъ, а не такъ; не худо было бы замѣнить исторію г. Устрялова исторіей г. Щебальскаго, и все въ томъ же родѣ; иные даже совѣтуютъ вручить воспитаніе народа унтеръ-офицерамъ или дьячкамъ, и подъ руководствомъ ихъ надѣлать истинныхъ гражданъ любезному отечеству. Много строится разныхъ предположеній и реформъ, такъ что всѣхъ и не перечтешь. Но изъ всѣхъ проектовъ одинъ особенно обратилъ на себя наше вниманіе—проектъ объ устройствѣ *Учительскихъ институтовъ*, имѣющихъ цѣлію наготовить учителей для народа.

Проектъ этотъ былъ разосланъ къ разнымъ господамъ педагогамъ, и мы теперь имѣемъ сводъ ихъ замѣчаній на отдѣльные его пункты. Мы прочли эти замѣчанія, вникали въ нихъ и увидѣли, что большая часть нашихъ педагоговъ, не смотря на свою докторальную ученость, отличаются крайнею недалекостію въ пониманіи современныхъ требо-

ваній народнаго образованія. Только нѣкоторые изъ нихъ потрудились взглянуть на предложенный имъ вопросъ помимо вдолбленной въ насъ педагогической рутины; они выразили сомнѣніе насчетъ дѣльности самаго вопроса: «Нужны ли учительскіе институты, нуженъ ли этотъ проектъ?» А другіе,—имъ же нѣсть числа,—схватились критически обсуживать отдѣльные параграфы проекта, не затрогивая самой сущности его. Но и изъ тѣхъ, которые прямо отвергли проектъ, мнѣнія нѣкоторыхъ поражаютъ своею странностью; многими отвергаются училищные институты на такихъ нелѣпыхъ основаніяхъ, что рѣшительно не знаешь, чему приписать возможность зарожденія подобныхъ понятій въ головахъ почтенныхъ педагоговъ. Такъ, напримѣръ, исправляющій должность директора Ровенской гимназіи, г. Теодоровичъ, находитъ: «что учительскіе институты по смыслу проекта представляются какими-то слишкомъ скромными, уединенными, общежительными, семейными, идиллическими заведеніями. Нѣмецъ, англичанинъ, швейцарецъ, пожалуй, можетъ быть, французъ, способенъ къ такой скромной до идеальности жизни, *но славянская широкая натура едва ли годится къ такому самоограниченію*». Чего только не сваливаютъ на эту широкую русскую натуру, которая, по мнѣнію г. Теодоровича, шире всѣхъ натуръ въ мірѣ. Ну чего же больше? Если натура широкая, то значитъ клади въ нее все, что хочешь,—все перенесетъ и вытерпитъ... Другія мнѣнія, если не отличаются широтой г. Теодоровича, то могутъ похвастаться такою же глубиной. Мы приведемъ здѣсь болѣе видныя изъ нихъ. 1) Ректоръ московской духовной академіи, архимандритъ Савва и профессоры: Демидинъ, Горскій, и Кудрявцевъ-Платоновъ находятъ возможнымъ поручить преподаваніе въ народныхъ школахъ священникамъ и вообще способнымъ людямъ духовнаго и свѣтскаго званія, подъ надзоромъ священниковъ, и для большаго подкрѣпленія этого положенія педагоги ссылаются на привычки и свойства русскаго общества.

2) Авторъ статьи: *Кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа* (во 2-й книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцовъ) также полагаетъ, что первоначальное обученіе должно быть ввѣрено духовенству.

Такимъ образомъ оба эти мнѣнія совершенно одинаковы и выражаются людьми, принадлежащими къ духовному чину. Въ безпристрастіи этого мнѣнія мы не сомнѣваемся, но здравый смыслъ его сильно заподозрѣваемъ. Говорить въ половинѣ XIX вѣка, послѣ всѣхъ

историческихъ опытовъ у другихъ народовъ, воспитаніемъ которыхъ руководили клерикальныя сословія,—говорить о передачѣ народнаго образованія исключительно въ руки духовенства—значитъ не видѣть ничего дальше своихъ монастырскихъ стѣнъ и бурсацкаго воспитанія. Было время, когда наше духовенство было единственнымъ образованнымъ классомъ въ Россіи, когда оно находилось въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ народу, но что же оно на своемъ историческомъ пути сдѣлало въ пользу образованія? Еслибъ нравственное состояніе и степень развитія этого сословія соотвѣтствовали педагогическому призванію его, то оно всегда и помимо школъ могло бы постоянно дѣйствовать на образованіе общества. Но есть ли что нибудь похожее на его умственное вліяніе по отношенію къ нашему народу? Да и въ такомъ ли положеніи мы видимъ наши семинаріи, чтобы воспитаніе, получаемое въ нихъ, могло дать Россіи хорошихъ наставниковъ народа? Вѣдь бурсацкіе типы г. Помяловскаго приподнимаютъ только краешекъ того полога, за которымъ скрывается грубѣйшая нищета, грязь, насиліе и самодовольная рутина. Вѣдь само же духовенство, т. е. болѣе образованная часть его, смотритъ на наши семинаріи и академіи не лучше г. Помяловскаго. И еслибъ въ эти средневѣковыя заведенія не проходилъ свѣтъ извнѣ, заносимый свѣтской литературой и свѣтскими преподавателями, то онѣ могли бы смѣло поспорить съ кіевской бурсой XVII вѣка. И вотъ отсюда-то совѣтуютъ взять педагоговъ нашего народа.

Этого мало. Костромской епископъ Платонъ, написавшій книжку *«о мѣрахъ къ улучшенію религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія въ гимназіяхъ»*, рекомендуетъ не только образованіе народа отдать въ руки духовенства, но и все образованіе въ гимназіяхъ, т. е. онъ рекомендуетъ ту же систему народнаго воспитанія, какую мы видѣли въ Неаполѣ при Бурбонахъ и іезуитахъ, и какую доселѣ видимъ въ Испаніи. Почтенный епископъ, по примѣру всѣхъ ревнителей замкнутой бурсацкой нравственности, находитъ, что современное гимназическое ученіе не соотвѣтствуетъ духу христіанскаго ученія, и для доказательства своей мысли представляетъ намъ слѣдующія назидательныя сообщенія: «Воспитанники гимназіи свободно читаютъ книги всякаго содержанія... Вкусъ ихъ портится, сердце развращается, душа наполняется впечатлѣніями грязными и соблазнительными. А навыки, пріобрѣтенные въ училищахъ, вносятся въ жизнь. Противъ напора безбожныхъ мнѣній и кощунственныхъ отзывовъ о св. православной

церкви, которыхъ такъ много встрѣчается нынѣ въ свѣтскихъ журналахъ и книгахъ, не поставлено никакихъ преградъ... Дѣти, живущія у своихъ родителей или родственниковъ, находятся въ полномъ распоряженіи отцовъ и матерей, между которыми очень не мало людей сомнительной нравственности или даже совсѣмъ безнравственныхъ». Подобныя мнѣнія епископа Платона, разумѣется, не стоили бы упоминанія, если бы мы въ нихъ не видѣли той крайности, къ которой обыкновенно приходитъ духовенство въ своемъ воззрѣніи на образованіе народа.

Развивая логически это мнѣніе, можно придти къ такимъ результатамъ, какихъ вѣроятно не желаетъ и самъ епископъ Платонъ;—можно придти къ закрытію всѣхъ свѣтскихъ заведеній, къ сожженію безбожныхъ книгъ, въ родѣ Молешота и Фохта, и къ уничтоженію всего, что сдѣлано необыкновенными усиліями современной науки. Притомъ крайности сходятся, и епископъ, самъ не подозрѣвая того, впадаетъ въ продерзкое и кощунственное ученіе коммунистовъ. Коммунисты разрушаютъ семью, съ цѣлью освободить человѣка отъ семейнаго деспотизма; они находятъ, что *воспитаніе* въ семьѣ извращаетъ естественныя способности человѣка, и поэтому желаютъ исторгнуть его изъ этого воспитанія, для того, чтобы дать ему возможность развить свободно свои силы. Достигается ли нто системой коммунистическаго воспитанія?—это другой вопросъ; но епископъ Платонъ идетъ къ тому же; онъ находитъ, что воспитаэіе въ семьѣ слишкомъ свободно, что отецъ и мать все-таки мало деспотичны относительно ребенка, что они заражены прародительскимъ грѣхомъ всѣхъ художниковъ, считающихъ свое произведеніе прекраснымъ, поэтому питаютъ слишкомъ много любви къ дѣтямъ. Такія отношенія кажутся ему слишкомъ мягкими, и вотъ онъ избавляетъ ребенка отъ семьи и отдаетъ его въ полное, безграничное распоряженіе гимназическаго начальства, которое, по плану епископа, непремѣнно должно будетъ зависѣть отъ *священника*. Что вся гимназія по плану епископа должна зависѣть отъ священника—это мы сейчасъ докажемъ изъ его же словъ. Онъ ставитъ священника при гимназіи въ полнѣйшую независимость отъ гимназическаго начальства, и при этомъ приводитъ слѣдующіе доводы: «Православный священникъ не есть только учитель народный, избранный начальствомъ, но лицо священное, получившее особенные дары благодатные для совершенія священнодѣйствія, благовѣствованія о Христѣ

Іисусѣ. Утвержденіе священниковъ въ должности законоучителей свѣтскимъ начальствомъ отнимаетъ у преподавателей закона божьяго характеръ священный. Избраніе и назначеніе законоучителей надобно предоставить архіереямъ, и потому, что архіереи знаютъ священниковъ лучше, чѣмъ директоры и совѣты педагогическіе». Такимъ образомъ священникъ въ гимназіи лицо совершенно независимое, и притомъ по плану епископа онъ долженъ наблюдать за нравственностью учениковъ; книги для чтенія должны выдаваться гимназистамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія законоучителя; онъ долженъ быть духовникомъ какъ гимназистовъ, такъ и всѣхъ учителей и начальства гимназическаго и наблюдать, чтобы учителя въ классахъ не учили чему нибудь такому, что противно правиламъ христіанской церкви. Всѣ эти права законоучителей, а особенно послѣднее право вмѣшательства въ совѣсть учителей, при независимости отъ гимназическаго начальства, даетъ священнику полнѣйшую власть, переходящую въ деспотическое самоуправство. Въ заключеніе мы имѣемъ честь предложить епископу Платону прочитать «Histoire de l'inquisition en Espagne» и справиться съ нѣкоторыми фактами преобладающаго вліянія духовенства на образованіе народа.

Что же касается самаго проекта епископа, то мы увѣрены, что онъ останется только проектомъ, которому было бы трудно найдти сочувствіе даже въ министерствѣ князя Ширинскаго - Шихматова, нѣкогда мечтавшаго также о замѣненіи всѣхъ еретическихъ знаній однимъ октоихомъ.

Разсматривать другія замѣчанія на проектъ «Учительскихъ институтовъ» мы не находимъ нужнымъ, потому что эти замѣчанія не представляютъ ничего новаго и ограничиваются, какъ мы замѣтили выше, отдѣльными пунктами. Такъ, напримѣръ, одни думаютъ, что «Учительскіе институты» могли бы съ удобствомъ устроиться при самыхъ гимназіяхъ въ видѣ особенныхъ отдѣленій, а другіе находятъ, что лучше было бы организовать ихъ, какъ отдѣльныя учрежденія. Но все это частности, разрѣшаемыя чисто-практическими соображеніями. Для насъ гораздо интереснѣе посмотрѣть на самую сущность дѣла:»—нужны ли вообще «Учительскіе институты» и могутъ ли они достигать той цѣли, какую предполагаетъ министерство народнаго просвѣщенія? Относительно перваго вопроса очень немногіе изъ педагоговъ выразили свое сомнѣніе и только нѣкоторые изъ нихъ прямо заявили, что «Учительскіе институты» намъ вовсе

ненужны. Съ послѣднимъ мнѣніемъ мы совершенно согласны. У насъ еще недавно существовалъ Педагогическій институтъ, поставленный бюрократическимъ управленіемъ въ такое жалкое состояніе, что наконецъ принуждены были закрыть его. Нѣтъ сомнѣнія, что и «Учительскіе институты» современемъ обратятся въ такіе же монастыри, на глухо запертые, безъ жизни и движенія въ умственной дѣятельности воспитываемыхъ ими педагоговъ. Въ нихъ будутъ поступать юноши ради дипломовъ и полученія учительскихъ мѣстъ; въ нихъ будутъ преподаватели, ищущіе жалованья и пенсіоновъ, въ нихъ непремѣнно явятся разные ранги и ученыя степени, паркетные полы, чистыя лѣстницы, толпа зѣвающихъ служителей, но въ нихъ не будетъ ни науки, ни даже искренняго желанія учить и учиться. Для развитія ума, какъ и для совѣсти, необходима свобода, а свободы-то мы пуще всего и боимся. Кричимъ мы на эту тему очень усердно, но какъ только дѣло дойдетъ до примѣненія словъ къ жизни, ну мы и пятимся назадъ, какъ овцы, испуганныя бурей. Намъ все кажется, что вожделенную нами свободу можно втиснуть въ тѣ же рамки, въ тѣ же рутинныя привычки, въ которыхъ мы благовоспитали себя. Вотъ въ этомъ вся нелѣпость нашей широкой натуры. Въ учебныхъ заведеніяхъ это чувствуется до того необходимымъ, что почтенное начальство никакъ не можетъ даже вообразить себѣ гимназиста безъ форменнаго сюртука, ученія безъ программы и нравственности безъ карцеровъ и розогъ. Изъ проекта «Учительскихъ институтовъ» мы вовсе не видимъ, чтобъ имъ обѣщали другое устройство; да при настоящей системѣ нашего школьнаго обученія другое устройство и невозможно.

Кромѣ того спросимъ себя серьезно: ради какой насущной потребности «Учительскіе институты» намъ нужны? — «Для приготовленія учителей народа, — отвѣчаетъ проектъ; у насъ чувствуется недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ повсюду отъ низшихъ школъ и до высшихъ». Совершенно справедливо. Но развѣ у насъ не чувствуется тотъ же недостатокъ въ хорошихъ инженерахъ, профессорахъ университета, въ сапожникахъ и агрономахъ? Въ чемъ же мы не чувствуемъ недостатка, когда является надобность въ умныхъ и добросовѣстныхъ исполнителяхъ общественнаго дѣла! Но чтобы восполнить этотъ недостатокъ, мы не такъ принимаемся, не съ той стороны идемъ къ цѣли, съ какой надо идти. Доселѣ мы поступали такъ: положимъ, намъ нужно хорошихъ садовниковъ; сейчасъ составляется проектъ о раз-

веденіи садовниковъ, устроивается школа, выписывается какой нибудь тупой нѣмецъ, затѣмъ сочиняется программа и уставъ новаго заведенія, и послѣ всего этого мы совершенно успокоиваемся на той мысли, что у насъ есть и отличные садовники и превосходные сады. Проходитъ лѣтъ десять, двадцать, оказывается, что у насъ есть только школа садоводства, а хорошихъ садовниковъ и садовъ вовсе нѣтъ. Сады произрастаютъ такъ же, какъ во времена Владиміра Мономаха и садовники все тѣ же безграмотные мѣщане, какіе были и прежде. Слѣдовательно... Слѣдовательно школа оказалась безполезной и ее можно закрыть.

Вотъ такъ мы стараемся надѣлать и учителей, и инженеровъ, и всякаго рода спеціалистовъ. Мы понимаемъ, что можно разводить подобнымъ образомъ горохъ и капусту, но только не людей образованныхъ и честныхъ. Иначе было бы, если бъ мы, отбросивъ бюрократическую рутину, взялись за самую сущность дѣла, постарались поднять повыше значеніе самой дѣятельности, объ улучшеніи которой мы хлопочемъ. Тогда явились бы и дѣятели, безъ всякихъ наградъ и прибавокъ жалованья; тогда безъ всякихъ понуканій и поощреній закипѣла бы работа и вызвала бы множество здоровыхъ рукъ и мыслящихъ головъ. Но здѣсь офиціальной рутинѣ нечего дѣлать, и потому она должна стать какъ можно дальше отъ этой дѣятельности. Здѣсь прежде всего нужна независимость человѣка и полная увѣренность его въ томъ, что плоды труда его не пропадутъ даромъ. Къ сожалѣнію, этой увѣренности нѣтъ у большинства тѣхъ дѣятелей, которые у насъ пробиваютъ себѣ дорогу грудью и необыкновенными усиліями. При этомъ я не могу не вспомнить одной грустной сцены изъ моего студенческаго быта: мнѣ случилось стоять у постели одного бѣднаго юноши, умиравшаго на двадцатомъ году своей жизни. Умиралъ онъ далеко отъ своей родины и друзей, среди чужихъ людей, въ холодной и на половину затопленной водой комнатѣ. Никого не было при немъ и ни откуда онъ не могъ ожидать никакой помощи. Когда я вошелъ въ его сырой подвалъ, онъ уже стоналъ тяжело и на блѣдномъ лицѣ его были видны слѣды подходившей смерти. Жалко было эту молодую жизнь, изломанную нуждой и множествомъ разныхъ подлостей, съ которыми ему пришлось не подъ силу побороться. У меня выступили слезы на глазахъ; замѣтивъ это, юноша нѣсколько оживился, схватилъ меня за руку крѣпко и со-

бравъ остатки силъ, проговорилъ довольно энергично: «вотъ и жизнь кончена; а какъ хотѣлось жить и что нибудь сдѣлать!» Черезъ нѣсколько минутъ жизнь была дѣйствительно кончена, и кромѣ честной борьбы не оставила по себѣ ничего хорошаго. За два года раньше этотъ юноша, полный силъ и здоровья, надеждъ и стремленій, ѣхалъ въ Петербургъ съ твердой увѣренностію, что онъ одолѣетъ всѣ препятствія, перенесетъ и холодъ и голодъ, и наконецъ выберется на торную дорогу, на которой у насъ всякій дуракъ, попавшій на нее, имѣетъ право считать себя счастливымъ. Но юноша, какъ и тысячи подобныхъ ему, ошибся. Когда петербургская жизнь взяла его въ свои ежевыя рукавицы, онъ увидѣлъ, что его честныя стремленія—мечты,—что его силы мало для борьбы, что его прежняя увѣренность была страшная ошибка, что ему надо было идти не противъ потока жизни, а плыть за нимъ и подлаживаться подъ всякую нелѣпость. Но этой *житейской мудрости* юноша не усвоилъ и за то заплатилъ жизнію. Какъ видите, вся бѣда была въ томъ, что онъ хотѣлъ остаться независимымъ. Независимость ума и характера—первый врагъ, съ которымъ наши отцы и дѣти ведутъ постоянную войну, гонятъ и презираютъ ее на всѣхъ стезяхъ жизни. Проявится ли независимость во мнѣніи, мы поднимаемъ противъ нее такой ослиный ревъ, что становится страшно не столько за себя, сколько за цѣлость глотки этихъ ословъ; проявится ли она въ смѣломъ и энергическомъ поступкѣ, мы непремѣнно оболжемъ и перетолкуемъ ее съ самой пошлой стороны. Ни въ семействѣ, ни въ обществѣ мы не смѣемъ позволить ни малѣйшаго самостоятельнаго поворота. Иначе, каждая попытка къ новому взгляду на вещи, каждый шагъ къ независимой дѣятельности примется за сопротивленіе властямъ, за желаніе дразнить отцовъ и издѣваться надъ ихъ непогрѣшимымъ авторитетомъ.

Антипатію нашу къ независимости ума и воли мы можемъ прослѣдить во всѣхъ направленіяхъ общественной жизни, и вездѣ найдемъ самые очевидные примѣры ея; но всего лучше она представляется нашей литературой. Повидимому, нигдѣ не можетъ быть такого искренняго сочувствія оригинальности мысли, такой радушной встрѣчи писателю, пробивающему новый путь нашему развитію, какъ въ литературѣ; но на самомъ дѣлѣ литература, рафинируя въ себѣ недостатки общества, оказывалась первымъ врагомъ всякаго умственнаго обновленія. Въ кои-то вѣки явится у насъ сильный

и благородный умъ, то надо видѣть какъ облепятъ его разныя насѣкомыя, какой дружной облавой напустятся на него. И если бъ антипатія ихъ ограничивалась только полемической бранью, то это было бы совершенно простительно людямъ недалекимъ; но этого мало; къ литературнымъ нападкамъ они не замедлятъ примѣшать грязь доносовъ и ядъ клеветы. «Это поджигатель, берите и вяжите его! Онъ разрушаетъ прелестный порядокъ вещей, тащите его въ домъ умалишенныхъ», кричитъ нашъ звѣринецъ на всю обширную землю русскую. И что же? Вой звѣринца не остается тщетнымъ; его слушаютъ и подслушиваютъ, ему рукоплещутъ и помогаютъ. Слѣдовательно звѣринецъ правъ? Да, совершенно правъ, потому что правота стада заключается въ силѣ копытъ... Вспомнимъ въ какомъ положеніи находился Бѣлинскій передъ большинствомъ публики и передъ нашей литературой. Его рѣзкій свистъ, его стонъ изъ надорванной груди покрывался легіономъ звѣриныхъ голосовъ. Но тогда безъ всякаго зазрѣнія совѣсти клеветалъ и доносилъ одинъ Булгаринъ, а теперь на каждаго Бѣлинскаго приходится по десятку разныхъ Булгариновъ. Трупъ сего мужа, разложившись прахомъ, пустилъ отъ себя многочисленную червятину.

Всѣ эти размышленія, читатель, очень неутѣшительны, но зато назидательны. Если такія силы, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ, усталыя, упали на полдорогѣ, то сколько же должно было сгинуть менѣе крѣпкихъ силъ и еще болѣе благородныхъ характеровъ. Но унывать не стоитъ. У звѣринца нашего есть свои слабости; когда онъ наѣдается разной падали и засыпаетъ, его можно гладить и бить, смотря по надобности. Скотская натура рано или поздно, но уступаетъ силѣ ума.

Поразмысливъ о всемъ, что сказано выше, мы многое можемъ примѣнить и къ нашей педагогической рутинѣ. И когда заговариваютъ у насъ о народномъ воспитаніи, намъ становится почему-то крайне неловко и грустно; намъ хотѣлось бы спросить: неужели и народъ, т. е. еще нетронутая и небывалая въ звѣринцѣ часть Россіи, будетъ учиться у тѣхъ же педагоговъ, которымъ обязаны мы огромной тратой времени и своимъ невѣжествомъ? Такое образованіе положительно хуже крестьянской безграмотности. Пусть намъ докажутъ, что господа Юркевичи и Страховы *дѣйствительно* лучше развились, и болѣе образованны, чѣмъ самые неразвитые странники, ходящіе во вретищахъ и босикомъ, тогда мы согласимся безусловно съ пользой вся-

каго образованія. Въ послѣднее время чаще и чаще стало высказываться мнѣніе, что нашему народу необходимы реальныя знанія, какъ единственныя дѣльныя знанія. Это такъ. Съ нихъ должно начинаться всякое правильное развитіе и только отъ нихъ можно ожидать хорошихъ послѣдствій. Все, что ускользаетъ отъ опыта въ наукѣ, того нельзя назвать знаніемъ, а назовите философской трухой г. Юркевича, или вечерними призраками Косицы, — чѣмъ хотите назовите, но только не знаніемъ. Знаніе предполагаетъ опытъ, а не мечту. На основаніи этого слѣдуетъ выбросить изъ каталога современныхъ наукъ болѣе половины разнаго ученаго хлама и отнести его къ разряду ненужнаго школьнаго балласта. Все, что не даетъ человѣку чисто - практическихъ результатовъ, не ведетъ его къ новымъ открытіямъ, не развиваетъ его,—все это давно пора выгнать изъ школъ и изъ жизни. Съ этого должна начинаться всякая реформа въ народномъ образованіи; къ этому должны быть направлены всѣ наши силы и средства, какими только мы располагаемъ въ данную минуту. Когда улучшится самое *качество* пріобрѣтаемаго нами образованія, когда мы будемъ тратить на него меньше времени и труда попусту, тогда явятся хорошіе педагоги, и въ нихъ не будетъ недостатка. Была бы хорошая дѣятельность, а дѣятели всегда найдутся. По отношенію къ народу тѣмъ менѣе можно опасаться за недостатокъ учителей. Ихъ съ избыткомъ приготовитъ та же самая среда, въ которой почувствуется необходимость образованія; но только пусть она почувствуется свободно, а не вслѣдствіе министерскихъ циркуляровъ; когда сдѣлается буквально невозможнымъ быть гражданиномъ и остаться безграмотнымъ человѣкомъ, тогда безъ всякихъ педагогическихъ институтовъ школы наполнятся преподавателями. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи содержаніе школъ и учителей производилось на счетъ самого же общества. Это обстоятельство такъ важно, что имъ вполнѣ разрѣшается вопросъ о недостаткѣ учителей въ какой бы то ни было странѣ. Пока образованіе народа оплачивается изъ государственной казны и учитель признается оффиціальнымъ лицомъ, до тѣхъ поръ матеріальное положеніе его не можетъ быть удовлетворительно обезпечено. Ни одно государство не согласится отпускать изъ своего бюджета довольно круглой суммы на содержаніе школъ; напротивъ, вездѣ министерства народнаго просвѣщенія получаютъ гораздо меньше сравнительно, напримѣръ, съ военнымъ министерствомъ или полицейскимъ вѣдомствомъ. Поэтому и вознагражденіе учительскаго труда

опредѣляется самой скудной цифрой, такъ что эта отрасль дѣятельности считается самой неблагодарной. Идетъ въ учителя только тотъ, кому рѣшительно не хочется умирать съ голоду и кому физическія силы не позволяютъ работать на фабрикѣ или на биржѣ. Само собою разумѣется, что при такомъ нищенскомъ содержаніи нельзя найдти много охотниковъ вступить на учительскую карьеру, и никакіе педагогическіе институты не сдѣлаютъ привлекательнымъ то поприще, на которомъ требуется много вниманія и труда, и вознагражденіе за него предлагается жалкое. Но развѣ государство,—могутъ сказать намъ,—не въ состояніи увеличить бюджетъ по содержанію школъ и вполнѣ обезпечить преподавателей. Конечно, нѣтъ, потому что оно заботится о другихъ интересахъ, по его мнѣнію, болѣе важныхъ; и иногда вовсе не считаетъ образованіе народа непремѣннымъ условіемъ своей силы. Даже бываютъ такіе случаи, какъ напримѣръ въ теперешней Франціи, когда правительство вовсе не желаетъ, чтобы народъ его отличался особеннымъ умомъ или образованіемъ; оно думаетъ, что сила государства часто выигрываетъ отъ умственнаго безсилія націи. Совершенно другое дѣло, когда общество принимаетъ на себя расходы по воспитанію своихъ собственныхъ членовъ. Въ интересахъ его прямо содѣйствовать умственному прогрессу и заботиться о процвѣтаніи учебныхъ заведеній. Со стороны его было бы крайне нелѣпо подрывать такъ или иначе самую живую потребность его нравственнаго существованія. А если оно поставитъ школу въ нормальное положеніе и хорошо обезпечитъ учителей, тогда нѣтъ никакой надобности разводить ихъ посредствомъ особенныхъ институтовъ; они выростутъ сами.

Кромѣ того, мы не понимаетъ, почему можно безъ диплома заниматься столярнымъ мастерствомъ, а нельзя быть учителемъ? Здѣсь, конечно, есть опасеніе, что дурной учитель можетъ имѣть болѣе вредное вліяніе на своихъ учениковъ, чѣмъ дурной столяръ на своихъ заказчиковъ. Но развѣ дипломъ можетъ гарантировать какое нибудь общество отъ вреднаго вліянія педагога? И развѣ тѣ лица, которыя слушаютъ учителя, и которыхъ прямо касается это вліяніе, не могутъ понимать и, въ случаѣ нужды, удилить его отъ себя? Если я не пойду къ плохому столяру и не захочу платить за его негодную вещь, то почему же я стану платить плохому учителю за его глупое преподаваніе? Въ этомъ случаѣ право диплома часто покрываетъ собой множество злоупотребленій; разъ пріобрѣтенное, это право даетъ

возможность бездарнѣйшему педагогу торчать на своемъ мѣстѣ лѣтъ двадцать и ничего не дѣлать, гдѣ другой болѣе способный могъ бы оказать дѣйствительную пользу. Когда получался этотъ дипломъ, учитель подавалъ хорошія надежды, но когда онъ получилъ его и вступилъ въ свои обязанности, онъ сталъ пренебрегать ими, а между тѣмъ продолжаетъ учить, и воспитанники его поневолѣ довольствуются имъ. Вотъ почему многіе изъ нашихъ педагоговъ служатъ предметомъ посмѣшища для своихъ аудиторій. Избавиться отъ нихъ невозможно, но и слушать ихъ совѣстно. Ничего подобнаго не могло бы быть, если бъ предоставить самимъ слушателямъ свободный выборъ учителя ихъ. Пусь каждое село и каждая школа найдетъ себѣ наставника по собственному желанію и пусть каждый, считающій себя способнымъ сдѣлаться учителемъ, вступаетъ на это поприще и проходитъ его до тѣхъ поръ, пока остаются имъ довольными... Тогда, и только тогда можно ожидать способныхъ и добросовѣстныхъ педагоговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошаго образованія въ школахъ. Поэтому, мы позволяетъ себѣ думать, что мин. нар. просв. напрасно предпринимаетъ устройство «учительскихъ институтовъ», безъ общей реформы нашего народнаго образованія.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Наступленіе петербургской весны. — Контрабанда или невское солнце. — Наша флора и русскіе пѣвцы, ей измѣнившіе. — Слухъ о новой весенней серенадѣ г. Щербины. — «Русскій Вѣстникъ», какъ богадѣльня для престарѣлыхъ вдовъ и литературныхъ содержанокъ. — «Мрачная элегія», посвященная русскимъ поэтамъ. — Нѣчто о шляпкахъ и о женской эмансипаціи.—Моя весенняя пѣсня о дѣйствіяхъ правленія Общества царскосельской желѣзной дороги. — Система «глазомѣра», введенная правленіемъ общества. — Годовое собраніе общества и польза протестовъ. — Г. Очкинъ, уступающій свое директорское кресло дамѣ. — «Два хора» — акціонерная пѣсня. — Родословная русскаго прогресса. — Сюжеты изъ міра фантазіи. — Дмит. Бенардаки и его управляющій. — Весеннія пророческіе сны. — «Голосъ» и его мнѣніе о личномъ оскорбленіи. — Пензенскіе жандармы.—Нѣсколько экземпляровъ изъ міра педагоговъ. — Г. Дмитрій Соболевскій начинаетъ исправляться. — Симбирская полиція. — Канцелярская разсѣянность. — Революція почтоваго чиновника.

На дворѣ весна; весна наступила несомнѣнно. Въ этомъ убѣждаютъ меня и академическій календарь, и выставка цвѣтовъ въ Петербургѣ (вѣдь по закону природы сначала весна придетъ, а потомъ ужь цвѣты выростутъ!), и весенніе насморки, и ревматизмы, и весеннія книжки русскихъ журналовъ, замѣтно утратившіе свою зимнюю энергію. Все говоритъ о веснѣ. Одно только меня сбиваетъ съ толку: солнца у насъ совсѣмъ не видно, а если оно выглядываетъ иногда изъ тумана, то выглядываетъ какимъ-то контрабандистомъ, украдкой, какъ будто его сейчасъ схватятъ и отведутъ въ Управу Благочинія. Но вѣдь и то сказать: наша петербургская жизнь такъ хороша, что на нее и солнцу-то скверно смотрѣть... Не потому ли оно и свѣтитъ такъ рѣдко надъ нами?

И такъ, отрицать наступленіе весны мы не имѣемъ никакого права, и только должны удивляться одному: какъ до сихъ поръ не раздалось ни одной весенней пѣсни изъ стана россійскихъ поэтовъ? Прежде, бывало, едва только изъ земли проглянутъ салатъ и крапи-

ва,—или выражаясь лирическимъ языкомъ, «молодая брызнетъ зелень»,—какъ цѣлый хороводъ поэтовъ спѣшитъ поднести веснѣ хвалебный адресъ съ самыми восторженными причитаніями. Невская весна, какъ практическая красавица, прежде всегда имѣла у себя на содержаніи нѣсколькихъ лириковъ, готовыхъ во всякое время отдать свои силы въ ея распоряженіе, а теперь.... гдѣ же теперь ея голосистые восхвалители и поклонники? Никто ни одного словечка не вымолвилъ. Говорятъ, одинъ только г. Щербина еще съ зимы приготовилъ какую-то затѣйливую весеннюю пѣсенку, но вотъ еще до сихъ поръ не пропѣлъ ее намъ. А отчего бы не пропѣть? Вѣдь если ни одинъ петербургскій журналъ не пуститъ на свои страницы его весенней серенады, то въ Москвѣ непремѣнно такой журналъ найдется. Вотъ хоть бы укажу на «Русскій Вѣстникъ», который съ нѣкотораго времени обратился въ заведеніе для престарѣлыхъ вдовъ русской литературы: всѣ убогіе, обиженные и оскорбленные находятъ тамъ гостепріимный уголъ;

Всѣхъ «Русскій Вѣстникъ» пріютитъ,
На комъ отсталости закалка
Патентомъ доблестнымъ лежитъ;
Къ нему подъ крылышко бѣжитъ
Литературный инвалидъ
И русской прессы—приживалка.

Когда я самъ сдѣлаюсь литературной приживалкой, совершенно выживу изъ ума и допишусь до Лонгинова съ братіей, то непремѣнно надѣюсь поступить въ журнальную богадѣльню г. Каткова, гдѣ и буду переводить ему Шенье и писать замогильные «отзывы и замѣтки». Но это еще пѣсня длинная: трудно дожить до старости Мафусаила, а еще труднѣе сдѣлаться сподвижникомъ г. Лонгинова и членомъ общества любителей россійской словесности...

И такъ—мы ждемъ весеннихъ пѣсень, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ... Бѣдная петербургская флора!..

Пѣвцовъ весны не слышно больше,
И всѣ—куда ни посмотри—
Лишь занялись дѣлами Польши
И рѣчью лорда Шефтсбёри.

***

Напѣвомъ музъ свой слухъ не тѣша,
Мечтать считаемъ мы за стыдъ;
Насъ съ свѣжей новостью депеша
Сильнѣе пѣсень шевелитъ.

***

Для всѣхъ поэтовъ вѣкъ нашъ тѣсенъ,
Ихъ не слыхать уже нигдѣ:
Теперь творцы весеннихъ пѣсень
Сидятъ на хлѣбѣ и водѣ.

***

Напрасно лирикъ начинаетъ
Порою пѣть.... нѣтъ прежнихъ словъ:
Вѣкъ *хлѣбныхъ лириковъ* смѣняетъ
Вѣкъ новый *хлѣбныхъ свистуновъ.*

***

Не слышно больше пѣсень Фета;
Ему бѣжать пришла пора
Изъ свѣтлой области поэта
Къ хозяйству скотнаго двора.

***

Не льетъ Апухтинъ звуковъ рѣки,
Щербина музѣ измѣнилъ,
Полонскій бредитъ о Казбекѣ,
Гдѣ дикихъ женщинъ онъ любилъ. (*)

***

(*) Въ мартовской книжкѣ журнала «Время», Я. П. Полонскій въ собственной своей *критической* (?!) статьѣ о повѣсти гр. Л. Толстого, спѣшитъ довести до свѣденія русской публики, что онъ «испыталъ на себѣ страсть къ дикой женщинѣ на Кавказѣ»... Многіе читатели были удивлены тѣмъ, что въ критической статьѣ встрѣтили такое наивное признаніе въ интимности, признаніе, относившееся только къ частной жизни поэта, но читатели не должны забывать, что поэтъ—вездѣ поэтъ; увлеченіе же влюбленнаго поэта въ такомъ случаѣ очень понятно. Говорятъ, что авторъ знаменитаго стихотворенія «Времени»: «Ро, ро, ро, молодое перо», объясняетъ признаніе г. Полонскаго слѣдующими двумя куплетами:

— «Я люблю тебя». Полонскій
Дикой дѣвѣ вечеркомъ
Разъ шепталъ, но дочь Казбека
Погрозила кулакомъ.

Съ этихъ поръ Полонскій таетъ,
Вспоминая каждый разъ
Про растрепаную дѣву
И про «гибельный Кавказъ»

Заринъ въ полемикахъ игривыхъ
Стихи на прозу промѣнялъ,
И объ испанкахъ похотливыхъ
Крестовскій думать пересталъ.

«Нѣтъ больше пѣсень»! какъ сказалъ кто-то изъ поэтовъ.... Любезныя невскія читательницы! позвольте же мнѣ хоть для васъ пропѣть весеннюю пѣсню въ прозѣ. Вамъ, какъ женщинамъ, которыя живутъ больше чувствомъ и воображеніемъ, такая пѣсня необходима *почти* такъ же, какъ новая весенняя шляпка, или тальма самой послѣдней моды. Я сказалъ «почти», потому что очень хорошо знаю, какую роль играетъ въ вашей жизни *новая* шляпка, но, милостивыя государыни, шляпку можно купить, а весеннихъ пѣсень не купишь ни въ одномъ модномъ магазинѣ...

И такъ двѣ-три страницы своего «дневника» я хочу посвятить вамъ, мои петербургскія читательницы, разумѣется, если таковыя найдутся... (Каждый пишущій, особенно фельетонистъ, имѣетъ всегда увѣренность, что у него много читателей).

Читательницы! Вы никакъ не отгадаете теперь, о чемъ именно я хочу говорить съ вами. Я не стану толковать съ вами о новыхъ лѣтнихъ костюмахъ или о свадебномъ туалетѣ принцессы уэльской; я—Боже упаси этого — не заикнусь даже о женской эмансипаціи, зная очень хорошо, что большинство нашихъ русскихъ женщинъ такъ благовоспитано, что смотрить на эмансипацію съ тѣмъ же нескрытымъ презрѣніемъ, съ которымъ встрѣчаетъ разныхъ нигилистокъ и студентшъ, не носящихъ перчатокъ и читающихъ статьи Писарева и Антоновича. Нѣтъ, читательницы, я слишкомъ практиченъ въ этомъ случаѣ, слишкомъ хорошо знаю ваши мысли объ этой мѣщанской эмансипаціи и объ «нечесаныхъ демократахъ» (по выраженію одной юродствующей газетки), чтобъ сталъ говорить съ вами о *принсипахъ*, для васъ вовсе,—пора въ этомъ признаться,—неинтересныхъ.

— Такъ о чемъ же вы хотите писать? спросятъ меня читательницы.

— Я сказалъ, что не угадаете: я буду, милостивыя государыни, говорить съ вами о дѣлахъ общества царскосельской желѣзной дороги.

Впередъ предвкушаю крикъ удивленія, недоумѣнія и слышу множество недовольныхъ голосовъ.

— Зачѣмъ намъ знать о дѣлахъ этого общества? Что за выходка? Какимъ образомъ это можетъ интересовать насъ?

Вотъ тутъ-то и ошибутся мои петербургскія читательницы, если подумаютъ, что дѣла общества царскосельской дороги—для нихъ дѣла совершенно постороннія. Я же, напротивъ, держусь такого мнѣнія, что онѣ не такъ должны волноваться ходомъ какой-нибудь страшной мелодрамы, какъ дѣйствіями этого общества, его удачами и неуспѣхами. Доказать это вовсе не трудно: стоитъ только припомнить невскимъ читательницамъ, что по рельсамъ этой самой царскосельской желѣзной дороги онѣ ѣздятъ каждый годъ въ Павловскъ въ наше лѣтнее Эльдорадо, что въ вагонахъ этого общества онѣ отправляются слушать очаровательнаго Страуса....

Любезныя читательницы! Понимаете ли вы теперь, почему именно вамъ съ жаднымъ любопытствомъ нужно слѣдить за всѣми дѣяніями царскосельскаго общества? Понимаете ли вы, что съ его успѣхами связано ваше собственное благополучіе, ваши эстетическія наслажденія? Представьте себѣ, что дѣла этого общества разстроились, предпріятіе его лопнуло... Что жъ тогда будетъ съ вами, поклонницы павловскаго воксала и его магическаго Страуса, когда полотно царскосельской желѣзной дороги будетъ снято и по ея ржавымъ рельсамъ не станутъ мчать васъ паровозы къ пюпитру, съ котораго раздаются звуки *его* волшебнаго смычка? Что будетъ, повторяю опять, что будетъ тогда съ вами?

Я почти угадываю, что тогда будетъ:

Однажды столичныя дамы
Одѣвшись и въ бархатъ, и въ шелкъ,
Поѣдутъ веселой семьею
Къ воксалу въ семеновскій полкъ.

***

Протянутся дамскія ручки,
У кассы знакомой: «билетъ»!

Но встрѣтятъ ихъ фразою Данта;
— Билетовъ не ждите—ихъ нѣтъ.

***

И жаркія женскія слезы
Польются на платье, на лифъ,
А послѣ, сливась, умчатся
Потоками въ финскій заливъ.

***

И финскій заливъ переполненъ,
Покинетъ свой берегъ,—и вотъ
Утонетъ на вѣки столица
Подъ массой разсерженныхъ водъ.

Вотъ до какого несчастія такая печальная новость можетъ довести невскую столицу и ея мирныхъ обитателей?... Не слѣдуетъ ли изъ всего этого то, что петербургскія дамы должны съ упорнымъ постоянствомъ слѣдить за процвѣтаніемъ общества царскосельской желѣзной дороги и его правленія? Я даже предполагаю, что только одно посредничество женщинъ и можетъ теперь предупредить всѣ несчастія и безпорядки, которые могутъ случиться съ этимъ обществомъ—но объ этомъ поговорю послѣ, а теперь начну свою весеннюю пѣсню о славныхъ подвигахъ царскосельскаго правленія. Я увѣренъ, что послѣ моего вступленія, петербургскія читательницы не безъ любопытства прослушаютъ мою пѣсню.

Если бы петербургскія дамы слѣдили за ходомъ дѣлъ общества царскосельской желѣзной дороги, то онѣ бы припомнили, что еще два года тому назадъ была полемика о разныхъ безобразіяхъ и злоупотребленіяхъ въ правленіи этого общества. Шуму и толковъ было много, но какъ всегда бываетъ—шумъ и толки постепенно замолкали; правленіе обновилось и дѣла его, казалось, пошли, какъ по маслу... Члены правленія успокоились —

Ни безпокойства, ни сомнѣнья, —
А горе ждетъ изъ за угла...

За угломъ всегда и вездѣ сидятъ безпокойные люди, которые ничему на слово не вѣрятъ и никакимъ внѣшнимъ благообразіемъ не подкупаются. Такъ и тутъ случилось. Нашлись нѣкоторые охотники до скандаловъ, которые недавно сдѣлавъ повѣрку дѣлъ общества, открыли въ немъ слѣдующіе порядки:

«Контроль выручки за провозъ пассажировъ устроенъ неудовлетворительно; въ особенности порядокъ по абонементнымъ билетамъ допускалъ злоупотребленія со стороны служащихъ».

«Контроль сбора за провозъ кладей упрощенъ до оригинальности: *на станціяхъ вовсе нѣтъ вѣсовъ, и плата опредѣляется глазомѣромъ пріемщика*».

Вотъ она, настоящая, святая, аксаковская патріархальность!

Поучительный примѣръ!
Скоро всѣ такъ думать станутъ:
Что скорѣй *вѣсы* обманутъ,
Чѣмъ россійскій *глазомѣръ*.

Вообще нужно замѣтить, что «система глазомѣра» до того пришлась по душѣ правленію общества, что оно держалось ее не только при провозѣ кладей, но прикладывала эту систему даже къ своимъ расходамъ. Такимъ образомъ, денежныя издержки правленія постоянно росли, потому что онѣ дѣлались «на глазомѣръ»; жалованье значительно было возвышено противу прежнихъ лѣтъ, потому что и тутъ участвовалъ «глазомѣръ»; служащіе получали «щедрыя, единовременныя пособія» безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, тоже съ помощью этого драгоцѣннаго «глазомѣра». Щедрость правленія доходила до того, что заботясь о томъ, чтобы его подчиненные проводили пріятно время, оно взяло для нихъ 46 билетовъ на бывшій въ Павловскѣ концертъ г. Вѣнявскаго, но деньги за нихъ, 92 руб. заплатило изъ суммъ общества (!!)

Говорятъ—душа мѣру знаетъ, но не таковъ глазомѣръ правленія: онъ вовсе не отличается умѣренностью. На сколько система глазомѣра была прибыльна для акціонеровъ общества, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Перестройка павловскаго воксала и устройство газоваго завода были поручены подрядчику г. Баумгартену за цѣну, исчисленную въ смѣтѣ, имъ же самимъ составленной. На этотъ расходъ изъ денегъ

акціонеровъ правленіе потребовало 47 тысячь руб., а истратило около 70 тысячь. Вотъ онъ, глазомѣръ-то!..

Результатъ этихъ расходовъ былъ такой: правильной пріемки постройки не было; газовый заводъ построенъ дурно; повѣрка сожигаемаго газа была невозможна, потому что вмѣсто газомѣрителя употреблялся все тотъ же глазомѣръ; не было даже регулятора—и газъ пропадалъ даромъ.

Казалось бы, что такіе распорядки не должны были очень умилять членовъ правленія, но они ихъ дѣйствительно умилили и слѣдствіемъ этого умиленія было то, что правленіе ходатайствовало предъ общимъ собраніемъ объ удовлетвореніи г. Баумгартена за понесеніе имъ неизвѣстныхъ никому убытковъ.

Наконецъ еще одинъ и послѣдній образчикъ глазомѣра.

По неимѣнію денегъ на разныя постройки, правленіе собственнымъ своимъ умомъ дошло до необходимости убыточнаго и тяжелаго по условіямъ займа въ 147 тысячь руб., и сдѣлало этотъ заемъ, не объявивъ объ этомъ ни общему собранію, ни главному кредитору общества—правительству...

Вотъ въ какомъ положеніи нашли дѣла общества царскосельской желѣзной дороги. Противъ правленія начала собираться гроза въ лицѣ многихъ протестантовъ, которые, увы! были увѣрены, что ихъ протестъ принесетъ какую нибудь пользу и дастъ прежнимъ директорамъ чистую отставку...

Старыя пѣсни, знакомые звуки!..

Наступило 2 апрѣля и открылось давно ожиданное общее годовое собраніе общества.

Протестанты, въ числѣ 73 человѣкъ, съ полнымъ сознаніемъ своего будущаго торжества (о, наивность, дѣтская наивность!..) представляютъ свой протестъ, который, ссылаясь на неправильный составъ правленія, требуетъ перебалотировки директоровъ.

Правленіе было оскорблено, уничтожено, и почти всѣ присутствующіе въ общемъ собраніи встрѣтили протестъ крикомъ негодованія. Шумъ и крики поднялись такіе, что одинъ очевидецъ выразился о нихъ такимъ образомъ:

Все собранье благородное
Вдругъ слилось въ такое ржаніе,

Словно ржало въ подражаніе
Знаменитому Скарятину.
Такъ медвѣдица голодная,
Напирая на рогатину,
Стоя въ позѣ выразительной,
Поднимаетъ вой пронзительный...

Правленіе, какъ угнетенная невинность, вызвало общее состраданіе. Всѣ присутствовавшіе въ собраніи съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ бровей двухъ членовъ правленія — гг. Ефремова и барона Виттенгейма. Едва ихъ брови сурово сдвигались отъ какого-нибудь рѣзкаго замѣчанія, какъ слова ихъ противниковъ встрѣчались шиканьемъ, но зато собственные ихъ спичи сопровождались дружнымъ рукоплесканіемъ.

Протестанты были поражены. Чтобы окончательно уничтожить ихъ, члены правленія составили контръ-протестъ съ 118 подписями. Въ этомъ контръ-протестѣ было сказано, что 1) «акціонеры, рѣшившіеся рыться въ книгахъ и дѣлахъ правленія, для того, чтобы познакомиться съ ходомъ дѣлъ общества, *поступили противозаконно*, потому что ревизія дѣлъ можетъ производиться только особыми депутатами, избранными общимъ собраніемъ, что 2) двое акціонеровъ, потребовавшіе отъ правленія списка лицъ, представившихъ акціи къ трансферту, показали къ правленію оскорбительное недовѣріе, — и правленіе не только имѣетъ право, но и обязано принять мѣры для предупрежденія на будущее время подобнаго поруганія устава со стороны отдѣльныхъ акціонеровъ и что 3) они, 118 акціонеровъ, вопреки мнѣнію 70 акціонеровъ, считаютъ правленіе законно составленнымъ и отвергаютъ перебалотировку».

И такъ нигилизмъ первыхъ протестантовъ не привелъ ровно ни къ чему. Сладить съ рутиной не всегда легко. Не смотря на ихъ протестъ — балотировка была отвергнута большинствомъ. Да и въ балотировкѣ ли тутъ все дѣло? вотъ въ чемъ вопросъ. При общей рутинѣ перебалотировка — есть только одна кукольная комедія, что и было блистательно доказано правленіемъ и его защитниками.

Одинъ сильный голосъ, а именно голосъ инспектора всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, не призналъ справедливости контръ-протеста и объявилъ, что первый протестъ, требовавшій перебалотировки, не можетъ быть отвергнутъ собраніемъ безъ явнаго нарушенія устава. Противъ этого голоса возраженій не нашлось, и перебалотировка

состоялась. Что жъ вышло изъ этой комедiи? А то, что директоры остались на прежнихъ своихъ мѣстахъ, потому что, по повѣркѣ голосовъ, большинство ихъ оказалось въ пользу гг. *Ефремова* (181) барона *Виттенгейма* (175), *Михайлова* (175) и *Очкина* (174).

Что можетъ быть злѣе и ядовитѣе такой иронiи!.. Вы вотъ, дескать, перебалотировки требовали,—а что вы взяли этой перебалотировкой? Все вышло по-нашему, все осталось по-старому...

Дѣйствительно, все осталось по-старому—и на это я прошу обратить свое особенное вниманiе моихъ петербургскихъ читательницъ. Онѣ должны понять теперь, что если правленiе общества царскосельской желѣзной дороги будетъ держаться своего прежняго характера и своей «системы глазомѣра», то до бѣды недалеко.

Чѣмъ же теперь помочь горю?

По мнѣнiю весьма опытныхъ и практическихъ людей есть только одно средство помочь этому горю—и это средство находится въ рукахъ однѣхъ только петербургскихъ женщинъ; безъ шутокъ—только въ ихъ рукахъ.

Мысль такихъ опытныхъ людей совершенно понятна. Они, какъ и я, будучи совершенно увѣрены, что дѣла общества царскосельской желѣзной дороги должны очень интересовать петербуржанокъ, думаютъ, что вмѣшательство ихъ въ дѣйствiя правленiя—принесло бы непремѣнно благотворныя послѣдствiя. Акцiонерамъ этого общества скоро будетъ предложенъ проектъ о приглашенiи въ члены правленiя двухъ или трехъ дамъ. Что такiя дамы найдутся—въ этомъ нечего сомнѣваться: что же касается до того, на сколько отъ этого выиграетъ самое общество—за это намъ можетъ ручаться личный интересъ въ дѣлѣ царскосельскаго общества посѣтительницъ павловскаго парка и воксала. Если одно акцiонерное общество нашло когда-то полезнымъ пригласить въ члены своего правленiя кавказскаго героя Шамиля, то вѣроятно никого не удивитъ присутствiе женщинъ въ общихъ собранiяхъ общества царскосельской желѣзной дороги. Я почти увѣренъ, что каждый директоръ этого общества безъ всякаго колебанiя уступитъ свое мѣсто женщинѣ-директору. Вотъ хоть бы г. Очкинъ: какъ человѣкъ развитой, онъ первый, безъ сомнѣнiя уступитъ свое директорское кресло. За г. Очкина въ этомъ случаѣ говоритъ его собственная литературная дѣятельность:

Онъ двѣ газеты издавалъ,
И былъ,—какъ истый литераторъ,—

Въ одной газетѣ—либералъ,
Въ другой газетѣ—консерваторъ.

Разумѣется, первое время директорà мужского пола будутъ не очень довольны новымъ хозяйствомъ, и долго будутъ ходить съ нахмуренными лицами. Борьба двухъ началъ будетъ неминуема и мы заранѣе уже слышимъ два хора изъ этой акціонерной трагедіи... Прислушайтесь:

Женскій хоръ.

Мы введемъ порядокъ новый!

Мужской хоръ.

А какой же, напримѣръ?

Женскій хоръ.

Мы начнемъ такой обновой;
Уничтожимъ *глазомѣръ*.

Мужской хоръ.

Горе, горе!.. Эти дамы
Какъ гора для нашихъ плечъ.

Женскій хоръ.

Мы не дремлемъ, а всегда мы
Будемъ общество беречь....
Подавай контроль вездѣ намъ.

Мужской хоръ.

Для чего же, для чего жъ?

Женскій хоръ.

Уменьшимъ оклады членамъ...

Мужской хоръ.

Караулъ! дневной грабежъ!..

Женскій хоръ.

Мы интриги уничтожимъ.

Мужской хоръ.

Какъ же жить намъ безъ интригъ?
Мы не можемъ, мы не можемъ..!

Женскій хоръ.

Мы печать свою приложимъ
На страницы счетныхъ книгъ;
Мы свѣрять ихъ будемъ строго,
И отъ нашихъ лишь заботъ
Царскосельская дорога
Очень скоро процвѣтетъ.
Замотайте жъ это на усъ...

Мужской хоръ.

Эти дамы въ гробъ сведутъ!

Женскій хоръ.

Душка Страусъ, душка Страусъ!
Вдохнови нашъ тяжкій трудъ!..

— Химеры! утопіи!.. можетъ быть скажутъ читательницы, прочтя проектъ о введеніи женщинъ-директоровъ въ правленіе царскосельскаго общества. Но что жъ тутъ невозможнаго? спрошу я ихъ. Несбыточнаго въ подобномъ проектѣ ничего нѣтъ, и я однимъ примѣромъ изъ дѣйствительности могу положительно доказать это. Нѣкто г-жа О. Я. недавно сообщила въ одной газетѣ извѣстіе, что въ приказахъ по линіи московско-нижегородской желѣзной дороги напечатано: «госпожа Кнушевицкая назначается билетнымъ кассиромъ Вязниковской станціи съ 10 апрѣля сего года съ жалованьемъ 300 р. с. въ годъ». По словамъ г-жи О. Я. такое назначеніе было встрѣчено многими—какъ и слѣдовало этого ожидать,—съ большимъ неудовольствіемъ, но это до самаго факта нисколько не касается. Изъ этого факта вы, милостивыя государыни, можете видѣть, что женщина-директоръ или кассиръ вовсе не такая несбыточная утопія... Мы знаемъ даже другіе примѣры, доказывающіе, что наши русскія женщины начинаютъ теперь рѣшительно высказывать и заявлять свои гражданскія мнѣнія и даже политическія убѣжденія. Такъ изъ словъ «Сѣверной Почты», газеты, сколько извѣстно, положительной и солидной, мы узнаемъ, что въ Москвѣ, напримѣръ, дамское общество рѣшилось отказаться на все время, пока будутъ продолжаться смуты на западѣ, отъ ношенія всякихъ заграничныхъ матерій и одѣваться только въ русскія издѣлія; оно приглашаетъ къ тому же русскихъ дамъ и въ другихъ городахъ. Говорятъ, что мно-

гія петербургскія дамы не только не отстали отъ примѣра московскихъ, но рѣшили кромѣ того, что въ ихъ домахъ не будутъ болѣе подаваться за столомъ французскія вина... Кто жъ послѣ того можетъ сомнѣваться, что у насъ нѣтъ женщинъ-гражданокъ?..

О современномъ русскомъ прогрессѣ существуютъ самыя противорѣчащія мнѣнія; одни считаютъ его неуловимымъ мифомъ, въ родѣ «антиспатовъ» журнала «Время», таинственнымъ незнакомцемъ, о которомъ всѣ слышали, но котораго никто не видалъ; другіе его признаютъ, но считаютъ какимъ-то «стозѣвнымъ» чудовищемъ, которое пожираетъ русскую землю съ помощью разныхъ нигилистовъ, злоумышленниковъ и поджигателей. Одна газетка, редакторовъ которой этотъ прогрессъ душитъ подобно домовому каждую ночь, не такъ давно упрашивала прогрессистовъ русскихъ не слишкомъ забѣгать впередъ, а иначе — говоритъ — насъ всѣхъ ожидаетъ гибель. Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ голосамъ, исторія прогресса нашего дѣлается очень интересна; но гдѣ же эта исторія? кто ее напишетъ? Въ ожиданіи почтеннаго труда будущаго лѣтописца, мы можемъ пока только указать на одну краткую хронологическую таблицу русскаго прогресса, который выросталъ подобно пластамъ земного шара.

Исторія русскаго прогресса до сихъ поръ укладывалась въ слѣдующую родословную. Въ началѣ, разумѣется, былъ хаосъ, застой и тьма, и только духъ М. П. Погодина носился надъ землею, всюду произнося свою мрачную фразу: «мы не созрѣли! мы не созрѣли!» Затѣмъ слѣдуетъ родословная прогресса. М. Погодинъ родилъ В. Кокорева, Кокоревъ родилъ откупъ, монополію и С. Громеку, С. Громека родилъ Синеуса и Прогрессистова, Прогрессистовъ родилъ М. Розенгейма, М. Розенгеймъ родилъ Юркевича, г. Юркевичъ родилъ Аскоченскаго, Аскоченскій родилъ трехъ близнецовъ гг. Каткова, Леонтьева и Н. Ф. Павлова. Н. Павловъ родилъ Чичерина и Ивана Яковлевича, Иванъ Яковлевичъ родилъ г-жу Кохановскую и Ив. Аксакова, Ив. Аксаковъ возродилъ Москву и родилъ Ю. Самарина, Самаринъ родилъ Скаря-

тина, Юматова, и Г. Кори; отъ нихъ родились братья Достоевскіе, «Отцы и дѣти» Тургенева, литераторъ Дудышкинъ, музыкантъ Вильбоа и художникъ Микѣшинъ, Микѣшинъ наконецъ родилъ памятникъ русскаго прогресса тысячелѣтія.

Родословная эта далеко не полна, потому что у нея есть множество боковыхъ линій и вѣтвей, здѣсь совершенно опущенныхъ для краткости. Дѣло будущаго историка изложить ихъ съ величайшей подробносью.

Разскажетъ намъ тогда историкъ
Прогресса русскаго романъ,
Какъ былъ тернистъ, суровъ и горекъ
Его походъ средь нашихъ странъ;
Какъ съ тайнымъ ужасомъ внимала
Безгласной гласности толпа,
И до могилы провожала
Гробъ, гдѣ лежали откупа;
Какъ полемическія бури
Подняли пыль до облаковъ,
Какъ стали пѣть въ литературѣ
Чичеринъ, Павловъ и Катковъ;
Какъ подражая ходу раковъ,
Мы отступая, шли впередъ,
Какъ восхвалялъ Иванъ Аксаковъ
Намъ до-петровскій періодъ;
Какъ обличались вкругъ дебоши,
Какъ неожиданно для насъ,
Мужского пола Риголльбоши
Пошли въ ефремовскій танцклассъ;
Какъ лихоимство и стяжанье
Казнила каждая строка,
Какъ раздалось впервые ржанье
Изъ стойла «Русскаго листка»;
Какъ передъ омутомъ Стигійскимъ
Отжившій людъ стерегъ Харонъ,
Какъ въ «Главномъ обществѣ Россійскомъ»
Пропалъ куда-то милліонъ;
Какъ новымъ органомъ Краевскій
Сулилъ намъ множество обновъ,
И спалъ покойно Достоевскій,
Не чуя хлѣбныхъ свистуновъ,
Какъ въ смѣлыхъ мысляхъ независимъ,
Сталъ Очкинъ ярый либералъ,

И анонимныхъ, дерзкихъ писемъ
Еще Юркевичъ не читалъ,
Какъ въ первый разъ «отцы и дѣти»
Явились пищею молвы
И какъ Самойлова въ «Гамлетѣ»
Узрѣли зрители Невы;
О нигилизмѣ разговоры
Какъ понеслись во всѣ концы,
И какъ во храмѣ Терпсихоры
Явились въ роляхъ жеребцы...
. . . .

Два мѣсяца тому назадъ я хотѣлъ открыть въ своемъ «дневникѣ» особый отдѣлъ фантастическихъ сюжетовъ, которые могли пригодиться для поэмъ, драмъ, оперъ, водевилей и нравоучительныхъ разсказовъ. Тогда мнѣ это не удалось, а между тѣмъ сюжетовъ набралось достаточно. Почерпая ихъ изъ своей собственной плодовитой фантазіи, которая всегда богаче дѣйствительности, я надѣюсь, что ни одинъ обличительный разсказъ не можетъ быть такъ интересенъ для читателя, какъ мои сказки. Нужно ли иногда читателю отдохнуть отъ будничныхъ, житейскихъ дрязговъ и волненій, и хоть нѣсколько мгновеній пожить въ «свѣтлой области безпечальнаго созерцанія».

Имѣя въ виду такую благотворительную цѣль, я разскажу нѣсколько сюжетовъ, которые только тѣмъ и хороши, что въ жизни ихъ никогда не встрѣтишь.

СЮЖЕТЪ ПЕРВЫЙ.

(*Для фантастической поэмы*).

Для дѣйствія всякой фантастической поэмы нужно выбирать и мѣстность поэтическую, а какая самая поэтическая мѣстность въ Россіи?—разумѣется, Кавказъ, съ его обстановкой, которая увлекла не

одного писателя. Надъ вершинами Кавказа пролеталъ и лермонтовскій демонъ; на Кавказѣ мы познакомились и съ Тамарой, и Леилой, и Амалатъ-бекомъ, и Печоринымъ, и Бэлой. Кавказъ служитъ постоянно и мѣстомъ для военныхъ дѣйствій, и почвой для многихъ поэтическихъ произведеній. На этотъ разъ и я соблазняюсь этимъ великолѣпнымъ уголкомъ Россіи, уголкомъ гдѣ Казбекъ

..... какъ грань алмаза
Снѣгами вѣчными сіялъ,

и сіяетъ по сю пору.

И такъ—дѣйствіе поэмы на Кавказѣ. Краски самыя яркія, картины самыя роскошныя.

Герой поэмы нѣчто среднее между Печоринымъ, Хаджи-Абрекомъ и Максимомъ Максимовичемъ. Элементы и свойства этихъ старинныхъ кавказцевъ нужно соединить въ одну личность. Не мѣшаетъ этой личности придать еще лесбосскія наклонности «Фрины» Вс. Крестовскаго. Надъ такимъ типомъ художнику можно поработать.

Герой нашъ—назовемъ его хоть Бартинъ-бей—старъ и сладострастенъ какъ Мазепа, и богатъ какъ Монте-Кристо. Горцы трепещутъ его гнѣва и воздаютъ ему чуть не божескія почести. Восточная роскошь и великолѣпіе окружаютъ Бартинъ-бея. На его праздники не можетъ не явится ни одинъ горецъ безъ семьи своей. Характеръ этихъ-то праздниковъ и составляетъ задачу поэмы. Эти праздники всегда кончаются тѣмъ, что гости должны непремѣнно принести драгоцѣнную жертву страшному хозяину. Каждый изъ гостей знаетъ, что этой жертвой должна быть или жена, или сестра, или невѣста, и съ трепетомъ ждетъ рокового торжества. Праздники такіе бываютъ довольно часто, и поэтъ долженъ выбрать одинъ изъ нихъ самый характерный.

Жилище Бартинъ-бея сіяетъ огнями. Кругомъ восточные ковры и благоуханія цвѣтовъ. На мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, въ драгоцѣнныхъ тканяхъ, сидитъ Бартинъ-бей, принимаетъ гостей своихъ и жадно впивается глазами въ группы стройныхъ красавицъ-черкешенокъ. Близъ него стоитъ аматеръ и любитель «полудикихъ женщинъ» Я. П. Полонскій; во взорѣ его горитъ искра Прометея, уста напѣваютъ кавказкую мелодію. Красивые, одинаково одѣтые мальчики разносятъ гостямъ шербетъ, плоды и лакомства. Мужчины лю-

буются оружіемъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ. Но вотъ Бартинъ-бей дѣлаетъ знакъ рукою и невидимая музыка начинаетъ играть лезгинку. Одна за другой выходитъ красавица съ бубномъ, и отбросивъ чарду, пускается въ соблазнительный восточный танецъ. Глаза хозяина горятъ, какъ у тигра: онъ выбираетъ себѣ жертву.

Гости знаютъ это и съ трепетомъ ждутъ, на комъ наконецъ остановится взглядъ ихъ повелителя.

Вотъ изъ круга выходитъ черкешенка, имя ей Лайда; она начинаетъ свою пляску. Пляска ея очаровываетъ; она

То быстро станъ свой разовьетъ,
То вдругъ наклонится немножно,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка.

Бартинъ-бей, какъ ужаленый, вскакиваетъ съ своего мѣста.

— Кто она? громко спрашиваетъ онъ.

— Моя невѣста! мрачно отвѣчаетъ молодой горецъ, выходя впередъ. Голосъ его дрожитъ, рука ищетъ кинжала.

— Прочь съ глазъ моихъ! гнѣвно вскрикиваетъ Бартинъ-бей. Кто эта женщина? повторяетъ онъ опять.

Передъ нимъ выходитъ старикъ съ длинной сѣдой бородою. Онъ блѣденъ и голова его опущена.

— Это моя дочь, отвѣчаетъ онъ, единственная моя дочь Лайда.... Пощади ее, Бартинъ-бей, позволь....

— Довольно! Узнай теперь свое счастіе:

Пока надъ нашею станицей
Лежитъ недвижимая ночь,
Пока испуганный денницей
Не отшатнулся сумракъ прочь,
Старикъ! не гостьей, а царицей
Мы будемъ чествовать сторицей
Твою единственную дочь.
А завтра вновь отдамъ тебѣ я —
Твою красавицу!... Со мной
Садись же, Лайда, не робѣя:
Повѣрь—въ жилищѣ Бартинъ-бея
Ты будешь лучшею женой.
Теперь останься съ старцемъ сирымъ,

Смири мой жаръ, мою тоску,
Дай позабыться старику,
А завтра отправляйся съ миромъ,
Иди къ отцу и жениху.

И вотъ передъ новою четою раскрываются двери—и гости провожаютъ ихъ до «покоя жертвъ». Отецъ и женихъ покоряются своей участи. На другой день они съ радостью встрѣчаютъ и свою дочь, и свою невѣсту. Поэтъ не долженъ оканчивать поэмы какой-нибудь бей-булатовской мѣстью: это уже очень обыкновенно. Поэма будетъ оригинальнѣе, если окончится безъ всякаго кроваваго финала; поэтъ не долженъ забывать, что такіе праздники для Бартинъ-бея очень обыкновенны и что «покой жертвъ» не разъ бывалъ свидѣтелемъ старческихъ развлеченій своего героя. Сюжетъ, какъ видите, очень лакомый для охотника.

СЮЖЕТЪ ВТОРОЙ.

(*для физіологическаго очерка*).

Онъ былъ молодъ, богатъ и глупъ; этого было достаточно для счастливаго существованія. Золото замѣняло для него здравый смыслъ. Генеалогическое чванство замѣняло чувство собственнаго достоинства. Онъ былъ не то русскій, не то парижанинъ: въ Петербургѣ онъ желалъ играть роль парижскаго аристократа; въ Парижѣ торопился всюду показать въ себѣ щедраго, избалованнаго русскаго барича. Презирая искусство, онъ въ то же время не рѣшался выказать это презрѣніе, но корчилъ знатока и аматера. Невѣжда въ музыкѣ и литературѣ, онъ былъ не прочь прослыть литераторомъ и артистомъ, и для этого нанималъ въ Парижѣ разныхъ бѣдняковъ, которые подъ его именемъ писали разныя литературныя и музыкальныя брошюры. Избалованный, прихотливый аристократъ не прочь былъ иногда отъ мелкой и грязной продѣлки Расплюева.

У барона или лорда—онъ непремѣнно или лордъ или баронъ—есть страстишка къ разнымъ знакамъ отличія. Въ бытность свою за гра-

ницей, ему во что бы то ни было, захотѣлось сдѣлаться владѣтелемъ какого-нибудь знака отличія. Но какъ это сдѣлать? получить его съ бою, по заслугѣ—барону и въ голову не приходило, оставалось одно средство: купить такой орденъ. Купить такъ купить: благо что папаша денегъ много оставилъ въ наслѣдство. Едва только въ баронскихъ мозгахъ поселилось такое желаніе, какъ передъ нимъ словно изъ земли выросъ какой-то услужливый аферистъ и предложилъ ему купить у него великолѣпный орденъ съ самыми соблазнительными украшеніями. У барона глаза загорѣлись. Аферистъ въ доказательство своихъ правъ на орденъ показываетъ ему патентъ.—Я продаю и патентъ, и орденъ—хотите получить? Баронъ начинаетъ торговаться и наконецъ за нѣсколько тысячь франковъ покупаетъ это сокровище. Получивъ деньги, аферистъ исчезаетъ. Черезъ нѣсколько дней тупоумный баронъ узнаетъ, что орденъ, купленный имъ, фальшивый, а потому не имѣетъ никакого значенія. Баронъ въ негодованіи; его утѣшила только слѣдующая мысль: если меня надули, то и я долженъ теперь надуть кого-нибудь другого. Случай надуть ближняго не заставилъ себя ждать.

Баронъ въ Парижѣ. Задумавъ сдѣлать какую-то необыкновенную ливрею для гайдуковъ своихъ, онъ приглашаетъ къ себѣ одного изъ лучшихъ парижскихъ портныхъ и объясняетъ ему свое желаніе.

— Что будетъ стоить такая ливрея.

Портной заломилъ довольно крупную цѣну. Баронъ согласился безъ спору, но умыселъ другой тутъ былъ... Онъ просилъ портного сдѣлать прежде всего подробные рисунки этихъ ливрей и принести къ нему на разсмотрѣніе. Портной уходитъ и черезъ недѣлю баронъ получаетъ ожидаемые рисунки. Получивъ ихъ, онъ посылаетъ за другимъ портнымъ—дешевымъ, и поручаетъ ему по этимъ рисункамъ сдѣлать ему ливрею. Когда авторъ рисунковъ является къ нему за отвѣтомъ, то онъ отвѣчаетъ ему прямо:

— Я раздумалъ дѣлать ливрею: она мнѣ теперь не нужна.

— Но мои рисунки? Вѣдь я ихъ дѣлалъ по вашей же просьбѣ.

— Что жъ? возьмите эти рисунки назадъ—мнѣ ихъ не надо...

Взбѣшенный портной подалъ на борона жалобу и послѣдняго приговорили къ довольно значительному штрафу. Но дѣло тутъ не въ штрафѣ—а въ обманѣ.

— А все-таки я надулъ его славно! думаетъ юный Расплюевъ, у котораго въ рукахъ милльоны.

Вотъ и всей сказкѣ конецъ. Слава Богу, что это только сказка, мечта разгоряченнаго воображенія. Я даю только тему для повѣсти или для пѣсенки въ такомъ родѣ:

Независимъ, знатенъ, молодъ,
Я тучнѣю день отъ дня;
Жизни холодъ, жизни молотъ
Бьетъ другихъ, но не меня.
Миръ оборванныхъ тулуповъ
Оскорбитъ мой слухъ и взглядъ,
Я богатъ, какъ самъ Юсуповъ,
Я какъ Кокоревъ богатъ.
Пусть кричатъ мальчишки разомъ:
«Онъ и простъ, и недалекъ»!
Ma foi! зачѣмъ мнѣ разумъ
Если полонъ кошелекъ!

Пусть умомъ я многихъ ниже,
Пусть глупцомъ меня зовутъ,
Но въ любомъ *кафе* въ Парижѣ
Предо мной всѣ спину гнутъ,
Пусть я мелокъ для иного,
Пусть свой гнѣвъ не затая,
Врагъ мой скажетъ, что портного
Обманулъ когда-то я.
Что жъ! на жизнь мы смотримъ разно.
Не великая гроза:
Ma foi! бранятъ заглазно,
Кто жъ бранитъ меня въ глаза?

Умъ — лишь нищаго забота;
Бѣдность — глупость есть сама,
А богатство идіота
Выше всякаго ума.
Деньги нравы размягчаютъ,
Тѣмъ я правъ — что я богатъ:
Глупость выкину — прощаютъ.
Пошлость сдѣлаю — молчатъ.
Сплутовалъ я съ адвокатомъ,
Тянутъ въ судъ... что за бѣда!
Ma foi! Вѣдь виноватымъ
Я не выйду изъ суда.

СЮЖЕТЪ ТРЕТІЙ.

(*Для нравоучительной комедіи*).

(Весна. Дѣйствіе происходитъ въ воксалѣ Крестовскаго острова. Съ одной стороны воксала играетъ оркестръ военной музыки, съ другой—поетъ хоръ русскихъ пѣсенниковъ. Въ самомъ воксалѣ на возвышеніи сидятъ арфистки. Публика наполняетъ садъ и воксалъ).

(Къ воротамъ сада подъѣзжаетъ коляска, изъ которой выходятъ *Петя Счастливцевъ* (*князь*) и *Ваня—Приживалкинъ*, пріятель Счастливцева,—одѣты по послѣдней модѣ. Оба входятъ въ воксалъ).

Ваня Приживалкинъ.

Я тебѣ говорилъ, Петя, что здѣсь кабакъ, и что людямъ нашей среды сюда даже неприлично заглядывать. Вонь... копоть... какія-то темныя рожи... Прошу тебя, уѣдемъ отсюда,—что за эксцентричность на тебя напала!..

Петя Счастливцевъ.

Ба! кабакъ! что за бѣда! я хочу быть на этотъ разъ циникомъ, демократомъ. Помнишь пѣсенку:

(*напѣваетъ*)

Il faudrait un garçon qui gagne,
Un beau compagnon qui dirait:
Je vais emmener en campagne
La fille du cabaret...

Эй! garçon! мальчикъ! человѣкъ! (*Садятся за столъ; лакей подбѣгаетъ*).

Бутылку клико и порцію горячихъ... поцѣлуевъ... Понимаешь? (*Лакей ухмыляется*)

Нельзя? такъ подай шампанскаго, да смотри—настоящаго, а не то на голову вылью. Живо!..

Ваня Приживалкинъ.

Я до сихъ поръ не могу помириться съ твоей фантазіей—пріѣхать въ эту харчевню... Чортъ знаетъ, какая мерзость!..

Петя Счастливцевъ.

Mon cher, не ханжи, и вспомни, что мы живемъ въ тотъ вѣкъ... какъ бишь нынче пишутъ въ журналахъ... однимъ словомъ вспомни, что мы съ тобой пьяны и пріѣхали сюда пить и наблюдать...

(*Подаютъ шампанское и разливаютъ въ стаканы. Друзья пьютъ и громко смѣются надъ проходящими. По временамъ слышны крики: «человѣкъ! шампанскаго»!*)

Ваня Приживалкинъ (*указывая на одного проходившаго господина въ сѣрой шляпѣ*).

Посмотри, какая рожа!

Петя Счастливцевъ. (*останавливая сѣрую шляпу за рукавъ*).

Послушайте: какъ ваша фамилія? Ха, ха!.. (*Сѣрая шляпа пожимая плечами отходитъ*). Посмотри, посмотри, какая хорошенькая! чудо! (*Къ столу буфета подходитъ молодой человѣкъ, скромно одѣтый, и дама лѣтъ 20-ти, въ черномъ платьѣ и сѣрой шляпкѣ*).

Ваня Приживалкинъ.

Да, не дурна...

Петя Счастливцевъ.

Я всегда говорилъ, что въ темномъ мірѣ нашего чиновничества попадаются прелестныя женщины. (*Подходитъ къ молодому человѣку*

и обращается къ его спутницѣ) Хотите, угощу шампанскимъ? Бросьте вашего юношу и садитесь съ нами.

Молодой человѣкъ.

Милостивый государь, это моя сестра,—не забывайтесь...

Петя Счастливцевъ.

Мальчишка, прочь!—не съ тобой говорятъ... (*Хочетъ взять даму за талію*). Прелестное созданіе! охота вамъ ходить съ такимъ медвѣдемъ...

Молодой человѣкъ. (*въ негодованіи*).

Негодяй! какъ ты смѣешь оскорблять честныхъ женщинъ...

Петя Счастливцевъ.

Ахъ, ты! (*ударяетъ молодого человѣка хлыстомъ; послѣдній хочетъ на него броситься, но буфетчикъ и прислуга его схватываютъ*).

Молодой человѣкъ.

Пустите меня къ нему... я оскорбленъ...

Буфетчикъ.

Не извольте безпокоиться... уйдите отсюда... это ихъ сіятельство князь Счастливцевъ... Пойдемте...

(*Молодого человѣка уводятъ насильно. Кругомъ собралась публика и громко ропщетъ на поступокъ Пети Счастливцева*).

Первый нѣмецъ.

Wie garstig ist dies!..

Второй нѣмецъ.

Das ist abscheulich!..

Господинъ въ сѣрой шляпѣ.

Эдакъ, пожалуй, каждаго изъ насъ можно прибить.

Господинъ въ очкахъ.

Этихъ буяновъ нужно вывести отсюда.

(*Толпа кругомъ прибываетъ и ропотъ растетъ*).

Ваня Приживалкинъ (*тихо*).

Ну, Петя, плохо; надо отсюда улизнуть какъ-нибудь.

Петя Счастливцевъ (*тихо*).

Не бойся: выручу! (*громко*). Буфетчикъ!

Буфетчикъ.

Что вамъ угодно, ваше сіятельство!

Петя Счастливцевъ (*вынимая изъ кармана часы, говоритъ очень громко*).

Вотъ часы: теперь половина девятаго. Даю вамъ ровно полчаса: во все это время откройте вашъ буфетъ для публики *на мой счетъ*; пусть всякій требуетъ, что хочетъ — вина, шампанскаго, все на мой счетъ — я плачу за всѣхъ... я всѣхъ угощаю...

Буфетчикъ (*почтительно кланяясь, уходитъ*).

Слушаю, ваше сіятельство.

(*Выраженіе лицъ публики перемѣнилось. Толпа хлынула къ буфету и ея требованія едва успѣваютъ исполнять*).

Первый нѣмецъ (*пьетъ рюмку коньяку*).

Dies macht mir das grösste Vergnügen...

Второй нѣмецъ (*пьетъ стаканъ лафиту*).

Ich bin sehr froh darüber...

Господинъ въ сѣрой шляпѣ (*господину въ очкахъ*).

Что жъ, выпить намъ что-ли по стаканчику хереску?

Господинъ въ очкахъ.

Можно! благо что люди хорошіе угощаютъ (*подходятъ оба къ буфету и пьютъ*).

Ваня Приживалкинъ.

Браво, Петя, дѣйствительно выручилъ... человѣкъ, бутылку шампанскаго!

(*Садятся и пьютъ. Бьетъ девять часовъ*).

Петя Счастливцевъ.

Буфетчикъ! Полчаса пробило?

Буфетчикъ.

Сію минуту только, ваше сія...

Петя Счастливцевъ.

Ну, теперь заприте буфетъ; довольно: пусть всякій угощается опять на свои деньги. А мнѣ подайте счетъ... Ваня — пора намъ и домой — поѣдемъ къ Бертѣ, и тамъ —

Морфей до утра дастъ отраду
Моей восторженной любви...

Все это фантазіи, все сны одни, но

Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе...

Недавно удалось мнѣ прочесть одну печальную исторію съ живыми людьми, съ живыми героями. Это уже не фантастическая сказка; читая исторію этихъ героевъ, мы —

Въ одномъ узнали — Бенардаки,
Въ другомъ Тимчинскаго — купца.

Не стану передавать въ подробности эту исторію — передамъ только ея сущность. Купецъ Феофанъ Тимчинскій около сорока лѣтъ владѣлъ доходной мельницей близъ Одессы и владѣлъ бы ею до сей минуты, если бы судьба не послала ему въ сосѣди Дмитрія Бенардаки, въ залѣ котораго петербургская публика бываетъ часто на разныхъ благотворительныхъ концертахъ и литературныхъ чтеніяхъ. Неудобство этого сосѣдства г. Тимчинскій почувствовалъ скоро. Въ одно прекрасное утро управляющій Дм. Бенардаки, г. Добровольскій очень остроумно разсудилъ, что близость чужой мельницы къ ихъ имѣнію очень вредитъ ихъ собственнымъ дѣламъ. Встрѣтивъ такой узелъ, управляющій поспѣшилъ по-александровски разрубить его, сдѣлавъ такое распоряженіе: послалъ къ чужой мельницѣ сорокъ человѣкъ рабочихъ, которые разобрали и уничтожили каменную часть, удерживающую воду. Ходъ мельницы слѣдовательно былъ нарушенъ и цѣль управляющаго достигнута. Когда братъ Ф. Тимчинскаго узналъ объ этомъ и сталъ выражать свое негодованіе противъ такого днезного разбоя, то его сбили съ ногъ, связали руки, вынули изъ кармана деньги и по распоряженію все того же находчиваго управляющаго посадили въ тюрьму. Разоренная, ограбленная семья его осталась безъ куска хлѣба. Феофанъ Тимчинскій пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ, обращался съ просьбой къ Бенардаки-отцу и къ Бенардаки-сыну, но не получилъ ровно никакого удовлетворенія: и тотъ и другой выгнали его отъ себя.

Нѣтъ, это не мечта! сказалъ бы Собакевичъ.

Когда я прочелъ эту исторію, то долго не могъ заснуть, но наконецъ природа взяла-таки свое: я уснулъ—и увидѣлъ даннстый сонъ.

Снамъ своимъ я придаю большое значеніе, потому что они по большей части бываютъ всегда пророческіе. Не знаю, на сколько сбылась первая половина моего сна (объ этомъ я жду отвѣта отъ москвичей), но вторая сбылась положительно.

И такъ я видѣлъ сонъ. Онъ перенесъ меня въ Москву на философскую лекцію профессора Юркевича. Онъ стоялъ на каѳедрѣ и говорилъ объ *объектированной сущности разсудка* и о *распаденіи человѣка съ собственною своею сущностью*. Я оглянулся кру-

гомъ и былъ пораженъ: зала была совершенно пуста и въ ней находился только *одинъ* слушатель. Онъ былъ съ бородой и въ длинномъ русскомъ кафтанѣ: славянофилъ! подумалъ я.

Не видя меня, профессоръ, обращаясь къ единственному своему слушателю, долго и жарко говорилъ и о Бюхнерѣ, и объ интеллигенціи, и объ анонимныхъ письмахъ... Потъ струями катился съ чела его...

Наконецъ, обращаясь къ своему слушателю, г. Юркевичъ сказалъ:

— Вѣроятно вы позволите мнѣ на пять минутъ выдти изъ залы— я сейчасъ ворочусь и буду продолжать лекцію.

Слушатель кивнулъ головою,—профессоръ вышелъ.

Я обратился къ слушателю съ вопросомъ о лекціи. Каково же было мое удивленіе, когда я въ слушателѣ узналъ городского извощика, который сказалъ мнѣ о профессорѣ:

— Я вотъ ихъ милость привезъ отъ Николы-мокраго, такъ и дожидаюсь, когда назадъ поѣдетъ....

Сонъ, нелѣпый сонъ... но вдругъ вмѣсто этого импровизированнаго слушателя предо мною лицомъ-къ-лицу очутился А. А. Краевскій. Я видѣлъ его такъ явственно, такъ живо, что даже не хотѣлъ вѣрить, что это не наяву, но я тотчасъ увѣрился, что это сонъ, потому что Андрей Александровичъ началъ говорить длинный спичъ: наяву Андрей Александровичъ спичей никогда не говоритъ, а полагается больше на выраженіе своего лица, которое краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ спичей на свѣтѣ... Но во снѣ спичъ его былъ очень хорошъ, горячъ и оригиналенъ... Онъ блестящимъ образомъ защищалъ г. Бенардаки отъ нападковъ одесскаго купца Феофана Тимчинскаго, и доказывалъ, что послѣдній вовсе не имѣлъ права оскорбляться за своего брата, когда послѣдняго избили, связали ему руки, отняли у него деньги и засадили въ тюрьму.

— «Люди простосердечные и наивные всѣ личныя обиды должны выносить безъ волненія и жалобы»—говорилъ въ своемъ спичѣ Андрей Александровичъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ этого спича, я проснулся. Едва я успѣлъ протереть глаза, какъ мнѣ подали въ руки № 108 газеты «Голосъ» и мой взоръ вдругъ упалъ на слѣдующія знаменательныя строки органа А. Краевскаго. Слушайте: «Я нахожу, что самое спокойствіе, съ которымъ нѣкоторые люди утираются, когда кто изъ высшихъ плюнетъ имъ въ физіономію, *нельзя объяснять*

скотообразіемъ душъ ихъ, но тутъ есть и смиреніе, и сметливость, даже *много здраваго смысла* (?!) и наконецъ (*этого только недоставало*!) *невинности и простосердечія* (?).

Статья эта безъ подписи, а извѣстно, что всѣ статьи неподписанныя выходятъ изъ нѣдръ самой редакціи... Теперь припомните мой сонъ и подивитесь его пророчеству, а главное, убѣдитесь въ томъ, какъ клеветали всегда на А. А. Краевскаго всѣ враги его, увѣряя, что онъ никакихъ новыхъ мыслей никогда не высказывалъ. Помилуйте, что можетъ быть новѣе этой мысли, что *умный*, *невинный* и *простосердечный* человѣкъ съ удовольствіемъ позволитъ наплевать себѣ въ лицо и только съ благоговѣніемъ оботрется.

О, юноши! всюду спасетъ васъ отъ бѣдъ
Андрея Краевскаго добрый совѣтъ.

* * *

Бегите въ редакцію «Голоса» разомъ —
Онъ мудрою рѣчью наводитъ на разумъ.

* * *

Есть домъ на Литейной, съ подъѣздомъ большимъ,
Съ швейцаромъ, подъ номеромъ тридцать восьмымъ,

* * *

И тамъ, корректуру свѣряя въ газетѣ,
Андрей Александрычъ сидитъ въ кабинетѣ.

* * *

Просите—онъ просьбѣ откажетъ едва ль,
И новую вамъ прочитаетъ мораль,

* * *

О томъ, чтобъ властямъ придержащимъ, сердитымъ
Дозволили бить вы себя по ланитамъ,

* * *

А если начальникъ вамъ плюнетъ въ лицо —
Вы молча бъ утерлись, согнувшись въ кольцо.

Многіе мои провинціальные читатели сердятся на меня за то, что я забылъ ихъ, что я давно уже не дѣлалъ своихъ прогулокъ по провинціяльнымъ степямъ и захолустьямъ. И подѣломъ мнѣ за то... На этотъ разъ спѣшу поправить свою ошибку, бѣгу вонъ изъ Петербурга и буду странствовать по разнымъ губернскимъ міркамъ. Такая прогулка теперь тѣмъ болѣе кстати, что Петербургъ день ото дня пустѣетъ и его обитатели бѣгутъ изъ него безъ оглядки; даже члены комитета литературнаго фонда покидаютъ его на весь лѣтній сезонъ «для отдыха и лѣни праздной».

Въ провинцію, господа, въ провинцію!...

Что насъ ожидаетъ въ провинціи лѣтомъ? — Охота? облава? травля? — Такъ, совершенно справедливо, но какая охота? Теперь въ провинціяхъ занимаются охотой не за дупелями, не по красному звѣрю, но новой травлей корреспондентовъ разныхъ петербургскихъ и московскихъ газетъ. Травля эта сдѣлалась общеупотребительною и ея избѣгаютъ рѣдко и правый, и виноватый. Провинціалы—народъ проницательный — и корреспондента узнаютъ по самымъ незамѣтнымъ примѣтамъ. Если вы умѣете грамотно написать пять строкъ — значитъ вы корреспондентъ; кто не носитъ перчатокъ— корреспондентъ; газеты читаетъ—корреспондентъ... Увѣрившись по этимъ признакамъ—что злѣйшій врагъ ихъ найденъ — они его не оставляютъ въ покоѣ: начинается преслѣдованіе, начинается травля...

Вотъ напримѣръ, что случилось съ однимъ изъ уѣздныхъ корреспондентовъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Напечаталъ онъ замѣтку о купечествѣ своего городка, замѣтку, какъ видно, не очень лестную для купечества. И вотъ городской голова поднимаетъ на ноги всю думу и предлагаетъ составить приговоръ о нежеланіи общества имѣть бѣднаго корреспондента приходскимъ учителемъ. Причину для этого нашелъ, разумѣется, уважительную—неуспѣшность учениковъ въ училищѣ. Хотя многіе не соглашались на это изгнаніе, но приговоръ все-таки состоялся...

Вотъ что значитъ оскорбить и нарушить для провинціала его любимую, нелѣпую пословицу: «не выноси изъ избы сору»... Хороша значитъ изба, въ которой этотъ соръ и грязь цѣлые годы лежитъ въ цѣломудренномъ, нетронутомъ своемъ безобразіи.

Повѣрья дряхлаго рабы!
Ихъ старый мозгъ не переноситъ,

Лишь кто-нибудь изъ ихъ пзбы
Соръ выметаетъ и выноситъ.

Мы знаемъ, что въ семьѣ четвероногихъ тоже есть одно животное, которое сочло бы за свою личную обиду, если бъ кто нибудь попросилъ его не лежать въ грязной лужѣ, а помѣститься въ другомъ мѣстѣ съ большимъ комфортомъ... Вкусы разные бываютъ...

А вотъ еще охота по корреспонденту. Г. Н. Пановъ въ С. П. Вѣд. помѣстилъ замѣтку о томъ, что въ г. Пензѣ полицейскіе рыцари и жандармы не пускали простой народъ въ соборъ 19-го февраля. «Высшее городское сословіе», какъ говоритъ г. Панковъ, встрѣтило такое замѣчаніе сильнымъ неудовольствіемъ, а начальство объявило безпокойному обличителю, что оно предастъ его уголовному суду. Кто же тутъ правъ? Разумѣется — «высшее городское сословіе»: пускать простой народъ въ соборъ дѣйствительно не слѣдовало, потому что и безъ него въ соборѣ тѣсно, а у пензенскихъ дамъ кринолины еще до сихъ поръ необъятные: каждый изъ нихъ занимаетъ ровно четыре квадратныхъ сажени. Жандармы люди свѣтскіе и знаютъ это хорошо: не даромъ же они стоятъ и наблюдаютъ у подъѣзда каждаго бала или спектакля. Корреспондентъ не хотѣлъ всего этого сообразить, а потому и подвергся травлѣ...

Корреспондентъ! во всемъ держись
Демократической рутины,
Но, замѣшались кринолины —
Въ аристократа превратись.

Благодаря рвенію и самопожертвованію провинціальныхъ корреспондентовъ, мы узнаемъ отъ нихъ часто такіе перлы изъ губернскихъ нравовъ, передъ которыми оробѣетъ всякое дерзкое воображеніе. Вотъ для образчика нѣсколько экземпляровъ нашихъ педагоговъ.

Экземпляръ первый. Въ Кіевскомъ телеграфѣ г. Люблинскій знакомитъ насъ съ однимъ замѣчательнымъ субъектомъ. Дѣло въ томъ, что—

Близъ Кіева, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ шумитъ, крутитъ,

Подъ сѣнью лозъ, во тьмѣ глубокой,
Одна гимназія стоитъ.

Въ этой гимназіи, находящейся въ кіевскомъ учебномъ округѣ, въ 140 верстахъ отъ самаго Кіева, въ низшихъ класахъ преподаетъ одинъ учитель нѣмецкаго языка. Сей ученый германецъ придумалъ для учениковъ особую систему наказанія, за оригинальность котораго смѣло можетъ требовать себѣ премію. Первая степень его наказанія заключается въ томъ, что *онъ ставитъ виноватаго на четвереньки* и заставляетъ его простоять такимъ образомъ цѣлый классъ...

Вѣроятно многіе мягкосердные люди найдутъ это наказаніе жестокимъ, но они сильно ошибутся. Я случайнымъ образомъ открылъ, что такой способъ слушанія лекцій предохраняетъ юношу отъ одного страшнаго недуга, не говоря уже о томъ, что пріучаетъ ученика къ граціознымъ движеніямъ. Я докажу это, сославшись на знаменитую, но къ сожалѣнію мало извѣстную книгу Александра Смирнова. А. Смирновъ издалъ не такъ давно свои сочиненія въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: «*Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки*, въ которыхъ

На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта.

Среди множества замѣчательныхъ замѣтокъ у него есть одна, которая совершенно доказываетъ пользу наказанія, придуманнаго кіевскимъ педагогомъ. Вотъ что говоритъ А. Смирновъ:

«Извѣстно, что животныя не страдаютъ геморроемъ. Это потому, что они ходятъ на четверенькахъ. Геморрой—привелегія гордаго человѣка, возносящаго главу къ небу. Но я видѣлъ одну собачку, сильно страдавшую геморроидальными припадками. Собачка эта принадлежала комедіанту, у котораго она безпрестанно ходила и плясала на заднихъ лапахъ. Ясно, слѣдовательно, что положеніе на четверенькахъ есть средство, противодѣйствующее геморрою. Отсюда *легкое движеніе на четверенькахъ должно быть введено въ число гимнастическихъ упражненій для противодѣйствія и предупрежденія геморроя*».

Нѣтъ сомнѣнія теперь, что кіевскій педагогъ, начитавшись книги Смирнова, вздумалъ теорію его приложить къ дѣлу и наказаніе сое-

динилъ съ гимнастикой противъ геморроя. О, хитрый, изобрѣтательный нѣмецъ!

Систему новую построя,
Учениковъ своихъ за разъ
Онъ лечитъ вдругъ—отъ геморроя,
Отъ школьной лѣни и проказъ.
О, педагоги! отъ потачки
Лѣнтяевъ всѣхъ—избавь васъ рокъ,
Но ихъ всегда на долгій срокъ
Вы ставьте въ классѣ на карачки.

Для утѣшнаго хода наукъ нѣмецъ употреблялъ однако не одну только эту мѣру. Иногда онъ вооружался линейкой и наставлялъ ею воспитанниковъ, а иногда провинившагося ученика заставлялъ ложиться подъ кафедру, а самъ топталъ и колотилъ его ногами (это дѣлалось, вѣроятно, уже для собственной гимнастики педагога). Неистовство хищнаго нѣмца довело его недавно до слѣдующаго случая: Одинъ ученикъ сдѣлалъ какую-то незначительную, дѣтскую шалость; педагогъ схватилъ его за ухо—и такъ сильно рванулъ его—что оторвалъ ухо больше, чѣмъ до половины. Лицо и платье ребенка покрылось въ одно мгновеніе кровью. Изъ опасенія мести со стороны учителя—онъ не рѣшился пожаловаться на него директору—и такое звѣрство осталось безъ всякаго наказанія.

Вотъ вамъ и начало второго тысячелѣтія!..

Педагогъ-экземпляръ второй. Этотъ уже не просто педагогъ, но покровитель сиротъ въ какомъ-то сиротскомъ заведеніи, въ которомъ онъ занимаетъ мѣсто директора. Чтобъ обрисовать этого «покровителя», довольно разсказать одну его прогулку по камерѣ заведенія. Идетъ онъ и видитъ на полу стружки. Мимоходомъ наказавъ за это дежурнаго гувернера трехдневнымъ арестомъ, онъ отправляется дальше. Навстрѣчу ему попадается воспитанникъ лѣтъ одиннадцати, у котораго въ рукахъ была палка. Этого было достаточно для развлеченія «покровителя». Онъ схватываетъ ребенка, сжимаетъ его между ногъ своихъ и начинаетъ колотить его палкой; палка не выдержала и сломалась. Тогда директоръ сталъ развлекаться уже собственной своей и, нарвавъ мальчику до крови уши, такъ и звякнулъ его, чтобъ тотъ разбилъ себѣ голову. Но этимъ еще дѣло не кончилось: мальчикъ былъ подвергнутъ официальному наказанію розгами. Истязаніе это

было до того возмутительно, что присутствовавшій при сѣченіи мальчика солдатъ просилъ уволить его отъ службы въ этомъ сиротскомъ заведеніи.

У этого директора (желательно бы знать, не ходитъ ли этотъ директоръ на четверенькахъ?) существуетъ такое правило: «Если ребенокъ въ заведеніи запачкаетъ или разорветъ платье, то подвергается сѣченію, а затѣмъ съ него снимается разорванная вещь и онъ долженъ ходить безъ нея, хоть бы она была одной изъ необходимѣйшихъ принадлежностей костюма». Но вотъ педагогъ—*экземпляръ третій*—уже совсѣмъ въ другомъ родѣ и на первыхъ двухъ не похожій.

Исполненъ правды и добра
Онъ школу розогъ ненавидитъ;
Сегодня мягокъ, какъ вчера,
Онъ не обидитъ комара,
Но... человѣка онъ обидитъ.

Этотъ педагогъ тоже бывши начальникомъ учебнаго заведенія, дѣтей никогда не преслѣдуетъ, даже въ любви имъ объясняется. Наставникамъ, въ присутствіи учениковъ онъ говоритъ такую грозную рѣчь: «Я не потерплю ни отъ кого грубости; пусть никто не смѣетъ говорить ученикамъ «ты» или послать ему дурака. Я вашъ другъ и защитникъ, милыя дѣти: всякая непріятность, сдѣланная вамъ наставникомъ, учителемъ—для меня личная обида. Повторяю еще разъ: о всякомъ грубомъ обращеніи съ вами сейчасъ же *доносите* мнѣ, хоть бы то случилось во время урока; никого не спрашивайте, бѣгите ко мнѣ. Я съумѣю раздѣлаться съ виновнымъ. У меня и двери, и ворота, и форточки всегда отперты, — какъ разъ выпустимъ»...

Этотъ же самый *гуманный* начальникъ предлагалъ такую новую мѣру наставникамъ заведенія:

— «У насъ, господа, всего тридцать двѣ учебныя недѣли въ году: предметовъ, какъ я вижу по спискамъ, ровно столько же. Поэтому, не лучше ли для учащихся, чтобъ каждый предметъ читался не въ теченіе цѣлаго года, а по недѣлямъ, безъ перерыва: при этой методѣ вниманіе учениковъ не было бы отвлечено другими занятіями, да и педагогамъ легче»... Т. е. выходитъ

Прочитано и съ плечъ долой!..

Быть можетъ читатель, прочтя все это, воскликнетъ:

«Съ кого они портреты пишутъ?»
— О томъ наставниковъ спроси.
«Гдѣ разговоры эти слышатъ?»
— У насъ, на матушкѣ Руси.

— Какъ быстро мѣняются нравы! думалъ я, читая въ С. Пет. Вѣд. замѣтку нашего стараго знакомца Дмитрія Соболевскаго. Давно ли этотъ самый г. Соболевскій насмѣшилъ всю свою губернію не совсѣмъ грамотной статейкой, помѣщенной имъ въ Симбирскихъ Губер. Вѣдомостяхъ съ странными слухами о томъ, что въ Петербургѣ какіе-то турки ходятъ по улицѣ и среди бѣлаго дня рѣжутъ встрѣчныхъ-поперечныхъ. Давно ли этотъ самый г. Соболевскій, обиженный обличеніемъ темныхъ дѣлъ какого-то стряпчаго, въ родѣ Расплюева, написалъ убогій протестъ противъ одного невскаго обличителя. Какъ ни убогъ былъ этотъ протестъ, но я еще тогда, прочитавъ его, пророчески воскликнулъ, что скоро наступитъ то время, когда

Къ удивленью града невскаго
Заблеститъ какъ брилліантъ,
Господина Соболевскаго
Замѣчательный талантъ.

И вотъ предсказаніе мое начинаетъ понемногу сбываться: прежній врагъ обличенія сталъ самъ обличать зло и пороки. Паинька, г. Соболевскій...

Однако кромѣ шутокъ, г. Соболевскій сообщаетъ очень милый фактъ о дѣйствіяхъ «приволжской» полиціи. Посадивъ безъ всякой причины одну крестьянскую дѣвушку Анну Антоновну въ тюрьму, полиція переслала ее потомъ изъ губернскаго города въ уѣздный земскій судъ, сообщивъ мѣстному волостному правленію, чтобъ оно имѣло въ виду, что Анна Антоновна можетъ жить во всѣхъ городахъ россійской имперіи *кромѣ Симбирска*, ибо полиціи *извѣстно* что она занимается тайнымъ распутствомъ.

Вотъ до чего простирается заботливость губернской полиціи о нравственности города Симбирска. Желательно бы теперь знать, позволяетъ ли эта же самая полиція симбирскимъ гражданкамъ читать *испанскіе мотивы* Всеволода Крестовскаго? Неужели позволяетъ?

Говорятъ, разсѣянность встрѣчается большею частію между философами, учеными и вообще людьми кабинета...

Тому исторія примѣровъ тьму приводитъ.

Но попадается иногда разсѣянность и канцелярская—самая опасная и безчеловѣчная разсѣянность. «Народное Богатство» указываетъ на одинъ образчикъ такой забывчивости:

Старорусскаго уѣзда, деревни Язвищъ временно-обязанная крестьянка Матрена Дмитріева, за продержательство безъ вида у себя одного крестьянина, приговорена была уѣзднымъ судомъ къ наказанію сорока ударовъ розогъ. Въ 1861 г. земскій судъ это наказаніе исполнилъ съ аккуратностью, такъ что наказанная едва дотащилась до дому.—Въ октябрѣ 1862 г. она опять была приглашена въ 3 станъ, гдѣ ей прочли, что *за это же преступленіе она должна быть опять наказана.* Прочли и снова жестоко наказали. Наконецъ эта жертва канцелярско-философской разсѣянности услыхала, что приставъ стана смѣняется и она въ третій разъ ожидаетъ такого же сеанса. Каково должно быть ожиданіе? Странно только одно въ этихъ канцелярскихъ недоразумѣніяхъ: отчего это,—наказать человѣка нечаянно три раза за одну и ту же ошибку—можно, а вотъ совсѣмъ не наказать—никогда не забудутъ; такая разсѣянность не случается...

Вѣроятно многимъ, ѣздившимъ по Россіи, случалось думать о томъ: какую пользу приносятъ находящіяся на станціяхъ книги для записыванія жалобъ проѣзжающихъ? Книги эти всегда чисты, и никто своихъ жалобъ въ нихъ не излагаетъ, хотя жаловаться очень часто бываетъ причина. Почему это? Вопросъ этотъ разрѣшаетъ слѣ-

дующій случай. На камышинской станціи, саратовской губерніи — одинъ купецъ записалъ въ почтовую книгу жалобу на то, что съ него на двухъ станціяхъ взяли прогоны за 10 верстъ больше, чѣмъ слѣдовало. За этой жалобой слѣдовала резолюція чиновника, ревизовавшаго станцію.

Догадайтесь, что гласила эта резолюція? А вотъ что: «изъ всего этого видно, что купецъ (такой-то) характера непокойнаго, а потому сообщить объ этомъ тому обществу, къ которому онъ принадлежитъ».

Теперь мы видимъ какую пользу приносятъ эти станціонныя книги и жалобы въ нихъ помѣщаемыя!...

Вотъ еще два канцелярскихъ курьоза. Пояснять ихъ нечего — можно только хохотать надъ ними.

Въ С. Петер. Вѣдом. напечатанъ *«вызовъ къ полученію денегъ»* по слѣдующимъ случаямъ:

1) Въ 2-мъ станѣ петербургскаго уѣзда, по шлиссельбургскому тракту, въ конторѣ невской бумажной фабрики оставлены *похитителями* вещи, а именно: небольшой желѣзный ломъ, столярная отвертка, три отмычки, бумажный платокъ и пр. Эти вещи проданы. *Хозяева ихъ вызываются въ Спб. земскій судъ за полученіемъ денегъ!*

2) По зарѣчной сторонѣ, въ домѣ, принадлежащемъ казенному кирпичному заводу, проживалъ майоръ Иванъ Петровъ, который былъ *убитъ*, и въ квартирѣ его были найдены вещи, а именно: три долота, барочный желѣзный гвоздь и шерстяной шарфъ. Эти вещи проданы; *за деньгами* вызываются хозяева.

Что это: тупость или иронія?

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

II. **Внутреннія дѣла.**—Борьба за франкмасонское общество.—Направленіе французской литературы, принимаемое вслѣдствіе законовъ о прессѣ.—Графъ Кастелланъ—герой 2-го декабря.—Новый парижскій архіепископъ.—Бѣдствія рабочихъ классовъ въ провинціяхъ. — Частная благотворительность и духовенство—противъ нея—III. **Юридическая хроника.**—Процессъ по вопросу: могутъ ли женщины быть наборщиками въ типографіяхъ? Такъ называемый процессъ **пятидесяти.**—Процессъ мнимой отцеубійцы, г-жи Дуазъ. IV. **Клерикальныя извѣстія.**—Раздача индульгенцій и іезуитская пропаганда.

Домашняя лѣтопись.

Общественная самодѣятельность среди бездѣятельности; отчего у насъ нѣтъ людей способныхъ — оттого что мы — *народъ будущаго.* — Замѣтка изъ исторіи нашего законодательства. — Начало постоянныхъ законодательныхъ работъ.—Ихъ результаты. — Лиризмъ нашей эпохи — Централыность и частныя попытки.—Совѣщательность съ обществомъ по законодательной части.—Запросы чиновникамъ —Посторонніе проекты.— Литература.—Разрѣшеніе главныхъ вопросовъ.—Проекты для преобразованія судебной части.—Способъ ихъ составленія.—Элементы иностраннаго законодательства.—Практическая сторона дѣла.—Историческія записки. — Собраніе государственной канцеляріи и юристовъ.— Особая коммисія и ея обращеніе къ частнымъ лицамъ.—О раздѣленіи имперіи на судебные округи.—Руководительныя свѣденія по этой части. —Значеніе статистики и отчетовъ.— Могущія быть ошибки при развитіи «Основныхъ Положеній». — О совпадаемости административнаго раздѣленія имперіи съ судебнымъ.—Встрѣчающіяся при этомъ неудобства.—Судопроизводство должно требовать наименьшихъ денежныхъ издержекъ.

О казачествѣ.—Казакъ А. К. т...въ.

Дневникъ Темнаго человѣка.

Не всякая *благонамѣренность — благонамѣренна,* афоризмъ, подсказанный мнѣ опытомъ. — Сходство судьбы Темнаго человѣка съ участью короля Оттона. — Новый годъ и новое тысячелѣтіе. — Взглядъ назадъ на движеніе русскаго прогресса. — Гимнъ тысячелѣтію. — Ясные признаки нашего десятивѣковаго существованія. — Мѣсяцесловъ на 1863 годъ и его скептицизмъ. — Мертваго человѣка можно ли считать живымъ? — Греческій вопросъ на изнанку. — Образчики нигилизма во вкусѣ героя Мижуева. — Сѣверная Пчела и ея *внутренніе* собственные корреспонденты.—Эпилогъ къ роману «Отцы и Дѣти». — Кому помогли петербургскіе пожары? — Примѣръ наивной довѣрчивости.—Невозможный слухъ о «Занозѣ», мною блистательно опровергаемый. — Что новаго въ Петербургѣ? — Воспоминаніе о лѣтнихъ мѣсяцахъ и о посѣщеніи Петербурга Японскимъ посольствомъ. — Желчная эпиграмма, непопавшая въ цѣль. — Мода давить людей на улицѣ рысаками. — Петербургскіе танцовальные вечера и увеселенія. — *Пусть по ночамъ до денницы*—колыбельная пѣсня. — Безнравственность Петербурга и строгость Московскихъ нравовъ. — *Мужскіе* кадрили и танцы безъ женщинъ.—Нашествіе ежедневныхъ газетъ и мой новогодній сонъ.—Литературные слухи. — Въ театрѣ: на сценѣ и за кулисами.—Театральный комитетъ и его заслуги и услуги.—Легатовскіе драматурги и пѣшія и конныя представленія Александринскаго театра. — Драматическіе жеребцы и ихъ первый дебютъ.—Мои театральные стансы.—Гамлетъ на русской сценѣ въ новомъ переводѣ М. Загуляева.—Нѣчто о шалостяхъ «россійскаго общества любителей садоводства» —Пѣсня «*о полиціи въ сердцѣ*», посвящ. Н. Ф. Павлову.—Опытъ безцеремоннаго обращенія съ наукой.—Вѣсти изъ г. Симбирска. — Градоправитель «*Городка*» и нѣкоторыя его соображенія.—Борисоглѣбскій почтмейстеръ, какъ жертва суровой гласности.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

пейскихъ журналовъ, сочувствующихъ рабовладѣльцамъ.—Италія. Раттацци—довѣренный большинства палаты, партіи дѣйствія Людовика Наполеона и Виктора Еммануила.—Проектъ его относительно перенесенія итальянской революціи изъ Италіи въ Грецію и Венгрію.—Союзъ республиканизма съ роялизмомъ и имперіализмомъ.—Уничтоженіе плана Раттацци.—Обида, нанесенная народу, и скрѣпленіе дружбы двухъ монарховъ.—Крестовый походъ въ Римъ.—Тираннія, не нуждающаяся въ солдатахъ, и популярное правительство, принужденные для поддержанія своей популярности прибѣгнуть къ военной силѣ.—Торжество Раттацци и его паденіе. Что теперь дѣлаетъ Гарибальди?—Внутреннее положеніе Италіи.

Домашняя лѣтопись.

Чѣмъ интересуется наше общество? Общія свойства нашихъ журналовъ.—Говядина и телятина, какъ современные интересы петербургскаго населенія.—Причины общественнаго индиферентизма.—Взаимныя отношенія общества и литературы.—Время скандаловъ, какъ пища для нашихъ публицистовъ, миновало.—Отсутствіе общественыхъ интересовъ.—Неудачные опыты самодѣятельности нашего общества.—Мѣры о понужденіи общества къ самодѣятельности.—Проектъ положенія о новомъ городскомъ устройствѣ—Общественное мнѣніе и примѣры, доказывающіе его слабость.—Просвѣщеніе какъ якорь спасенія.—Вѣрно ли это? По нашему мнѣнію однимъ просвѣщеніемъ ничего нельзя сдѣлать.—Проектъ преобразованія земскихъ учрежденій.—Наше мнѣніе по этому предмету.—Проектъ преобразованія народныхъ училищъ.—Подробный разборъ этого проекта.—Исторія народнаго *обученія* въ Россіи.—Заключительные выводы изъ нея.—Основанія новаго проекта.—Системы для народнаго образованія во Франціи, Пруссіи и Англіи.—Сравненія нашей системы съ англійской.—Свободное открытіе училищъ и ограниченіе относительно лицъ, открывающихъ училища.—Отношеніе по этому предмоту общества и училищнаго совѣта.—Причины антипатіи народа къ грамотности.—Печальныя послѣдствія грамотности.—Недостатокъ образовательныхъ пособій въ народной литературѣ.—Плачъ помѣщиковъ о барщинѣ.—Объ условіяхъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ. Затрудненія.—Артели рабочихъ и подрядчики, какъ пособія для организаціи свободнаго труда. Возможность иниціативы въ этомъ дѣлѣ помѣщиковъ.—Польское дѣло.—Послѣднія извѣстія.—Лангевичъ и его циркуляръ.

Дневникъ Темнаго Человѣка

Слово къ потомкамъ.—Петербургъ и его физіологія.—Нѣсколько словъ о *водобоязни* съ петербургскаго общества водопроводовъ.—Подвиги *водяного* правленія.—«Сонъ въ руку».—Акціонерная пѣсня.—А. И. Кронъ и его предложеніе обществу.—Петербургскіе книгопродавцы и ихъ торговля.—Дюфуръ и его продѣлка.—Находчивый маклеръ.—Изгнаніе женщинъ изъ Петербургскаго университета.—Эпизодъ изъ жизни русскихъ студентовъ.—Аммосовъ, его статьи и печи.—Врачи-благотворители въ максимиліановской лечебницѣ.—Московскія сельско хозяйственныя бесѣды въ обществѣ сельскаго хозяйства.—*Бесѣдовать*—значитъ *молчать*.—«На Кузнецкомъ мосту»—Сцена изъ московскихъ нравовъ.—Дворянскіе и купеческіе выборы въ Москвѣ и ихъ курьеры.—Городской голова, запирающій выборныхъ подъ замокъ.—Наши новости.—Г. Стелловскій, остановившійся на *якорѣ*.—Новый замѣчательный талантъ въ журналѣ *Время*. Гг. Скарятинъ и Юматовъ, отказавшіеся отъ своего пола и вступившіе въ сестры милосердія. Лекціи профессора отъ розогъ и философіи г. Юркевича.—Пропажа вагона въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ.—Опыть сюжетовъ для произведеній будущихъ русскихъ писателей.—Вѣсти изъ провинціи.—Скромность провинціаловъ.—Волга и ея редакторъ.—Русскіе журналы предъ судомъ Черниговскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей.—Воронежскій прогрессъ и его уличные тореадоры.—Оренбургскіе киргизы во фракахъ и мундирахъ.—Странный случай самовозгаранія въ кассѣ Кронштадтскаго театра.—Какихъ крестьянъ можно считать *зажиточными?*

СОДЕРЖАНІЕ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

германскаго сейма.—Споръ въ этой странѣ между палатою депутатовъ и министерствомъ.—Выходки Бисмарка.—Онъ мѣняется ролями съ своимъ монархомъ.—Различие во взглядахъ на королевское достоинство между прусскимъ народомъ и его правителемъ. Противоположность между политикою австрійскою и прусскою.

Домашняя лѣтопись.

Состояніе нашей общественной дѣятельности въ послѣднее время.—Наклонность удовлетворяться.—Толки о войнѣ.—Польское возстаніе.—Политическая сторона польскаго вопроса и его національное значеніе.—Отношеніе Наполеона III къ польскому возстанію.—Освобожденіе дворовыхъ.—Несчастное положеніе ихъ при существованіи крѣпостного права.—Отказъ дворовымъ въ надѣлѣ земли.—Грустныя послѣдствія, которыя могутъ произойдти изъ этого отказа.—Разбой и грабежи вслѣдствіе голода въ Архангельской губерніи.—Голодъ въ губерніяхъ Вологодской и Пермской.—Бѣдствія работниковъ въ Оренбургской губерніи.—Причины этихъ бѣдствій.—Положеніе нашего рабочаго класса.—Кризисъ произведенный въ ихъ положеніи съ переходомъ на вольный трудъ.—Безсиліе филантропіи исправить соціальное зло.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Указъ правительствующему сенату отъ 17-го апрѣля. Несправедливость тѣлесныхъ наказаній.—Цѣль, которую должно имѣть въ виду всякое гуманное законодательство.—Зависимость числа преступленій отъ экономическаго быта общества.—Мнѣніе сотрудника газеты «Голосъ» о народномъ образованіи.—Неудачная ссылка его на Бѣкля.—Мнѣніе Бѣкля объ этомъ предметѣ.—Проектъ устава рязанскаго общества распространенія грамотности и образованія въ народѣ.—Сущность народнаго образованія въ Англіи.

Дневникъ темнаго человѣка.

Нашествіе нигилистовъ на русскую землю.—Свистуны на табачной фабрикѣ М. М. Достоевскаго.—Новый романъ, обидѣвшій публику.—Общество литературнаго фонда и его дѣла.—Канцелярская филантропія.—Члены благотворительнаго комитета не благотворящіе во время «лѣтняго сезона».—Могутъ ли люди болѣть и умирать лѣтомъ?—Московское общество любителей россійской словесности и его засѣданія.—Плачъ о старыхъ людяхъ.—Слово объ «отцахъ и дѣтяхъ» М. Лонгинова.—Философскія лекціи профессора Юркевича въ Москвѣ.—Исторія анонимнаго письма и острота московскаго философа.—«Старые знакомые» шутка-водевиль въ стихахъ.—Петербургскія новости.—Литературные вечера.—Промышленность новаго рода.—Проектъ чрезвычайнаго литературно-музыкальнаго вечера.

ОПЕЧАТКИ.

Въ мартовской книжкѣ, въ статьѣ: «Романическій эпизодъ изъ Русской исторіи» вкрались слѣдующія ошибки:

					Напечатано:	Надо читать:
Стран.	9	строк.	3	сверху:	въ дѣлѣ	видѣли.
—	10	—	10	снизу:	доставленія	достиженія.
—	15	—	7	снизу:	Инерію	Ингрію.
—	30	—	7	сверху:	Какъ мы уже говорили, выше тѣхъ же	Какъ мы уже говорили выше, такъ же
—	31	—	13	снизу:	Требованіе на этотъ разъ Маркиза въ Россіи	Пребываніе на этотъ разъ Маркиза въ Россіи

XVIII столѣтія А. Стоянова X. 1862 г. ц. 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. 25 к.

Курсъ международнаго права. Профессора Д. Каченовскаго, книга 1-я X. 1863 г. ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 коп.

Учебникъ уголовнаго права. Сост. В. Спасовичемъ, Томъ I, выпускъ 1-й, СПБ. 1863 г. ц. 85 к. съ пер. 1 р. 15 к.

Всеобщая исторія литературы Шерра перев. А. Пыпина. СПБ. 1863 г. ц. за все сочиненіе (три выпуска отъ 15 до 18 листовъ въ каждомъ) 3 р. съ пер. 4 р. (два выпуска выдаются).

Исторія французской литературы. Юліана Шмидта СПБ. 1863 г. ц. за полное сочиненіе (въ двухъ томахъ по 5 выпусковъ въ каждомъ) 4 р. съ пер. 5 р. (два выпуска выдаются).

Русская Христоматія съ примѣчаніями для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Сост. А. Фальковъ. Большой томъ въ 800 стр. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія XIX вѣка отъ временъ вѣнскаго конгресса Гервинуса перев. М. Антоновича СПБ. 1863 г. ц. по 75 к. за выпускъ съ пер. по 1 р. Издано 4 выпуска. Томъ I-й продается отдѣльно ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Сравнительное обозрѣніе силъ и богатствъ Европейскихъ Государствъ, соч. М. Блокка съ атласомъ изъ 13 Хромо-литографированныхъ Картъ. СПБ. 1863 г. ц. 2 р. 75 к съ пер. 4 р.

Основанія Паталогіи и Терапіи нервнаго тока. Наблюденія и замѣчанія Доктора Ѳ. Иноземцева. М. 1873 г. ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

Вѣчная жизнь. Публичныя чтенія Эрнеста Наваля, перев. Н. Сергіевскаго. М. 1863 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Соч. Инокентія Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго О. 1861 г. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. соч. Н. Рамазанова. Книга 1-я М. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Царство Польское Географическіе и статистическіе очерки съ раскрашенною картою. Спб. 1863 г. ц. 1. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

Три челобитныя. Справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ Д. Е. Кожанчиковымъ. СПБ. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1863 ГОДУ.

Трехлѣтнее изданіе «Книжнаго Вѣстника» убѣдило насъ, что онъ сдѣлался необходимостью для образованныхъ людей вполнѣ ознакомившихся съ цѣлью и направленіемъ журнала. Въ настоящее время, когда выходитъ такъ много книгъ и журналовъ, подобный органъ необходимъ. Онъ заявляетъ о всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгахъ и брошюрахъ, и вообще о замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературѣ и книжной торговлѣ; сообщаетъ краткій, точный и безпристрастный отзывъ не только о русскихъ, но и иностранныхъ книгахъ; передаетъ вѣрный смыслъ, духъ и направленіе журнальныхъ статей, обращающихъ на себя, въ какомъ нибудь отношеніи, особое вниманіе. Такимъ образомъ «Книжный Вѣстникъ» избавляетъ отъ труда слѣдить за всѣми журналами и объявленіями о книгахъ, и даетъ возможность читать статьи и пріобрѣтать книги только дѣйствительно замѣчательныя.

Участвовать, преимущественно, въ составленіи *рецензій* о книгахъ и въ *выборѣ замѣчательныхъ журнальныхъ статей*, съ изложеніемъ сущности ихъ, надѣемся, будутъ тѣ же лица, которыя приняли это на себя и въ настоящемъ году; а именно: *Д. В. Аверкіевъ*, *В. П. Безобразовъ*, *Ю. М. Богушевичъ*, *А. П. Вишняковъ*, *Г. Н. Геннади*, *Я. О. Ивановскій*, *Н. С. Лѣсковъ*, *О. В. Мильчевскій*, *В. И. Межовъ*, *П. А. Мулловъ*, *А. П. Пятковскій*, *А. К. Руммель*, *Ю. И. Симашко*, *П. Г. Славинскій*, *С. П. Славутинскій*, *Ф. Г. Толль*, *О. Н. Шилль*, *І. Т.* и *В. Шишкины*, *П. К. Щебальскій* и другіе. Наши постоянныя усилія будутъ клониться къ тому, чтобы довести журналъ до той степени значенія и полноты, которой желаютъ сочувствующіе нашему изданію.

Покорнѣйше просимъ гг. издателей, въ видахъ обоюдной пользы, присылать свои изданія *немедленно* по выходѣ въ редакцію, чтобы дѣлать о нихъ своевременныя заявленія. Мы съ своей стороны, кромѣ заявленія, готовы выполнять всѣ справедливыя требованія. Вообще редакція предлагаетъ посредничество между покупателями, книгопродавцами и издателями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ *С.-Петербургѣ,* при книжной торговлѣ *Сеньковскаго* и К°, а также въ Почтамтахъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна **въ годъ** за 24 номера: **2 руб. 50 к.**, съ пересылкою **3 р.; въ полгода 1 р. 40 к.**, съ пер. **1 р. 75 к.** Выписывающіе отъ насъ **книгъ** единовременно на сумму **25 руб.** получаютъ «Книжный Вѣстникъ» **безвозмездно;** подписавшіеся на «Книжный Вѣстникъ» до 1 марта 1863 г. получатъ, въ видѣ приложенія, **каталогъ** русскимъ книгамъ.

Редакторъ **И. Сеньковскій.**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

ДУМЫ И ПѢСНИ

Д. Д. МИНАЕВА

и

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(**ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА**).

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА.

Цѣна 60 к., съ пересылкою 85 к.